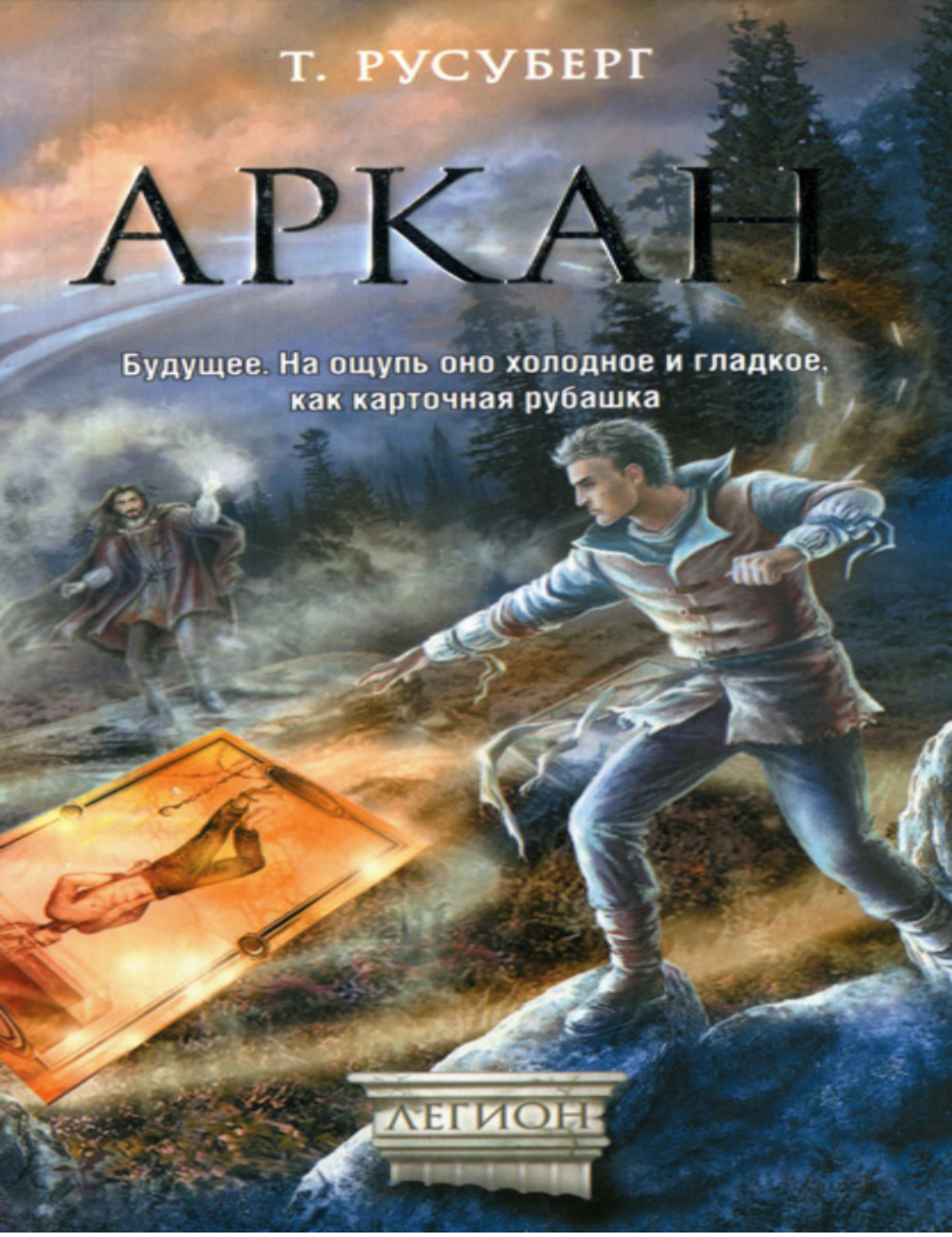
Т. РУСУБЕРГ

АРКАН

Будущее. На ощупь оно холодное и гладкое,
как карточная рубашка



ЛЕГИОН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Аркан — это колода карт. Магический артефакт, способный предсказывать судьбу, предостерегать и спасать. Но даже его помощи может быть недостаточно, чтобы найти брата и сестру, близнецов, которых Найд долгое время считал погибшими. Забывший собственное имя, потерявший семью и способность говорить, отказавшийся от своего дара… Теперь Найд уверен: пришло время вернуть себе всё. Даже если цена будет высока.

- Татьяна Русуберг
  - Пролог
  - Часть 1
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
    - Глава 11
    - Глава 12
  - Часть 2
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
    - Глава 11
    - Глава 12
  - Часть 3
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4

        - Глава 5
        - Глава 6
        - Глава 7
        - Глава 8
        - Глава 9
        - Глава 10
        - Глава 11
        - Глава 12
        - Глава 13
        - Глава 14
        - Глава 15
        - Глава 16
        - Глава 17
        - Глава 18
        - Глава 19
        - Глава 20
    - Эпилог
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26

- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30

Татьяна Русуберг
АРКАН

Пролог

Она была всюду — холодная, скользкая, плотная. Ела глаза, врывалась в нос и уши, заполняла каждую выемку в теле, которое уже считала своим. Он не успел набрать воздуху, прежде чем ушел под воду, и она тут же завладела разорванным в крике ртом. Он боролся, дергался в путах. Выкручивался до растяжения жил в облаке мутных пузырей, каждый из которых был его не сделанным вдохом. Мгновения растянулись вечностью стучащей в висках крови, выбивающей на барабанных перепонках одно последнее послание: жить. Жить! ЖИТЬ! Но толпа, собравшаяся посмотреть на его муки, ревела громче. Сме-ерть! Полотна тьмы поплыли перед глазами, стянули ребра узким саваном, ломая последний барьер. И он принял ее в себя, покоренный. Лаойа!

Первое, что ощутил Кай, — вес собственного тела. Тяжесть означала жизнь. Он висел вниз головой и надрывно кашлял. Вода, набравшаяся в легкие, покидала их. Судороги в горле перешли в спазмы желудка. Его рвало мутной жидкостью и желчью. Он чувствовал, как повернули деревянный блок, к которому его подвесили наподобие мясной туши. Веревки, опутавшие ноги и руки, исчезли. Кай рухнул на помост. Перед глазами легла, завалившись набок, Торговая площадь. А с нею толпа, собравшаяся посмотреть на казнь, — безмолвная, неподвижная. Будто злой волшебник бросил заклятие, и люди застыли навечно, как были — с воздетыми в воздух кулаками и разинутыми ртами, прячущие взгляд и щурящиеся, чтобы лучше рассмотреть происходящее, смеющиеся и в страхе закрывающие лицо руками. Ветерок играл полами одежд и длинными волосами женщин. Его тихий шелест был единственным звуком в павшей на площадь неестественной тишине.

— На церруканском вода и жизнь — одно слово. Лаойа.

Кай приподнялся на локте и обернулся на знакомый голос. Мастер Ар расположился в кресле, которое почти целиком скрывала просторная черная мантия. Волшебник почти не изменился с тех пор, как юноша видел его в последний раз. Только на изящных руках появились черные перчатки, сидящие словно вторая кожа.

— Вода возрождает иссушенную землю пустыни, — продолжал тем временем Мастер, глядя в сторону огромного прозрачного куба, где только что топили Кая. — Заставляет цвести великолепные сады в сердце Холодных Песков. И она же убивает. Медленно, мучительно, верно. Лаойа — имя твоей

смерти, если ты — маг.

Мастер Ар перевел глаза на ученика, медленно поднимающегося на ноги, еще потрясенного происшедшим:

— Невежественные варвары-церруканцы считают, что священная вода защищает их от последнего, смертельного проклятия, которое волшебник бросает перед гибелью. Глупцы! — Тонкие губы мага растянулись в презрительной усмешке. — Чаще всего они топят себе подобных — несчастных без малейшего проблеска дара, на которых донес завистливый сосед или брошенная женщина. Порой в сети соглядатаев попадают полукровки: туда им и дорога! Но иногда… — Мастер вздохнул, на красивое лицо легла тень, — иногда на этом самом месте умирают мои братья и сестры по крови — настоящие маги. И каждый раз мое сердце сжимает печаль.

— У вас нет сердца, херре.

Волшебник взглянул на стоящего перед ним человека, будто видел его впервые. Мгновение он молча изучал мокрого, дрожащего от порывов холодного ветра юношу. Наконец опасную тишину разбил тихий, обманчиво мягкий смех:

— А ты изменился, мальчик. Ты снова начал меня забавлять. — Улыбка покинула губы Мастера. — Что сделало тебя таким?

Кай выпрямился, расправив плечи, и подавил желание обхватить себя руками, чтобы сохранить остатки не вымытого водой тепла.

— Мы расстались два месяца назад в Холодных Песках, в разгар боя за Лукский караван. Гайены взяли меня в плен и продали в гладиаторы. С тех пор я был занят только одним: убивал, чтобы не быть убитым. Наверное, это меняет людей. Но я никогда не думал, что это делает из них шутов.

Брови Мастера сошлись на переносице, на мраморном лбу залегла вертикальная морщинка:

— Очевидно, не только шутов, но и болтунов. Кажется, ты забыл, что убивать — твое предназначение? И чем больше людишек погибнет от твоей руки — тем лучше? Возможно, — маг переплел длинные черные пальцы и, подавшись вперед всем телом, положил на них подбородок, — ты позабыл и о цели своего пребывания в Церрукане?

Кай покачал головой:

— Человек-огонь. Я видел его. На тренировках. На арене. Говорят, Фламма — не смертный, а пустынный демон, заключенный в человеческом теле.

— Будь он хоть сам Бог-Ягуар в шестом воплощении! — нетерпеливо прервал Мастер, потирая левую руку, будто его

мучила боль в кисти. — Твое дело не любоваться им, а учиться его искусству! Как далеко ты продвинулся в этом деле?

Кай потупил взгляд:

— Фламма не берет учеников.

Волшебник выпрямился в кресле, темные глаза сверкнули. Грохот взорвал тишину. Ледяная волна опрокинула Кая. Острые осколки взрезали прилипшую к телу одежду и кожу под ней. Он снова растянулся у ног Мастера, потерянный и оглушенный. Помост вокруг усеяли мириады сверкающих бриллиантов, будто лопнувший резервуар был сделан из горного хрусталя. Из порезов на теле Кая сочилась кровь, пропитывая и без того мокрые насквозь, искромсанные тряпки. Он поднял взгляд на мага. Ни потоки воды, ни режущие грани не коснулись Мастера Ара. Волшебник восседал в жестком кресле, подобно изваянию своих предков в родовом Замке — недвижный, мрачный, несгибаемый и неумолимый:

— Что ты сделал, чтобы переубедить Огня?

Черное пламя в глазах мага, казалось, прожигало замерзшую плоть Кая насквозь, отзываясь болью в старом шраме на спине.

— Я… — начал было он, но запнулся. Как объяснить, что испробовал все, начиная от прямых просьб и кончая кровавым побоищем на арене, где его противники один за другим были изрублены в куски, — все для того, чтобы обратить на себя внимание легендарного гладиатора-фаворита? — Я сделал все, что мог, — коротко ответил Кай, не желая оправдываться. — Фламма непреклонен.

— Чем ты пожертвовал ради достижения цели? — Взгляд Мастера был пожаром, разгоравшимся все жарче и жарче. Каю казалось, что его кровь, вытекающая на дощатый помост, начинает дымиться. — Смотри, чем я пожертвовал ради своей.

Одним движением маг стянул с правой руки перчатку. Изящная белая кисть, пальцы, как всегда унизанные перстнями с крупными самоцветами. Их было всего четыре — длинных мраморных пальца, чуть подрагивавших от ярости владельца. На месте пятого торчала гладкая культя, слишком короткая, чтобы на ней могло удержаться кольцо.

Кай не мог отвести взгляда от изуродованной руки, хотя пожар палил его, и судороги боли терзали тело, заставляя бесконтрольно корчиться. Какой же силой должен был обладать маг, способный сотворить такое с темным Мастером?!

Очевидно, удовлетворенный реакцией, Ар натянул перчатку, скрывавшую увечье. Он снова овладел собой, движения стали ровными, голос — безмятежным:

— Все те, чью кровь ты пролил на песок Минеры, умерли

ради Фламмы. Новые будут умирать, еще и еще. Пока он не согласится учить тебя. Пока ты, — черный палец Мастера уперся в слугу, — не принесешь жертву!

Слова мага бились в голове Кая, как дикие птицы в клетке, без смысла и выхода. Наконец он собрался с силами и поднялся на колени, скользя в собственной крови:

— Кто… Кто сделал это с вами, херре? — едва слышно произнес он, глядя на черную перчатку, и напрягся, ожидая, что Мастер снова выйдет из себя. Но этого не случилось. Маг задумчиво изучал его лицо, в углах губ трепетала тень улыбки:

— Скорее всего, он уже мертв. А если все-таки выжил, — Ар любовно погладил кисть с недостающим пальцем, — то его добьешь ты. Когда будешь готов. Скоро.

Маг перевел темный взгляд на простиравшуюся перед помостом, забитую зеваками и торговцами площадь. Кай обернулся. Казалось, за то время, что Мастер и слуга говорили, пустынный ветер источил окаменевшие людские фигуры. Они разрушались все быстрее и быстрее, струйки песка бежали с застывших лиц, как ручейки серых слез. Черты размывались, глаза сползали вниз по щекам, волосы осыпались прахом. Кожа оплывала, обнажая мышечную ткань, руки теряли пальцы, а лица — носы и уши, будто разъедаемые проказой. Через несколько минут перед помостом остались только безмолвные ряды скелетов, один за другим распадающиеся, поднимая облачка серой пыли, тут же уносимые ветром.

Кровь, что еще осталась у Кая в жилах, превратилась в лед. Церрукан по-прежнему стоял вокруг, стремясь проколоть небо шпилями своих зиккуратов, но город был пуст и мертв, как выбеленный песком хитиновый панцирь краба.

— Церрукан обречен, — безмятежно произнес Мастер, глядя на творение рук своих. — Но у тебя еще осталось время взять от Фламмы то, что необходимо. Немного времени, — его глаза, отражавшие пустынное солнце, обратились на Кая. — Забери у этого человечишки все, что делает его тем, что он есть. А потом убей его.

Маг легко поднялся с кресла, которое тут же растворилось в воздухе. Слуга понял, что аудиенция закончена, и поторопился задать последний вопрос, хоть и не надеясь получить ответ:

— Если город падет… Когда он падет, — быстро поправился Кай, — смогу ли я спасти кого-то?

Мастер Ар смотрел через опустевшую площадь туда, где начали осыпаться гордые белые здания, становясь тем, из чего они когда-то поднялись, — песком.

— Только того, кто захочет быть спасенным, — маг скользнул

взглядом по поднятому к нему лицу с провалами огромных черных глаз без белков, — *тобой.*

Он усмехнулся и взмахнул полой плаща, заворачиваясь в пространство. Хрустальные осколки взлетели со злобным звоном, зависли на мгновение в воздухе и ринулись, подхваченные ветром, вниз — жаля, срезая мясо с костей, разрывая, уничтожая. И воды тела Кая было недостаточно, чтобы напитать песок пустыни, чтобы дать ему жизнь. Лаойа.

Часть 1
БЕЗУМЕЦ

Эта карта занимает особое положение в аркане, потому что ей не присвоено какого-либо числа — ее ключевым значением является ноль. Безумец олицетворяет одновременно начало и завершение поисков.

Толкователь арканов Эвана

Глава 1
Я знаю, кто ты есть

Шестью днями ранее и тысячей километров южнее

— Надбавь ходу, Найд! Жернов желчью изойдет, если мы запоздаем.

Он пропустил замечание мимо ушей. Зря Айден суетится, успеют они вовремя. А вот таким чудным утром полюбоваться не каждый день удается.

Цель пути — старая мельница на опушке леса — была почти не видна за завесой поднимавшегося от воды тумана. Там, где багряная стена деревьев редела, его тонкие полотна просвечивали нежно-розовым в лучах восходящего солнца. Трава на речном берегу загоралась золотом, иней сделал ее жесткой, так что хрупкие лезвия похрустывали под ногами. Тишина была полной — даже птицы притихли, отложив обычную утреннюю возню ради торжества момента. Только мерные «плюх-плюх» мельничного колеса далеко разносились над водой.

«Бздынь!» — В ушах у Найда зазвенело от подзатыльника Айдена, отчаявшегося заставить спутника ускорить шаг.

— Может, хватит на птичек любоваться? Жернов уж точно землю копытом роет…

У Найда абсолютно не было желания выслушивать ворчание товарища или дожидаться следующего тычка:

— Кто быстрее до мельницы? Последний останется без бекона!

Прежде чем его спутник успел открыть рот, парень был уже далеко впереди. Холодный воздух ударил в лицо, обжигая лоб и щеки. Сзади слышались тяжелый топот и пыхтение Айдена, но они быстро отдалялись. Найду незачем было оглядываться: он знал, что товарищ безнадежно отстал. Может, молодой ленлорд и был здоровее и выше ростом, но ему никогда не угнаться за Найдом, особенно здесь, в лесу. Бекона к завтраку ему точно не видать. А уж фру Боливия, Мельникова жена, знала, как сделать бекон поджаристым и хрустким.

Парень сглотнул слюну, предвкушая двойную порцию, и сбавил шаг. Он не хотел влетать на плотину на полном ходу — не хватало еще, чтобы Жернов подумал, будто стряслось неладное.

— Явился — не запылился, — брюзгливо проворчал мельник вместо «доброго утра». — А молодого ленлорда ты куда подевал? — Широкая спина распрямилась, руки выпустили мешок

с зерном, и, уперев их в боки, херр Мальвиус уставился на запыхавшегося работника. — Или отец его, наконец, образумился? Ну где это видано, чтоб единственного наследника, как простого мужика, на работы гонять, трудом неволить?

Найд попытался было вставить слово, но напрасно: раз Жернов начал молоть, остановить его была в силах только фру Боливия.

— Не, скажу я тебе, парень, сапоги сапожник тачать должон, муку молоть — мельник, а ленлордов сын…

Тяжелый топот сапог по плотине предварил появление Айдена, грудью прорвавшего плывущую полосу тумана. «Единственный наследник» хватал воздух ртом и метал в сторону Найда убийственные взгляды.

— …гхм-гхм, я говорю, ленлордов сын не должен рассчитывать, что старый Мальвиус даст ему спуску! Это лорд Харрис — наш господин, а ты, Айден, пока еще щенок сопливый! Эти мешки сами на мельницу не пойдут, а там еще две подводы разгрузки дожидаются. За работу, бездельники!

Напутственный тычок в спину получил Найд: на молодого ленлорда руку поднимать мельник не смел.

— Кто первый перетаскает зерно на мельницу? Хочу мой бекон обратно! — С этими словами Айден легко закинул на плечи первый мешок. Услышав тоскливый вздох за спиной, он обернулся, блеснув белозубой улыбкой. — Ладно, дам тебе фору: моя подвода — дальняя.

Примерно тридцать треклятых мешков и всего одну порцию бекона спустя Мальвиус смилостивился и отправил Найда наверх: принимать зерно и подавать его в бункер. Наверху сонно пахло мучной пылью. Воркование голубей под стрехой вплеталось в монотонный стук водяного колеса и поскрипывание ворота, поднимавшего тяжелые мешки на верхний ярус. Хлопнули створки люка и — плюх! — один из солдат генерала Жернова лежал серой тушей на полу, притворяясь мертвым. Стараясь двигаться бесшумно, отважный воин зашел с тыла, сливаясь с тенями. Стремительный прыжок — и противник был обездвижен, обезврежен и, в прямом смысле слова, выпотрошен в ящик бункера. Издав победный клич — несколько приглушенный, чтобы не встревожить мельника внизу, — Найд нагнулся за следующим мешком.

Постепенно он вошел в ритм работы, мускулы разогрелись, и боль в них прошла. Труд был однообразным: снять мешок с крюка, развязать горловину, поднять и вытрясти содержимое в бункер, снова нагнуться… Зато простой процесс оставлял голову

свободной, давал время для размышлений.

Найд вернулся мыслями к утренней тираде Мальвиуса: «Значит, вот что мельник думает о воспитательных методах херра Харриса. Что ж, это не новость». Недоумение Жернова разделяли многие — не столько в деревне, сколько в окрестных ленах и в Гнезде, ярлове борге. Оно и понятно. Сыновья ленлордов — да и сами ленлорды, если уж на то пошло, — не сеяли, не пахали и ремеслу не обучались. На это у них были слуги. Некоторые господа даже читали по складам. Грамота? А писари да ученые монахи зря, что ли, хозяйский хлеб едят? Время свое благородные лорды, во главе с ярлом Гнездом, проводили в охоте и воинских потехах.

О херре Харрисе, владетеле Горлицы и окрестного бора, шла слава коловшего глаза исключения. Мало того что он был из «новых», то есть получил свой титул и лен не от отца, а всего лишь лет двадцать назад — в награду за какие-то заслуги на армейской службе, о которых никогда не распространялся. Так этот «выскочка голоштанный», как величали Харриса за глаза соседи, еще и порядки особые у себя позаводил.

Вместо того чтобы гонять собаками лис, он плотничал, столярничал, подковывал лошадей, а если нужда была, и за плугом мог пойти. От сына ленлорд требовал тех же умений и потому посылал его то к плотнику, то к лесорубу, то к кузнецу, а теперь вот уже третью неделю Айден находился в обучении у мельника. Найд участвовал в этом предприятии наравне с молодым ленлордом. Только вот его вклад в мельничное дело ни у кого не вызывал удивления. Он был всего лишь сиротой на попечении херра Харриса. Приживале полагалось отрабатывать свой хлеб.

За все двадцать лет лордства херр Харрис не увеличил свой крохотный лен ни на сантиметр. Это соседи также не преминули поставить «новому» в укор: мол, что сам получил, то и сыну передаст. При этом они «забывали», что обычно малоимущие ленлорды расширяли владения за счет грабежей, междоусобиц и захвата соседской собственности. Каждый раз при посещении борга Найду приходилось выслушивать о бедности хозяина Горлицы, который не может позволить себе прислугу и работает в поле, как последний холоп.

Время от времени этот припев приедался, и соседушки выдумывали что-нибудь новое. Последняя сплетня, которую Найд услышал в Гнезде, касалась, между прочим, его самого. Если раньше он и не подозревал, что являлся бастардом херра Харриса, зачатым от чарской потаскушки, то уж теперь ему постарались открыть на это глаза. «Бастард ленлорда! Это я-то?!» Сверстникам

Найд еще мог заткнуть рот. Что бы ни говорил херр Харрис, а расквашенный нос и тычок под ребра были действенным лекарством от злословия. Но что Найд мог поделать со взрослыми, вроде монаха Сибелиуса, на уроках каллиграфии заставлявшего ученика переписывать «Бедность не порок» двадцатью пятью различными шрифтами?

Хорошо хоть в родную деревню соседская знать не наведывалась, да и в гости не приглашала — избегали «нового Горлицкого». Ленлорд Харрис платил ей той же монетой. Айден давно просил отца отпустить его в Гнездо на службу в ярловой дружине. И каждый раз получал отказ. Как-то взъерошенный после очередного объяснения с отцом Айден выплеснул раздражение на Найда:

— Людей, говорит, хлебом кормить — занятие более благородное, чем кровь им пускать! Он меня что, до старости хочет заставить крупу просеивать? А если война? Кто тогда этих… мельников от врагов защищать будет? А говорят, отец в свое время был доблестным воином! Эх, меня бы на твое место, я б уж не говно мышиное с книжек в борге обметал, а давно бы разведал, как в дружину ярлову попасть.

Найд мог бы ответить, что рекрута с темной, как у него, родословной в дружину никогда не возьмут, но промолчал. Он был вполне согласен с херром Харрисом насчет кровопускания. К тому же именно этим, скорее всего, и кончился бы первый визит молодого ленлорда в Гнездо. До сих пор сирота, как мог, старался ограждать Айдена от пересудов и скрывал причину своих боевых похождений в борге, хотя за них ему здорово влетало дома.

— Найд! Найд! Заснул ты там, что ли, паршивец? — Рев Жернова заставил парня подпрыгнуть на месте. Он ударился о низкое перекрытие и полупрокричал-полупроохал в ответ:

— Я тут, ох-хе, херр Мальвиус!

— Тут он! Пока тебя, дармоеда, дозовешься, вся мельница ярким пламенем сгорит и пеплом рассыпется!

— А что, пожар начался, херр Мальвиус? — обеспокоенно завопил Найд и закрутил головой по сторонам, высматривая следы дыма.

— Пожар не пожар, а крыса у нас завелась. Здоровый крысак и наглый! Шастает среди бела дня по складу, как Боливия у себя в кухне. Дочку мою, Камиллу, до смерти перепужал, — мельник набрал воздуху в легкие и заорал наверх новую инструкцию: — Я пойду погляжу, что там, а то как бы от всей нашей муки да крупы одни дыры в мешках не остались. Ты тут один с воротом управишься? Айден во дворе подводы грузит.

— Управлюсь, херр Мальвиус, не беспокойтесь.

Жернов проворчал в ответ что-то не слышное за шумом водяного колеса. Переспрашивать работник не решился. Внизу хлопнула дверь.

Найд поспешил на нижний ярус. Без помощи мельника ему самому приходилось насаживать мешок с зерном на крюк, запускать ворот и останавливать лебедку, когда груз исчезал в люке на потолке, нестись по крутым ступенькам наверх, высыпать пшеницу в бункер и снова катиться вниз по лестнице. В принципе, Найд мог бы и не торопиться. Но он дал себе слово, что не посрамит имя херра Харриса, своего попечителя, и с любой работой будет справляться на совесть. Жернов только что отчитал его за лень, так что теперь парень решил наверстать упущенное и показать Мальвиусу, что он один может управиться с помолом не хуже, чем если бы их было двое.

Вскоре с работника градом катил пот. Особенно жарко было на верхнем ярусе, который солнце успело нагреть через тонкую крышу. Найд скинул рубаху и продолжал носиться вниз-вверх по лестнице голый до пояса. Он не заметил, когда неуютное чувство, будто за ним наблюдают, стало настолько сильным, что отвлекло от монотонной работы. Просто он вдруг выпал из ритма и застыл с пустым мешком в руках, уставившись в тени под поддерживавшими крышу косыми балками. Тени зашевелились, и из них выступила высокая фигура, очертания которой показались знакомыми. Пушистые косы вспыхнули красным в солнечном луче.

— Камилла?

Дочь мельника вышла на свет, по-кошачьи жмурясь.

— Найд. А ты не только на лицо пригожий. Тонкая талия, широкие плечи… Ты уже не мальчик. Но ведь еще и не мужчина, верно? — Говоря, Камилла медленно приближалась, чуть раскачиваясь, будто танцуя под одной ей слышную музыку. Глаза ее поймали взгляд Найда и не отпускали, обволакивая, засасывая в зеленую глубину.

Парню потребовалось все его самообладание, чтобы выдавить:

— Тебя, э-э… отец с поручением послал или фру Боливия?

«Интересно, как Камилла тут очутилась? Каким образом девушка проскользнула мимо меня незамеченной, когда я все время только и делал, что шнырял по единственной ведущей наверх лестнице?»

Камилла помотала рыжей головой:

— Нет. Я сама пришла. — Сказано это было таким голосом, что у Найда под ложечкой что-то задрожало и оборвалось. Внезапно он остро почувствовал, что стоит перед мельниковой

дочкой полуголый, и принялся беспомощно оглядываться в поисках неизвестно куда провалившейся рубахи.

— Ты не это ищешь? — Камилла вытащила руку из-за спины и продемонстрировала недостающий предмет его облачения. Парень вытянул руку вперед.

— Ты нашла ее? Спасибо. Прости, я не знал, что ты здесь, иначе бы я никогда… Не позволил себе… — Слова замерли у Найда на языке. Протянутая рука начала подрагивать. Камилла разглядывала его, чуть улыбаясь полными губами, не делая ни малейшего движения ему навстречу.

— Отдай мне рубаху. Пожалуйста, — голос его упал до шепота.

— Сам возьми, — девушка стояла перед ним, чуть помахивая своим трофеем. В глазах ее вспыхивали золотистые искры.

Найд сделал вперед нерешительный шаг, потом — другой. Теперь он мог бы дотянуться до рубахи, но, едва пальцы коснулись шерстяной ткани, Камилла легко скользнула назад, оставив парня ни с чем.

— Ну что же ты? — Мучительница рассмеялась и потрясла злополучной тряпкой.

Вспыхнув, Найд быстро шагнул вперед, одновременно вытягивая руку. Камилла изогнулась, как ивовая ветка, и ушла в сторону. Он последовал за ней. Девушка, хихикнув, отступила за косую балку и, используя ее как прикрытие, продолжала дразнить парня, заставляя его метаться то вправо, то влево, но не позволяя завладеть рубахой.

Внезапно Найд остановился и уронил руки вдоль тела:

— Не знаю, что за игру ты тут затеяла, Камилла, но играть в нее я не буду.

В тени за балкой он не мог видеть ее глаз. Только яркая зеленая полоса горела там, где солнечный луч касался платья на груди девушки. Грубая ткань быстро колыхалась в такт дыханию. Внезапно одним скользящим движением Камилла оказалась лицом к лицу с Найдом. Он никогда не видел дочь мельника так близко. Да что там, честно говоря, он ни одну девушку раньше не видел так близко.

Солнце горело в ее волосах, будто уложенные вокруг головы рыжие косы были кольцами дремлющей саламандры. Длинные темные ресницы бросали сеть дрожащих теней на веснушчатое лицо. Найд встретил ее взгляд — неожиданно серьезный и требовательный.

— Это не игра, — горячая ладонь Камиллы сжала его руку, и перед глазами все поплыло.

Это случилось с ним снова — как всегда, в тот момент, когда

он меньше всего ожидал. Красочный мир вокруг пропал, отодвинулся невообразимо далеко, будто он смотрел на мельникову дочь через длинную трубу, вроде той, в которую за монетку можно глянуть на ярмарке, чтобы увидеть складывающиеся из кусочков картинки. Крошечная Камилла на другом конце рассыпалась со стеклянным звоном, осколки перемешались, сдвинулись и составили новое целое, в котором девушка была не одна. Изображение внезапно приблизилось, словно калейдоскоп был одновременно подзорной трубой. Он слышал быстрый стук сердца Камиллы и звук другого сердца, делящего с ней потоки золотистой энергии, стремящиеся через ее тело. Там, в глубине золотой паутины, как в солнечном коконе, зрел живой плод. Он звучал. Музыка, исходящая от него, была исполнена силы и света, она наполнила Найда до краев; он испугался, что не сможет вынести больше, что его собственное сердце лопнет и никогда не сложится снова…

Испуг вернул Найда к реальности. Казалось, на этот раз его самого протащили через слишком узкую и слишком длинную трубу и вышвырнули на то самое место, откуда он начал свое путешествие. Он все еще стоял перед Камиллой, тяжело дыша; девушка по-прежнему крепко сжимала его руку. Их глаза встретились.

— Теперь ты знаешь, — Камилла уверенно кивнула, будто это движение могло придать ее словам больший вес. — Не отпирайся. Старуха права: у тебя есть сила. Ты видел его, правда? Ты видел! — Девушка тряхнула Найда, не отводя от парня лихорадочно горящего взгляда.

Найд и не думал отпираться. Он вообще едва был способен думать.

— Чего ты хочешь? — устало прошептал он.

— А ты не догадался?

Он помотал головой, на что его внутренности тут же ответили рвотным позывом. Найд еще никогда не погружался так глубоко. Теперь за это приходилось платить.

— Того, что старуха не смогла сделать! — Непонимание было написано в глазах парня такими большими буквами, что Камилла потеряла терпение. Приблизив лицо так, что они почти соприкасались носами, она прошипела:

— Избавь меня от него! — Глаза девушки искали ответ в лице Найда. На веснушчатом лбу выступили капли пота. — Вытащи его из меня и делай с ним все, что хочешь. Он твой!

Понимание ударило его, скрутив внутренности в холодный скользкий узел. «Камилла хочет избавиться от ребенка! Она просит меня о помощи, потому что верит, что я — колдун. Не

просто колдун, а Темный! Она предлагает мне свое нерожденное дитя, потому что в народе ходит поверье, что Темные используют тела нерожденных для приготовления самых страшных, запретных эликсиров, дающих им невероятную власть. Какого же Камилла обо мне мнения! Или кто-то навел ее на такие мысли?»

— Ты сказала… старуха не смогла… Значит — ты уже пыталась?.. — Казалось, слова обжигали язык.

— Ведьма дала мне отвар, но я не скинула. Ведь ты мне поможешь, правда, Найд? — Он ощутил, как тело Камиллы прижалось к нему. Грубая шерсть платья защекотала кожу на обнаженной груди, девушка пристроила его руку к чему-то горячему в складках своей юбки, надавила…

Он вырвался, дрожа с ног до головы, с трудом сдерживая рвотные спазмы.

— Я не могу!

Мысли скакали с предмета на предмет: «Старуха, должно быть, — это Болотная Бабка, которой пугают детей в Горлице. Ходят слухи, что живущая среди топей вдова — ведьма. Но откуда отшельница знает про меня? И с чего она возвела такой чудовищный навет?»

— Конечно, можешь! — Слепая вера, звучавшая в голосе Камиллы, выбила почву у него из-под ног. — Стоило тебе дотронуться до меня, и ты уже знал, что я в тягости, хотя ни мать моя, ни сестры ни о чем не догадываются. Ты травы знаешь. Если у кого конь охромел или корова не разродится, тебя зовут. Тебе сила дана.

Припев мельниковой дочки о силе уже сидел у Найда в печенках. Он хотел было напомнить девушке, что она не корова, но вовремя сдержался.

— Ты не поняла. Я не могу убить твоего ребенка, — лицо Камиллы искривилось при слове «ребенок», которого она сама, заметил Найд, избегала. Он продолжал, пытаясь поймать ее бегающий взгляд: — Твое дитя прекрасно, Камилла. Его сердце бьется, у него большие глаза и пальчики на руках. Десять пальчиков, как полагается, — он пытался передать красоту своего видения молодой матери, но его слова были неуклюжими, бесцветными, и лицо ее оставалось застывшим, как каменная маска. Найд неуклюже закончил: — Я не убийца, Камилла. И я не Темный.

Но девушка поняла его по-своему:

— Не бойся, никто ничего не узнает. Не хочешь его, я найду другой способ тебе заплатить, — качнув бедрами, Камилла снова оказалась очень близко к Найду. Ее рука выпустила его рубаху и занялась исследованием штанов. Слегка коснувшись губами

Найдова уха, девушка прошептала: — Нравится?

Найд с ужасом почувствовал предательское шевеление в упомянутых штанах, не ускользнувшее от внимания Камиллы. Оттолкнув настойчивые пальцы, он нагнулся, подхватил рубаху с полу и одним движением нырнул в нее, как в спасительную кольчугу.

— А что говорит отец ребенка? Или твой отец?

Эти слова подействовали на мельникову дочку как мытье на кошку. Сузив мечущие молнии глаза, она прошипела:

— Ни слова моему отцу, слышишь? Ты знаешь мою тайну, но я тоже знаю твою! — С усилием совладав с собой, девушка выпрямилась и сказала напряженным голосом: — Так ты поможешь мне или нет?

Найд только покачал головой. Его снова одолевала тошнота.

Внезапно с глухим стоном Камилла осела на пол и принялась раскачиваться на коленях, спрятав лицо в ладонях. Ее плечи содрогались, из груди вылетали невнятные жалостные звуки. Парень ожидал чего угодно, только не такого оборота событий. Немного потоптавшись на месте, он присел рядом с девушкой на корточки, не решаясь дотронуться до нее или заговорить. Прислушавшись, он разобрал между судорожными рыданиями:

— Мне… мне некуда больше… Такой позор… Если отец узнает… меня в монастырь… навечно… А мне только… шестнадцать…

Сердце Найда сжалось. Он осторожно подбирал слова:

— Херр Мальвиус не так уж суров. Вот увидишь, он простит тебя. Если я могу как-то помочь… То есть не *так,* по-другому…

Камилла не дала ему договорить. Оторвав руки от покрасневшего, но подозрительно сухого лица, девушка вцепилась в Найда:

— Если не поможешь — вот *тогда* ты станешь убийцей. Ты один будешь виновен в двух смертях! Я утоплюсь, ей-богу, утоплюсь и ублюдка возьму с собой в могилу!

Парень отшатнулся. На мгновение он поверил в искренность мельниковой дочки. Но ее руки все еще сжимали его запястья, и озарение встряхнуло картину реальности, как внутренности калейдоскопа, и выложило новый узор.

— Нет, Камилла, — ровно сказал он. — Ты не хочешь навредить себе. Только ребенку.

С рычанием девушка оттолкнула его и вскочила на ноги.

— Будь ты проклят, колдун! Проклят! — Она бросилась вон, но обернулась, уже стоя на лестнице. — Ни слова никому! Помни, я знаю, кто ты есть! — С этими словами Камилла исчезла, только каблуки прогрохотали по ступенькам да хлопнула внизу дверь.

Найд рухнул на пол, и его вывернуло прямо на то место, где только что сидела хозяйская дочь. Тупо глядя на то, что осталось от утреннего бекона, он спрашивал себя: «Почему девчонка уверена, что знает, кто я, когда я сам этого не знаю?»

Глава 2
Кто бросил камень?

Дверь в таверну «Братец Лис» была полуоткрыта. В ночь выпадал конус света и шум голосов, смешанный с заманчивым запахом съестного. Проходя мимо подслеповатого оконца, Мастер заглянул внутрь. Дешевая слюда, заменявшая в «Лисе» стекла, не позволяла разглядеть ничего, кроме смутных колышущихся силуэтов.

Мастер замедлил шаг. Над головой, едва видимая во мраке, тоскливо потренькивала на ветру жестяная вывеска: лисица в штанах, франтовато вставшая на задние лапы. Темный быстро проверил помещение — как и ожидалось, там не было ни одной магической сущности. Не напрасно он все-таки выбрал именно «Лиса». Во-первых, чародеи нечасто наведывались в самую «народную» забегаловку нехорошего квартала Абсалона. Во-вторых, кормили в «Лисе» превосходно. Одни только гоблинские ушки в остром соусе а-ля вампир чего стоили! При мысли об ушках рот Мастера наполнился слюной, и он бочком скользнул в приоткрытую дверь.

Никто не обратил на вновь прибывшего внимания. Еще бы! Мрачный жердяй с недельной щетиной — а такова была новая личина Мастера Ара — не вызывал у окружающих желания общаться. К тому же потасканный типаж удачно сливался с контингентом «Лиса», состоявшим из отбросов абсалонского общества и заезжих авантюристов.

Еще пару недель и пару городов назад жердяй был магом средней руки, топтавшим по своим чародейским делам дороги ОЗ.[1] Встреча с очередным попутчиком, оказавшимся по стечению обстоятельств Мастером Аром, стала для бедняги последней. Ару как раз понадобился слепок чужой волшебной ауры. Собственная мрачно-лиловая «корона» была в ОЗ слишком опасна для здоровья: Темного в степени Мастера она выдавала с головой.

Теперь эту самую голову окружал жиденький желтоватый туманчик; у светлых он вызвал бы не подозрение, а скорее жалость: с таким-то «светом силы», пожалуй, и каши с маслом на черный день не наколдуешь. К «туманчику» прилагалась соответствующая внешность, которой Мастер Ар не побрезговал воспользоваться.

Усевшись на колченогий стул за угловым столиком, маг с наслаждением вытянул ноги. Недели в седле давали о себе знать,

тем более что под этим седлом была тряская кобыла неопределенных кровей и масти. Ее Ар также позаимствовал у покойника.

Мастер незаметно поднял рукав камзола и глянул на циферблат. Черная точка под литерой «Р» мигала в трех кварталах от кабака и приближалась. Чудесно. Как раз будет время перекусить. Человек, с которым Мастер должен был встретиться в «Лисе», есть все равно не будет. Потому что он давно уже перестал быть человеком. Мастер удовлетворенно откинулся на спинку стула и щелкнул пальцами в сторону проносившегося мимо зашуганного мальчугана с подносом:

— Порцию гоблиновых ушек. Тех самых, а-ля вампир. И кружку эля. Потемней.

Мастер Ар как раз раздумывал, не повторить ли ему ушки, когда на пороге «Братца Лиса» появилось новое лицо. Точнее, чего-чего, а вот лица у позднего гостя как раз и не было. Металлическая плоскость блеснула под черным капюшоном, прежде чем ее поглотил полумрак заведения. Впрочем, никто, кроме Мастера, не обратил внимания на странную деталь: посетители таверны были слишком заняты элем и трактирными красотками. Между тем новый клиент, заблокировавший мощным торсом вход в харчевню, явно не мог сориентироваться. Раструб капюшона медленно поворачивался то вправо, то влево, игнорируя пьяненькую компашку, пытавшуюся просочиться в тепло между дверным косяком и плащом незнакомца.

Быстро сверившись с Волшебным Кодексом, Мастер Ар шепнул, не шевеля губами, в сторону транспортной пробки у входа: «Столик в углу, слева. Заросший тип в буром плаще, отороченном псиной. Без розочки в петлице найдешь?» Легкая телепатия ВК не возбранялась. Маг удовлетворенно наблюдал, как видавшие виды завсегдатаи «Лиса» шарахались от могучей фигуры в черном, направившейся чеканным шагом в дальний угол таверны.

— Херре?.. — вопросительно уставился на Мастера капюшон.

— Оставим формальности, Рыц. Зови меня просто Сирин.

Стул жалобно скрипнул под весом мифриальных доспехов, но выдержал. У столика тут же возник зашуганный мальчонка:

— Что желает господин?

Предупреждая ответ Рыца, Мастер Ар бросил:

— Темного эля моему гостю.

Мальчонка испарился.

— Хе… То есть Сирин. Я же не пью.

— В «Лиса» приходят, чтобы пить. Не будь глупцом, Рыц. От

одной кружки ты не заржавеешь, зато избежишь подозрительных взглядов или, что еще хуже, доноса СОВБЕЗу.[2]

Компания за соседним столиком шумно возрадовалась чему-то, но одного поворота черного капюшона в их сторону оказалось достаточно, чтобы подавить веселье в зародыше. Мастер щелкнул пальцами: пьяный мат, хохот, чавканье и прочие характерные для «Лиса» звуки как ножом отрезало. Вокруг слишком много чужих ушей, даже Рыцу всех не пообрывать.

— Итак, чем меня порадуешь? — перешел прямо к делу Мастер. — Что ты выяснил о близнецах?

Полная кружка плюхнулась на стол между собеседниками. Мальчишку-разносчика словно сквозняком сдуло — только язычок пламени в дешевой лампе колыхнулся и зачадил. Рыц неловко пошевелился на стуле, дерево протестующе заскрипело.

— Херре, это тени, призраки. Я был в Чарах. Точнее, на их пепелище. Там вырезали всех, а городище с крепостью сожгли.

— Этой новости уже восемь лет, — спокойно возразил маг. — А вот у меня есть новость посвежее. Оба щенка живы и здравствуют. Наше счастье, что они все еще разлучены. Первозданный огонь! У меня такое чувство, что время — это песок, ускользающий между пальцами. Если брат и сестра воссоединятся, если сольют силы в эгрегор… Вот тогда, мой наивный Рыц, *мы с тобой* станем тенями и призраками!

Рыц осторожно кашлянул. Звук больше напоминал скрежет металла о металл:

— Прошу прощения, херре, но эта информация… Насколько надежен ее источник?

Губы Мастера изогнула тонкая усмешка:

— Да ты стал скептиком. А как же слова пророчества? Или то, что я *чую* их? Это как вонь — вроде пахнет паленым, а откуда — не поймешь. Или зуд между лопаток — извернешься весь, чтобы почесать, а до нужного места никак не дотянуться. — Маг окинул взглядом закованного в металл собеседника и вздохнул. — Хотя где уж такому, как ты, понять… Представь, что у тебя слабина в доспехах. Или зазубрина на мече, а вокруг на много миль ни оружейника, ни кузни.

Черный капюшон неуверенно кивнул:

— Думаю, я бы чувствовал себя… неуютно.

— Неуютно?! — Ар фыркнул, и с поднятой к губам кружки слетел клок желтоватой пены. — Да у меня ощущение, что это мне поджаривают пятки! А в спину нацелен наконечник стрелы. Тролль с ним, с пророчеством. Но одна *возможность* того, что накануне войны вдруг объявится человек, в жилах которого смешалась кровь древнейшего рода волшебников и истинных

королей Запада… Что этот человек может заявить о своих правах на трон, может объединить наших врагов и повести за собой… Эта мысль вызывает у меня изжогу и разлитие желчи — опасная комбинация, скажу я тебе, для огненного мага. А тут еще эта проклятая девчонка… — Мастер сделал большой глоток эля. Кадык на заросшем щетиной горле дернулся, пропуская живительную влагу внутрь.

— Вам удалось напасть на след сестры? — не выдержал Рыц.

Ар отставил кружку и облокотился о стол, буравя тени под капюшоном тяжелым взглядом:

— Предполагалось, что это сделаешь ты.

Воин съежился, будто став меньше ростом, и медленно покачал головой. Ожидаемой вспышки, однако, не последовало. Вместо этого маг закатил глаза к потолку и откинулся на спинку стула, заметно расслабившись:

— Поразительно. Потому что эта мерзавка успела как следует наследить повсюду.

Рыц встрепенулся, стальные пальцы невольно потянулись к рукояти меча, но ирония во взгляде Мастера заставила его уронить руку на бедро.

— Слышал ли ты песенку о некоронованных, что распевают в каждой таверне от Вахтенных Гор до Феерианды?

Внезапная смена темы несколько сбила гиганта с толку:

— Вы же знаете, херре, я не очень-то по тавернам.

— А стоило бы иногда, стоило, мой добродетельный Рыц! Постарайся наверстать упущенное. Посмотрим, нет ли и тут менестреля… А, вот!

Мастер Ар качнул заросшим подбородком в сторону очага. Там подвыпивший смазливый тип в берете нетвердой рукой щипал струны лютни. Ему, старательно раздувая щеки, аккомпанировал на флейте тощий мальчишка с запудренным синяком под глазом.

— Послушаем, чем нас порадует этот соловей.

Маг щелкнул пальцами, и звуки переполненного заведения вернулись. Слащавый тенорок барда достиг ушей собеседников:

…Есть у реки заливные луга,
Звуки флейты над ними так нежны.
Трое детей там играют, пока
Тает старый король, безутешный.

О, мой бог,
Флейта поет из косточки белой,
Сколько б воды ни утекло,

Хей, ло-ло-ло.

— Прошу, новый шедевр! — Мастер взмахнул кружкой, роняя на камзол клочья пены. — В последнее время они растут как гремлины после дождя.

— По-моему, звучит вполне безобидно, — заметил Рыц.

— Безобидно? — скривил губы Мастер. — Имеющий уши, да слышит. Впрочем, у тебя, мой старый добрый Рыц, этот орган отсутствует.

Менестрель тем временем добрался до финала длинной баллады:

Айна, Анхат — зовет река,
Где вы — мой голос, мое сердце,
Анафаэль — душа моя?
Где оно, ваше королевство?

Рыц дернулся так, что чуть не свернул на пол свою кружку. Под щетиной его сюзерена заходили желваки. К счастью, никто не обращал на парочку внимания. В сторону менестреля полетела обглоданная кость. Мостолыжка шлепнула барда по берету и сбила головной убор на заплеванный пол. Вокруг заржали. Флейта пискнула в последний раз и замолкла. Менестрель оскорбленно поджал губы, но еще пара костей и рыбий скелет убедили его сменить гнев на милость. Подкрутив что-то на грифе лютни, он забренчал задорную песенку о похождениях монаха-выпивохи, прибившегося к разбойникам Хвороста. Мальчишка-флейтист с лету подхватил похабный припев. Этот номер программы нашел гораздо более теплый отклик в сердцах слушателей, начавших громогласно подпевать и пристукивать кружками в такт.

Щелкнув пальцами, Мастер выключил звук:

— Ты слышал?! Эти проклятые имена! Прямым, бороду мне в рот, текстом!

Его собеседник осторожно покосился по сторонам:

— Это не имеет значения. Для непосвященных они — пустой звук. Айна, к тому же, значит на тан «речная флейта». Можно подумать, это всего лишь часть песни.

— Песни, которую *кто-то* сочинил! — раздраженно фыркнул маг. — И которая рассказывает всю историю лебединого рода. Славная получилась сага, вот только в ней не хватает одного. Точнее, двух! — Кулак Мастера грохнул по столу, заставив посуду подпрыгнуть, плеснув янтарной жидкостью. — Маленьких

могильных холмиков.

— Вы думаете, этот «кто-то»?.. — Рыц не закончил вопрос.

— Не сомневаюсь, что у всех этих проклятых шлягеров один автор. Автор, расчетливо преследующий свою цель — сообщить брату, что сестра жива. Заставить искать себя, — маг поморщился, отхлебнул из кружки, запивая горечь правды.

— Которому брату?

Опьянение слетело с мага, как отброшенная за ненадобностью маска. Мастер выпрямился, его длинная тень метнулась через стол. В черных глазах заплясало пламя масляного светильника.

— У этой увлеченной словоблудием мерзавки только один брат! И ему осталось недолго жить!

Над столиком повисло тяжелое молчание. В душном зале будто стало темнее. Несколько компашек перепивших посетителей внезапно засобирались по домам. Рыц беспокойно шевельнулся, заставив стул снова скорбно пожаловаться на судьбу.

— Это всего лишь песни, херре. Придворные фавориты строгают такие пачками — им за это платят. Возможно, тут просто случайное совпадение…

— За «потерянных братьев» им не платят, разве что — вот как этому, — возразил волшебник, кивнув в сторону барда, украдкой выбиравшего кости из видавшего виды берета. — На пути из Горнад-Чета я перетряс убогие мозги дюжины менестрелей всех пошибов и мастей. Утомительное занятие, доложу я тебе, милейший Рыц. Ни имя, ни местонахождение сочинителя паскудного репертуара было им не известно. Все как один убеждены, что песенки эти — народные! — Маг фыркнул. — Фольклор, бороду мне в рот! Работа, признаться, тонкая, но *Певчей*[3] такое вполне под силу.

Черный плащ вздрогнул, в его недрах металл глухо лязгнул о металл:

— Певчая? Я не слышал о них со времен Последних Волшебных Войн.

— Возможно, скоро услышишь, и не один раз, если мы не найдем это волчье отродье! С каким наслаждением я бы перерезал ей не в меру голосистое горло. У этих ее… баллад могут быть опасные последствия: девчонкино творчество начинает формировать будущее.

Рыц поерзал на стуле:

— Мы преследуем призраки, круги на воде.

— Мы преследуем того, кто бросил камень! — Мастер резко наклонился вперед. Пламя масляного светильника качнулось,

бросая вокруг корчащиеся уродливые тени. — Не говори мне, что ты ничего не выяснил в Чарах! Все четыре Волшебные Академии ОЗ перерыты мной от подвала до чердака, включая архивы, и все без толку. Если близнецы и попали в лапы светлых, то обучаются они не здесь. Развлекательная прогулка по тылам врага обогатила меня только мозолями на заду и коллекцией блох. Теперь Чары — это единственная зацепка. Проклятье! Если бы тогда этот жирный идиот ярл сделал как ему велено и тихомирно придушил маленьких засранцев… Надеюсь, скотина горел живьем и медленно. Сколько раз мне хотелось предать той же участи весь его поганый род до седьмого колена…

— Уже сделано.

— Что значит «сделано»? — нахмурился волшебник.

— Это значит, что род Чары больше не существует. Жена и дети ярла погибли вместе с ним. Остальные родственники жили в Суи-Суи, где его брат владел небольшим бортом…

— Суи-Суи? Это не то графство, где пару лет назад свирепствовала Желтая Хворь?

— Оно самое. Только, боюсь, Ваша Темность ошиблись. Это было не пару лет назад, а восемь.

— Не говори мне, что вся эта вероломная порода покрылась коростой и в корчах испустила дух! Это слишком хорошо, чтобы быть правдой!

— Именно покрылась и испустила. Не в одночасье, конечно, это заняло месяц-другой. Но мора не пережил никто.

Мастер задумался, переваривая известие. У столика материализовался запыхавшийся мальчонка с подносом и беззвучно зашлепал губами: заклинание Ара действовало исправно. Маг сунул ему пустую кружку и сделал знак повторить.

— Слишком хорошо, чтобы быть правдой, — пробормотал Мастер, почесывая неухоженную бороду. — Слишком плохо, чтобы быть совпадением. Тебе удалось выяснить, кто разорил борг?

— Хлад. Это такой местный князек, — пояснил Рыц, прочитав вопрос в глазах Мастера. — Мужички в округе поговаривают, что между нашими благородными господами, Чарой и Хладом, была земельная тяжба. А тут Чара подлил масла в огонь: подначил Хладова младшенького на какой-то пирушке, да в поединке и укокошил юношу топором. Чтобы сделать длинную историю короткой, скажу, что королевские власти давно ели у нашего Чары с руки, так что Хлад решил действовать по-своему, по-ярлски.

— Эти твои мужички… припомнили что-нибудь о близнецах?

Рыц пригубил свою кружку, но, похоже, посудина от этого

совсем не полегчала:

— Увы. Чара никогда не слыл святым, а в последний год и вовсе рассвирепел. Темница борга была забита пленниками, да и дыба во дворе не пустовала. Должники, непокорные… К тому же наш ярл любил брать в заложники баб и детей, а близнецы они или нет — на это никто не смотрел.

— Что сделали с бабами и мелюзгой хладовцы? — быстро спросил Мастер.

— По слухам, в войске нападавших были мятежные крестьяне из окрестных деревень — видно, Чара их совсем допек, раз уж простолюдины решились на такое. Это, кстати, объясняет, почему крепость пала так быстро — возможно, кто-то помог ребятам изнутри. Своих они разобрали по домам. А что до чужих… — Рыц выразительно пожал плечами. — Борг сгорел. Свидетели Хладу были не нужны. Как и малолетние сироты.

Беззвучно вынырнув из толчеи у соседнего столика, вспотевший мальчишка водрузил новую кружку на стол и испарился. Мастер жадно припал к элю. Задумчиво облизнув пену с губ, спросил:

— Ты упомянул, что Чары все еще лежат в руинах?

Рыц кивнул. Мастер нахмурился и почесал заросшую щетиной щеку:

— Странно, почему Хлад не восстановил борг? Ну спалил он крепость в порыве праведной мести… Но ведь это ключевая высота на фьорде, прекрасная защита от Морских Королей или на случай междоусобицы. Такими стратегическими узлами не бросаются.

— Наверное, потому, что он тоже мертв.

Эль пошел Мастеру не в то горло. Волшебник закашлялся и покраснел. Рыц потянулся было, чтобы похлопать его по спине стальной дланью, но Ар сделал судорожное усилие и выдавил:

— Хлад мертв?

Рыц опустился обратно на стул:

— Мертвее не бывает. Несчастный случай на охоте.

— Ах, вот как.

Маг поспешил смочить охрипшее горло элем.

— А что его наследник? Или семейство Хлада тоже постигла внезапная хворь?

— Нет-нет, — поспешил заверить сюзерена Рыц. — Младший Хлад здравствует. Гнездо ему имя.

— И что же Гнездо… не заинтересован в укреплении Чар?

Рыц махнул затянутой в перчатку рукой:

— Всему виной людское суеверие, херре. Со дня резни Чары считаются местом нехорошим, проклятым. Мужики там скот не

пасут, не косят и от руин предпочитают держаться подальше. Говорят, Гнездо пытался там однажды отстроиться, но стена рухнула и придавила нескольких работников. Это сочли дурным знаком, и с тех пор в руинах гуляет только ветер. Зато уж этого — ветра, то есть — там более чем достаточно.

Мастер яростно заскоблил грудь под засаленным камзолом. Поймав укоризненный взгляд собеседника, он раздраженно буркнул:

— Чего ты хочешь, Рыц? Последний раз я мылся две недели назад в каком-то лесном озере. Вода была такой холодной, что у меня до сих пор гусиная кожа на… Гхм… Это не имеет значения. Не кажется ли тебе самому, что все как-то… удачно и быстро сложилось: один ярл, как ты выразился, *укокошил* другого, благородные мстители *укокошили* самого ярла, прихлопнули заодно еще пару сотен — кто под руку попался. И ни следов тебе, ни свидетелей, ни выживших. Гнездо родовое сжигают дотла. В тот же год родственники мрут в Суи-Суи, как мухи. «*Проклят* будет разлучитель, и в огне сгорит мучитель», — процитировал маг, — это ничего тебе не напоминает?

— Пророчество Триады, — пораженно пробормотал Рыц. — Но при всем моем уважении, херре, кто в Чарах мог бы бросить *проклятие*? Близнецы в лучшем случае дожили до своего семилетия, никогда не обучались и…

— А вот тут ты ошибаешься, Рыц! — Глаза Мастера сверкнули, отразив огонек чадящего на столе светильника. — Самые страшные проклятия прошлого созданы магами, не умевшими контролировать ту энергию, которая была в их распоряжении. Зачастую сильные чувства становятся проводником бесконтрольной разрушительной силы. Ненависть, боль, отчаяние, страх. На долю волчат этого добра выпало достаточно. Тролль тебя побери, Рыц! Чара и его люди уничтожили все, что соплякам было дорого, у них на глазах. Эмоции, с которыми те не сумели справиться, могли стать спусковым крючком, освободившим энергию, как арбалетный болт. Особенно если близнецы действовали вместе, через общий эгрегор.

— Вы думаете, семилетние сироты наслали на Суи-Суи Желтую Хворь? — Голос Рыца был полон неприкрытого скепсиса.

— Конечно, нет, — усмехнулся Мастер. — Проклятие всегда лично и конкретно, всегда привязано к определенной персоне или ее ближайшему окружению. Глубокое проклятие часто завязано на крови и поражает на несколько колен родового древа. Эффект его может длиться десятилетиями, даже сотнями лет. Чары могут убить мгновенно, а могут постепенно высасывать

жизненные силы, так что человек слабеет, становится более уязвим для болезней…

— Или несчастных случаев, — вставил Рыц, видимо, вспомнив Хлада.

— Именно.

— Значит, Чары действительно прокляты?

— Это легко проверить. Я направлюсь туда завтра на рассвете. Если на развалинах лежит проклятие, уверен, что смогу проследить его источник. Источник наведет меня на творца. Ты едешь со мной. Попробуешь разговорить людей старого Хлада. Возможно, через несколько дней мы узнаем, когда и как проклятые близнецы покинули Чары. А главное — куда они подевались. Выпьем за удачу, Рыц!

Мастер бодро ухватил полупустую кружку и стукнул ею о край Рыцевой.

«Банг!» Неопознанное тело камнем грохнулось на стол между волшебником и его вассалом, опрокидывая все на своем пути. Оболочка заклятия прорвалась, и внутрь хлынули вопли, треск мебели и костей вкупе с прочими звуками пьяной драки, завязавшейся за соседним столом. Побоище быстро охватывало таверну, но мастеров столик с укоренившейся за ним солидной фигурой Рыца пока оставался островком спокойствия в центре тайфуна. Спихнув бесчувственного гостя на усыпанный черепками пол, воин махнул перчаткой в сторону выхода:

— Не желает ли Сирин продолжить беседу в более спокойном месте? Здесь становится слишком… людно.

— Пожалуй-пожалуй, — Мастер уже вставал из-за стола, отряхивая с колен невидимые крошки. — Мне полезен свежий воздух перед сном.

Под защитой стальных плеч и бицепсов Рыца маг прошествовал к двери, брезгливо перешагивая через утомленных сражением и элем бойцов и пивные лужи. Несколькими минутами позже на ночных улицах Абсалона можно было видеть две любопытные фигуры. Не слишком твердо державшийся на ногах жердяй и здоровенный детина, под плащом которого топорщился меч чуть не с жердяя длиной, шагали, переговариваясь, в направлении городских ворот.

Глава 3
Что говорит Аркан

Домик в центре поляны был такой маленький и аккуратный, что казался игрушечным. Дерновая крыша поросла травой. Стены, выкрашенные в черный цвет, ушли глубоко в землю, так что даже невысокому Найду пришлось бы наклониться, чтобы заглянуть в темные окошки. Если бы, конечно, он наконец собрался с духом и подошел бы поближе.

Парень разглядывал жилище Болотной Бабки через просветы в зарослях ежевики, потерявших значительную часть своего лиственного убора. Шипы, к сожалению, никуда не делись, так что Найд должен был следить за тем, куда он передвигает затекшие от долгого сидения в одной позе коленки. Вид на поляну в обрамлении колючек заставил его сильно сомневаться в том, что хоть кто-то из деревенских мальчишек совершил тот подвиг, которым они так бахвалились: дотронулся до стены домика Болотной Ведьмы.

Постройка перед его глазами совсем не выглядела опасной. Домик был старый, но носил следы тщательной заботы и подновления. У входа цвели мохнатые астры, вьюнок взбирался по южной стене, окрашивая ее в осенний багрец. Где-то на задах мелодично блеяла коза. От укромной поляны веяло древностью и покоем. Даже ветер не решался тревожить кроны высоких елей, образовавших зеленый шатер высоко над травяной крышей. Проходя через него, солнечный свет принимал изумрудный оттенок, и, наверное, от этого домик казался таинственным, будто вышедшим из вековой легенды.

Но вот страшным… страшным он отнюдь не был. Ни черепов на крыше, ни высоких свай, похожих на куриные лапы, ни маслянистой болотной воды под высоким полом. Реальность так отличалась от ходивших по Горлице историй, что Найд поначалу решил, что ошибся адресом. Но хижина была единственным обитаемым жильем на болотах, и вела к ней та самая тропа, которой он всегда избегал. Сейчас, следя за плотно закрытой дверью с бронзовым кольцом, парень осознал, что единственный из горлицких мальчишек прошел эту тропу до конца.

Найду вспомнилась проверка, которую местная детвора устроила вскоре после его появления в Горлице.

— Докажи, что не ссышь! — Он снова почувствовал боль от тычка, направленного ему в грудь. Снова увидел щербину между зубами ухмыляющегося парнишки, имя которого он тогда еще не

успел запомнить. — Докажи, что ты наш, горлицкий! — Еще один тычок.

— Всего-то и надо — дойти до хижины Болотной Бабки, дотронуться до стены и принести что-нибудь с собой, как залог. Ну щепку там или кость.

— Кость? — Собственный голос показался Найду чужим. За долгие месяцы безмолвия он отвык от его звука.

— Что, уже в штаны наложил? — Смеющиеся лица вокруг. Недобрые лица. Толчок в плечо. — Да, Болотная Бабка — это ведьма, она таких сладких сироток, как ты, на завтрак кушает!

— Ага, а косточки в окошко выплевывает!

— Так что, пойдешь?

— Мы тебе дорогу покажем. Ребята там все побывали: и Дирк, и Пайки, даже вот Мерримон-младший.

Мальчишка с головой, похожей на растрепанный одуванчик, гордо кивнул и выпятил тощий живот.

— Я не пойду, — Найд едва расслышал собственные слова.

— Чего?

— Чего он сказал?

— Я не пойду, — он надеялся, что голос теперь звучал тверже. На загорелых и чумазых лицах вокруг отразилось удивление, разочарование, презрение.

— Говорил же я, слабак приссыт!

— Да у него уже полные штаны!

— Что, кишка тонка? Ведьмы испужался?

— Я не испугался, — Найд чувствовал спиной шершавые штакетины чьего-то забора. Мальчишки обступили его кричащей, нетерпеливой, жаждущей ответа стеной. Не спрятаться, не убежать. Как раньше.

— Тогда чего ты ссышь?

— Я не… Я не пойду на болото, потому что я… потому что она… Она… — Найд пытался объяснить что-то, чего не умел выразить словами. Чувство настолько чистое и сильное, что, казалось, его грудь и голова вот-вот взорвутся изнутри.

Наверное, сегодня он смог бы описать это чувство как ненависть. Ненависть к магам и убежденность в том, что между ним и чародеями не может быть ничего общего. Никогда. Теперь, восемь лет спустя, убежденность начала колебаться. Ненависть осталась прежней. И поэтому Найд сидел в ежевичных кустах, стараясь не обращать внимания на мерзнущие в протекших сапогах ноги и крики из прошлого, звеневшие у него в ушах:

— Трус! Трус! Трус!

Он помнил, как унизительные обвинения сыпались на него со всех сторон вместе с тычками и оплеухами. Мальчик старался

держать руки вдоль тела, хотя его кулаки сжались так крепко, что ногти впились в ладони. Старался поймать взглядом глаза над разинутыми ртами, скандирующими: «Трус! Трус!» Плевок обжег щеку, как огонь. Найд зажмурился от нестерпимого стыда. Но свист и лающие голоса никуда не исчезли:

— Гав-гав!

— Тяв-тяв!

— Гав-гав, воу-у-у!

Отобрал его у мальчишек Айден. Он был старше Найда, выше любого из обидчиков, и главное — он был сыном ленлорда. Айден за шиворот проволок жертву шпаны по единственной деревенской улице и втолкнул в родную калитку. Когда он повернулся лицом к отцову воспитаннику, в глазах его читалось что угодно, кроме сочувствия.

— Чего они на этот раз от тебя хотели?

Губы Найда шевелились, но изо рта не вылетало ни звука. Он тер рукавом щеку. Плевок горел на ней, как невидимое клеймо.

— Что, снова язык отнялся? Мне надоело тебя из передряг вытаскивать. Я тебе не брат и не нянька!

— Я тебя не просил, — Найд смог наконец выдавить из горла хриплые звуки, — вытаскивать.

Айден прищурился:

— А, теперь я понял! В следующий раз буду стоять и смотреть, как тебя метелят! Может, ты мало получил? Может, тебе еще добавить?

Найд молчал.

— Не-ет, ты будешь просто стоять, как баран, и пялиться своими большими голубыми глазами!

Мальчишка хлюпнул носом.

— Или еще и заревешь?

Найд утер нос рукавом. Может, у него и были большие голубые глаза, но не на мокром месте.

— Ты — позорище на наш дом! Ты сам-то это понимаешь?! Ни шиша ты не понимаешь! — Айден развернулся на пятках и нервно зашагал взад-вперед перед глядящим на него исподлобья мальчишкой. Наконец он снова остановился перед «позорищем», вздохнул и спросил уже спокойнее: — Чего эти придурки хотели-то?

— Чтобы я сходил к домику какой-то бабки. На болотах.

Мгновение Айден смотрел на отцова приемыша непонимающими глазами. Вдруг он хлопнул ладонями по ляжкам и рассмеялся тем смехом, который с самого начала так понравился Найду — легким, искренним, заразительным. Смехом, который говорил, что сына херра Харриса не надо

бояться.

— И всего-то? Ну а ты что? Отказался?

Найд едва заметно кивнул. Причина бурного веселья была ему непонятна.

— Струхнул, что ли? — Айден рассматривал его, как только что пойманного любопытного зверька.

Мальчишка тряхнул головой.

— Тогда чего?

Объясняться по второму разу, теперь с Айденом, Найд не собирался.

— Ну молчи-молчи. Прикидывайся немым, когда тебе удобно. И глухим. Только помни, тот, кто позволяет поливать себя дерьмом, начинает вонять.

Айден повернулся к нему спиной и направился в сторону отцовского дома.

— Я не хочу никому причинить вреда, — голос Найда был тихим, как шелест листвы, но парень услышал его и резко обернулся. Подошел ближе. В глазах мелькнуло удивленное выражение.

— Что?! Да этому говнюку Дирку только полезно получить по носу, будет знать, как мелких задирать.

— Херр Харрис сказал, — Найд облизнул сухие губы, — что люди в Горлице мирные. Что мне не придется… не надо будет больше… никому…

Айден ожидал продолжения, нахмурившись и чуть склонив голову набок, но его не последовало. Он вздохнул и откинул светлые волосы со лба:

— Взрослые! Больше их слушай. Если Дирк полезет к тебе снова, дай ему как следует в репу, прежде чем он разинет свой поганый рот. Понял?

Найд молча глядел на Айдена. Его ладони горели. Похоже, на одной из них отметины от ногтей кровили, но он подавил желание проверить.

— Ничего ты не понял, — парень махнул рукой и пошел через пыльный двор.

— А ты там был? — Слова вылетели изо рта Найда, как птица из клетки, которую забыли запереть на ключ.

— Где? — На ярком солнце недоумение на лице Айдена казалось сотканным из света.

— Ну там… у домика ведьмы.

— А-а, нет, — ни стыда, ни угрызений совести. Только яркий свет.

— Что, струхнул? — повторил Найд слова старшего мальчика.

— Нет. Меня просто никогда туда не посылали.

Сын ленлорда пнул лежащий в пыли камешек и широко зашагал через двор.

— Бе-е-е!

Найд дернулся и едва подавил вопль: колючки вонзились в незащищенную шею. Коза снова заблеяла, в ее «бе-е» звучала неприкрытая издевка. Мерзкое животное запрыгнуло на низкую крышу и нагло жевало жухлую траву. Круглые янтарные глаза, казалось, уставились прямо на незваного гостя.

Стараясь не шуршать опавшими листьями, Найд отодвинулся подальше вглубь ежевичника, под прикрытие вывернутой с корнем исполинской ели. Он не хотел, чтобы его заметили. Не раньше, чем он будет готов.

После эпизода на мельнице прошло три длинных дня. Три дня, заполненных попытками избежать встреч с Камиллой и вопросов херра Харриса и Айдена вроде: «С тобой все в порядке, Найд?» или «Ты что, лягушачьей икры объелся?» Три дня, в течение которых на каждый аргумент за визит к домику Бабки находилось три контраргумента, а тяга найти ответ на свои вопросы только росла. Сегодняшние занятия с Сибелиусом стали последней каплей. По пути из Гнезда Найд вместо того, чтобы свернуть налево, к деревне, срезал направо через поля и углубился в лес.

Он промчался по тропе через болота, как посуху. Даже холодная вода, хлюпающая в сапогах, не остудила его пыл. Но, когда парень снова почувствовал под ногами твердую почву и увидел за стволами елей хижину под зеленой крышей, решимость оставила его. Хозяйки по всем признакам не было дома, и он присел на минутку, чтобы собраться с мыслями. Собираться упрямицы не желали и вместо этого разбрелись, как коровы по заливному лугу. Исколотые колени и шея свербели, а старухина коза, единственная свидетельница его мучений, продолжала ехидно мекать с крыши. Найд зашарил рукой по земле в надежде найти увесистую шишку, которой он мог бы запустить в паскудное животное. Рука замерла на ворохе мягких листьев — он услышал несвойственные лесу звуки.

«Что это? Пение? Да… Похоже на то!» Действительно, из-за деревьев впереди и правее доносилась мелодия, выводимая приятным, но не слишком сильным голосом. Сначала Найд не мог разобрать слова, хотя мелодия показалась ему знакомой. Там было что-то про тайну реки, волчицу и лебедя, битвы и могилы. Женский голос приблизился, мурлыча припев, сменившийся новым куплетом:

Есть у реки свои зеркала,
Флейту у губ они отражают.
Смотрят они в голубые глаза,
Вот только чьи — они не знают.

О, мой бог,
Флейта поет из косточки белой,
Сколько б воды ни утекло,
Хей, ло-ло-ло.

Толстый ковер из мха и хвои заглушал звуки шагов, но чуткий слух Найда, проводившего все свободное время в лесу, сказал ему, что походка у певуньи легкая, неспешная и уверенная, будто она шла по привычной тропе, как к себе домой. Парень напряг зрение, вглядываясь в зеленые сумерки под елями.

Женщина, внезапно выступившая из лесных теней, была меньше всего похожа на ведьму, какой представлял ее себе Найд. Длинные седые волосы и сеть тонких морщин, избороздивших когда-то красивое лицо, говорили о преклонном возрасте. Стан незнакомки, однако, сохранил девичью тонкость и прямоту, что подчеркивало длинное темно-зеленое платье, сливавшееся с красками леса. В руках женщина несла небольшую корзинку, в которой краснели сочные ягоды.

Завидев хозяйку, белая коза снова заблеяла и потрусила по крыше в ее сторону, натягивая повязанную вокруг шеи веревку. Старуха оборвала песню:

— Марта! Марта, что ты опять на крыше делаешь, безобразница? Тебе внизу, что ли, травы мало! Ну-ка, слезай оттуда! Вот так-то лучше.

Болотная Бабка — а это, очевидно, была именно она — легко похлопала спрыгнувшую с крыши козу по рогатой голове и направилась к двери. Животное следовало за ее подолом, удовлетворенно мекая. Бронзовое кольцо скрипнуло, поворачиваясь. Дверь открылась. Найд вытянул шею, но зеленое платье заполнило тесный проход, так что он не смог разглядеть ничего интересного.

— Так и будешь мять мою ежевику, Найд? Не лучше ли зайти в дом, я угощу тебя чаем.

Парень подпрыгнул от неожиданности, и колючая ветка огрела его по стриженому затылку. Пришлось до боли закусить губу, чтобы не заорать. «Не может быть, чтобы старуха углядела меня в зарослях! Должно быть, мне послышалось. Она просто бормотала себе под нос». Хозяйка домика между тем повернулась

и теперь стояла в проходе, придерживая плечом открытую дверь.

— Ты ведь сюда не с Мартой поболтать пришел, верно? — Проклятая ведьма смотрела прямо на его куст, будто путаница ветвей и сухих листьев не была помехой ее старым глазам.

С бухающим сердцем Найд поднялся во весь рост и начал продираться на поляну. Через пару мгновений он уже стоял перед Болотной Бабкой. Не решаясь встретиться с женщиной взглядом, он сделал вид, что очень занят, выбирая колючки из рукава.

— Заходи, не стесняйся.

Парень мог бы поклясться, что проклятая ведьма улыбалась! Он бросил на нее быстрый взгляд и неловко, бочком протиснулся под низкую притолоку. Дверь за ним закрылась, коза разочарованно заблеяла.

Хижина изнутри казалась гораздо больше, чем снаружи. Вокруг было чисто и опрятно, воздух наполнял аромат луга, исходивший от развешанных под потолком пучков сушащихся трав. Найд узнал чабрец, пижму, зверобой и еще с десяток растений. Ничего опасного — по крайней мере, на виду. Женщина тем временем поставила корзину с клюквой на стол и принялась ворошить кочергой в очаге.

— Присаживайся, угощу тебя чаем.

Найд не двинулся с места.

— Откуда ты меня знаешь?

— Я в деревне всех знаю, — Болотная Бабка разожгла хворост в очаге: никакой магии, только обычное кресало и лучина. — Кстати, меня зовут Найрэ, — женщина выпрямилась и протянула ему раскрытую ладонь.

Найд сделал вид, что не заметил жеста:

— Это не ответ.

Старуха опустила руку. Ее глаза под прядями седых волос сверкнули пронзительной синевой:

— Я видела тебя в лесу. Ты ведь тут частенько бываешь, верно? Не так, как деревенские ребята. Те стайками шастают то за ягодами, то по грибы. А ты все один… — Найрэ отпустила его взгляд и снова стала возиться у очага: наполнила водой погнутый медный чайник и водрузила над огнем.

По спине Найда пробежал холодок. Лес всегда был для него спасительным убежищем, местом, где он мог быть самим собой. И вот, оказывается, звериное чутье того, кто всегда настороже, обмануло его. Чужие глаза наблюдали за ним, невидимые, как зеленое платье в лесных тенях. Как долго? И как много они увидели? Стараясь, чтобы голос звучал спокойно, он спросил:

— Ты что, следила за мной?

— Следила? Нет, — старуха улыбнулась и поставила на стол

две чистые кружки, будто ее не смущало, что гость напряженно застыл в центре комнаты. — Просто порой мы собираем одни и те же травы, а я не хотела тебе мешать.

Парень немного расслабился, но отступать не собирался:

— Ты сказала Камилле, что я колдун, да еще и Темный. Почему?

Болотная Бабка бросила на него быстрый взгляд:

— А это не так?

Найд не знал, что ударило его больнее: вопрос старухи или тот обыденный тон, которым он был задан. Ярость вспыхнула внутри, будто кто-то дунул на тлеющие под пеплом угли. Она была знакомого белого цвета, она отнимала дыхание и сгущала кровь, тяжелыми толчками бившуюся где-то в горле. Деревянные кружки с грохотом покатились по полу, корзинка полетела за ними, багряными каскадами рассыпая содержимое.

— Нет! Я не Темный! И не колдун! Я не… — Найд сообразил, что орет прямо в невозмутимое лицо женщины, вовсе не собиравшейся отступать под его натиском. С трудом ему удалось овладеть собой. Дрожа, парень понизил голос: — Зачем ты распускаешь обо мне эти сплетни? Что я тебе сделал?

— Я никогда не говорила Камилле, что ты колдун, — покачала головой старуха. — Я только сказала, что ты в силах помочь ей.

— Помочь в чем?! Убить ее ребенка?!

Лицо Найрэ дрогнуло и вдруг будто стало на десяток лет старше. Она оперлась о край стола и тяжело опустилась на табурет:

— Девочка *так* меня поняла? Но ведь карты сказали… Маг и Башня… — Женщина забормотала что-то, отсутствующим взглядом шаря по висящему у ее пояса расшитому кошелю.

— Что ты ей наговорила?! — У Найда руки чесались взять старуху за плечи и хорошенько встряхнуть, но он сдержался. Подтянул поближе второй табурет и уселся напротив Болотной Бабки.

Глаза старой женщины снова стали осмысленными, брови сурово сдвинулись:

— Мои карты не лгут. Травы не подействовали — ведь Камилла пришла ко мне слишком поздно, уже на третьем месяце. И тогда она попросила меня раскинуть аркан — хотела узнать свое будущее, думала увидеть там надежду… — Старуха вздохнула и запустила руку, похожую на хрупкую птичью лапку, в кошель. — И ей выпало вот это.

Из кошеля появилась на свет колода карт; они были вдвое больше игральных и с совершенно черными рубашками.

Костлявые пальцы ловко сняли колоду, разделили надвое. Из центра выпорхнул один из черных прямоугольников и улегся, перевернувшись лицом вверх, на стол.

Найд на миг задержал дыхание. На карте был изображен юноша с седыми волосами и в белых одеждах. Поясом ему служила змея, кусающая свой хвост; золотой обруч охватывал лоб, поднятая к небу рука держала золотой жезл. На алтаре перед фигурой стоял кубок и лежали меч, пентакль и простой деревянный посох. Рисунок был выполнен так искусно, что все на нем казалось выпуклым, а человек — почти живым. Под изображением змеились золотые руны, похожие на те, что Найд обнаружил в одной из книг, пылящихся на полках скриптория в Гнезде. К книге прилагался словарь, и теперь Найд без труда смог перевести витиеватую надпись. «Маг».

Наверное, он произнес это слово вслух, потому что старуха кивнула:

— Да, маг. Проводник божественной воли на земле для сопротивления злу.

— Но при чем тут я? — пробормотал Найд, зачарованно разглядывавший чудесную карту. Он едва сдерживал желание коснуться рисунка кончиками пальцев.

— Ты… — Болотная Бабка вздохнула.

Маг исчез между ее костлявых пальцев, скользнув обратно в колоду. Женщина перемешала ее так быстро, что черные рубашки слились в размытое пятно. Одинокий четырехугольник снова упал на стол лицом вверх. Найд сразу узнал картинку.

— Это ты, Найд. Каждый раз, когда я загадываю на тебя, — старуха снова подобрала карту и перетасовала колоду, — выпадает он.

Седой юноша снова лежал на столе, указывая жезлом прямо на Найда.

— Ты — маг.

Найд тряхнул головой, с усилием оторвав взгляд от золотого блеска жезла.

— Это… — Он смочил языком пересохшие губы. — Это ведь просто глупые карты. Нарисованные искусным художником, но всего лишь нарисованные.

— Это не *просто* карты, — Болотная Бабка склонилась к нему над столом. Ее пронзительные глаза встретили взгляд Найда и удержали его. — Это Аркан. И его рисовал не художник.

Найд тряхнул головой:

— Такой трюк любой плут на ярмарке проделать может. Вытащить меченую карту.

Найрэ улыбнулась бесцветными губами и откинулась на

табурете, протягивая ему колоду:

— Попробуй сам, — заметив колебание Найда, женщина положила черную стопку на стол. — Ну же, они не кусаются. Вытяни любую карту.

Найд сглотнул и осторожно коснулся верхней рубашки. Гладкая поверхность неожиданно обожгла холодом. Он вздрогнул и тут же отдернул руку. Контакт прервался, но в кончиках пальцев все еще странно покалывало, будто в затекшую ладонь медленно возвращалась кровь. Карты Найрэ были первым волшебным артефактом, попавшим в пределы досягаемости Найда, но он сразу понял — это магия. Он с трудом сдерживал дрожь, не решаясь повторить контакт: заключенные в черных квадратиках чужие чары притягивали и одновременно пугали.

— Что у тебя с рукой? — Найд удивленно заморгал, вырванный из транса вопросом старухи. Словно впервые, он увидел свою застывшую над столом подрагивающую ладонь. Слишком длинный рукав доставшейся ему от Айдена рубашки задрался, открывая неприглядное зрелище. Тыльная сторона ладони была покрыта вспухшими красными рубцами, кое-где уже наливавшимися синевой.

— Ничего, — он поспешил спрятать изуродованную руку под стол, подальше от пронзительных глаз Найрэ.

— Как это случилось? — В голосе старухи звучало искреннее беспокойство.

Найд промолчал. Он не собирался распространяться о том, что Сибелиус имел привычку использовать его ладони вместо дневника, записывая на них замечания по поведению вымоченным ивовым прутом. Такую «записку от учителя» ни спрятать, ни потерять было не возможно. К тому же Сибелиус считал справедливым подвергать наказанию наиболее нагрешившую часть тела ученика. Ведь именно беспокойные руки Найда были обычно виновниками его проступков, начиная от фингалов под глазом чересчур заносчивых юных оруженосцев и кончая удивительно точными карикатурами на учителя.

Найд неуютно поежился, представив грядущее объяснение с херром Харрисом. На этот раз речь шла не о заурядной драке, и реакция ленлорда была непредсказуема. Оставалось только надеяться, что Харрис не спросит, *какую именно* книгу Найд «одолжил» из личного сундука Сибелиуса. Вряд ли воспитанник сможет внятно объяснить, зачем он тайком изучал иллюстрированное сочинение по женской физиологии, не упоминая при этом беременность Камиллы.

— Я могу сделать тебе примочку, полынь хорошо снимает опухоль, — поняв, что объяснений не дождаться, Найрэ

приподнялась с табурета.

— Не надо. — Чтобы сменить тему разговора, Найд выдернул из центра колоды первую попавшуюся карту и уронил ее на стол. На этот раз покалывание в пальцах было почти приятным. — Вот видишь, это вовсе не… — Парень запнулся, когда как следует рассмотрел новую карту.

Аркан изображал человека, слепо шагающего вперед, не замечая разверзшейся у самых ног пропасти. Вслед за человеком бежал пес: он злобно раздирал одежду путника и не давал тому свернуть в сторону. Как завороженный, Найд уставился на карту, не в силах отвести взгляд.

Безумная погоня через поля, отчаянно прыгающая впереди полоска леса, лай гончих сзади, ближе, ближе… Колотящееся где-то в горле сердце, металлический вкус на языке, пена на оскаленных клыках, страшные звериные глаза…

— Глупец, Шут, Безумец, Дух Эфира… У этого аркана много имен, — Найрэ любовно провела по гладкой поверхности карты указательным пальцем, будто снимая несуществующую пылинку. — Нулевой аркан — наиболее сложный. Это одновременно начало и конец, ум и глупость, добро и зло, правда и ложь. Безумец означает начало нового цикла жизни. Это символ наивности, неискушенности, но также большого потенциала и перемен. Тебе вскоре придется принять важное решение, и выбор будет только твой: ты волен избирать любое направление, идти куда угодно, на свет или во тьму.

Найд вздрогнул, будто ледяные пальцы пробежали по спине, и наконец отвел взгляд от застывшего над пропастью путника.

— Это только карта. Раскрашенный кусок картона… — Парень не знал, кого он пытался убедить этими словами: себя самого или Найрэ.

— Безумец слеп, — спокойно продолжала женщина, и Найд, не в силах выдержать ясности ее взгляда, опустил глаза. — Он решил пойти определенной дорогой, не обращая внимания на то, что сбился с пути, игнорируя предупреждающие знаки. — Найрэ постучала крепким желтоватым ногтем по глядящему через плечо страннику. — Видишь, он смотрит назад? Ты слишком долго смотрел в прошлое, Найд. Отрицая свою сущность, ты совершаешь ошибку. Только открыв глаза и глядя в будущее, ты сможешь сделать верный выбор.

Парень так крепко вцепился в края табурета, что ладоням стало больно. Впервые встреченная им старуха знала о нем все. Даже то, чего он сам о себе не знал, о чем только догадывался. «Неужели она и вправду ведьма? А я…»

— Но я ведь не знаю ни одного заклинания! — обреченно

пробормотал Найд. — И нигде не учился.

— А-а, конечно. Но руны-то ты читаешь? — Болотная Бабка встала, чтобы снять давно уже кипевший чайник с огня.

Он вспомнил надпись на первой карте. Объяснять старухе, что его знание рун происходило из попросту стыренной из скриптория книги, парень не собирался.

— Да, но я не знаю, как их использовать!

— Непохоже, чтобы ты очень в этом нуждался, — Найрэ сорвала со связки пучок чабреца и покрошила травку в кипяток. Домик тут же наполнился душным ароматом лета и солнца. — Я видела бабочек. Они танцевали для тебя.

Найд замер, кровь бросилась в голову. «Лучше бы бабка застала меня в кустах со спущенными штанами!» Бабочки были только одним из его развлечений. Или правильнее назвать их… упражнениями? «Где же ведьма могла меня видеть? На поляне у Доброго дуба? Или у реки? Наверное, у реки. Там по берегам много ивняка наросло, легко укрыться».

Он помнил живой голубой ковер, покрывший влажный песок у воды в жаркий день. Насекомые пили, едва шевеля хрупкими крыльями. Слиться с простым сознанием одного из них было легко. Управлять несколькими — уже сложнее. Но когда бабочек так много… Такой возможности Найд упустить не мог.

Сейчас он думал о том, как это смотрелось со стороны — сотни голубых мотыльков один за другим взлетают с песка, составляют живое трепещущее облако, которое зависает перед голым, мокрым после купания мальчишкой. Облако распадается на кольца, кольца образуют спираль, начинают, кружась, обвиваться вокруг него, теснее и теснее, пока все тело Найда не скрывается под щекочущим голубым покрывалом. Он стоит, раскинув руки, и ему кажется, что он вот-вот взлетит, увлеченный в небо крыльями бабочек.

«О нет! Все-таки со спущенными штанами, точнее, совсем без них!..» Горячая волна распространилась с лица Найда на шею и уши. К счастью, старуха занималась чаем и, кажется, не видела его предательского румянца.

— Ну, умелец, не поможешь ли собрать, что сам разбросал? — Найрэ поставила чайник на стол и указала на рассыпанные по полу ягоды и закатившиеся в угол кружки. В лучиках морщин у глаз затаилась усмешка.

— Пожалуйста, — хрипло буркнул Найд и с облегчением скользнул с табурета. Ползать на исколотых ежевикой коленях было проще, чем смотреть в синие насмешливые глаза, такие молодые на отмеченном временем лице. Удивительно, как много клюквы могло поместиться в одном невеликом лукошке! Пока

гость стирал штаны до дыр, копошась в темных углах, хозяйка домика добыла откуда-то одуряюще пахнущий пирог, судя по запаху — черничный. Скосившись на Найрэ, поглощенную разрезанием кулинарного шедевра, Найд плюнул и тихонько *позвал* забившиеся под скамью у стены ягоды. Клюквины выкатились на свет, дружно собрались в горсть у протянутой руки и запрыгнули всей компанией на ладонь.

— Значит, ты не колдун… — Найрэ, посмеиваясь, глядела прямо на него поверх пышного, истекающего черничным соком пирога. — Придется мне тогда есть одной, ты и до ночи с этими ягодами не управишься!

Не колеблясь больше, Найд принял вызов. Теперь, когда его тайна была раскрыта, ему впервые представилась возможность открыто делать то, что он годами носил в себе, как грех, который любил и которого в то же время стыдился. Красные струйки одновременно устремились изо всех углов к стоявшей на полу корзине. Струйки сливались в потоки, те муравьиными дорожками вскарабкивались по стенкам лукошка, пока последняя ягодка не упала на вершину душистой алой горы. В довершение всего корзинка крутанулась на месте, взлетела в воздух, лихо рванула к столу и торжественно опустилась прямо перед Болотной Бабкой. Деревянные кружки, немного потанцевав перед ее носом, брякнулись рядом с пыхтящим чайником. Найд скрестил руки на груди и исподлобья уставился на женщину.

Старуха невозмутимо наполнила одну из кружек дымящимся напитком и подтолкнула ее в сторону гостя.

— Нет, я так не могу, — будто отвечая на его мысли, сказала Найрэ. — Все, что я умею — читать Аркан. Да еще травы варить. А вот ты… — Женщина плеснула немного чаю в свою кружку. — За такой дар, как у тебя, любая сторона даст многое.

Найд присел на краешек табуретки:

— Какой такой дар? Корзинки двигать? Много от такого дара проку! Я даже не знаю, как помочь Камилле… — Тут до него дошел смысл последних слов старухи. Он подтянул к себе тяжелую кружку и, не отрывая взгляда от дымящейся поверхности, спросил: — А ты… на какой стороне, Найрэ?

Женщина легко рассмеялась и плюхнула на тарелку перед ним здоровенный кусок пирога.

— Я — ни на какой. Слишком слаба, а потому никому не интересна.

Найд облегченно улыбнулся в ответ и впился зубами в сочную мякоть.

— А вот тебе придется выбирать между Светом и Тьмой.

Найд подавился пирогом, закашлялся и поспешил отхлебнуть

чаю, но только обжег губы. Проглотив кое-как показавшееся вдруг кислым угощение, он выдавил:

— А что, если я не хочу выбирать?

— Ты — маг, Найд. Рано или поздно ты должен сделать выбор.

— А если я не хочу быть магом?

Найрэ вздохнула и, не глядя, вытащила из колоды карту. Человечек застыл на краю обрыва, оглядываясь на преследующего его пса.

— Помнишь? Безумец над пропастью? Если ты сам не сделаешь выбор, его сделают за тебя.

Найд фыркнул и оттолкнул тарелку с недоеденным пирогом в сторону:

— Интересно, кто? Уж не ты ли? Так же, как ты сделала выбор за леди Женевьеву?!

Глаза Найрэ затуманились, она отстранилась от Найда, будто он толкнул ее в грудь:

— Ты же знаешь… Твоя мачеха была неизлечимо больна. Когда ленлорд послал за мной, ей уже никто не мог помочь. Все что было в моих силах — облегчить ее страдания.

— Продав херру Харрису дурманный отвар?! Ты даже не пыталась помочь! Я хотя бы попробовал… попробовал… — Найд задыхался, будто в хижине старухи не осталось больше света и воздуха, как тогда, в горнице его приемной матери, такой маленькой и бледной, затерявшейся между пышных подушек.

— Ты пробовал исцелить ее? Бедный мальчик! Никто не в силах вернуть того, кого уже коснулась тень смерти.

Найд вскочил, опрокинув табурет. Огненный сгусток ярости набух в груди:

— Зачем мне быть магом, если я не смог спасти тех, кого любил? Если я могу только… — Он с трудом удержал рвущееся с языка слово. Вместо него Найд нашел другие: — Ты сама сказала, что я свободен, что выбор — мой, и только мой. Вот я и выбираю — не выбирать! И запомни: я не маг, потому что не хочу быть магом!

Он развернулся на пятках и вылетел из хижины. Хлопнула дверь. Испуганно заблеяла коза. Найрэ осталась сидеть у стола, поглаживая вышитый кошель у пояса, в котором надежно покоился Аркан.

— Ты рожден им! — почти неслышно пробормотала она.

Глава 4
По следам прошлого

Не без труда разысканное Рыцем заведение «У моста», которое все местные жители упорно ударяли на «о», оказалось постоялым двором у моста через Горлицу. Над входом болталась старая полустертая вывеска, почему-то гласившая «Певчий олень». Внутри по стенам топорщились пыльные рога. На вопрос гостя о странном несоответствии имен трактирщик печально оповестил, что «У моста» знавала лучшие времена, когда среди рогов висела чудесная оленья голова, развлекавшая посетителей за медяк непристойными песенками. Сия голова была оставлена заведению в дар каким-то заезжим волшебником. С годами то ли магии в ней убавилось, то ли что-то заржавело, но сначала благородный зверь сорвался на фальцет, а затем отказался петь. В шкуре завелась моль, и наконец животное захоронили в лесу от греха. Гнездовские быстро переименовали постоялый двор, следуя местечковой логике. Ни один самый хитроумный чужеземный враг не смог бы теперь догадаться, что, желая попасть в «У моста», следует искать вывеску «Певчий олень».

Несмотря на жалобы хозяина, заведение не казалось страдающим от недостатка посетителей. Рыц пришел удачно: стойку плотно обсели гнездовские дружинники, оттеснив каких-то проезжих купчиков под рога. На нового посетителя внимание обратили, но в меру. Все-таки не каждый день в захолустье видели живого феериандца — а именно таковым представился Рыц: паладином, странствующим в поисках Меча Света. Эта легенда быстро освободила гостю место у стойки, а именно туда Рыцу и хотелось попасть. За теплое место, правда, пришлось платить. Дружинникам не терпелось пощупать броню — че, и вправду мифриальная? — и услышать о подвигах грозного воина, как на поле брани, так и на другом, более мягком по причине перин, плацдарме.

Чтобы не врать, новоявленный «феериандец» вольно пересказал приключения Паладина Смерти из одноименного романа, чем снискал уважение и завистливые взгляды гнездовских стражей порядка. Идея походов за утраченной полумифической реликвией их не очень вдохновила, зато система набора очков за уничтоженных злодеев, спасенных дев (теперь уже бывших) и освобожденных пленников оказалась гнездовцам близка и понятна. Это запили дешевым элем: точнее, Рыц ставил, дружинники запивали. Свое воздержание «паладин» объяснил

обетом: мол, пока Меч Света не отыщет — сухой закон. Впечатленные гнездовцы приняли на грудь — и за себя, и за стойкого феериандца.

Когда градус в крови ветеранов достиг нужной кондиции, чужестранный гость примолк и обратился в слух. Пожалуй, его сюзерен был прав, и Рыц многое потерял, обходя стороной кабаки. Между икотой и рыганьем из уст дружинников полились описания их бесчисленных подвигов, начиная от трактирных драк и изнасилований каких-то гусятниц и кончая победами над вдесятеро превосходящими силами врага — то бишь такими же головорезами, но на службе соседских князьков. Рыц пытался выловить из этой канализации имя Чары, прежде чем его новоявленные «друганы» поп***а***дают под стойку. Наконец воистину достойное паладина терпение было вознаграждено.

— Ты свой… ик!.. парень. Хоть и фурианец. Ага, — интимно возвестил немолодой дружинник с плешиной от длительного ношения шлема. — Вот хошь… ик! Хошь посскажу, как те очей поззаработать? Ссс! Даже за бесплатна. Ага, — доблестный воин громко рыгнул, доверительно облокотился на плечо «фурианца» и зашептал, воняя гнилыми зубами: — Вот тут у нас на этих, как его… Болотах. Такая курва есь! Ведьма! Ага. Хук ей в пятку. Не вер'шь? А ты верь, — плешивый одним глотком осушил свою кружку. Рыц сделал трактирщику знак повторить.

— Она там в этих… Чарах. Полгарнизону потравила — вусмерть! Ага. Не вер'шь? А ты верь… Хук те в пятку! Я там был? А-а, это ты спраш'шь… А хук его знает. Мошь, был. Ты про её, куррву, слушай. Она знашь на скоко очей потянет? Гад'на. Я к ей похор'шему. За зельем одним. Для бабы. А она: д'ржись, грит, п'дальше от моей казы, извр'щенец… ик! — Говоривший потянулся за новой кружкой, но промахнулся, и Рыцу пришлось подправить блуждающую руку.

— Она про Чары зна't? А-а… Это ты спра'шь. Да энта кур-рва усе пра усех зна't. Хук ей в пятку! — Запив доброе пожелание глотком эля, плешивый талантливо закатил глаза и рухнул под стойку. Немного подумав, лжепаладин решил обождать с действиями до утра: его исчезновение с постоялого двора на ночь глядя могло вызвать подозрения у вполне трезвого хозяина. Рыц бросил на стойку горсть монет и направился в свою комнату. О местонахождении болот можно расспросить трактирщика завтра.

Тот же поздний час сюзерен лжефееориандца коротал в гораздо менее гостеприимной обстановке. Мастер Ар сидел у почти не дающего тепла костерка, кутаясь в мокрый плащ. Ветер рвал языки пламени, прибивал едкий дым к земле. Стреноженная

кобыла недовольно фыркала, выражая свое мнение то ли о погоде, то ли об умственных способностях нового хозяина, не сумевшего найти на ночь приличного стойла. Глупое животное не сознавало своего счастья: им еще повезло, что кончился дождь.

Мастер не снимал с головы капюшона и подставил ветру спину, но все было тщетно: плащ продувало насквозь, шерстяная ткань противно липла к дрожащей спине. Одно простенькое заклинание могло бы избавить мага от всех неудобств, но Ар не хотел рисковать. Сейчас, в такой близости от цели путешествия, было бы непростительной глупостью привлечь к себе внимание СОВБЕЗа. На картах Службы Общей Волшебной Безопасности чарскую аномалию наверняка отмечал особый флажок, и любая магическая активность здесь отслеживалась — неизвестно только, как тщательно. А проверять Темный не собирался.

Руины борга лежали прямо перед ним — за высоким земляным валом, поросшим чахлой травой и какими-то вялыми кашками-ромашками. Мастер разбил лагерь на почтительном расстоянии. До наступления темноты было уже недалеко, и он не хотел понапрасну рисковать, шатаясь по проклятому городищу ночью. Нет, он дождется рассвета здесь. Окрестные деревушки едва виднелись на горизонте, к тому же к пользовавшимся дурной славой развалинам, да по такой погоде, навряд ли кто забредет. Даже если какой остроглазый хуторянин и обратит внимание на мерцающий в ночи огонек, то его спишут на проделки здешней нечисти, и тогда уж точно к Чарам никто не сунется. А у Мастера будет время подготовиться.

То, что он видел магическим зрением над остатками крепостного вала, превзошло все его ожидания. Приземистые строения борга с одинокой смотровой башней все еще торчали на месте пепелища, угольно-черные на фоне облачного неба, полупрозрачные. По стенам ходили сотканные из тьмы часовые. Во мраке над ними реяли дымные призраки, бесконечно меняя форму, но сохраняя верные признаки созданий тьмы: сабельные клыки, перепончатые крылья, крючковатые когти, острые шипы… Неудивительно, что сын Хлада оставил планы о восстановлении борга. Скорее вызывало удивление то, что все ограничилось только обрушившейся стеной.

Проклятие было из тех, что с годами не теряют силу, а лишь становятся крепче, как доброе вино. Светлые терпели на своей территории такую энергетическую яму только потому, что ничего не могли с ней поделать. Даже Ар сомневался, под силу ли ему снять чары, но он и не собирался пробовать. Все, что требовалось, — пробраться в борг и найти следы мага или магов, бросивших заклятие восемь лет назад. Вот только без надежной

защиты соваться за крепостной вал — чистое самоубийство. Признаться, мысль о том, что чарская аномалия, по всей вероятности, была делом рук семилетних детей, пусть и сливших силы в эгрегор, отнюдь не грела замерзшего волшебника.

Мастер слазил за пазуху и вытащил на свет видавший виды кожаный кисет. Маг с осторожностью извлек из его недр несколько засушенных корешков и пригоршню семян, покрошил все это в булькавший над огнем котелок. Оттуда тут же повалил вонючий желтый пар, заставивший настрадавшуюся кобылу фыркнуть с удвоенной силой и отдрейфовать в поля. Против ман любые средства хороши, и чем проще средство, тем оно надежнее.

Маны, полудуши, разделенные… Отпечатки былых сущностей, застрявшие между слоями реальности, лишенные возможности покинуть место своего пленения, воссоединиться с ушедшими в небытие хозяевами. Вечно голодные. Вечно тоскующие по полноте. Вечно пытающиеся утолить жажду чужой жизненной энергией. В руинах Чар их были сотни. Мужчины, женщины, дети.

Девочка лет девяти с лицом цвета пепла, полупрозрачная в сером утреннем свете, застыла перед Мастером Аром. Светящиеся белые глаза уставились, казалось, прямо на мага. На мгновение сердце кольнула ледяная игла: «Неужели настоявшийся за ночь эликсир не подействовал, и мана способна разглядеть живого?» Но тут другая сотканная из пепла фигура ухватила девочку за руку и повлекла за собой — возможно, мать. Невидящие белые глаза женщины были мертвы уже восемь лет.

Мастер Ар стоял в центре спаленного дотла борга, а вокруг него кипела мертвая жизнь. Серым людям забыли сказать, что они умерли, и они так и спешили по своим ежедневным делам, снова и снова совершая бессмысленные действия. Прах, не вернувшийся к праху. Несколько раз волшебнику пришлось быстро отступить в сторону, иначе призраки прошли бы прямо сквозь него. Мастер совсем не был уверен, что подобный контакт прошел бы бесследно для здоровья.

Древний земляной вал защищал борг от ветров с фьорда, но иной, нездешний ветер закручивал сейчас серые вихри вокруг волшебника. Он замотал лицо заранее заготовленным шарфом и пошел через носящийся вокруг пепел, который даже дождь не мог заставить лежать спокойно. Мастер искал центр — точку в пространстве-времени, где все началось. Благодаря эликсиру у него было на это несколько часов.

— Fé vældr frænda róge føðesk ulfr… — Маг медленно и отчетливо произносил на Высокой Речи заранее заготовленные

заклинания. «Агенты СОВБЕЗа небось поперхнутся утренним кофе. Но пока эти недоучки спросонья разберутся, что к чему, и вообще заподозрят вторжение, меня это уже не будет беспокоить». Мастер мрачно усмехнулся двусмысленности выражения. Магия и опасность ситуации обострили чувства. Серый мир вокруг стал ярче, контрастнее.

— Ræinn á hjarne, ræinn á hjarne… — Инкантации Мастера заставили пепельные смерчи отступить, прах припал к земле, как послушный команде хозяина пес. Ар едва сдержал крик, когда свет резанул по глазам. Зажмурившись и чувствуя, как по лицу ручьями бегут слезы, маг ткал защищающие зрение чары. Вот когда пригодились годы тренировок и опыт магических дуэлей — они помогли не потерять концентрацию и не совершить непростительную ошибку. Наконец Мастер готов был снова открыть глаза.

Теперь он мог разглядеть источник невыносимого света: сияющая спираль проклятия раскинула витки по всей территории борга, медленно вращаясь вокруг собственного центра, напоминающего маленькое белое солнце. Этого маг не ожидал: хотя спираль была типичной для проклятия фигурой, ее образовала магия чистого Эфира — пятого, и высшего элемента, к овладению которым сам Ар пока только стремился. «Значит, близнецы все-таки слили силу в эгрегор. Сочетание четырех базовых элементов дает власть над пятым. Но это значит, что и девчонка, и мальчишка владели двумя стихиями каждый. Природа, воистину, расточительна на дары!»

Мастер осторожно обходил спираль по кругу. Было очевидно, что пройти прямо к центру, как он рассчитывал, не удастся. Что у него? Всего лишь Воздух и Огонь? Против Эфира — детские игрушки. Нет, придется распутывать заклятие с самого конца — или, точнее, с начала. Нужные слова Высокой Речи послушно всплыли в памяти, и Мастер шагнул вперед. Не дрогнув, он смотрел, как сияющее копье внешнего витка неотвратимо движется прямо на него — ближе, ближе… Ах! Свет настал, и Мастер перестал быть.

Темно. Вокруг темно и холодно. Белые мотыльки. Реют, нежно касаются, тают… Тепло двух тел рядом. Одно с моим теплом. Перед глазами, так близко — прутья решетки. Клетка? Вверх-вниз, вверх-вниз… Стук лошадиных копыт. Так глухо. Снег. Высоко над землей. Факелы реют в ночи, алые мотыльки… Обагренные светом руки держат огонь. Высоко. Вверх-вниз, вверх-вниз… Держись за меня, держись, не отпускай…

— Egsoego daa semani, egsoego… go… go… — Мастер Ар едва узнавал собственный голос, едва чувствовал движение губ. В этом была главная опасность предприятия — пытаясь найти автора проклятия, маг рисковал слиться с сознанием источника и потерять себя, никогда не отыскать выхода из спирали и вечно вращаться в ней, став одним из разделенных, ман. Он должен найти равновесие — оставаться внутри заклятия, войти в сознание его творца, но в то же время — быть собой, помнить, что привело его сюда.

«Я — Ар, последний в своем роду. Наследник Ло и Талландриэля. Я здесь, чтобы отомстить за их смерть. Я здесь, чтобы вернуть свое право. Я здесь, чтобы взять то, что принадлежит мне. Сила на моей стороне!»

Темно. Вокруг темно и холодно. Идет снег. Вдруг он исчезает, как и небо над головой. Они въезжают под арку ворот. Цокот лошадиных копыт гулко отдается от стен. Пламя факелов бросает длинные тени в полузамерзшую грязь. Одна из них — тень клетки, похожая на толстую паутину. Они въезжают во двор. Между прутьев решетки он видит воинов. Они стоят по периметру двора молча, как призраки. Факелы в их руках роняют горящую смолу на снег. Он шипит, тая. Приглушенный топот копыт и это шипение — вот и все звуки. Нет, еще детский плач. Не плачь, Айна! Все будет хорошо…

«Я. Ар. Последний. Сила на моей стороне! На моей…»

Пальцы на прутьях клетки. Грубые кожаные перчатки. Еще одни. Клетку ставят прямо в снег. Холод обжигает ноги. Айна уже не плачет. Ее дрожь передается ему. Он смотрит через плечо Анхата. Из мрака выходит тень. У нее человеческие очертания, но это не человек. Снег мягко проседает под остроносыми сапогами, поскрипывая. Шаг за шагом. Пока сапоги не останавливаются перед клеткой.

Мастер Ар смотрел прямо в собственное лицо. Настоящее, не то, что он занял у Сирина. На восемь лет моложе того, что он привык видеть в зеркале. Мраморная кожа в обрамлении черных кудрей, темные глаза — красивые, спокойные, доброжелательные. Таким увидел его перепуганный мальчишка.

«Он не человек, Анафаэль».

«Я знаю. Но вдруг он — хороший? Может помочь?»

Затянутая в перчатку рука отмыкает замок. Дверь клетки распахивается. Анхат пятится, оттесняя его спиной к дальней стенке клетки. Айна уже там, тихо всхлипывает. В груди стучит так громко. Он видит черную руку через плечо брата. Рука тянется внутрь клетки. Черный бархат.

Мастер Ар услышал свой собственный вкрадчивый голос:

— Не надо бояться. Я не причиню вам зла. Но один из вас должен пойти со мной.

Теперь он слышал и другие голоса, которые были только в его голове. Нет, не в его, в голове Анафаэля.

«Он лжет. Он не человек».

«Я знаю, Анхат. Но что, если он правда хочет помочь?»

— Все будет хорошо. Просто один из вас должен пойти со мной. По своей воле. Тогда с вами ничего не случится. Вот ты, мальчик, ты пойдешь со мной?

«Нет, Анхат! Он плохой, я знаю!»

«Тише, Айна! Никто никуда не пойдет. Мы должны быть вместе».

«Вы просто трусы. Он не похож на злого. Он хочет помочь!»

«Ты дурачок, Фэль!»

— Нет? Может быть, ты? Как тебя зовут?

«Не говори ему, Фэль!»

«А что такого? Я его не боюсь!»

«Я, что ли, боюсь?!»

— И ты не хочешь? Жаль. Девочка мне не нужна. Ты или ты. Если один из вас не пойдет со мной, вас убьют. Всех троих. Так же, как ваших родителей. Это не люди — звери, жестокие палачи! Я один могу вас защитить! Ну же. У кого хватит смелости спасти брата и сестру?

Добрые темные глаза.

«Я пойду с ним. Я не боюсь».

«Нет, Фэль!»

Мастер Ар вздрогнул, ощутив давнюю боль в прокушенной руке. Он снова был собой. Он помнил, как маленький, бледный от холода и пережитого шока мальчишка стал проталкиваться к нему из-за спины брата. И как второй щенок, отличимый от первого только по ссадине на скуле, отпихнул близнеца обратно и вцепился зубами в протянутую внутрь клетки руку. Хорошо, что на руке была перчатка. Ар тогда с трудом удержался, чтобы не выбить у отродья все его молочные зубы. Но он должен был играть роль до конца.

— Ничего-ничего. Я знаю, ты просто хотел защитить брата, — добрые глаза полны боли. Незнакомец прижимает руку к груди. — Если ты боишься за него, идем. Идем, и с ним ничего плохого больше не случится. О твоем брате позаботятся и о сестренке тоже. Я обещаю. У тебя нет другого выхода. Защити их. Как твой отец защитил бы, если бы был жив.

«Нет, Анхат!»

«Анхат!»

Он видит спину брата, такую маленькую и хрупкую рядом с высокой фигурой в простом плаще без герба. Огромные белые хлопья падают на две цепочки следов в снегу…

Теперь Мастеру Ару было проще. Казалось, он нашел необходимый баланс. Высокая Речь легко слетала с языка — так же легко, как он двигался по виткам спирали, задерживаясь только на ключевых узлах, там, где линии узора пересекались.

Тяжелая дверь открывается, впуская яркий свет. Так больно глазам. Еще больнее, когда его выводят во двор. Айна рядом с ним.

В поле за стенами борга ветер. Такой сильный, что его шатает. Или это потому, что он так долго сидел взаперти? Снег давно растаял, ноги через дыры в штанах приятно щекочет зеленая трава. Они держатся друг за друга. Анафаэль и Айна. Айна и Анафаэль. Вокруг всадники на больших злых лошадях. Вокруг псари с собаками. Гончие лают, грызут сворку. Отец раньше брал его и Анхата на охоту. Но на кого охотиться здесь, в голом поле, где ветер с фьорда даже траве не дает расти во всю длину? И где теперь Анхат? Там же, где отец?

Дородный всадник в синем плаще с гербом разбивает круг. В гербе — серебряная молния, раскалывающая надвое башню. Он всегда будет помнить этот герб. Герб человека, который сделал маме больно. Так больно, что у нее пошла кровь. У человека зверь на цепи, вдвое больше любой из охотничьих собак. Серая кудлатая шерсть, чуть сгорбленная спина, огромная голова с оскаленной пастью, желтые клыки, с которых капает пена. Пес похож на хозяина.

— Что, детишки? Заскучали от моего гостеприимства? А мы сейчас поиграем. Нам всем будет весело, правда, ребята? — Люди вокруг смеются. Короткий сухой смех, как сучок, ломается под ногой. — Видите, там лес? — Человек указывает куда-то над его головой. Там, за полем, синей стеной стоят ели. Далеко. — У этой игры простые правила. Добежите до леса — и вы свободны, как птички. Идите куда хотите. Никто вас и пальцем не тронет. Так что, сыграем?

— А собаки — зачем?

Лицо человека раскалывает надвое косая ухмылка, как молния — башню.

— А это чтоб вам бежать веселее было, — вокруг снова смеются. Гончие лают. — Будете халтурить, лениться, я собачек велю спустить. Так что уж вы постарайтесь, детишки.

— Где Анхат? — Это Айна. Смелая.

— Кто, моя сладкая? — Человек с молнией в гербе нарочито недоуменно хмурит брови.

— Наш брат.

— Ах, бра-ат… — Человек цокает языком, его волкодав садится на тощий зад и скулит. — Так его же Мастер забрал. Разве вы забыли, детишки?

Смешки вокруг. Теперь скулят и гончие.

— Мы все помним. Забрал — куда? — Они произносят это одновременно, не сговариваясь. Смех затихает. Человек с молнией пожимает плечами. Он скучает, ему не терпится начать игру.

— Почем мне знать. Мастер передо мной не отчитывается. И платит слишком хорошо, чтобы задавать вопросы. Вот за ваших мамочку и папочку он заплатил золотом. Десять марок за обоих. И столько же за вашего братца. Это много, детишки. На эти деньги всю вашу лесную глухомань купить можно. Как, вы не знали? Вы думали, Чара злой? Чара — плохой дядя? Не-ет, Чара просто делает то, за что ему платят. Вот за вас Мастер больше не хочет платить. Так что пришло время вам побегать. Марш! Я сказал, марш!

Ненависть, направленная на него самого, скрутила Ара, как спазм где-то в области желудка. Внутренности горели, мысли мешались, слова заклинаний путались. Что за игру затеял Чара?! Нет чтобы просто выполнить приказ! А теперь…

Красивые, добрые глаза… Глаза убийцы!

Ноги Мастера Ара подогнулись, он упал на землю, лицом в пепел. Ненависть разъедала изнутри, как кислота, как медленный огонь. Он пытался найти слова, чтобы остановить ее, но находил только обрывки, слоги, разрозненные звуки. «А-А-А!» Это западня! Ловушка, в которую он так спешил зайти! Первая связная мысль придала Мастеру сил. С трудом он перекатился на бок и поднял дрожащую руку. Руна Сен появилась в воздухе, послушная жесту. За ней еще две. Огонь. Человек. Защита. Мастер судорожно вздохнул. Мышцы отпустило настолько, что воздух наконец смог наполнить горящие легкие.

«Мальчишка поплатится за это! За унижение, боль, страх. За ползание на коленях в пыли. За то, что семилетний щенок почти достал меня — меня, Мастера! Погоди, сучонок, скоро… Скоро я найду тебя! И тогда мало тебе не покажется! Одной Разделенной Чашей ты у меня не отделаешься!» Хрипло бормоча заклинания, Ар снова погрузился в сияющий поток спирали. Он должен пройти ее до конца. Он должен узнать, что случилось. Теперь это было делом чести.

Трава хлещет по голым коленкам. Изодранные штаны мажет зеленым соком. Колет в боку, стучит в висках. Он задыхается, хватает ртом воздух. Не оглядываться, только не оглядываться!

Лай гончих за спиной сливается в возбужденный вой. Он смотрит через плечо, спотыкается, падает. Чара спустил собак. А до леса еще далеко, так далеко! Маленькая рука хватает его под локоть, рывком поднимает. Они снова бегут. Деревья на краю поля становятся все больше в размерах. Слишком медленно. Их макушки прыгают, прыгают спутанные каштановые пряди по спине Айны. Она всегда была быстрее него, быстрее их обоих.

Лай за спиной все ближе. Кажется, он уже слышит хриплое дыхание гончих, чувствует вонь из алых пастей. Псари свистят, подбадривая собак; в вое появляется истеричная нота — дичь близко, и ей не уйти! Его сердце сейчас разорвется, ноги больше не могут бежать. Но Айна может. «Олененок» — называла ее мама.

Он останавливается. Айна ничего не замечает, продолжая бежать. От леса ее отделяет только полет стрелы. Он оборачивается. Рыжие головы гончих мелькают в траве, алые языки через плечо. Чарин зверь впереди всех, длинная шерсть летит по ветру. Клыки оскалены, страшные глаза налиты кровью, пес стелется над землей, как тень.

Сердце колотится в горле, рот пересох, хочется повернуться и помчаться вслед за Айной. Но он уже не успеет. А вот Айна еще может успеть.

«Фэль! Что ты делаешь?! Беги!»

Только стоять. Не подкосились бы ноги. Стоять.

«Нет, Айна! Давай, лес уже рядом! Я задержу их. Не бойся, со мной ничего не случится!»

Поймать взгляд и держать. Красные бешеные глаза.

«Я не могу без тебя!»

«Можешь! Беги! Позови помощь! Расскажи всем…»

Серый пес добегает первым. Держать! Они смотрят друг на друга, не двигаясь. Может, мгновение. Может, вечность. Он понимает, что времени не существует. Красные глаза становятся карими. Рык замирает в горле. Волкодав ложится на брюхо. Ползет. Мокрый нос тыкается в сапог. Длинный язык лижет засохшую грязь. Он нагибается, ласкает грубую шерсть. Когда Чара подлетает к ним, нахлестывая лошадь, остальные собаки, скуля, лежат вокруг. Анафаэль оборачивается. В поле за ним — никого, только качаются на опушке еловые лапы.

«Значит, вот как девчонке удалось спастись. Чара — жирный идиот!» Нетерпение Мастера на мгновение выбросило его из потока. «А мальчишка! Какое проявление! Полный контроль, и не над одним животным — над целой сворой! Проклятый щенок даже не вспотел! Но самое непостижимое — гаденыш работал с эфиром напрямую! Никаких посредников. Не удивлюсь, если и

чарское проклятие — его рук дело, его одного. Подумать только — Эфирный маг! В последний раз такой проявлялся… Надо проверить в хрониках, когда выберусь из этой дыры. Клянусь, я найду его! Уже скоро!»

Собачий визг. Чара стегает волкодава плетью прямо с конской спины.

— Пустобрех! Шавка шелудивая! Чего разлегся?! Ату его! Ату!

Пес визжит, ползет на брюхе. Псари пинками поднимают гончих.

— Не наказывайте его! Он не виноват!

Чара спешивается. Сверкает меч. Кровь брызжет на сапоги, на исцарапанные коленки в дырах штанов, на руки. Липкая, горячая. Собачья кровь. Его руки дрожат, когда Чара связывает их, когда накидывает петлю на шею.

— За девчонкой! Она не должна уйти!

Охотники разворачивают лошадей к лесу. Гончие снова заливаются лаем, почуяв след.

— Нет! Вы же обещали! Она ведь добежала!

Чара дергает удавку на шее, и у него темнеет перед глазами.

— А кто сказал, что я сдержу данное тебе обещание, мтар? [4] *Грязный полукровка!*

«Прячься, Айна!»

Воздух кончается, а с ним — свет.

Глава 5
Концы сходятся

Найд вздохнул и выглянул в окно. С верхнего яруса мельницы неплохо просматривался двор перед домиком Мальвиуса — пустой и скучный по причине занудного моросящего дождя. Несмотря на твердое решение взглянуть своему главному страху, то есть Камилле, в лицо, парень не мог ничего предпринять: мельникова дочка носу из дома не казала. Найд снова вздохнул и принялся за мешки с ячменем. «И отчего я такой невезучий? Всю неделю, куда б меня Жернов ни послал, всюду была Камилла, а сегодня, когда я наконец решился на разговор, ее и след простыл!»

Херр Харрис всегда учил воспитанника: «Вместо того чтобы бежать от того, чего боишься, взгляни страху в глаза, изучи его. Чаще всего реальность оказывается не такой ужасной, как ее рисует воображение». Верность этого наблюдения Найду удалось проверить накануне, когда он, выставив перед собой руки и глядя в пол, поведал ленлорду о причине недовольства Сибелиуса. Найд знал, что херр Харрис считал воровство матерью всех смертных грехов, а потому обреченно ожидал приговора.

— Не понимаю, что с тобой творится, мальчик. Последнюю неделю ты был сам не свой. Но это не оправдывает твоего проступка. Знаю-знаю! Ты собирался положить книгу обратно. И все же взял ее без спросу! Кстати, а что за сочинение заставило тебя пойти на воровство?

Воспитанник покраснел до корней волос и ответил так тихо, что херру Харрису пришлось повторить вопрос. Найд заранее приготовился к самому худшему, вроде ударной чистки всех деревенских свинарников, но последовавшей реакции ленлорда он не ожидал. Запинающееся признание вызвало у опекуна взрыв искреннего смеха.

— Иллюстрированное издание?! Ха-ха! Надеюсь, картинки того стоили! Что же, там были только женщины или мужчины тоже, то есть вместе с женщинами? Гхм… н-да. Видишь ли, мальчик, интерес к… хм, нежному полу очень естественен в твоем возрасте. Но ты должен мне обещать, что не попытаешься больше удовлетворять этот интерес *таким* путем.

Последующие полчаса красный и потный от жгучего стыда Найд сидел перед херром Харрисом, который решил, что настало время преподать взрослеющему юнцу урок полового воспитания. Реальность действительно оказалась не такой уж ужасной. Всего

лишь лекция о вреде рукоблудия — и грешник был свободен.

— Найд! НА-АЙД!

Содержимое очередного мешка перехлестнуло через край бункера и устремилось на грязный пол.

— Русалочья икра и кикиморова икота! — Заплутав в мыслях, парень позабыл и где находится, и что он здесь не один.

— Чего ты там мямлишь, обормот! — донеслось раздраженно с нижнего яруса мельницы.

— Ничего, херр Мальвиус. Что надо-то? — проорал он в люк, бросившись на колени и торопливо сгребая зерно обеими руками.

— Че надо?! Приятелю твоему помочь! А то развяжется у ленлордова сына пупок, а я в крайних буду. Тут работы сейчас мало — дождь, будь он неладен! Так ты поди, подмоги Айдену мешки уложить.

Найд буркнул в ответ что-то утвердительное, размел последние ячменные зерна по темным углам и потопал вниз. Еще на лестнице через открытую дверь он увидел льющиеся с конька крыши потоки. Утренняя зябкая морось внезапно сменилась грозным ливнем. Поежившись и натянув на голову капюшон, парень шагнул за дверь. Брр! Хлесткие струи тут же пропитали одежду, сапоги тоже промокли. Найд понесся через двор, скача через лужи. Вот уже и склад. Парень влетел в приоткрытую дверь, шумно отфыркиваясь; встряхнулся, как собака. Немного проморгавшись и стерев с лица воду, он принялся оглядываться вокруг. Айден, который в поте лица должен был укладывать штабелями мешки с мукой, очевидно, стал невидимкой: молодого ленлорда нигде не наблюдалось.

Дело принимало интересный оборот. Бывало и раньше, что Айден с Найдом косили, отлынивая от тяжелой работы. Но чтобы вот так, внаглую! Для очистки совести посланец Мальвиуса побродил еще немного по складу, заглядывая в темные углы, но не обнаружил ничего, кроме сухого мышиного помета и голубиного гнезда. «Паршивец наверняка дрыхнет на сеновале! Повезло ему, что Жернов меня на подмогу послал, а не сам явился! Вот влетело бы „сыну ленлорда“ на орехи! Но он и у меня легко не отделается! Уж на испуг-то я его возьму…»

Мокрой тенью Найд шмыгнул между прилегающими друг к другу зданиями склада и сенного сарая. Дверь была заперта, но он знал место в задней стенке, где неплотно пригнанная доска поворачивалась на одном гвозде. На этот раз стараясь не шуметь, Найд протиснулся в узкую щель. Немного постоял, вдыхая пряный аромат сена и давая глазам попривыкнуть к темноте. Он не сразу обратил внимание на доносящиеся сверху звуки. Голубей под крышей сеновала селилась целая армия, поэтому

приглушенную возню и воркующие голоса Найд поначалу списал на их счет. Вот только голуби по чердаку не топают так, что сенная труха людям на голову сыплется. И хихикать они тоже не умеют. Особенно женским голосом.

В сердце закралось неприятное подозрение. Может, дождь вовсе и не запер Камиллу дома. Может, она так же хорошо знала о лазе в стене сеновала, как и они с Айденом. Непроизвольно Найд сделал несколько шагов в сторону ведущей на чердак лесенки, но снова остановился. «Что, если это и вправду Айден? И Камилла? Что, если это он — отец ребенка? Нет, не может быть! А почему, собственно, не может? Потому что три месяца назад его на мельнице и духу не было, мы тогда в кузне работали. А Купалин день? На праздник народ собрался со всей округи, и мельникова дочка там, конечно, тоже отплясывала. Мог Айден ее у костров встретить? Мог. Герой-любовник хренов на танцульках только девок и обхаживал. Русалочья икра!» Найд метнулся обратно к дыре, но снова замер. Звуки наверху стали громче, зашуршало сено, что-то упало на пол — пара сапог?

«А если это вовсе не Айден? И даже если он… Может, он не знает о ребенке? Или, может… это у него вообще в первый раз?» Ступая на цыпочках, Найд прокрался к лестнице. На мгновение ему вспомнился выговор херра Харриса. Но ведь это не будет настоящим подглядыванием! «Мне просто нужно увидеть, кто это. И если это молодой ленлорд…» Не додумав мысль до конца, парень полез наверх. Судя по доносящимся до него звукам, события на чердаке набирали оборот. Еще один осторожный шаг — и голова Найда высунулась над краем пола.

Первое, что разглядел наблюдатель, была невероятно белая гладкая женская нога, утопающая в ворохе задранных юбок. Вторая нога покоилась на плече полулежащего на женщине Айдена. Одной рукой он придерживал ее за бедро, а другой азартно орудовал где-то под юбками, вызывая те самые воркующие вздохи и хихиканье, что и привлекли внимание Найда. Он не мог рассмотреть лица женщины, но знал — это Камилла. Ну не фру же Боливию молодой ленлорд, в самом деле, щупал на сеновале? А Камиллина двенадцатилетняя сестренка для этого дела еще маловата.

Айден тем временем отпустил ногу девушки и принялся свободной рукой возиться с поясом бугрившихся спереди штанов. Впавший в ступор Найд круглыми глазами наблюдал за его манипуляциями. В ушах тихие охи-ахи Камиллы гремели, как трубы Судного дня. Любовник наконец одержал победу над непокорными брюками. Его готовый к бою дружок выскочил наружу, парень потянул хихикнувшую Камиллу на себя.

Бабах!

Ведущая на чердак приставная лестница рухнула вниз. Голуби, прятавшиеся под стрехой от дождя, заметались под крышей, голося и осыпая сладкую парочку пометом и перьями. Виновник бедлама, мокрый и красный как рак, висел на локтях, из последних сил цепляясь за неровные доски.

Рев Айдена и визг Камиллы раздались одновременно. Разъяренный любовник ринулся к нарушителю спокойствия, путаясь в штанах. Не дожидаясь расправы, Найд отпустил руки и свалился вслед за лестницей в высоко наваленное сено. Не успел он выпутаться из его мягких объятий, как что-то тяжелое рухнуло сверху, ухватило за ногу, перевернуло.

— Ты что ж это творишь, индюк драный! — выдохнул Айден ему в лицо. В полумраке глаза парня метали молнии. — Мало тебе книжек поганых, так ты еще по чердакам пошел подглядывать?! Этому тебя монах в Гнезде научил?!

— Я не подглядывал! — завозился под молодым ленлордом Найд, понимая одновременно бесполезность сопротивления и глупость непроизвольно вырвавшихся оправданий.

— Ага! Ты природой любовался! — Айден продемонстрировал носу жертвы кулак. — Тебя вздуть до потери памяти или сам забудешь все, что только что видел?

Найд инстинктивно вдавил затылок глубже в сено, скашивая глаза на орудие ленлордовой мести:

— Я забуду. Только ты скажи… У тебя это в первый раз? В смысле — с Камиллой.

— А твое какое дело? — Айденов кулак вырос в размерах и небольно, но унизительно ткнул Найда в нос. — Как известно, любопытной Варваре…

— Нет, ты не понял, — парень завертел головой, уворачиваясь. — Это правда очень важно! Мне надо знать, был ли ты раньше с Камиллой. Три месяца назад, а? Может, на Купалу?

— ТЕБЕ?! НАДО?! ЗНАТЬ?! — С каждым угрожающим рыком Айден встряхивал жертву, все глубже вжимая ее в мягкую копну. — Извращенец!

«На плечах точно синяки останутся!» — выскочила в голове Найда мысль. Сухие соломинки больно кололи шею, одна из них норовила забраться в нос:

— А сам-то?! Совра… совра… совра-апчхи! — титель!

Инстинктивно Айден попытался увернуться от смачного чиха. Хватка на плечах жертвы ослабла. Найд пнул куда-то коленкой, вывернулся из-под ленлордова сына и скатился с копны. Айден охнул, придерживаясь за ширинку, но мужественно продолжил преследование — на четвереньках и очень тихим ходом. Найд

легко увернулся:

— Да ты хоть знаешь, что Камилла… — Он захлопнул рот. «Русалочья икра! Я чуть не проговорился!» На чердаке стало подозрительно тихо.

— Что — Камилла? — запыхавшись, прошипел Айден. Ему удалось выпрямиться во весь рост, и он угрожающе навис над отцовым воспитанником.

Найд покосился на край чердака и обреченно прошептал:

— Ты хоть любишь ее?

Молодой ленлорд раздраженно фыркнул:

— Какой ты еще все-таки пацан! Ну при чем тут любовь? — Внезапно он нахмурился, как-то по-новому посмотрел товарищу в глаза и понизил голос: — Погоди-ка, приятель, уж не втюрился ли ты сам в… — Айден повел взглядом в сторону чердака.

Найд вспыхнул:

— Вот еще! Ты бы лучше балдой своей думал, а не тем, что у тебя в штанах! Что, если ты ей ребенка сделаешь?

Ленлордов сын упер руки в боки:

— А ты чего беспокоишься? Небось не мамаша моя покойная!

Упоминание о леди Женевьеве было ударом ниже пояса. У Найда колено зачесалось, так ему захотелось отплатить Айдену той же монетой, только уже не словесной. Однако он подавил порыв и шепотом выпалил:

— Это тебе надо беспокоиться! За лен свой в том числе!

Айден моргнул и опустил руки:

— А при чем тут мой лен?

— Какой ты еще все-таки пацан! — передразнил Найд интонацию молодого ленлорда. — Думаешь, Камилла с тобой на сеновал скакнула за красивые глаза? Все знают, что херру Харрису неважно, кого ты обрюхатишь: благородную леди или мельникову…

«Хрясь!» Ладонь Айдена ударила его наотмашь, тыльной стороной. Найд пошатнулся, но устоял, прижимая руку к разбитым губам.

— Ты… ты… — Молодой ленлорд побелел, его трясло. — Хоть и заговорил, а все брешешь, как пес! Лучше б так навсегда немым и остался!

Теперь у Найда вся кровь отлила от лица. Будто в тумане, он увидел Камиллину рыжую голову, свесившуюся вниз с чердака. Девчонка ехидно улыбалась, в кудрях застрял голубиный пух. Развернувшись на месте, парень бросился к потайному лазу, едва не выломав доску, закрывавшую дыру.

— Найд! Погоди, Найд!

Кажется, Айден кричал еще что-то вслед, но он уже мчался

через дождь, не разбирая дороги.

Мастер Ар поднял лицо к небу, подставляя горячий лоб под хлещущие струи. Его шатало. Он не заметил, как блуждание в спирали подточило силы. Не заметил, когда начался дождь. Маг стоял в вуали последнего витка, ведущего прямо к центру проклятия. Пепельные фигуры вокруг размокли — маны не любили воду. Полупрозрачная плоть текла серыми разводами, как воск с долго горевших свечей. Но сами разделенные сущности никуда не текли — они просто становились невидимыми. Эликсир все еще держал их на расстоянии, но как только маны обнаружат чужака… В планы Ара меньше всего входило сражение с оголодавшими по плоти невидимками.

Маг собрался и снова начал инкантации:

— Óss er flæstra færða mtjri…

Он смотрит через щель в собачьей будке. Ее бывший обитатель Мтар — помесь волка и волкодава — был огромен. Мальчишке даже не пришлось сворачиваться клубком, чтобы заснуть. На вонючем полу оказалось достаточно места. Но теперь утро. Между двумя неплотно пригнанными досками он видит двоих детей — богато одетых, чистеньких. Девочка лет девяти и хмурый мальчик постарше — сразу видно, брат и сестра. Рядом с ними — угрожающего вида дядька с мечом у пояса. К троице присоединяется еще кто-то — из щели не видно, кто. Но по голосу он сразу узнает человека с Молнией, Чару.

— Вот, ребятушки, хочу сделать вам подарок. Ты же давно хотела щенка, Рунна? Так вот вам щенок, да еще не простой.

Девочка исчезает из поля зрения, только мелькают тощие косицы. Слышится смачный поцелуй.

— Спасибо, пап. А можно его посмотреть?

Девочка — Рунна? — подходит ближе, пытается заглянуть в будку. Он съеживается, но Рунну удерживает за плечо бородатый дядька.

— Не спеши так, детка. Этого щенка еще надо приручить.

На скучающем лице мальчика впервые появляется интерес. Он вытаскивает из-за пояса увесистую деревяшку с крестообразной рукоятью — игрушечный меч. Анафаэль пытается отползти к дальней стенке будки. Это не помогает. Бородатый тянет за лежащую на земле цепь и вытаскивает его на свет.

Найд бежал через лес, мокрые ветви щедро раздавали ему пощечины. За дело. Сапоги скользили по опавшей листве, проваливались в грязь, несколько раз он падал. Дома влетит за

брошенную работу, но это тоже за дело. «Ну что я наделал? Теперь Айден наверняка сидит и утешает несчастную Камиллу, и чем эти утешения закончатся… Надо что-то придумать!»

Но мысли скакали неуправляемо, как ноги через корни, лужи и ямы, увлекая его темными звериными тропами туда, где он так давно не был. А слова Айдена звучали в голове, снова и снова, подстегивая, преследуя, как спущенная загонщиком свора: «…все брешешь, как пес! Лучше б ты так навсегда немым и остался!»

— Собака должна ходить на четырех лапах!

Цепь больно дергает за шею, тянет к земле. Расшитый сапожок становится на нее, укорачивая так, что Анафаэль вынужден растянуться в пыли. Это Симург, тот самый бородатый дядька, показал Эрэ, как надо.

— Вот так, Мтар! Давай на четвереньках, давай! — Второй сапожок пинает его под зад, заставляя подняться с земли, встать на карачки. — Глянь, Рунна! Похоже, из него еще получится послушный пес!

— Это не настоящая собака, придурок! — морщит носик девочка с косичками. — Собаки одежду не носят!

Эрэ хмурится, соображая:

— Эй, ты! А ну снимай тряпки! — Пинок в ребра. — Ты что, не понял?! Снимай или я тебя из них вытрясу! — Еще пинок.

Анафаэль пытается стянуть рубаху через голову, но мешает цепь. Сын Чары дергает, и давно сопревшая ткань с легкостью рвется.

— Теперь штаны! Ну!

Рунна рассматривает его, задумчиво посасывая леденец. Анафаэль не выдерживает:

— Да пошел ты!

Первый удар собачьей плети всегда хуже всего. Симург научил Эрэ, как бить, а мальчишка оказался прилежным учеником.

Постепенно Найд замедлил шаг, пытаясь определить, куда занесли его ноги. Это не очень получалось — вокруг были только дождь и мокрый, густой подлесок, тыкающий в бока острыми ветками и уже разодравший штаны на бедре. То ли в этой части леса он оказался впервые, то ли не мог узнать ее из-за полумглы и льющейся отовсюду воды. Найд начал продираться в направлении, в котором, он надеялся, находилась Горлица.

Он снова смотрит в щель будки. Много детей. Чужие дети, незнакомые. Все идут сюда, Эрэ и Рунна впереди. Процессию замыкает скучающий Симург.

— А тут у нас щенок, папин подарок, — Эрэ свистит. — Мтар, ко мне!

Анафаэль вжимается в стенку будки. Он знает, что будет дальше.

— Ко мне, я сказал! А-а, плохая собака!

Стальной ошейник врезается в рану на шее, глубже и глубже с каждым рывком цепи. Он терпит, скрепя зубы, уперевшись ногами в одну стенку будки, а спиной — в другую. Вывернув голову, смотрит в щель. Эрэ на другом конце цепи покраснел от натуги. Среди детворы раздаются смешки. Симург делает шаг к своему подопечному, чтобы прийти на помощь. Анафаэль поджимает ноги, кубарем выкатывается из будки. Сопротивление неожиданно пропадает, и Эрэ валится на спину, к всеобщей потехе детей. Особенно громко хохочет Рунна.

Трудно молчать, когда на голую спину опускается собачья плетка. Он то ли воет, то ли скулит от боли. Дети снова смеются, теперь над ним.

— Сидеть!

Он садится в пыли. Теперь лучше Эрэ не злить, а то он войдет в раж.

— По-собачьи сидеть!

Гости рассматривают его, беззастенчиво, как это делают только дети. Впервые он рад, что такой чумазый. Толстый слой грязи покрывает кожу, как одежда, которую у него отобрали, как собачья шкура.

Рунна ставит на землю миску с объедками. От миски воняет тухлятиной, но рот наполняется слюной. Ему не давали есть уже несколько дней.

— Что, лопать хочешь, Мтар? Тогда — голос!

Он молчит. До миски далеко, не допрыгнуть — Эрэ держит цепь.

— Голос, тварь!

Тут он понимает, почему его «забывали» покормить. Эрэ готовился к предстоящему представлению, думал, щенок с голодухи станет покладистей. Ладно, он устроит им представление! Внезапно он встает во весь рост, почти упираясь носом в грудь «хозяина». Такая наглость несколько сбивает со старшего мальчишки спесь, и он забывает дернуть цепь.

— Где ты потерял свою честь, Эрэ? — Он не знает, понимают ли дети, что имя их приятеля означает «честь» на тан. По крайней мере все пялятся на него круглыми глазами. — Ты просто напыщенный, трусливый дурак! Ты похож на отца — убийцу за деньги, вора, травящего собаками…

Удар Симурга сбивает его на землю. Перед глазами темнеет.

Это хорошо. Он почти ничего не чувствует. Почти. В нос и рот набивается пыль. Расплывчатый опрокинутый Симург отнимает у Эрэ плетку. Мальчишка что-то зло кричит, выхватывает из-за пояса игрушечный меч — такой красивый, почти как настоящий. Раньше Анафаэлю хотелось иметь такой. Раньше…

Найд остановился как вкопанный. Несколько мгновений он стоял неподвижно, слизывая языком бегущую в рот дождевую воду, слушая разговор ливня с лесом. Наконец он развернулся и зашагал в противоположную деревне сторону, в направлении болот.

В будке темно. Наверное, ночь. Он не сразу чувствует, что лежит на чем-то твердом и остром, так болит все тело. Шевелиться не хочется. Хочется пить. Кажется, он засыпает. Просыпается от того, что что-то впилось в бок. Ощупывает себя. Палка. Откуда она тут? Не сразу вспоминается меч Эрэ, да без гарды палка и не похожа на меч. Никто не заметил, что щенок накрыл обломок телом, прежде чем потерял сознание. Щепа длинная, острая на конце. Хорошо.

По болоту идти тяжело. Вода поднялась и стояла по колено, отмечавшие тропу вешки почти не видны за стеной дождя. Найд ступал медленно, осторожно, прощупывая длинной корягой дно.

Он дергается на шорох. Пальцы инстинктивно сжимаются на палке за спиной. Тень заслоняет звездный свет, отражающийся в стоячей луже у лаза в будку. Не сейчас! Дождаться, пока Эрэ будет без Симурга, один. Но Эрэ никогда не приходит ночью?..

В будку просовывается вкусно пахнущая миска.

— Не бойся, я тебя не обижу, — голос тоненький, девчачий. — Ешь, это тебе.

Он не двигается с места.

— Ешь. Я сейчас уйду, но вернусь позже, заберу миску.

Она уходит. Шаги неслышные, девчонка босиком. Он ест. Это не кости, не объедки, а теплая еще пшенная каша. Он старается есть тихо. Он хочет дождаться девчонку, но засыпает тут же, с вылизанной миской в руке. Утром просыпается с пустыми руками и странным, почти забытым чувством сытости в животе.

Она приходит опять, на следующую ночь. Опять с кашей. Он ловит ее руку прежде, чем она успевает исчезнуть в темноте. Рука тоненькая, но чистая. Она ахает от неожиданности, но руку не выдергивает.

— Как тебя зовут?

Ее глаза большие, темные-темные, в них блестит лунный свет. Она нервно облизывает пухлые губы:

— Ива. А тебя?

Такая маленькая. Не старше его сестры. У него ведь была сестра…

— Анафаэль. Кто тебя послал?

— Никто. Я сама.

— Почему? — Удивление так ясно звучит в его голосе, что Ива смущенно отнимает руку.

— Мне жалостно так стало… Это неправильно, что господа с тобой сделали. С людьми нельзя так.

Он пожимает плечами:

— А они меня за человека не считают. Мтаром зовут, полукровкой. Так Чарина волкодава звали, что в конуре этой раньше жил.

Ива внезапно настораживается, прислушиваясь к чему-то невидимому Анафаэлю за стенкой будки:

— Мне надо бежать. Нельзя, чтоб меня заметили. Ты хороший мальчик, Анафаэль.

Под кронами густых елей было темно, как ночью. Зеленые сумерки на поляне стали просто сумерками. Дождь проникал сюда скупыми, хвоей пахнущими каплями. Домик Найрэ превратился в черное пятно с белой кляксой по центру. Коза Марта топталась у двери и жалобно блеяла. Возможно, в непогоду старуха пускала ее внутрь. На этот раз дверь оставалась закрытой. Найд, не раздумывая, направился к домику. Остановился, прислушиваясь, на пороге.

Он ждет Иву. Не каждую ночь кухаркиной дочке удается ускользнуть из людской незамеченной, да еще и прихватить с собой недоеденную слугами кашу. Но он терпелив. Ива не приходила уже два дня, значит, наверняка появится сегодня. У него важное дело. Он ждет Иву.

Ее шаги почти не слышны среди обычных ночных шорохов. Но он научился узнавать их звук и радоваться ему. Ива уже близко. Но что-то не так. Она не одна в темноте. Он приникает глазом к знакомой щели. Ночь безлунная. Воздух тяжел предчувствием грозы. Все, что он видит, — только тени, игра теней в отсутствие света.

Черный силуэт заступает дорогу маленькой фигуре. Сзади появляется высокий, страшный, темный. Сдавленный крик. Бряканье упавшей в засохшую грязь миски.

— Так вот кто подкармливает щенка?! Мешает мне

натаскивать полукровку? — В голосе Эрэ слышится неприкрытое торжество. — Накажи ее, Симург!

Рука Анафаэля сжимается на деревянном обломке. Нет, не сейчас! Дождаться, когда Эрэ будет один. Ему не справиться со взрослым, с воином.

Маленькая тень бросается в сторону. Большая страшная замахивается. Удар отрывает маленькую от земли. Она падает с тупым неживым звуком, как тряпичная кукла. Что-то не так. Ива? Ива!

Ни Симург, ни Эрэ не смотрят в его сторону. Когда они оборачиваются на звон цепи, Анафаэль уже почти на расстоянии удара. Почти. Глаза Эрэ расширяются — два блестящих медяка в темноте, — когда он видит заостренную палку в руках щенка. Страх приковывает его к месту. Страх воняет мочой. Анафаэль бьет что есть силы. Деревяшка входит глубоко в мягкую плоть — в бок Симурга, успевшего отпихнуть господина. Одним ударом воин отшвыривает щенка от себя. Зажимает руками бок. Сгибается пополам, выкрикивая хриплые проклятия. Между пальцами сочится и капает на землю черная влага.

Анафаэль не смотрит ни на него, ни на всхлипывающего в грязи Эрэ. Он видит только Иву. Он не может дотянуться до нее, не пускает цепь. Глаза девочки уставились прямо на него, не мигая. Свет в них погас. Там, где ее щека касается земли, грязь темнее, и темнота расползается, расползается… Где-то далеко гремит гром.

Найда трясло от холода. Только теперь, когда безумный бег через чащу и переход через болото кончились, насквозь промокшее тело охватил озноб. На стук в дверь никто не ответил. Только дождь шептал в высоких кронах, топтался по дерновой крыше, щекотал ледяными пальцами шею. Дождь хотел сказать что-то, хотел предупредить — или напомнить?

Парень постучал еще раз, настойчивей. Рука заметно тряслась, изо рта шел зябкий пар, не успевавший рассеиваться в насыщенном влагой воздухе. Неужели Найрэ бродила по лесу, в такую-то непогоду? Коза ткнулась головой под колени незваному гостю, сердито заблеяла. Ее круглые янтарные глаза будто говорили: «Ну, глупый человек, долго еще стоять будем? Или, может, додумаешься дверь открыть?»

Найд взялся за бронзовое кольцо, повернул. Дверь подалась и отворилась в темную тишину. Коза попыталась последовать за гостем, но веревка была коротка. Закрывшись, толстая дубовая створка заглушила Мартино разочарованное «мэ-э!».

— Найрэ, это я, Найд!

Тишина ответила стуком крови в ушах. Парень немного потоптался на месте. «Уйти или подождать, пока старуха вернется?» На чисто выскобленный деревянный пол с него уже успела натечь темная лужица. Лужица была не одна.

Глаза, привыкшие к царившему в хижине полумраку, различили теперь цепочку следов, ведущих вглубь комнаты. В каждом мокром пятне с комками нанесенной с болота грязи могли бы уместиться обе Найдовых ноги разом. Сердце парня пропустило удар, а потом заколотилось с такой силой, словно хотело выскочить из груди. С сосущим чувством под ложечкой, весь дрожа, он медленно пошел по следам — на крохотную кухоньку, мимо потухшего очага, вокруг обеденного стола…

Найрэ лежала, откинув голову, в окружении разметавшихся по полу белых волос. Одна ее рука покоилась на расшитом кошеле у пояса, будто прикрывая единственное сокровище. Другая была откинута в сторону, пальцы все еще сжимали карту с черной рубашкой. Рядом валялся опрокинутый табурет. Казалось, будто ведьма села к столу Аркан раскинуть, да так и упала, как громом пораженная.

Ноги у Найда подкосились, и он рухнул на колени у тела Найрэ. Все было так знакомо: полумрак, поза, в которой лежала женщина, устремленный на него немигающий взгляд, его страшная стеклянная пустота. Найд потянулся, чтобы закрыть глаза старухи. Веки были еще теплыми. Дальнейшее произошло так стремительно, что он не успел среагировать, не успел разорвать контакт или оказать сопротивление.

…страшная боль за грудиной, невозможность вздохнуть, втянуть в себя воздух, которого полно вокруг, за который беспомощно цепляются скрюченные пальцы…

— Ты видела его? Черные волосы, голубые глаза, он был пленником в Чарах. Теперь ему должно быть шестнадцать лет.

— Нет, не видела, не знаю.

— Ложь! Где он? Скажи — и будешь жить.

Черный капюшон, а под ним — лицо без лица.

— Ты пришел погадать? Я расскажу тебе будущее.

— Что ж, погадай, старая. Только меня не будущее интересует, а прошлое.

Прошлое. Так больно. Пустота в груди разрывает легкие. Кровь разрывает сердце. Только бы успеть. Будущее. На ощупь оно холодное и гладкое, как карточная рубашка…

Со всхлипом Найд втянул в себя воздух. Никогда раньше он так не радовался способности дышать, жить. К горлу подступила поднявшаяся из желудка желчь. «Не хватало еще проблеваться и

осквернить тело!» Он попытался отползти в сторону, но руки подгибались под его весом. Пальцы наткнулись на что-то незамеченное в момент первого шока. Карта. И еще одна у подола старухи. Обе лежат кверху знакомыми рисунками. Безумец. Маг. «Стоп! А что там, в руке Найрэ?»

Все еще дрожа, теперь чисто нервной дрожью, Найд осторожно разжал хватку мертвой. Острый край аркана, очевидно, порезал ладонь, капли крови пятнали морщинистую кожу и пол. Найд повернул карту. Этого изображения он еще не видел. На фоне гор стояли три фигуры: в центре — темноволосая девушка, скрестившая руки на груди; по обе стороны ее — двое молодых мужчин. Все трое — удивительно похожи друг на друга. Юноши различались только цветом одежды: черной у одного и белой у другого. Руны, бегущие под картинкой, могли читаться двояко: «разлученные» или «распутье».

Слова Найрэ зазвучали у него в ушах: «Тебе вскоре придется принять важное решение, и выбор будет только твой: ты волен избрать любое направление, идти куда угодно, на свет или во тьму». Что ж, новый аркан, что бы он ни значил, не принес объяснения, а единственный, кто мог бы истолковать его… Найд потянулся вложить карту обратно в руку хозяйки, но тут взгляд упал на что-то ранее скрытое безвольной кистью. Капли крови на полу были странным образом размазаны — не просто растерты судорогами умирающей, но соединены в узнаваемый узор. Больше всего это напоминало руническое письмо. Да, определенно кровью было коряво, но узнаваемо нацарапано: «¥ΛÏVĘ».

«Кто бы мог это написать? Умирающая? Что такого важного в этом послании, что она потратила на него последние силы? И почему Найрэ выбрала руны, которые никто из возможных посетителей домика и прочитать-то не сможет? Никто, кроме… Неужели женщина оставила свое последнее слово лично для меня? Рассчитывала, что я приду сюда и увижу… Что? В переводе на тан или его местный диалект, азири, надпись будет означать „жив“, „жива“ или „живы“. Все это — „¥ΛÏVĘ“. Руны — не самый прозрачный язык, они всегда оставляют простор для толкования».

Найд внимательно осмотрел карту в своей руке. Двое юношей и девушка, одинаковые лица, «разлученные», «распутье»…

Близнецы!

Он вскочил на ноги. Вылетел из домика, едва не снеся дверь с ветхих петель. Споткнулся о топтавшуюся у дверей Марту, растянулся в грязи. Коза обиженно мекнула и оттрусила в сторону.

«Жив. Жива. Живы». Может ли это значить, что его брат

выжил? Или что сестре удалось скрыться от охотников в лесу? А возможно… Возможно, живы они оба? Айна? Ахнат? Он шептал имена, которые заставил себя забыть восемь лет назад, и они обжигали губы, сдирали с сердца наросшую колючую кожуру, открывая нежное, беззащитное, как ядро каштана, нутро. Невозможно, невозможно! Ведь он не чувствовал их с тех пор.

«¥ΛЇVĘ». Это всего лишь воображение. Всего лишь надежда на обретение надежды. Если бы только Найрэ могла ответить на его вопросы! Но кому понадобилось ее убивать? Ведь он видел, ее убили. Мастерски, не оставляя следов насилия. Любой, обнаруживший тело Болотной Бабки, подумал бы, что старуху просто хватил удар.

«Где он?.. Был пленником в Чарах… Ему должно быть теперь шестнадцать…»

«Неужели человек без лица пришел сюда за мной? Из-за меня погибла Найрэ? Снова из-за меня!» Найд поднялся с земли, не отряхиваясь. Прислушался к шороху дождя. «Нет, кто бы ни был неизвестный убийца, он теперь далеко. Иначе я бы встретил его на топях. И тогда наверняка это была бы моя последняя встреча». Мысль заставила его зябко поежиться. «Куда направился незнакомец? Он не добился ответа от Найрэ, но все же… Ведь как-то подонок отыскал Болотную Бабку. Что, если он заявится в деревню? Херр Харрис держит двери своего дома открытыми для путников, особенно в непогоду».

Возникшая в воображении картина с безликим громилой на первом плане и черными перчатками, сдавливающими горло опекуна, — на втором вывела Найда из столбняка. Он метнулся обратно в дом, подхватил с полу «Безумца» и «Мага», осторожно снял с пояса Найрэ кошель с Арканом и отправил все себе за пазуху. Херр Харрис этого бы не одобрил, но ему знать о картах необязательно. Странно, но через ткань кошеля характерного холодка и покалывания не чувствовалось. Найд как следует запахнул тунику на груди, чтоб карты не намокли, и выбежал в дождь. Марта укоризненно заблеяла вослед.

Конура больше походила на невысокий сарайчик без двери. Мастер Ар поежился при мысли о том, какого размера должна была быть обитавшая там до щенка псина. Впрочем, собачкой уже давно отобедали черви, да и будка просвечивала насквозь — м***о***рочная, как и все тут, в чарском борге. Идиот ярл поплатился сполна за свою тягу к развлечениям.

Центр спирали находился именно здесь, где восемь лет назад сотворил смертельное проклятие полуживой мальчишка. Эфирный маг, уничтоживший весь род своего притеснителя, да

еще и целый борг вместе с обитателями. Ар не мог не признаться самому себе, что невольно начинал уважать *такого* врага. Теперь оставалось только пройти ядро, а там уже близко то, зачем он сюда пришел. Маг смочил языком пересохшие губы, снова завел свой речитатив и вступил в свет.

Все ушли. Наверное, подумали, что он мертв. Били сильно. Может, он и вправду умер. Не чувствует ничего. Только слышит гром. Уже близко. Видит молнии. Он и сам будто молния. Как тот огненный шар, что однажды летом в грозу летал над полем, пока не ударил и не спалил дотла стоявшую на опушке баньку. Он тоже может летать. Он налит белым светом, и свет делает его легким, таким легким… Он не может шевельнуть ногами, но взмывает в воздух, парит на его волнах, скользит по натянутым струнам энергий, пронизывающих все. Молнии падают прямо на него и насквозь, он собирает их лиловое сияние кончиками пальцев, потом пальцев уже не хватает, лиловое сливается со светом внутри него, заполняет так, что вот-вот выплеснется через край. Но он держит приручeнный эфир, пока еще держит. Важно найти единственно правильное слово. Пусть оно сожжет язык, пусть он никогда больше не произнесет ни звука! Слово — это ключ, это начало и конец.

За маму и папу. За Анхата. За Айну. За Иву. Одно слово.

ЧАРА

Это здесь. Кровь жертвы и кровь палача, связанные кровью мага. Какой мощный зам***о***к! Даже зная слово-ключ, Мастер Ар не мог отпереть его — не хватало сил. Эфир отторгал чужеродную магию, свет причинял боль. Хорошо, что не надо возиться с проклятием дальше. Осталось только пройти по хвосту спирали, точнее, проползти. Ядро отняло неожиданно много сил. Зато теперь можно и поперек, необязательно следовать изгибам завитка. То, что ему нужно, находится в самом конце.

Чужие воспоминания мелькали быстро, как картинки в калейдоскопе. В ту ночь молния ударила в смотровую башню борга. В пожаре сгорела казарма, где спали воины, в том числе раненый Симург. Ар вспомнил Чарин герб. Нельзя не признать, у мальчишки было чувство юмора, хоть и довольно черное. Щенок поплатился-таки за свой чудовищный выброс, он онемел — или притворился немым? Во всяком случае, за свои последние месяцы в Чарах мальчишка не произнес ни слова. Застенки крепости пополнились новыми жертвами — участниками крестьянских бунтов. Ярл ответил на восстания ужесточившимся зверством. Зачинщиков вешали и четвертовали прямо во дворе борга,

недалеко от места, где стояла конура. Мужики в ответ свирепели, жгли посевы, травили скот. Во всей этой неразберихе о полудохлом бессловесном щенке как-то позабыли. Пока однажды ночью ворота Чар не открылись для чужаков.

Мастер Ар мешком выпал из спирали и снова ощутил на лице дождь. Первозданный Огонь! Наконец-то! Он нашел то, что хотел, и даже более того. Лицо человека, подобравшего щенка. Его имя, звание. Оставалось только добраться до местечка под названием Горлица. Если, конечно, удастся вообще покинуть проклятый борг!

Маг лежал на боку, грязный, облепленный мокрым пеплом. Вокруг стояли безмолвным кольцом маны. Десятки, может, сотни. Светящиеся белые глаза смотрели прямо на чужака. Действие эликсира закончилось. Мастер нервно хихикнул — из горла вырвался хриплый каркающий звук. Девочка с косичками в первом ряду — Рунна? — прислушиваясь, склонила голову набок под неестественным углом.

— РЫ-ЫЦ! — Маг вложил все оставшиеся силы в этот беззвучный зов, успел уловить далекий ответ, и тут маны ринулись на него.

Глава 6
Удача Джейремии Хопкинса

Джей ненавидел дождь. Но еще больше ненавидел свою миссию, не позволявшую ему ни раскинуть над собой «зонтик» водоотталкивающего заклинания, ни включить «подогрев» промокшего, хоть выжимай, плаща. Сексоту, понимаете ли, надо сливаться со средой! А что среда эта может быть мокрой, грязной и холодной, на отборочном экзамене в Академии как-то забыли упомянуть.

Джей надвинул капюшон глубже на уши, что оказалось большой ошибкой. Собравшаяся в коварной складке вода тут же устремилась за воротник.

— Прок… — Джей едва сдержал готовое сорваться с языка магохульство, — …сто жуткая погода! — Хотя кто его тут мог слышать-то? Школярская привычка. Вокруг только раскисшие поля, еще более раскисший тракт впереди да кучка каких-то невзрачных крыш на горизонте. Это, что ли, Горлица? Ладно хоть с трехмерной картой местности сверяться не запрещалось — она проецировалась заклинанием прямо на глазную сетчатку.

Джей ударил пятками лошадь. Видно, его депрессия передалась скотине, которая едва шевелила облепленными грязью копытами.

— Н-но, милая! А то мы так до деревни и затемно не доберемся! Там тепло и эль авось поставят… То есть овса дадут.

«Ну вот, доколдовались, херр сексот. Уже с лошадью разговариваем!» Кляча, однако, вняла то ли Джеевым шпорам, то ли обещанию овса и перешла на тряскую рысь. «Нет, все-таки самое унизительное в этой ситуации — не мерзкий осенний дождь, не возвращающийся вопреки заклинанию „Исцеление“ насморк, не раздолбанная верховой ездой задница, а то, что на все эти прелести провинциальной жизни я напросился сам. А Магура-то хорош, старый пердун! И где так научился мягко стлать?! Его, мол, старика, ревматизм замучил, а на Чудесные Ключи путевку дают только в октябре. Задание у него, мол, первостепенной важности, замену найти трудно. Но, конечно, такой выдающийся молодой маг, как Джейремия Хопкинс, справится без труда с поставленной задачей и тем стяжает себе повышение в рангах, а может даже, и медаль на грудь. И я повелся на эту лабуду, как последний лох! Амбиции, понимаете, взыграли в одном месте. Тьфу! То есть…»

— А-апчхи!

Джей утер нос мокрой перчаткой, сверился с переписью горлицкого населения и прошлогодними заметками Магуры. К счастью, все это тоже выдавалось прямо на сетчатку. «Хорошо, дождь поутих и в глаза не заливает, как еще час назад. Так оно и есть! Как и в остальных точках — ничего интересного. Детей мужики много наплодили, но все испытаны, результат отрицательный. В записях гада Магуры против всех имен значится „нег.“».[5]

По прошествии восьми дней, проведенных под дождем и ветром в бессмысленном шатании по унылым деревням, вера Джея в святость СОВБЕЗовских инструкций основательно пошатнулась. «Ну скажите на милость, зачем крестьянам, обремененным голодными ртами, прятать детей по лесам и тем самым отказывать своим отпрыскам в единственной возможности выбиться в маги, получить образование и теплую должность в конфедерации? Неужели им хочется, чтобы их сопливый щенок всю жизнь навоз сгребал за свиньями, вместо того чтобы вкушать блага цивилизации в Тиаго Раи или Абсалоне?» Самому Джею этих благ сейчас ох как не хватало. Потомственному волшебнику в тридцать первом колене был абсолютно чужд и непонятен страх простого люда перед магами. Испытание и обучение в Академии казались ему единственно верным и естественным путем.

На подъезде к Горлице Хопкинс додумался до того, что ежегодные «чистки» придуманы исключительно в наказание лоховатым молодым сексотам — за заносчивость, или старым пердунам, вроде Магуры, — чтоб побыстрей на пенсию сбыть. «Конечно, ведь вся честь достается вербовщикам! Это они проезжают по провинциям в июле, по хорошей погоде, на белом коне и в блеске волшебных фокусов, вроде фейерверков, выскакивающих из шляп кроликов и бесплатных полосатых леденцов. Это они устраивают публичные испытания на площадях, привлекая толпы зевак. Это им достаются званые обеды, дары от местных умельцев и грудастые местные девки. Это у них есть реальная возможность сделать головокружительную карьеру, доставив в Академию детишек с мощным потенциалом. А что остается мне, младшему сексоту? Я ведь даже магом представиться не имею права. Так, очередной проезжий, стучащийся от двери к двери: пустите на постой, люди добрые».

Джей вздохнул и зло пнул лошадь по бокам, направляя в ворота Горлицы. Небольшая деревенька была окружена ладным частоколом — только отдельные хутора рассыпались там и сям по окрестным полям. Очевидно, хуторяне могли укрыться за стенами Горлицы в случае опасности. Ворота стояли гостеприимно распахнутыми, но оно и понятно: на одном из опорных столбов

торчал замаскированный под козлиный череп «страж». Как бы ни был беден местный ленлорд, а на магическую сигнализацию он раскошелился. Хотя… Может, всей деревней скидывались.

Джей потрусил по главной улице. Точнее, трусил под ним мерин, а улица в Горлице согласно карте наличествовала всего одна. По сторонам сексот особо не оглядывался — за дождем все равно ничего толком не разглядеть, да и что разглядывать-то — трактира в этой «глубинке» построить еще не додумались. В серой мороси прямо по курсу возникла замотанная в плащ фигура и приветливо замахала рукой. Значит, работает «страж»-то. Джей направил лошадь за провожатым, даже пинок не потребовался. Видно, почуяла коняга теплый хлев: уши — торчком, хвост — веером.

Через несколько минут сексот уже входил за хозяином в натопленную светлую горницу. Высокий, начинающий седеть мужчина, назвавшийся херром Харрисом, пригласил странника присесть и послал за сухой одеждой да снедью конопатую Гореславку. «Так это я к самому ленлорду на блины попал», — размышлял маг, оглядывая скромное чистенькое жилище. Он плел херру заранее заготовленную легенду о сироте из Суи-Суи, потерявшем семью во время мора, выросшем в приюте, а теперь пробирающемся на побережье, чтоб наняться на торговый корабль. Таких сирот всех возрастов и фасонов соседние с Суи-Суи княжества перевидали за последние годы немало, так что история должна была прокатить. По крайней мере, в других деревеньках наживку заглатывали с крючком, и бабы с увлажнившимся взором тащили на стол что было в печи — подкормить симпатичного бедняжку.

Пока Джей, мигая крупными карими глазами и сдвигая соколиные брови домиком, повествовал о трудностях сиротского быта, он не забывал потихоньку проводить контроль помещения. Как и ожидалось, тут не было никаких следов магии. Херр Харрис сочувственно кивал, на столе появились наваристые щи и буханка ароматного хлеба. Гореслава, развешивавшая над печкой мокрые тряпки гостя, тайком утирала косоватые глаза. Короче, все шло по заведенному сценарию.

— Н-да, парень, круто с тобой жизнь обошлась. Но ты хоть знаешь, кто и откуда, родителей своих помнишь. А вот мне довелось приютить мальчонку… Ни роду ни племени, совсем еще малышом был, видно, когда осиротел. Да и судьба так его обидела. Он даже не говорил поначалу, думали, немой. Только стараниями супруги моей покойной выправился парнишка, и, думаю, толк из него будет, ведь он к грамоте способный.

Настала очередь Джея сочувственно кивать, чем он и

занимался, пока суть сказанного не проникла в полусонное от сытости сознание. Полная щей ложка замерла у разинутого рта. «Сирота. Он сказал — сирота! Но ни в переписи, ни в записках Магуры никакого сироты не было! Ни с корявым „нег.“, ни без него!» Заметив удивленный взгляд хозяина, Джей с трудом растянул губы в улыбке и отправил ложку по назначению. «Неужели это — настоящее?! Находка?! Надо выспросить у Харриса все поподробнее. Да и где этот немой грамотей?»

Херр Харрис рассказывал охотно, но из всего вороха вываленной на гостя информации сексот выяснил не слишком много полезного. Подопечному ленлорда могло быть, навскидку, от четырнадцати до шестнадцати лет, паренек жил у херра Харриса в нахлебниках лет восемь. И куда глаза сволочары Магуры смотрели, это же его район?! В данный момент объект работал на местной мельнице вместе с Харрисовым сыном; ни имени, ни фамилии у сироты не имелось — хоть мальчишка от немоты и излечился, как его зовут, никто допытаться не смог. Так что ленлорд окрестил приемыша просто Найдом.

— Я сначала Бренденом хотел назвать, — смущенно пояснил херр Харрис, проводя ладонью по седеющим волосам. — Так звали брата Айдена, младшего. Он умер при рождении. Но леди Женевьева запретила. — В глазах хозяина промелькнуло виноватое выражение. — Ты только не подумай, она мальчика сразу полюбила. Просто боялась, что имя это несчастье накликать может. Ну не Найденышем же было парнишку звать? Вот и решили сократить до Найда. Звучно и сочетается хорошо: Айден и Найд.

Джею абсолютно не было дела до трогательной семейной истории — следовало получить необходимые сведения и составить план действий. В доме они остались одни — Гореслава утопала по своим делам, остальные вернутся с мельницы только к ужину. Недолго думая, Джей наставил на херра Харриса указательный палец. Ленлорд обмяк, взгляд сделался бессмысленным, рот слегка приоткрылся, придавая благородному лицу глуповатое выражение. Не спеша, старательно сексот выговорил заклятие правды — все-таки первый самостоятельный допрос, очень уж не хочется, чтобы что-то пошло наперекосяк.

После парочки контрольных вопросов, показавших, что чары подействовали, Джей перешел наконец к делу:

— Почему твой подопечный, Найд, не значится в переписи?

— Не знаю, — без выражения ответил подозреваемый.

Солгать херр Харрис не мог. За учет населения отвечали церковники и местный ярл — Гнездо, кажется?

— Вы уведомили власти о сироте?

— Да, — все тот же невыразительный голос.

— И церковь, и вашего сюзерена?

— Да.

Так, значит, обычная халатность на местах. Что ж, с этим разберутся. Не его, Джея, это дело. Его дело — сообщить куда следует.

— Почему ваш подопечный не явился на призыв? Причем неоднократно?

— Его не было в деревне, когда приезжали вербовщики, — четко выговорил ленлорд. Одно удовольствие работать с заклинанием правды!

— И где же он был?

— В лесу прятался.

— Или вы его прятали? — чуть поднажал на «вы» Джей.

— Нет, не я, — все тот же спокойный голос. — Найд убегал из дома и не возвращался, пока вербовщики не покидали деревню.

— Почему вы не оповестили магов? — гнул свою линию Джей.

Херр Харрис чуть задержался с ответом. Неестественно расслабленные лицевые мускулы свела гримаса.

— Я не мог.

— Что значит «не мог»?! — Джей услышал раздражение в собственном голосе: с такой скоростью мы далеко не уедем.

— Не мог нарушить обещание, — по лицу ленлорда снова проскользнула тень. Слова давались с трудом. — Я поклялся, что здесь, в Горлице, мальчику никто не причинит вреда, что ему больше ничто не угрожает.

Брови Джея взлетели под длинную челку: похоже, он только что обнаружил не только укрывателя, но еще и настоящего заговорщика! Внутренне дрожа от возбуждения, он вкрадчиво спросил:

— И что же, херр Харрис, по-вашему, вербовщики СОВБЕЗа могли причинить вашему подопечному вред?

— Нет… Да… Возможно…

«Вот вам и хваленое заклятие правды! Ну что он там лепечет!»

— Так нет или да?! — Джей невольно повысил голос, но спохватился, покосившись на приоткрытое окно. Хотя чего там, за шумом дождя все равно никто ничего не услышит.

— Я не знаю, — на побледневшем лице подозреваемого выступил пот. — Только на Найда уже однажды охотились, я не мог допустить, чтобы это повторилось. К тому же он боится волшебников.

«Ага, это уже кое-что!»

— Еще бы, с вашим-то воспитанием!

— Нет, это у Найда уже было. С самого начала. Я не смог его переубедить. Потому он в лес и убегал. На ярмарке всегда обходил шатер магов стороной, и, когда целительница к леди Женевьеве приходила, он прятался.

— Целительница? — насторожился Джей. В Магуриных записях ни о какой целительнице речи не было!

Лоб херра Харриса прорезала вертикальная морщина, скрюченные пальцы вцепились в край столешницы. «Ишь как его корчит! Ничего, против заклятия не попрешь, сейчас разговорится!» Так оно и случилось.

— Она безвредная… — Херр Харрис говорил медленно, словно пытался проглотить каждое срывающееся с языка слово. — Так, травами помогает. Местная женщина. Болотная Бабка. Она не волшебница. Это только дети ее ведьмой зовут.

Джей откинулся на спинку стула и удовлетворенно скрестил руки на груди, наблюдая за муками подозреваемого. «Что ж, мы еще посмотрим, кто тут лох — я или Магура! Прозевать такое вражье гнездо у себя под носом! Беглый паренек неизвестного происхождения, укрыватель и диверсант в одном лице, подпольная ведьма. Да за такое старикана не на пенсию, а в Торд-на-Рок[6] сошлют! Это же… Целый заговор!»

Маг бросил короткий взгляд в окно. Надо бы вызвать подкрепление, чтоб успели до темноты. Но хватит ли ему полученной информации? К тому же ой как хочется справиться с этой кодлой самому. Вот это, действительно, может — и медаль на грудь…

Джей быстро сверился с кодексом сексота. Похоже, ситуация оправдывала «вторжение». А если и не оправдывала, всегда можно ее подогнать под размер. Он внимательно осмотрел горлицкого ленлорда. Так, лет под сорок, но мужчина еще крепкий, сердце вроде здоровое, сосудами тоже не страдает. Ничего, выдержит. Главное, в формуле не напортачить, все-таки шестой уровень. Лучше войти через прикосновение для подстраховки, да и контакт будет крепче. Джей подтащил стул к пялящемуся в пространство херру Харрису. Сделав глубокий вдох, сексот расслабился, положил руку на холодные пальцы подозреваемого, все еще цепляющиеся за стол, и перешел на Высокую Речь.

Глава 7
Джейремия Хопкинс путешествует во времени

Харрис стоял на опушке леса, вглядываясь в затопивший поля предрассветный туман. Невероятно, но предсказание Найрэ оказалось верным: вечно дующий с фьорда беспокойный ветер улегся, погода переменилась, и на землю легло толстое белое одеяло, в котором без труда могла укрыться целая армия. Ну, армии, положим, у них не было. Хорошо, если сотня бойцов, собранных ярлом Хладом со своего и соседних ленов. Половина — обученные дружинники, половина — мужицкое ополчение. В основном зеленые юнцы, чьих отцов чарский ярл то ли перевешал, то ли бросил в острог. С таким воинством была у них одна надежда — что человека Хлада не схватят, и он, как договорено, откроет по сигналу ворота борга, пока защитники спят.

Харрис зябко поежился. Вот уж не думал, что снова придется в глухой предрассветный час стоять на посту с мечом у пояса и тугим ремешком шлема под подбородком. Ведь он сложил оружие десять лет назад, когда уволился из абсалонской армии в чине старшего хорунжего. За выслугу и ранения получил титул с крохотным кусочком земли и леса и с тех пор хранил верность жене, ребенку и мирным обязанностям горлицкого ленлорда. Но приказ сюзерена есть приказ. Впрочем, осуждать ярла Хлада Харрис не брался — он знал, что значило потерять сына. Да и мужики горлицкого лена достаточно настрадались от грабительских набегов наглого соседа, так что иного, чем участие в Хладовом походе, от Харриса не ожидалось. Смущал только уже в лесу шепотом переданный по рядам приказ: «Пленных не брать!»

Хей, что это? Харрис насторожился: показалось или действительно кто-то движется в тумане? На всякий случай он бесшумно отступил за дерево. Прошло несколько томительных мгновений. Звуки быстрых шагов и тяжелое дыхание раздались отчетливей, где-то левее. Из молочной пелены возник маленький темный силуэт, сторожко оглянулся по сторонам и тут же нырнул в лес. Харрис рванул следом. Как он ни старался не шуметь, незнакомец заслышал погоню, сдавленно пискнул и дунул через лес так, что пятки засверкали. Харрис поднажал. Ноги у него были явно длиннее, чем у беглеца, так что вскоре он обрушился на тощую спину, как коршун, подмял под себя…

— Дяденька, дяденька, не бейте! — затравленно донеслось из вороха опавших листьев. Харрис перевернул добычу чумазым лицом кверху. «Ба! Да это же пацан!»

— Ш-ш! Я тебе ничего не сделаю! Ты — Люк?

Собственное имя, услышанное из уст сурового пленителя, заставило мальчишку забыть о намерении заорать благим матом: «Спасите!»

— Ну Люк.

Белки глаз подозрительно блеснули в сумраке — пацан еще сомневался, правильно ли попал. Вот уж не думал Харрис, что чарским посланцем будет малолетка.

— А я — ленлорд Харрис. Пойдем, доложишь ярлу Хладу, что там, в борге.

Шли тихо. Звуки в тумане далеко разносятся, так что воины либо поснимали с себя все, что могло бренчать, либо замотали в тряпки. Лошадей оставили с маленьким резервом в лесу — для атаки они не понадобятся.

От влажности все мгновенно намокло — одежда, волосы, лица. На коже и металле доспехов выступили росистые капельки — так густо, что в сером предутреннем свете люди казались с ног до головы одетыми в серебристую мифриальную броню. Впрочем, из всей сотни Харрис видел только спину бывшего боевого товарища, гор-над-четца Шейна. В густом «молоке» легко потерять друг друга, так что воины растянулись двумя цепочками и шагали, положив ладонь на плечо идущего впереди.

По словам мальчонки, стража на стенах спала сейчас мертвым сном — сработал подарочек Найрэ, сонное зелье, подмешанное матерью Люка в вечерний эль. Но потом и кровью нажитый опыт говорил Харрису: не стоит надеяться на то, что все пойдет по плану. Его уже настораживало то, что пока все развивалось так гладко. Туман лег где и когда надо, посланец из Чар добежал, стражники накачались элем с ведьминой «приправой». Воин беззвучно сплюнул под ноги. Того и гляди, ожидай подвоха.

Харрис начал уже подумывать, что его нехорошее предчувствие оправдалось, и они каким-то чудом промахнулись, пробрели в тумане мимо борга. Но тут земля под ногами будто вздыбилась и пошла вверх, круче и круче, пока Шейн не остановился так резко, что Харрис почти ткнулся носом ему в затылок. Они стояли перед земляным валом, на котором выросли стены Чар, почти не различимые в белесом мареве. Где же ворота? Шейн, у которого жена была чарская, довольно уверенно

ткнул пальцем куда-то вправо. Харрис повторил его жест для следующего за ним Кеттина, зная, что указание будет беззвучно передано по цепочке.

Вскоре их группа встретилась со второй половиной отряда у ворот. Створки плотно закрыты, за ними — тишина. Что ж, по крайней мере, нападающих еще не обнаружили. Харрис дал бойцам знак приготовиться и занять позиции. Ярл поручил ему командование штурмовым отрядом, который ленлорд собрал из пяти своих надежных людей и десятка Хладовых дружинников. Они должны первыми ворваться в открытые отцом Люка ворота и постараться снять посты на стенах и только что восстановленной после пожара сторожевой башне.

Закричал стрепет — это Шейн подал условный сигнал. Шли томительные минуты. Ворота оставались закрытыми, из борга не доносилось ни звука. Шейн глянул на Харриса. Тот кивнул, и стрепет «циркнул» еще раз. Тишина. Харриса охватило странное спокойствие: ни один план не удается на сто процентов, и теперь он знал, где был прокол. Напряженные, по-утреннему серые лица вокруг разгладились при виде уверенного знака командира: «Ждать!» Судорожно сжавшие рукояти мечей пальцы чуть расслабились — люди доверяли Харрису: бывший хорунжий знает, что делает. Харрис тоже надеялся, что знал.

— Может, заложил он нас, херре? — жарко зашептал на ухо Шейн, почти беззвучно шевеля губами. — Или взяли его?

Харрис ответил в той же манере:

— Что заложил — не верю. Люк сказал, сестру его один из чариных костоломов убил. Девчушке всего семь было. А вот если Люкова отца схватили… Это мы скоро узнаем. Тогда и будем беспокоиться.

В этот момент за воротами послышался шум, будто на ворот наматывалась тяжелая цепь. Створки крякнули и стали раздвигаться с чудовищным грохотом — по крайней мере, так показалось привыкшему к тишине ленлорду. Как по команде, первые лучи солнца мазнули розовым туманное одеяло, и где-то на задах крепости заголосил петух.

Харрис и Шейн первыми ворвались в образовавшийся проем, за ними последовали остальные. Каждый из его людей хорошо знал, что делать. Расположение постов внутри борга было известно, цели — заранее распределены.

Скрип ворота и громыхание кованых петель разбудили ближайших стражников. Опоенные сонным зельем воины двигались медленно, спотыкались, не соображая, где свой, где чужой. Клинок Харриса прочно засел в кольчужной рубашке краснорожего охранника. Ленлорд почувствовал движение за

спиной. Схватив с пояса кинжал, он пригнулся, поднырнул под нападающего, завел руку сбоку… И вовремя остановился. Рано полысевший, смертельно бледный мужчина с глазами Люка, запинаясь, бормотал:

— Я с-свой. Свой я. С-сынок мой… Л-люк… Как он? Живой?

Харрис убрал кинжал и снова взялся за меч:

— Жив твой Люк. С резервом он, в лесу.

Освобожденное лезвие обдало лысого каскадом алых капель. Харрис подумал, что Люков папаша хлопнется в обморок, но тот только отер рукавом лицо и махнул куда-то вглубь борга:

— А супостат, Чара-то, там дрыхнет. В опочивальне. Мне бы меч, господин солдат, так я б гниде сам голову срубил!

Харрис осмотрелся. Мечей вокруг валялось достаточно. Привратная стража и часовые на стенах были уничтожены, но шум схватки разбудил челядь и ярловых дружинников. Они выскакивали во двор в одном исподнем, а то и в чем мама родила. К тому же какой-то недобиток залез-таки на башню и успел дернуть колокол за язык, прежде чем его сняла стрела Шейна. Впрочем, было уже поздно. Отряд Хлада втянулся в ворота и рассыпался по боргу, заполняя галереи яростными воплями и звоном оружия. Противник почти не сопротивлялся. Солнце как раз высунулось над стенами крепости, и его лучи заставили вспыхнуть росистые доспехи прошедших сквозь туман солдат, придавая им вид легендарных Воинов Света. Неожиданность стремительного нападения и кажущаяся неуязвимость атакующих лишили чарских защитников мужества. Они бросали оружие, но Хладовы дружинники, следуя приказу, не щадили никого. Началась резня.

Харрис сплюнул, сунул дрожащему папаше меч красноружего:

— Тебя как звать?

— К-кент.

— Ладно, Кент. Держись меня, не отставай.

Не оглядываясь, Харрис направился к отдающему распоряжения в центре двора Хладу. Какой-то герой на верхней галерее начал отчаянно поливать двор стрелами, грозя укокошить ярла, прежде чем дружинники догадаются отвести его в укрытие. И куда это Шейн смотрит? Воздух был его задачей. Харрис вскинул арбалет, прицелился в движение между прутьями перил, спустил крючок. Над решеткой махнули чьи-то руки в исподнем, лук плавно полетел вниз. Готов стрелок.

— А, Харрис! Легок на помине! Бери людей и давай с моими ребятами — Чару надо найти, и быстро.

— Прекратите бойню, херре! Вам нужен ярл, грабитель и

убийца. Его люди уже сдаются, у нас явное преимущество.

Льдистые глаза Хлада прищурились, взяв Харриса на прицел, длинное лицо еще более заострилось:

— А ты кто такой, чтобы мне, твоему сюзерену, приказывать?! Есть только один способ уничтожить змеиное гнездо — выжечь его дотла! До последнего мелкого гада! И если уж молния небесная не смогла покарать скота, Чарой себя зовущего, так я, Хлад, стану продолжением Божьей руки. А ты… — Ярл ткнул усиленной стальными шипами перчаткой Харрису в грудь: — Хорунжий, не стой у меня на пути — смету!

— Ищите Чару, — бросил Хлад воинам, отвернувшись от Харриса. — Найдете, волоска на нем не троньте. Я сам из ублюдка жизнь выдавлю!

Харрис сплюнул. В утреннем воздухе нависали запахи крови, пота, вскрытых внутренностей и, как ни странно, эля — кто-то в азарте схватки раскурочил топором стоявшую под галереей пивную бочку. «Стар я стал для всего этого, ох, стар», — поморщился Харрис. Заприметив наконец укрывшегося за телегой Шейна, только что метко засадившего болт в голую задницу очередного чаровца, он подтолкнул Кента в сторону товарища:

— Давай, покажешь нам ярлову опочивальню.

В опочивальне Чары не оказалось. Только надежная, на резных дубовых ножках супружеская кровать сияла белоснежностью перин. Не обращая внимания на удивленные взгляды Хладовых дружинников, Харрис сунул руку под одеяло. Еще тепло. Шейн появился из дверей детской, качая головой. Никого. Придется прочесывать борг.

Воины разделились. Кент послушно семенил по пятам Харриса, хладовцы воинственно рванули вперед. Сам ленлорд шел не спеша: пять лет армейской службы давно убавили ему рвения. Наверное, поэтому он и углядел труп в боковом коридорчике. То есть этого добра повсюду было навалом, но приколотый копьем к стене человек, в отличие от легко одетых чарцев, оказался в полном боевом облачении. Это указало Харрису путь не хуже, чем если бы убитому на грудь пришпилили табличку с надписью: «Гады побежали сюда!»

Харрис свистнул, и Шейн в сопровождении нескольких менее ретивых дружинников скользнул в коридор вслед за ним.

— Куда он ведет? — тряхнул бывший хорунжий Кента, косившегося на мертвеца глазами испуганной лошади.

— Кто? А… ход-то? Да никуда. То есь… В скребдурий, а оттуда — в склеп. Фамельный, то есь. — «Скребдурием» Люков папаша, очевидно, именовал скрипторий.

— Ярл с предками решил попрощаться? — ухмыльнулся щербатым ртом Шейн. Какой-то шустрила успел лишить парня передних зубов.

— Нет, скорее поздороваться! — хмуро буркнул Харрис. — А о ходе потайном из Чар ты часом не слышал? — обратился он к Кенту, аккуратно отстраняя подрагивающее в опасной близости от бедра лезвие заемного меча.

— Ой, простите, херре. Слыхал, ясно дело. Так мало ли чего народ болтает.

Шейн и Харрис переглянулись. У ленлорда прорезалась прыть, при виде которой и дружинники наддали ходу, вывалив языки. В «скребдурий» они ворвались так, что монахи порскнули по сторонам, как испуганные воробьи. В противоположной входу стене как раз затворялась низенькая неприметная дверка.

Харрис всегда поражался быстроте реакции Шейна. Не подвел гор-над-четец и на этот раз. Арбалетный болт юркнул в узкую щель, оттуда охнуло, и чарский дружинник выпал наружу, не позволяя двери захлопнуться. Его дернули за ноги, но обмякшее тело оттолкнуло дверную створку в сторону, и Шейн, успевший перезарядить арбалет, снова выстрелил в темный проем. Что-то шумно покатилось вниз, пересчитывая ступеньки.

Хладовцы штурмовали дверь. Кент ринулся было за ними, воинственно выставив меч перед собой. Харрис тактично дал мстителю дорогу, но, когда тот пролетал мимо, ухватил за шиворот и чуть подправил траекторию. В результате боец вписался лбом в ребро высокого книжного стеллажа. Глаза, так похожие на Люковы, закатились, и Харрис осторожно опустил папашу на пол.

— Присмотри тут за ним, чтоб не буянил, отче!

Прячущийся за конторкой бледный монах часто закивал.

Харрис вступил в склеп последним. Со ступеней узкой, лепящейся к стене лестницы открылась живописная картина, освещенная пламенем факелов. Здоровенный бородатый мужик в натянутом прямо на ночную сорочку стальном панцире был загнан хладовцами между двумя гранитными надгробиями. Рыча, он отмахивался секирой устрашающих размеров. Харрис уверенно определил его как ярла: если бы не приказ брать живым, воины давно бы успокоили расходившегося берсерка стрелой. Остатки чарской дружины прикрывали зажатых в угол и отчаянно верещащих в материнский подол детей. Ярлово семейство скрыться через потайной ход не успело.

Харрис, может, и уступал Шейну в скорости реакции, зато вот в меткости он мог дать товарищу фору. Припомнив угрозы Хлада, бывший хорунжий тщательно навел арбалет. Тяжелый болт

раздробил рукоять секиры, острые щепы впились Чаре в пальцы, заставив взвыть, тряся рукой. В остальном ярл остался невредим. Скрутить его выпала честь Хладовым дружинникам.

Сопротивляющегося и богохульствующего ярла вытащили на галерею, где Хлад саморучно приставил острие меча к поросшему черной щетиной двойному подбородку. На сем кульминационном моменте всякое сопротивление в крепости прекратилось — защитники побросали оружие. Харрис слишком хорошо знал, что теперь начнется, и участвовать в этом не желал.

— Ты куда?

Похоже, Шейну пришли на ум те же мысли:

— Тут у меня сноха в пряхах. Надо бы разыскать, пока не поздно, — без передних зубов он смешно шепелявил на «зы».

Харрис понимающе кивнул и прислонил к товарищу нетвердо держащегося на ногах Кента:

— У него вот тоже жена где-то на кухне. Надо, чтоб не обидели.

— А сам-то? — В голосе Шейна звучало скорее беспокойство, чем раздражение за «нагрузку».

Ленлорд только махнул рукой и зашагал через двор. Мародерствовать он не собирался, резать безоружных людей — тоже. Задержался глянуть на стоящую памятником в центре борга виселицу, на которой догнивали чьи-то бренные останки. Рядом в колодках шевелилось что-то вонючее, но еще живое. Харрис вытянул из первой попавшейся холодеющей руки зазубренный меч и взломал замок. Горемычный подполз к нему, вцепился в сапоги, целуя налипшую на них кровавую пыль. Освободитель откупился походной флягой, пошел, не глядя по сторонам, стараясь не слышать воплей о пощаде, стонов, женских криков и животного гогота.

Кстати, о гоготе. Прямо по курсу пяток ополченцев (не горлицких, может, рощинских или мшинских) бурно веселились у собачьей конуры, отличавшейся выдающимися размерами — с небольшую сараюшку. Причиной веселья был мужик в просторной, явно с чужого плеча, кольчуге, только что вытащивший из конуры за цепь ее сопротивляющегося обитателя. Оным оказался, к вящей радости товарищей кольчужного, вовсе не пес, а мальчонка. На вид младше Люка, из одежды — широкий металлический ошейник, до мяса сбивший тощую шею.

Довольный, как охотник, только что добывший из норы лису, мужик вздернул находку за цепь, демонстрируя приятелям:

— Гляньте-ка, люди добрые, чего я тут нашел!

— А-а, это Чарина злая собака, вона как скалицца!

— Гей, Кржыч, побереги пальцы, щас кусит!

— А на задних лапах щенок ходить умеет?

— Не умеет — научим! И ходить, и плясать!

Кржыч тряхнул цепь, голова мальчонки дернулась. Харрис на мгновение встретился со страдальцем взглядом. Глаза казались огромными и необычайно яркими на исхудавшем, сером от въевшейся грязи лице. Страха в них не было — одна нервная сила, какая только бывает у готового на все. Харрис вздрогнул, как от удара. Ноги уже сами несли его к конуре.

Мальчишка извернулся, подхватил что-то с земли. Блеснул на солнце металл. Кольчужный взвизгнул, припав на одну ногу и зажимая бедро. Подхватив цепь, мальчишка отскочил к стене конуры. Зло ощерился, выставив перед собой хищно сверкнувший кинжал. Товарищи Кржыча схватились за оружие.

— Назад! — Выработанный командный рык заставил ополченцев попятиться, а заряженный арбалет прибавил слову убедительности. Вблизи Харрис почуял перегар — значит, не весь эль из той бочки ушел в землю. И когда только успели, солдатики?

— Дык он же меня ножиком пырнул, херре! — обиженно запричитал побелевший от вида собственной крови Кржыч. — Вон, с мертвяка снял и пырнул! Свят свет, кровищи-то сколько.

Теперь Харрис разглядел лежавший у конуры труп в цветах Чары с торчащей между лопатками стрелой. Интересно, зачем это дружинник сюда драпанул — в этой стороне, кроме глухой стены, ничего нету. Или тоже сонного эля перепился?

— Помогите раненому, перевяжите! — скомандовал Харрис отметающим всякие возражения тоном. — Кто ваш командир?

— Херр Ариандр.

— К нему, живо! Доложите, что нажрались как свиньи, потеряли бдительность. Хорошо еще, тут малолетка прятался, а не воин чарский. Тогда б вас всех точно порезали, как курей. Скажете, ленлорд Харрис послал. Пшли!

С побитым видом мужики потянулись через двор, волоча за собой скулящего «охотника». К неудовольствию Харриса, происходящее привлекло новых зрителей. Напоминающий ходячий скелет длинноволосый мальчишка вжался спиной в собачью будку. Пацан не сводил с Харриса настороженных ярко-голубых глаз. Острие кинжала плавно двигалось, реагируя на малейшее движение зевак. Это наводило на мысли о проблемах.

Не обращая внимания на добрые советы, начиная от «пристрелить паршивца» до «позвать наших чарских, может, кто сынка своего опознает», Харрис разрядил и забросил на спину арбалет. Шагнул к пареньку, показывая открытые ладони:

— Я тебя не трону. Никто не тронет. Я просто хочу тебе

помочь. Брось кинжал, — воин говорил тихо, спокойно, приближаясь мелкими шажками. — Я — ленлорд Харрис. Я освобожу тебя. Сниму ошейник. Брось кинжал. Брось.

Спиной он чувствовал наступившую тишину. Паренек судорожно дышал — так и ходили под кожей выпиравшие ребра. Свет, какой он все-таки маленький! Острие кинжала было теперь наставлено в живот ленлорда, сжимавшая рукоять рука не дрожала. Плохо. А что, если мальчишка не понимает его? Может, он — не местный, вон какие глаза… прозрачные?

Харрис перешел на тан и попробовал еще раз:

— Как тебя зовут? Ты понимаешь, что я говорю?

Никакой реакции. Ладно, пора кончать представление. Того и гляди, у кого-нибудь не выдержат нервы, и пацан получит арбалетный болт промеж глаз.

— Брось нож! Брось, если хочешь жить!

Мальчишка моргнул — дрогнули длинные ресницы — и вдруг сунул лезвие себе под подбородок. Сталь коснулась до предела натянутой кожи там, где быстро билась голубоватая жилка. Знает он тан, что ли? Или это совпадение?

Сзади ахнули. Забормотали молитву, отгоняющую Тьму. Светлые глаза встретили взгляд воина — все так же без страха. Что-то изменилось в них, напряжение стало спокойствием принятого решения…

Харрис выбросил руку вперед, перехватил тоненькое, как тростинка, запястье, вывернул. Кинжал глухо брякнулся оземь, нога отбросила оружие прочь. Харрис проделал все это на одном выдохе, зная: опоздай — и сталь вспорет тонкую кожу там, где бьется жизнь. Но он успел, и теперь можно снова вдохнуть, чувствуя, как успокаивается взбесившаяся в жилах кровь. Что это? Он испугался? За жизнь чужого ребенка, возможно, немого, возможно, обреченного на скорую смерть от недоедания или гнойной раны на шее… или оставленного без присмотра ножа, которым малец полоснет себя по горлу, как только спаситель посмотрит в сторону?

Мальчишка был почти невесомым — чувствовалась только тяжесть ржавой цепи толщиной в ту самую руку, что Харрис заломил неудавшемуся самоубийце за спину. Пацан стоял спокойно, словно вокруг и не свистали одобрительно победители, не спешившие расходиться: что-то будет дальше?

— Ну и что ты с ним, командир? — Шейн, имевший раздражающую привычку возникать из ниоткуда, был тут как тут: видно, определил сноху и Люковых родителей.

— Ключ бы найти, — несколько растерянно пробормотал Харрис. «Действительно, и что я теперь с ним?..»

Шейн глянул на ошейник, потом — как-то удивленно — на ленлорда:

— Так нету ключа-то.

— Как нету?

— Сам глянь, командир.

Харрис глянул. Н-да, трудновато подобрать ключ к замку, которого не существует. Ошейник на странном пацане был цельный, ушки запаяны намертво кузнечной клепкой. Такой ошейник, раз надев, не снимали никогда. И не рассчитывали снять.

— Кузнеца найдешь?

Шейн задумался, выпятив губу, потрогал языком уже не кровящую дырку между зубами.

— Пожалуй, найду.

— Вот и поищи. На кузне встретимся.

Шейн только хмыкнул — мол, ты командир, твое дело командовать, мое маленькое — и зашагал целенаправленно прочь. Харрис огляделся. У молодого парня из чарских бунтарей висел на поясе добротной работы топор. Вид у обладателя оружия был бледный, так что резче выступили на лице еще не смытые осенними дождями веснушки. Видно, не привык юнец к победным торжествам по-хладовски.

— Можно? — указал на топор Харрис.

— Почту за честь, херре, — почтительно поклонился парень, торопливо протягивая ладную рукоять.

Харрис выпустил мальчишку, но глаз с него не сводил: как бы сорванец не учудил еще чего. Тот сел на землю — то ли в знак протеста, то ли ноги от слабости подкосились. За топором в руках спасителя следил настороженно, озерные глаза так и зыркали из-под спутанной челки.

Харрис осмотрел цепь. Старая, звенья прочные, но поистерлись. Намертво вделана не в будку, а в каменную стену за ней. Он натянул цепь, размахнулся и, коротко хакнув, рубанул топором между звеньями, используя камень стены вместо колоды. Жалобно звякнув, ржавый обрывок упал в грязь. Действительно хороший топор.

— Спасибо, — вернул Харрис оружие владельцу. — Где тут у них кузня, кто-нибудь знает?

Оглядел собравшихся на бесплатное шоу. Кургузый мужичонка, почему-то в одном сапоге, махнул куда-то влево. Харрис поднял конец цепи, потом передумал и вручил его законному владельцу. В глазах мальчишки мелькнуло удивление, но «подарок» он принял. Пошарив вокруг взглядом, ленлорд наклонился, вырвал из спины убитого стрелу и стащил с него

синий шерстяной плащ. Крови на ткани почти не было. Набросил мальчишке на костлявые плечи: и как только малец от холода не окочурился? Заморозки по ночам, а он — голяком.

— Идем. Попробуем тебя расковать. Не советую удирать. Другие поймают — убить могут, — и зачем-то повторил то же самое на тан. Реакция — ноль. Пацан даже не смотрел на него. Харрис вздохнул. Хотел было сплюнуть, да во рту пересохло, а флягу он горемыке тому, из колодок, пожаловал. Глянул на запекшиеся губы мальчишки, прилипший к позвоночнику живот. Кухня — это потом.

Насвистывая что-то мрачное, под стать настроению, воин зашагал через двор. Назад он не оглядывался. Тьма знает, на кой ляд пацаненок этот ему сдался. Ну останется упрямец сиднем сидеть или деру даст — ему-то, Харрису, что в том?

Он слегка сбился с ритма, когда услышал за спиной звяканье цепи. Мальчишка догнал, пошел рядом, не глядя на спасителя. Будто сам по себе. Походка у паренька была какая-то странная, неловкая, хотя вроде он и не хромал. Тогда Харрис попробовал представить, как он сам ходил бы, после того как долго, очень долго просидел на трехметровой цепи. Свистеть ему расхотелось.

Глава 8
Безымянный

Первое, что Джей почувствовал, — как затекла от напряжения шея. Да и мышцы руки, сжимавшей Харрисову ладонь, судорожно свело. Потом увидел прямо перед собой лицо подозреваемого — глаза остекленели, рот приоткрыт, оттуда тянется к подбородку тонкая нитка слюны. Все равно, что смотреться в зеркало: у него ведь и самого от добытых сведений челюсть отвисла!

«Тут уже попахивает чем-то большим, чем банальный местечковый заговор. Сидящий передо мной седоватый красавчик — не только укрыватель и диверсант, но еще и бандит! Это раз. Болотная Бабка, она же Найрэ, — отравительница, незаконно практикующая погодную магию, если не нечто большее. Это два. И наконец самое главное! Чарская аномалия, о которой пишут все современные учебники по проклятиям, образовалась примерно восемь лет назад. Тогда создавший ее выброс проверяли, но источника так и не нашли. Интересно, а кто проверял-то? Это ж Магуры район. Что, если предположить, что считанные с памяти Харриса события как-то связаны с аномалией? Что, если они могут пролить свет на ее возникновение и, возможно, укажут путь ее нейтрализации? Это же будет эпохальное событие! Мага, совершившего такое, не только занесут в анналы истории и сделают почетным академиком. Его наверняка пригласят в Секретный Совет!»[7]

От головокружительной перспективы у Джея захватило дух. Он нашарил на столе кружку, плеснул туда квасу из кувшина и залпом осушил ее. «Нет, погодите-погодите. В одиночку этого мне не поднять. Инструкция говорит ясно: при таких подозрениях сексот должен немедленно связаться с куратором». Джей на мгновение представил расходящиеся в ядовитой усмешке губы Летиции Бэдвайзер, торжествующий взгляд глаз, таких же скользких и холодных, как жабы на дне колодца. «Нет, эта акула, если возьмется за дело, загребет под себя все, а имени моего даже в сносках к докладной мелким шрифтом не будет. И чего я тогда тут пупок рву? К тому же, что, если мои подозрения насчет аномалии беспочвенны? Я ведь даже не успел выяснить, есть ли у спасенного Харрисом ребенка какие-то задатки волшебника, — а за этим я и в голову к подозреваемому полез».

Поколебавшись, Джей решил раздобыть у ленлорда еще информации. Или это прольет свет на загадку чарского феномена, или он ошибся, и тогда с чистой совестью можно вызывать

Летицию: «Пусть вед… то есть великая волшебница сама расхлебывает эту кашу — заговор, междоусобицы, подпольные чародеи…»

Чарская кухня была набита напуганной челядью. Харриса встретили расширенные от ужаса глаза, бледные, у кого-то синяками заплывшие лица, тихие всхлипывания, бормочущие беззвучные молитвы губы. Кто-то из женщин сдавленно взвизгнул, когда скрипнула отворяющаяся дверь. При виде одинокого воина с укутанным в синий плащ ребенком люди несколько расслабились.

— Поесть дайте и воды, — бросил Харрис, устало опускаясь на лавку. Сидевшие на другом ее конце слуги торопливо вскочили, встали к остальным, переминаясь с ноги на ногу.

— Чего желает господин? — услужливо поклонился длинный сутуловатый мужчина с помятым лицом. «Наверное, повар или пекарь», — определил Харрис по запорошенному мукой фартуку. — Солдатики-то ваши самое лучшее уже покра… покушали, — нервно поправился длинный. — Но кое-что еще осталось, — он улыбнулся дрожащими губами.

— Это не мне, — хмуро буркнул Харрис. — Вот ему, — ткнул во все еще стоявшего пугалом посреди кухни мальчишку. — Мне только воды.

— Щас. Щас сделаем, — засуетился длинный, подталкивая в спину двух пухлых кухарок. Женщины с глазами Люка Харрис среди них не заметил. «Значит, Шейн ее раньше нашел. Хорошо».

— В отдельную комнату лохань с горячей водой, побольше. Мыло. Простыней чистых. Ножницы. От блох-вшей, что у вас есть. Одежду и обувь теплую, на дорогу.

— Господин ванну принять изволят? — оторопел длинный. Такая тяга забрызганного кровью воина к чистоплотности, видно, никак не укладывалась у него в голове.

— Не я, он, — дернул подбородком в сторону своего молчаливого спутника Харрис. Мальчишка послал ему в ответ убийственный взгляд, верхняя губа чуть шевельнулась, но он не издал ни звука. Понял, что ли? И что делать, если у пацана водобоязнь? Ладно, это позже. — Скажете солдатам, ленлорд Харрис послал. Если, когда вот он доест, все не будет готово…

Сочинять страшную кару ему не понадобилось, пекарь додумал все сам.

— Сделаем, херре, все сделаем! — затряс руками Помятый. — Сей минут.

Несколько челядских унеслись с поручениями в кладовую, кто-то вылетел с шайкой за дверь. На столе мгновенно возникли

кувшин, две керамических кружки, свежей выпечкой пахнущий хлеб, шмат масла, сало, что-то овощное, дымящееся в вынутом из печи горшочке.

— Ну чего встал-то? Садись, лопай, пока дают, — Харрис пояснил свои слова, многозначительно указав сначала на еду, потом на лавку рядом с собой. Мальчишка сел, хоть и как можно дальше от воина, только чтоб до снеди дотянуться. Есть начал жадно, торопясь, масло в рот запихивал ложкой. Может, и правда боялся, что отнимут. Харрис отвел взгляд, выпил воды. — Ты поосторожнее, а то живот прихватит. — Хотя чего он тут распинается, малый все равно не поймет.

Оставшиеся челядские стояли молча, скучившись, как стадо овец, чем-то так же похожие друг на друга своей добротной шерстяной одеждой. Переводили глаза с Харриса на пацана и обратно, соображали, какая между ними связь. Мальчишка вцепился мертвой хваткой в деревянную ложку, отчаянный взгляд обещал быструю смерть любому, подошедшему в пределы досягаемости. «Как звереныш, — подумал Харрис. — Волчонок, посаженный в будку вместо щенка. Только вот волки не живут в неволе».

Он поднялся из-за стола, отошел к дальнему окну. Поманил согнутым пальцем то ли пекаря, то ли повара. Тот посерел, но подошел. Глянул в окно. Сразу понял, что зря. Отвернулся, на горле дернулся пару раз крупный кадык.

— Знаешь, кто он, откуда? — тихо спросил Харрис, не глядя на мальчишку. Пекарь удивленно моргнул рыбьими серенькими глазами, потом понял.

— Это вы о малом, херре? — прошептал он в тон Харрису. — Нет, не ведаю.

— А кто ведает?

Длинный выразительно развел руками.

— Звать-то его хоть как?

Длинный наморщил и так морщинистый лоб, старался:

— Кажись, я слышал, детки барские его звали Мтаром… Да, точно Мтаром! — Рыбьи глазки просияли. Не оттого, что длинный вспомнил. Оттого, что начал надеяться.

— Это не имя. Мтар — «полукровка» на тан. Так часто дворняг по деревням кличут. Не людей. Как его *настоящее* имя?

Пекарь затряс головой, за ней затряслось все его длинное тело, с фартука посыпалась мука:

— Не ведаю, херре. Никак не ведаю.

Харрис поверил.

— За что мальчишку на цепь посадили?

Казалось, это было невозможно, но пекарь стал еще серее,

рыбьи глазки забегали, дернулся из воротничка кадык.

— Так за что? — Харрис сделал шажок вперед, подтолкнул незаметно длинного плечом, так чтобы тот встал лицом к окну. Там как раз привязывали на дыбу усатого толстяка в камзоле на голое тело. Усатый лягался и не хотел. Это явно веселило рыжего хладовца без шлема, лениво помахивавшего «утренней звездой».

Пекарь скис, будто стал меньше ростом:

— Вы, может, не поверите, херре, только правда это, Светом клянусь!

— А ты не клянись, — посоветовал серьезно Харрис. — Грех это. Просто рассказывай.

Длинный сглотнул, судорожно дернул шеей, отворачиваясь от окна. Харрис пустил. Знал, что пекарь не соврет.

— Малый собаку ярлову испортил. Волкодава страшного, злющего, как Желтая Хворь. Мтаром его звали, пса-то. Он мяса одного за день столько сжирал…

— Погоди-погоди! — Харрис был несколько сбит с толку. — Как это — «испортил»?!

— Да вот как. — Длинный прятал глаза и теребил концы фартука, словно девка на выданье. — Сказывают, ворожбой, — последнее слово пекарь почти выдохнул собеседнику в ухо. Рыбьи глаза уставились в пол, так что скептического ответного взгляда они не видели.

— Ты ворожбу-то оставь, мил-человек, а расскажи по порядку, что было, — холоду Харрис в голос подпустил умеренно: все-таки жаль, если разговорчивый пекарь раньше времени с перепугу коня двинет.

— Так меня ж там не было. Что я… Я только то говорю, что люди сказывали, — заторопился с оправданиями длинный, терзая мятый фартук.

— А люди сказывают… — поторопил воин, заметив, что пацан уже почти очистил заветный горшочек.

Пекарь снова затерзался:

— Сказывают, ярл-то волкодава своего на малого натравил. Так, забавы у них господские, — Харрис хмыкнул при слове «забавы», но длинный не заметил, его уже понесло: — А мальчонка-то как на псину глянул… Кобель — брык и сдох.

— Вот так прям и сдох? — недоверчиво протянул Харрис, косясь на ничего не подозревавшего, сыто икающего за столом «псодавца».

— Люди сказывают, — с придыханием подтвердил пекарь, скручивая фартук розочкой. — Вот ярл его на цепь-то и посадил. Малого, то есть. Чтоб там и окочурился.

— И долго он так, на цепи, сидел?

Длинный снова нахмурился, подсчитывая что-то на пальцах, даже фартук на волю выпустил:

— Так, выходит, где-то с мая.

Харрис подавил желание сплюнуть, пожалел пол. Привычка. Пекарь скосил глаза на мальчишку, жарко зашептал:

— А уж и били его, и голодом морили, и холодом. Чем живто? Вот верно люди говорят — ворожбой! — И праведник осенил себя знаменьем Света.

Воин все-таки стрельнул длинному под ноги густым желтоватым плевком. «Верно, нервное у меня это. Возраст». Шагнул от окна прочь. Цепкие пальцы ухватили за рукав. Взгляд Харриса ожег рыбьи глаза, рукав освободился. Пекарь залепетал:

— А еще сказывают, херре, глаз у него не только на зверя дурной. Вот он и у Теи дочку испортил. Заворожил, заставил себе еду с кухни таскать. Поймали ее да, не разобравшись-то, и прибили.

Ленлорд оцепенел. По спине пробежали острые, холодные коготки.

— А у Теи, случайно, сына еще нет?

— Есть, херре, — ошарашенно воззрились на него рыбьи глаза.

Харрис вдруг понял, отчего они производили такое неприятное впечатление: ресницы у пекаря были очень короткие, светлые, почти не заметные на сером, измученном страхом лице.

— Люком зовут? — Вопрос прозвучал скорее как утверждение.

— А откуда вы…

Харрис уже не слушал. Шагнул на середину кухни. Что-то, наверное, было в его лице, потому что люди от него попятились.

— Все готово?

Одна из двух пухленьких кухарок, русоволосая, открыла рот, но подбородок так дрожал, что она только беспомощно махнула в сторону боковой двери: там, мол. Харрис глянул на паренька. Тот все так же молча вылез из-за стола. Только, проходя мимо русоволосой, глаза которой набухли слезами, коротко поклонился, прижав руку к груди. «За еду благодарил», — понял с удивлением воин.

Харрис усадил пацана на табурет повыше. Взял ножницы. Показал.

— Я тебя стричь буду. А то блох, небось, развел.

Мальчишка смотрел на острые лезвия ножниц, не отрываясь. Видно, решал, воткнет чужак ему в горло их сразу или оставит на потом. «Ну и что тут делать?»

Харрис осторожно зашел клиенту за спину. Тот сидел пока смирно, острые лопатки топорщились под чужим плащом, того гляди новые дырки проткнут. По спине — космы: грязнущие, колтун на колтуне. Харрис сморщил нос. И от косм, и от самого их обладателя пахло вовсе не сиренями. Он дотронулся до волос — осторожно, чтоб не напугать. Пацан дернулся, но сидел. Харрис начал кромсать, кляня себя за то, что одну из кухонных баб к этому делу не приставил. Но каким-то шестым чувством он угадывал: никому, кроме него, паренек притронуться к себе не позволит. И он начинал понимать, почему.

За ухом, разогнав вшей, он обнаружил уродливый шрам от глубокой раны. Она, видно, долго гноилась, прежде чем края наконец срослись. Хуже обстояло дело с длинными хохлами на шее. Они присохли к открытой язве, натертой железным ошейником, снять который стоило немалых трудов самому Харрису, Шейну и местному кузнецу, коего гор-над-четец в последнюю минуту вытащил из-под носа у разъяренных хладовцев. Хохлы новоявленный парикмахер художественно выстригал по одному, пока мальчишка сдавленно рычал в закушенный кулак.

Потом настала очередь ванны. Харрис, признаться, несколько робел при мысли о необходимости погрузить брыкающееся и кусающееся тело в притащенное челядью глубокое корыто. Но все прошло довольно безболезненно. Тело погрузилось в дымящуюся воду само. То ли пацан купание все-таки любил, то ли процесс мытья был ему знаком с более ранних и более счастливых времен. Харрис плеснул в лохань из кувшина с пахучим антиблошиным отваром и вручил клиенту мыло:

— Давай три. Я в банщики к тебе не нанимался.

Мальчишка нюхнул зачем-то мыло, сморщился (как будто от самого аромат был лучше), бросил на Харриса злобный взгляд, но тереть себя начал. Вода в корыте тут же почернела.

В дверь стукнули, и внутрь просунулась голова Шейна:

— Так и думал, ты тут, командир, — при виде корыта карие глаза весело блеснули. — Значит, и правда мытье затеяли! Ну ты даешь, старик!

— Чего надо-то? — буркнул Харрис.

— Так ведь ярл наш, Хлад, здравия ему недолгого, всех созывает. Чару казнить прилюдно будет.

Ленлорду стало понятно воодушевление победителей за выходившим во двор окном: свист, улюлюканье и бранные вопли уже некоторое время раздражали слух нарастающей громкостью.

— Ты иди. А я вот тут… занят.

Шейн покачал вихрастой головой:

— Хладу это не понравится.

Харрис пожал плечами:

— Я ему уже не нравлюсь, причем это взаимно.

— Так мне его светлости и передать?

Харрис подобрал с полу что ближе лежало и запустил в Шейнову ухмыляющуюся рожу. Сапог с облупленным носом, из принесенной челядью пары, бухнул в мгновенно закрывшуюся дверь. Воин перевел мрачный взгляд на пацана. Тот выловил со дна корыта утерянный при эффектном появлении Шейна обмылок и сделал вид, что всецело поглощен отскабливанием собственных коленок. Вопли за окном набирали силу: публика выдвигала предложения на тему наиболее оригинального способа предать чарского ярла мучительной смерти. Пока наибольшей популярностью у собрания пользовались «четвертовать гниду!» и «посадить на кол кровопивца!». Харрис притворился глухим. Пацан в импровизированной ванне тоже.

— Как тебя все-таки звать, а? — На ответ Харрис не очень надеялся, но разговор, пусть и с самим собой, помогал скоротать время. Да и от шума во дворе отвлекал. — Ладно, допустим, ты человеческого языка не понимаешь.

Пацан удостоил его хмурого взгляда исподлобья.

— Давай тогда по-простому. Вот я, — Харрис стукнул себя в грудь, — Харрис. А ты? — Он ткнул пальцем в сторону корыта. Чуть подождал. — Понял. Не хочешь — не надо. Я сам тебя окрещу.

Пацан повернулся к нему спиной, принялся демонстративно намыливать живот.

— Три-три, старайся. Я тебе имечко подходящее придумаю, — взгляд «крестителя» заметался по комнате в поисках вдохновения. — Вот, например, Гвоздь.

Мальчишка послал Харрису убийственный взгляд через плечо и ушел под воду. Типа мыло с головы смывать.

— Не нравится. А как насчет… — Харрис принюхался к антиблошиному средству, подождал для приличия, когда мальчишка вынырнет: — Череды?

Пацан фыркнул, будто ему вода в нос попала, стал ожесточенно надраивать спину, где мог достать. У самого глаза — синие щелки, но делает вид, что ему все равно. Делает вид! Харрис с трудом сдержался, чтобы не вскочить с табурета. Точно, малый прикидывается! Все он прекрасно понимает и на азири, и на тан. Только не говорит. Не может? Или не хочет? Ладно, мы ему подыграем. Посмотрим, что у него там с языком. Главное, не перегнуть палку.

Харрис уютно скрестил на груди руки:

— Вижу, тоже не нравится. Ты прав, звучит как-то… по-девчачьи. — Если бы глаза могли убивать, от Харриса осталась бы дымящаяся горка пепла. — Надо что-то попроще, — как ни в чем не бывало, продолжал он. — Может, Щенок? Все-таки в конуре сидел, разговаривать не умеешь.

Мальчишка отложил мытье, уставился на Харриса. В светлых глазах что-то полыхнуло так, что Харрис понял — это та грань, которую переступать нельзя. За окном мужчина орал истошным, по-бабьему тонким голосом. Кажется, все-таки победило четвертование. Харрис сплюнул тягучей горькой слюной на затоптанный пол.

— Ладно, будешь пока ходить безымянным. — Встал, протягивая штопаную, но чистую простыню. — Вылазь давай. Чище уже не станешь.

Когда они вышли из кухонной двери, все было кончено. Победители паковали в мешки последнее, что можно было унести. Кто-то сообразительный прикатил бочку со смолой, туда макали самодельные факелы. Значит, будут жечь. Мальчишка — хоть и неумело, но коротко стриженный, одетый в великоватую одежду сына кухарки или прачки, возможно, уже мертвого, — выглядел еще меньше, чем прежде, и как-то беззащитней, что ли. Может, потому, что стал похож на обычного ребенка. Может, из-за ярко белеющей на шее повязки.

Шейна Харрис нашел греющимся на солнышке у колеса пустой повозки. В углу рта соломинка — зубов-то нет, — на шее трофейная золотая цепь. Рядом — Кент и две женщины. Маленькая, с мышиным личиком и в чепце, видно, Тея. Вторая, помоложе и понаглей, не могла быть никем другим, только Шейновой снохой. На Харрисова спутника компания воззрилась с недоумением — не узнали. Пройдоха Шейн догадался первым, поднял брови:

— Оно?

Ленлорд кивнул, но рядом не присел. Женщины переглянулись, зашептались.

— И куда ты с ним?

— А ты с этими куда? — Харрис перешел на тан, его местные не понимали. Гор-над-четец ухмыльнулся:

— Сноху в Горлице пристрою, если его светлость ленлорд позволит, — парень ткнулся лбом в согнутые колени и покрутил кистью, пародируя светскую галантность. — А у предателя нашего с супружницей в деревеньке поблизости родня есть. За славные деяния его там еще и героем сделают, бард песню сложит. А может, и слож*и*т. Ты вот умный, командир, скажи, как

правильно.

Харрис не ответил. Слушал остряка краем уха. «Действительно, куда я с ним? Ну покажу я мальчишку чарским ополченцам, ребятам из других ленов. Только вот надежда на то, что кто-то пацана признает, не слишком велика. Если парнишка действительно тан владеет, он не из местных, и скорей всего, не из простых. Хотя это только подозрение. Чутье.

Ведь я как думал? Снимем с пацана цепь, накормлю, отмою его, перевяжу рану. И все. Все! А теперь вот он, стоит рядом, на расстоянии „вроде с дядей, а вроде — сам по себе“, маленький, меньше моего собственного сына и, наверное, младше. Только детство паренька уже прошло. Прошло в тот миг, когда на него надели ошейник и цепь».

Неожиданно для себя Харрис сказал:

— Я его в Горлицу возьму. Если, конечно, родителей не найдем. Там есть бездетные семьи. Да и по хуторам работники нужны.

Шейн выронил травинку изо рта, присвистнул:

— Да кто ж найденыша возьмет, командир? То ли чарский он, то ли вообще чужак. Да еще и хлипкий, соплей перешибешь. И немой.

— Никто не возьмет — я возьму. В доме места хватит.

— А что леди Женевьева на это скажет?

Этого-то Харрис и боялся. После последней беременности, завершившейся смертью маленького Брендена и лихорадкой, чуть не унесшей жену в могилу, думать о ребенке старая Найрэ строго-настрого запретила. Но ведь Жене так хотелось, чтобы у Айдена была сестренка или братик. Братик… Харрис посмотрел на найденыша. Макушка, выстриженная неровными вихрами, гуляющая в широком вороте цыплячья шея, хрупкие плечи. С высоты взрослого роста озерные глаза не видны. Может, еще можно такого приручить?

— Ух ты! Мтар! Погоди! Еще не все… — Смутно знакомый Харрису мальчишка лет двенадцати вырывался из рук тащивших его мимо воинов. Женщина и девочка помладше шли сами в окружении конвоиров, но так же пожирали найденыша глазами. — Вот люди отца нас освободят, и тогда тебя… Я сам тебя… — Кто-то смазал разошедшегося малолетку по губам. Тот залился злыми слезами. Что-то еще кричал, но слов разобрать было уже нельзя.

«Семья Чары», — вспомнил ленлорд сцену в склепе. Девочка с тощими косичками все оглядывалась, некрасивое лицо кривилось, но не от плача. Кент и женщины повскакали на ноги. Встали так, чтоб между ними и найденышем были оглобли телеги. Узнали.

Безымянный сирота молча смотрел пленникам вслед. Потом отвернулся и глянул вверх, на Харриса. Светлые глаза стали цвета пепла. В воздухе потянуло гарью — победители поджигали борг.

Глава 9
Позор Джейремии Хопкинса

Грохнула о стену толчком распахнутая дверь. «Стоп-стоп-стоп! Откуда дверь в открытом поле? И как она может обо что-то хлопнуть, если вокруг нас с Харрисом только желтеющая трава да полотнища черного дыма от пылающих за спиной Чар? Идиот! Неужели я прокололся, как первокурсник, забыл выставить охрану перед „вторжением“?»

Джей знал, что резкий обрыв контакта и возвращение чреваты временной дезориентацией, нарушением зрения, головокружением и тошнотой. Действительность превзошла все ожидания. Вместо одного дверного проема, светлеющего на фоне погруженной в полумрак комнаты, Джей увидел три. Посреди каждого угрожающе замер безликий человек; сексот мог различить только черный силуэт, с которого стекало на пол сияние. «Дождь, — догадался Джей. — Все еще идет дождь».

— Ты-ы! — человек просто выдохнул — даже не слово, слог.

В ушах сексота воздух взревел, взвился стеклянной высокой нотой, вонзился раскаленным острием в мозг. Там, кажется, что-то лопнуло. По шее побежала из уха теплая струйка, и Джей по-настоящему испугался. Комната между ним и безликим вибрировала, пространство шло волнами. Непослушными губами сексот прохрипел заклинание щита. Согласно СОВБЕЗовскому учебнику, он должен был отразить любую магическую атаку. Давление на уши действительно пропало, но испустить вздох облегчения маг не успел. Потому что пропал и он сам, и все окружающее в придачу.

Джей стоял на большой лесной поляне. Было лето, в воздухе висела жара, порхали голубые мотыльки. Ни следа дождя. Вереск под ногами ломался от сухости. Единственную тень давал огромный дуб, развесистая крона которого начиналась высоко над головой и заслоняла белесое небо. «Какой дуб! — пищал тонкий назойливый голосок в голове. — Ты в Горлице, в доме ленлорда Харриса по заданию СОВБЕЗа! Скорее всего, это иллюзия! Враг отводит тебе глаза, а сам где-то рядом!» Джей тряхнул головой, пнул сухую вересковую кочку. Ничего себе иллюзия! Нога почувствовала упругую податливость моха, в нос ударил терпкий запах выжаренных солнцем трав. Что это тогда? Перенесение через портал? Допустим, таинственный маг давно положил на кодекс, но ведь открытие портала только мастерам

под силу! Разделаться с обычным сексотом мастер мог тысячью и одним более простым и эффективным способом. Или, может, с ним совсем и не собирались разделываться? Зачем тогда барабанные перепонки рвать?

— Где мой брат? — От неожиданности Джей подпрыгнул на месте. Звонкий мальчишеский голос, в котором слышалась едва сдерживаемая ярость, раздавался, казалось, прямо из воздуха. Быстро пробормотав под нос заклинание разоблачения, сексот крикнул:

— Какой еще брат?

Заклинание не принесло желаемого эффекта: говоривший так и остался невидимым. «Может, стоит расширить радиус?»

— Анхат, — в голосе послышалась нотка горечи. — Ребенок, которого ты забрал с собой.

Новая попытка с «разоблачением» также осталась безрезультатной. Это сбило Джея с толку. Как напасть на того, кто неизвестно где находится?

— Послушайте, это какая-то ошибка, — заявил он примирительным тоном. — Я не знаю никакого Анхата. Да и вас я тоже не знаю. Кто вы?

Последовало короткое молчание. Только легкий ветерок шелестел в кроне дуба, да пересвистывались какие-то птахи, невидимые за густым лиственным убором.

— Ты говоришь правду, — бесплотный голос звучал растерянно.

Хотя… почему бесплотный? Джея охватила уверенность, что болтало дерево, что торчало в центре поляны.

— Конечно, правду.

Сексот резко свел ладони перед собой и послал в дерево пышущий жаром огненный шар. Этого должно быть более чем достаточно, чтобы дуб… дал дуба! Шар пролетел половину расстояния до словоохотливого растения и там рассыпался сотнями голубых бабочек, радостно запорхавших по поляне. «Что ж это такое делается, зеркало и Темные магистры?!»

— Кто ты? Зачем ты убил Найрэ? Что ты хотел от херра Харриса?

«Найрэ? Не та ли это отравительница, что по совместительству делает прогнозы погоды?» В голове у Джея все перепуталось, но его в то же время задело то, что дерево продолжало задавать вопросы — это была вотчина сексотов. Он представил себе на секунду, как пишет в отчете светлейшей Летиции: «Был допрошен дубом», — и челюсти свела судорога.

— Во-первых, я никого не убивал! Во-вторых, я — секретный сотрудник СОВБЕЗа, Джейремия Хопкинс! В-третьих, вы

арестованы по обвинению в злостном уклонении от призыва, нападении на сексота при исполнении и нарушении Волшебного Кодекса § 176 пункт Би, § 38 пункт А и § 212 пункт Си и… Си!

Завершив обращенную к дереву пламенную речь, Джей растопырил эффектно сыпанувшие искрами пальцы и начертил в воздухе две руны. Вместе со статьями ВК на память случайно пришли страницы из учебника по темной магии, посвященные волшебным дуэлям. В древние времена дуэлянты сражались в герметичном межпространственном «пузыре», чтобы избежать разрушений и не причинить вреда окружающим. При этом противники старались получить друг перед другом преимущество, преображая искусственную среду в наиболее удобное для одного и наиболее невыгодное для другого поле боя. В книге все это звучало довольно безобидно, пока Джей не прочитал подстрочную сноску, мелким шрифтом оповещающую, что покинуть «пузырь», или, как его тогда напыщенно называли, Дуэльную Палату, мог только один из состязающихся — победитель.

ВК запрещал любые магические поединки, кроме учебных, и дуэльный кодекс давно стал историей. Но если д.п.в.в.[8] все действительно происходило так, как описывал учебник, то руны обязательно должны были сработать. И они сработали!

Земля дрогнула, вспучилась по прямоугольному периметру с Джеем и деревом посредине. Из нее стремительно полезли, соревнуясь в скорости, каменные стены. Остаток вересковой пустоши внутри стен закатало в камень. Летнее небо закрыл высокий лепной потолок с хрустальной люстрой титанических размеров. В ней тут же вспыхнула сотня белых свечей. Несколько секунд — и сексот стоял в до боли знакомом тренировочном зале абсалонского отделения СОВБЕЗа. Или, вернее, в точной его копии. Только выхода из зала не было. В нем вообще не было дверей.

Дуб, отрезанный от корней, вздохнул и рассыпался ворохом осенней листвы. На его месте остался маг. Моложе Джея, совсем еще мальчишка. В большой не по росту простой одежде. Неровные темные вихры торчат над узким, худым лицом. Глаза, казалось, собрали весь свет в полутемном зале. Или это они освещали зал? «Озерные глаза»…

Сексот вздрогнул. В опасном преступнике он узнал безымянного пацана, найденного Харрисом в собачьей будке восемь лет назад. Найд — кажется, так его назвали? — выглядел нисколько не испуганным переменой декораций. Он медленно поворачивался вокруг собственной оси в центре зала, с любопытством глазея по сторонам. Сухие листья шуршали под

его ногами, порождая неуместное в огромном помещении эхо.

— Так это сюда вы привозите украденных по деревням детей? — повернулся парень к сексоту, закончив осмотр. Джей был уверен в своей правоте, и все же взгляд этих прозрачных глаз почему-то смутил.

— Не украденных, а призванных! К тому же вовсе не сюда, — тут маг опомнился и снова вошел в роль: — Сдавайся! Добровольная сдача и признание облегчат твою участь! — Сексот перешел на «ты», посчитав ниже профессионального достоинства «выкать» несовершеннолетнему хулигану. — Руки за голову и иди сюда! Медленно!

Парень послушался, положил ладони на затылок, но с места не двинулся.

— Я не тот, кто вам нужен. Ищите убийцу Найрэ, того, кто заставил ее сердце остановиться в домике на болотах. Черного человека без лица!

— Он что, тоже маг? — насторожился Джей, припомнив безликую фигуру в дверном проеме. «Может, их и вправду было трое?»

Найд неуверенно покачал головой:

— Нет, не думаю. Скорее, наемник.

— Тогда это не наше дело! — сурово оборвал деревенщину сексот. — Убийством займутся гражданские власти. Ты мне тут зубы не заговаривай! Марш сюда и без фокусов!

Парень загрустил, но пошел. Интересно, откуда чарскому сироте известно о Дуэльной Палате? Эта информация открыта только для сотрудников СОВБЕЗа, к тому же, начиная с синего кода доступа. Страшная по своей дикости мысль обожгла Джея, заставив встать дыбом короткие волоски на шее, а пальцы — нашарить в кармане «оковы власти». «Что, если мальчишка — Темный? Откуда иначе запретное знание? Умение, тянущее, по крайней мере, на магистра третьей ступени?» Сам сексот достиг третьей и даже вообразить не мог, что какой-то деревенский сопляк может превосходить в искусстве магии его, отличника боевой и учебной подготовки.

«Нет! — Джей тряхнул головой, отгоняя крамольную мысль, как комара. — Это невозможно! Темные не существуют!» «А самоучки, способные бросить вызов сексоту и даже не вспотеть, — пискнул в голове знакомый тоненький голосок, — существуют?»

— Стой! — Найд послушно остановился в нескольких метрах от Джея. — Лечь на пол! Руки за голову!

— Так они и так за головой, — усмехнулся нахальный мальчишка, на этот раз не спеша выполнить приказ. — А что будет с херром Харрисом?

Джей нетерпеливо пожал плечами:

— Это решит суд.

— Но ведь ленлорд ни в чем не виноват!

— Все вы тут… — Джей презрительно фыркнул, — невиноватые! На твоем месте я бы больше беспокоился о своей собственной шкуре, чем о целости ленлордовой! Лечь на пол, я сказал!

Наглый тип, однако, не двинулся с места:

— Ты же знаешь, Джей, без меня тебе не выбраться отсюда.

— Откуда ты… — Сексот вовремя спохватился и облизнул языком пересохшие губы. Представился он хулигану как Джей или Джейремия? Уверенности больше не было. — Откуда ты это взял? Все, что мне надо сделать, чтобы выйти из Палаты Дуэлей, — убить тебя!

Мальчишка нагло ухмыльнулся и кивнул:

— Интересно, и как же ты это сделаешь?

Джей уже поймал на кончик языка заклинание, чтобы как следует проучить нахала, но тут его запястья в кармане коснулось что-то прохладное и твердое. Раздался сухой щелчок. Свободная рука лихорадочно метнулась на помощь напарнице. Второй наручник «оков власти» ловко сомкнулся вокруг нее. Не в силах осознать происшедшее, Джей уставился на свои запястья, украшенные изящными золотыми браслетами с болтающейся между ними цепочкой. Он едва мог удержать руки перед собой — артефакт тянул к земле свинцовым грузом. Странным образом сексот чувствовал себя запертым в границах собственного тела, будто невидимая стена оградила мага от потускневшего мира — стена, которую невозможно ни сломать, ни преодолеть.

Задыхаясь, с колотящимся сердцем Джей рванул ворот — под ним на цепочке висел ключ от наручников. Пальцы ухватили горсть редких курчавых волос и… пустоту! Чувствуя растущий в груди холодок страха, сексот дико заозирался по сторонам: «Не может быть, чтобы цепочка порвалась!»

— Ты, случайно, не это ищешь? — Нахал, о котором сексот в замешательстве позабыл, улыбался. На его пальце покачивался знакомый резной ключик на целехонькой золотой цепочке.

С утробным рыком Джей бросился на негодяя, вытянув перед собой скованные руки. Тоненькие «оковы» перевесили, и сексот чувствительно пропахал носом пол. Тихий смешок деревенского ворюги набатом прозвучал в ушах. Все! Шутки кончились! Одно за другим Джей выкрикивал в отвратительную рожу самые страшные смертельные заклятия: «костедробилка», «вывертень», «сердцеед»… Но гадкий мальчишка спокойно стоял в паре метров от ярящегося сексота, помахивая ключиком.

— Не стоит напрягаться. Хреновина, которую ты таскал в кармане, питается твоей силой. Чем больше ты пыжишься, тем она тяжелее. Хочешь выйти отсюда? Вернуть себе ключ? Тогда пообещай, что тут же покинешь Горлицу. Своим скажешь, что все как обычно, ты ничего не обнаружил.

Джей был слишком занят, чтобы ответить: он катался по полу и пытался разорвать кажущуюся такой хрупкой цепь. Наконец, признав бесполезность своих попыток, он поднялся на ноги, тяжело дыша, и в отчаянии выкрикнул:

— Это невозможно! Летучий отряд наверняка уже на пути сюда. То есть к Горлице! Мощный несанкционированный выброс силы не мог остаться незамеченным.

Мальчишка перестал ухмыляться и задумался, покусывая нижнюю губу:

— Ладно. Тогда клянись, что вы отпустите херра Харриса, и все подозрения с него будут сняты.

— Но как?! — Джей нетерпеливо пнул пол, пораженный наивностью деревенщины. — Ведь от меня потребуют полный отчет!

— Вот и напиши отчет! — кивнул хулиган. — Напиши, что ленлорд Харрис — уважаемый человек, законопослушный гражданин, каждое воскресенье ставит свечку в храме Света. Ну или что вы там обычно пишете, чтобы доказать чью-либо невиновность.

— *Обычно* мы приводим доказательства *виновности,* — скрипнул зубами сексот.

— Пора начинать мыслить по-новому, — посоветовал вихрастый нахал. — Конечно, если ты на это не способен…

Найд направился к стене тренировочного зала. Массивные гранитные блоки на его пути прорезала глубокая трещина. Из нее показались гибкие зеленые усы, быстро удлинявшиеся, обраставшие листьями и корой, проворно расталкивавшие края трещины в стороны, пока на ее месте не оказался увитый цветущим клематисом арочный проход в рост человека. Из отверстия хлынул солнечный свет, пахнуло вереском. Несколько голубых мотыльков залетели в помещение и начали весело порхать вокруг своего создателя.

— Это не выход! — зло крикнул Джей. — Дуэльную Палату можно покинуть, только убив противника.

Найд остановился, щурясь от яркого света:

— Поэтому ты сначала хотел заковать меня?

Сексот промолчал. Хмуро отмахнулся от любопытного мотылька, заинтересовавшегося его ухом.

— Как много из того, что ты еще вчера считал невозможным,

случилось сегодня?

Джей тоскливо уставился на странного парня: неужели сопляк все это время читал его мысли? Где-то глубоко в тайном уголке сердца мага шевельнулась надежда.

— Иди сюда. Смотри!

Джей помедлил, ожидая подвоха, потом все-таки шагнул вперед. Он вошел в полосу света неподалеку от Найда, заглянул в арку. Как сексот и подозревал, она открывалась на ту самую вересковую поляну, уже без дуба. В окружавшей пустошь сплошной стене леса теперь тоже образовался проход. В конце его виднелась тонувшая в сумерках горница херра Харриса, сам ленлорд, сидевший у стола без света, тупо глядя в пространство перед собой. Сердце Джея екнуло. Напротив Харриса он увидел… себя самого, застывшего с выпученными глазами и разинутым в крике ртом. Бессознательно сексот осенил себя знамением Света. Сегодняшний день перевернул все его представления о законах магии с ног на голову. Может ли быть, чтобы авторы учебника, требующего синего кода доступа, ошибались? Ошибались всеми уважаемые учителя?

— Я пойду первым, — как ни в чем не бывало, объяснял малолетний хулиган, — но оставлю проход открытым. Особо не тяни, но и не суетись, подожди, пока я буду, э-э… на той стороне, — ткнул он в сторону Харрисовой горницы. — Ключ найдешь на столе. Но прежде ты должен поклясться!

Джей посмотрел на себя самого, застывшего у стола в нелепой позе, казалось, уже начавшего собирать пыль.

— А что будет со мной, если я не вернусь? То есть, я имею в виду, с тем мной… который там. Пока я вот… тут, — сексот сбился, совершенно запутавшись.

— Что случается с телом, которое навсегда оставила душа? — ответил парнишка вопросом на вопрос. — Время здесь, в Палате, как ты ее называешь, движется гораздо быстрее, чем там, — Найд кивнул в сторону прохода. — На той стороне ты, скорее всего, станешь «овощем». А тут… Если честно, не знаю. А тебе хочется это выяснить?

Джей сглотнул комок в горле и затряс головой. Выяснять ему совсем не хотелось. Ощутить на себе гнев Летиции Бэдвайзер — тоже. Что ж, из двух зол, как говорится, мил будет и козел.

— Ладно. Клянусь, — глухо буркнул сексот, глядя себе под ноги.

— Чего — клянусь? — не унимался нахальный тип.

— Клянусь сделать все, чтобы СОВБЕЗ не выдвинул никаких обвинений против херра Харриса.

Пацан выжидательно смотрел на Джея пронзительно-

голубыми глазами.

— Что еще? — недовольно проворчал сексот.

— Ты ничего не забыл? — Джей сделал удивленное лицо. — Ну, чем вы там, деспоты, клянетесь?

Стиснув зубы так, что на скулах выступили желваки, сексот дотронулся сложенными указательным и средним пальцами правой руки до лба, горла и солнечного сплетения. Клятву, скрепленную знамением Света, маг нарушить не мог — это было равносильно потере чести.

— Я принимаю твою клятву, — улыбнулся несносный сопляк. — Свет тому свидетель.

Он шагнул в сияющий проход, обернулся:

— Помни, когда я буду на той стороне!

И его поглотило лето.

Джейремия Хопкинс моргнул, не совсем понимая, почему они сидят в сумерках, вместо того чтобы зажечь стоящий на столе свечной огарок. Херр Харрис задумчиво вертел в руках резной ключик на тонкой золотой цепочке.

— Это, случайно, не твое, сынок? Не понимаю, откуда взялось. Клянусь, секунду назад ничего не было.

Джея как обухом по голове садануло. Клятва, Дуэльная Палата, Харрисов выкормыш-ворюга, «оковы власти»… «Оковы»! Сексоту стоило титанических усилий не вырвать ключ из рук ничего не подозревающего ленлорда.

— Простите, херре, — маг натянуто улыбнулся. — Это — единственное, что осталось мне в память о покойных родителях, очень дорогая для меня вещь. И как это я, разиня, умудрился ее потерять?

Спрятав наручники в рукава длинноватой рубахи, сексот потянулся через стол. Пальцы мертвой хваткой вцепились в заветный кусочек металла.

— Прошу прощения, мне бы отлить… — Не дожидаясь ответа, Джей вылетел за дверь.

Глава 10
Подарок покойницы

Летиция Бэдвайзер никогда еще не получала такого нелепого отчета от своих рядовых сотрудников. Если бы не подтвержденный энерговыброс красного класса Си, этот отчет, скорее всего, стал бы последним в короткой карьере младшего сексота Джейремии Хопкинса. Незарегистрированный проявленный маг с умениями то ли Мастера, то ли Темного, Дуэльная Палата, необычайная отвага сексота Хопкинса, уничтожившего матерого врага и победителем вернувшегося «с той стороны»… В этой сказочке не хватало только Драконьих Гор, Замка, глядящего на океан, и Ворона. Это наводило на мысли.

Первая из них была, что младший сексот беззастенчиво врал, скорее всего, прикрывая свой провал. Вторая, более тревожная и в то же время возбуждающая, — что идиот Хопкинс действительно натолкнулся на что-то стоящее, с перепугу не смог этого объяснить и оттого дал волю юношеской фантазии. Впрочем, одно необязательно исключало другое. Летиция по-кошачьи потянулась, разминая затекшую шею. Должность спиндоктора при Верховном Совете ОЗ, о которой так давно и тщетно мечталось, оказалась вдруг на расстоянии вытянутой руки. Что ж, класс мощности зарегистрированного выброса позволял Летиции самой разобраться на месте. Конечно, для открытия портала требовался допуск, но очень близкое знакомство с судьей Аполлинарием Бестикайтесом давало уверенность в том, что кольцо уже у нее в кармане. То есть — на пальце.

— Жди меня! — холодно приказала волшебница Хопкинсу, беспокойно переминавшемуся с ноги на ногу в глубине хрустального шара. — Ничего не предпринимай! Я подниму летучий отряд. Мы будем у тебя через… — Летиция щелкнула крышкой висевшей на груди «луковицы», — полчаса. Конец связи.

Айден возвращался с мельницы в пресквернейшем расположении духа. Мало того, что всю дорогу его поливал нудный дождь, превративший лесную тропу в раскисшую, скользкую колею. На душе тоже было смурно из-за дурацкой выходки Найда.

«Вот ведь, нате! Все дело с Камиллой удалось свинтусу испоганить! А уж сколько я ее обхаживал. Мало того, что гаденыш шпионил за мной, так еще и полез со своими проповедями в самый интересный момент! Камилла, конечно, попыталась лаской

потом все загладить. Но Найду удалось-таки запустить в душу червь сомнения, и этот самый червь не только настроение опустил, но и кое-что другое, более важное». Айден зло сплюнул, но плевок тут же вернулся обратно, разбавленный солидной порцией дождевой воды.

«Эх, даже разозлиться на дурака как следует не получается. Шею бы сопляку намылить, чтоб в следующий раз свой нос не совал в дела старших. Да только как забудешь этот взгляд… Это выражение лица — то самое, которое я часто видел у младшего, когда деревенские пацаны зажимали его в угол. Но на сей раз виной всему не горлицкие задиры, а я сам. Ну что мне стоило язык-то придержать? Знал же, как Найда больнее всего ударить, и не смолчал. Разве это не подлость, недостойная моего положения? Всегда и вечно это мое положение! Наследный ленлорд тут, наследный ленлорд там, это вашей светлости нельзя и то непозволительно. А навоз в хлеву грести позволительно? Ладно хоть уборные отец еще не посылал чистить. Другое дело — Найд. Сирота, без роду и племени, он свободен, как ветер в поле, и признает лишь один авторитет — отцовский».

О прошлом Найда они никогда не говорили. Айден, в общем, знал то же, что и все. Но он чувствовал, что сироту и опекуна связывала какая-то тайна — связывала узами, которых у него с отцом никогда не было и не будет. Найд не боролся с молодым ленлордом за любовь Харриса, не заискивал, не напрашивался на ласку. Но каждая улыбка отца, подаренная не сыну, а приемышу, каждый молчаливый диалог голубых и карих глаз, словно исключавший Айдена из маленького союза, рвали его сердце, заставляя мучиться самой обычной ревностью. В глубине души Айден стыдился своих чувств, но поделать с собой ничего не мог.

После появления в доме сироты мать часто заверяла Айдена, что он навсегда останется ее единственным сыном. Но парень не забыл, как леди Женевьева носилась с приемышем в первые недели. Ежедневно меняла повязку на шее, откармливала, перешивала по размеру старую детскую одежду, болтала с немым мальчишкой без умолку — за двоих, покупала на ярмарке новую обувь, хотя сапоги родного сына давно просили каши. Найд плохо спал по ночам и часто будил Айдена, с которым делил комнату, стонами и мычанием. Тот ворчал, и тогда сирота начал ночами выходить во двор, благо погода позволяла. Однажды Айден проснулся и захотел отлить. На крыльце он увидел мать, полуобнявшую чужого мальчишку за плечи и вполголоса напевавшую какую-то песенку, будто укачивая младенца. Он тогда нарочито громко затопал в сенях, Найд встрепенулся, как птаха испуганная, оттолкнул руку Женевьевы и удрал в темноту.

Айден помнил первые слова, сказанные приемышем. Они не были о чем-то важном или значительном, как не был особенным и тот день, когда немой заговорил. Парень помнил, что сидел в ветвях старой яблони, изображая отважных защитников борга, высматривающих в облаках злобного дракона. Вдруг Найд появился внизу, во дворе. «Молоко принесли!» — сказал он и скрылся в доме. Айден был на полпути с яблони, когда до него дошел смысл происшедшего. Очевидно, леди Женевьева послала приемыша с известием о приходе девки со свежим удоем, зная, как сын любит парное молоко. Вместо того чтобы, как обычно, объясняться знаками и тянуть названого брата за одежду, Найд избрал новый способ общения.

Сегодня Айден попрекнул младшего, напомнив ему о прошлом, которое сироте больше всего хотелось навсегда похоронить. Да еще и по лицу вмазал. «Что же теперь делать? Извиняться перед Найдом? Сделать вид, что ничего не случилось? Вздуть, чтоб впредь неповадно было? Интересно, а как отцу пацан свое неурочное появление объяснил? Что, если настучал про рыжую? — Тут парень устыдился своих мыслей: — Вот уж чего-чего, а ябедничества от Найда меньше всего можно ожидать. Что возвращает нас к тем же баранам. Извиниться, дать в лоб или ничего не делать?»

В этот момент произошло событие, заставившее Айдена совершенно позабыть о том, что он собирался сделать с воспитанником отца. Между соседским курятником и ленлордовым черепками увешанным тыном из воздуха высунулась… рука. Необычайно белая и изящная дамская ручка с наманикюренными ноготками. Появилась, сделала ладошку ковшиком, поймала горсть холодных капель, брезгливо встряхнулась и спряталась обратно. Вместо нее из воздуха чуть пониже появилась столь же изящная ножка, затянутая в блестящий алый сапожок. Ножка осторожно пощупала воздух, над ней возник алый, под цвет сапожку, длинный предмет. Предмет щелкнул и распахнулся грибком, который, однако, вместо обычных мухоморных пятен украшали замысловатые цветочки и птички. Сапожок, надежно прикрытый «грибком» от дождя, высунулся подальше, а за ним последовала дама целиком, неизбежно плюхнувшаяся бы в глубокую лужу, не окажись рядом Айдена.

Красивый рыцарственный прыжок — и сын ленлорда приземлился на краю мутного водоема, подхватил выпавшую из воздуха прелестницу. Надо отдать должное незнакомке: она ничуть не смутилась от такого приема. Только крикнула обратно в воздух голосом таким пронзительным, что у Айдена зазвенело в

ушах:

— Смит, разиня! Кто навел портал в метре над землей?!

Верзила в коричневом плаще ступил на поверхность лужи, не замочив ног, и начал оправдываться:

— Всего в полуметре, светлейшая Летиция. К тому же вы ведь сами…

— Заткнись! — взвизгнула названная Летицией.

Второй верзила, как две капли воды похожий на первого, ловко спрыгнул *на* лужу по другую сторону от недовольной дамы и вопросительно уставился на Айдена.

— Нейтрализовать? — невыразительно спросил он, и у ленлордова сына почему-то сердце заметалось в поисках пяток.

— Фи, какой ты скучный, Антуан! — капризно скривила губы красотка. — Ну что же ты стоишь, мальчик? — вдруг обратилась она к Айдену, щеки которого мгновенно сравнялись по колеру с ее шикарными сапожками. — Неси же меня на сухое. Лучше всего в дом ленлорда Харриса. Он ведь тут где-то неподалеку? — Ресницы над голубыми глазами томно затрепетали.

— Угу, — обе руки Айдена были заняты драгоценной ношей, а язык совершенно забыл о своем предназначении. Поэтому парень просто неловко дернул подбородком вправо: — Там. Он.

Джейремия Хопкинс глубоко раскаивался в принятом решении. Признаться, будь у него второй шанс, он бы сейчас с удовольствием выбрал одинокую вечность в ловушке между мирами — ведь там сухо, тепло и даже спать можно, зарывшись в сухую дубовую листву. А главное — там нет метающих молнии ледяных глаз Летиции, грозящих испепелить его и высыпать пепел в отхожее место.

— Эту сказочку про Драконьи Горы и Ворона ты можешь засунуть себе в то место, которым обычно думаешь, Хопкис! — Летиция не утруждала себя знаменитым достойным баньши визгом, наводившим ужас на сотрудников абсалонского офиса. Она вкрадчиво шептала, приморозив Джея к месту немигающим взглядом: — Я хочу услышать, что здесь *действительно* произошло. Считаю до трех. Если на счете «три» ты не начнешь излагать факты, то мне придется *навестить* тебя, Хопкинс. К твоему сведению, после моего визита тебе, возможно, уже никогда и ничего не придется излагать!

Джей почувствовал ватную слабость в коленях, но огромным усилием воли заставил себя стоять по стойке смирно. «Я знал, что именно так все и кончится. Мало того, что сегодня мне довелось испытать на себе действие „оков власти“. Теперь предстоит опробовать на собственной шкуре еще одну штучку из арсенала

СОВБЕЗа — „вторжение“, которое я с успехом применил на херре Харрисе. Неужели у Света такое извращенное представление о справедливости?»

— Раз! — Летиция лениво развалилась в кресле горлицкого ленлорда с подоткнутыми под локти расшитыми подушками. Щегольские сапожки покоились на скамеечке, покрытой лучшим плащом Харриса. Хозяин плаща с сыном были выдворены из собственного дома и ожидали у соседей вызова на допрос.

— Два! — Джей судорожно втянул воздух в легкие. «Свет свидетель, я сделал все, чтобы сдержать клятву. Но будет ли этого достаточно?» Как сексота его учили стирать воспоминания, создавать ложную память, зомбировать людей, закладывая в них программу действий, которую активировало определенное слово или предмет. Те двадцать с небольшим минут, которые потребовались Летиции, чтобы поднять летучий отряд и открыть портал, Джей использовал, стирая из памяти все крамольное, что он узнал о херре Харрисе, и заменяя пустоту искусственными воспоминаниями. Оставалось только надеяться, что кураторша не заметит этот трюк. То, что Джей успел узнать о Летиции Бэдвайзер, давало ему слабенький, но шанс. Скорее всего, стервозная карьеристка уцепится за подпольного мага с невероятными способностями и позорный провал младшего сексота Хопкиса, закованного в собственные наручники. И просмотрит маленькую подтасовку фактов, касающуюся какого-то безвестного, бедного как церковная мышь ленлорда.

— Три! — Палец Летиции с длинным алым ногтем указал на Джея, и агент перестал думать. Странно, но он продолжал сознавать себя — маленьким хрустальным шариком, зажатым между большим и указательным пальцами волшебницы. Огромный голубой глаз, прорезанный красноватыми прожилками, взыскующе вглядывался в его прозрачные глубины, и от этого всюду проникающего взгляда было не спрятаться, не укрыться.

Найд сидел, скорчившись, поджав колени к дрожащему подбородку, тщетно пытаясь сохранить последние остатки тепла. Выход из пещерки перед ним был чуть светлее окружающей темноты. Дождь кончился, но вода струилась по склону обрыва и падала вниз с земляного козырька множеством тихо шепчущих и звенящих струй. Найду казалось, его заперли за ними, как за решеткой.

«Сколько времени пройдет, прежде чем меня найдут? Идти мне некуда. Единственный союзник, на помощь которого я мог расчитывать, Найрэ, — мертва. Возможно, скоро и меня постигнет такая же участь. Сначала за мной охотился только безликий

убийца в черном плаще. Теперь мне удалось посадить себе на шею Джейремию Хопкиса и весь СОВБЕЗ в придачу. Что нужно от меня сексотам? Засадить в Торд-на-Рок? Уничтожить? Завербовать?»

Найд чувствовал себя обложенным со всех сторон, как лис в норе. Он горько усмехнулся собственному сравнению. Пещерка, образовавшаяся в склоне лесного оврага на месте вывороченного давней бурей дерева, и вправду напоминала жилище лисицы-переростка.

«И что теперь? Не могу же я сидеть тут вечно? Хорошо хоть по дождю да мокротени собаки не возьмут след. А что, если меня попытаются отыскать с помощью магии? Почувствую я это? А если почувствую, что смогу сделать? Проявятся ли мои способности в нужный момент, как тогда, когда я принял сексота за волшебника, который купил у Чары Анхата? Смогу ли я их контролировать? Ведь я едва не прикончил Джея в горнице херра Харриса. Не поставь тот вовремя щит… Смогу ли я снова использовать Убежище? Теперь, когда открылось его истинное назначение».

Дуэльная Палата. Найд так давно не бывал там! Во время одиночества и плена в Чарах он прятался в этом странном месте, как улитка в домике, что вечно носит с собой. Прятался, когда боль и издевательства становились непереносимы. В Убежище он мог создавать миры по своему вкусу, теплые и цветные, полные добрых животных и чудесных растений, миры без людей, которые знают только жестокость и разрушение. И каждый раз так тяжело было возвращаться в измученное полуживое тело, но он все равно возвращался. Назло Эрэ. Назло Чаре. Назло самому злу. Вернулся он и сегодня. И, кажется, знал, зачем.

Найд шевельнулся, устраиваясь поудобнее в тесноте пещерки, размял затекшие ноги. Что-то твердое врезалось в правое бедро. Найд пошарил в темноте рукой и вытащил из-под себя кошель Найрэ. Он задумчиво погладил расшитую бисером ткань. «Безликий наемник разыскивал меня, в этом нет сомнений. Убийца не был подослан СОВБЕЗом — очевидно, что Джей ничего не знал о нем. Может ли СОВБЕЗ вести двойную игру? Нет, сексоты бы арестовали и допросили Болотную Бабку, посылать наемника — не их методы. Эта черная птица — из моего прошлого. И если я найду ее, то найду и того, кто ее послал. И кто знает, может быть, это выведет меня на след настоящего убийцы — того, кто лишил меня родителей, родного дома, сестры и брата.

Но как искать какого-то безликого человека, когда за мной самим охотятся? С помощью магии? Если Джей не врал, следы ее

быстро обнаружат. У сексотов нюх не хуже собачьего».

Правую руку кольнул знакомый холодок, отличный от зябкой свежести лесной пещеры. Шнурок, стягивающий горловину старухиного кошеля, видно, ослаб, и пальцы Найда сами собой забрели в замшевую глубину. «Чудесные карты! Как же я о них не подумал?! Возможно, они подскажут, где искать безликого? Силы на их использование требуется так мало, что сексоты ничего не почувствуют. Но подчинится ли мне Аркан? Смогу ли я растолковать расклад? Раньше мне все объясняла Болотная Бабка. Как я смогу быть уверен, что понял надписи и символы правильно?»

Найд снова погладил кошель, ощущая выпуклости бисеринок под подушечками пальцев. «Если вытащу карту сейчас, то ничего не разгляжу, ведь уже стемнело. Разжигать огонь рискованно, да и нечем. Придется подождать до утра». Он улегся на бок с поджатыми ногами, подальше от падающих с козырька над пещеркой водяных струй. Полежал. Кряхтя, перевернулся на другой бок. Несмотря на усталость, сон не шел. Желание вытащить карту, загадав на безликого, было острее, чем впивавшиеся в бока древесные корни. В пальцах так и бегали холодные мурашки. Наконец Найд сдался и запустил руку в кошель. «Пусть я и не увижу рисунка. Вытащу карту и спрячу в карман, а утром, когда рассветет, рассмотрю ее хорошенько».

Внезапно убежище залил голубоватый призрачный свет, резанувший привыкшие к темноте глаза. Найд испуганно ворохнулся — сияние исходило от зажатой в дрожащей руке карты. «Как странно, ведь днем они и не думали светиться!» Руническая надпись по краю аркана гласила: «Башня». На картинке действительно была изображена башня, расколотая надвое молнией. В узких окнах пылал огонь, у подножия лежали две человеческих фигуры и золотая корона, то ли сорванная с чьей-то головы, то ли оброненная при падении.

Найд недоуменно почесал переносицу. Он надеялся, что карта подскажет, где искать убийцу Найрэ. А тут — башня. «Откуда она в лесу? Конечно, башня есть в Гнезде, и не одна. Но они целые, а тут вроде пожар. Пожар! Молния, гроза, вышивка на синем плаще…» В горле мгновенно пересохло, удары сердца отдавались в ушах громко и глухо. «Это могут быть только Чары. Спаленная молнией башня. Герб мертвого ярла. Руины.

Нет! Не может быть! Что безликому там делать? Ведь на месте борга ничего не осталось, только пепел. Эх, если бы тут была Найрэ! Но ее больше нет. А убийца отсиживается в Чарах — единственном месте, куда я за ним не пойду, просто не смогу. Бред! Безликий охотится за мной, он и не подозревает, что мне

надоело быть жертвой. Может, наемник ничего не узнал от Найрэ и отправился на пепелище, чтобы что-то вынюхать? Расспросить крестьян в окрестных деревнях? Тоже бред! Что-то тут не сходится! Чары… Почему опять и снова — Чары?!»

Найд долго ворочался в тесном пространстве, ломая голову над загадкой карты и смерти Найрэ, пока не провалился в сон, убаюканный тихой капелью и шорохами ночного леса.

Глава 11
Охота, или Все против всех

Летиция Бэдвайзер хмуро вглядывалась в дорожный вариант хрустального шара, покоившийся у нее на коленях. Зад чародейки холодила мокрая земля, горлицкий лес мрачно шептал над головой. В шаре творилось Свет знает что. Энергетическая карта местности между Чарами, Гнездом и границей горлицкого лена пестрела разноцветными всполохами там, где должно было быть ровное голубоватое сияние непотревоженного эфира. И это притом, что она сама с неудачником Хопкинсом, Антуан и Смит полностью экранированы!

Вот Горлица. На месте дома херра Харриса взрыв, за прошедшую ночь выцветший с глубокого индиго до блеклой синевы. Рядом — зеленая блямба, уже светлеющая, — ее собственный портал. Чарская аномалия, обычно черневшая уродливой кляксой на телеметрии, расцвечена мозаикой лихорадочных алых и желтых пятен, тоже медленно остывающих. Ладно, допустим, там маны расшалились. Может, пообедали заплутавшим путником.

В районе болот разлилась желтоватая муть. Это, кажется, как раз то место, где, по словам Хопкинса, расправились со старой ведьмой. Что ж, к хижине послан Смит, а Антуан занимается мельницей на случай, если беглец решит укрыться там. Их с Хопкинсом розыски пока не дали результата, кроме растянутой лодыжки (у идиота-агента) и промоченных ног (у обоих). То ли проводник водил их за нос (что маловероятно, эдакий телок!), то ли преступник оказался не дурак и избегал знакомых мест.

Так-так, а что означает вот эта омерзительная клякса прямо посреди столь же омерзительной горлицкой чащи, называемой, очевидно в насмешку над туристами, рощей?! Силовое возмущение красного класса Би. Может, открытый портал? Но откуда? Подкрепление достигнет Горлицы только к вечеру. А сейчас — Летиция бросила взгляд в сторону хмурого после вчерашней непогоды неба — еще даже полдень не наступил.

Челюсти свел невольный зевок — сказывалась бессонная, проведенная в допросах ночь. Волшебница надавила кончиками пальцев на внутренние уголки век, возвращая остроту зрения утомленным глазам. Так, будем рассуждать логически. Если это преступник воспользовался порталом, боевые маги «Бумажки»[9] могут подтереться — ищи его, свищи. Вот доберемся до места, тогда посмотрим. Жаль, нельзя снова воспользоваться колечком:

оно будет подзаряжаться еще сутки.

Летиция снова зевнула, раздраженно глянула на серый шерстяной холмик у подножия разлапистого дерева. Дрыхнет себе сексот Хопкинс без задних ног, наверстывает упущенное. Даже близость муравейника его не тревожит. Волшебница подняла было палец, чтобы помочь «санитарам леса» найти дорогу к Хопкинсовой пятой точке, но передумала. Все-таки режим экранирования. Надо соблюдать тишину в эфире.

Она погасила шар. Встала, по-кошачьи потянулась и тут же шепотом выругалась — задетая ветвь не то березы, не то осины сбросила пригоршню ледяной воды волшебнице за шиворот. Вот и умылись! Поминая нехорошими словами прелести привала на природе, Летиция добралась до ветвистого дерева и не слишком вежливо пнула Хопкинса в бок:

— Вставай, неудачник! Хорошенького понемножку.

Переступив через заворочавшегося сексота, Летиция приблизилась ко второму спутнику, наблюдавшему за всеми ее действиями со смесью ужаса и восхищения. Волшебница обольстительно улыбнулась проводнику:

— Подъем, малыш! Пора найти твоего названого братца, пока он еще кого-нибудь не отправил в мир иной, как ту невинную старушку-отшельницу. Ой, только не надо смотреть на меня волком! Подпольные маги, знаешь ли, очень опасны! Ты ведь не знал, что этот… Найд — маг? Видишь, он и от *тебя* это скрывал! А что еще он от тебя скрывал, а? Вот-вот, подумай об этом на досуге. А пока я покажу тебе местечко, куда нам с Хопкинсом очень хочется попасть, и ты нам в этом поможешь, не так ли?

Айден спрятал пылающее лицо в ладонях. «Найд, Найд! Что же ты наделал, непутевый мальчишка?!»

Лошадиные подковы оставили четкие, глубокие отпечатки на лесной просеке. Свежие следы в подсыхающей грязи очень не понравились Найду. Во-первых, иноходца с такими здоровенными копытами в округе не водилось. Во-вторых, этот самый иноходец отметился и в двух других просеках на Найдовом пути, причем следы шли в противоположном направлении. Это могло означать только одно: по горлицкому лесу рыскал чужак на коняге размером с дракона. В то, что это заплутавший путник, не верилось — слишком далеко всадник забрался от наезженных дорог.

Найд решил удвоить осторожность и по возможности избегать открытых мест. Оставался только один вопрос: в каком направлении теперь двигаться? Проснувшись утром от жуткого рычания, которым приветствовал его голодный желудок, парень

обнаружил, что все еще сжимает кошель с арканом в руке. Недолго думая, он рискнул-таки двинуть на Чары. В конце концов, идти больше все равно было некуда. Но теперь его одолели сомнения.

«Может, именно конь безликого оставил следы на просеке? Такой скакун подошел бы ему по размеру. Вдруг, пока я уверен, что ищу человека без лица, он охотится за мной? И аркан с башней значит совсем не то, что я по неопытности вообразил?»

От всех этих вопросов голова шла кругом. У Найда со вчерашнего утра росинки маковой во рту не было, а стычка с Джейремией Хопкинсом подорвала силы, необходимые чтобы все время быть начеку. Внезапно в глазах потемнело, и парень неловко осел под калиновый куст. Наткнись на него сейчас летучий отряд, и СОВБЕЗовцы повязали бы беглеца, как слепого котенка. Найд поражался, вспоминая чувство легкости и эйфории, которое охватило его вчера, когда он бросил вызов незнакомому магу. Откуда только что взялось? Он казался себе всемогущим и даже обычной тошнотой потом не мучился. Оказалось, она просто дожидалась утра!

Парень заставил себя несколько раз глубоко втянуть влажный лесной воздух. Остро пахло грибами, мохом и прелью. «Грибы! Это, конечно, не бекон фру Боливии, но червячка заморить сойдет. Жаль, костра нельзя развести». Встав на четвереньки, он зашарил во влажной после вчерашнего ливня траве, выискивая поздние сыроежки.

Слабый звук заставил Найда замереть с полупережеванной шляпкой во рту. Он торопливо проглотил гриб и заполз поглубже под развесистую древнюю ель. Скоро стало ясно, что с северо-запада приближались трое. Шедший впереди шумно продирался сквозь густой подлесок. Остальные шепотом переругивались: в голосе мужчины Найд с удивлением опознал Джейремию Хопкинса, а вот визгливую женщину он слышал впервые. Теперь преследователи находились так близко, что беглец без труда смог разобрать содержание разговора:

— Поосторожней, болван! Ты отдавил мне пятки!

— Я же не виноват, что тут кочки!

— Это не кочки, Хопкинс! Это мои ноги!

— Прошу прощения, светлейшая, тут скользко.

— Тсс! Тише, идиот! Твое нытье за три километра слышно! Эй, малыш, далеко нам еще идти?

— Не очень, — застенчиво пробормотал третий, молодой и странно знакомый голос.

Найд невольно задержал дыхание: путники выступили из подлеска всего в паре метров от него. Взгляд беглеца метнулся по

тощему сексоту, хрупкой рыжеволосой женщине с ярко-розовой аурой и… остановился на шагающем впереди блондинистом красавчике, никакой аурой не обладавшем. Айден! Найду понадобилось собрать всю свою волю, чтобы не ворохнуться в укрытии. А этот-то что тут делает?! И куда это молодой ленлорд направляется в такой компании?! Троица протопала мимо так близко, что Найд уловил ароматы жимолости и сирени — чародейка была обильно надушена.

Найд задумчиво засунул в рот остаток сыроежки. «Эх, насчет херра Харриса я клятву-то с Хопкинса взял, а вот о сыне его не позаботился. Значит, Айдена в следопыты завербовали. Ну-ну. Интересно, куда же ведет магов этот Соколиный Глаз? В любом случае, если троица и дальше будет так же шуметь, то беспокоиться нечего, я их, права рыжая, за три километра услышу. И Айден, подлец, об этом прекрасно знает. Что ж, поиграл бы я с вами в кошки-мышки, господа сексоты, но у меня дело есть». Парень сунул за пазуху горсть грибов и бесшумно выбрался из укрытия: его путь лежал на юг.

Мастер Ар радовался наконец проглянувшему из-за туч солнышку. Позволив стреноженной кобыле вдоволь пастись на лесной прогалине, маг привалился спиной к древнему валуну и вольготно вытянул ноги. Время от времени он поглядывал на циферблат навигатора, следя за передвижениями Рыца. Если все пойдет по плану, верный вассал скоро выгонит мальчишку прямо на поляну. Жаль, конечно, что в дело все-таки влез этот недоделанный СОВБЕЗ, но со светлыми-то как раз будет легче всего справиться. Стоит им только проявить активность, навигатор тут же подаст сигнал. А уж Темный Мастер нянькаться с недоучками не будет — слишком высоки ставки в этой игре.

Ар полюбовался блеском золотых колец, украшавших пальцы: крупный аметист бросил на траву лиловые блики. Одно кольцо — для ман. Оно смогло вместить души только полудюжины разделенных, но и этого оказалось достаточно, чтобы Рыц вытащил мага из проклятого борга. Другое — открыло портал, который перенес волшебника с вассалом в горлицкий лес. Третье — восстановило ресурсы мага. Четвертое… Мастер раздвинул в улыбке тонкие губы. В нем хватит силы, чтобы открыть еще один портал. И пусть тогда светлые локти кусают — он и Анафаэль будут уже далеко, в Драконьих Горах. Имея два козыря на руках, устроить западню для девчонки будет легче легкого. Все три кусочка головоломки лягут на давно отведенное им место. Сделанная восемь лет назад ошибка будет исправлена. Месть свершится. Кольцо замкнется.

Найд бесшумно скользил в лесных тенях. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь ветви деревьев, бросали на землю дрожащий узор, извивам которого он сейчас следовал — быстро, легко, невидимый и неслышный. Путь снова пересекла просека. Обходить ее значило сделать крюк километров в пять. К тому же на той стороне расчищенного пространства раскинулся дивный орешник, с которого, как помнится, еще не все ободрали белки.

Найд прислушался. Обычные лесные звуки: посвист птиц, поскрипывание сухих стволов, шелест осенних листьев на ветру. Мелодия была правильная, ничто не нарушало ее, и Найд рискнул. Высунув голову из куста волчника, он быстро осмотрел просеку в обоих направлениях. Ни души: только лежат под елями глубокие тени, в которых мельтешит еще не уснувшее на зиму комарье.

Найд вышел на заросшую колею, оставленную телегой лесорубов. Внезапно в тенях под елями что-то изменилось. Инстинкт подсказывал как можно скорее нырнуть между стволами, но что-то внутри велело инстинкту заткнуться. Найд замер на полушаге, обернувшись в ту сторону, где тьма перетекала волнами, накатывала, всасывала пространство и формировала из себя что-то… кого-то… Так естественно, что музыка леса пропускала *это* через себя, и комары пропускали, и белая мотыльковая мелочь, что толклась под куполом еловых лап — к дождю.

Найд никогда не слышал о мифриальных доспехах. О броне, укрывающей ее носителя от вражеских глаз, изменяя цвет, приспосабливаясь под окружение, как хамелеон. Когда лошадь со всадником, похожие на осколки черного зеркала, выступили на свет, паренек все еще стоял неподвижно, глядя на них расширившимися глазами. Человек тронул бока огромного коня пятками, заставляя перейти на рысь. Найд вздрогнул: он узнал наездника, по лицу которого скользили отражения деревьев и неба.

Медленно, как во сне, мальчик развернулся и бросился бежать. Всадник послал скакуна в галоп. В голове Найда не осталось ни одной мысли: только кричащее от ужаса желание использовать силу, чтобы заставить чудовище на черном коне рассыпаться прахом, и знание того, что, примени он магию, ему придется встретиться лицом к лицу не только с безликим, но и со старым знакомцем Хопкинсом, визгливой рыжеволосой и прочими чародеями, сколько их там напосылали за его пропащей головой.

Найд сиганул в барбарисовый куст, обдираясь о колючки.

Черная длань пролетела над вихрами, промахнувшись на дюйм. Скакун, горячась, пронесся мимо. Вывалившись из барбариса, парень рванул через лес так, будто на пятках выросли крылья. Треск веток и глухой топот копыт позади заставили беглеца обернуться. Он споткнулся и чуть не полетел кувырком — что стало бы, очевидно, последней ошибкой в его короткой жизни. Черный иноходец настигал, ломая подлесок бронированной грудью.

Прикусив рвущийся из глотки вопль, Найд резко ушел в сторону и наддал вправо, в том направлении, куда еще недавно продефилировали Хопкинс и рыжая в сопровождении Айдена. На бегу парень молился всем богам Светлого пантеона, чтобы Безликому не взбрело в голову использовать лук или арбалет. На маневры времени уже не оставалось — Найд несся по прямой, как заяц, перескакивая препятствия в виде бурелома, пней, ям и муравейников. Копыта иноходца, казалось, выбивали дробь прямо между лопаток, там, где ручьями бежал пот.

На душе у Айдена было мерзко. Он чувствовал себя предателем и с ужасом думал о том, как посмотрит Найду в глаза, если они действительно отыщут мальчишку — отыщут с его, Айдена, помощью. Ни на одно мгновение он не поверил чудовищным обвинениям. Утверждать, что привеченный отцом сирота — маг и убийца, так же нелепо, как доказывать, что горлицкие куры несут золотые яйца. Конечно, Найд любил подтибрить, что плохо лежит. Да, честно говоря, пацан и дня не мог прожить, чтобы во что-нибудь не влипнуть. Но подпольное колдовство и убийство?! Нет, это явно какая-то глупая ошибка! Но разве СОВБЕЗовцам объяснишь?

Целую ночь его выспрашивали про Найда так, что он под конец уже не мог припомнить, что и как рассказывал. А с утра пораньше потащили в лес, припугнув тюрьмой и лишением титула за соучастие. Соучастие в чем?! Айден не знал, то ли ему зареветь в голос, то ли плюнуть в эти холодные голубые глазищи, которые, казалось, выворачивали душу наизнанку. И чего ему так везет на рыжих? В итоге он ограничился тем, что повел волшебников к излюбленным Найдом местам самыми запутанными тропами и нарочито шумел, не пропуская ни одну сухую ветку, что могла бы предупредить беглеца о приближении погони.

К лесной прогалине, которую ему было велено найти, Айден тащил сидевших в печенках магов через овраги и вздувшиеся от дождей ручьи, так что передвигалась группа с черепашьей скоростью. Взобравшись наконец на очередной глинистый склон,

извозюкавшиеся чародеи в изнеможении попадали на траву. Рыжая, по обыкновению, кляла длинного визгливым голосом, плохо соответствовавшим сногсшибательной внешности. Длинный хмуро молчал, палочкой соскабливая с сапог килограммы налипшей грязи. Айден стрелял глазами по сторонам, раздумывая, как бы незаметно удрать, предварительно заведя СОВБЕЗовцев в ближайшую волчью яму.

Наверное, именно поэтому он первый заметил Найда. Мальчишка несся прямо на них так, будто за ним гнались все демоны Тьмы. Глаза — круглые и дикие, лицо исцарапано в кровь, одежда висит клочьями, а сам вымазан в желтой глине не хуже чародеев. Айден хотел подать ему знак, предупредить, но тут увидел, от *кого* убегал Найд. Мальчишка едва доходил до груди преследующей его лошади. Всадник размером был под стать скакуну. Оба носили странную зеркальную броню, делавшую их похожими на ожившие кусочки пейзажа. Если бы не часто натыканные древесные стволы, страшный конь давно настиг бы Найда. На краю оврага деревья расступались, и дальше беглецу хода не было — тут его ждали только порядком озленные беготней по лесу СОВБЕЗовцы и обрыв.

Страшный визг рванул барабанные перепонки. Айден покатился по земле, зажимая уши. Зеркальная лошадь встала на дыбы. Ближайшие деревья согнулись, как от сильного ветра, и сбросили оставшиеся листья. Краем глаза сквозь хлынувшие слезы парень различил рыжую, наставившую на всадника когтистый палец и издававшую накрашенным ртом крик, заставивший сосны полысеть. Боль, разрывавшая череп Айдена, была невыносимой. Он уже приготовился умереть, и Найд, спокойно шагавший к нему по вересковым кочкам, почему-то оставляя впереди и позади себя синий светящийся след, показался предсмертным бредом. Айден зажмурился, вцепился руками в сухую траву так, что ногти впились в землю. В нем что-то схлопнулось, ухнуло, опустело и снова вернулось, швырнув потяжелевшее тело на твердую бугристую поверхность.

Первое, что он осознал, лежа с закрытыми глазами, это тишина. Страшный вой пропал, и Айден слышал только близкое журчание проточной воды и робкий посвист трясогузки. Нет, рядом еще что-то шумно плескалось и фыркало. Он лежал, распластавшись на спине, кажется, на мелких камешках, которые больно врезались в позвоночник и щеку. Парень рискнул приоткрыть один глаз. Сначала все перед ним расплывалось зелеными, голубыми и желтыми пятнами, потом они наконец слились в Найда, как ни в чем не бывало полоскающегося в

лесном ручье.

— Агхр-а, — первая попытка заговорить не увенчалась успехом. Найд повернул голову на звук. Кровь с лица он отмыл, но лоб и щека вспухли свежими царапинами. В остальном мальчишка, впрочем, выглядел невредимым.

— Ты как? — поинтересовался он, продолжая полоскать в ручье остатки рубахи.

— Чт-то это… было? — удалось, запинаясь, выдавить Айдену. Он попытался приподняться, но тут же со стоном рухнул на берег ручья. Казалось, все его кости выдернули из скелета, а потом как попало вставили обратно.

— Безликий? — уточнил Найд, разглядывая результат постирушки. — Убийца Найрэ. Болотной Бабки, то есть, — удовлетворенный увиденным, парень отжал тряпку и натянул на себя, с трудом попав руками в нужные отверстия — такой большой выбор дыр образовался в многострадальной одежке.

— Н-нет. Это… это… — Не в силах выразить мысль словами, Айден широко разинул рот, наставил на собеседника подрагивающий палец и полупростонал-полупрохрипел: — У-У-У-У!

— А-а, это магия, — как-то между прочим объяснил Найд, осматривая штаны на предмет повреждений и возможной стирки.

Несколько секунд молодой ленлорд переваривал сказанное. Наконец на языке сформировался новый вопрос:

— А как ты… то есть мы… тут? — Он ткнул пальцем в ручей, который, как Айден сообразил, тек вовсе не по дну того оврага, через который он только что проволок СОВБЕЗовцев.

Найд пожал плечами и задрал штанину, изучая коллекцию царапин на правой ноге. Одна из них еще немного кровила.

— Да так же, — бросил он через плечо и плеснул на коленку водой.

У Айдена не было слов. Он рассматривал мальчишку, с которым жил под одной крышей вот уже восемь лет, и не понимал, как он может быть таким обыкновенным. Мокрые вихры торчат на макушке черной щеткой, рожа расцарапана, через дыры в рубашке сверкают тощие бока, штаны на заду висят. И это — маг? Это — его, молодого воина, спаситель?

Айден снова попробовал пошевелиться. С трудом ему удалось приподняться на локте.

— А где эти, — заозирался он по сторонам, — ну все?

— Скоро будут здесь.

Айден вздрогнул и испуганно сел. Все вокруг поплыло, закружилось каруселью. Холодные от воды руки придержали его за плечи, сунули к губам с его же собственного пояса снятую

флягу. Он поперхнулся, но глотнул, и мир, сжалившись, остановился.

— Тебе идти надо, — наставлял товарища Найд, заботливо отряхивая приставший к его спине песок. — Домой. Скажешь херру Харрису, — паренек вздохнул, прицепил фляжку обратно к поясу, — что со мной все будет в порядке.

— В порядке? — недоверчиво протянул Айден. — Это с рыжей-то? А ведь она не одна, — вдруг заторопился он, сообразив, что Найд еще не представляет размеров грозящей ему опасности. — Даже если она этого… черного перекричала, так там еще Хопкинс и двое магов в придачу. А к вечеру, Летиция говорила, подтянется подкрепление.

— К вечеру меня тут уже не будет, — потянул молодого ленлорда на ноги Найд. — Идти сможешь?

Айден стоял. Покачивался, но стоял:

— А ты куда?

Мальчишка пожал плечами:

— Лучше тебе не знать.

Айден вдруг понял, что видит его, возможно, в последний раз — человека, ближе которого после отца у него не было во всем мире. Взгляд встретился с голубыми глазами Найда, такими светлыми, уже все знающими. Айден смутился и вспомнил о важном, зашарил под рубахой на груди:

— Вот, — сунул он в исцарапанную руку свиток с печатью ленлорда. — Тут письмо. Отец сказал отдать тебе, если нам удастся встретиться наедине.

— Что там? — Паренек удивленно покрутил в руках свернутый трубочкой пергамент.

— Не знаю, — признался Айден. — Наверное, что-то важное. Надеюсь, оно сможет тебе помочь.

— Спасибо, — Найд заткнул свиток за пояс.

— Тебе спасибо. Ты мне жизнь спас, — нашел в себе силы признаться старший.

— Ты же из-за меня в этом дерьме оказался, — возразил младший, мотнув головой. — Иди уже.

Но Айден не мог заставить себя. Все в нем, привыкшем быть сильным и принимать решения, восставало против необходимости бросить Найда именно тогда, когда тот так нуждался в защите. Все равно, что снова предать его. Снова ударить по лицу.

— Прости меня, — прервал Айден неловкое молчание.

— За что? — В озерных глазах отразилось искреннее удивление.

Старший тяжело вздохнул, лоб прорезала вертикальная

складка:

— За то, что не смог стать тебе настоящим братом.

Он неуклюже махнул рукой, развернулся и торопливо зашагал прочь, чуть сутулясь, будто стесняясь своего высокого роста.

— Никогда! Никогда больше! — Джей всхлипнул, подавился воздухом, икнул и снова торопливо заковылял по звериной тропе, опираясь на суковатую ветвь. — Лучше милостыню на паперти просить или по кабакам полы заблеванные драить, чем… чем… — Слова у сексота кончились. Перед внутренним взором клубилось только что-то страшное, черное, щетинившееся зеркальными гранями и лезвиями, да кричала, превращаясь в баньши, Летиция Бэдвайзер. Он не знал, кто победил в этой схватке, и были ли в ней, вообще, выжившие. Дожидаться конца сексот не стал: с лопающейся от вопля головой, поскуливая, на четвереньках отполз за ближайший куст и увидел даже сквозь закрытые веки, как вспыхнуло пространство там, где невероятный мальчишка *перешел*.

Теперь во всей этой истории мага интересовало благополучие только одной персоны — Джейремии Хопкинса. В данный момент персона сия была на грани нервного срыва, мучилась болью в лодыжке и едва не плакала от жалости к себе. Джей не знал, куда идет, и не вполне отдавал себе отчет в своем дезертирстве. Вперед его толкала уверенность: чем дальше он окажется от горлицкого леса, СОВБЕЗа и распрекрасного Абсалонского княжества, тем лучше будет для его пошатнувшегося здоровья.

Деревья вокруг поредели, и сексот наддал ходу, надеясь увидеть наезженный тракт или, на худой конец, просеку, следуя которой он мог бы выйти к жилью и раздобыть лошадь. Вместо этого маг выхромал, постанывая от усилий, на полянку, покрытую вересковыми кочками и раскиданными то там, то сям гранитными валунами. На одном из камней сидел и жмурился на солнышке заросший неопрятный тип со слабовыраженной аурой. На агента СОВБЕЗа, тем более — боевого мага из обещанного кураторшей подкрепления, тип явно не тянул.

— Добрый день, — на всякий случай Джей решил проявить вежливость. — Не подскажете ли, милейший, как пройти к ближайшему тракту? Я, кажется, немного сбился с пути.

— Кто таков? — лениво осведомился бородатый.

Сексот начал внутренне закипать:

— Джейремия Хопкинс, магистр третьей ступени к вашим услугам. А вы, позвольте узнать…

— Незачем, Хопкинс.

От наглости небритого у Джея пропал дар речи.

— Я ведь совсем не тебя маню, а ты тут мешаешься. Ну скажи, вот может быть от тебя какая-то польза?

Сексот недоуменно заморгал. Грубый ответ готов был сорваться с языка, но вместо того, чтобы поставить нахала на место, Джею вдруг невыносимо захотелось угодить странному незнакомцу. Мысли сексота заметались, стараясь найти, чем бы он мог быть полезен господину с безмятежными глазами, то ли серыми, то ли темно-карими.

— От меня может быть очень большая польза, — вдруг просиял он. — Я говорил со щенком! Мы были вместе в Дуэльной Палате, но он меня отпустил.

Незнакомец улыбнулся тонкими губами, поманил Джея к себе — сверкнуло на пальце кольцо с аметистом. Сексот не удивился, откуда у какого-то потрепанного жердяя такая драгоценность. Сердце переполнила чистейшая радость, стремление сделать господину приятное придало новых сил. Позабыв про импровизированную трость и лодыжку, Хопкинс, прихрамывая, побежал через поляну.

— Значит, Дуэльная Палата? — задумчиво протянул незнакомец, когда Джей счастливо устроился у его ног. — Любопытно. Похоже, я кое-что упустил.

Внезапно до прогалины докатился грохот, подобный грозовому раскату. Стайка серых птах вспорхнула, вереща, с рябинового куста. Джей недоуменно поднял голову к ясному небу без малейшего следа вчерашних туч. Опять грохнуло. Явно не вверху, а скорее в той стороне, откуда пришел сексот, только глубже в лесу. В небо над тем местом уперся огненный столб, пухнул и опал. Дунул горячий ветер, и Джея обдало сладковатым душком гари.

— Что это? — Он встревоженно прижался к ногам господина, преданно заглядывая в безмятежные глаза.

— А, это моя лягушонка в коробчонке развлекает твоих друзей. Чтобы нас не тревожили. Так что не будем отвлекаться.

Джей радостно кивнул: не будем!

— Позови-ка сюда щенка!

Сексот кивнул с еще большим энтузиазмом, но лицо его тут же вытянулось:

— Но, херре… Я не знаю, как!

Незнакомец легко дотронулся до его лба, откидывая с глаз потные пряди.

— Я тебе помогу, — пальцы были прохладными, прикосновение — приятным. Оно оставляло такую странную белую пустоту внутри, будто все, что прежде стояло в книге под

названием «Джейремия Хопкинс», не просто вымарали, а стерли без следа, так что старая обложка покрывала только чистые листы.

— Позови его, — прошептал над ухом мягкий голос. — Скажи, что ты нашел того, кто забрал Анхата.

Джей вдруг понял, что волшебство, которое связало их с Найдом в поединке, до сих пор не кончилось, что образованная мальчишкой в Дуэльной Палате связь еще не прервалась и оборвется только со смертью одного из них. И это давало ему власть над противником, власть, которую он теперь осознал и сообразил, как ее применить. Бывший сексот блаженно улыбнулся: какое счастье исполнять приказ господина с глазами, устремленными в мечту!

Глава 12
Перевернутый мат

Найд сломал печать и развернул свиток херра Харриса. Момент, честно говоря, был не слишком благоприятный. Воздух вокруг рвался от разнозаряженных энергий. Где-то на северо-западе шел бой — очевидно, Безликий без крови сдаваться не хотел. И все же лучше прочесть письмо прямо сейчас, пока СОВБЕЗовцы заняты. Неизвестно, представится ли другой случай.

«Мой дорогой мальчик, — гласили неровные строки, нацарапанные на обратной стороне страницы, вырванной из Священного Писания леди Женевьевы. — Прости, что я не сдержал своего обещания, и теперь твоей свободе и жизни угрожает опасность. Знай, что ни я, ни Айден ни на минуту не сомневались в тебе. Кем бы ты ни был, ты навсегда останешься членом нашей семьи, а мы — твоими верными друзьями. Если бы это могло помочь, я бы, не раздумывая, поднял меч на твою защиту, но против твоих врагов меч бесполезен. Поэтому прими мое пожелание удачи и совет: не задерживайся в княжестве. Все дороги перекрыты заставами. Продвигайся лесами, избегай людей. Побережье — то место, где тебя будут искать прежде всего. Постарайся добраться до Гор-над-Чета. Там ты найдешь моего старого боевого товарища Шейна — помнишь его? Шейн благодарен мне за многое, он не откажется приютить тебя на время, пока ты не решишь, как быть дальше. Надеюсь, мы еще увидимся на этом берегу. Да пребудет с тобой Свет. Твой опекун, Харрис Горлицкий».

В постскриптуме шли подробные указания, как разыскать дом Шейна в большом городе. Охваченный невольным порывом, Найд прижал угловатые строки к губам, потом бережно свернул письмо и спрятал под одеждой. Между стволами деревьев по соседству замелькали бурые тени. Сигналя белыми кисточками хвостов, уходили от неведомой опасности косули. Найд насторожился.

Внезапно морщинистый ствол ближайшего древнего вяза ощерился дуплом. От дыры побежала, углубляясь, трещина — вверх, к поредевшей кроне, и вниз, к бугрящимся подо мхом корням. Древесина, расходясь, покрякивала, что-то в ней вспучивалось, что-то уходило внутрь, пока в вязе не сформировался вход, способный пропустить в себя вполне упитанного посетителя. Найд не спешил воспользоваться неизвестно куда ведущим проходом. Но тут во тьме древесного нутра будто светлячок зажегся, только очень крупный. Повисел

чуть-чуть у порога, шмыгнул во мглу, снова вынырнул, подмигивая, посуетился, опять нырнул.

Найд сделал осторожный шаг вперед. Ничего хорошего его в дереве ждать не могло, но и с баньши Летицией это волшебство не вязалось, слишком оно было… тихое, что ли? Вяз ли или оранжевый светлячок нашептывали, шелестели. Немногие слова повторялись, радостно захлебывались слогами, пелись мохнатыми губами, щекоча уши. Найд невольно тряхнул головой, будто назойливую осу отгонял, но еще один шажок вперед все-таки сделал. Очень хотелось слова разобрать, понять, о чем поет дерево.

— Хат… Нашел. Нашел его. А-а. На-шел. Ха-ха, — рассыпалось безумными смешариками, зашуршало по стенкам. Найд не заметил, как уже шагал по трухлявым ступеням, ведущим в пахнущую гнильцой тьму. Оранжевый светлячок плясал впереди, шалил. — А-а, — напевал. — Нана. Сердце мое. Он забрал. Теперь его. Нашел. Ан-хат. Сердце мое.

«Анхат!» — Найд вздрогнул и скатился бы с крутых ступенек, если бы не удержался за шершавую, покрытую гадкой слизью стенку.

— Кто ты, назвавший имя моего брата? — крикнул он во тьму и древность.

Светлячок замельтешил перед глазами, зарадовался:

— Тот, кого ты думал, что не убил. Скорей, скорей, он ждет тебя! Сердце мое.

У Найда внутри все захолонуло и обуглилось. Он узнал голос Джейремии Хопкинса — бархатный голос, которым причитало безумие.

— Джей? — осторожно позвал он, протянув к светлячку руку. Пальцы мерцали красным на просвет, но в оранжевом сиянии не было тепла. Оно увернулось и захихикало:

— Был Джей, да весь вышел! Шышел-мышел… — Светлячок метнулся в черный колодец лестничного пролета, только по скользким стенкам побежали тени. — Анхата взял, и меня взял, и тебя возьмет. Скорей, мое сердце! Он ждет.

— Ждет… дет… дет… — заметалось по полому стволу эхо, зашуршал крыльями летучих мышей воздух. Сердце Найда рванулось в карьер, ноги сами понесли тело вниз, перепрыгивая через две-три осклизлые ступеньки.

— Анха-ат! — крикнул он во всю силу легких… и разорвал темноту.

На этой вересковой проплешине он уже бывал раньше. Грелся на больших плоских валунах. Смотрел, как испуганная ящерка

сбрасывает хвост, и тот скачет, словно живой, на замшелой гранитной макушке. По осени собирал вересковые ягоды для целебного отвара — они и сейчас повсюду показывали черные глянцевые бока. А еще тут был секретный сотрудник СОВБЕЗа Джейремия Хопкинс. Он сидел тряпичной куклой, привалившись спиной к одному из серых камней и свесив голову между колен. Вокруг никого, только парили в воздухе пустые оболочки заклинаний — старых и совсем свежих. Ни цвет их, ни послезвучие Найду не понравились — напомнили слизь по стенкам полого ствола, стылую капель и тонкий хохоток, от которого по спине мурашки.

Найд поспешил к Джею. Хоть сексот и охотился за ним, но слово свое насчет херра Харриса Хопкинс, очевидно, сдержал. А теперь парень, похоже, был ранен. Найд мог попробовать исцелить его, а потом погрузить в сон, чтоб под ногами не путался. Только сначала расспросить про Анхата. И про того, кто его «взял».

Он присел перед сексотом на корточки, осторожно положил ладони на завешенные волосами щеки, стараясь приподнять голову. Кожа мага была такой холодной, что Найд едва не отдернул руки. Темные пряди скользнули со лба, серого, шероховатого, как пеплом припорошенного. Открытые глаза уставились на опоздавшего спасителя тусклыми зеркалами, в которых от времени поплыло и пошло трещинами серебро.

Найд отшатнулся, потерял равновесие, шлепнулся на пятую точку и пополз назад, не в силах оторвать взора от мертвого, от его потрескавшихся белков с выпитыми зрачками.

— Что, раньше такого не видел, а, Фэль? — раздался за спиной насмешливый голос из далекого прошлого. Голос, обещавший так много и давший так мало. Пустую надежду. Кривую правду. Белую тьму.

Человек, который не был человеком, стоял над Найдом, ничуть не изменившись за прошедшие восемь лет: все та же тонкая улыбка, тот же мягкий взгляд красивых глаз. Только видавшие виды сапоги теперь топтали не снег, а набухший черными жесткими ягодками вереск.

— Такое случается с магами на работе, — кивнул волшебник в сторону посеревшего сексота. — Сгорают, как свечки. Шышел-мышел-вышел.

— Это ты! Ты его… — Найд захлебнулся догадкой, не в силах озвучить то страшное, что скользило под веками добрых карих глаз, когда от них отворачивалось солнце.

— Нет, ты! — Затянутый в бархатную перчатку палец ткнул в мальчика, отнимая решимость. — Еще тогда, в Дуэльной Палате!

— Неправда! — вскочил на ноги Найд. Его водило из стороны в сторону. — Я Джея отпустил. Еще и назад вывел!

— Ты его к себе привязал. Маной обменялся, а правила нарушил. Я тебя звал, а пришел вот он. Мне оставалось только за кончик ниточки потянуть.

Голова у Найда пухла и шла каруселью с бубенцами. Какая такая мана? Насколько ему помнилось, ничем с покойным он не обменивался, даже рукопожатием. Он тряхнул головой, заставляя бубенцы заткнуться.

— Ты его убил! — крикнул он, отступая от обвиняющего перста волшебника. Голове немного полегчало. — И родителей моих. И Найрэ. По твоему приказу! А Анхат… Что ты с ним сделал?

Лицо мага опечалилось, длинные ресницы уронили тень на мраморные скулы.

— Я его спас. Он спас тебя. А ты? Что ты натворил в Чарах?

Найд отступил на шаг. Почва под ним ускользала, будто под ногами были не вересковые кочки, а болото.

— Я не знал… Не знал, что так будет! Я хотел только Чару, только Эрэ… Хотел наказать. Я был ребенком!

Он оправдывался. Зачем? И перед кем? Перед тем, с кого все началось? Почему же в груди так больно, почему в горле застрял нож и не идет обратно? И каждый глоток воздуха, как огонь?

— Эрэ тоже был ребенком! Ты знаешь, что он плакал, когда ему перерезали глотку? Ты знаешь, что его мать заставили на это смотреть? Ты видел, что с ней сделали потом? Ты отвел глаза или…

Ночи, полные огня. Ожидание грозы. Бег от снов, преследующих, как псы. В сумерках заблудившийся голос.

Найд закрыл лицо руками. Щеки под пальцами были мокры. Шею сдавил невидимый стальной ошейник, так сильно, что звук не шел.

— Тебе больно? Я заберу боль. Тебе стыдно? Я заберу стыд, — слова плавно накатывались из темноты, как волны прибоя, которого мальчик никогда не видел. — Ненависть пожирает тебя живьем? Я дам ей другую пищу. Одиночество томит тебя неутолимой жаждой? Я напою его. Пойдем со мной, и ты встретишь своего брата.

«Куда?» — Это было не слово, только мысль. Но волшебнику не нужны слова.

— На темную сторону.

Найд вздрогнул. Голос Найрэ снова зазвучал в ушах: «Тебе придется выбирать между Светом и Тьмой… и выбор будет только твой…» Еще женщина сказала, что он должен смотреть в будущее,

а не в прошлое. «Но разве у меня есть будущее?» Рука невольно потянулась к кошелю на поясе. Пришлось открыть глаза.

Он уперся взглядом в ночь. В ней не было ни звезд, ни луны. Только обещание прохлады и покоя, звончатых аркад и глубин знания, которое уже ждало его на дне двух черных колодцев. «Там, на другой стороне, — сказали прекрасные глаза с видом на мечту, — ждет тебя Анхат».

«Анхат, — мысль упала в темный пролет и повисла в пустоте, — что ты сделал с ним?»

«Он служит мне. Он пошел со мной добровольно, помнишь?» — мысль в пространстве без света и веса.

«Зачем он тебе, если ты повелеваешь Тьмой? Зачем тебе я?»

«Он теперь — часть Тьмы. А ты… Ты — такой же, как мы. Ты принадлежишь нам».

Теплая ладонь на лбу, прогоняющая мрак. Песенка, заклинающая призраки. Объятие на пороге Тьмы. Зажженная свеча на окне, указывающая дорогу домой. Ты хороший мальчик, Анафаэль.

«Нет».

Мысль набухла смыслом и упала, в черной воде разбежались круги. «Нет» может быть изнанкой «да». «Нет» может быть равно сомнению. Или небытию. «Нет» бывает прочно, как камень. По глазам Темного все еще шла рябь:

— С кем ты? Вот с ними? — Мягкий сапог пнул бывшее Джейремией тело. Серый пепел посыпался с лица, как пудра, делая сексота безносым и древним, похожим на находку археолога. — Да они первые посадят тебя под замок до конца твоих дней, но прежде изучат под увеличительным стеклом, как любопытную букашку.

— Нет, я не с ними. — Голос еще плохо слушался, но был тверд. — Но и не с тобой. Я — сам по себе.

Темный рассмеялся, хищно клацнули белые зубы.

— Прямо как твоя несчастная мать! Тоже думаешь, что сможешь отказаться от своего дара и всю жизнь просидеть в лесу?! Интересно, хватит ли у тебя силы воли смотреть, как твои собственные дети бьются в руках врагов, и ничего не предпринять? Смотреть, зная, что сила твоей магии способна смять жалких людишек…

— Нет! Мама не была волшебницей! Она никогда… никогда… — Найд давно не помнил лица матери, так давно, что предательство забвения перестало мучить его. Память сохранила только родной запах ее платьев в шкафу, где он любил прятаться от Анхата и Айны. Близнецы никогда не слышали мамин голос у себя в голове так, как слышали голоса друг друга. Ее не окружал

мерцающий ореол, видимый только им троим, и только друг у друга — бирюзовый у Анхата, голубой у Айны, индиговый у Анафаэля.

— Конечно, никогда, — легко согласился Темный, пульсируя лиловым. — Иначе наследнице Дарка не позволили бы жить и плодить полулюдей с темной кровью. А-а, вижу по твоим глазам, мальчик, ты учил историю. Не правда ли, лестно узнать, что тот самый страшный маг, который вел в бой армии Темных в Последних Волшебных Войнах, твой дедушка? — Чародей хохотнул, хлопнув себя перчатками по ляжкам. — Я видел картинки в их так называемых учебниках. Старина Дарк там просто милашка — в глазах плещется лава, зрачки вертикальные, клыки, как у вампира, кажется, даже когти присутствуют. Неудивительно, что ты побледнел, Фэль. Нелегко иметь такого популярного деда.

— Но войны… — пробормотал Найд непослушными губами, — ведь они кончились почти столетие назад!

— А сколько, по-твоему, живут волшебники? — Темный вдруг повернулся к нему боком и продемонстрировал совершенный профиль, чуть подпорченный горбатым носом. — Сколько бы ты дал мне лет? Двадцать? Тридцать? Хм, пожалуй, сойдемся на двадцати пяти. А ведь я родился еще до битвы при Вард-ну-Арда!

Мальчик едва слушал его. «Мтар! Грязный полукровка!» Прозвище из прошлого ранило, но он не придавал словам особого значения. Неужели рассказанное Темным было правдой? Если бы только он мог припомнить больше из своего детства — до того, как… до Чар. Но все, что у него оставалось, — осколки разбитого витража, обрывки мелодии из сломанной музыкальной шкатулки, которые не подходили, не составлялись в целое.

— Кем бы ни были мои родители, — отогнал мучительные мысли Найд, — ты велел убить их. Ты заплатил Чаре, он сам сказал! За что?! Что они тебе сделали?!

Темный снова повернулся в анфас, красивое лицо стало печальным.

— Я заплатил, да. Но не за убийство — за то, чтобы спасти их! Предатель-ярл не выполнил обещания. Мне едва удалось вырвать из его когтей твоего брата и бежать самому.

Найд не сводил настороженных глаз с мага: не знал, чему верить. Обычно он с легкостью распознавал ложь. Но в словах волшебника была доля правды, и Найд никак не мог определить, насколько велика эта доля.

— Ну сам рассуди, зачем мне, — продолжал Темный, сверкнув кольцами, — уничтожать сестру по крови? Нет, это светлые нарушили договор! Ручаюсь, в архивах СОВБЕЗа еще

хранится документ с подписями Секретного Совета, разрешающий резню в Лихолесье. В своей безумной охоте на ведьм даже темную, отказавшуюся от силы и соблюдавшую нейтралитет, светлые посчитали угрозой, а с ней — всю ее семью. Видишь, Анафаэль, глупо надеяться, что тебе удастся от них укрыться.

Сказанное придавило мальчика к земле свинцовым грузом. Он рухнул на землю рядом с пепельным Джеем и зажал голову ладонями. Черное и белое, свет и тьма казались ему одинаково отвратительными, воняющими падалью и горелым мясом.

— Пойдем со мной! — Мягкий голос баюкал и обволакивал, был повсюду. — Твоя кровь заговорила в тебе так рано! Последуй ее зову. У тебя большой дар, мой мальчик. Дар, который многое может изменить. Я научу тебя входить в поток, и для тебя не останется больше преград. Я научу тебя летать. Мы вместе изменим эту страшную землю и создадим блистающий мир будущего. Ты просто должен пойти со мной по своей воле, пойти и посмотреть в зеркало.

Найд медленно опустил руки. С лица Джея тонкой струйкой бежал пепел, тяжелый, как песок. Еще немного — и его черты станут совсем неузнаваемыми. У парня были карие глаза и смешная привычка сдвигать брови домиком. Голос Найрэ поднялся из памяти бесплотным эхом: «За такой дар, как у тебя, любая сторона даст многое». Голос Темного отозвался из вот уже восемь лет как миновавшей ночи: «Один из вас должен пойти со мной. По своей воле. Тогда с вами ничего не случится». Лжец!

— Лжец! — повторил Анафаэль вслух. — Я не могу вернуть родителей и сестру, но у меня еще остался брат! Где он?

— Он — мой! — зашипел Темный и стал выше ростом. Его тень дернулась, вытягиваясь через всю поляну, накрывая Найда, таща тени деревьев и валунов за собой, будто солнце и не стояло в зените. Или оно уже садилось? Небо горело красным, путаясь в голых ветвях. Между стволами ходил дым. — Он служит своему Мастеру и не желает ничего другого! И ты будешь служить мне!

— Никогда! Ты вор и убийца!

Мастер хихикнул, тени закорчились у его ног:

— От такого же слышу! — Волшебник махнул рукой. Из рукава камзола полетел веером по ветру пепел. Серые вихри закрутились по траве, вырастая, набухая шершавой плотью, пока перед Найдом не встали шесть фигур с белыми глазами, поблескивающими во мраке. Он и не заметил, как в лесу успело стемнеть. Или это пепельные люди принесли с собой тьму?

— Посмотри на них, — раздался смешок мага, — узнаешь старых знакомых?

Найд вгляделся в бесстрастные плоскоглазые лица. По спине пробежали холодные коготки.

— Ну что же ты не здороваешься?

Эрэ и Рунна пожирали его взглядом. Горло мальчишки уродовал глубокий разрез, из которого давно вытекла кровь. Рунна, как всегда, склонила голову на плечо, тощие косицы нелепо торчали. Ее руку крепко сжимала мать, другой рукой стиснув на груди разорванную одежду. Чара напоминал неправильно собранную игрушку: правую и левую ноги ему поменяли местами, руки приставили локтями вперед.

Собственный крик полоснул Найда по ушам. Он хотел бежать, но ноги будто к земле приросли. Словно разбуженные воплем, призраки медленно пошли на него, вытянув руки, как слепые. Слева у камня заворочался, приподнимаясь, Джейремия Хопкинс — не хотел отставать от компании. Шестым чувством Найд знал: чем бы ни были эти серые существа из кошмара, дотронься они до него — и он пропал, назад пути уже не будет. Вот только пошевелиться Найд не мог, даже глаза закрыть. Смех Мастера затих. Теперь он напевал на языке, которого Найд никогда не слышал. Парень мог только догадываться, что так могли звучать руны, которые он тайком научился читать в тишине скриптория.

Ему нечего было противопоставить заклинанию Мастера, нечем было защититься от призраков прошлого, нашедших его через восемь долгих лет, жаждущих его духа и плоти. Он даже не мог утереть застилающие зрение слезы. Прозрачные линзы, собирающие свет, изгибающие, зеркальные. Он вдруг оказался на конце бриллиантового телескопа. Руки пепельных тварей напрасно обыскивали воздух, напрасно звучала фальшивая мелодия Мастера — они не могли достать сюда, где другая, хрустальная музыка звенела, отражаясь зайчиками от стенок, заставляя тени отползать обратно и корчиться у ног господина, как побитые псы.

Вся соль морей
невыплаканных слез
не солоней.
Поговори со мною,
отраженье!
Взлет стрекозы
порой не тяжелей
сомненья,
приведенного в движенье.

Горячая капля сорвалась с подбородка и упала на руку, судорожно сомкнувшуюся на кошеле Найрэ. Пальцы мгновенно обрели чувствительность и сами скользнули в мягкое нутро. Найд ухватил сразу всю колоду и бросил ее в темноту. Сияющие прямоугольники взлетели в воздух, ослепленные призраки отпрянули. Вместо того чтобы упасть на землю, карты Аркана взметнулись голубым смерчем, ножами разрезали серые фигуры и устремились к их хозяину. Мастеровы марионетки тут же срослись. Пепел запорошил раны, но часть колоды тут же снова искромсала их на куски, заставляя залиться серыми струйками. Остаток Аркана воздушной кавалерией носился вокруг захваченного врасплох волшебника, отмахивавшегося от сияющих карт, как от разозленных пчел. А музыка в бриллиантовом телескопе и не думала кончаться. Мелодия росла, как напев невидимого органа, выше и выше поднимались несущие свет слова:

Застигнутое
хищным блеском страз,
на слюдяном изломе
бьется тело.
Вдруг замерло.
Мелькнув последний раз,
в прозрачном пламени,
крылатое,
сгорело.

Маг вскрикнул. Острый край сияющей карты впился в его ладонь. Струйкой брызнула кровь, разбивая чары. Золотое кольцо упало с чисто срезанного пальца и покатилось в траву. Призраки вспыхнули последним нежарким огнем и упали пеплом. Прах вернулся к праху. Теперь уже навсегда. Только тело Джейремии Хопкинса осталось лежать у ног Найда, уткнувшись в вереск бледным, но снова человеческим лицом.

Найд побежал. Музыка в нем утихла, телескоп свернулся в тупую боль посреди лба, стучавшую изнутри в череп, как запертая стрекоза. В лесу посветлело, день едва перевалил за полдень, хотя с севера снова наползали дождевые тучи. Он не обратил на это внимания. Почти не замечал, куда ступают спотыкающиеся ноги. Парень остановился, только когда бежать стало некуда. Внизу под обрывом шумела в высоких берегах Горлица. Сзади послышались шаги. Не надо было оборачиваться, чтобы понять — Мастер настиг его.

Голос волшебника утратил мягкость и очарование. Теперь он

больше походил на карканье старого ворона:

— Тебе не уйти! Ты все равно будешь моим. Так или иначе. Мой счет к тебе только что значительно вырос. Так что церемониться с тобой, Мтар, я не буду! Смотреть сюда, когда с тобой разговаривает Мастер!

Найд медленно повернулся. Внутри что-то колыхнулось и потекло, надавило на лопатки, будто искало выход, заметалось и ринулось в руки. Он развел их в стороны, поднял над головой, не глядя, но чувствуя, как с них хлынул и омыл все тело серебряный дождь. Маг сделал шаг назад и вышел из дождя. За мерцающей стеной Темный тянул окровавленные пальцы, губы беззвучно шевелились, но дождь не слушался и продолжал идти. Найд сделал еще один шаг, и нога не встретила опоры.

Он врезался в воду плашмя, спиной. Из легких сразу выбило весь оставшийся воздух. Сильное течение подхватило, утащило на глубину. Перед глазами плясала какая-то муть и зеленые круги, в ушах ревело, руки цеплялись за желтую воду, но что-то крутило и не пускало. А потом очень-очень близко из мглы возникло большое и твердое, и об это твердое его приложило головой. Ударила алая молния, раскалывая башню надвое. И стало темно.

Часть 2
ПОВЕШЕННЫЙ

Повешенный — это учащийся: ведь учение — всегда принуждение, ограничение свободы, хоть и временное. Этот аркан указывает на необходимость жертвы во имя достижения цели.

Толкователь арканов Эвана

Глава 1
Взаперти

Токе проснулся среди ночи, как от толчка. В комнатушке стояла темень хоть глаз выколи. Несколько минут он лежал тихо, не двигаясь. Внутри росло тревожное чувство: что-то было не так. Он напряг слух. Нет, ничего подозрительного: ни шороха, ни вздоха… Вздоха! Конечно! Он не слышал дыхания товарища на соседней койке.

— Кай! — позвал Токе негромко. — Ты спишь?

Ответа не последовало. Тишина была такой давящей, что он повторил громче, чем собирался:

— Кай? Кай!

С таким же успехом он мог взывать к подушке друга, которая — показал быстрый осмотр — была пустой и холодной, как, впрочем, и сама постель. Токе в недоумении сунулся под койку соседа, затем под свою, но обнаружил только пыль и липкую паутину. Больше прятаться в каморке было негде. Токе в растерянности уселся на пол.

Холодная пустота вокруг напомнила ему ночи, когда Кай сидел в карцере, наказанный за убийство Буюка. Но с тех пор многое изменилось. Кая теперь звали Аджакти, что значило по-церруканski «Деревянный Меч». Он завоевал это имя на арене и стал восходящей звездой Танцующей школы. Токе и сам имел на счету несколько побед в играх и начинал все больше и больше привыкать к данной ему в школе гладиаторов кличке — Горец. Неизменным осталось только одно: он и Кай по-прежнему делили каморку в казармах, теперь уже в крыле ветеранов. И каждую ночь Аджакти мирно дрых на той самой койке, которую Токе сейчас подпирал спиной. Как и куда товарищ мог деться среди ночи из запертой комнаты без окон, больше всего похожей на тюремную камеру? Если только…

Парень бесшумно поднялся с пола и приблизился к двери. Из-за нее не доносилось ни звука. Осторожно кончиками пальцев он толкнул тяжелую створку — и чуть не подпрыгнул от удивления. Дверь поддалась, приотворившись тихо, без скрипа. Значит, Каю удалось открыть замок! Но как?! Следов взлома не видно, к тому же Токе — и охрана — услышали бы шум. Значит, Аджакти раздобыл ключ или отмычку, или подкупил стражника, или… Да какая разница! Как бы Каю ни удался этот номер, цель у него могла быть только одна — побег! Но почему он ничего не сказал о своих планах? А еще, называется, друг!

Закусив губу от обиды, Горец осторожно высунулся за дверь: с Каем или без, он воспользуется шансом! Галерея первого этажа тонула во мраке, но пустынный плац был залит лунным светом, преобразившим песок в мерцающие алмазные россыпи. Тишину нарушали только раскаты молодецкого храпа, доносившегося из-за дверей дальше по коридору. Сердце Токе колотилось так, что он боялся, как бы его бешеный стук не разбудил храпунов. Хорошо хоть стражи не видно: солдаты собрались в караулке, спасаясь от холода осенней ночи. Косясь на одинокое желтое окошко у ворот, Горец накинул плащ и шагнул на галерею.

Ночной воздух защипал щеки, с каждым выдохом изо рта вырывалось белесое облачко. Ледяной ветер норовил пробраться под полы плаща и запустить холодные пальцы сквозь малейшую щель в одежде. Единственная ведущая из школы калитка была прочно заперта, а ключи болтались на поясе начальника караула, сейчас наверняка коротавшего время за игрой в кости со своими подчиненными. Если Кай действительно задумал побег, ему пришлось бы найти другой путь.

Осторожно ступая, чтобы не скрипнули деревянные половицы, и прячась в тени, Токе прокрался к лестнице и поднялся на верхний ярус галереи. Пока что он не обнаружил ни следа товарища. Вокруг были только холод и тишина, такая полная, что Токе казалось, будто он слышит, как в бездонном черном небе звенят, дрожа, замерзшие кристаллики звезд. Даже храпун ниже по галерее унялся, видно перевернувшись на другой бок. Горца била мелкая дрожь, идущая изнутри и не имеющая ничего общего с пронизывающим ледяным ветром. Впервые за долгое время Токе поверил в близость свободы, а единственный путь наружу лежал прямо перед ним.

Казармы Танцующей школы представляли собой квадрат с тренировочным двором внутри. Двухэтажное здание без окон было одновременно крепостной стеной с единственным надежно охраняемым выходом. Даже если бы какому-нибудь безумному беглецу удалось взобраться на крышу школы, он бы непременно переломал себе ноги, спрыгнув вниз, в Журавлиный переулок. Но Кай не был ни безумцем, ни дураком. Если он решился на побег, то уж точно запасся надежной веревкой. И если Токе повезет — а, кажется, сегодня как раз его день, точнее, ночь — то он найдет на крыше если не самого Аджакти, то оставленную им снасть.

Снизу, со двора, донесся слабый звук, и Горец мгновенно вжался в стену, ожидая услышать звон оружия и топот солдатских сапог по галерее. Кто-то действительно шаркал по песку плаца, не слишком уверенно переставляя ноги. Шаги остановились, послышалось журчание тугой струи и вздох облегчения. Токе

расслабился и отер выступивший на лбу холодный пот. Одному из солдат приспичило отлить. Снова шарканье, скрип закрываемой двери. И вот в казармах восстановилась тишина.

Что ж, лучшего момента, пожалуй, не представится. Недолго думая, Токе отлепился от стены и полез по одному из опорных столбов наверх. Тяжелый теплый плащ путался в ногах, парень изо всех сил старался не шуметь, поэтому дело шло медленно. Наконец он вскарабкался достаточно высоко, чтобы заглянуть через конек. Увиденное заставило его сердце сбиться с такта, а потом припустить еще быстрее.

На плоской, как блин, крыше восседала, скрестив ноги, закутанная в плащ фигура. Лицо скрывал капюшон, но Горец безошибочно опознал Кая: кому бы еще пришло в голову выйти среди ночи через запертую дверь для того, чтобы в собачий холод морозить зад, поджидая товарища? Токе искренне надеялся, что Аджакти все еще тут только потому, что не хотел бежать в одиночку. Иной расклад означал бы, что план Кая не сработал.

Из-под плаща тем временем высунулась затянутая в митенку рука и приглашающе махнула. Пыхтя и обливаясь потом, Токе перевалился через конек и, брыкнув в воздухе ногами, втянул себя на крышу. Кай не смотрел в его сторону. Глаза товарища были устремлены на купавшиеся в лунном свете крыши Церрукана. Согнувшись в три погибели и косясь вниз, на желтую лампу стражи, Токе подобрался к Аджакти и присел на корточки.

— А где веревка? — настороженно прошептал он, оглядываясь по сторонам.

— Я решил погодить вешаться, — сухо оповестил голос из-под капюшона. У Кая была раздражающая привычка шутить в самое неподходящее время. Или… это не было шуткой? Ну почему товарищу всегда удавалось заставить Токе чувствовать себя идиотом?

— Почему ты ничего не сказал?!

— О чем? — В тени капюшона приподнялась белая бровь.

— Ты меня правда за дурака держишь?! — начал заводиться Горец. — О побеге, о чем же еще! Ты ведь не воздухом подышать сюда взобрался?

— А что, если подышать?

— Ага, держи карман шире! Как тебе удалось отпереть дверь? Ты задумал спуститься со стены? Почему один? И если у тебя нет веревки, то как, во имя Ягуара…

Кай жестом прервал поток вопросов и печально покачал головой:

— Дверь была не заперта, Токе.

— Что?!

— Дверь была не заперта, — мягко повторил Кай.

— Не может быть! Не поверю, что Зейд мог забыть…

— Он и не забывал.

Токе быстро соображал. Он знал, что в крыле ветеранов большинство дверей не закрывали на ключ. Многим гладиаторам разрешался выход в город, а некоторые имели семьи за пределами казармы. Но Горца с Аджакти перевели в ветераны совсем недавно, так что дверь их каморки и клетушки других новоселов продолжали запирать на ночь. Так было, во всяком случае, сразу после переселения. Сколько же времени прошло с тех пор? В казармах оно измерялось играми, дни между которыми, заполненные выматывающими тренировками, тянулись однообразной чередой. Аджакти успел поучаствовать в пяти поединках, сам Токе — в трех. По спине прошел холодок. Неужели минуло уже два месяца?! А по церруканскому календарю, где месяц состоял всего из двадцати дней, даже больше? Когда он в последний раз слышал поворот ключа в замочной скважине, прежде чем провалиться в сон? Когда он в первый раз забыл прислушаться?

— Когда нас перестали запирать? — спросил Токе упавшим голосом.

Кай пожал плечами:

— Где-то неделю назад.

— Неделю?! И ты молчал?! — Токе просто не мог поверить своим ушам.

— А что бы это изменило?

Горец задохнулся от возмущения:

— Все! Может, Скавр и считает, что мы теперь у него на коротком поводке и кусаемся только по приказу, но уговор «семерки» никто не отменял! Помнишь: валим отсюда при первой же возможности? Целую неделю! Четыре дня назад были игры, кто-то мог с них не вернуться. Стражу холод загнал в караулку. Мы могли бы собрать остальных, спуститься со стены, нас хватились бы только утром!

— Тебе не терпится внести вклад в развитие инженерной мысли Церрукана?

Токе моргнул, не уловив связи, но тут же сообразил, что Кай имеет в виду судьбу беглого гладиатора из Лунной школы. Его история еще недавно была у всех на устах. Новобранец заколол одного из стражей его собственным мечом и укрылся в городе у своей семьи. Кто-то из соседей выдал раба, польстившись на вознаграждение, и беднягу использовали на очередных играх, чтобы прилюдно опробовать новую пыточную машину. Говорили, сам наследный принц Омеркан в тот день удостоил арену своим

присутствием.

— Тот парень был просто глупцом и неудачником, — буркнул Горец сердитым шепотом. — К тому же — одиночкой. Нас семеро, и в этом наша сила. Мы не будем прятаться в проклятом городе по углам, как крысы. Аркон знает путь через пустыню, он провел бы нас…

— Токе, — прервал его Кай, — последний караван покинул Церрукан четырнадцать дней назад.

— Мы не нуждаемся в караване! Нам бы только раздобыть приличных лошадей… — Горец осекся. До него дошел смысл слов товарища. — Ты сказал «последний»?

Кай вздохнул и снова обратил взгляд на раскинувшийся под ними лунный город.

— Холодные Пески непроходимы с ноября по февраль. Помнишь ту песчаную бурю, что накрыла наш караван? Это легкий бриз по сравнению со штормами, которые терзают пустыню зимой. Ветер несет песок с такой скоростью, что плоть, вставшую на его пути, обдирает до костей. Если, конечно, она сначала не превратится в лед. Холодные Пески не зря так назвали. Ледяные великаны скоро начнут заходить в Церрукан, и тогда даже в черте города будет опасно на улице ночами.

Токе поежился. Внезапно он снова ощутил кусачий холод, заставлявший его дрожать под теплым плащом. Одежда Кая побелела от инея, глаза в тени капюшона поблескивали, как осколки черного льда. Надежда погасла так же быстро, как вспыхнула. Главным врагом, стоявшим теперь на пути к свободе, была не присяга на верность Скавру, хозяину школы, не солдаты, не высокие стены, а сама природа, и этого врага не одолеть мечом. Плоские крыши и круглые купола внизу образовывали мистический голубой ландшафт, прорезанный черными расселинами улиц. На миг город показался Горцу лабиринтом, из которого нет выхода.

— Ты сейчас думаешь, сколько наших доживет до весны? — внезапно разбил тишину Кай, и Токе вздрогнул от знакомого ощущения, что товарищ читает его мысли. — Не стоит. Никому не дано знать, что ожидает его завтра. Многое еще может случиться.

Горец попытался поймать взгляд Кая, надеясь, что за этой фразой последует продолжение, которое вернет ему надежду. Но Аджакти снова смотрел вдаль. Большая круглая луна висела за его спиной, окутывая хрупкий силуэт серебристым сиянием. Облачка дыхания поднимались вверх мерцающими призраками и растворялись в холодном свете. Некоторое время они сидели молча, пока голос Кая не вырвал Токе из его мыслей:

— Этой ночью впервые за долгое время мне приснился сон. Такой реальный, что, проснувшись, я не могу успокоиться, все думаю о нем.

— На крыше что, лучше думается? — фыркнул Горец, поеживаясь. — И чего ж тебе такое снилось? По мне, так нет кошмара страшнее, чем вид собственного члена, превратившегося в сосульку.

Плечи Кая передернулись под плащом:

— Брр! Типун тебе на язык, — он зашевелился. — Пожалуй, пора возвращаться в казарму, а то как бы и вправду что не отмерзло.

— Нет, все-таки! Мне хочется знать, что могло лишить сна непобедимого Аджакти, рожденного из семени Бога-Ягуара, павшего на песок Минеры? — подначил Горец, подражая глашатаю, расхваливающему достоинства гладиаторов перед началом боя.

Лунный свет мазнул лицо под капюшоном — лицо без тени улыбки:

— Мне снилась Рыночная площадь. Люди на ней.

— И чего тут такого? — удивился Горец. Он побывал на площади только однажды, в тот день, когда его вместе с Каем продали в рабство пустынные псы-гайены. Воспоминания об этом дне не относились к категории приятных, и все же… Лично его на крышу они бы не загнали.

— Я видел толпу с высокого места. Всю разом. И меня поразила одна вещь.

— Какая? — прошептал Токе, почему-то затаив дыхание.

— Только третья часть в ней была свободными горожанами.

Горец утер нос посиневшим от холода пальцем:

— Ясно дело, рабов-то нет только у последних бедняков. Ну и? — Он ожидал более эффектного продолжения. Но его не последовало. Кай только пожал плечами и, пригнувшись, бесшумно двинулся к внутреннему краю крыши:

— Просто раньше я не задумывался об этом.

— Мудрые слова! — пробурчал себе под рассопливившийся нос Токе. — Теперь остаток ночи глаз не сомкну, буду голову над ними ломать. — И пополз следом.

Глава 2
Игры с огнем

— Ты что, Горец, всю ночь на койке дрочил? Теперь руки трясутся? — Наставник отряда «жнецов»,[10] или, по-простому, казарменному, доктор Фазиль, не стеснялся в выражениях. Никто не заржал только потому, что ветераны успели слишком хорошо познакомиться с его четыреххвостой плетью, нежно называемой кошкой. — Поработай-ка над атакой, пока остальные отдыхают. Позиция один и два. Па-ашел!

Увесистый пинок отправил Токе к тренировочному столбу-пэлу. С этим бессловесным противником ему предстояло развлекаться следующие четверть часа, в то время как товарищи могли перевести дух и напиться. Утяжеленный вдвое по сравнению с обычным весом меч-целурит был особенно неповоротливым в руках после бессонной ночи. Да и мысли бродили вовсе не вокруг столба, который Горец прилежно рубил затупленным клинком. После событий на крыше Токе требовалось серьезно поговорить с остальными членами «семерки». Проще всего было бы начать этот разговор с Тигровой Лилией — благо они в одном отряде. Но парень скорей позволил бы Фазилю исполосовать себя кошкой, чем стать посмешищем в глазах рыжеволосой красавицы-гладиатрикс. А именно идиотом он и выставит себя, если признается, что проспал первую представившуюся возможность побега.

С этими мрачными мыслями Токе кое-как дотянул до перерыва на обед. Вместе с усталыми товарищами он поплелся с плаца под ворчание доктора, эбонитово-черное лицо которого без слов говорило: Горец не стоил кислого молока той ослицы, что его породила. В обеденной зале парень высмотрел Аркона и кое-как протолкался к столу «длинных мечей».[11]

— Ты тоже все знал и молчал? — перешел он прямо к делу, плюхая миску с ячменной кашей рядом с Арконовой.

— Ничего я не молчал! — возмутился блондин, дуя на обжигающую еду. — Я сам только что от Папаши узнал.

— И что думаешь делать?

— А чего тут сделаешь? — пожал плечами Аркон. — Остается только ждать, когда Скавр объявит испытания.

Мгновение Токе сидел, тупо пялясь на усердно работавшего челюстями товарища, — он был совершенно сбит с толку.

— Какие испытания? — наконец выдавил Горец, запихивая в рот ячмень. — Я говорю, нас на ночь запирать перестали!

— А-а, это вчерашняя новость, — отмахнулся «длинный меч». — Погоди, еще один выход на арену — и Скавр будет проводить испытания на первый пэл.[12] Получим отметку, а там — увольнительная в город, одна — сразу, а потом — за каждую победу. Папаша подслушал разговор мясника[13] и доктора «черепах»,[14] они говорили…

— Не рано ли победы считаешь? — мрачно прервал товарища Токе. — Да и что с них проку, если мы заперты зимой в этой сраной дыре под названием Церрукан, как пауки в банке? Или Аджакти врал, что караванный путь откроется только в марте?

Оптимизм Аркона было не так-то легко погасить:

— На этот счет наш белогривый друг прав. Но что такое пара месяцев? Мы же «семерка», неприкасаемые! Со дня победы в Минере никто из нас и ранения серьезного не получал — так, царапины. Погоди, к весне мы еще станем грозой всего Церрукана! Звезды Танцующей школы, Неприкасаемые Семеро. Тач, — Аркон вывернул кисть в пародийно-светском жесте, указывая через стол на длинного парня с отсутствующим выражением лица, — последний романтик арены. Вишня, — отмашка вправо выявила среди дружно чавкающих «ловцов»[15] невозможно-бордовую, торчащую щеткой шевелюру, — зачарованный принц чудесной страны ОЗ.

— Принц? — недоверчиво прищурился Токе, разглядывая украшенную синяками физиономию озиата, по степени лиловости соперничающую с шевелюрой.

— Папаша, — как ни в чем не бывало, продолжал презентацию Аркон, — церруканский жеребец, чресла которого так же неутомимы в бою, как его рука.

Смуглый гладиатор с курчавой бородой, щедро украшенной цветными ленточками и бусинами, заметил их взгляд и на всякий случай ощерил в улыбке желтоватые зубы. Токе едва сдержался, чтобы не прыснуть в кашу.

— Тигровая Лилия, — вздохнул Аркон и блаженно зажмурился, — благоуханный цветок, выросший на окровавленном песке Минеры.

Токе обернулся, проследовав взглядом за жестом товарища. Лилия сидела спиной к ним, целиком поглощенная болтовней с двумя «сестрами», то и дело хихикавшими и стрелявшими глазами в… его сторону! Парень крутанулся на месте, снова оказавшись нос к носу с Арконом, который, ничего не заметив, продолжал:

— Порождение горного тролля и пустынной демоницы, леденящее кровь в жилах Аджакти. Кстати, а где он? Ну и скромные мы с тобой. Непобедимая «семерка»! Мы купим свою

свободу, да еще и на комфортное путешествие домой останется.

Токе закатил глаза к закопченному потолку:

— Гроза Церрукана?! Непобедимая «семерка»?! Аркон, тебе что в голову ударило, моча или семя? Да, у нас всех за плечами по паре побед, но каких? На мелких аренах, в боях против гладиаторов никому не известных школ. Что, если нас снова бросят в Минеру, на какие-нибудь Большие Игры в честь очередной свадьбы, амирова юбилея или чествования одного из бесчисленных церруканских богов — их тут на каждый день месяца по десятку? Ты уже забыл мясорубку?[16]

Жизнерадостность слетела с Аркона, как шелуха с луковицы:

— Забыл?! Да Бекмес мне каждой ночью снится! И жена его — в белом, с вымазанными пеплом щеками — вроде она по нему плачет, а вроде — по мне.

Токе отвел глаза. Он не знал, что Бекмес был женат. Но не для того он затеял этот разговор, чтобы теперь отступать:

— А кто тебе следующим сниться будет? Принц ОЗ или Церруканский Жеребец? Надо что-то делать, Аркон. Пока еще не поздно.

Бывший охранный вскинул на него серьезные синие глаза:

— Что ты предлагаешь?

Токе быстро огляделся по сторонам. Вроде он не сказал ничего особенного, но все-таки лучше быть настороже, в школе уши даже у стен. Парень понизил голос:

— Собрать «семерку». Поговорить. В тихом месте.

Горец понимал, что теперь, когда они как ветераны разделены по разным отрядам, чертовски сложно будет собраться вместе, не привлекая внимания докторов, стражи или наушничавших Скавру прихлебателей. Но ему было просто необходимо услышать мнение остальных, узнать, верны ли они данному когда-то друг другу обещанию, скрепленному кровью товарища, пойдут ли до конца.

Аркон кивнул:

— Предупреди Лилию и Аджакти. Я и Тач возьмем на себя остальных. Будем ждать первого подходящего момента. Может, ближе к играм…

Слова Аркона заглушил грохот опрокинутого подноса с чисто вылизанными плошками. Источник беспорядка, коротконогий новичок в пропотевшей серой униформе, выкатился на центр столовой залы и завопил во всю силу легких:

— Фламма! — и снова, набрав воздуху: — Фламма на плацу!

Стол новобранцев мгновенно опустел. Многие из них еще не видели легендарного фаворита в деле и теперь не хотели упустить шанс. Ветераны, переговариваясь, тоже тихонько

потянулись к выходу. Появление чемпиона Минеры, имевшего собственный дом с садом и тренировочной площадкой в городе, всегда становилось событием в казармах. Одни видели в нем воплощение удачи и богатства, к которым сами стремились; для других Фламма — гладиатор, завоевавший свободу собственным мечом, был символом надежды; третьи смотрели на него как на героя, усовершенствовавшего воинское искусство до степени, бросающей вызов самим богам.

На Токе Фламма всегда производил странное впечатление, заставлявшее задуматься о бродившей по школе легенде о пустынном демоне, заключенном в человеческом теле. Насколько медлительными, даже неуклюжими были движения Огня в обычной жизни, настолько точны и быстры становились они в бою: глаза Горца с трудом успевали фиксировать его выпады. Тяжелый и основательный, словно бронзовый божок, Фламма во время поединка казался сотканным из воздуха: куда бы противник ни направлял удары, они не достигали цели. Атаки же фаворита были неотразимы. Токе не знал бойца, который мог бы справиться с этим человеком.

В Танцующую школу фаворит ходил, скорее, по старой памяти и неписаному договору со Скавром. Фламма наблюдал за тренировками и брал в спарринг бойцов, которых считал перспективными. Любой ветеран отдал бы все до последнего заработанного потом и кровью циркония за возможность учиться у фаворита, но Фламма отказывал всем просителям, включая владельца школы, не раз предлагавшего ему место стратега — старшего доктора. Получил отказ и Аджакти, хотя, по мнению самого Токе, парень был единственным, достойным стать последователем Огня. Он был также единственным, кто с отказом не смирился.

В груди Горца шевельнулось смутное беспокойство. Он поднялся из-за стола и направился к дверям. Новобранцы в серых униформах галдели под навесом, бесцеремонно тыкая пальцами в низенького плотного и безволосого человека, неспешно следовавшего через плац в сопровождении Скавра. Многие из них, очевидно, не верили, что этот кажущийся полусонным и вялым чужак и есть великий Огонь. Токе, усмехаясь, обернулся к Аркону с язвительным комментарием на языке, но товарищ смотрел на что-то дальше по галерее и к возне новобранцев был равнодушен. Горец перевел взгляд в том направлении, и охота пройтись на счет наивных новичков у него пропала.

Кумал и Аджакти стояли в проходе друг против друга, окруженные клейменными дружками церруканца. Токе не мог расслышать, что говорил Скавров любимец-димахер,[17] но

напряженные позы гладиаторов и взрывы издевательского хохота, доносившиеся от Кумаловой свиты, наводили на нехорошие мысли.

До появления Кая в отряде димахеров сложенный как полубог церруканец был несомненным лидером и кандидатом в фавориты. Ему пророчили славу нового Фламмы. И вот никому не известный северянин, худосочный и страшный, как ночная пурга, одним поединком снискал расположение публики и самого амира. Более того, Деревянный Меч[18] увел из-под носа Кумала приглянувшуюся ему Тигровую Лилию и, еще будучи новобранцем, открыто бросил вызов ветерану. Неудивительно, что Кумал видел в Аджакти соперника.

Каждое достижение Кая на плацу или арене, даже самое незначительное, церруканец воспринимал как личную обиду, и счет северянина постоянно рос. Кумал покалечил бы его на спарринге, если б мог, если б Аджакти не оказывался каждый раз быстрее и техничнее. Поняв, что ему не справиться с врагом самому, расчетливый церруканец решил сделать это чужими руками. Кумал с приятелями делали все, чтобы спровоцировать «выскочку» на какую-нибудь глупость, заставить нарушить кодекс, когда солдаты или доктора находились поблизости. Ветеран быстро обнаружил слабость новичка, одержимого идеей ученичества у великого Фламмы, и стал играть на этом, прозвав ненавистного северянина Фламм-а-джа — Тень Огня.

Токе догадывался, что был свидетелем далеко не всех кумаловых выходок. Кай никогда не говорил о происходящем внутри отряда димахеров, хотя и знал, что всегда мог рассчитывать на поддержку «семерки». Или, возможно, он молчал именно поэтому? Но сейчас, когда другу приходилось туго прямо у него на глазах, Горец не собирался оставаться в стороне. Во взгляде Аркона он прочел ту же решимость. Не сговариваясь, товарищи протолкались через толпу новобранцев и направились вдоль галереи.

— Ну и когда ты начнешь тренировку с новым сетхой, Фламм-а-джа? — Кумал ухмылялся, но его выпуклые темные, словно вишни, глаза пылали злобой. Кай представил, как это лицо будет выглядеть дважды перечеркнутое лезвиями мечей, и ему стало чуть легче. Он попытался пройти мимо церруканца, но приятели того заступили дорогу, взяв северянина в плотное распаленное кольцо.

— Может, Огонь слишком горяч для нашего Деревяшки? — Вокруг с энтузиазмом заржали, хотя шуточки Кумала насчет имени Аджакти успели отрастить приличную бороду. — Пламя

закаляет только сталь! Такую, как эта! — Церруканец выбросил перед собой руку, сжатую в кулак. Мускулы вздулись под гладкой бронзовой кожей, демонстрируя безупречный рельеф. Именно это значило имя Кумала по-церрукански — «кулак». — Берегись, урод! — прошипел димахер, неуловимым движением ухватив кисть Кая. — Не играй с огнем, а то как бы тебе не сгореть!

Со стороны могло показаться, что ветеран пожимает руку брата-гладиатора. На самом деле Кумал давил на болевую точку в основании большого пальца. Но Аджакти владел своей болью, а не она — им. Он стоял, спокойно глядя, как капли пота выступают между глубоко вытравленными в бронзовой коже линиями, составляющими букву «М» — клеймо убийцы на лбу Кумала. Кай мог остановить его прямо сейчас, остановить навсегда, но жесткий кодекс гладиаторов, который он поклялся соблюдать, запрещал драки в казармах. Драка означала суровое наказание — плеть, возможно карцер или что-то похуже, — все будет зависеть от фантазии Альдоны, доктора димахеров. Но что бы ни решил Альдона, Кай сможет на сегодня забыть о Фламме — и о своей миссии, о которой Мастер Ар так ненавязчиво напомнил во сне.

Горячий спазм, начавшийся в шраме на спине — давнем «подарке» мага, — накрыл Аджакти огненной волной. Кумал, видимо, заметил что-то в его глазах, принял это на свой счет и вспыхнул торжествующей улыбкой. Склонившись так близко к Каю, что тот почувствовал на щеке жар чужого дыхания, церруканец прошептал:

— Я смешаю твой пепел с грязью последней городской трущобы — той грязью, откуда ты выполз!

— Интересно, в каком это местном дворце раздают такие медали на лоб? — Хотя голос Аркона был весел, в нем звучала неприкрытая угроза. «Длинный меч» легко скользнул между церруканцем и Аджакти, разбивая захват. — Похоже, Кумал, тебя там заждались, чтобы навесить еще одну.

— За то, что я выпущу тебе кишки? — прищурился на Аркона клейменый. Его дружки приблизились, плотнее сжимая кольцо.

— Нет, — вставил Горец, занимая место рядом с Каем. — За длинный язык, который ты суешь в Скаврову задницу.

От групповой свалки прямо на галерее их спас сигнал гонга, возвещающий начало послеобеденной тренировки.

— Чего вы ввязались? — бросил на бегу Кай, спеша занять свое место в шеренге.

— Похоже, тебе нужна была помощь, — выдохнул Токе, провожая Кумала и компанию настороженным взглядом.

— Я бы сам справился, — отрезал Кай.

— Да уж, видели мы, как ты с проблемами справляешься, — невесело усмехнулся Аркон. У многих еще не стерся из памяти эпизод с Буюком, стоивший новобранцу жизни и чуть не отправивший в мир иной самого Кая.

Грянули барабаны. Туго натянутая воловья шкура вибрировала под ладонями рабов, посылая в воздух над плацем звуки, заставлявшие кровь бежать быстрее в жилах бойцов, а их сердца биться в едином ритме — ритме Танца.

— Рен! Сен! Тха-а! — выдохнула сотня глоток, как одна. Ветераны всех отрядов начали общее упражнение, повторяя вслед за докторами базовые движения, лежавшие в основе стиля боя, практикуемого только гладиаторами Танцующей школы. После последних Больших Игр — лучшей гладиаторской школы Церрукана.

— Суа! Ра-а! — Губы Кая заученно твердили мантры, призванные соединить дыхание, душу, дух и движения в единое совершенное целое. Тело так же заученно повторяло выпады, серии и блоки, то атакуя невидимого противника, то уклоняясь от ударов. Аджакти следовало полностью сконцентрироваться на упражнении, позволить ритму вести себя, но краем сознания он все время чувствовал присутствие Фламмы. Фаворит участвовал в тренировке наравне с простыми гладиаторами — то ли находил традиционную технику полезной и для себя, то ли присматривался, кого выбрать для спарринга.

Кай обливался потом, стараясь добиться четкости и скупой точности каждого движения, и надеялся. Все еще надеялся.

Он помнил тот первый и единственный раз, вскоре после своей невероятной победы в Минере, когда он напрямую обратился к Фламме:

— Позвольте мне учиться у вас, сетха.

Круглая бритая голова повернулась к нему, глаза-маслины под тяжелыми веками с любопытством уставились на просителя:

— Почему ты спрашиваешь у меня позволения?

Голос у Огня был низкий и мягкий, он говорил с едва заметным плавным акцентом, которого Кай никогда раньше не слышал. Вопрос поставил его в тупик:

— Говорят, вы не берете учеников, сетха.

Черные маслины скользнули по лицу Аджакти, круглое лицо растянулось в улыбке:

— Тогда зачем ты спрашиваешь?

У Кая создалось впечатление, что он разговаривает с каменной стеной, от которой все слова отскакивают, как горох.

— Возможно, вы передумаете.

Фламма удивленно поднял надбровные дуги: брови были

сбриты, что делало безбородое лицо еще более голым:

— И что заставляет тебя так думать?

Этого вопроса Кай ожидал:

— Вы видели меня на арене.

Брови, которых не было, опустились на положенное место, лицо разгладилось, улыбка исчезла:

— Нет.

Фламма отвернулся. Каю не требовалось объяснений, чтобы сообразить, к чему относился этот ледяной ответ. Тогда, впервые за долгое время, у него защипало шрам на спине.

— Рен! Сен! Тха-а!

Быстрый вдох, медленный выдох, контроль. Ритм. Вперед, вправо, удар, страховка, обратно в стойку. Вдох.

— Суа! Ра-а!

«Может быть, сегодня наконец это случится. Фламма обратит на меня внимание. Выделит среди сотни бойцов. Возьмет в спарринг. Поймет, как это важно для меня. Единственного, за исключением Скавра, кто видит, *чем* он владеет».

Наблюдая за Фламмой в последние месяцы, Кай убедился в одном: живой легендой немолодого гладиатора делало не многообразие стилей и техник боя, которые тот мог менять так же быстро, как пламя — цвет своих языков. Аджакти пробовал перенять мастерство Огня, следя за его поединками в школе и на арене, пытаясь вычленить, а потом повторить новые движения и элементы. Часы, отведенные для отдыха, Кай проводил в бесконечных упражнениях, не обращая внимания на боль в растянутых связках и перенапряженных мышцах, снова и снова толкая тело за грань. Но не добился ничего, кроме косых взглядов товарищей и понимания: в его исполнении техника Фламмы всегда будет искаженным отражением, пародией, как попытки ребенка, только что научившегося ходить, подражать искусному танцору.

В основе мастерства фаворита лежал особый секрет, связывавший все приемы в единую стройную систему, так же как ритм и полное дыхание основывали фундамент, на котором строилась боевая техника Танцующей школы. Но именно этому тайному знанию Фламма и не хотел учить — ни Аджакти, ни кого-либо еще. Ходили слухи, что тому была причина: последний ученик Огня, Руслан, которого связывали с учителем тесные узы, погиб на арене.

Ладони рабов опустились на тугую кожу в последний раз, эхо ударов заставило дрогнуть нагретый солнцем воздух и растворилось в нем. Десятки блестящих от пота полуобнаженных фигур замерли на плацу в начальной стойке, а затем синхронно

поклонились наставникам, благодаря за урок. Доктора дали гладиаторам знак разойтись по отрядам — настало время групповых упражнений.

Альдона, приземистый и кряжистый лисиец, весь полосатый от старых шрамов, выстроил димахеров в линию против жнецов Фазиля. Вооруженный двойными мечами Аджакти по команде доктора атаковал стоявшего перед ним Грома. Тот держал кривой клинок-целурит в левой руке, а круглый с острым краем щит — в правой. Но этого было недостаточно, чтобы смутить Кая. За отведенную минуту он успел обезоружить левшу и заставил его выступить из строя.

— Смена!

Димахеры сделали шаг влево и оказались лицом к лицу с новым противником. Кай, последний в строю, перебежал в его начало и обнаружил там Тигровую Лилию. Не дожидаясь, пока он займет позицию, девушка атаковала. Кай едва успел отметить краем глаза, что Фламма встал на пустующее место в шеренге «длинных мечей» по соседству — «Длинный Дик» был излюбленным оружием фаворита. Аджакти принял целурит Лилии на скрещенные клинки, уклонился от режущего края щита. Ослабил упор, качнулся в сторону и в бок, заставив гладиатрикс потерять равновесие. Целурит скользнул вперед, а Кай под него. Затупленные острия его мечей ткнули Лилию в живот, опрокидывая навзничь.

— Смена!

Со следующим «жнецом» он разделался, поразив его под щит из низкой стойки.

— Смена!

Токе стал на удивление быстр, но его подавили грубая физическая сила и напор.

— Смена!

Аджакти с десяток раз прошел строй «жнецов», прежде чем удовлетворенный Альдона дал команду для спарринга. «Жнецы» поменялись местами с «длинными мечами», и сердце Кая бешено заколотилось — с кем-то встанет в пару Фламма? Однако фаворит, вместо того чтобы выбрать партнера, подошел к доктору димахеров и что-то тихо сказал ему.

— Кумал — Шустрый. Клад — Тач. Аджакти — Морок.

«Значит, Огонь видел еще недостаточно, — усилием воли Кай заставил себя сосредоточиться и занять место напротив длиннорукого широкоплечего Морока, уверенно прикрывавшегося прямоугольным щитом. — Ладно, мы ему покажем».

Аджакти обрушил на «длинного» такой град ударов, что за

несколько мгновений вогнал несчастного почти по плечи в песок. Альдона велел сменить противника. На этот раз Каю достался лоснящийся и гладкий, как полированное черное дерево, Булат. Они едва успели обменяться ударами, когда появление нового персонажа заставило Аджакти впервые за долгое время забыть о Фламме. По галерее в сопровождении Скавра, четырех воинов и чернокожей служанки шла женщина в струящихся белых шелках.

Вообще-то в посещении школы свободной горожанкой не было ничего необычного. Денежные гости как мужского, так и женского пола частенько платили Скавру за возможность посмотреть на тренировки гладиаторов. Удивление вызывало то, что женщина не осталась на смотровом балконе, как остальные посетители, а получила разрешение выйти на плац. То ли мадам хорошенько подмазала мясника (не зря он сиял, как новенький цирконий), то ли была важной птицей, которой владелец школы не смел отказать. А скорее всего — и то и другое, судя по тому, какого эскорта она удостоилась.

Лицо гостьи скрывала белая вуаль. Только глаза — живые и полные янтарного огня — оставались на виду. Ветер рвал легкий шелк платья, бесцеремонно загоняя его между стройных ног, обрисовывая тонкий стан и высокую грудь. Мужчины, как один, поворачивали головы, провожая взглядами ангелоподобное существо, посетившее их так далеко от рая. Заглядевшись, Булат пропустил удар в голову. Чернокожий мешком осел на песок, глупо улыбаясь и не замечая выступившей на лбу крови. Кто-то позади Аджакти засвистел, кто-то цветисто выругался, кто-то прошептал восхищенно:

— Клянусь щелью Иш-чель, вот это краля!

Голос, похожий на Арконов, весело крикнул:

— Кто ты, красавица? Огонь твоих прекрасных глаз ожег мое сердце!

Послышался влажный звук удара — доктора были настороже, и нахал поплатился за свои слова разбитым ртом. «Красавица» не ответила и уселась в тени галереи на заботливо подставленный стул. Кай больше не смотрел в ее сторону. Он помог Булату подняться, и они снова начали бой. Северянин позволил сопернику войти в ритм, чтобы усыпить его бдительность, а потом смял защиту мгновенной атакой. Булат потерял ориентацию, а с ней и свой меч, зажатый в клещи и выдернутый из руки приемом димахера.

Кай надеялся, что Фламма отметит его ловкость. Скосив глаза, парень обнаружил Огня на галерее вежливо беседующим с закутанной в белое незнакомкой. Воин даже не смотрел в его сторону. Зато загадочная гостья не сводила с Аджакти горящего

требовательного взгляда. Он чуть не пропустил мимо ушей команду Альдоны, велевшего ему стать в пару с Тачем.

«Где-то я уже видел глаза этой женщины — цвета расплавленного золота, тревожащие, такие яркие, что, кажется, они могут светиться в темноте. Глаза ягуара в зарослях бамбука. Нет! Не может быть! Первый бой на арене, награждение перед ложей амира… Тонкие пальцы, полные сока алые вишни, встречающие такие же алые, мягкие губы. Жестокая улыбка на этих губах, вызов в янтарных глазах. Стебель бамбука, дикая кошка, Анира!»

Кай сбился с ритма, по спине пробежал холодок дурного предчувствия. «Что принцесса делает здесь? Привела Аниру в Танцующую школу страсть к играм или пресловутая страсть к гладиаторам? Что ж, многие из потеющих сейчас на плацу мужчин прекрасно сложены, некоторые, к тому же, хороши собой. Почему же янтарные глаза неотступно следуют за мной?»

Непрошеное внимание злило его, так же как и полное отсутствие внимания со стороны Фламмы. Бешеная атака Кая заставила Тача припасть на колено, прикрываясь щитом. Фаворит, вежливо раскланявшись с дамой, не глядя прошел мимо Аджакти и указал на Кумала. Красавец-димахер занял позицию напротив Огня. Ухмыльнувшись, клейменый незаметно сунул в сторону Кая сложенный в неприличном жесте кулак.

Наблюдая за сверкающим кружевом, которое вязали в воздухе три меча — два клинка Кумала и «Длинный Дик» Фламмы, — Кай с трудом сдерживал растущее раздражение. Церруканец был хорош, но северянин знал, что мог бы сделать то же самое лучше и прибавить еще пару штук, которые, возможно, удивили бы даже фаворита. «Почему Огонь игнорирует меня? Что это — месть за то, что я осмелился попроситься в ученики?»

Кай следил за поединком, сузив глаза. Раздражение перерастало в холодную злость; волны боли, расходясь от старого шрама, терзали спину. Неуловимо мягким движением клинок Фламмы скользнул вдоль одного из мечей димахера и замер у горла Кумала. Бой был закончен. По своему обыкновению, фаворит тихо говорил с побежденным, объясняя его промахи и показывая иногда то одно, то другое движение. Димахеры, которым Альдона позволил оставить занятия ради поучительного зрелища, возвращались на свои места. Новый партнер, Ласка, уже поджидал Аджакти, но тот медлил. Поблагодарив Кумала, Фламма повернулся уходить. Кай заступил ему дорогу.

— Что я должен сделать, сетха? — спросил он, глядя прямо в глаза-маслины под тяжелыми веками.

Фламма моргнул, вежливая улыбка стала несколько

удивленной.

— Что я должен сделать, чтобы вы передумали?

Улыбка медленно сползла с круглых щек. Черные глаза блеснули, Фламма сухо ответил:

— Ничего, — и прошел мимо Кая, едва не задев плечом.

«А чего ты ожидал? — устало сказал себе гладиатор, пытаясь расслабить мышцы, напрягшиеся под новой атакой болевых спазмов. — Что Фламма скажет: выиграй столько-то боев, убей столько-то противников, и я стану учить тебя?» Но он еще не готов был сдаться.

— Я не Руслан! Я не позволю зарезать себя на арене!

Фламма остановился, когда слова ударили его в спину.

Пару мгновений он стоял неподвижно, потом резко развернулся и в два шага оказался перед Аджакти. Круглое лицо, обычно гладкое, как бронзовая маска, пошло рябью. Так тихо, что только Кай мог расслышать, Фламма сказал:

— Это верно. Ты не Руслан. Он был один-единственный. Он был моим сыном.

Кай не смог выдержать взгляда узких глаз, которые вдруг показались ему старыми, как само время. «Я не знал, простите». Слова, которые ничего не исправят. Он уставился на запыленные сандалии Фламмы с полуперетершимися от долгого употребления ремешками. Сандалии развернулись на пятках и исчезли из поля зрения. Осознание безнадежности дальнейших попыток накатило на Кая вместе с новой волной боли, казалось разломившей спину пополам.

Внезапно над ухом раздался голос, полный издевки:

— Бедняжка Деревяшка, такие старания — и все понапрасну! Смотри, как бы пупок не развязался. А то жаль будет: Минера лишится лучшего развлечения сезона — тролля-полукровки, который думает, что умеет держать меч!

Ладонь Кумала хлопнула Кая промеж лопаток. Несильный удар заставил его согнуться пополам: не зная того, церруканец угодил прямо по горячо пульсирующему шраму. Сцепив зубы, Кай подавил желание развернуться и от души заехать сидевшему у него в печенках клейменому. Учинить драку на глазах у докторов, Огня и обхаживавшего царственную гостью Скавра было, по меньшей мере, неумно. Он сделал шаг прочь, но рука церруканца ухватила его за тунику:

— Эй, красавчик! Лучше забудь про Фламму. Ты еще не понял? Его не интересуют рабы. А ты, хоть тебе в руки и попал меч, навсегда останешься тем, что есть, — говорящей скотиной. У тебя это на спине написано!

Сзади раздался смех. Кумал рванул тунику Аджакти кверху,

обнажая отчетливо белеющий на загорелой коже шрам, начинающийся от основания шеи и уходящий под кожаный пояс, защищавший спину и живот. Кай хорошо знал, что сейчас видят все: выжженный навечно иероглиф, ясно говорящий о жребии его носителя любому, кто мог читать на тан. Перед глазами у Кая потемнело: «Да как эта мразь смеет касаться печати Мастера! Знака верности тому, кому я дал свою первую клятву, единственную, которую невозможно нарушить!» Он дернулся, вырываясь. С горячим стыдом осознал присутствие Фламмы, не успевшего еще отойти далеко и, должно быть, слышавшего все. Сопревшая ткань треснула, инерция движения развернула Кая лицом к галерее. «Дерьмо Ягуара! Принцесса все еще здесь».

Их глаза встретились. Взгляд Аниры сиял, как зеркало солнца, прямой и горячий. Этот взгляд будто заново разделил серый мир полуправд и компромиссов на черное и белое, где тень была черной, свет — белым, а грязь — просто грязью. «Чем ты пожертвовал ради своей цели?» — прозвучало в ушах эхо слов Мастера. Янтарные глаза бросали вызов, и Кай принял его.

Он улыбнулся и сделал то, чего ему так давно хотелось. Зубы Кумала подались под кулаком; острые осколки оцарапали костяшки пальцев, но Кай не чувствовал боли. Он испытывал только мрачное и почти физическое наслаждение, как будто ему наконец удалось почесать давно зудящее, но малодоступное место. Аджакти не стал тратить силы на приспешников церруканца, он просто прошел через них, как нож сквозь мягкое масло, оставив корчащиеся тела на песке. Его целью был Фламма.

Оттолкнувшись ногой от навершия щита, за которым укрылся растерявшийся «Длинный Дик», Аджакти взлетел в воздух. Одним прыжком он оказался перед обернувшимся на шум схватки фаворитом. Кай надеялся увидеть в узких глазах Огня удивление, может быть, даже страх. Но то, что смотрело на него из пронзительных черных зрачков Фламмы, сказало Каю, что он проиграл, прежде чем это случилось.

— Дерись со мной, — выдохнул Аджакти в спокойное круглое лицо и выбросил руку с мечом, целя прямо в ненавистную улыбку. Клинок свистнул, рассекая воздух. Предплечье взорвалось болью, встретив камень. Умом Кай понимал, что это — всего лишь палец Фламмы, коснувшийся его невидимым глазу движением. Но ощущение было такое, будто он в прыжке налетел на стену. Тело мгновенно отказалось повиноваться. Он рухнул на песок, неподвижный, как труп.

Кай лежал на спине с открытыми глазами, но не мог ни моргнуть, ни шевельнуть глазными яблоками. Мышцы груди застыли, воздух перестал поступать в легкие. Он пялился в

блеклое осеннее небо, беспомощный и задыхающийся, как во сне, только окружала его не вода, а воздух — масса воздуха, который он был не в силах вдохнуть. Он стал деревянной куклой — куклой, которая понимала, что сейчас умрет, и слышала все, что происходило вокруг нее.

Скрип сандалий по песку. Шорох шелкового подола.

— Отважен, непредсказуем и глуп, — плавный акцент Фламмы. — И умрет прежде, чем наша прекрасная гостья досчитает до десяти. Если, конечно, вы не велите вернуть его к жизни, сейджин.

— Счастье мерзавца, что я успел записать его на игры, — в голосе Скавра бурлила ярость. — Кровь гладиаторов должна защитить город от суровой зимы. На Аджакти уже сделаны ставки. Тварь лучше послужит Церрукану, подохнув в Минере.

— Как вам будет угодно, сейджин.

В поле зрения Кая появилась бритая круглая макушка. Фламма склонился над ним, тело сотрясла новая волна боли, и крик, запертый в одеревеневших легких, вырвался наконец наружу. Подоспевшие воины мгновенно навалились на нарушителя, скрутили, хотя он был слишком занят тем, чтобы дышать, и не оказывал сопротивления. Утяжеленный бронзовыми украшениями сапог Скавра вонзился в живот.

— Бич по тебе плачет, да игры через два дня. Закуйте это дерьмо и бросьте туда, где ему и место — в выгребную яму. Да, и Кумала туда же!

— За что, сейджин?! — возмутился откуда-то из-за спины Кая церруканец. Он слегка шепелявил из-за выбитых зубов.

— Чтобы научился смирению! — рявкнул Скавр и снова повернулся к Аджакти: — Если с одним из вас двоих в яме что-нибудь случится, я лично утоплю второго в его же собственном говне! — Для убедительности мясник продемонстрировал увитые толстыми жилами волосатые кулаки. — Вот этими самыми руками!

Увидев по глазам обоих гладиаторов, что угроза воспринята серьезно, мясник мотнул головой, и воины поволокли провинившихся с плаца. Аджакти почувствовал, как взгляд Аниры скользнул по нему — одновременно жадный и презрительный.

— Как жаль, что я не смогу увидеть бичевание, Скавр.

— Я уверен, госпожа, что мы сможем это устроить в следующий раз. Специально для вас.

Глава 3
Двойники и призраки

— Что, если купить мечи в городе?

— Торговцам запрещено продавать оружие гладиаторам. Ты даже кухонного ножа на рынке не раздобудешь, — отмел предложение Горца Аркон, делая вид, что в поте лица оттирает спину товарища. Токе казалось, его шкура уже начинает дымиться, как бассейн у их ног, но он терпел. Тихий разговор гладиаторов, занятых мытьем, навряд ли мог вызвать подозрения — или желание подслушивать.

— Ну не все же торгаши такие законопослушные, а, Папаша?

Отмокавший в горячей воде церруканец, чье клеймо ясно указывало на знакомство с теневой стороной жизни города, почесал густую бороду:

— Это верно. Но и торговцы краденым связываться с гладиаторами не будут.

— А если платить им в два раза больше других… — Вишня запнулся, наткнувшись на скептический взгляд бывшего вора. Поправился, тщательно выговаривая слова чужого языка: — Три раза?

— Интересно, чем? — меланхолично поинтересовался Тач, как раз подошедший к группке друзей с новым кувшином ароматного масла.

— Мы, все семеро, участвуем в послезавтрашних играх, — Токе не собирался разделять пессимизм мрачноватого гор-над-четца. — Если мы победим и сложим выигрыш…

— Если делать ставки на друг друга… — встрял Вишня, зачерпнув масла из кувшина и плюхнув пригоршню себе на грудь.

— Слишком много «если», — скривился Тач.

— …то нам хватит на один кинжал и донос маркату, начальнику стражи, — закончил фразу Папаша и тут же зафыркал, как морж, получив в лицо каскад брызг. Голое тело, которое Скавровы воины швырнули в бассейн, вынырнув, оказалось Аджакти. Церруканец, выказав необычное для своей мощной фигуры проворство, выскочил на мозаичный край и шумно принюхался:

— Хвала расточающей воды Иш-чель, похоже, худшее с говнюка уже смыли! — облегченно заключил он.

— Приятно знать, что ты рад меня видеть, — буркнул Кай, делая вид, что намеревается последовать за Папашей. Его тут же шугнули обратно в бассейн, бросив туда же скребок.

— Кажется, наши шансы у Лилии только что значительно выросли, — подмигнул Токе Аркон. — Навряд ли ей захочется целоваться с типом, от которого несет как от сортира перед дождем.

Горец отвел глаза и поспешил сменить тему:

— Меня больше радует, что Кумал наконец восстановил свой естественный запах — вонь свежего дерьма.

Упомянутый гладиатор как раз вошел в помывочную, и его встретил взрыв язвительного хохота. Только руки товарищей-димахеров удержали побледневшего церруканца от новой драки.

— Кстати, а что было хуже — ночь в компании с говном или впавшим в немилость жополизом? — осведомился Аркон.

— Во всяком случае, бдение оказалось поучительным, — заявил Кай, тщательно намыливая свою обычно белоснежную шевелюру, кое-где еще сохранившую желтоватый оттенок.

— Смирению научился? — не удержался Токе.

— Скорее, политике, — парень зажмурился, промывая водой глаз, в который попала пена, и пояснил: — Пока я уворачивался от того, что валилось сверху, Кумал все журчал о своем родовитом семействе и том влиянии, которое оно получит, когда сменится власть. Бедняга уверен, что родня, разбогатев, выкупит его на свободу. Как будто кому-то, кроме мясника, он, клейменый, нужен.

— Сменит власть? — насторожился Вишня.

— Амир болен. Говорят, смертельно, — пояснил Кай. Товарищи закивали — эти слухи просочились даже в казармы. — Кумал готов был поспорить на оставшиеся зубы, что старика на этот раз не будет в Минере. Наследник, любитель мальчиков Омеркан, не пользуется уважением знати, к тому же его сестра мутит воду и вербует приспешников, задрав подол.

Щеки Токе залил густой румянец, вызванный отнюдь не влажной жарой терм. Суровое родительское воспитание, еще сильное в нем, запрещало грубо говорить о женщинах. Заметив его реакцию, Аджакти прикусил язык:

— Э-э… Так вот, стараясь открыть глаза на мою безродную низость, Кумал не только перечислил своих высокопоставленных родственничков, но и намекнул на то, что государственные судьбы творят не только политики, но и мечи, особенно воткнутые в… — поймав взгляд Токе, Кай осекся, — под тот самый царственный подол.

— Да брехня это все небось, — отмахнулся Аркон и полюбовался на дело рук своих — лоснящуюся багровую спину Токе, яркостью соперничающую с румянцем на щеках парня.

— Может, и не совсем брехня, — пробормотал Папаша,

задумчиво полоща ноги в наполнившемся пеной бассейне. — Я слышал, у Кумала и правда есть покровители в верхах, но…

В этот момент дверь терм распахнулась, грохнув о стену. В проходе появился доктор новобранцев Яра:

— Хватит нежиться, обалдуи! У меня тут два десятка «серых» ждут не дождутся песок из задниц вытрясти. На выход!

День игр Теплой Зимы начался с дурного предзнаменования. Вода в бассейнах и лужицах, оставшихся от короткого дождя, покрылась с ночи тонкой корочкой льда. На мозаику садовых дорожек лег серебристый иней, в котором подошвы Аниры оставляли цепочку маленьких узконосых следов. Холода пришли в этом году слишком рано. Лед в месяце Ниаш предвещал суровую зиму, грозящую унести много жизней, если ее не смягчить, задобрив богов горячей кровью.

Принцесса не радовалась грядущему развлечению. Давно ожидаемый гонец с важным известием запаздывал. К тому же ей предстояло делить ложу с братом, в обществе которого она всегда чувствовала себя как дикая кошка, ступившая в гнездо скорпионов. Коварные выходки и липкий взгляд Омеркана могли испортить любое удовольствие, даже от поединка Аджакти. Но у нее не было выбора. Долг обязывал сопровождать наследного принца на игры в отсутствие отца, ведь в глазах подданных она — невеста будущего амира. Правители Церрукана хранили чистоту кровной линии, идущей от богов. Наследнику трона надлежало выбрать в супруги одну из своих сестер, а у Омеркана их было всего две. Тринадцатилетняя дурочка Сеншук, уже помолвленная с диктатором Гор-над-Чета, и сама Анира.

— Паланкин ждет вас, Луноподобная, — тихо напомнила Шазия, чернокожая телохранительница, сопровождавшая принцессу повсюду. Девушка и не заметила, как замедлила шаги, почти остановившись в убеленной инеем алее.

— Пусть подождет, — отрезала она, оглядываясь на проглядывающий сквозь листву вечнозеленых деревьев купол храма. В борьбе за трон принцессе нужен был могучий союзник, обладающий сверхъестественной силой. Месяц назад ее тайно посвятили в мистерии, но не Иш-чель, традиционной спутницы Бога-Ягуара, а Иш-таб, ее сестры-самоубийцы. Все боги церруканского пантеона имели двойников, сестер или братьев, которых простолюдины почитали темными духами подземного мира и зимы. Невежды, не читавшие священных свитков, не могли понять, что дуализм света и мрака поддерживал равновесие жизни и обеспечивал ее процветание.

Святилище Иш-таб, Поящей Кровью, располагалось в камере,

скрытой под полом роскошного храма сестры. Известный только адептам коридор вел в подземное капище Нау-аку — брата-близнеца Ягуара, названного Ночным Ветром. Почитание этих богов, когда-то могучих, постепенно пришло в упадок. Их царственные потомки, отрекшиеся от «сомнительного» родства, слабели и мельчали. Но еще не поздно было все изменить, а Церрукан, по глубокому убеждению принцессы, жаждал перемен, как пустыня — первых весенних дождей.

Анира приложила левую ладонь к груди там, где под упругим полушарием скрывался шрам в форме ущербной луны — знак ее принадлежности культу. Правой рукой она коснулась золотой змеи, широкой лентой охватывающей шею. В полом обруче скрывался ключ к будущему — эбру, написанное ее собственной кровью в момент инициации. Анира еще раз помолилась о том, чтобы ей открылся смысл рисунка, запечатлевшего видение, — тогда, и только тогда она сможет стать жрицей. Она просила богиню и о том, чтобы откровение не заставило себя ждать — ведь вступление в сан будет означать поддержку жречества и верующих, той пусть малой, но фанатично преданной их части, которая спит и видит возвышение древних богов и падение храмовой олигархии во главе с кисло воняющим Каашем. Последняя молитва принцессы была не о теплой зиме, а о жизни раба, что должна ее купить. Ибо, каким бы кощунством ни казалась эта мысль, видение, посланное Анире, вращалось вокруг одного: ее судьба и судьба Аджакти связаны узами, которые может разорвать только смерть.

Ворон, напоминавший огромную взъерошенную кляксу на еще не оттаявшей зелени, взлетел с верхушек пальм у храма, хрипло каркнул и приземлился на дорожку у ног принцессы. Птица покосилась на девушку сначала одним непроницаемо черным глазом, потом другим и снова издала скрежещущий жуткий звук, заставивший обычно бесстрастную Шазию поежиться. Анира улыбнулась — ворон был тотемом Ночного Ветра, забытого брата Ягуара. Наконец-то добрый знак! Решительно развернувшись на каблуках, принцесса направилась к выходу во двор, где виднелся пестрый полог паланкина.

К полудню солнце окончательно изгнало ночной холод даже с теневых трибун Минеры. Зрители, которые с утра мерзли под меховыми плащами и шерстяными пледами, ко второму отделению игр разомлели от жары и в чудовищных объемах поглощали фруктовый лед и разноцветные лимонады. Они могли быть довольны — поединки бестиариев прошли «на ура». Кровь обильно лилась на алтарь зимних богов, как звериная, так и

человеческая. А впереди еще оставалось самое интересное — десять гладиаторских пар и поединок с самым настоящим пустынным троллем, подаренным дому амиров одним из гайенских вордлордов.

Гладиатор по прозвищу Красный Бык казался сотканным из солнечных лучей. Длинные рыжие волосы и борода горели ярче, чем отполированный стальной шлем и алая туника. Бык был иноземцем, и его слишком белую кожу на открытых местах обожгло до морковного цвета.

«Меткое имя, — думал Кай, пока он еще мог думать, пока Ворон не начал решать за него. — Наверное, все те штуковины, что Бык на себя навесил, причиняют боль». Если кожаные наручи-поножи и раздражали воспаленную кожу гладиатора-дакини, то он не подавал виду: в решающий момент их защита могла спасти ему жизнь. От своего права на доспехи Аджакти отказался: он чувствовал себя гораздо увереннее в мягких сапогах, облегающих брюках и безрукавке — легких и не стесняющих движения.

Публика выла, не переставая, с того момента, как Деревянный Меч вышел на арену. В отличие от памятного дебюта зрители выкрикивали не насмешки, а его новое имя, уже покрытое славой. Красный Бык держался так, будто не слышал воплей, и Кай уважал его за это. В любом случае, никто не мог бы сказать, что Аджакти достался слабый противник. Внешность Быка вполне оправдывала имя: голова в рогатом шлеме вырастала, казалось, прямо из широченных плеч. Прямоугольный щит выглядел игрушечным в руках гиганта, несколько сутулившегося, как будто дакини стеснялся собственного роста. Он знал свою силу и был уверен в себе. Как и Аджакти, он ни разу не проигрывал боя. «Что ж, тем лучше для „семерки“, — думал Кай, двигаясь навстречу Быку. — Сегодня ребята хорошо заработают на ставках».

А потом… Знакомая крылатая тень накрыла его. Хриплый птичий крик пронесся над притихшей в ожидании действа Минерой. Аджакти едва сознавал, что этот леденящий вопль вырвался из его собственной глотки. Ноги сами понесли воина вперед. Черная пернатая радость билась внутри, делая его легким, готовым взлететь над песком, которого едва касались подошвы сапог.

Он не стал ждать атаки врага. Движение глаз в прорезях рогатого шлема — и Аджакти взвился в воздух над Быком. Один меч отвел неуспевающий длинный клинок, второй рубанул туда, где начиналась короткая шея. Удар оказался настолько силен, что полированная жестянка со всем содержимым отлетела, кувыркаясь, под ложу амира. Шлем застыл, зарывшись рогами в

песок. Фонтанчики крови выстрелили из рассеченных артерий. Торжествующий рев трибун заставил амфитеатр содрогнуться. «Похоже, я только что облегчил работу служителям Дестис, — мелькнуло в голове у Кая, отиравшего меч о тунику мертвеца. — Вряд ли они станут проверять, не притворяется ли покойником человек без головы».

Впрочем, у жрецов и так хватало работы. Один из них, подбежав к трупу, подставил серебряную чашу под алые струи. Кровь гладиаторов считалась дорогим товаром, нельзя было позволить ей уйти в песок. Церруканцы верили, что она излечивает болезни, увеличивает силу мужских чресел, а женщинам приносит внимание противоположного пола. Больные, импотенты и старые девы платили за небольшую склянку с кровью бешеные деньги. «И они еще называют дикарями гайенов!» — думал Кай, провожая глазами дерлемек,[19] волочащих прочь тело Быка, в котором не было больше ничего красного. Ворон отлетел, оставив горько-соленый привкус во рту, будто сам убийца попробовал на вкус кровь дакини.[20]

А Кая ждал следующий бой. Как и других ветеранов, Скавр выставлял его на двойные поединки: каждую победу гладиатору приходилось подтверждать, сражаясь против «защитника» из школы побежденного соперника. Трубачи заиграли гимн школы Дакини, заставив толпу поумерить эмоции. На арене появился «защитник» Быка, «жнец» по имени Стрела. Молодой, недавний новобранец — вот и все, что знал о нем Кай. Но когда Аджакти встал перед противником, ожидая сигнала к бою, ему показалось, что сбылся худший кошмар: из-под щитка шлема на него смотрели серые глаза Токе.

Кай оцепенел: в одно мгновение он снова очутился на Рыночной площади, где мим разыгрывал перед рабами гайенов маленькое представление. Кто знает, почему в тот день, копируя ухватки и внешность Горца, циркач остановился перед Каем и стал кривляться, будто фехтуя с ним? С тех пор в глубине души северянина жил страх, что однажды украшенная кольцами, волосатая рука толлика,[21] Определяющего Судьбы, вытащит из мешка их жребии один за другим. И пантомима повторится уже в действительности. Как сейчас.

Арбитр дал отмашку к бою. Этот жест будто разбил наваждение. Аджакти снова смог видеть ясно. *Этот* «жнец» был выше Токе и чуть шире в плечах, он двигался иначе, а в серых глазах застыло выражение, которого Кай никогда не видел у Горца: выражение животного, панического ужаса. Запах страха висел в воздухе, заставляя волоски на шее Кая встать дыбом. Эта удушливая вонь, смешанная с обычной вонью арены, обычно

заставляла сердце биться быстрее, предвещая появление Ворона. Но сейчас тот медлил. Медлил и Кай.

Стрела не смотрел в глаза Аджакти. Его расширенные зрачки были устремлены куда-то *над* ними. Кай поднял руку и отер со лба кровь Быка: именно на нее, как зачарованный, уставился «защитник». Этого безобидного жеста оказалось достаточно. Стрела развернулся и побежал под свист и улюлюканье зрителей. Кай стоял, опустив клинки и спокойно ожидая, пока хранители круга кнутами и копьями завернут беглеца. С арены не существовало иного выхода: только победа или Врата Смерти. Щурясь против яркого солнца, Кай прислушался к себе. Ворон был далеко как никогда: неужели он гнушался такой жертвой?

Наконец, всхлипывая от боли, Стрела повернулся к Аджакти. В глазах «жнеца» горело безумие, как у загнанного животного. Подстегиваемый отчаянием, он бросился на противника — единственную преграду на пути к спасению. Кай легко мог остановить его. Просто вытянуть меч — вот так, чтобы он незаметно скользнул под занесенную руку дакини…

Аджакти принял удар нападавшего, многократно усиленный страхом и животной яростью, парировал, перехватил следующий удар, поставил блок. Стрела ничего не замечал, рубя изо всех сил направо и налево, не обращая внимания на струящуюся из мелких порезов кровь. Кай надеялся, что ничего не замечала и воющая в экстазе публика. Он старался изо всех сил, демонстрируя самые зрелищные удары и комбинации. Только каждый раз они проходили на волосок мимо цели, если и задевая противника, то без опасности для его жизни. Кай даже позволил Стреле пару раз коснуться себя: левое плечо кровоточило, штанина на бедре была распорота.

С трибун происходящее на арене наверняка выглядело захватывающе: два полуобнаженных, покрытых кровью гладиатора сражаются не на жизнь, а на смерть, выказывая чудеса воинского мастерства. На самом деле Кай делал все возможное, чтобы дать Стреле время и возможность завоевать симпатию зрителей: быть может, тогда, несмотря на позорное начало, они решат сохранить ему жизнь. Но Кай не мог играть вечно. Когда какофония воплей на трибунах достигла кульминации, одним неуловимым движением он выбил целурит из руки «жнеца», а другим — разнес в щепы его щит. Сила удара опрокинула Стрелу на песок. Аджакти приставил острие меча к его горлу. Теперь судьба побежденного зависела от решения публики и арбитра.

Грудь парня судорожно вздымалась: отчаянный порыв исчерпал его силы. Стрела поднял руку и расстегнул ремешок шлема, обнажая горло, как предписывал кодекс. Щиток,

защищавший нижнюю половину лица, открылся, и Кай впервые смог рассмотреть противника. Серые глаза и бледная кожа — вот и все, что объединяло его с Токе. Вероятно, парень тоже был горцем. Он смотрел прямо на Кая. Страх исчез из его взгляда, сменившись выражением достоинства и… доверия. «Неужели дакини понял мой замысел? Или он просто хочет умереть с честью?»

Аджакти поднял голову. Похоже, мнения публики разделились. Галерка, где сидели зрители победнее и женщины, поднимала пальцы, нижние ряды опускали, требуя смерти злосчастного «жнеца». Обычно последнее слово оставалось за арбитром. Но сегодня в Минере присутствовал наследный принц, и почетное право решать судьбу побежденного предоставлялось ему. Кай перевел взгляд на царскую ложу. Анира, сегодня сопровождавшая брата, откровенно пожирала победителя глазами. Омеркан казался раздраженным: морщинка залегла между красивых бровей, он нетерпеливо поигрывал вплетенными в смоляную бороду жемчужными нитями. Поймав взгляд Аджакти, принц улыбнулся и слегка повел головой из стороны в сторону. Омеркан разговаривал со стоявшим за спиной вельможей, но по какой-то необъяснимой причине Кай был уверен, что этот жест предназначался именно ему.

А потом наследник амира поднялся так, чтобы его видели все, и опустил палец. Толпа взорвалась торжествующими воплями, арбитр повернулся к гладиаторам и повторил жест принца. У Кая не оставалось выбора. Впервые он должен был лишить своего противника жизни вот так, по приказу, после формальной победы. Во всех предшествующих поединках он убивал врага в бою, как Быка. Наверное, эта его слава и зрелище быстрой расправы с товарищем обратили Стрелу в бегство. Теперь жнец смотрел на него снизу вверх серыми глазами Токе, и Каю казалось, что меч весит в десять раз больше положенного — так нелегко было его поднять. Кодекс запрещал гладиаторам разговаривать на арене, но Кай сказал про себя, удерживая взгляд мальчишки-горца: «Прости меня, если можешь. И ничего не бойся. Тебе больше не будет больно». Вороненый клинок опустился, пронзая ямку в основании белого горла. Стрела умер мгновенно.

Анира смотрела на победителя, преклонившего колено перед ложей амира, и сердце наполнялось ужасом, смешанным с восторгом. С того дня на Больших Играх, когда она впервые увидела его, покорившего пресыщенную зрелищами Минеру, Аджакти поселился в ее сердце. Он стал наваждением, навязчивой идеей, сладострастным кошмаром ее снов. Куда бы ни

обращался взгляд, всюду Анире мерещилась гибкая мальчишеская фигура, белоснежные волосы, черные матовые, как агат, глаза. Все что ей хотелось слышать — звук его голоса, еще незнакомый, но уже воображаемый ею, глубокий, чуть хриплый. Все что хотелось чувствовать — вкус его рта на губах, твердость его плоти под пальцами. Наверное, так сходят с ума!

Сила этого желания пугала Аниру. Никого и никогда еще она не хотела *так.* Она боролась с собой, пытаясь найти забвение в объятиях рук, похожих на *его* руки, в поцелуях губ, похожих на *его* губы. Но все было не то! Недостойно ее! Все равно, что довольствоваться дешевой подделкой вместо подлинного бриллианта. А потом в подземелье под храмом Иш-чель чиланы[22] влили в ее губы горькую черную влагу и вложили в руки жертвенный нож. Она не помнила, держали ли ее или она сама парила в воздухе над круглым бассейном, на поверхности которого кровь рисовала будущее.

Аджакти был частью этой картины. Линии вероятностей расходились от него, как меридианы от полюса на картах, указывавших путь караванщикам. Она не могла ошибиться. Суженый с глазами, полными тьмы, и взглядом, останавливавшим время. Вечный в изменчивых воплощениях. Ночной ветер. В узоре на воде оказалась и она сама, а еще — собачья голова, павшая корона, пламя и меч, поражающий ее брата, — меч, который держала рука гладиатора.

И вот Аджакти стоит так близко к ней, такой же, как в видении, — с гордым разворотом плеч и дерзко вскинутой головой. Алые цветы венка сливаются с кровью побежденного, запятнавшей снежную белизну волос. Взгляд, острый, словно лезвие, и чуть исподлобья, как у готового к нападению хищника. Расслабленные, длинные мускулы, в одно мгновение способные собраться в убийственном движении, одновременно мягком, как ласка.

«О, в этом безродном обесчещенном больше духа Ягуара, чем в потомках самых древних семей Церрукана! Как смеют кислые, словно в уксусе вымоченные, мужчины и женщины, до желтизны белящие смуглую от природы кожу и покрывающие лица краской, называть его уродом и полутроллем? Конечно, лицо Аджакти очень необычно, но его странность не возбуждает у меня отвращения или жалости. Ночные озера его глаз скорее завораживают, призывают окунуться в их прохладную глубину. Аджакти…»

Анира поймала себя на том, что едва не произнесла имя вслух. Она вздрогнула и только тут осознала присутствие Хранителя Круга, склонившегося перед ней в глубоком поклоне и

державшего в вытянутых руках золотой динос, наполненный темной, просвечивающей на солнце пурпуром влагой. Его содержимое предназначалось отцу, в состоянии которого все средства были хороши, особенно такие сильные, как жертвенная кровь, пролитая на песок арены. Благодаря победе Аджакти жизнь амира будет продлена на дни, возможно, даже месяцы.

Принцесса кивнула, и Кааш зашептал над сосудом, благословляя. Молодой одетый в черное чилан, словно соткавшийся из теней в ложе, тут же принял динос из рук верховного жреца и заторопился к выходу — драгоценную ношу необходимо немедленно доставить во дворец. Щелкнув пальцами, Анира велела Шазие сопровождать его. Телохранительница неодобрительно качнула головой — не хотела оставлять госпожу без защиты. Но принцесса нахмурила тонкие брови, и чернокожая воительница, поклонившись, исчезла вслед за чиланом. Аните придется довольствоваться Шадой — неотличимой от Шазии, как сестра-близнец, из-за своей черной кожи и присущих мтехам грубых черт лица.

Ничего, жизнь отца сейчас была самым главным. Борясь за нее, она сражалась за свою собственную и в этой битве не могла полагаться ни на кого, а меньше всего — на пронырливых слуг Кааша, этой змеи, заползшей в шкуру Ягуара.

— Боишься, что выкормыш верховного плюнет в лекарство, дорогуша? — Голос брата, неожиданно раздавшийся над ухом, заставил Аниру вздрогнуть. Она встретила насмешливый взгляд Омеркана и рискнула сказать то, что думала:

— Скорее, оно будет отравлено.

Мгновенно помертвевшие глаза принца выдали, что он действительно взвешивал такую возможность. Аните показалось, что выложенный мрамором пол ложи ускользает у нее из-под ног:

— Ты же знаешь, — улыбка больно растянула стянутые судорогой страха губы, — как полны яда слова святош. Что же говорить обо всем прочем, сочащемся с их раздвоенных языков?

Омеркан присоединился к смеху принцессы, но в его темных, увеличенных краской глазах по-прежнему была смерть.

— Моя дорогая сестра предпочитает, верно, сильные языки рабов? Вроде того героя, что обезглавил Быка?

Анира поняла, что шпионы брата донесли о ее посещении Танцующей школы, но этому визиту легко найти невинное объяснение — многие ходили посмотреть на упражнения бойцов перед тем, как сделать последние ставки. Она обиженно надула губы:

— Полутролль разочаровал меня. Я видела, как Фламма сровнял его с песком на тренировке. Я поставила на Быка и

потеряла пятьдесят цирконiев! К тому же, — добавила Анира, смиренно складывая руки на коленях, — ты ведь знаешь, я провожу все ночи у постели отца. Беспокойство за его здоровье отняло у меня желание. Мое лоно так давно не знало мужчины, что стало узко, как у девственницы.

Тонкое породистое лицо Омеркана скривилось в усмешке, обнажившей острые зубы:

— Вот как? А Джамал утверждал, что там гулял сквозняк, даже когда он насаживал тебя по самые яйца.

Анира почувствовала, как кровь отхлынула от щек и собралась в сердце, готовом, казалось, вот-вот лопнуть. Она начинала понимать, почему долгожданный гонец так и не явился. Неужели влюбленный и преданный, как собака, комит[23] мог предать ее? Удовлетворенный реакцией сестры, принц вальяжно откинулся в кресле и махнул рукой на арену:

— Обрати внимание на следующий бой, сестра. Помнишь, в программе был заявлен пустынный тролль? Свирепая тварюга, доложу тебе. Видела бы ты толщину цепей, в которых его держали.

Громовой рык, донесшийся из-под трибун, заставил принцессу вздрогнуть.

— Так вот, я посчитал, что слава победы над чудовищем не достойна простого раба.

— Кого же… она достойна? — помертвевшими губами выговорила Анира.

Взвыли трубы глашатаев, завопили, как одержимые, зрители, по лицу принца расползлась плотоядная улыбка.

— Доблестный комит Джамал, — ответил за Омеркана надрывавшийся в рог глашатай, — командир церруканских всадников, ведущий свой род от легендарного Мустлабада, выйдет сегодня на арену, бросив вызов монстру, наводящему…

Не в силах оторвать взгляда от ладной, до боли знакомой фигуры воина, облаченного в богатые доспехи, Анира произнесла, стараясь, чтобы в голосе не прозвучало ничего, кроме вежливого удивления:

— Джамал?! Но ведь в программе значилось, что против тролля будет сражаться Фламма!

— А он и будет, — кивнул Омеркан, жмурясь, как сытый кот. — После того, как моя зверушка выпустит кишки твоему ручному комиту.

Громоподобный рык сотряс горячий воздух над ареной. Женщины завизжали, кто-то притворно упал в обморок, сотни мужских глоток отозвались эхом восторженных воплей. Пустынный тролль, мабук, вырвался в амфитеатр прежде, чем

решетка зверинца полностью открылась. Глубокие, рваные борозды остались в песке там, где ударили мощные лапы, бросая огромное чешуйчатое тело вперед. Анира задохнулась от вида чистой животной ярости, горевшей в желтых глазах под кожистыми веками, — ярости, направленной на казавшуюся хрупкой по сравнению с монстром человеческую фигурку, закованную в блестящую сталь.

— Это ты послал Джамала на смерть, — Анира не спрашивала, а обвиняла. Маски сброшены, незачем больше играть. Так или иначе, с гибелью комита все будет потеряно. Молодой воин вскинул украшенный рубинами меч, вызвав бурю экстатических воплей с трибун. Командир всадников пользовался популярностью как у армейских, так и в народе. Даже сейчас, перед лицом смертельной опасности, он не проявлял признаков страха. Кто же предал их? Гонец?

— Джамал сам сделал выбор, — холодно отозвался брат. — Он предпочел сражение на арене топору палача.

Мабук взревел, поднимаясь на задние лапы и нависая над человеком горой покрытых голубоватой чешуей мускулов. Когти по длине почти равнялись клинку Джамала, на каждой конечности их было четыре. Спина ощетинилась острыми шипами, усаженный ими хвост бешено рыл песок по сторонам чудовища.

— Ты собрался казнить комита только за то, что он отымел твою сестру? — попыталась прощупать почву Анира. В отличие от Джамала она не была в смертельной опасности, но если предатель не будет разоблачен, ей недолго оставаться в живых. А воин в золоченых доспехах, похоже, пока тоже не собирался умирать. Двигаясь легко и быстро, несмотря на тяжесть брони, комит атаковал мабука.

— Тогда мне бы пришлось обезглавить половину моей армии, — усмехнулся Омеркан, следя жадным взглядом за событиями на арене. — Нет, милочка, если бы этот герой-любовник просто тешился мыслью, что сношает невесту будущего амира, я бы пощадил его. Ведь мы оба знаем, что ты никогда не станешь моей женой, не так ли?

Принц взглянул на собеседницу, и его зрачки показались Анире свернувшимися в кольца гадюками. Они были неестественно расширены, тонкие губы чрезмерно алы — видно, брат с утра успел нажеваться корня гевена. Рев мабука сотряс стены Минеры и слился с воплями толпы в невообразимую какофонию, заставившую принцессу взглянуть на арену. Джамал распростерся на песке в десятке метров от тролля, очевидно, отброшенный мощным ударом шипастого хвоста. Рука все еще

сжимала меч, воин подавал признаки жизни, пытаясь приподняться и тряся головой. Длинный раздвоенный язык мабука зализывал резаную рану на бедре, останавливая зеленоватую кровь. Чудовище явно не торопилось расправиться с обидчиком. Возможно, оно просто растягивало удовольствие?

— Ты знаешь, что слюна мабука способна разъесть любые доспехи? — Омеркан произнес это таким тоном, будто читал лекцию по естествознанию в одном из церруканских ликеев. — Надеюсь, монстр вскроет грудь предателя и вырвет отравленное изменой сердце! Признаться, вначале я хотел сделать это сам, чтобы потом велеть моему повару приготовить его в сливочном соусе и подать тебе на ужин. Какая ирония, шлюха вонзает зубы в сердце собственного любовника; змея, мечтавшая заползти на мой — МОЙ! — трон, кончает в котле на кухне амира.

Анира с трудом заставляла себя слушать тягучую речь: все ее внимание было приковано к происходящему внизу, на песке Минеры. Джамал тяжело поднялся на ноги. Его доспехи погнулись в нескольких местах, движения потеряли точность и быстроту. Мабук же был по-прежнему свеж. Одним мощным прыжком он очутился перед воином и занес когтистую лапу над его головой.

— У тебя нет доказательств измены, ведь так? — Усилием воли принцесса заставила себя отвлечься от кровавого зрелища и мыслить логически. — По крайней мере доказательства, способного выдержать суд отца: ведь это он возвысил Джамала, сделал его тем, что он есть. Возможно, тебе удалось заставить комита поверить в безнадежность сопротивления, он никогда не блистал особым умом, но я — не идиотка!

Трибуны снова взревели, женский визг резал уши, вызывал подступающую к горлу тошноту. Когти мабука вскрыли панцирь на груди Джамала, как простую жестянку. Сила удара опрокинула воина на спину. Великолепный, но бесполезный клинок отлетел в сторону, рубины сверкнули, поймав солнце. Пустынный тролль склонился над поверженным, накрыв его длинным чешуйчатым телом. Мощные челюсти ящера сомкнулись вокруг золоченого шлема в виде львиной головы, зубы заскрежетали по стали. Мабук тряхнул шеей, и зрители Минеры увидели второе обезглавливание за день.

Омеркан довольно потер бледные мягкие руки:

— Ну вот, подожди ты немного — и мы бы смогли напоить отца кровью его собственного любимчика!

Желудок Аниры болезненно сжался, во рту почувствовался кислый вкус желчи. Она резко встала, оттолкнув полуобнаженную рабыню с опахалом, и метнулась в сторону выхода. Рука брата,

вцепившаяся в край шелкового подола, удержала ее:

— Куда же ты, дорогуша? Пропустишь самое интересное — выход Фламмы! — Омеркан смеялся. Не отвечая, она рванула платье так, что тонкая ткань треснула. Оставив между пальцев принца изумрудно-зеленый обрывок, Анира устремилась вон из ложи. Сзади донесся торжествующий хохот брата и шаги Шады, следовавшей за нею, как тень. Странная пустота распирала грудь изнутри, будто Анира набрала слишком много воздуху, собравшись кричать, а теперь вынуждена была сдержать вопль. Даже со жрецами и поклонниками Иш-таб за спиной без поддержки армии она будет беспомощна, как котенок. Ее главную надежду волокли крючьями к Вратам Смерти служители Дестис. Когда отец умрет, умрет и она.

Золотой обруч, раскалившийся на солнце, сдвинулся от быстрых шагов принцессы и ожег шею. Картины, увиденные во время инициации в храме богини, снова промелькнули перед внутренним взором. Меч раба, пронзающий грудь ее брата. Меч Аджакти. Невозможно, немыслимо. Но Поящая Кровью не могла солгать. Она показала посвящаемой вероятное будущее. От самой Аниры зависело, наступит ли оно.

Кай не чувствовал ничего, кроме усталости и пустоты, когда вернулся под трибуны в венке победителя. Даже замечание Альдоны о том, что за боем наблюдал Фламма, оставило гладиатора равнодушным. Он молча принял услуги лекаря, очистившего и перевязавшего порезы от клинка Стрелы. В помещении, отведенном ветеранам Танцующей школы, товарищи по обычаю поздравили Аджакти с победой, но он только вежливо кивал в ответ, избегая разговоров и стараясь побыстрее забраться в дальний угол. Обычно тихое место оказалось, однако, уже занятым Токе и Тигровой Лилией. А ведь им полагалось толпиться у зарешеченных окошек вместе с остальными — рев пустынного тролля холодил кровь в жилах, а вторящие ему вопли публики ясно говорили о том, что поединок выходил зрелищным.

Но ни Горец, ни девушка не выказывали интереса к тому, как справится Фламма, и Каю пришлось пристроиться на скамью рядом с ними. Он уже напрягся, приготовившись принять очередную порцию тычков и хлопков по спине — так обычно выражал свою радость от побед друга Токе, — но тот только странно глянул на вновь прибывшего и отодвинулся в сторону.

Кай сбросил свой венок на пол и осторожно положил руку на плечо Горца:

— Эй, ты в порядке?

Токе тоже удачно завершил свой поединок, но противник

успел приложить его по ребрам тяжелым щитом, так что парень сидел на скамье скрючившись, придерживая больной бок.

— Я-то в порядке, — буркнул он в ответ.

— И что это должно означать? — Кай непонимающе перевел взгляд на Лилию, потом обратно, на Горца. Он слишком устал, чтобы удивляться.

— Гордишься своей блестящей победой, да? — с вызовом бросил Токе, закусывая губу.

— Было бы лучше, если бы я позволил дакини прикончить себя.

— Я этого не говорил, — товарищ понизил голос, но серые глаза яростно сверкали. — Только ведь тебе мало было слопать парня. Захотелось еще поиграть с ним, как кошка с мышкой! Ты кого угодно можешь обмануть, только не меня!

Не дожидаясь ответа, Токе поднялся с места, поморщившись от боли, и пересел в противоположный угол. Тигровая Лилия, бросив на Кая неодобрительный взгляд, молча последовала за Горцем. Кая не удивило, что друг, который знал его лучше всех, разгадал затеянную игру. Больно задело то, как Горец истолковал его действия. «Чудно! — устало подумал Кай. — Теперь Токе и Лилия будут считать меня утонченным садистом!» Аджакти мог бы попробовать переубедить друзей, но как бы тогда он объяснил, почему решил попытаться спасти жизнь незнакомому пареньку, к тому же так позорно сыгравшему труса? Как бы он рассказал Токе, что невинное представление мима не только не забылось, но и заронило в нем семя страха, растущее день ото дня? И Кай промолчал.

Глава 4
Снежный король

На следующий день сразу после ужина Скавр призвал Аджакти к себе. Когда Кай, постучавшись, переступил порог конторы, мясник стоял к нему спиной. Тяжелые портьеры были в кои-то веки раздвинуты: владелец Танцующей школы глядел на зажигавшиеся над плацем звезды. В камине весело трещал огонь, свет лампы на столе разгонял темноту. Не оборачиваясь, Скавр мягко спросил:

— Как твои раны?

— Просто царапины. Не стоит беспокойства, сейджин.[24] Ты позвал меня не для того, чтобы справиться о здоровье.

— Вот как? — развернулся к гладиатору Скавр. В глазах его было любопытство, смешанное с удивлением. — Тогда зачем же?

— Чтобы вознаградить? — предположил Кай, вспомнив последний разговор с мясником в этой самой комнате.

Скавр хлопнул себя по массивным ляжкам и трубно расхохотался:

— Ты далеко пойдешь, мой мальчик!

Все еще посмеиваясь, он подошел к столу и уселся, ткнув пальцем в сторону стоящего напротив стула:

— Садись. Угощайся.

Несколько озадаченный такой вспышкой веселья, Кай осторожно уселся, но отказался от предложенных мясником соленых фисташек. Скавр кинул горсть орешков в рот, запив глотком вина:

— Твой последний бой. Признаться, ты меня удивил.

Аджакти насторожился: он пока не мог понять, куда клонит собеседник.

— Нет сомнения, ты отличный воин. Возможно, один из лучших в Церрукане. Но чтобы стать звездой арены, фаворитом, надо быть больше, чем просто отличным воином. Надо иметь свойство, которое я не ожидал обнаружить в тебе и которое ты проявил вчера, в бою с этим «жнецом». Ты знаешь, что это?

Кай хотел было сказать «милосердие», но, сообразив, что вряд ли это слово входит в лексикон мясника, отрицательно покачал головой.

— Дорогой мой, это талант управлять толпой, талант артиста! — Скавр улыбнулся, оскалив крепкие зубы, и у Кая стало гадко на душе. Он понял, что мясник тоже разгадал его игру, но, как и Токе, ложно истолковал ее. А Скавр тем временем

продолжал: — Боец, который убивает своего противника быстро и решительно, нравится зрителю. Но когда он делает это раз за разом, публика теряет интерес: исход боя становится предсказуемым, ставки падают. Гладиатор становится фаворитом, когда каждый его бой — это зрелище, драма, исход которой трудно предугадать; когда зритель соучаствует в поединке, потому что он получает право решать, кому жить, а кому — умирать. Ты никогда не думал, Аджакти, почему гладиаторские бои так популярны в Церрукане? Нет? Оставь религиозную лабуду жрецам, и ты увидишь, ответ прост: где еще церруканец, будь он ремесленник, купец или аристократ, получит право распоряжаться жизнью и смертью себе подобных? Мой мальчик, вчера ты провел идеальный бой! Ты заставил лохов на трибунах поверить, что «темная лошадка» может победить, а потом дал им возможность прикончить ее. У тебя есть талант, Аджакти, давай же выпьем за это!

Скавр плеснул вина во второй кубок и подтолкнул его к Каю. Тому ничего не оставалось, как выпить с мясником, и никогда у вина еще не было такого мерзкого вкуса.

— Да, о чем бишь я… — Скавр посмаковал напиток на языке, прежде чем проглотить. — Вознаграждение, — мясник причмокнул, разглядывая Кая в упор прищуренными глазами. — Аджакти, тебе выпала большая честь. Честь, о которой мечтает каждый мужчина Церрукана. Одна весьма высокопоставленная особа желает видеть тебя сегодня вечером. Наедине. Провожатый будет ждать у ворот школы ровно через… — Скавр бросил взгляд на стоящую в углу клепсидру:[25] — Пять минут.

Заявление Скавра застало Кая врасплох. Стараясь скрыть растерянность, он отпил еще один глоток.

— Что, это не та награда, на которую ты рассчитывал? — усмехнулся Скавр. — Не волнуйся, ты не пожалеешь.

— Могу я отказаться от приглашения? — осторожно спросил Кай.

— Отказаться? — В голосе Скавра прозвучал холодок. — Запомни, мальчик, от таких приглашений не отказываются. Через четыре минуты ты будешь стоять у ворот школы. Ты последуешь за человеком, который тебя встретит, а когда прибудешь на место, сделаешь все, что от тебя потребуется. Причем наилучшим образом. Это ясно?

— Ясно, сейджин, — глухо ответил Кай.

— В конце концов, ты всего лишь раб, — Скавр откинулся на спинку кресла, без улыбки глядя на собеседника. — Чем крепче ты это запомнишь, тем лучше для тебя.

— Спасибо за совет, — Кай поднялся и направился к двери.

— Как бы ты ни развлекался, будь в школе на утренней поверке, — донесся ему вслед голос мясника. — Иначе тебя объявят беглым.

Когда Кай подошел к воротам школы, стоявшие на страже воины без вопросов пропустили его: очевидно, их предупредили. Снаружи уже ожидал провожатый: высокая фигура в невзрачном плаще до пят. У левого бедра плащ топорщился: человек был вооружен. Несмотря на низко надвинутый капюшон, Каю почудилось в его фигуре что-то знакомое. При виде Аджакти тип развернулся и, ни слова не говоря, быстро зашагал вверх по темной улице. Он не имел при себе ни факела, ни фонаря, так что Каю пришлось наддать, чтобы не потерять провожатого из виду. Они молча неслись по пустынным улицам, забираясь все дальше и дальше в верхний город. Гладиатор радовался быстрой ходьбе: ночь выдалась холодная, и шерстяной, но изрядно поношенный плащ плохо грел. «Надо будет сказать Скавру, что мне нужно что-нибудь потеплее», — подумал он.

Несмотря на ночной холод, отрадно было размять ноги, меряя шагами улицы, которые раньше Кай видел только с крыши казарм. Безлюдье и тишина спящего города тоже были ему по душе: в битком набитой школе Аджакти не хватало уединения, к которому он привык за годы, проведенные в Замке. Холодные пальцы дернули путника за плащ, прошлись по спине: вслед за провожатым Кай вышел на перекресток, и залетевший из пустыни ветер закружился, играя, вокруг них. Дыхание белыми облачками вырывалось из-под капюшона скользящей впереди фигуры — единственный признак того, что молчаливый воин был человеком из плоти и крови. Они шли теперь по кварталу Шаков: от каналов поднимался туман, запуская молочные щупальца далеко вдоль освещенных редкими фонарями улиц.

«Что за высокопоставленная особа, причем „весьма“, могла пожелать общества раба в столь поздний час?» — гадал Кай. Обычно гладиаторов вызывали в город по двум причинам: церруканские толстосумы развлекались, устраивая частные бои, а знатные дамы время от времени любили пощекотать себе нервы, покупая ночь с молодыми мускулистыми бойцами. Кое-что в речи Скавра подсказывало, что мяснику заплатила за него именно женщина.

«Но кто бы мог на меня польститься? Обычно при виде моего лица женщины отводят глаза, а потом разглядывают исподтишка, перешептываясь и посмеиваясь. Будь я даже фаворитом, равным по популярности Фламме, это ничего не изменило бы. У кого хватит смелости дотронуться до полутролля?» Он вспомнил

тяжелый, горячий, как расплавленное золото, взгляд янтарных глаз над белоснежностью покрывала; тревожащий обоняние душный аромат тела под струящимися шелками. «Принцесса Анира, дочь властителя Церрукана, несравненная красавица… Нет, невозможно!»

Громада висячих садов, подсвеченная цветными огнями, возникла над темными крышами, с каждым шагом вырастая в размерах. «Неужели я прав, и мы направляемся туда, к дворцу амира?» Но молчаливый провожатый внезапно свернул влево, в темный переулок. Теснившиеся над головами путников крыши заслонили пять ярусов зелени, света, цветов и водяных цистерн, и Аджакти испытал облегчение, почему-то смешанное с разочарованием.

Стремительное путешествие через верхний город неожиданно закончилось у смутно белеющей в темноте стены с ночным провалом калитки. Провожатый повернул ключ в массивном замке и, пропустив Аджакти вперед, запер за ним. Они пошли через огромный сад, темный и запущенный, наполненный благоуханием поздних цветов, запахами осенней листвы и прели. Путь был, очевидно, хорошо знаком посланцу. Он легко вел гладиатора по глухим тропкам, освещенным лишь светом звезд и убывающей луны. Свет этот делался тем слабее, чем гуще становились заросли. Ветви деревьев сплетались над головами путников, порой хватая их за одежду; корни капканами вспучивались из утоптанной почвы дорожки, заставляя Кая спотыкаться. Ему уже начало казаться, что таинственный провожатый завел в чудом выросший посреди города лес, причем с единственной целью — перерезать ему горло в самой густой чаще.

Но тут впереди забрезжил рассеянный туманом зеленоватый свет. Заросли внезапно расступились, и гладиатор оказался на небольшой ухоженной поляне, в центре которой стоял мраморный павильон, украшенный портиком с резными фигурами. В одном из окон павильона дрожал огонек. Таинственное свечение, которое Аджакти заметил из глубины сада, создавали фонарики, упрятанные в гуще вечнозеленых растений у входа. Молчаливый воин уверенно направился к зданию, из чего Кай заключил, что если ему и собираются резать горло, то произойдет это, скорее всего, внутри.

Аджакти проследовал за провожатым через анфиладу темных залов, пересекая раскинувшиеся по мозаичному полу квадраты лунного света. Воин остановился у массивной двери, дотронулся до чего-то, невидимого во мраке, и створка отъехала в сторону. Низко надвинутый капюшон кивнул, приглашая гладиатора

войти, но сам незнакомец не двинулся с места. Кай сделал глубокий вдох и шагнул в мерцающий красноватым светом проем.

Услышав звук скользнувшей на место двери, он обернулся. Сердце кольнул холодок: под раструбом капюшона в сужающейся щели не было ничего, кроме тьмы. Но разум тут же нашел увиденному объяснение, далекое от мистического. Чернокожий! Как много знатных церруканцев имели телохранителей-мтех? Кай знал только одного, точнее, одну.

Гладиатор осмотрелся. О размерах помещения, в котором он очутился, судить было трудно — очертания комнаты, освещенной только пламенем большого камина, терялись в темноте. Внутри было жарко натоплено, и Кай терялся в догадках, как тут могло держаться тепло — одна наружная стена отсутствовала. Со своего места он видел сад, короткую траву со стелющимися по ней вуалями тумана, торчащие из него, как острова, цветочные клумбы и проблеск черной воды в разрыве белого полотна.

Кай чувствовал, что за ним наблюдают из темноты. И, хотя наблюдатель был невидим, тонкое, почти звериное чутье Аджакти кричало, что это — женщина. Волны исходившего от нее чувственного аромата — смеси дорогих масел и естественного запаха разгоряченного тела — наполняли комнату и обволакивали, как жар от камина, как тьма. Хозяйка павильона скрывалась там, где из играющих теней выступало, подобно кораблю гайенов, высокое ложе с тяжелым пологом.

Кай не смотрел в ту сторону — старался не показать, что догадался о чужом присутствии. Его заинтересовало, почему белесые щупальца тумана, ползущие по траве, останавливались у порога комнаты, словно натолкнувшись на невидимую преграду. Аджакти шагнул вперед, чтобы рассмотреть чудо поближе. Он ступил в оранжевый круг света от камина и вздрогнул: из темного сада навстречу ему шагнула закутанная в плащ фигура с султаном белоснежных волос на макушке. Прошло несколько мгновений, прежде чем Кай сообразил, что смотрит на собственного двойника. «Выходит, это зеркальная стена, как в Зале Предков в Мастеровом замке. Но как зеркало одновременно может быть прозрачным?» Он сделал еще несколько шагов вперед, вытянул руку и коснулся кончиками пальцев невидимой, но холодной и твердой на ощупь преграды.

— Это стекло, — прозвучал за его спиной вкрадчивый бархатный голос. Кай обернулся. Самка ягуара покинула укрытие. — Последнее изобретение церруканских ремесленников. Будь осторожен — оно хрупкое и очень дорогое.

Женщина приблизилась, выйдя на свет. Танцующее в камине

пламя просвечивало сквозь полупрозрачное платье, лаская изгибы изящного тела. Янтарные искры вспыхивали в потемневших глазах, черные волосы рассыпались по плечам. В этот момент Анира была неотразима.

— Ты знаешь, кто я?

— Принцесса Анира. Я должен упасть ниц или достаточно просто встать на колени? — Вопрос прозвучал как вызов, хотя голос Аджакти оставался бесстрастным.

— Нет, это еще успеется. Стой, как стоишь.

Анира не могла налюбоваться своим новым приобретением. В полумраке фантастические глаза Аджакти казались еще больше, в пол-лица, черты которого застыли совершенной золотой маской. В лунном свете, беспрепятственно проникающем сквозь стеклянную дверь, волосы гладиатора напоминали каскад литого серебра, и больше всего сейчас принцессе хотелось разметать их по широким плечам и запустить пальцы в мягкие пряди. Она с трудом овладела собой.

— Тебе сказали, зачем ты здесь?

— Чтобы повиноваться. Во всем.

Голос Аджакти, низкие вибрации которого заставили что-то горячо сжиматься у Аниры внизу живота, был холоден и ровен. Неужели он ничего не чувствует, глядя на нее? Или, может быть, гладиатор, как ее брат, отдает предпочтение мальчикам? Но как же тогда та рыжая шлюшка, о которой она слышала в казармах?

— Во всем? — Качнув бедрами, Анира скользнула ближе. Теперь, если бы хотела, она могла бы дотронуться до юноши. — А что, если я прикажу тебе… — Принцесса нарочито выдержала паузу и выдохнула в бесстрастное лицо: — Убить?

— Кого надо убить?

Она не ожидала такого рвения и рассмеялась, стараясь скрыть, что ее застали врасплох:

— Ш-ш, не спеши так. Сначала разденься.

После мгновенного колебания Аджакти потянул шнур у горла и отбросил плащ в сторону. За ним последовала длиннополая куртка, безрукавка, высокие сапоги на шнуровке и, наконец, к удовольствию сгоравшей от нетерпения Аниры, — узкие штаны. Как хороший мальчик, гладиатор сложил одежду аккуратной стопкой у ног и выпрямился, не стараясь прикрыть наготу. Сердце принцессы пропустило удар. Аджакти казался таким юным, таким трогательно беззащитным, и в то же время — безмерно далеким, замкнутым в красоте своего безупречного тела. На миг ей почудилось, что перед нею стоит не человек из плоти и крови, а бронзовая статуя близнеца Бога-Ягуара — Ночного Ветра.

И все же было обстоятельство, отличавшее Аджакти от священной реликвии. И это обстоятельство, теперь ничем не прикрытое, ясно заявляло как о принадлежности его обладателя к миру живых, так и о его интересе к прелестям Аниры. Воодушевленная зрелищем, принцесса искала слова, способные разбить спокойствие золотой маски:

— Я вижу, ты не только убивать готов!

Аджакти не ответил, но в лице гладиатора что-то дрогнуло. Девушка откровенно разглядывала его с головы до пят, надеясь смутить и развить достигнутый успех. Даже в зыбком оранжевом свете камина она видела, что его смуглая кожа была идеально гладкой — без изъяна и без следа растительности. Принцесса знала, что новая мода удалять лишние волосы дошла и до гладиаторских казарм. Но что-то заставляло ее думать, что Аджакти не требовалась дорогая паста из почек вербовника.

Она любовалась совершенными пропорциями выставленного напоказ тела — еще не до конца развившегося, мальчишеского, с длинными мышцами, рельеф которых бесстыдно ласкали запущенные пламенем тени. Стараясь не выдать восхищения, Анира критически приподняла бровь:

— Сколько тебе лет?

— Не знаю, — статуя шевельнулась, едва заметно пожав плечами. — У меня не было родителей, чтобы считать.

— О, сирота. Как трогательно, — Анира наигранно прижала пальцы к губам, подняв брови домиком. Она сделала последний шаг вперед, сократив разделявшее их расстояние до локтя. Приблизив ладонь к груди Аджакти так, что кончики пальцев почти касались кожи, она принялась следовать линиям его тела: в воздухе, но все же настолько близко от так желанной плоти, что подушечки покалывало от ощущения чужого тепла. Опустив глаза, принцесса довольно улыбнулась. Возбуждение Аджакти заметно нарастало, тело послушно реагировало на изысканную ласку.

— Ты был раньше с женщиной? — промурлыкала Анира, опуская ладонь ниже, к плоскому, твердому животу.

— Нет.

Ей показалось или в его голосе послышалась хрипотца? Анира снова вспомнила рыжеволосую гладиатрикс — аккуратная попка, но, на ее вкус, чересчур маленькая грудь. Нет, мальчишка не мог лгать. Можно было бы ожидать, что он попытается преувеличить число любовных побед, но вот так прямо признаться в своей неопытности? За этим могло скрываться или трогательное простодушие, или тонкий расчет, на который простой раб вряд ли был способен. Впрочем, оставался еще один

вариант.

— А с мужчиной? — Теперь Анира позволила руке скользнуть вдоль узкого бедра и дальше, к окружности ягодиц.

— Нет, — ответ прозвучал по-прежнему ровно, но за этой бесстрастностью чувствовался хорошо скрытый гнев.

— Неужели мне достался девственник? — усмехнулась принцесса и внезапно обхватила его напряженную мужественность, слегка сжав пальцы. Движение оказалось полной неожиданностью для гладиатора. Он вздрогнул, золотая маска, наконец, треснула. Дыхание сбилось, грудь заходила вверх-вниз, так что близко стоящей Анире казалось, она слышит бешеное биение его сердца. Деревянный Меч, в полном смысле слова, был у нее в руках. И все же он еще боролся.

Возвышавшийся над принцессой гладиатор смотрел в темноту куда-то над ее головой. Его лицо оставалось неподвижным, только плотно сжатые челюсти выдавали напряжение. Она отпустила горячую плоть так же внезапно, как овладела ею. Отступив на шаг, Анира медленно обошла вокруг своей жертвы, откровенно разглядывая напряженную, как натянутая струна, тонкую фигуру. Она видела, что Аджакти на краю, но все еще держится, выровняв дыхание и снова закрывшись в неподвижности. Удивительно, как этот мальчишка сохранял самообладание там, где зрелые мужчины, вроде Джамала, давно уже валялись бы у ее ног, умоляя о ласке. Но долго это не продлится. В конце концов он сдастся, как и все те, что были до него. Она разрушит защиту Аджакти. Сколько бы стен он ни возводил, они падут, одна за другой. И в этом было ее наслаждение, в этом была прелесть охоты и радость победы, радость всецелого обладания.

Завершив круг, Анира снова остановилась напротив гладиатора, так близко, что ее высокая грудь почти касалась его.

— Тебе говорили, что ты красив? — Это даже не было ложью, но вопрос оказался для Аджакти такой же неожиданностью, как ее шаловливые пальцы.

— Нет, — замешательство почти не отразилось в его голосе — почти.

— О, ты красив! Ты — совершенство, поверь мне, — принцесса усмехнулась, глядя прямо в бездонные черные глаза, все еще игнорировавшие ее. — Я собираю все красивое, и у меня безошибочный вкус. Именно поэтому ты здесь.

— И поэтому здесь так темно?

Анира довольно рассмеялась. Подумать только, мальчишка еще и огрызается! Она приблизила лицо к его застывшим чертам, насколько позволяла разница в росте. Ее отражение заполнило

огромные зеркальные зрачки, и принцессе казалось, что она заглядывает в глаза самой себе.

— Ты прекрасен, и ты — настоящий! Твое лицо — не насмешка природы, а насмешка *над* природой, которая, как ни тужилась, не смогла повторить подобную красоту. Ты — все, кроме обыденности, а я ненавижу обыденность. Ты — снежный король, и ты будешь моим! — Говоря, Анира медленно вела кончиками пальцев вниз по его лицу, от линии начала белоснежных волос к губам, так легко, что сама сомневалась, касалась ли она кожи или воздуха. Она рассчитывала, что Аджакти закроет глаза, но он только отстранился и наконец взглянул прямо на девушку:

— Боюсь, в этот раз вы ошиблись, принцесса. Я — не красавец и не король. Я раб и чудовище.

Холод в его голосе ожег принцессу, как лед. Ах, так!

— Ты должен обращаться ко мне «Луноподобная»! Неужели вас ничему не учат в этих провонявших потом казармах? — Теперь лед звучал уже в голосе Аниры. Она отступила на шаг и, несмотря на разницу в росте, смерила Аджакти царственным взглядом сверху вниз. Пусть помнит, с кем разговаривает, ничтожество!

— Прошу прощения, Луноподобная, — склонил голову гладиатор. — В школе нас учат мечами махать, а не с принцессами общаться.

Девушка позволила себе чуть смягчиться:

— Мир стар и жесток. Красавцы в нем становятся чудовищами, а короли — рабами. Для того, чтобы случилось наоборот, нужно настоящее чудо. А чудеса бывают только в сказках. — Не меняя тона, она резко бросила: — Распусти волосы!

О, теперь она заставила Аджакти смотреть на себя! Он не отрывал немигающего взгляда от ее глаз все время, пока руки разматывали кожаный ремешок. И вот наконец мерцающее в лунном свете серебро упало, освобожденное, на плечи. Стараясь не выдать восхищения, Анира передвинулась за спину гладиатора. Лопатки и половина странного знака, вытравленного в коже раба, теперь скрылись под блестящей снежной лавиной. Принцесса осторожно коснулась ее, гладкой и мягкой на ощупь, и отвела в сторону, перекинув на грудь. Бронзовая кожа пошла мурашками, будто гладиатор мерз в жарко натопленной спальне.

Анира рассматривала изображение на его спине. Приглядевшись, можно было различить, что каждая линия внутри состояла из более сложного, изощренного узора. Заинтригованная, принцесса коснулась загадочных переплетений, и подушечки пальцев кольнуло.

— Какое любопытное клеймо. Кто его поставил?

— Мой хозяин.

— Скавр? — поразилась принцесса.

— Нет. Мой первый господин.

Так-так, значит, Аджакти и правда был рабом до того, как попал в Танцующую школу.

— И кто же он?

— Ювелир.

Он что, издевается? Хорошо же, мы поддержим тон!

— Что ж, это все объясняет. Ювелирам часто приходится резать разнообразные символы на камнях. Правда, я еще никогда не видела, чтобы людей метили, как бриллианты, — Анира замолчала и, выдерживая паузу, позволила пальчикам следовать разветвлению узора в районе ягодиц. Наконец Аджакти не выдержал. Мелкая дрожь его тела вкупе с судорожным дыханием сказали ей, лучше любых слов, что он подошел к грани. Она отняла руку и промурлыкала в белоснежный затылок, вдыхая аромат его волос — запах полыни и дыма:

— Хочешь, чтобы я продолжала?

Короткая пауза, заполненная потрескиванием горящего дерева в камине.

— Да.

— Тогда, — выдохнула принцесса в ухо гладиатора, — тебе придется постараться. Я должна остаться довольна тобой.

Глава 5
Утро многих тревог

Кай проснулся от холода. Он лежал лицом вниз в полной темноте, совершенно голый. Одеяло куда-то исчезло. Что-то было не так — и в нем, и вокруг него. Ложе, на котором он распростерся, раскинув руки, казалось слишком мягким и непривычно широким. Слабое движение воздуха подсказывало, что помещение гораздо больше привычной казарменной комнатушки. Гладиатор слышал ровное сонное дыхание человека, с которым он делил темноту. Этот человек не мог быть Токе.

Мрак набух тяжелым чувственным запахом, особенно сильным в складках простыни, сбившейся во влажный от пота комок у живота. Тот же аромат розового масла и мускуса пропитал подушку, кожу и волосы, которые что-то держало. Аджакти осторожно протянул руку и наткнулся на запутавшиеся в шевелюре тонкие, унизанные кольцами пальцы. Анира! Павильон, бассейн в саду, горячий ключ, жаркие губы принцессы, огонь, бушующий в венах!..

Стараясь не разбудить спящую, Кай выпутал лохмы из ее хватки и встал с постели, ориентируясь на сочащийся сквозь стеклянную стену слабый утренний свет. Нашарил на полу одежду — благо она так и лежала аккуратной стопкой там, где он оставил ее вчера. Аджакти нажал резное украшение на панели: он помнил, как Анира сделала это вчера. Прозрачная стена послушно отъехала в сторону, впуская внутрь холодный и чистый предрассветный воздух. Кай шагнул через порог, и стекло скользнуло обратно за его спиной. Анира так и не проснулась — он различал в черных покрывалах полукружие бледной, как утренняя луна, ягодицы и нежность бедра, запутавшегося в шелках. Прекрасная неподвижность фарфора, такая же хрупкая.

Мозаичную дорожку, ведущую к бассейну с горячей водой, затопил туман. В саду стояла такая тишина, что единственным звуком, который достигал ушей Аджакти, было шлепанье собственных босых ног по плитам. Бросив одежду наземь, он погрузился в обжигающую воду, тут же согнавшую прочь мурашки, нагло высыпавшие на обнаженной коже. Кай погрузился с головой, вынырнул и, отфыркиваясь, принялся яростно соскребать с себя следы прошедшей ночи. Ему казалось, что любая уличная шавка по запаху распознает, чем он занимался в павильоне, не говоря уже о ребятах в казармах, нюх у которых на такое дело был не хуже собачьего.

Наконец он снова опустился на дно бассейна, где струи ключа били особенно сильно, и подставил тело под их напор. Воспоминания о том, что он вытворял в этом самом водоеме еще несколько часов назад, нахлынули непрошено и заставили парня выскочить на поверхность, как пробка. Его своенравная плоть, казалось, готова была повторить ночной подвиг. Аджакти выбрался из воды и торопливо натянул одежду на мокрое тело. Обшарил карманы, но шнурок, которым он подвязывал волосы, не находился. Возвращаться за потерей в павильон Кай не стал. Небо над верхушками деревьев медленно розовело, напоминая об утренней поверке.

В призрачном свете раннего утра сад выглядел иначе, но гладиатор надеялся, что найдет дорогу к неприметной калитке. Он быстро зашагал по усыпанной опавшими листьями дорожке, постепенно высыхая на ходу. Бледнеющие звезды подмигивали ему через просветы в путанице ветвей над головой. Птицы только начинали просыпаться, и их первые робкие трели подчеркивали глубину окружающего безмолвия.

Внутри у Кая было так же тихо. Он чувствовал странную пустоту в груди и знал, что прошедшая ночь изменила его. Он что-то потерял, что-то приобрел и теперь пытался разобраться в себе. Собственное тело казалось ему новым и незнакомым. Впервые Кай открыл, что оно может быть не только источником боли и страданий, но и наслаждения. Впервые его плоти касались не для того, чтобы истязать или ранить, а чтобы доставлять удовольствие. Это заставило его вспомнить о той давно подавленной потребности в любви и нежности, которая всегда была в нем, но которую никто и никогда не пробовал восполнить. И теперь пустота внутри открылась, как потревоженная старая рана, такая глубокая, что ее невозможно исцелить — ничем, кроме настоящей любви.

Но Аджакти знал, что не способен любить и не заслуживает любви. И потому та малая толика нежности, что так нежданно выпала ему, растревожила душу и наполнила ее печалью. Кай не знал, какие планы были на его счет у Аниры, но наделся, что все закончится этой единственной ночью. Он со стыдом вспоминал, как необузданно, порой даже жестоко обладал принцессой, позволив себе потерять контроль. Но еще большее смущение он испытывал при мысли, что, стоило закрыть глаза, перед ним возникало лицо другой девушки — полуребенка, феи с неровно обкромсанной челкой, незабудковым взором и бледной до прозрачности кожей. Призрак существа, которое он сам погубил. Кай гнал от себя этот образ, желая сгореть в янтарном огне глаз Аниры. Но когда он этой ночью склонялся над ними, снова и

снова, в пламени их страсти ему мерещилась небесная лазурь.

В свете раннего утра это воспоминание показалось почти кощунственным. Спасаясь от навязчивых мыслей и имени, которое собственная предательница-кровь нашептывала в уши, Аджакти ускорил шаг. Вскоре он мчался через заросший сад, не разбирая дороги, почти забыв, куда и зачем несут его ноги, пока тяжелая от росы ветвь не хлестнула по лицу, обдав ледяными брызгами. Кай остановился как вкопанный, отфыркиваясь и хватая ртом воздух. «Куда это меня занесло? Ни следа калитки или белой стены. А ведь по времени давно пора быть по другую ее сторону. Вот чепуха какая! Заблудился в трех… апельсинах, или что у них тут растет?»

Небо над головой розовело все уверенней. Ветви деревьев на его фоне перестали быть черными силуэтами, принимали цвет и объем. Определив восток, гладиатор бросился вперед по дорожке, которая вроде бы шла в нужном направлении. Но вскоре она свернула, и Кай понесся напролом, продираясь через какие-то цепкие кустарники и топча почти незаметные в траве клумбы. Вспугнутые птицы сердито верещали ему вслед, потревоженные ветви опрокидывали за шиворот пригоршни росы. Преодолев очередную полосу препятствий в виде какого-то особенно колючего растения, Аджакти вывалился на затопленную туманом круглую поляну всего в десяток шагов шириной. В центре из молочного моря поднимался мраморный пьедестал со статуей. Камень был очень старый, пожелтевший. По углам постамента ползли вверх щупальца мха, но фигуры мужчины и женщины, выполненные так искусно, что казались живыми, зеленый налет не тронул.

Прекрасный юноша, очевидно, раненый или умирающий, полулежал на коленях девушки, похожей на него, как сестра на брата. Ее лицо, в чертах которого застыли нежность и тревога, склонилось над тем, чьи страдания она пыталась облегчить, вливая в безвольный рот влагу из каменной чаши. Присмотревшись, Кай заметил, что с края мраморного сосуда действительно медленно сочились капли воды, падая в полураскрытые губы окаменевшего в муке юноши. Трудно сказать, был ли то один из садовых фонтанов или просто в углублении скопилась роса. В этот момент лучи восходящего солнца коснулись бледных щек девушки. Эта ласка заставила древний мрамор порозоветь, придав ему теплоту живой кожи. Капля, повисшая на кромке каменной чаши, блеснула, пронзенная солнцем, и налилась сочным алым цветом, будто то была не вода, а вино или… Аджакти вспомнил Хранителей Круга и динос, который удостоился наполнить Красный Бык — посмертно. Сосуд,

что заботливо подносила к губам страдальца мраморная девушка, был близнецом ритуальной чаши Хранителей.

У Кая мороз пробежал по коже. Каждый крохотный волосок на теле обрел самостоятельную жизнь, встав дыбом. Он развернулся спиной к статуе и побежал. «Странное место! Впрочем, как и весь этот сад. Хорошо, что я вижу его в последний раз, — гладиатор ускорил бег, различив меж ветвей белый камень стены. — К вечеру Луноподобная наверняка затащит в постель нового раба или вельможу, а про гладиатора-урода и не вспомнит. Придумала тоже, Снежный король!» — фыркнув, Аджакти тряхнул всклокоченной головой и рванул уже знакомую калитку на себя. Она оказалась заперта.

«Тролль задери чернокожую и ее ненасытную госпожу!» — выругался про себя гладиатор и полез через стену. Видимо, телохранительница принцессы была озабочена только тем, как доставить желаемое к стопам Луноподобной. Что случится с хозяйской игрушкой поутру, никого не беспокоило. К счастью, квартал Шаков еще спал глубоким сном. Аджакти, бесшумно спрыгнувшего на брусчатку улицы, никто не заметил. Он быстро затерялся в каменном лабиринте города, такой же легкий и неуловимый, как туман, еще мелькавший полой белого плаща в теневых закоулках.

Поднявшиеся рано этим утром обыватели квартала, прилегающего к Журавлиному переулку, могли наблюдать любопытную картину. Молодой парень, одетый подобно воину, но без оружия, мчался по узким улочкам так, будто за ним гналась целая команда пустынных демонов во главе с Ледяным великаном. Длинные белоснежные волосы развевались по ветру, ноги перескакивали через вылезающих на свои посты у местной булочной нищих, дикие черные глаза заставляли попрошаек осенять себя спасительным знаком Иш-чель. Нарушитель спокойствия свернул, не снижая скорости, за угол и тут налетел на пекарево подмастерье, спешившего доставить заказчику тележку свежего хлеба. С перепугу бедняга выронил оглобли, одна из корзин опрокинулась, и круглые румяные булочки раскатились по мостовой — к вящей радости нищих, тут же разодравшихся за добычу.

Подмастерье разразился проклятиями, охаживая обнаглевших попрошаек подвернувшейся под руку метелкой, но Кай — а это был именно он — уже несся дальше, и в ушах его свистел ветер. Он бежал, спасая свою жизнь. Скавр не любил бросаться словами. Как бы хороши ни были прелести Аниры, они, на взгляд Аджакти, не стоили клейма беглеца и приговора к смерти на арене. Вскоре

гладиатор заприметил цель — синюю дверь в глухой стене с эмблемой школы над притолокой — журавлем, поднимающим крылья в танце. Из-за стены донесся приглушенный удар гонга — сигнал на построение. Кай поднажал и через мгновение уже колотился в запертую калитку.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем зарешеченное окошко на уровне глаз отворилось. Он сунул в него кулак, демонстрируя клеймо школы. Дверь распахнулась. Аджакти облегченно устремился вперед и… чуть не наткнулся на острие копья, направленное ему в грудь. Широкие плечи воина по имени Зейд загораживали проход. За его спиной торчали два других стражника, с интересом наблюдавшие за происходящим. Проклятье!

— Сейчас не время для игр, ребята, — попытался обойти предводителя идиотов Кай. — Мне нужно успеть на поверку.

Копье снова преградило ему дорогу:

— Правда? А я-то думал, ты за ночь не наигрался, любовничек!

«Ребята» за спиной Зейда с готовностью заржали: эпизод обещал рассеять скуку утренних часов в караулке.

— Как ночка прошла? Ты не подкачал? — Острие копья переместилось ниже Каева пояса. — Или та ведьма, что на тебе гарцевала, уездила твоего конька вконец? — Зейд слегка качнул копьем, и Аджакти вынужден был отскочить в сторону, спасая свое достоинство. Снова раздался гогот, усиленный эхом в подворотне. Новый голос добавил:

— Не, она на нем летала вместо метлы! На патлы-то, на патлы-то, братки, гляньте!

Кай невольно поднял руку к волосам и понял причину нового взрыва хохота. Высохшая на бегу шевелюра дико торчала во все стороны и, наверное, действительно напоминала растрепанную метелку.

— Интересно, какая баба могла польститься на нашего урода? — продолжал тем временем Зейд, задумчиво тыкая копьем в сторону Кая и вынуждая его отступать дальше и дальше в переулок. — Или, может, это вовсе и не баба была, а, Аджакти? — Воин ухмыльнулся, оглянувшись на своих товарищей. — Может, какой толстосум-извращенец с твоей задницей всю ночь развлекался?

Гогот, сотрясший гулкую подворотню, показал, что шутка Зейда понравилась. В просвете за спинами веселившихся стражников Кай разглядел хвост шеренги новобранцев и орущего на них Яру: все гладиаторы уже были на плацу. Отчаянно взъерошив и без того всклокоченные волосы, парень устремил

томный взгляд на своего притеснителя:

— Ах да! Сегодняшняя ночь открыла мне глаза, — прошептал он с придыханием, двумя пальцами отводя копье обалдевшего Зейда в сторону, — и я понял, что мое самое искреннее, сокровенное желание… — Вильнув бедрами, Аджакти скользнул к попятившемуся воину и закончил скороговоркой: — Оборвать тебе яйца!

С этими словами его рука метнулась к Зейдову паху. Стражник завопил, когда чувствительную плоть сдавило через штаны так, что она чуть не превратилась в фарш. Кай ужом ввертелся между разинувшими рты стражниками и выскочил во двор школы.

— Госпожа! — Знакомый голос вернул лодку, в которой плыла по волнам забвения Анира, на берег реальности. Он был холодным, влажным и пах золой и вчерашней любовью. — Госпожа! — снова позвала Шазия, уже настойчивей.

— Слышу, — простонала принцесса, выпутываясь из шелковых простыней и одновременно ощущая пустоту огромной постели. Кое-как разлепив ресницы, она села на разоренном, пропитанном ее собственным и чужим потом ложе.

Телохранительница, свежая и пахнущая утренним садом, открыла было рот, но Анира прервала ее решительным жестом:

— Молчи!

Скрестив ноги и склонив голову набок, принцесса замерла, будто прислушиваясь к чему-то внутри себя. Шазия, привыкшая к выходкам госпожи, терпеливо стояла у входа, неподвижная, как эбеновая статуя. Наконец Анира тряхнула рассыпавшимися по плечам волосами и гневно воззрилась на телохранительницу:

— Никаких перемен! — Янтарные глаза метали молнии.

— Луноподобная? — бесстрастно выразила свое непонимание Шазия.

Принцесса зло ударила постель сжатым кулачком:

— Ты же говорила, что все пройдет! Что моя страсть к этому рабу — всего лишь томление неудовлетворенной плоти. И стоит мне заполучить его, все исчезнет, рассеется, как дым. Он станет одним из многих, всего лишь трофеем на стене.

— Разве этого не случилось? — Черное лицо воительницы было так же бесстрастно, как ее низкий, почти мужской голос.

— В том-то и дело! — Принцесса вскочила с постели так резко, что запнулась о свалившееся на пол одеяло и яростно пнула его босой ногой. — Случилось! — Не смущаясь своей наготы, она подлетела к Шазии и застыла перед высокой мтехой, раздувая тонкие ноздри. — Теперь я хочу его еще больше! И

прямо сейчас! Где он?

— Аджакти? — пожала плечами чернокожая. — Вероятно, в казармах. Вы ведь заказали его только на одну ночь.

— Агрхх! — прорычала Анира и упала в кресло, бормоча что-то вроде «член Туота, пронзающий все девять преисподних». Шазия неодобрительно покачала головой:

— Полбеды, что вы посещаете гладиаторские школы, госпожа, но перенимать язык этих обесчещенных…

— Заткнись! — прошипела принцесса, кутаясь в меховой плед. — А то как бы *я тебе* язык не откромсала! — И тут же, не слишком следуя логике, добавила: — Зачем пришла?

Телохранительница подошла ближе к глубокому креслу, скрывавшему госпожу почти с головой, и быстро заговорила, понизив голос:

— Чистильщики каналов сегодня утром обнаружили труп в Лебяжьей канавке. Изуродованный и со следами пыток, но его все-таки удалось опознать.

— Гонец? — Вопрос прозвучал скорее как утверждение. — Как его, — Анира щелкнула пальцами, будто пытаясь извлечь из воздуха выскользнувшее из памяти имя.

— Лоллик, — кивнула Шазия.

— Значит, он не заговорил, — протянула принцесса, мысли которой перекинулись с Аджакти на проблемы более насущные.

— Как видно, — согласилась мтеха, — иначе его не стали бы убивать.

— Верный раб, — пробормотала Анира, задумчиво накручивая на палец черный локон. — Кто же тогда предатель?

Шазия покачала головой:

— Нам еще не удалось это выяснить. Дворец кишит шпионами вашего брата. Большинство из них нам известно, но…

— Не все! — оборвала Анира, сверля телохранительницу обвиняющим взглядом.

— Нет, — спокойно согласилась та. — И пока это так, госпожа, вам придется соблюдать повышенную осторожность. Боюсь, все встречи с компрометирующими вас… э-э… персонами придется отложить.

— Отложить?!

Последующие несколько минут Анира металась по спальне, как смерч по пустыне, оставляя за собой разрушения в виде разметанных по углам подушек, разбитых ваз и раскиданных повсюду фруктов и цветов. Шая невозмутимо стояла в центре тайфуна, время от времени отражая атаки подушек ребром ладони. Наконец, утомившись, Анира упала в любимое кресло и зарылась в плед:

— Что, если я надену маску? — пропыхтела она через длинный мех.

— Для этого уже поздно, — возразила телохранительница. — Аджакти видел вас. Я бы предложила устранить и его.

— Нет! — Принцесса потянулась к чудом уцелевшему на столике кубку. Шая, предупредив ее желание, плеснула туда немного воды из гидрии. — Я еще не решила, что с ним делать. Скажи лучше, что у нас сегодня по плану?

— Через час — свадебная гильдия. Потом — консилиум врачей у вашего отца.

— Гильдию — в задницу Туоту! — решительно заявила Анира, одним глотком осушая кубок.

— Но невесты ждут вашего разрешения, — мягко напомнила Шая принцессе об обязанности подписывать брачные контракты юных аристократок двора Луноподобной.

— Если мне приходится ждать, — скривила полные губы девушка, — подождут и эти похотливые сучки!

Аджакти был искренне рад тому, что разозленный поздним появлением подопечного Альдона в первом же перерыве заставил его таскать на плечах здоровенный деревянный блок, служивший снарядом для силовых упражнений. Наказание не спасало Кая от любопытных взглядов и смешков, которыми провожали его рассевшиеся под навесом товарищи. Зато оно освобождало от необходимости отвечать на вопросы.

Кай наматывал бесконечные круги, обливаясь потом под гревшим все сильнее солнцем. Вес бруса гнул его книзу, назойливые соленые струйки заливали глаза, шею жутко свербило под мокрыми, не стянутыми привычной лентой волосами.

Кланк!

Звонкая пощечина ожгла левую скулу так неожиданно, что Аджакти покачнулся и уронил свою ношу. Тигровая Лилия стояла перед ним во всей красе, выпятив грудь, уперев руки в боки и сверкая зелеными кошачьими глазищами. Кай тщетно ворочал ссохшимися от жары мозгами, пытаясь найти причину Тигровой агрессивности, но, так и не надумав ничего вразумительного, выдавил:

— Ты чего?

КЛАСК!

На этот раз пощечина заставила гореть правую половину лица. Смешки под навесом превратились в откровенный хохот и еще более откровенные комментарии. Это было уже чересчур! Убедившись в отсутствии поблизости Альдоны, Кай не слишком

нежно ухватил Лилию повыше локтя и потащил в сторону. Что-то в его взгляде, очевидно, сказало девушке, что сопротивляться не стоит.

Ни на голом, как плешь толлика, плацу, ни на забитой гладиаторами галерее уединиться не представлялось возможным. Поэтому Аджакти пришлось всего лишь отойти на десяток шагов и понадеяться, что навостренные уши гладиаторов не услышат его слов.

— У тебя никак критические дни, что ты так бесишься? — прошипел он в лицо Лилии, которой наконец удалось освободить руку. Гладиатрикс глянула на него так, будто хотела испепелить на месте:

— Кому как не тебе знать! Я же вроде как твоя девушка. Хотя, — Лилия раздраженно тряхнула рыжей гривой, — в последнее время прославленный Деревянный Меч не слишком часто напоминал мне об этом.

Перед Аджакти наконец забрезжил свет — он начал понимать причину происходящего.

— Я помню наш уговор, — Кай постарался, как мог, смягчить тон, хотя обе щеки еще ощутимо горели. — Прости, в последнее время я был несколько занят, но…

— И особенно занят ты был этой ночью! — уставила палец ему в грудь Лилия. Густые брови сошлись на переносице, как скрещенные клинки. — Интересно, чем?

В голове у Кая был полный сумбур. Он несколько раз открывал и закрывал рот, не зная, что ответить, и наконец выдавил, чувствуя, как губы кривит непрошеная дурацкая улыбка:

— Ты что, ревнуешь?

Кай никогда раньше не видел, чтобы Лилия краснела. В изумлении он смотрел, как щеки девушки, лоб и аккуратный, чуть вздернутый носик заливает багровая краска, по степени яркости вскоре сравнившаяся с огненностью великолепных волос. Гладиатрикс была в такой ярости, что ей пришлось пару раз глубоко втянуть воздух через нос, прежде чем дар речи снова вернулся к ней:

— А я-то надеялась, что у тебя мозги сидят на верхнем конце позвоночника! Ты дал слово, что будешь играть роль моего мужчины, чтобы члены Кумала и прочих местных кобелей оставались в штанах, как им и положено. И что же?! Вот уже почти две недели, как двери камер не запирают на ночь. Ты думаешь, легко было заткнуть Бирюзе ее лягушачий рот, чтобы эта соска не растрепала по казармам, что женщина Аджакти спит одна в холодной постели?! А каково, по-твоему, мне пришлось сегодня утром, когда твой дружок Горец раззвонил по отряду, что

ты пропал с вечера, а я понятия не имела, где ты шлялся?! Если собственная репутация для тебя ничего не значит, так позволь мне хотя бы сохранить остатки своей, публично показав, что я думаю о «моем парне»!

Кай вздохнул: правоту Лилии нельзя было не признать. Он вел себя как идиот.

— Я же предупреждал, ты не того выбрала на эту роль. Наверное, сейчас самый подходящий момент закончить игру. Теперь ты — ветеран. Можешь выбрать любого достойного мужчину или остаться одна — тебя не посмеют тронуть. Ведь всем известно — за спиной у тебя «семерка». Ты выйдешь из ситуации с честью. К тому же Горец, похоже, к тебе неровно дышит.

Кай поискал взглядом под навесом и обнаружил там взъерошенного Токе, на котором повисли Аркон с Папашей, прижимая парня к земле. Похоже, не у одной Лилии сегодня выдалось плохое утро.

— Этот мальчишка?! — Девушка фыркнула, едва удостоив Горца движением густых ресниц. — Да он шарахается от меня, как от чумной. Даже во время спарринга уворачивается от моего целурита, вместо того чтобы биться, как мужчина. Что у него за проблема?

Кай знал, что у проблемы Токе было имя, которое Горец никак не мог позабыть, но не чувствовал себя вправе разглашать прошлое друга. Морские глаза Лилии не отпускали взгляд Аджакти, требуя ответа.

— Я не… — начал было Кай, но отражение в мгновенно расширившихся зрачках гладиатрикс сказало ему об опасности за спиной. Он нырнул вниз. Удар учебным деревянным мечом пришелся вскользь, но силы его все равно оказалось достаточно, чтобы опрокинуть Аджакти на песок. Плечо взорвалось болью. Разъяренный, как вепрь, Альдона стоял над ним, уперев деревяшку в низ Каева живота:

— Семейные разборки в отряде устраиваю я, и только я! И если ты так туп, что этого еще не понял, — острие палки ткнулось между ног, заставив гладиатора скрючиться у ног доктора, — то я готов записать правило у тебя на яйцах!

В глазах у Кая потемнело, в горле щипало от подавленного крика. «Когда же кончится это проклятое утро?»

Глава 6
Месть

Испытания на первый пэл проходили на высоком, наскоро собранном из досок помосте в шаг шириной. Благодаря этому бои могли видеть все, включая Скавра, торчавшего на верхней галерее в компании парочки клиентов-толстосумов. Заветную первую и поэтому особенно ценную отметку на бровь получал тот, кто смог удержаться на двухметровой высоте три минуты. А это было вовсе не легко: ведь сражаться приходилось против ветерана своего же отряда, бровь которого уже украшала выжженная полоска, а то и две.

Тигровая Лилия справлялась пока очень неплохо. Черная Ведьма, цвет кожи и характер которой соответствовали имени, яростно визжала, выписывая в воздухе сверкающие дуги своим целуритом. На рыжую психическая атака явно не действовала. Сохраняя хладнокровие, Лилия грациозно уклонялась от ударов или принимала их на круглый щит. Нападать она не спешила.

Нельзя было сказать, что Токе не болел за сестру по отряду и по «семерке». Но он знал одно: как бы ни кончилось испытание Тигровой, результат его собственного боя должен быть противоположным. От мысли, что ему придется отправиться в первую увольнительную в компании Лилии, возможно, даже танцевать с ней в кабачке, который вот уже пару дней безостановочно расхваливал Папаша, у Токе начинало щекотать под ложечкой. Еще более отчаянной представлялась ему ситуация, в которой и он сам, и Лилия, провалив испытания, куковали бы в казармах, пока остальные товарищи веселились в городе. Что, если девушка захочет его утешить?! Что, если, по обыкновению, сядет рядом с ним, так близко, что теплое, упругое бедро коснется его?!

В воздухе сверкнула серебристая молния, послышался разочарованный вопль. Меч Ведьмы со свистом вонзился в песок у ног зрителей, лезвие его легко дрожало. Десятки глоток сотрясли воздух, приветствуя победу Тигровой Лилии. «Значит, придется „оступиться“, — подумал Токе, косясь на стоящих рядом „жнецов“. — Интересно, кого назначит мне в соперники Фазиль?» Впрочем, очередь Горца еще не пришла. Пока победительницу возбужденно хлопали по спине и плечам, по приставной лестнице на помост полез Аркон.

— Поздравляю, — пробормотал Токе, стараясь не смотреть в сверкающие радостью изумрудные глаза Лилии. Ничего не

заметив, девушка внезапно обхватила его руками и, смеясь, влепила сочный поцелуй куда-то в ухо — он едва успел отдернуть голову. Гладиатрикс тут же бросилась дальше — обниматься с подругами, а над ухом Горца прозвучал, как приговор, мрачный голос Тача:

— Ты бы видел свое лицо. Будто тебя не девушка, а жаба чмокнула.

Токе посоветовал товарищу возглавить колонну полудурков, отправляющуюся на три буквы. Гор-над-четец не обиделся, только невозмутимо пожал плечами:

— И это пройдет.

Горец глубоко вздохнул. «Нет, оступиться будет слишком опасно. Еще не дай бог ногу сломаю. Тогда Лилия точно в лазарет припрется. Лучше подыграть и позволить обезоружить себя». Статус обладателя первого пэла с причитающимися увольнительными, бонусами вроде визита проституток и двенадцатью процентами с выигрышей на победах оставлял Токе глубоко равнодушным. Обсуждения с «семеркой» убедили его, что выход в город не даст им никаких преимуществ. Оружие купить там невозможно. Даже если бы его и удалось, скажем, украсть, никто не взял бы на себя риск укрывать до весны семерых беглых гладиаторов — даже те, кто сам стоял вне закона.

«Если мы и доживем до марта… если я доживу и смогу вырваться на свободу… Как я посмею вернуться домой, не отомстив за Майкен? И как я смогу отомстить, когда каравелла Клыка затерялась в безбрежной пустыне, подобно песчинке на склоне дюны?» Для Токе стало страшным открытием, что мысль о мести, которая придавала смысл его существованию, заставляла вставать на рассвете в течение многих однообразных дней и поднимать раз за разом сначала деревянный, а потом и стальной меч, — эта мысль начала казаться ему такой же далекой и бледной, как невозможная мечта, как родительский дом в Вахтенных Горах.

Имена, данные им пятерым гайенам, что мучили и убили его любимую, были выжжены в памяти Токе так же верно, как клеймо Танцующей школы на его руке. Вихлястый. Амбал. Улыба. Кривой. И наконец их капитан с татуировкой в виде собачьей головы на кисти — тот, кого бандиты называли Клыком. Всех пятерых он узнал бы даже в толпе, даже с теми платками, которыми псы пустыни заматывали себе лица. Страшные дни, когда он сидел, связанный и беспомощный, на палубе разбойничьего корабля, Токе потратил на изучение черт, движений и повадок убийц Майкен. Но какой от этого прок, если он не сможет сдержать данную мертвой клятву? Если победы на

арене отнюдь не приближают его к исполнению данного себе слова, как он по наивности думал вначале?

«Что ты делаешь здесь, сынок? Мать и сестры нуждаются в тебе», — сказал отец Токе в памятном сне о дожде. Тогда впервые после долгого периода засухи действительно пошел ливень. Потом началась осень, дожди полили снова, но призрак Эсгера никогда больше не посещал сына. Токе видел, как менялись люди вокруг него, как принимали свою судьбу или мирились с тем, что называли их судьбой другие. Он видел, как лучший друг превратился в хладнокровного убийцу, наслаждающегося зрелищем чужих страданий. Как этот так называемый друг так же хладнокровно предал любимую женщину, даже не стараясь скрыть измену. Более того, поднял на нее руку.

У Токе невольно сжались кулаки при воспоминании об Аджакти, грубо волочившем Лилию через плац. «Если бы Аркон с Папашей тогда не удержали меня, я бы преподал „звезде Минеры“ урок вежливого обращения с дамами! Вот только, готовый судить других, могу ли я быть уверен, что сам остался прежним? Пока еще я помню лица тех, кто пал от моего меча. Пока еще веду счет. Пока. А что будет через пару месяцев? Что будет, если в следующий раз выпадет моя, а не Кая очередь ублажать какую-нибудь богачку по приказу Скавра? Если и я начну забавляться со слабейшим противником в надежде сорвать аплодисменты, повысить ставки, добиться славы чемпиона? Что бы сказала Майкен, если бы увидела меня тогда? Мнение отца я уже знаю».

Тычок в спину оторвал Горца от мрачных раздумий.

— Твоя очередь, брат!

И верно, Аркон уже получил свою порцию поздравлений, и Фазиль нетерпеливо постукивал рукоятью «кошки» по розово-черной ладони. Токе принял целурит, щит и взобрался по лесенке наверх. Неструганые доски под ногами оказались гораздо более неровными и скользкими, чем привычный песок. «Что ж, тем легче будет провалить испытание так, чтоб никто ничего не заметил».

— Джамшин! — рявкнул Фазиль, плюнув себе под ноги.

«Вот дела! — мелькнуло у Токе. — У плосконосого-то даже не второй пэл, а третий!»

Если ветеран-озиат и был удивлен подобным оборотом событий, то никак этого не показал. В два прыжка он вскочил на помост, качнувшийся под весом высокого белокурого гладиатора. Токе облегченно вздохнул: «Этот бой будет легко проиграть».

Первая минута поединка растянулась яростной бесконечностью блоков и контратак. Именно столько Горец решил противостоять более сильному противнику — одну

минуту. Потом можно было допустить ошибку и провалить испытание, не потеряв при этом лица и не заработав серьезных увечий. Надо сказать, что Джамшин, хоть и не знал плана Токе, вносил в него значительный вклад. Сплошная стена стали и режущих граней, за которой укрылся неприкасаемый озиат, оттеснила северянина на самый край узкой площадки.

Наконец это случилось. Один мощный выпад — и Горец рухнул на спину. Голова и плечи свесились через край помоста, правую руку прижал к доскам сапог Джамшина, заставляя выронить целурит. Меч противника Токе принял на щит, но положение было слишком неустойчивым, чтобы противостоять напору старшего гладиатора. Голова Горца запрокинулась. В поле зрения попали толпившиеся у помоста товарищи, откровенно разочарованное лицо Фазиля, кудри Лилии, пламенеющие в сумерках ярче факелов. И рука Аджакти, покоящаяся под рыжими локонами на ее плече.

Белый огонь, вспыхнувший перед глазами Токе, не имел ничего общего со вставшей над Церруканом луной. Сила, вывернувшая его щит в сторону, не могла быть результатом простого напряжения мышц. Целурит Джамшина скользнул по гладкой поверхности, гладиатор потерял равновесие, а колено Горца направило тело нападавшего в нужном направлении. Не успев даже вскрикнуть, озиат сверзился с помоста и пропахал носом песок. Резкое движение сместило торс Токе еще дальше за край. Щит перевесил и, нелепо взмахнув руками, северянин грохнулся вслед за противником. Джамшин сдавленно крякнул, приняв на себя вес младшего товарища. На этот счет правила были кристально ясны: тот, кто продержался наверху дольше, выиграл бой.

— Эй, чемпион, купи пуговицу!

— Зачем мне твоя пуговица?

— Она очень полезная! Вот, к примеру, тот дяденька мог бы ее в бороду засунуть, у него там и так всякой всячины понавешано, а такой красивой, голубой, нету.

— Чего ж ты дяденьку сам не спросишь?

— Дык он гонит и ругается нехорошо. Купишь?

— Нет.

— А че?

— Дяденьку бородатого страшно. Он у таких голоштанных, как ты, ничего покупать не велел.

— Тебе?! Страшно?!

Уличный мальчишка пораженно вытаращил на Аджакти и без того не маленькие глаза. Но тут Папаша обнаружил, что один из

его подопечных подвергся атаке «воронья» — так величал церруканец мелких попрошаек, — и ринулся на выручку. Пацан, уже успевший познакомиться с его тяжелым сапогом, мгновенно сунул свой товар за щеку и растворился в толпе.

— Кошель-то на месте? — Церруканец обеспокоенно похлопал Кая по поясу. Обнаружив искомую тяжесть, он растянул бороду в улыбке. — Пристанут снова — пенделя им, поганцам! Ничего, Торговая площадь уже скоро, а туда их стража не пущает.

Вот уже почти час «семерка» брела по улицам Церрукана, приближаясь к его сердцу, в котором продавалось и покупалось все. Таково было общее решение — первый выход в город под предводительством всезнающего Папаши товарищи решили начать с посещения базара. За прошедшие месяцы все пообносились, а крепчающие холода вынуждали подумать о теплой одежде. Заработанные потом и кровью цирконии весело звенели в кошелях, так и упрашивая их потратить. Если верить добровольному гиду, это с успехом удастся сделать в кабачке «Счастливый хвостик», посещение которого было следующим пунктом программы. Здесь гладиаторы собирались порвать с принудительным вегетарианством и нарушить сухой закон.

Каю, привыкшему видеть одни и те же лица день за днем, странно было оказаться на запруженных пешеходами улицах торговых и ремесленных кварталов. Он проходил здесь раньше всего однажды — в компании других рабов, скованный с ними одной цепью. Тогда горожане поприличнее при виде избитых, грязных чужестранцев переходили на противоположный тротуар, а чернь свистела и грязно ругалась им вслед. Теперь на Кая и его товарищей тоже указывали пальцами, но потому, что они были героями толпы, мгновенно опознавшей гладиаторов по свежим отметкам на лицах. Сегодня руки рабов остались свободны, но клеймо, красневшее на них, удерживало «семерку» в Танцующей школе не хуже цепей.

Как верно помнил Кай, на улочках, ведущих к Торговой площади, толпа сгустилась. Пробраться сквозь нее, однако, оказалось несложно. Кровавая слава бойцов Минеры внушала горожанам уважение — им уступали дорогу, предпочитая держаться на безопасном расстоянии. Токе плелся в хвосте маленькой группы, сохраняя примерно равную дистанцию между собой, Лилией и Каем. Аджакти пару раз пытался сократить ее и вызвать парня на разговор, но тот упорно отмалчивался, делая вид, что всецело увлечен местными достопримечательностями и байками Папаши, в роли гида чувствовавшего себя как рыба в воде. Кай вздохнул, припомнив свое первое знакомство с Торговой площадью и разыгранную у входа на нее пантомиму.

Судя по настроению Токе, мрачный прогноз мима готов был вот-вот сбыться. Беззаботное хихиканье Лилии, увлеченно обсуждавшей с Вишней особенности озианской моды на плащи, отнюдь не помогало Горцу расслабиться.

К счастью, они потеряли Тигровую задолго до коридора ткачей. Девушка пала жертвой ювелирного ряда. Сверкающий всеми цветами радуги, как змея, только что сменившая кожу, он на километр уходил в глубины базара. Неудивительно, что у представительниц прекрасного пола глаза загорались ярче побрякушек, и они слетались сюда, как пчелы на мед. Велев товарищам не ждать ее и идти дальше — после того как они уже битый час прождали Лилию у лотка с какими-то подозрительно крупными, но блестючими камушками, — девушка растворилась среди длинных юбок и цветастых зонтиков от солнца.

Стараясь не отставать от проводника, «семерка», уменьшившаяся до «шестерки», кое-как добралась до платяного ряда. Здесь Кай, не торгуясь, приобрел толстый шерстяной плащ. Пока остальные занялись поиском штанов, способных покрыть монументальные бедра Папаши и лодыжки длинноногого Аркона, Аджакти незаметно отдрейфовал к лотку книжника, приткнувшегося под сенью каких-то особенно цветастых шаровар. Торговец тут же принялся расхваливать свой товар, суя под нос гладиатору книжицу об эротических похождения принца Нидаля в пятой преисподней. На скабрезные картинки внезапно упала тень:

— Это книги, Аджакти, — в голосе Вишни звучало неподдельное веселье.

— Да ну! А я думал, кирпичи.

К счастью, профессиональная честь продавца осталась незадетой — судя по растерянной улыбке, старичок ни слова не понял из обмена репликами. Ведь гладиаторы говорили на тан, родном языке Вишни.

— Не подозревал, что ты умеешь читать, — продолжал озиат.

— Да, кое-как складываю слоги, — отозвался Кай, пытаясь в куче поваренных книг, руководств по тренировке соколов и укрощению строптивых жен отыскать хоть что-нибудь стоящее.

— Неожиданное для варвара-северянина умение. Ищешь что-то особенное?

— Кажется, уже нашел, — Аджакти вытащил из груды наиболее пыльных и потрепанных томиков корешок с осыпавшимся золотым тиснением.

Вишня присвистнул:

— Отличный выбор! — Он старался держать серьезную мину, но смеющиеся глаза выдали его. — Это же руническое письмо! Ты

уверен, что не держишь книгу вверх ногами?

— Уверен, — коротко бросил Кай, перелистывая хрупкие страницы «Мистики церруканского календаря».

— Может, ты еще скажешь, какой это язык? — ехидно поинтересовался Вишня, уперев руки в боки.

— Нулларборский, — пальцы северянина застыли на искусно выполненной иллюстрации, изображавшей уже знакомую ему пару: девушку, поящую из диноса умирающего юношу-двойника. «Иш-таб, Поящая Кровью, и ее брат, Ночной Ветер» — гласили руны под рисунком.

— Неужели? — Вишня смерил Аджакти скептическим взглядом с ног до головы. — Книга на языке волшебников в городе, где топят за колдовство?!

— Это не магическое руководство и не заклинания, — пожал плечами Кай. — Просто текст на староволшебном.

— Вот как?! — не мог успокоиться озиат. — Значит, не шианг, не олеарский… Нулларборский! Ставлю цирконий на то, что ты ошибаешься!

— Неудивительно, что ты попал в рабство за долги, раз так деньгами швыряешься, — буркнул Кай, быстро просматривая содержание следующей страницы.

Но Вишню уже понесло:

— Скажи-ка, уважаемый, — обратился он к торговцу на своем ломаном церруканском, — на какой язык этот книг?

Старичок в огромной чалме, живо следивший за перепалкой покупателей из-за товара, просиял, услышав родную речь:

— Ах, я вижу, славные гладиаторы не чужды книжной премудрости! Воистину я счастлив: небо послало к моему лотку таких просвещенных людей.

— На какой язык этот книг? — очень отчетливо повторил Вишня, начинавший терять терпение.

— О, это великолепный древний фолиант, редчайший образчик, другого такого вы не сыщете во всем Церрукане! У отважных гладиаторов тонкий вкус, сразу видно истинных ценителей…

— Язык! — рявкнул озиат, опираясь о прилавок обоими кулаками со сбитыми костяшками. Доски жалобно скрипнули под весом бойца, нависшего над старичком всем своим немаленьким ростом.

Торговец затрясся так, что у него чалма размоталась, замахал сморщенными ручками, залопотал:

— Не знаю, славный воитель, не ведаю! У меня тут всего понемножку, на всех языках чтиво найдется, народу-то по базару всякого таскается. Эта книга старая, ее все равно никто не берет,

я задешево отдам.

Что ответил пройдохе Вишня, Кай не расслышал. Честно говоря, внезапно он совершенно потерял интерес как к загадочному трактату, так и к заключенному пари. В просвете между головами покупателей, приценивавшихся к расшитым диковинными узорами халатам, мелькнуло на миг смуглое лицо, замотанное до глаз серым. Аджакти напрягся и вытянул шею, вглядываясь в толпу. Нет, ничего. Его бесцеремонно дернули за рукав:

— Слышь, чего говорю-то? — не унимался Вишня. — Старикан туп, как глухарь, не петрит ни шиша. Кого бы еще спросить?

Вместо ответа Кай невозмутимо обратился к «глухарю»:

— А что, уважаемый, гайены еще не покинули город? Я слышал, караванные пути уже закрыты.

Старичок, видимо, обрадовался перемене темы:

— Закрыты-закрыты, — закивал он так энергично, что чалма размоталась еще больше. — Только «псы пустынные» по базару еще рыскают, спешат продать последнее. Есть у них один отчаянный капитан, он каравеллы водит до самых осенних штормов. Говорят, ему демоны пустынные помогают от ледяных великанов уйти. Это, видать, его люди.

— Я говорю, берем книженцию, пельмень ее за два гроша продает, и ищем писчий ряд, — гнул свое Вишня. — Уж там-то знающий народ найдется.

— А как звать этого друга демонов, ты случаем не слыхал? — продолжал Кай.

Старичок удрученно заткнул свисающий конец чалмы за ухо:

— Не, не слыхивал. Но говорят, здоровый он такой, свирепый, и рисунок у него на лапище: голова собачья скалится.

— Что-то я не въезжаю, Аджакти, — начал заводиться Вишня, — если тебе занюханного циркония жалко…

— Где Токе? — перебил его Кай, оглядываясь по сторонам.

— А при чем тут он?! — нахмурился озиат и тут же охнул, схватившись за припухшую вокруг метки бровь. — Ух, чтоб Скавру так яйца припекли! Он что, нулларборский знает? Токе, то есть?

Низенький плешивый церруканец, занявший место Кая у книжного расклада, трусовато заморгал при виде обращающегося к нему на чужом языке чем-то явно недовольного гладиатора.

— Аджакти? — Теперь настала очередь Вишни крутить головой. Товарищ буквально растворился в воздухе. Как по волшебству.

Гайенов было четверо. Их замотанные серыми платками головы маячили далеко впереди, в оружейных рядах. Светлой, короткостриженой макушки Токе пока нигде не наблюдалось, но Аджакти не сомневался — где гайены, там будет и Горец. Оставалось только надеяться, что он, Кай, окажется на месте встречи не слишком поздно.

Токе никогда и никому не рассказывал о своих планах. Но другу не нужны были слова, чтобы понять, что заставило гордого паренька-северянина безропотно принять клятву гладиатора и Скаврово клеймо. Горец ухватился за единственную возможность выжить, потому что мертвые не могут мстить. Без надежды на месть жизнь Токе не имела ценности или смысла. И вот теперь, наконец, казалось, сама судьба посылала ненавистных врагов ему в руки. Руки, которым не хватало только оружия.

— Дуй за стражей, сынок! Скажи, гладиатор только что стянул меч у оружейника Каюра. — Зычный бас именованного торговца разнесся над толпой у входа в коридор клинков. — Пошли их сюда да скажи, чтоб поспешили. Ничего не напутай, смотри, бестолочь непуте… — Каюр осекся на полуслове, когда еще один гладиатор, чуть повыше и намного страхолюдней первого, перемахнул через прилавок, выхватил из стойки два парных меча в ножнах и сунул себе за плечи. От подобной наглости дородный оружейник налился кровью. Глаза его грозили вот-вот выскочить из орбит:

— Куда?! Нельзя! Гладиаторам — нельзя! Положь на место!

Его сын, кудрявый мальчишка лет десяти, с интересом наблюдал за происходящим, возбужденно переминаясь с ноги на ногу. Он явно был не в силах решить: то ли бежать выполнять приказ отца, то ли остаться посмотреть, что будет дальше. Нахал между тем нашарил у пояса туго набитый кошель и бросил его прямо в вытянутые руки хозяина:

— Это тебе за меня и товарища.

Оружейник яростно замотал головой, держа тяжелый кошель как можно дальше от себя, будто ядовитую змею:

— Нельзя! Гладиаторам — оружие продавать — нельзя! — бессвязно твердил он, так активно подмигивая разинувшему рот сыну, что, казалось, щекастое лицо перекосил тик.

— А у тебя никто ничего не покупает, — твердо заявил беловолосый и слепоглазый, отступая на шаг. — Мы просто заняли рекламный образец продукции. Под залог, — с этими словами негодяй одним прыжком перескочил разложенные на прилавке клинки и мгновенно растворился в толпе.

— Какой-какой образец? — пробормотал остолбеневший

Каюр, крепко прижимая к груди неожиданное богатство.

— Руколомный, папаша, — подсказал сын, наконец захлопывая рот.

— Вот и я так думаю, — и оружейник дернул вниз полосатый полог, закрывая лавочку прямо перед носом собравшихся зевак.

Каю оставалось только уповать на то, что у Токе хватит выдержки, чтобы незаметно проследовать за гайенами, дождаться, пока они покинут базар, и напасть на «псов» в тихих боковых улочках. Но этой надежде не суждено было сбыться. Впереди, из овощного ряда, уже доносился звон мечей, испуганные вопли и прочие до боли знакомые звуки драки. Перескочив через чьи-то покрытые глазурью горшки, Кай помчался по проходу, распихивая зазевавшихся покупателей. На подходах к месту потасовки толпа сгустилась, зеваки в задних рядах тянули шеи, пытаясь разглядеть происходящее и расспросить стоящих впереди. Каю пришлось как следует поработать локтями, чтобы протиснуться через пробку.

Внезапно людская масса кончилась, и он вылетел на открытое место между палаткой с баклажанами и перевернутым лотком, с которого рассыпалось что-то круглое, зеленое и угрожающе шипастое. Один из гайенов валялся тут же, скрючившись и пытаясь руками собрать с земли собственные кишки. Один из его выпученных, затянутых пеленой муки глаз смотрел прямо на Кая, другой уставился в небо. Остальные трое, обнажив мечи-ильды, теснили Токе через очищенный перепуганными горожанами проход, стремясь окружить.

Брошенная кем-то на полпути повозка, полная огромных оранжевых тыкв, преградила гладиатору путь к отступлению. Недолго думая, Горец вскочил на передок. Одним пинком он опрокинул овощную пирамиду на головы врагов. Кая так и подмывало ввязаться в драку, налетев на гайенов с тыла. Но он знал, что право на этот бой принадлежит Токе. Как и право на месть. Поэтому Аджакти остался стоять в стороне, наблюдая за происходящим и готовый вмешаться, если другу будет угрожать опасность.

Пока, однако, было непохоже, чтобы Горец нуждался в помощи. Месяцы, проведенные в Танцующей школе, изменили его. Несмотря на полудетскую округлость лица, в парне мало что осталось от того подростка, который вечность назад отправился со своим отцом в Церрукан торговать шерстью И ответственность за смерть того мечтательного мальчика, который когда-то жил в Токе, несли именно эти четверо людей с серыми лицами. Именно они изнасиловали любимую девушку на его глазах. Именно от их

мечей погиб Эсгер.

Вряд ли «псы» узнали одну из своих жертв — ведь через их руки проходило так много пленных караванщиков, так много рабов. К тому же теперь Токе стал Горцем, «жнецом», гладиатором первого пэла, победителем чудовищной «мясорубки» в Минере, где выжили только семеро из шестидесяти. Северянин бился один против троих, не считая уже коченевшего Кривого, но горящая холодным огнем, закаленная ожиданием ненависть придавала ему нечеловеческие силу и быстроту. Маленький и юркий, как мышь, гайен попробовал захватить ноги Токе бянь — боевым бичом «псов» — и сдернуть с повозки. Горец играючи рассек бич мечом. Другому нападавшему, необъятных размеров громиле, Токе заехал сапогом в платок, свернув челюсть. В третьего метнул подобранный с прилавка овощной нож.

Кай огляделся по сторонам. Гладиатор с оружием в руках в центре Торговой площади, лужи крови и душераздирающий боевой вой гайенов, мягко говоря, привлекали внимание. Аджакти не сомневался: еще немного — и здесь будет вся базарная стража в придачу с разъяренными товарищами гайенов. Чем мог обернуться такой расклад, ему даже думать не хотелось. Про себя Кай решил, что если Токе не поторопится, то он сам его поторопит.

Словно прочитав мысли товарища, Горец перепрыгнул на задок опустевшей повозки. Его вес заставил двухколесную фуру качнуться назад. Взлетевшие в воздух оглобли сбили с ног юркого гайена. Токе закончил работу, сиганув на него сверху и одним взмахом клинка перерезав горло под платком. Илд громилы чуть не разрубил смельчака пополам. Но северянин мгновенно откатился в сторону, вскочил на ноги и теперь фехтовал с двумя оставшимися противниками.

Они наседали. Токе удалось задеть бедро здоровяка, вызвав восторженные вопли зевак. «Псов пустыни» церруканцы никогда не жаловали, и симпатии толпы явно были на стороне гладиатора. Воспользовавшись замешательством, Горец нырнул в палатку торговца зеленью. Преследуя его, громила-гайен сунулся под матерчатый полог. Оттуда послышались проклятия на чужом языке, шумная возня. Внезапно одну из стенок палатки распорол клинок. Токе выскочил наружу, как чертик из коробочки, и подрубил гибкие стойки, державшие полог. Прежде чем последний гайен успел среагировать, гладиатор заколол барахтавшегося под полотном врага, как свинью.

Расправа с товарищами не произвела видимого впечатления на оставшегося «пса». Это был опасный, закаленный многими схватками боец. Его Токе взял чисто — обтанцевал, как говорили

в Скавровой школе. Мягкими, текучими движениями в низкой стойке Горец кружил вокруг гайена, пока не вытеснил его на середину овощного ряда и здесь одним ударом не рассек серую грудь. «Пес» без звука упал в пыль, зажимая рану руками. Гладиатор склонился над ним и резким движением сорвал закрывающий лицо платок. Он что-то прошептал умирающему побелевшими, покрытыми капельками чужой крови губами. Гайен захрипел. Выпрямившись, Токе обеими руками вонзил свой меч прямо в середину смуглого широкоскулого лица. Рукава новой туники Горца по локти обагрила кровь. Толпа восхищенно взвыла.

Среди черноволосых макушек, зонтиков от солнца и цветастых тюрбанов замелькали стальные шлемы стражи. Быстро оценив ситуацию, Кай в два прыжка оказался рядом с Горцем:

— Хватит! Ты не на арене.

— Это он, — едва слышно пробормотал Токе, не отрывая взгляда от изуродованного лица, будто пытавшегося проглотить меч. — Он смеялся, все смеялся, когда…

Кай присел рядом с товарищем, обхватил его голову руками и повернул к себе:

— Навряд ли кто теперь найдет его улыбку обаятельной — даже демоны преисподней, куда он только что отправился, — Аджакти легонько тряхнул Горца, заглядывая ему в глаза: — Нам пора. Пока нас тут не повязали, на радость обывателям.

Прошло несколько мгновений, прежде чем взгляд Токе стал осмысленным. Парень тряхнул головой, вырываясь из рук товарища.

— Нас?! — буркнул он. — А ты-то что тут делаешь?!

— Пытаюсь спасти твою шкуру, — Кай дернул Горца за руку и утянул под ближайший фургон.

Глава 7
Раны старые и новые

Дальнейшая четверть часа слилась в памяти Кая в череду бесконечных палаток, фургонов, прилавков и лотков. Через одни они с Токе перескакивали, под другими проползали на четвереньках, третьи опрокидывали на бегу. К несчастью, как бы быстро гладиаторы ни мчались, как часто ни меняли бы направление, они повсюду натыкались на стражников — кольцо постепенно сжималось. Этому немало способствовали хозяева упомянутых палаток: голося и размахивая руками, они указывали направление, в котором скрылись беглецы. Когда Аджакти и Горец по второму разу разнесли только что восстановленную скобарем пирамиду кухонной утвари, Кай сообразил, что их гоняют по кругу. Солдаты отрезали пути к выходам с базара.

Токе тяжело дышал, хватая воздух ртом, и все больше обвисал на руке товарища. Парень часто спотыкался и чуть не падал. Кай едва успел воткнуть его в узкий просвет между задниками двух палаток, как двое вооруженных копьями стражников протопали мимо. На беглецов пахнуло вонью их пота и жевательным табаком. Аджакти вспорол мечом стенку шатра и впихнул обмякшего Токе в темные недра. В нос Каю ударила смесь незнакомых запахов. Ему стоило огромного труда удержаться от чиха. Очевидно, они оказались в палатке торговца пряностями.

Тонкий луч света упал на побледневшее лицо Токе, искаженное гримасой боли. Солнечный зайчик скользнул по выступившим на лбу каплям пота.

— Ты ранен, — слова Кая не были вопросом. Он осторожно приподнял тунику Токе, тяжелую от пропитавшей ее крови. Клинок одного из гайенов вспорол левый бок, оставив длинный глубокий разрез. Видно, это произошло во время схватки в палатке зеленщика. Невзирая на протесты пострадавшего, Аджакти исследовал рану.

Токе повезло: лезвие илда скользнуло по ребрам и рассекло верхние слои мышц, но внутренние органы, кажется, не задело. Плохо было то, что парень продолжал терять кровь. Недолго думая, Кай стащил с плеча сверток с новым плащом и отмахнул от покупки внушительную полосу материи.

— Что ты делаешь?! — зашипел Токе. — Ты ж за него два циркония отдал!

— Плащ не понадобится, если нас самих порежут на куски, —

рассудительно прошептал Аджакти, туго обматывая торс товарища шерстяной тканью. Он огляделся вокруг. Они с Горцем сидели под прикрытием каких-то мешков и бочонков, но убежище это было ненадежным. Совсем рядом раздавались голоса хозяина палатки и его покупателей, торгующихся за щепотку чего-то с невинным названием «вырви глаз». Кай осторожно выглянул в прорезанную им щель. Кучка стражников стояла на расстоянии вытянутой руки, сквернословя и энергично жестикулируя. Очевидно, ребята не могли понять, куда делись приметные гладиаторы-чужеземцы. Пройдет немного времени, воины догадаются обыскать окрестные палатки, и песенка беглецов будет спета.

Бесшумно орудуя мечом, Аджакти раскромсал остатки плаща. Наудачу, он оказался серым. Получившимися полосами Кай обмотал голову пострадавшего и собственное лицо на гайенский манер. Свою повязку он надвинул как можно ниже на глаза. Критически оглядев еще более побледневшего товарища, он принялся изучать содержимое горшочков со специями, которые громоздились повсюду. Зачерпнув пригоршню какого-то бурого пахучего порошка, Аджакти щедро мазнул Горца по скулам, лбу и вокруг глаз.

— Это еще зачем? — слабо воспротивился раненый.

— А где ты видел гайена с такой белой рожей, да еще в веснушках?

— Да нам ни в жизнь не сойти за гайенов! — зашептал Токе, отталкивая Каевы руки. — А от этой дряни только бородавки повыскакивают!

— Бородавки лечатся. Отрубленные головы — нет, — решительно возразил Кай, прислушиваясь к голосам над головой. «Вырви глаз» сменил владельца за три циркония, и теперь счастливый обладатель снадобья приценивался к «корню подъема».

— Вид у меня, наверное, самый идиотский, — упавшим голосом заметил Горец.

— Нашел время о внешности заботиться, — хмыкнул Кай, деловито роясь в потемках между горшками и ступками.

— Трудно геройски погибнуть, когда вид у тебя как у клоуна, — гневно буркнул Токе.

— А не рано ли ты помирать собрался? — заметил Аджакти, снова орудуя мечом. Послышался звук распарываемой ткани. — Клык-то еще живехонек.

— Его здесь нет. На базаре, то есть, — пояснил Горец, следя настороженными глазами за действиями товарища.

— А ты откуда знаешь?

— Улыба сказал.

— Может, соврал смешливый-то? — Одним махом Кай напялил через голову не ожидавшего подвоха Токе нечто пахнущее крысиным пометом и напоминающее…

— Это же старый мешок! — брезгливо принюхался к новому облачению раненый.

— Ничего! Для меня когда-то сходило и для тебя сойдет, — успокоил его Аджакти, выглядывая через щель в стенке палатки. — Зато под ним кровищи не видно. Пошли!

Не дав товарищу опомниться, Аджакти выдернул его из-за бочки. Яркий солнечный свет ударил в глаза.

— Держись прямо, поглядывай по сторонам, будто ищешь кого-то, — шепнул Кай на ухо Токе. — Будет тяжело, обопрись на меня. Помни, ты теперь — гайен!

Не успел Горец пикнуть, как Кай вытолкнул его в запруженный толпой травный ряд. Вокруг все кишело стражниками, но они высматривали двух гладиаторов-северян, светловолосых и клейменых, один из которых, судя по кровавым следам, был к тому же ранен. Пара вооруженных гайенов, прочесывающих базар в поисках убийц товарищей, не привлечет внимания. По крайней мере на это очень рассчитывал Аджакти.

Вначале все шло как задумано. Они с Токе уже достигли пересечения с суконным рядом, когда из-за поворота прямо им навстречу вынырнули двое воинов. Солдаты чуть не столкнулись с друзьями нос к носу. Глаза усача постарше скользнули по Каю, на мгновение задержались на Горце и, к огромному облегчению обоих, стали прочесывать окружающую толпу. Молодой товарищ стражника бросил в сторону «гайенов» любопытный взгляд, но тоже прошел мимо. Аджакти не спеша шагал дальше. Лавируя среди базарного люда, он поглядывал на Токе: как-то там раненый? Парень держался из последних сил. Он старался ступать твердо и не морщиться от боли, когда снующие от лотка к лотку покупатели случайно задевали его левый бок.

Внезапно впереди за пестрой людской стеной раздались вопли, перекрывшие обычный рыночный шум. Стена расступилась и выпустила в них стрелу из лохмотьев, острых локтей, коленок и выпирающих ребер. Снаряд врезался прямо в живот Токе и грохнулся наземь, оказавшись мальчишкой-рабом лет восьми. Пацан тряхнул головой, ошеломленный столкновением, и с ужасом воззрился на возвышавшихся над ним гайенов. У одного были жуткие черные глаза и двойные мечи за спиной. Второй скорчился, прижимая руку к левому боку. На его смуглом, искаженном болью лице пот проложил диковинные белые дорожки.

За спиной маленького раба появился запыхавшийся толстяк в необъятных шароварах и алых туфлях на босу ногу. Замахиваясь плетью, церруканец взвизгнул:

— Благодарствую, господа гайены! Задержали строптивого негодяя.

Аджакти бросил быстрый взгляд назад. Усатый страж и его молодой товарищ остановились, привлеченные суматохой. Кай видел, как сузились зрачки старшого, вбирая в себя светлые разводы на смуглой коже «гайена», метку на его брови, непроницаемые черные глаза второго «пса».

— Стой! — Окрик ожег его, как плеть, опустившаяся на плечи мальчишки в лохмотьях. — Это они! Взять их!

Подхватив Токе под мышку, Аджакти бросился прочь. На полном ходу он опрокинул толстяка в шароварах прямо под ноги солдатам. Воспользовавшись суматохой, мальчишка-раб юркнул под ближайший прилавок. Токе тяжело висел у Кая на плече, бормоча нелепости о том, что он должен бросить обузу и спасаться сам. Но Аджакти не слушал и волок парня дальше сквозь расступающуюся перед ними толпу. Стражники нагоняли. Кай уже начал внутренне готовиться к неизбежной драке, как вдруг дорогу ему заступила расфуфыренная рыжеволосая красотка. Подмигнув знакомым зеленым глазом, девушка весело бросила:

— Дуй в сенной ряд. Мы задержим их. Встретимся в «Счастливом хвостике»!

По инерции Кай полетел дальше, волоча выпучившего глаза Токе на буксире. Только спустя несколько мгновений он сообразил: элегантная дама в длинном, до пят, лиловом платье с изумрудами была не кем иным, как Тигровой Лилией! Быстро сориентировавшись на местности, Аджакти рванул к сенному. Оглянувшись на повороте, он успел увидеть, как Лилия талантливо разыгрывала обморок на руках обалдевших стражников. Аркон, Тач, Папаша и Вишня показались в боковом проходе, перекрывая путь спешащему на призыв усача подкреплению.

— Надеюсь, в «Хвостике» кормят не только хвостами, — проворчал Кай и свернул за угол.

Маневр «семерки», очевидно, сработал. Аджакти удалось без проблем дотащить Токе до сенного ряда. Здесь он понял, почему Лилия послала их именно сюда. Груженные сеном высокие возы стояли прямо у стены, огибавшей Торговую площадь. Верхушки стогов почти достигали края ограды. В ситуации, когда стража перекрыла все выходы с базара, это был, пожалуй, единственный

оставшийся путь к отступлению.

Товарищи потихоньку пробрались за возы. Кай отправил Токе наверх первым, подталкивая друга в корму. Тому было нелегко, он кряхтел и обливался потом, на маскировочной мешковине начало проступать влажное пятно. Все же лжегайенам удалось достигнуть вершины сенной пирамиды, не свалившись под колеса телеги. Сверху открылся прекрасный вид на Торговую площадь. Пускающие солнечных зайчиков шлемы стражников выделялись в пестром людском муравейнике, как новенькие цирконии на грязной ладони вора. Целая их шеренга приближалась сейчас к сенному ряду.

Именно этот момент чуть отдышавшийся Токе выбрал, чтобы задать насущный вопрос:

— А как Лилия узнала?..

— Вот об этом ты ее в «Хвостике» и спросишь, — прошипел Кай, подсаживая товарища на стену. — Только туда еще добраться надо, забыл? — Подтянувшись, гладиатор и сам уселся на горячий каменный гребень. Снизу послышались крики, муравейник оживился. Блестящие шлемы наддали ходу — их заметили.

Сделав стражникам ручкой, Кай скользнул со стены и, мягко перекатившись, приземлился в прохладном тихом переулке. Не обнаружив признаков опасности, гладиатор махнул Горцу рукой. Тот кулем свалился вниз, угодив прямо на плечи товарища.

— Не ушибся? — ехидно вопросил Аджакти, вылезая из-под Токе и отряхиваясь.

— Еще как! Эти камни мягче твоих костей, — Токе попытался ухмыльнуться бледными губами, но улыбка получилась кривой.

Кай молча помог ему подняться и потащил прочь от стены, за которой становилось слишком шумно. Он старался держаться узких безлюдных улочек, которых, к счастью, в этой части города оказалось много. До сих пор им встретилась только молодая женщина с полной корзинкой мокрого белья. Завидев их, церруканка испуганно бросилась в ближайшую дверь. Токе заметно потяжелел. Во взгляде его все чаще мелькала пелена, предвещающая близкое беспамятство. Парень споткнулся, и Аджакти осторожно прислонил его к стене дома под запертыми ставнями. Коричневая пудра на лице Горца растеклась, так что теперь он скорее походил на больного тигра, чем на гайена. Кай размотал бесполезный камуфляж с его головы и отер тряпкой пот. Потом снял и свою повязку, помянув добрым словом ни разу не надеванный плащ.

Неплохо было бы избавиться и от выдававшего их оружия. Скажем, сунуть в щель между стенами двух соседних домов. Но

тут внимание Аджакти привлекло движение в конце темного и узкого, как кишка, переулка. Гладиатор впихнул Токе в ближайшую подворотню и ввалился туда сам, но было уже поздно — гайены заметили их. Топот пяти пар сапог эхом отозвался от высоких стен. Кай ломанулся в калитку — заперто. Ржавая цепь удерживала массивную щеколду на месте.

Он ухватил Токе под локоть, чтобы тащить дальше, но тот оттолкнул руку товарища и плотнее вжался в нишу:

— Оставь! Я уже отбегался, не могу больше. Спасайся сам! — Горец был бледен, но стоял твердо, опершись о ворота спиной и обнажив меч.

— Вот еще! — фыркнул Кай, выхватывая двойные клинки из ножен. — Упустить такой случай проверить, годится ли Каюров рекламный образец на что-нибудь еще, кроме портняжного дела?!

Токе упрямо мотнул головой:

— Не дури! Им нужен я, а не ты. Беги, пока не поздно!

Аджакти посмотрел ему прямо в глаза:

— Я не бросил тебя в песках, не брошу и сейчас. К тому же, *уже поздно!*

И верно: пятеро гайенов с закрытыми лицами окружили их. Кай не мог определить, кто был кто: только узкие глаза поблескивали в прорезях серой ткани. Зато «псы» узнали его:

— О, да эдо же наш урод! — бросил один из них по-церрукански, выговаривая слова с сильным акцентом. — Помнишь его, Бурка?

— Как же, забудешь дакую-до образину, — согласился кряжистый приземистый воин.

— Эдо ды, урод, наших на базаре порезал? — поинтересовался первый гайен, в котором по голосу Кай опознал Штиля.

— Нет, вот он, — ткнул гладиатор себе за спину.

— Догда посдоронись, — махнул рукой кривоногий «пес», которого, как припомнил Кай, звали Колесом. — Нам придедся сделадь двоему другу немножко больно. Но ды, — усмехнулся он под своей повязкой, — можешь идти. Долько ножики свои положь, как бы не порезался.

— У меня есть предложение получше, — осклабился в ответ Кай. Он чувствовал приближение Ворона. Тесное пространство подворотни растягивалось, пульсируя, и загустевало вокруг гайенов. — Почему бы не посторониться вам и не пропустить меня и моего товарища? Обещаю, мы не причиним вам вреда.

«Пустынные псы» удивленно переглянулись и зашлись лающим смехом. Высокий и плечистый напарник Колеса шагнул вперед:

— Ладно, шудник. Хочешь, осдавайся. Я с тобой давно за Гриву ходел посчидадься! — С этими словами приятель покойного Гривы взмахнул бянь — и… в переулке, носившем символическое имя Правосудия, разверзся ад.

Когда все кончилось, а это случилось быстро, подворотня и улочка перед ней были завалены трупами, одежда которых из серой стала красной. Зловонная жижа в сточной канаве стремительно окрашивалась в тот же цвет. Аджакти аккуратно отер клинки об одежду Бурки. Выпрямившись, он обернулся к Токе. Тот стоял на том же месте и в той же позе, как во время их последнего разговора. Лицо парня было белее мела. Глаза с расширенными зрачками выделялись на нем черными пятнами.

— Эй, тебе плохо? — забеспокоился Кай, отпихивая тело Штиля, все еще поливающее кровью пыльные сапоги Горца. — Идти сможешь?

Токе сначала мотнул головой, потом кивнул, не отводя от товарища потемневших глаз. И тогда Кай понял: парень побледнел не только от потери крови. Просто он впервые увидел вблизи, как убивал Аджакти, когда им овладевал Ворон, — не ограниченный ни гладиаторским кодексом, ни правилами арены, ни законами чести. Неожиданно для себя Кай смутился и отвел взгляд: как будто Токе застал его в припадке постыдной болезни, которую он ото всех скрывал. Кое-как отерев руку о забрызганную тунику, он протянул ее Горцу:

— Пойдем. Опасно здесь оставаться.

Тот молча отлепился от ворот и, игнорируя ладонь товарища, неловко перешагнул через труп. Оскользнувшись в натекшей из-под мертвеца луже, Токе медленно заковылял вверх по улице.

Вонючие узкие переулки походили друг на друга, как новорожденные, и вились нескончаемой пуповиной вокруг торгово-ремесленного центра, в который двум гладиаторам-беглецам соваться было очень неразумно. Кай рассчитывал на то, что удача пошлет им какого-нибудь отчаянного рикшу, который согласится довезти их до «Счастливого хвостика». Токе уже еле переставлял ноги.

Наконец, пройдя под карнавальными гирляндами вывешенного на просушку белья, товарищи выбрались на улочку пошире. Последние домишки на ней срослись верхними этажами, образовав арку. В ее просвете виднелась оживленная ремесленная галерея, по которой сновали пешеходы, рикши и всадники. Ни стражи, ни гайенов поблизости видно не было.

Оглядевшись по сторонам, Кай уронил оба своих клинка в сточную канаву, спугнув двух жирных крыс. Меч Токе отправился

следом. Через минуту они уже смешались с толпой, течение которой донесло их до полуголого рикши, поджидавшего клиентов в тени чахлого каштана. Дела у парня, судя по впалым щекам и голодному блеску в глазах, шли неважно. После недолгого торга он согласился доставить бухого гладиатора и его страхолюдного приятеля в «Счастливый хвостик»:

— Цирконий, и я высажу вас на перекрестке. Это опасный квартал. Да, деньги вперед!

Не колеблясь, Кай запихал Токе в повозку и сам втиснулся рядом.

— Целый цирконий! Это же грабеж, — прошипел Горец, морщась, когда в тесноте товарищ задел раненый бок.

— А мне-то что, деньги твои, — фыркнул Кай и шепотом поведал, что случилось с его кошелем в лавке Каюра.

Рикша тем временем лениво трусил вперед. Он покинул ремесленные кварталы и теперь тащил повозку по незнакомым грязным улицам, полным подозрительных личностей и запахов. Личности были оборванные, но у многих лохмотья топорщились у пояса, там, где полагалось быть ножнам. Попадались среди них и особы женского пола — в облегченном варианте лохмотьев, тоже топорщащихся, но гораздо выше пояса. Несмотря на бледность, Токе расширенными глазами пялился по сторонам. Очередная брюнетка, демонстрировавшая на обочине содержимое своего драного корсажа, улыбнулась ему пеньками гнилых зубов. Парень зажмурился и поспешил втиснуться как можно глубже под полог повозки.

Тут рикша затормозил так резко, что оба гладиатора больно стукнулись носами о собственные колени.

— Перекресток. «Счастливый хвостик» там, — ткнул возница грязным пальцем куда-то вверх по улице. Он так спешил развернуть свой шарабан, что чуть не вывалил пассажиров на грязную мостовую. Личности бросили в направлении вновь прибывших пару алчных взглядов, но, заметив клейменые брови и кисти, почли за лучшее оставить гладиаторов в покое. Подперев Токе плечом, Кай побрел в указанном рикшей направлении. Особо крупные кучи отбросов и нищих он обходил, на мусор поменьше старался не обращать внимания.

«Хвостик» оказался ветхим строением, таким закопченным, будто какой-то недовольный клиент попытался спалить заведение, да кабачок оказался крепким орешком. Вместо вывески над входом болтался счастливо скалившийся жестяной поросенок. Было не совсем ясно, чему так радовалось животное, если учесть воткнутый ему в зад вертел. Кай подтащил товарища к облупившейся двери. Он как раз потянулся к медному кольцу в

виде свиного хвостика, когда нижняя половинка двери с грохотом распахнулась. Оттуда выползло на четвереньках человеческое существо, хрюкнуло, выблевало в ближайшую канаву и тихо ткнулось носом в грязь.

— Интересное заведение, — прокомментировал Аджакти. — Хоть клиенты тут и бесхвостые, но на всех четырех ходят.

— Кажется, мне такая походочка как раз подойдет, — слабо улыбнулся Токе и, пошатнувшись, привалился к двери.

Под его весом верхняя створка подалась. Горец, несомненно, провалился бы в недра «Хвостика», если бы Кай вовремя не ухватил его за шиворот. Так они и заявились в самый злачный кабак Церрукана: едва стоящий на ногах, бледный как полотно Токе и Аджакти, белая грива которого, казалось, осветила царящий внутри полумрак. Невнятный гул разговоров, заполнявший заведение, смолк, будто по волшебству. В наступившей тишине было отчетливо слышно, как кто-то сплюнул на пол. Несколько дюжин очень недружелюбных глаз уставились на пришельцев от массивных изрезанных ножами столов.

— Может, уйдем? — пробормотал едва живой Токе. — Папаша, верно, ошибся.

Вместо ответа Кай поволок друга к барной стойке. Она едва виднелась за завесой дыма, плавающей в спертом, полном кухонных запахов воздухе. Бармен поразил Аджакти размерами своей нижней челюсти, выступавшей вперед, как незадвинутый ящик комода.

— Вам чего? — недружелюбно осведомился трактирщик писклявым голосом, совершенно не подходившим гориллоподобной внешности.

Жирный черный поросенок, бродивший между столами в поисках объедков, подтрусил к ногам непрошеных гостей и вопросительно хрюкнул.

— Нам бы комнату, — тихо произнес Кай. Ему казалось, оборванные личности вокруг ловят каждое его слово.

— Все занято, — пискнул бармен и принялся натирать щербатую кружку донельзя замусоленной тряпицей.

Аджакти покосился на повисшего на стойке Токе и попробовал еще раз:

— Мы хорошо заплатим.

Амбал повернулся к ним спиной и ткнул через плечо большим пальцем:

— Выход там.

Кай решил сменить тактику:

— Жаль. Папаша говорил, что в «Хвостике» всегда найдется

местечко для своих людей.

— Не знаю такого, — отрезал обладатель комодной челюсти, наполняя архи кружку очередного клиента. Тот косился в сторону гладиаторов гноящимися глазами убийцы-рецидивиста.

— Проверь записную книжку, — Кай постучал пальцем по лбу. — Парень с косичками вместо бороды и буквой «В» во лбу. Кстати, он должен быть здесь с минуты на минуту. И наверное, очень расстроится, не найдя своих друзей.

— Уи-уи! — громогласно высказал свое мнение черный поросенок, обнюхав сапоги Токе. Встав на задние копытца, животное оперлось передними о штаны Аджакти, заглядывая ему в лицо умными маленькими глазками.

Бармен просиял:

— Так вы друзья Захра? Чего ж сразу-то не сказали?! — Он свистнул, сунув в рот два сосискообразных пальца.

Резкий звук будто вернул заведению приостановившуюся в нем жизнь. Клиенты потеряли всякий интерес к странным незнакомцам, вернувшись к кружкам, тарелкам и обсуждению собственных темных дел. Откуда-то из глубин кабачка выплыла необъятных размеров бабища, украшенная фамильной челюстью и цветастым платком, завязанным узлом на лбу.

— Шани, покажи гостям их комнату, — обратился к ней бармен.

Бабища переглянулась с братом, махнула Каю унизанной аляповатыми перстнями рукой и поплыла через тесно заставленный столами зал.

В каморке, указанной Шани, едва хватило места для двух узких кроватей, стола и колченогого табурета. Скудная обстановка была еле различима в слабом свете, пробивавшемся через закопченное окошко второго этажа. Токе скорее упал, чем сел, на жалобно скрипнувшую койку. Утонувшие в жировых складках глазки провожатой скользнули по его бледному лицу, но женщина спросила только:

— Вам чего-нибудь нужно?

— Кувшин архи, горячей воды, полотенца, иголку и нитку. Да, еще пожрать. Токе, ты будешь?

Горец только слабо качнул головой.

— Одну порцию.

Шани кивнула и тихо прикрыла за собой дверь. Горец обессиленно вытянулся на постели, морщась от боли:

— Ты уверен, что наша очаровательная хозяйка не вернется сюда с отрядом стражи вместо жратвы?

— Так же крепко, как в том, что твой матрас полон клопов. Думаю, у нее аллергия на представителей закона.

Токе инстинктивно почесался:

— А что ты намерен делать этой иглой?

— Вышивать крестиком! — Аджакти швырнул себя на соседнюю кровать. — Ты думал, я за лекарем пошлю, когда нас полгорода ищет?!

Парень недовольно покосился на Кая, отодвинулся к стене и, нахохлившись, затих.

— Да не ссы, ты ничего не почувствуешь, — Кай осторожно выглянул в закопченное окошко. Оно выходило в глухой тупик: ничего, кроме облезлой стены соседнего здания, видно не было.

Дверь скрипнула, заставив Токе испуганно дернуться. В каморку бесшумно вплыла Шани и водрузила на стол поднос с каевым заказом. Удивительно, как тихо и ловко двигалась эта огромная толстуха! Поблагодарив, Аджакти высыпал в пухлую ладонь горсть монет из полегчавшего кошеля Токе и попросил сообщить, когда Захр объявится в «Хвостике». Гладиатор впился зубами в сочную колбаску, прежде чем за хозяйкой успела закрыться дверь.

— Мм, вкуснятина! — Аджакти махнул огрызком в сторону Токе. — Ты точно не хочешь?

Токе только издал булькающий звук, будто его вот-вот вырвет, и уставился на лежащую в центре подноса здоровенную иглу с суровой нитью.

— Ладно, посмотрим, что у тебя там, — заявил Кай, запихивая в рот последний кусок колбаски и вытирая руки о штаны.

Глава 8
Нежное сердце

Полураздетый Токе сидел на койке. Комната плыла перед ним, покачиваясь в такт далекому голосу Кая. Наверное, колдовавший над его левым боком считал, что треп отвлекает товарища от боли, но Токе и так было хорошо: влитые в него полкувшина архи сделали свое дело. Казалось, он парит высоко в лазоревых облаках, вдали от измученного тела, так что хотелось смеяться и никогда не найти дорогу обратно. Но тут бок обожгла волна огня, вставшая до небес и смывшая его вниз, на продавленный, кишащий клопами матрас.

Кай прижал лицо Токе к своему плечу, заглушая крик.

— Эй, чур не кусаться! Это же чтоб рану промыть, — Аджакти тряхнул кувшином, который только что опустошил на бок раненого. — На, глотни еще, тут на донышке осталось.

Край посудины стукнулся о сжатые зубы, вонючее пойло потекло Токе в рот, заставляя слезы навернуться на глаза. Едва он успел отдышаться, как раскаленное железо ткнулось под ребра — Кай начал зашивать рану. Горец скрежетал зубами, подавляя вопль, и ненавидел товарища всей душой. Тот, как ни в чем не бывало, тыкал в него иголкой, пережевывая вторую колбаску. Это, впрочем, ничуть не мешало Каю продолжать треп:

— Шрам, конечно, останется — я же не белошвейка. Ничего, это нравится женщинам.

— Ты-то откуда знаешь? — простонал Токе. — Что, Лилия без ума от шедевра у тебя на спине?

— Лилия? Не знаю, не спрашивал. Но, кажется, он произвел впечатление на А… одну аристократку.

— Так это правда, что говорят? — прокряхтел Токе сквозь сжатые зубы. — Ту ночь после игр, когда ты не ночевал в казармах, ты провел со свободной женщиной?

Он просто поверить не мог, что этот подлец способен был вот так просто похваляться своими похождениями перед товарищами, когда Лилия…

— Ага, — Кай снова воткнул в Токе иглу, так что у того потемнело в глазах. — Причем в первый раз.

— Ты имеешь в виду, первый раз — со свободной? — просипел Токе, отпуская угол засаленной подушки, в который вцепился зубами.

— Я имею в виду, — Аджакти полюбовался проделанной работой и снова прицелился в Горца иглой, — вообще в первый.

Токе вздрогнул. Игла вонзилась неожиданно глубоко, заставив вскрикнуть.

— Будешь дергаться, я тебя быстро успокою, — предупредил его товарищ.

— Не буду, — поспешно заверил Горец, вспомнив эпизод со «следом дьявола» в пустыне, когда Кай одним прикосновением лишил его возможности двигаться и тем спас от чар демона. Парень постарался собраться с мыслями, которые архи разогнала по дальним углам танцующей комнаты. «Неужели Аджакти снова врет? Или же в кои веки говорит правду, и тогда получается… получается…»

Перед внутренним взором Токе возникла смеющаяся Лилия, целующая Кая, сидя у него на коленях, играющая его длинными волосами, нежно шепчущая что-то на ухо. «Не может быть, чтобы между ними ничего не было!» Последнюю фразу он, видимо, произнес вслух, потому что Аджакти, делавший очередной стежок, спросил:

— Чего ты там бормочешь?

— Ай! А как же Тигровая?

— Лилия? Ну она не считается, — добровольный эскулап затянул нить. — Она же не женщина, а гладиатор, боевой товарищ.

В глазах у Токе двоилось, поэтому его кулак смазал Аджакти по уху вместо челюсти. Удар, на который Горец потратил последние силы, смел Кая с края кровати, но экзекутор продолжал крепко сжимать иглу, и раненый с воплем повалился следом. Они продолжали возиться на полу, распугивая тараканов, пока дверь, скрипнув, не приотворилась, пропуская удивленную физиономию Шани:

— У вас все в порядке, мальчики?

— Все нормально, Шани. Тут вот только… клопы кусаются, — ответил за обоих Кай, поднимаясь на ноги и отряхиваясь. Токе остался лежать, созерцая цветастые оборки на юбках неохватного размера. Сказать он ничего не мог, да и вообще ничего не мог — Аджакти выполнил угрозу.

— Придумаете тоже, клопы! — оскорбленно поджала губы хозяйка. — Вот уж на клопов никто еще не жаловался. Да, я пришла сказать, что там Захр объявился с товарищами. Позвать его сюда?

— Нет, спасибо, — Кай виновато покосился на Токе. — Передай ему, что мы здесь и что мы… э-э, сами спустимся чуть позже. Моему другу нужен отдых.

— Это я и сама вижу, — фыркнула толстуха и, мазнув пышными оборками по лицу распростертого на полу паренька,

выплыла за дверь.

Аджакти осторожно водрузил раненого обратно на кровать. Отерев выступившую из пореза кровь, он продолжил шить. Горцу ничего не оставалось, как пялиться на негодяя, подобно деревянной кукле, и надеяться, что в его взгляде отражается все, что он кое о ком думает. Встретившись с товарищем глазами, Кай смутился и проворчал:

— Эй, не смотри на меня так, сам напросился! Я ведь предупреждал, — он поработал немного молча, потом вздохнул, поднял голову, и Горец поймал свое отражение в бездонных черных зрачках. — Ладно, прости. Я брякнул глупость. Я ведь думал, ты знаешь. Все в «семерке» знают, — Аджакти завязал узел и перекусил оставшуюся нить. — Между мной и Лилией никогда ничего не было. Это просто договор, с самого первого дня. Тигровая попросила меня сыграть роль, ну… ее парня, чтобы казарменные кобели от нее отстали. При тех слухах, что обо мне ходили, особенно после истории с Буюком, это был вполне логичный выбор.

Кай продолжал говорить, но Токе едва слушал его. Все сходилось: объятия, поцелуи, игривый шепот — все это происходило на виду у других. В кругу «семерки» Аджакти и Лилия всегда вели себя как друзья, оставляя проявления нежности для посторонней публики. Горец вспоминал все сочтенные им случаи, когда эти двое отсутствовали одновременно — в перерывах между тренировками или на вечернем отдыхе. Как медленно тогда тянулись для него минуты, как придирчиво он осматривал вернувшихся друзей, ища знаки близости — румянец на щеках, растрепавшиеся волосы, неловко сидящую одежду. Товарищи тогда недоумевали, отчего он внезапно становился мрачен. «Неужели это глупая мальчишеская ревность? Неужели это она заставляла меня видеть то, чего не было, придавать особый смысл невинным мелочам?»

Ревность? Кажется, Токе только что нашел слово, описывавшее мучения, которые причиняла ему рыжеволосая девушка с тех самых пор, как он впервые увидел ее — рядом с Каем. «Но если я ревную Лилию, значит… Значит, я…» Горец вспомнил тот единственный раз, когда они танцевали вместе, на празднике перед Большими Играми. Ему не нужно было опускать веки, чтобы снова увидеть перед собой лучистые глаза Лилии так близко от своего лица, тепло ее тонкой талии под ладонями. «Тот день все мы проживали как последний. Наверное, поэтому я помню все так ясно. Поэтому? Или потому, что… Нет! Этого не может быть! А как же Майкен?! Ее смоляные кудри, смех, похожий на серебряный колокольчик, маленькие нежные руки,

гладящие меня по щекам…»

Токе застонал, закрыв глаза. Лицевые мускулы постепенно оживали.

— Прости, но мне надо тебя перевязать, — извинился Аджакти, приняв реакцию товарища на свой счет. — Я постараюсь поосторожнее.

Не поднимая век, Горец тихо спросил:

— Ты никогда не чувствовал, будто ты… предал очень, очень дорогого тебе человека?

После некоторого молчания Кай так же тихо ответил:

— Чувствовал.

— И ты… смог с этим жить?

Аджакти вздохнул и крепче затянул повязку, заставив Токе скрипнуть зубами:

— Нет. Я умер, а это все, что от меня осталось.

Горец распахнул глаза, ожидая увидеть улыбку на лице товарища. Но тот смотрел на него совершенно серьезными глазами:

— Все. Я закончил, принимай работу.

Токе скосился вниз, на свой бок. Плотная чистая повязка охватывала его торс. Разрез под ней еще пульсировал, но уже тупо, сдаваясь под обезболивающим действием молочной водки и умелых Каевых рук. Еще одна рана, которая заживет, оставив шрам. Его пальцы, начавшие обретать подвижность, коснулись щеки, изуродованной кастетом Клыка. «Похоже, каждая встреча с гайенами отнимает у меня что-то, не имеющее цены, оставляя взамен рубцы. Шрамы на теле и еще более уродливые — на сердце».

Тяжелая горячая волна поднялась откуда-то из живота, тесня грудь, не давая вздохнуть, вставая выше и выше, пока горло Токе не сжала, как петля бянь, невыносимая боль. Рыдание вырвалось непрошено — глухой незнакомый звук, полоснувший глотку ножом. Слезы брызнули из глаз, выжигая скопившиеся в нем ненависть и горе, такие горячие, что казалось, кожа щек плавится, как снег под дождем.

Руки товарища обхватили его, прижали к твердому плечу, пряча от мира, и здесь он плакал, задыхаясь, содрогаясь всем телом, плакал, пока петля бянь не ослабила хватку, пока воздух не начал проходить во вспухшее горло, не причиняя больше невыносимой боли. Токе не знал, сколько времени прошло. Внезапно он понял, что Кай все еще, не разнимая рук, обнимает его, укачивая тихонько, как несчастного ребенка. Друг не говорил ни слова: не утешал, не ободрял, не давал советов. Но Горец знал глубинной мудростью сердца, что Аджакти понимает его горе,

принимает и прощает его. В этот момент Токе пронзило ощущение необъяснимой близости с ним, как с человеком, чью душу так же испепелила потеря, так же убелила снегами скорбь. Скорбь, которая была спрятана так глубоко, что давно стала неотъемлемой частью самого Кая.

— Ты как? — Объятия разжались, и друг посмотрел на Токе глазами, в которых притаился зеркальный двойник его собственной муки.

— Нормально, — Горец изможденно откинулся на подушку.

Аджакти нашарил в ногах кровати колючее одеяло и укрыл им товарища:

— Поспи немного. Даже Шани заметила: тебе надо отдохнуть.

— А как же остальные? — спохватился вдруг парень, приподнимаясь под одеялом. — Они же ждут нас!

— Я пойду к ним. А ты лежи, набирайся сил. К вечеру всем нам предстоит вернуться в казармы.

— Должен же я ребятам хоть спасибо сказать, — простонал Токе, придавленный к матрасу Каевой ладонью, — за помощь.

— Я им передам. А ты, как отдохнешь, сам скажешь, — завершив этими словами дискуссию, Аджакти уцепил с тарелки последнюю колбаску, запихнул ее в рот и выскользнул из комнаты. Токе не услышал скрипа закрывающейся двери — он уже спал.

Кай не сразу обнаружил «семерку» в дымном, битком набитом зале. За время его отсутствия у коптящего очага успел появиться довольно потасканный менестрель. Он лениво бренчал на столь же потасканной лютне, то и дело отпивая из огромной кружки, стоявшей на полу у его ног. Барда, очевидно, не смущало, что развалившийся тут же черный свинтус тоже регулярно совал в посудину волосатое рыло.

Разыскиваемая Аджакти компания обосновалась за столиком в самом дальнем от очага углу, выбранном, как потом выяснилось, во спасение музыкальных ушей Аркона. Судя по оживленной жестикуляции, «семерка» вовсю обсуждала события на Торговой площади. Кай бесцеремонно плюхнулся на свободный стул и запустил руку в занимавшее центр стола огромное блюдо с чем-то дымящимся и мясным.

— Наконец-то, — выразил всеобщее облегчение Вишня.

— А где Горец? — тут же набросилась на вновь прибывшего Лилия. Ее платье было разорвано на груди и наспех сколото изумрудной брошью, выгодно подчеркивающей цвет глаз.

— В номере.

— Ясно, в номере. Это нам уже Шани сказала, или как там

ее, — заметил Аркон. — Но что он там делает?!

— Спит, — Кай задумчиво вертел в руке выловленный из блюда предмет, напоминавший бледный безволосый отросток чего-то, сочащегося жиром и тошнотворным зловонием. «Может, штуковина гораздо лучше на вкус, чем на вид и запах?» — Кстати, парень просил поблагодарить вас всех за помощь. Она пришлась очень вовремя.

— Да это Вишня забил тревогу, ему спасибо… — начал было Аркон, но Лилия не дала ему договорить:

— Спит?! — Рыжая навалилась грудью на стол. Зеленые глаза сверкали ярче броши, с трудом удерживавшей содержимое корсажа. — За ним полгорода охотится, не включая экипажа гайенского корабля в *почти* полном составе, а он — спит?!

Кай на пробу укусил подозрительный «отросток» и скривился:

— Что это за гадость?

— Свиные хвостики, церруканский деликатес, — расплылся в довольной улыбке Папаша, борода которого была уже измазана жиром до ушей.

— Я знал, что церруканцы — извращенцы, но не подозревал, насколько все запущено, — вздохнул Аджакти, потихоньку роняя надкушенный хвостик под стол.

— Гы! — оскалился Папаша, радостно хрустя косточками хвостикова собрата.

Но Лилия не собиралась менять тему:

— Четверо гайенов изрублены в фарш прямо на Торговой площади! Это твоя работа или его?

«Где-то я это уже слышал сегодня», — подумал Кай, а вслух ответил:

— Его.

Ребята многозначительно переглянулись. Кай поднял руку, чтобы махнуть Шани: новая порция колбасок сейчас очень бы не помешала. Но Лилия решительно прихлопнула его ладонь своей:

— Может, хватит жрать?! А бойня в переулке Правосудия — это тоже его рук дело?

— В каком-каком переулке?

— Том самом, где, говорят, стены до окон забрызганы кровищей и мозгами, — меланхолично пояснил Тач.

— А-а, вы о *том* переулке. Ну это моя вина. Слушайте, давайте закажем что-нибудь съедобное. У меня в животе пусто, как в кладовой бедняка.

Но Лилия не обратила на мольбу товарища никакого внимания и продолжала гнуть свою линию:

— Вы оба что, рехнулись?! Специально ждали первого увольнения, чтобы устроить гайенам кровавую баню? А теперь

один дрыхнет — конечно, утомительно четверых сразу укокошить, — а второй думает только о том, как бы пузо набить! А мы тут переживаем: где они, что с ними.

Кай обвел взглядом напряженные лица «семерки». Он не мог больше оттягивать неизбежное:

— Горец ранен.

— Горец… Что? — Кровь отхлынула от лица девушки, так что на пергаментно-бледной коже проступили обычно незаметные веснушки. «Совсем как у Токе», — подумал Аджакти. Папаша цветисто выругался.

— Насколько серьезно? — Аркон внешне владел собой, но костяшки пальцев на кружке с элем побелели.

— Парню повезло, — поспешил Кай заверить товарищей. — Рана поверхностная, я ее зашил и перевязал. Он потерял много крови, но выживет. Все будет хорошо.

— Все будет хорошо?! — взвилась Лилия, едва не опрокинув стул. — Горец ранен, город похож на потревоженное осиное гнездо, стража нас останавливала четыре раза на пути сюда — проверяют всех гладиаторов, — а ты говоришь, все будет хорошо?! Я иду к нему! — Девушка развернулась, но Кай успел удержать ее за руку:

— Не надо! Токе спит. Ему нужно набраться сил. Поверь, я сделал для него все, что было возможно.

— Да уж! Ты постарался. Скажи, — Лилия подозрительно прищурила зеленые глазищи, будто разъяренная кошка, — все это… светопреставление, — голос ее неожиданно дрогнул, и Кай понял, что она на грани, — по твоему наущению, верно? Это ведь ты у нас герой, без драки не можешь, а? Ты хоть понимаешь, во что Горца втянул?! Во что ты нас всех втянул?!

— Эй-эй! Спокойно! — Глас рассудка исходил из губ Вишни, до сих пор с интересом наблюдавшего за перепалкой на противоположном конце стола. — Я был с Аджакти, пока ты купала тряпки. Он пытался найти Горца, когда тот вдруг исчез.

— Покупала, — поправил озиата Тач, по обыкновению философски относившийся к происходящему.

Лилия только недоверчиво фыркнула и дернула руку на себя:

— Лучше пусти, чемпион недоделанный, а то Шани тебя сможет по тарелкам раскладывать!

— По-моему, настало время кое-что объяснить, — решительно подытожил Аркон, обводя собрание твердым взглядом. — И если Аджакти не начнет говорить сам, я сделаю это за него. Правда — самое малое, что мы задолжали ребятам. Ты согласен, Кай?

Аджакти кивнул и выпустил запястье девушки, переводившей

настороженный взгляд с него на Аркона и обратно:

— Валяй.

Глаза «семерки» теперь сошлись на светловолосом гладиаторе, когда-то бывшем охранным в караване, с которым путешествовали Токе и Кай. Аркон вздохнул и тихо начал рассказ о событиях, которые эти трое помнили слишком хорошо. Принеся клятву Скавру, они отказались от своего прошлого, но оно не желало тихо лежать в могиле. Как демон пустыни, оно поднималось ночами и тянуло к ним лишенные мяса кости, терзая когтями нежное сердце Токе — мальчика, едва ставшего мужчиной. Скупые слова брата по оружию едва ли могли одеть плотью страшный призрак, но все за столом сидели, боясь шевельнуться, внимая повести, заставившей лица побледнеть, а руки — сжаться в кулаки.

Менестрель у очага забренчал новую мелодию, и под низкий закопченный потолок кабака полетела песня, выводимая чистым, высоким голосом. Кай пораженно обернулся. Рядом с потасканным бардом теперь стояла неизвестно откуда взявшаяся девушка, тоненькая и черноволосая, облик которой показался Аджакти странно знакомым.

Когда-то мое сердце билось в ритме снегопада,
Теперь лежат пески, где снег когда-то падал,
Холодные пески.

— Майкен было всего шестнадцать. Рассудок не выдержал мук, которым подверглось тело несчастной девочки, — донесся до Кая голос Аркона, пока пальцы музыканта между двумя куплетами извлекали из струн печальные переборы. — Когда гайены поняли, что не смогут продать больную в Церрукане, капитан приказал избавиться от нее. Это произошло у Горца на глазах.

Небо пустыни — только дорога
К месту, которое мы звали домом.
Время не лечит, время убьет
За сердце, которое дом обретет.

Аркон вздрогнул и осекся, узнав песню, которую пела несчастная Майкен перед смертью, когда сознание ее уже помутилось. Паузу заполнил Вишня, от волнения мешавший слова церруканского и тан:

— Я всегда считал, что кровная месть — варварский обычай.

Но случись такое со мной… Я бы с огромным удовольствием пустил говнюков на котлеты!

Аркон кивнул:

— Особенно если по верованию твоего народа душа жертвы не обретет покоя на небесах, покуда живы ее убийцы.

О нежном сердце, что я потерял,
О шрамах мертвых
Тоскует музыка моя,
Плачет лютня горько.

Последние аккорды замерли на струнах, и «Хвостик» наполнился шумом хлопков, свистом и грохотом задвигавшихся стульев. Совершенно белая Лилия произнесла едва слышным голосом:

— Я не знала, что у Горца была девушка.

— Почему он никогда не рассказывал об этом? — удивился Папаша.

— Парень из тех, кто предпочитает быть один на один со своим горем, — подал голос Тач.

— И теперь наш скрытный друг будет мочить каждого встреченного им на улице гайена? — поинтересовался Папаша, отправляя в рот последний завалявшийся на блюде хвостик.

— Не каждого, — успокоил его Кай. — Четверо на Торговой площади были те самые. Это они издевались над Майкен.

— Ты уверен? — вскинул удивленные глаза Аркон. — Для меня все «псы» на одно лицо.

— Уверен. Я их запомнил: и рожи, и имена. А уж Горец… Он одной местью и жил. Парень узнал этих собак даже с повязками на мордах.

— Что ж, включая массакру в переулке с символическим названием, на счету Токе девять нечистых, — быстро подсчитал в уме Вишня. — Надеюсь, его жажда мести теперь утолена.

— Э-э… Боюсь, не совсем, — признался Кай.

— Что?! — возопили хором сотрапезники, выказывая поразительное единодушие.

— Пятерка в переулке случайно подвернулась под руку. Нас зажали в угол, и мне пришлось расчистить путь.

— Ах, вот как это теперь называется! — ехидно фыркнула Лилия, немного приходя в себя.

— И сколько же в Горцевом списке еще должников? — вытаращил глаза озиат, переводя взгляд с Аджакти на Аркона и обратно.

— Насколько мне известно, в живых остался всего один, —

Кай смочил пересохшее горло, глотнув эля из Тачевой кружки.

— Капитан гайенов, — закончил за него бывший охранный. — Тот, кто отдал приказ. Клык его имя.

Папаша поперхнулся архи и зашелся натужным кашлем. Тач захлопал товарища по спине. Кое-как отдышавшись, церруканец утер бороду и прохрипел:

— Клык?! Самый долбанутый из всех «псов», когда-либо ступавших на улицы этого гребаного городишки?! Если его слава не преувеличенна, паскуда не остановится, пока не найдет тех, кто укокошил его людей. Пусть даже для этого ему придется зимовать в Церрукане!

— Значит, гайены тоже блюдут обычай кровной мести? — задал теоретический вопрос Вишня.

Аркон и Кай переглянулись:

— Боюсь, крови Горца этому садисту будет недостаточно, — мрачно сообщил Аджакти. — Для этого у Клыка слишком… э-э, изощренное воображение.

— Фанг? — понимающе уточнил бывший охранный.

— Фанг, — кивнул Кай, не понаслышке знакомый с пыточным инструментом гайенов. — А может, и что похуже.

— Эй, никто не хочет объяснить, что за хрен этот фанг или как его? — озвучила Лилия вопрос, написанный на лицах Вишни, Папаши и Тача.

— Надеюсь, вы этого никогда не узнаете, — буркнул Аджакти, инстинктивно почесывая ухо. Девушка нахмурилась, приготовясь снова пойти в атаку, но гор-над-четец мягко остановил ее:

— Главное сейчас решить, что нам делать.

Воцарившееся за столом молчание разбил писклявый голос Шани, возникшей из дымного полумрака:

— Ну как вам хвостики, ребята?

— Чудесно, — вяло улыбнулась Лилия. — Никогда не пробовала ничего более… сногсшибательного.

— Тогда еще порцию? — просияла хозяйка.

Аркон пнул под столом радостно закивавшего Папашу, а Тач быстро вставил:

— А у вас не найдется чего-нибудь менее… хмм… ароматного?

Шани нахмурилась так, что торчащие надо лбом концы платка съехали к грушеобразному носу. Спас товарищей Кай:

— Двойную порцию тех замечательных колбасок для всех!

— Отличный выбор, мальчик, — пухлая ладонь потрепала несколько ошарашенного «мальчика» по щеке. — Хомячьи колбаски — фирменное блюдо «Хвостика», лучше во всем

Церрукане не найдешь.

— Хомячьи?! — закатила глаза Лилия, как только Шани повернулась к компании спиной, и крикнула хозяйке вслед: — Дорогуша, а ничего овощного у вас нету?

Как только толстуха отплыла на безопасную дистанцию, Вишня, понизив голос, нагнулся над столом:

— Если уж кое-кто из нас оказался вне закона, может, стоит нам всем уйти в подпол? — Озиат многозначительно скосил глаза в сторону бармена, бывшего по совместительству хозяином «Хвостика», и посмотрел на Папашу.

— В подполье, — меланхолично поправил Тач.

Добродушная физиономия Захра приняла искренне огорченное выражение, колокольчики в бороде жалобно звякнули:

— Может, Клунт и Шани и дали нам приют на пару часов по старой дружбе. Но беглых укрывать — это дело другое. Тем более, когда тут замешан Клык.

— У нас нет выбора, — высказал общую мысль Кай. — Через несколько часов всем придется вернуться в казармы.

— Интересно, как? — поднял бровь Вишня и тут же разразился проклятиями, поминая половые органы Скавра и клеймо. — Горец, может, еще и проскочит, но с таким образом, как у тебя, не в обиду будет сказано…

— Образиной, — вмешался Тач. — Это верно, Аджакти, ты у нас больно приметный. Наверняка тебя запомнили.

— Ничего! Я их проведу, — ободряюще ухмыльнулся Папаша. — Знаю я кое-какие крысиные норы в этом сортире под названием Церрукан.

— Отлично! — скептически хмыкнула Лилия. — А что потом?

— Скавр не выдаст их, — уверенно заявил Тач. — Оба — слишком хороший источник дохода, чтобы его потерять.

— А что, если на Скавра надавят? Что, если стража прочешет школы? — воскликнула Лилия, в волнении наматывая рыжий локон на палец.

— Танцующая школа — Скаврова частная собственность. У амира мясник на хорошем счету, — принялся рассуждать вслух Тач. — Нужны веские основания, чтобы власти решились на обыск. К тому же гайены у церруканцев не в почете, их просто терпят.

— Вас кто-нибудь видел? — с видом знатока перешел к делу Папаша. — Признать ваши морды кто сможет?

— Да их полбазара видело! — обреченно махнула рукой Лилия.

— Это уже когда мы бежали, — Кай быстро соображал. —

Токе видели в момент схватки, но таких, как он, светловолосых и сероглазых гладиаторов, в казармах любой школы полно. Горец еще не прославился на арене настолько, чтобы с него бюстики лепили. Сам я на базаре гайенов не трогал. В переулке «псы» были одни, а они опознать уже никого не смогут.

— Тогда отбрехаться можно, — уверенно заявил Папаша. — Скажут, ты бежал. Ну и что, что бежал? Испугался, растерялся и побежал. А крови на вас нету. На том и стойте.

Уже давно кусавшая губы Лилия наконец не выдержала:

— Крови на нем нету?! Да ты глянь, эти тряпки насквозь пропитаны… — Девушка, не церемонясь, дернула Каеву тунику за полу и продемонстрировала собранию побуревшие пальцы. — На черном это пока незаметно, но…

— Смену как раз раздобыть не проблема, — успокоил ее Захр. — И для Аджакти, и для Горца. Пойду, потолкую об этом с Шани, — и церруканец поднялся из-за стола.

— Я с тобой, — подхватился вдруг Аркон. И пояснил, наткнувшись на удивленные взгляды товарищей: — Хочу перемолвиться с той красавицей, что пела про сердце.

— Шустрый в своем репертуаре, — прокомментировал Вишня, ввернув, по обыкновению, иностранное слово.

— С ним действительно все будет в порядке? — По умоляющему взгляду Лилии Кай понял, что спрашивала она отнюдь не об Арконе. Парень сделал испуганное лицо:

— Ой, кажется, я забыл в нем иголку!

Крепкая рука мгновенно ухватила Аджакти за шиворот:

— Ах ты, коновал хренов!

Дружный хохот заставил девушку растерянно ослабить хватку.

— Вообще-то, это была шутка, — прохрипел Кай, растирая горло.

Глава 9
Комедианты и марионетки

Папашины «крысиные норы» оказались лабиринтом вонючих подворотен, темных ходов и шатких лестниц, то выходящих на плоские крыши, то ныряющих в колодцы завешанных сохнущим бельем дворов. Когда Кай и Токе добрались наконец до Журавлиного переулка, Горец совершенно выбился из сил и выглядел бледно: рана давала о себе знать.

«Семерка» уже поджидала их в условленном месте — на скамье под развесистым платаном, в тени которого журчал небольшой фонтан. Товарищи быстро обменялись последними новостями, которые оказались весьма неутешительными. Солдаты искали двоих гладиаторов, по описанию очень похожих на Аджакти и Горца, причем одного — раненого. Но что было еще хуже — в Журавлином переулке стоял кордон.

— Красноперые проверяют всех с клеймами, — мрачно оповестил Аркон. — Вам тут не пройти. На другом конце переулка то же самое.

— Как они так быстро пронюхали, где искать? — устало пробормотал Токе. Он мерз под своим теплым плащом.

— Как-как, — Папаша грязно выругался и сплюнул в фонтанчик. — Солдаты, небось, тоже на игры ходят. Братка, — он с размаху хлопнул Кая по плечу, — тебя сгубила жопулярность!

— Популярность, — бесстрастно перевел Тач. — Но дело не в ней. Я слыхал, кордоны стоят у всех четырех больших школ.

— Что будем делать? — выразил общее беспокойство Вишня.

— Сколько их там? — спросил Кай.

— Достаточно, — огрызнулась Лилия. — О драке даже не думай! — Девушка нервно кусала ногти, глядя на обмякшего на скамье Токе.

— За наши головы, верно, награду назначили? — поинтересовался Аджакти.

— Назначили, если это греет твое честолюбие, — усмехнулся Вишня. — По 50 цирконiев за каждого. Не слишком дешево?

— У кого-нибудь еще остались деньги? — Кай демонстративно вывернул пустые карманы.

— Ты это серьезно? — удивленно воззрился на него Аркон.

— Серьезно. Кажется, я кое-что придумал.

Вот уже битый час Хабир и трое его товарищей торчали в Журавлином переулке, стращая копьями и блеском начищенных

панцирей законопослушных горожан. Темнело. Вечерний холод начал запускать ледяные пальцы под форменный плащ, и пропотевшее за день в доспехах тело била мелкая противная дрожь. От невозможности унять ее и скуку настроение у Хабира было самое мрачное. Задание, поначалу казавшееся таким многообещающим — а ну как именно их кордону удастся задержать гладиаторов-отморозков и заработать дважды пятьдесят цирконiев? — обернулось тяжкой докукой. Солдат был убежден: беглые преступники наверняка не имеют отношения к Танцующей школе. Скорее всего, это ублюдки из Лунной — вечно у них там беспорядки и самоубийства. Гладиаторов-головорезов, наверное, давно уже задержал отправленный туда патруль. Про их кордон просто позабыли, и вот теперь он, Хабир, должен почем зря морозить зад на этой гребаной улице, подвергаясь насмешкам возвращающихся в казармы рабов.

Когда из-за угла выскочил и понесся к солдатам оборванный мальчишка со связкой цветных пуговиц на шее, стражник возблагодарил небо: будет хоть какое-то занятие — шантрапу уличную гонять.

— А ну пшел отсюда, щенок!

Но мальчишка, увернувшись от копья и подпрыгивая на месте от возбуждения, заверещал скороговоркой:

— Дяденьки-солдаты, дяденьки-солдаты! Они там, я видел, сам видел! — Оборванец, чуть не выпрыгивая из спадающих штанов, замахал рукой, указывая в том направлении, откуда он только что прибежал. — Скорее, а то утекут они, как есть утекут!

— Да кто там, кого ты видел? Не спеши, говори толком, — оборвал маленького пуговичника старшой Рахим.

— Да тех двоих, что гайенов перерезали, кого ж еще?! — нетерпеливо затараторил пацан. — Один — седой и страшный, как демон пустынный, а второй хромает, раненый вроде.

— Говоришь, где ты их видел, сынок? — наклонился к мальчишке Рахим. От Хабира не укрылся алчный огонек, загоревшийся в глазах старшого.

— Дашь цирконий, дяденька, скажу, — с готовностью отозвался мальчишка, подтягивая штаны.

— Глядите-ка, какой умник, цирконий ему! — заворчал старшой и вдруг ухватил пацаненка за грязное ухо: — А ты не врешь?

— Пусть меня ледяной великан в сосульку заморозит, ежели вру! Видел я их, вот только что, мамкой клянусь!

— Да твоя мамка поутру небось не помнит, сколько мужиков на ней за ночь побывало! — рявкнул Рахим и дернул оборванца за ухо. — Говори, куда побежали те двое!

— Ой-ой, пусти ухо, дяденька! Я скажу, скажу! Там, за углом, дерево такое здоровое и вода бежит. Я их там видел, они вниз по улице драпали.

Стражники переглянулись.

— Это у фонтана. Сакхи, Шелон, — со мной! Хабир, оставайся тут, стереги пацана. С улицы глаз не своди! — распорядился старшой и уже на бегу пригрозил испуганному малолетке: — Ну, щенок, если ты соврал, я тебе оба уха вот этим копьем прочищу!

Грохоча тяжелыми зимними сапогами, солдаты скрылись за поворотом. Хабир вздохнул и ухватил постреленка крепче за шиворот. Вот так всегда! Старшой с ребятами разделят цирконии, а он стой тут да яйца морозь. Но тут пацан ухватил его за рукав и, привстав на цыпочки, горячо зашептал:

— Дяденька, а дяденька-солдат, дай цирконий.

— Да ты что, белены объелся?! — стряхнул с себя грязную худую лапку Хабир. — Твои задрипанные пуговицы и полмедяка не стоят — за дюжину!

— А это не за пуговицы! — подмигнул ему мальчишка. — Тот сердитый дяденька еще долго будет бегать. И поделом. Не хер ему людям ухи драть. А ты — хороший. Тебе я за цирконий правду скажу.

— Так ты что… — сообразил, наконец, Хабир, — старшому лапши навешал?

Оборванец радостно хихикнул и снова подтянул штаны:

— Не совсем. Я убивцев тех и вправду видал. Дашь цирконий — скажу, где.

Хабир не верил своим ушам. Наконец-то и ему улыбнулась удача! Задержи он преступников — а это представлялось делом легким, ведь один из них был ранен, — и не придется ни с кем делить ни цирконии, ни славу. Нашарив в кармане горсть медяков, Хабир всунул их в липкую ладошку:

— Вот. Остальное получишь потом. Веди, показывай, где ты их видел.

— Эй, такого уговора не было, чтобы я чего-то показывал… — Оборванец дернулся в сторону, но Хабир ухватил его за шиворот и потащил за собой по улице:

— А теперь есть!

Мальчишка смирился с судьбой и часто семенил рядом с солдатом, жестикулируя и в лицах изображая встречу с гладиаторами:

— Я их и вправду под тем деревом приметил. Только они не по переулку побегли, а во двор. Я тебе, дядечка, так и быть, покажу. Это тут, недалече, как за угол завернешь…

Именно это Хабир и сделал. Но вот куда ему полагалось идти

дальше, он так никогда и не узнал. Чей-то здоровенный кулак встретил его подбородок, и свет мгновенно померк.

— А пацан-то не только пуговицы продавать способен да по карманам грести!

— В нем погиб актерский талант, кто бы мог подумать.

Толкаясь и обмениваясь шутками в адрес облапошенных стражников, «семерка» в полном составе ввалилась в ворота Танцующей школы.

— Свести бы его с Козеттой, ну той певицей из «Хвостика», — предложил расщедрившийся Аркон. — Может, им новый комедиант нужен в труппу?

Грянул дружный хохот, но, наткнувшись на ледяной взгляд и копье Зейда, быстро затих:

— Вы двое, — ткнул воин в Аджакти и Горца. — В контору Скавра, живо! Сейджин давно вас дожидается. Поглядим, как вам удастся перед *ним* комедию ломать!

Обменявшись встревоженными взглядами, «семерка» расступилась, и двое друзей зашагали по галерее. Токе старался ступать твердо, хотя особой необходимости в этом не было — от него так разило архи, что он запросто мог бы сойти за пьяного.

В конторе мясника царил полумрак. Тяжелые выгоревшие шторы были плотно задернуты. В круге неверного света от лампы покоились босые ноги Скавра, водруженные на край стола. В спертом воздухе висел тяжелый винный дух.

— Ага! — многозначительно возгласил из теней хозяин ног. Голос его, и так хриплый, был настолько пропитан алкоголем, что напоминал воронье карканье. — Хорошо повеселились в городе, ребятки?

— Спасибо, сейджин, неплохо, — взял слово Кай.

— Неплохо — и только-то?

Гладиатор не сразу опознал в вылетевшем из горла Скавра булькающем звуке хихиканье.

— Не поведаешь ли, чем же вы таким скучным занимались в первом увольнении?

— Да так, прошлись по базару, купили кое-что, посидели в кабачке. Ничего особенного.

— Так, значит, ничего особенного, — кресло скрипнуло, когда невидимый в полумраке Скавр потянулся. Звякнул о край кубка кувшин. — И о резне на Торговой площади вы, конечно, слыхом не слыхали?

— Почему же, об этом весь город говорит.

Мясник шумно глотнул из кубка:

— Ага. И что же говорят?

Кай покосился на переминающегося с ноги на ногу Токе — как бы бедняге не пришло в голову хлопнуться в обморок на глазах у Скавра.

— Ну что какие-то спятившие гладиаторы прикончили кучу гайенов и смылись.

— И вы, конечно, не имеете к этому никакого отношения?

Аджакти помотал головой, делая честные глаза:

— Ни малейшего, сейджин.

Скавр тяжело вздохнул. Босые ноги исчезли из светлого пятна на столе, заскрипело отодвигаемое кресло. Покряхтывая, мясник обошел вокруг мебели и грузно уселся на край столешницы напротив гладиаторов.

— Вы наследили, ребятки. Ваши приметы есть у самого последнего стражника в этом занюханном городишке. Улицы патрулируют. Кстати, — вдруг встрепенулся мясник, — а как вам удалось пройти мимо кордона?

— Какого кордона? Мы никакого кордона не видели, верно, Горец? — обернулся к Токе Кай. Тот только мотнул головой.

— Ну конечно. Ничего не видели, никого не трогали. Белые и пушистые, — сочувственно поцокал языком Скавр. — А скажите-ка мне… Кому пришла в голову гениальная идея мочить гайенов в центре Торговой площади при всем честном народе?! — Мясник с такой силой грохнул кубок о стол, что лакированная поверхность треснула, а остатки вина выплеснулись на ковер. Скавр вскочил и заметался взад-вперед перед вытянувшимися в струнку гладиаторами, как разъяренный ягуар в клетке.

— Нет чтобы обделать все по-тихому, в каком-нибудь темном переулке. Тогда разборку списали бы на беглых рабов или грабителей, и завтра про это никто бы не вспомнил. Но нет! Нам нужно все делать с размахом, с помпой! Чтоб полбазара запомнило ваши гнусные морды! А вторая половина прислала счета за нанесенный ущерб. И уж если резать, то так неумело, что самому оказаться подколотым, как свинья! Признавайся, Аджакти, — Скавр прервал беготню, замерев нос к носу с Каем и гневно дыша ему в лицо винным перегаром, — твоя была идея? Предупреждал меня Яра, что ты псих, чтобы я с тобой не связывался, но я, дурак, не послушал.

— Это не я, сейджин, — удалось наконец вставить Каю.

Мясник навис над ним, уперев руки в боки и угрожающе понизив голос:

— Ты, наверное, не понял меня, раб? У меня нет ни времени, ни желания для этих игр. Так что давай попробуем сначала, и на этот раз советую дать правильный ответ. Ты замочил гайенов на базаре?

— Не я.

— Раздевайся!

Заметив колебание Аджакти, Скавр нетерпеливо махнул рукой:

— Чего жмешься, как девка нецелованная! Скидывай рубаху.

Кай стянул раздобытую Папашей одежду через голову. Мясник придирчиво осмотрел его обнаженный торс.

— Повернись!

Гладиатор послушно повернулся к Скавру спиной, которая также была тщательно изучена.

— Штаны тоже снять? — Кай снова встал к хозяину лицом.

— Это ты перед своей кралей делать будешь, — буркнул Скавр, переходя к Горцу и внимательно заглядывая ему лицо. — Что-то ты бледен, парень. Ну-ка, сними рубаху.

— В этом нет нужды, — голос Токе был тих, но тверд. — Это моя вина. Я убил гайенов.

— Горец, не надо… — начал Кай, но тот повысил голос и продолжал, глядя прямо перед собой:

— И на Торговой площади, и в переулке Правосудия. Один. Аджакти виноват только в том, что помог мне бежать. Любой брат-гладиатор сделал бы то же на его месте.

— Не слушай его, сейджин! Горец наговаривает на себя, — воскликнул Кай, но мясник прервал его движением руки:

— Нет, отчего же не послушать! Первые разумные слова за весь вечер. — Скавр медленно обошел вокруг Токе, разглядывая его, как будто впервые увидел. — Похоже, Горец, я тебя недооценил. Девять гайенов в одну увольнительную. Кто бы мог подумать, что малыш на такое способен! Правду, видно, говорят: в тихом омуте… Жаль будет потерять такого отличного бойца.

— Не выдавай его, сейджин, прошу тебя! — Впервые Кай чувствовал себя совершенно беспомощным. В его голосе звучало отчаяние: — Я никогда никого ни о чем не просил, а тебя — прошу!

— Надо же, великий Аджакти снизошел до нас, простых смертных! — фыркнул Скавр и подошел, чуть покачиваясь, к Каю: — Да знаешь ли ты, — волосатый палец уперся в голую грудь гладиатора, — что мне по вашей милости пришлось пережить за сегодняшний день?! Сначала солдаты, потом дворцовые посланцы, потом Клык и, наконец, красноперые идиоты у ворот — ладно хоть удалось отогнать их дальше по улице. Кстати, а с ними-то вы что сделали? Впрочем, это уже ничего не меняет.

— Клык? — уцепился Кай за знакомое имя.

— Да, Клык! Ваш старый знакомый, а? Представьте себе, «серый пес» побывал здесь. Сидел вот в этом самом кресле. И что

любопытно: сколько рабов он мне продал, а вот вас — обоих — прекрасно помнит! И еще. Отчего-то капитан уверен, что именно вы укокали его подчиненных, и очень-очень желает вас видеть. Настолько, что, если до завтрашнего утра он не получит виновников в свое полное распоряжение, собака грозится натравить на меня власти. В общем, ребятки, из-за вашей самодеятельности я сижу в глубокой жопе!

— Клык блефует, сейджин, — Кай старался говорить убедительно. — Кто он такой? Дикарь, грабитель караванов. Его никто и слушать не станет.

Скавр фыркнул и, нашарив на столе кувшин с вином, глотнул прямо из горлышка:

— Ты недооцениваешь этого гайена, мальчик. Он знает, на какие педали надо давить, чтобы заставить дармоедов наверху шевелить жирными задницами. Если он не получит вас, капитан пригрозит нарушить договор, а этот «пес» свое слово держит.

Кай стал почти так же бледен, как Токе. До него начал доходить смысл слов мясника:

— Вы хотите сказать, сейджин, что, если ему не выдадут нас, Клык начнет нападать на церруканские караваны?

— Именно, Аджакти, именно! Смотри-ка, у тебя есть что-то между ушами! А знаешь ли ты, умник, что произойдет, если «пес» выполнит свою угрозу?

Нехорошее предчувствие скрутило желудок Кая. Он видел, к чему клонит мясник, но, желая услышать это из уст самого Скавра, покачал головой.

— А случится то, что другие гайенские капитаны, или вордлорды, как они сами себя величают, последуют за Клыком — если не из солидарности, так из алчности. И что тогда останется нам, а, Аджакти, умник сраный, что останется нам?!

— Церрукану придется остановить их, показать, кто в пустыне хозяин. Одной охраны караванов не хватит. Городу придется выслать войска, — ответил вместо Кая Горец, в тихом напряженном голосе которого звучал ужас.

— Ага, малыш, кажется, ты начинаешь понимать, что натворил! Хочешь глотнуть? — Мясник остановился перед Токе, махнув булькнувшим кувшином. Гладиатор покачал головой. Принюхавшись, Скавр рыгнул и махнул рукой: — Правильно, тебе и так уже хватит.

Он снова заходил по комнате.

— Войска! Войска — значит, война. Война — хорошо для нашего бизнеса, но плохо для Церрукана. Война — значит, меньше караванов, меньше товаров, больше нищих на улицах. Война — это мертвые, наши мертвые, свободные мертвые. А-а, я

не хочу войны. Толстожопые дармоеды наверху не хотят войны — по крайней мере, войны, в которой они мало что могут выиграть и многое потерять.

Скавр философствовал дальше, но Кай уже был не с ним. «Церрукан обречен», — пел в ушах ветер голосом Мастера Ара. Кай стоял высоко, между полуденным небом и колоссальной вертикалью белой стены, вздымающейся над океаном песка. Белое и голубое, цвета города. Пустыня далеко внизу до горизонта колебалась и шла волнами. Внезапно он осознал, что это паруса крылатых кораблей покрыли ландшафт сплошным движущимся ковром, как стайка бабочек — влажный песок на речном берегу. Только эти крылья были так огромны, и их было так много, так много…

Кай видел внизу темные массы людей, штурмующих стену. Они казались муравьями с такой высоты. Он видел, как мало защитников на галерее, как редко расставлены они у бойниц, и удивился, заметив на лицах некоторых рабское клеймо. Перед глазами возникли его собственные руки, натягивающие тетиву лука; незнакомые старые шрамы белели на запястьях. Древко копья скользнуло между ними. Он дернулся, когда хищное острие вонзилось прямо в незащищенную доспехом грудь.

— Политика! — Палец Скавра снова больно ткнул Аджакти в ребра. — Ребятки, вы оказались замешаны в политику, и дело ваше — табак! А не отдай я вас Клыку сразу и со всеми потрохами, мое — тоже. Но, ягуар вас задери, — мясник рыгнул и утер рот тыльной стороной ладони, — как подумаю, что мне придется расстаться с лучшими молодыми бойцами сезона, у меня изжога начинается!

— Я готов, — спокойно сообщил Горец, хотя Кай видел, что тот едва держится на ногах. — Это моя вина, я все начал, со мной все и закончится. Но Аджакти тут ни при чем. Он просто хотел защитить меня.

Тут Кай не выдержал:

— Может, ты и начал, но я продолжил! Я так же вино…

— А вот этого я не хочу слышать! — Скавр рявкнул так, что тонкая посуда на столе отозвалась испуганным звоном.

— Но…

Палец мясника замер у носа Аджакти:

— Ни слова больше! Или я сам отрежу твой блудливый язык — благо на арене он тебе все равно не понадобится, — убедившись, что у гладиатора пропало желание общаться, мясник вздохнул и немного расслабился. — Я обещал Клыку, что он получит убийцу. И я сдержу свое слово. Но я ничего не говорил о том, кто помог убийце скрыться. Я выслушал стражу, выслушал

признание Горца. Против тебя, Аджакти, прямых улик нет. Я пожертвую пехотинцем, но сохраню всадника. Горец, у тебя будет ночь, чтобы попрощаться со всеми. Я должен был бы посадить тебя под замок, но, думаю, твоего слова будет достаточно.

Каю пришлось сделать над собой усилие, чтобы говорить рационально и ровно:

— Что, если есть возможность сохранить и пехотинца, и всадника, сейджин?

Скавр криво усмехнулся и хлопнул гладиатора по плечу:

— Похвальная попытка спасти товарища. Но так, чтобы и волки сыты, и овцы целы… Так в жизни не бывает.

— Скажи Клыку: пусть возьмет то, что принадлежит ему, сам. А не сможет — пусть убирается восвояси. Скажи, что двое твоих бойцов вышли против девяти его воинов. Неужели вордлорд побоится один выйти против двоих? Да еще когда один из них ранен? Гайены горды, воинская доблесть для них — высшая добродетель. Сегодня рабы унизили их. Клык не откажется от шанса отыграться, унизив нас на глазах товарищей.

Мясник нахмурился, раздумывая над словами Аджакти:

— Ты думаешь, Клык согласится на поединок?

— Почти уверен. Предложи ему сразиться с нами здесь, на тренировочном плацу, на виду у всех гладиаторов. Если вордлорд победит, мы будем его, живые или мертвые. Если мы возьмем верх, пусть гайен отзовет свои требования и ни он, ни его соплеменники нас больше не беспокоят.

— Звучит красиво, — пожевал губами Скавр. — Если Горцу повезет, он вынудит Клыка убить его в бою — все лучше, чем смотреть, как с тебя живьем сдирают кожу, чтобы потом сделать из нее маску для жреца, — заметив взгляд Токе, мясник немного смутился: — Прости, малыш, но, откровенно говоря, боюсь, это лучшее, что ты можешь ожидать в гостях у гайенов.

— На меньшее я и не рассчитывал, — усмехнулся белыми губами Токе.

Кай непонимающе переводил глаза с одного собеседника на другого:

— Постойте! В этом не будет нужды. Я справлюсь с Клыком! Даже если Горец не способен будет помочь, я…

— Это моя война, Аджакти, не твоя, — прервал его Горец. — К тому же гайен не дурак. Еще в пустыне он видел, на что ты способен. Он не пойдет на ненужный риск. Другое дело — поединок со мной. Такой вызов «пес» не сможет отклонить, не уронив чести!

— Ты не в себе! — Забыв приличия, Кай бросился между Токе и Скавром, обращаясь теперь к последнему: — Дурная кровь от

раны ударила ему в голову, сейджин. Не слушайте его. Клык умрет, и мы сделаем это вместе…

— Что я сказал о твоем языке, Аджакти! — Мясник выпрямился, расправив внушительной ширины плечи. Все признаки опьянения слетели с него, и выражение окаменевшего в гневе лица ясно говорило: Скавр близок к тому, чтобы выполнить угрозу. — Разве я спрашивал у тебя совета, раб?! Да ты ноги мне должен целовать за то, что я вообще согласился выслушать такое ничтожество, вместо того чтобы заковать вас обоих и швырнуть «псам», как кость! Может, у тебя и есть покровители наверху, дорожащие твоим членом, да и тем самым языком в придачу. Но ты — *мой* раб и выполняешь *мои* приказы! Отправляйся в казармы и будь тише воды ниже травы. Найди Чеснока и пошли сюда — пусть лекарь поглядит, на что Горец будет способен завтра. Ну чего пялишься?! — Если мясник и увидел в глазах гладиатора свою смерть, то не подал виду. — Пшел!

Кай удержал взгляд Скавра еще мгновение, но тот был непроницаем и тверд, как пропитанный кровью песок Минеры. Раб повернулся и, коротко глянув на Токе, вышел вон.

Глава 10
Удар

Изнывающая от нервного напряжения «семерка» обсела лестницу, ведущую к конторе Скавра. При виде белого лица Аджакти, показавшегося из-за двери, все разговоры мгновенно смолкли. Пока гладиатор спускался по ступенькам, глаза товарищей недоумевающе шарили за его спиной.

— А что с Горцем? — наконец не выдержала Лилия.

Холодная ярость бушевала у Кая внутри, как снежная буря:

— Мясник решил выдать его гайенам. Чеснок должен осмотреть рану. Если Токе сможет сражаться, Скавр пошлет Клыку вызов от его имени.

— Выдать Токе?! А как же ты? — оборвала Лилия. В глазах товарищей Кай прочел тот же вопрос.

— Я… — Аджакти отвел взгляд. Над друзьями набухал звездами свинцовый клочок неба, прямоугольный, как крышка гроба. — Фигура, которую хозяин не хочет отдавать. Я пытался… Горец не позволил мне… Скавр не позволил…

— А ты был этому рад! — Губы Лилии дрожали, руки сжались в кулаки. — Хозяйский прихвостень!

Кай сжал челюсти так, что зубы скрипнули:

— Тигровая, поверь, что бы я только не отдал, чтобы оказаться на месте Горца!

— Но ты *не* на его месте! Ты в безопасности, у мясника за пазухой. Будешь и дальше нести ему золотые яйца. А Токе… Да как Скавру в голову пришло, что он сможет сражаться завтра, с такой-то раной?! Небось и тут этот мешок дерьма хочет заработать на ставках!

— Вообще-то, — Аджакти смущенно кашлянул, — это была моя идея. Так у Горца все-таки будет шанс…

— Твоя идея?! — Глаза у Лилии стали узкие-узкие, зелень в них потемнела, как штормовое море. Аркон попытался дотронуться до плеча девушки, но она резко стряхнула ладонь. — Да ты… Ты подставил его! — Гладиатрикс задыхалась, на щеках выступили лихорадочные пятна. — Подлец! — И, прежде чем кто-либо успел удержать ее, Лилия выбросила вперед кулак. Аджакти не уклонился. Голова дернулась назад, из лопнувшей губы брызнула кровь. Он ничего не сказал в свою защиту. Ни одна из доставшихся ему за всю жизнь затрещин не казалась более заслуженной. Девушка замахнулась снова, но на этот раз Аркон перехватил ее руку. Она попыталась вырваться, но, поняв

бесполезность усилий, внезапно обмякла и зарыдала, спрятав лицо на груди товарища.

Аджакти протиснулся между Вишней и Тачем и пошел в лазарет за Чесноком. Взгляды «семерки» жгли ему спину.

Лекарь задерживался. Токе все труднее было стоять прямо. Комната, покачиваясь, кружилась перед ним, как когда-то давным-давно виденная на ярмарке карусель.

— Скажи-ка мне, Горец, — Скавр откровенно рассматривал его, покачиваясь вместе с конторой и столом, на который опирался его крепкий зад, — ты знаешь что-то, чего не знаю я? Почему ты так уверен, что Клык согласится на этот поединок? Почему капитан гайенов лично притащился сюда по жаре? И неужели… ты рассчитываешь победить в этом бою?

Токе постарался сфокусировать взгляд на волосатой груди Скавра, проглядывающей в сбившемся вороте туники:

— Если Клык откажется, скажите, что знаете, как я заработал этот шрам, — он ткнул себя в левую щеку. — И еще можете добавить, что капитан сам повинен в смерти своих людей. И что он — последний.

— Вот как? — криво усмехнулся мясник. — А что, если магические слова не подействуют? Ты, малыш, меня вслепую с гайенами стравить хочешь?

— Слова подействуют, — Токе надеялся, что его голос звучит твердо. Волосы на груди Скавра колыхались, как водоросли на речном дне. — А о том, что будет дальше, не стоит беспокоиться, сейджин. Кто бы ни одержал верх в завтрашнем бою, эта история окончится здесь.

В дверь слегка поскреблись.

— Заходи! — рявкнул хозяин, и в контору бочком пропихнулся седой, сморщенный, как печеное яблоко, старичок. — Наконец-то. Чеснок, глянь-ка на рану Горца и скажи, сможет ли он завтра выйти в бой.

Лекарь, сопровождаемый запахом давшего ему имя растения, прошлепал к гладиатору и прищурил на него подслеповатые глаза:

— Ну и где тебя на этот раз раскурочили?

Кай лежал на койке, смежив веки, но сна не было ни в одном глазу. Больше всего ему сейчас хотелось выскочить на плац, схватить первый попавшийся учебный меч и лупить им по деревянному столбу, пока от пэла не останутся одни щепки. Вот только удар гонга уже возвестил отбой, и в распоряжении гладиатора была только до боли знакомая клетушка два на два

метра и жесткие нары. Их-то он и давил, отчаянно ворочаясь. Найти выход из положения, в которое он загнал себя и Токе, казалось невозможным. Это походило на игру в скак с Мастером Аром: Каю только что поставили шах, и какие бы комбинации он ни просчитывал, на сколько бы ходов вперед ни загадывал, защитить короля не удавалось.

Деревянные нары протестующе скрипели, одеяло все больше и больше обматывалось вокруг тела, так что Аджакти наконец чуть не сверзился на пол, связанный по рукам и ногам. Он ругнулся, выпутался из шерстяной ткани и постарался расслабиться. Если очистить разум, может, и блеснет перед внутренним взором новое решение, возможность, которую сейчас застилал гнев? Он представил себе, что смотрит на солнечные блики, играющие на поверхности воды, — обычно это помогало сосредоточиться. Кай созерцал яркое пятно, и постепенно рябь на речной глади, отражения неба и деревьев, плывущие мимо осенние листья потускнели и исчезли. Он почувствовал, как наливаются тяжестью руки и ноги, как растет в них тепло.

Поток подхватил его и потащил с собой, крутя и бросая вверх и вниз, пока что-то не ткнулось в бок. Мертвое тело плыло по волнам, окрашивая их алым. Горец?! Ужас опрокинул Кая, развернул лицом к трупу. Кожу мертвеца будто позолотила осень. Гайен! Рядом появился еще один покойник. За ним — еще один. И еще. Церруканец. Озиат. Северянин. Но не Токе. Только бы среди них не оказалось Токе…

Река кишела мертвыми телами, кровь друзей и недругов смешалась, она была одного цвета. Кай плыл в центре этого потока, алое текло вокруг, и он не мог найти берегов. А потом вода начала превращаться в песок. Аджакти приготовился умереть, погребенный заживо, но сердце продолжало биться, и внезапно он понял — это потому, что оно из камня.

Скрежещущий звук резанул слух, возвращая к реальности. Аджакти вздрогнул. В закрытые веки ударил слабый свет. Дверь снова скрипнула, свет исчез, и Кай приоткрыл глаза. Это был Горец, живой и почти невредимый. Не раздеваясь и стараясь не шуметь, парень скользнул в постель — он явно принял Аджакти за спящего и не хотел разбудить товарища.

— Что сказал Чеснок? — Собственный язык казался Аджакти чужим и неповоротливым. Сердце тяжело бухало в груди.

Токе дернулся под одеялом, так неожиданно прозвучал в темноте голос соседа.

— Чего не дрыхнешь-то? Поздно уже. Лекарь похвалил твою работу. Обещал, что жить буду, если, конечно, завтра… — Он запнулся, потом продолжил лишенным выражения голосом: — По

крайней мере, умру я не от этой царапины.

— Значит, Скавр пошлет-таки вызов Клыку?

— Угу.

— Ты говорил с остальными об этом?

Токе ворохнулся на койке:

— Нет. Когда Чеснок выпустил меня из лазарета, уже пробили отбой. А ты?

— Говорил, — Кай невольно провел языком по разбитой губе. Токе не мог разглядеть ссадину в темноте. — Не люблю я эту роль — гонец, приносящий плохие новости.

— Ну новость не так уж и плоха, — возразил Токе. — Благодаря тебе у меня будет шанс воздать палачу по заслугам.

— На этот счет могут быть различные мнения. Кое-кто за то, что я тебя «подставил» под гайенов меч, мне губу расквасил. А потом Арконову тунику слезами залил так, что ее и стирать теперь не надо.

— Никого ты никуда не подставлял! — возмутился Токе, даже койка под ним протяжно скрипнула. Тут до него дошло. — Погоди! Ты говоришь… Лилия? Она плакала?

— Рыдала со всхлипами, — подтвердил Кай. Пока Горец переваривал известие, Аджакти сел на койке и завозился в жаровне с потухшими углями. В каморке запахло золой, на нее шумно дунули, еще раз, и голые каменные стены озарил робкий оранжевый рассвет.

— Так-то лучше, — Кай протянул к огню озябшие руки. Тепло отгоняло призраки за границу тени, помогало поверить в их бесплотность и думать о живых.

— Это что же, она… — Токе облизнул языком пересохшие губы, — из-за меня?

— Нет, у нее живот разболелся, — хмыкнул Аджакти и наклонился вперед, облокотившись на собственные ляжки. — Она в тебя втюрилась по уши, дурачина! — С удовлетворением он отметил признаки того, что сообщение дошло, куда требуется: губы Токе предательски задрожали, морщины на лбу сложились в новые складки.

— Не… не может быть, — запинаясь, выдавил парень, прижимая к сердцу одеяло, будто щит. — Это глупость какая-то.

— Глупость — это то, что ты, дубина, не видишь, что у тебя под носом.

— Под носом у меня были твои лапищи на ее си… — Токе задохнулся, с трудом проглатывая чуть не сорвавшееся с языка грубое слово, — сиамских близнецах!

Каю стоило огромного труда сдержать лошадиное ржание. Он выдал себя только булькающим звуком, заставившим Горца

напрячься и подозрительно уставиться в каменное лицо товарища.

— Гхм, мои лапы, как ты выразился, — заметил Аджакти, немного овладев собой, — были там, куда их положили. Девчонка дразнила тебя, а ты, телок, уши развесил!

— Ага, еще скажи, что тебе это не нравилось! Видел я, как у тебя слюни капали!

— Ну меня хоть и называют троллем, но только наполовину, — ухмыльнулся Кай. — Так что, ничто человеческое мне не…

— Ладно-ладно, — прервал товарищ, на бледных щеках которого проступил намек на румянец. — Может, Лилия меня и дразнила, с нее станется. Но дразнилки — это одно, а… — Горец потупил взгляд, будто ища нужные слова в складках одеяла, — другое — это… другое. Она говорила тебе что-нибудь? Ну про меня? — Токе вскинул взгляд на друга. Отсветы жаровни мерцали в серых глазах, ожидавших ответа.

— Конечно, — уверенно кивнул Кай. — Говорила, и много чего. В основном про то, какой ты дурак набитый.

Горец вспыхнул, но Аджакти продолжал, не собираясь щадить товарища:

— Тигровая — девушка гордая. Она о своих чувствах трепаться не будет. А вот придираться к одному конопатому северянину, посмеиваться, взгляды бросать украдкой, заставить ревновать — да, это с нее станется.

Горец нахохлился и снова принялся изучать одеяло.

— А теперь скажи-ка мне, голубь, — Кай чуть нагнулся, заглядывая Токе в лицо, — как долго вы будете танцевать друг вокруг друга? Пока смерть не разлучит? Кажется, дама с косой и так уже достаточно долго торчала за спиной у вас обоих.

— Зачем ты *сейчас* говоришь мне об этом?! — В голосе Горца звучала неприкрытая мука, по-девчачьи густые ресницы беспомощно моргали. — Разве ты не видишь — теперь не время и не место.

— Со временем и с местом как раз все в порядке! — возразил Аджакти. — Зато вот с тобой…

— А что со мной? — встопорщился Токе. — Рана — пустяки. Перед глазами немного плывет — так это из-за той архи, которой ты меня накачал. Увидишь, гайену завтра несладко придется!

— В этом я не сомневаюсь, — Кай вздохнул и попробовал поймать взгляд товарища. Но Горец отвел глаза и сделал вид, что поглощен языками пламени в жаровне. Аджакти вздохнул. «Что ж, от топтания вокруг да около пользы не будет». — А тебе? Сколько у тебя будет времени, прежде чем шов разойдется?

В наступившей тишине мягко потрескивали угли, в которых делал свою тайную разрушительную работу огонь.

— Немного, — Токе помолчал. — Этот бой должен закончиться быстро.

— И как он закончится?

Между ними снова повисла пауза. Тени ползли по углам. Когда Горец заговорил, голос звучал устало:

— Это знают только боги.

Аджакти тряхнул головой:

— Это должен знать *ты!* Скажи, как ты собираешься надрать «псу» задницу?

Токе помрачнел:

— Справедливость на моей стороне, а значит, и Божественное провидение.

— Ну на Провидении далеко не уедешь.

— А что у меня еще остается? — пожал плечами Горец и скривился, разбередив рану.

— Что остается? Например, злость. К тому же не забывай твое главное преимущество.

— Какое еще преимущество? — удивленно воззрился на Кая Горец.

— Клык постарается взять тебя живьем, так? Ведь зарезать виновного для него — слишком просто, никакого удовольствия. А тебе всего лишь надо прикончить вордлорда.

— Всего лишь?! — хмыкнул Токе. — Допустим. Ты сказал, это мое главное преимущество. Разве есть какие-то еще?

— Есть, — кивнул Аджакти. — Неожиданность. Клык помнит мальчишку-пастуха, которого он захватил в пустыне и продал Скавру. Конечно, Скавр подтвердит, что ты порешил его людей. Но поверит ли капитан в то, что ты был один? Ведь гайен не подозревает, насколько ты хорош. На этом можно сыграть.

— Сыграть?

— Ну у тебя же еще в песках актерский талант открылся. Помнишь след дьявола? Вот и найди ему применение. Таланту, то есть.

— Скажешь тоже, — смутился Горец, — талант! Пьяного изображать не то же, что…

— Испуганного деревенского мальчишку, — закончил за него Кай.

— Особенно стараться мне не придется, — насупился Токе.

Аджакти слишком хорошо знал, каково это — встретить лицом к лицу свой худший кошмар. Он протянул руку через узкий проход и хлопнул товарища по плечу:

— Не ссы. На этот раз я буду рядом. Обещаю.

— На этот раз мне не нужна будет нянька! — встопорщился Горец.

Аджакти ухмыльнулся:

— Какое тебе дадут оружие?

— Скавр предоставил мне право выбирать самому. Наверное, целурит и щит, обычное вооружение «жнеца».

— Против?

— Клык, скорее всего, заявится с илдом и бянь. Погоди! — озарило Токе. — Против бянь щит не годится. Мне понадобится нож!

— Хороший выбор, — одобрил Кай. — Теперь представь, что я — Клык. Какое мое первое движение?

— Так. Думаю, ты постараешься меня обезоружить. Скажем, выбить меч бянь.

— А что ты?

— Попробую увернуться. Если повезет — перерублю бич.

— *Если* повезет? — поднял бровь Аджакти. — Я в отличной форме, силен как бык, хладнокровен и рожден с бянь в руке. Твоя подвижность ограничена из-за раны. И ты рассчитываешь, что тебе повезет?!

— К чему ты клонишь? — Глаза Токе мрачно сверкнули. — Только что пел, что я — второй Фламма, а теперь говоришь, что Клык с первого удара разделает меня под орех?

— Не разделает. Если ты подготовишься. Если будешь управлять этим боем.

Мгновение Горец изучал товарища критическим взглядом. Внезапно он свесил ноги с постели и решительно сел на нарах лицом к Каю:

— Ты — Клык. Начинай.

Когда Зейд просунулся в дверь каморки, чтобы передать Аджакти приказ Скавра, взору его предстала удивительная картина. Сначала воину показалось, что гладиаторы сцепились в тесной камере. Но, приглядевшись, он понял, что они заняты «боем с тенью» — движения были четкими, но нарочито медленными и на волосок не достигали цели.

— Немного левее и ниже, — поправил «полутролль» руку Горца на своем бедре. — Сюда. Тут проходит жила.

Заметив стражника, Аджакти вскинул свои жуткие глазищи. Зейд сложил пальцы за спиной в отводящий зло знак:

— На выход, урод. Скавр вызывает!

В конторе мясник оказался не один. Шторы закрывали окно, огонек лампы едва мерцал, но лицо посетительницы было

настолько темнее окружавшего ее полумрака, что Кай без труда узнал чернокожую телохранительницу принцессы. Она развалилась на одном из стульев, вальяжно вытянув ноги в узких кожаных штанах, и чистила ногти кончиком ножа. На появление гладиатора мтеха не среагировала ни звуком, ни взглядом. Казалось, гигиеническая процедура целиком поглотила ее.

— Тяжелый денек выдался у тебя, а, Аджакти? — раздался из темноты голос Скавра. В тусклом свете лампы виднелся только грузный силуэт, утонувший в глубоком кресле. — Похоже, твои подвиги на сегодня еще не закончены. Прекрасная дама желает видеть тебя, причем безотлагательно.

Новость не застала Кая врасплох: он догадался обо всем, как только увидел чернокожую. И все же приглашение пришлось как нельзя некстати. Именно сейчас, когда он так нужен Токе!

— На улицах наверняка полно кордонов, сейджин.

— Большинство солдат уже отозвали, — телохранительница полюбовалась результатом своих усилий, растопырив пальцы. Голос у нее был по-мужски низкий и грубый. — Оставшиеся прочесывают злачные кварталы. В верхнем городе твоя задница будет в большей безопасности, чем в собственной постели.

— А если нас все-таки остановят? — не сдавался Кай. — У стражи есть мое описание.

— Прикрой свою гнусную рожу, и никто тебя не узнает, — мтеха легко поднялась со стула, едва скользнув по гладиатору взглядом. — А если даже узнают, — белоснежные зубы сверкнули в недоброй улыбке, — то у меня есть универсальный пропуск.

Аджакти не был уверен, что именно телохранительница имела в виду: имя принцессы или лезвие ножа, молниеносно скользнувшее между пальцами и скрывшееся в складках одежды. Он повернулся к Скавру:

— Позвольте мне остаться сегодня в школе, сейджин. Горцу нужна моя поддержка!

— А даме нужен твой… гхм, меч, — мясник нарочито громко прочистил горло. — Отправляйся с госпожой Шазией и не спеши возвращаться поутру. Я сказал Альдоне, что ты не явишься раньше обеда.

— Что это значит? — Внутри у Кая все похолодело.

— С какой это стати я должен отчитываться перед своими рабами?! — Скавр рявкнул так, что даже бесстрастная Шазия приподняла бровь. — Только поглядите на него! Я ему жизнь спас, а он еще и ерепенится!

Кресло протестующе застонало, когда темный силуэт покинул его, выходя на свет. Лицо мясника было серым от усталости, но глаза горели яростью:

— Ты отправишься, куда тебе скажут, сделаешь то, что тебе скажут, и вернешься, когда тебя отпустят! Точка. Нет, восклицательный знак!

Скавр обернулся к Шазии, нетерпеливо постукивавшей носком сапога по полу:

— Прошу прощения, госпожа, забирайте Аджакти, он полностью в вашем распоряжении.

Чернокожая улыбнулась, снова демонстрируя великолепные зубы:

— Жаль, не придется его тащить на цепи. Мою хозяйку возбуждают игры со связыванием.

Глава 11
Будущее, написанное на воде

Известие о беспорядках на Торговой площади застало Аниру на вилле Сиаваши. Приглашение на скучнейшие женские посиделки принцесса могла бы проигнорировать, если бы супруг Кефы не владел золотом, которое звенело в карманах Омеркана. Темескин, богатейший купец Церрукана, был целиком под каблуком своей женушки, которая спала и видела голубой шелк шаков на своих плечах. Разговор женщин, среди которых Кефа единственная не могла похвастаться длинным именем и титулом, крутился вокруг нехватки развлечений в отрезанном зимой от мира Церрукане. Но среди куртуазных фраз проскакивали намеки, понятные только Анире и Кефе, — у сегодняшней встречи была другая, скрытая повестка дня.

Принцессу забавляла эта игра — махать голубой тряпкой с гербом перед длинным носом плебейки, чтобы оставить с еще более длинным носом дорогого братика. Кефа не являлась легкой добычей. Омеркан действительно оказывал ее супругу знаки особого расположения. Например, сегодня гостей развлекали любимые артисты принца. Немой мим Люк и его труппа, занесенные непонятно каким ветром в Церрукан из самой Фееринды, остались зимовать в городе по личному приглашению Омеркана. Уши Аниры услаждал сладкий голос Козетты:

Сегодня ветрено снова
И волны терзают берег.
Так должно быть. Я знаю слово
Сильней твоих оберегов.

Достану старую доску,
Расставлю на ней фигуры
И первым кораблик брошу
В давно знакомую бурю.

Я вижу твой страх и смятенье,
И мачты, согнутые в плаче;
Все будет так, как задумано,
Не может и быть иначе.

Анира сидела со скучающим лицом. Она не хотела показать,

что песня произвела на нее впечатление, не хотела, чтобы Кефа догадалась, что высокая гостья впервые слышит феериандку. Омеркан не допускал своих любимцев на женскую половину дворца. Полупонятные слова на тан заставили сердце принцессы биться быстрее — она думала об Аджакти и таинственном эбру, скрытом в золотом ожерелье, оттягивавшем ее плечи книзу.

Согнувшийся в поклоне молодой раб подал хозяйке свиток на изящном серебряном подносе. Кефа читала медленно, шевеля губами, как ребенок. За ее спиной кузина Шарзад, кривляясь, передразнивала усилия ничего не замечавшей женщины. Кефа оторвалась от свитка и вскинула на Аниру оживленно заблестевшие глаза:

— Это письмо от моего мужа. Он предостерегает от выхода в город. Гладиаторы взбунтовались и перерезали гайенов на Торговой площади.

Последние слова хозяйки потонули в хоре возбужденных голосов. Принцессе пришлось вмешаться и успокоить свиту, чтобы получить возможность услышать подробности. Как она и ожидала, сообщив о бунте, Кефа сильно сгустила краски. Темескин писал, что гладиаторов было всего двое и что по всему Церрукану уже разосланы солдаты в поисках убийц. На всякий случай купец велел супруге запереть все двери и усилить охрану у ворот. При этом известии женщины снова закудахтали, как всполошившиеся куры. Аниру же охватило странное спокойствие. Она будто услышала голос внутри себя, тот же голос, что наполнял ее голову в храме Иш-таб. Принцесса прижала руку ко лбу, будто пытаясь почувствовать форму звуков кончиками пальцев, но визгливый дискант Кефы разбил внутреннюю тишину:

— Оба раба — чужеземцы, один из них северянин, а второй — страшный и седой, как ледяной великан.

Вот уже битый час Анира металась по стеклянному павильону, не в силах найти себе место. Мысли скакали, как кузнечики в банке. «Почему Шазия не возвращается так долго? Что, если Аджакти уже пойман? Или это все-таки не он? Но у кого из гладиаторов еще такая же белая грива? А если это Аджакти, зачем идиот устроил бессмысленную резню? Возможно ли его спасти, не подставив при этом себя под удар? Или лучше вызнать у него все, а потом отдать Омеркану в знак своей преданности?» При этой мысли все внутри Аниры перевернулось, к горлу подступила тошнота, но она пересилила себя. «Я должна думать только о своем будущем. Об Анире некому позаботиться, кроме нее самой. Что послужит мне лучше? Ах, если бы я могла прочесть эбру!»

Принцесса сняла тяжелый золотой обруч и в который раз принялась рассматривать отпечаток на тонком листке бумаги, уже изрядно истрепанном по краям. Огонек свечи колыхался, придавая водяным символам объем, заставляя их отбрасывать тени. Собачья голова. Двойные мечи. Ворон. Языки пламени. Корона. Где в этом узоре место Аджакти? Собака, возможно, означает гайенов. Значит ли это, что павшие сегодня от меча «псы пустыни» каким-то мистическим образом приближают ее к цели — короне? Но что тогда сгорит в огне? Власть Омеркана? Ворон, птица Ночного Ветра, разинув клюв, насмехался над ее бесплодными усилиями. Закусив губу, Анира скатала бумагу в тонкую трубочку и снова затолкала в рот золотой змеи. Она знала, что ей полагалось теперь помолиться, но нужные слова не шли на язык, путались и ускользали из памяти. Вместо них губы сами собой складывались в звуки чужой речи:

Все будет так, как задумано,
Не может и быть иначе.

Отец не оставил знака,
Но знаю и чувствую кожей,
Как брошенная собака,
Ты тот, быть ошибки не может.

Сегодня ветрено снова…
И в полуночном мраке
Воздух поет о новом
Нерасторжимом браке.

Анира вздрогнула. За окном две тени пересекли светлое пятно там, где в садовой зелени прятался фонарь. Принцесса метнулась к устланной атласом софе и растянулась на ней в соблазнительной позе. Аккуратно расправила складки легкого платья, позволив волнам шифона свободно ниспадать, обнажая мягкую округлость бедра. Она еще не решила, как быть с Аджакти, но теперь была уверена — Иш-таб даст ей знак и пошлет силу исполнить задуманное.

Как и в прошлый раз, внутри садового павильона царил мрак. Ночь была безлунная, и Шазия ухватила его руку чуть выше запястья, чтобы провести через темные залы без ущерба для изящной мебели. Возле уже знакомой двери телохранительница толкнула Аджакти к стене. Белки ее глаз сверкнули совсем близко от его лица, черный палец коснулся губ в

предупреждающем жесте и ткнул гладиатора в грудь. «Стой здесь и не шуми» — понял мимику мтехи Кай. Деревянная панель отъехала в сторону, коридор на мгновение залил красноватый свет, тут же заслоненный высокой фигурой Шазии. Дверь закрылась.

Аджакти навострил уши. Его острый слух уловил приглушенное бормотание — два голоса, определенно Шазия и Анира, — но слов разобрать не смог. Он несколько раз глубоко втянул прохладный воздух в легкие, успокаивая пульс. Когда палисандровая панель снова ушла в стену, и свет камина мазнул лицо Кая, оно было совершенно бесстрастным. Повинуясь знаку телохранительницы, он шагнул в спальню.

Принцесса возлежала на низком диванчике, укрытом алой переливающейся тканью. Красота ее сияла ярче шелков. Тонкие пальцы находили зерна граната в высокой золоченой вазе, фруктовый сок увлажнял припухшие чувственные губы. Янтарные зрачки под длинными ресницами исследовали его, как любопытное насекомое, будто решая, стоит ли приколоть находку булавкой и высушить на память.

Кай сделал шаг вперед и порывисто опустился на колено, уткнувшись взглядом в пушистый ковер. Его склоненная голова пылала. Он пришел, чтобы просить, но как можно просить того, кто намерен только брать сам?

— Раздевайся, — тихо произнес над ним искаженный страстью голос.

Аджакти поднял лицо и встретил голодные глаза ягуара.

Кай смотрел через стекло в ночной сад. В большинстве фонарей масло выгорело, но некоторые еще тлели, выхватывая из темноты белые призраки деревьев — все вокруг покрыл иней. Пар от горячего бассейна облаком стоял над невидимой водой. Только изредка легкий бриз отрывал полупрозрачные полотнища и гнал их над жесткой от мороза травой, так что казалось, будто на поляне водят хоровод привидения.

— Это проклятое место.

От шепота Аниры по обнаженной спине Аджакти побежали мурашки. Он подумал о древней статуе в глубине сада. Иш-таб и Нау-аку. Сестра, вернувшая своей кровью брата к жизни.

— В этом самом павильоне моего деда задушили его же собственным кушаком. Говорят, скорбный дух амира все еще бродит по аллеям. Потому эта часть сада совершенно заброшена. Идеально для тайных свиданий, не так ли?

Кай обернулся и понял, что вопрос Аниры был риторическим. Ее тело сияло в полумраке, как мраморная плоть богов, такое же

совершенное и, казалось, неподвластное времени. Даже тонкие струйки пота на груди только подчеркивали ее красоту, как жемчуг — нежность перламутра. Заполненные тьмой глаза скользнули из сада на лицо Аджакти и задержались, поймав его взгляд.

— Павильон и сад принадлежали наложнице деда. Края шелкового кушака держали руки его сына. Наложница стала четвертой женой нового амира и моей матерью.

Аджакти не отвел взгляд. Даже веки его не дрогнули. «Уже одно то, что принцесса говорит со мной, а не приказывает — знак высочайшего доверия. Но чего добивается Анира, посвящая раба в свое прошлое? Рассчитывает, что я скоро погибну и унесу это знание в могилу? Или у нее на мой счет какие-то планы, и она старается завоевать мою преданность?»

Аджакти отошел от окна и сел на ковер в изножье кровати. Он с осторожностью выбирал слова:

— Твой брат. Он рожден от другой матери, от крови шахов? Поэтому Омеркан ненавидит тебя?

Принцесса лежала, не шевелясь, как мраморная богиня, опершаяся на локоть. По саду прошел ветерок, и тени от ветвей бросили на ее лицо узорное кружево, будто закрыв его искусной маской.

— Те гайены… Зачем ты убил их?

Темнота заполнила паузу. Теперь Кай понял: признание Аниры вынуждало его сказать правду.

— «Псов» на площади прикончил мой друг. Я помог ему бежать. Товарищи убитых напали на нас в переулке. Горец был ранен. Я просто защищал его.

Снова молчание и мрак.

— Твой друг не слишком умен. Что толкнуло его на это безумие?

— Гайены убили людей, которых он любил.

— Значит, он пожертвовал своей жизнью ради мертвых?

— Он еще жив! — Кулаки Аджакти невольно сжались. Лицо Аниры оставалось узорной маской, но он был уверен — принцесса заметила жест. Настало время действовать. — Спаси его! Ты — дочь амира, ты можешь приказать Скавру не выдавать Горца. Одного твоего слова будет достаточно! Ведь в твоих руках власть.

Принцесса оказалась на ногах так быстро, что край покрывала, в которое она запахнулась, хлестнул Аджакти по щеке.

— Луноподобная! — Голос девушки звенел, как сталь под молотом кузнеца. — Забыл, как следует обращаться к твоей госпоже, тварь?! — Босая нога пнула Кая в грудь, опрокинув на

ковер. — Да как ты смеешь чего-то у меня просить?!

Кай остался лежать. Он впервые обратил внимание на то, что потолок спальни был украшен золотыми звездами, имитировавшими ночное небо. Они слабо мерцали отраженным светом. Ясность была здесь, совсем рядом.

— На самом деле у тебя нет никакой власти, так, Луноподобная? За тебя все решает отец, а когда он умрет, будет решать брат. И кажется, я знаю, каким будет его первое решение. Навряд ли он захочет запятнать свой трон браком с отродьем плебейской…

Анира обрушилась на него быстро и бесшумно, как дикая кошка. Не успей он перехватить ее запястья, длинные ногти выцарапали бы ему глаза.

— Не думай, будто ты что-то обо мне знаешь! — шипела принцесса, стараясь вырваться из его хватки. Черные локоны упали на лицо, верхняя губа приподнялась, обнажая острые зубы. — Ты вообще не должен думать, раб! Только делать то, что тебе прикажут!

Аджакти почувствовал движение воздуха на лице — где-то открылась дверь. Он не хотел причинить Аните боль. Когда сила, сжимавшая ее запястья, внезапно пропала, принцесса по инерции упала вперед и шлепнулась носом в мягкий ковер. Вездесущая Шазия мгновенно оказалась между госпожой и откатившимся в сторону гладиатором. Острие ее меча угрожающе кольнуло воздух в направлении голого раба:

— Выпустить ему кишки или вспороть горло, Луноподобная? — хладнокровно поинтересовалась чернокожая, не сводя с Аджакти настороженного взгляда. Кай не стал дожидаться выбора Аниры.

— Если бы я не думал, то не знал бы, как помочь тебе обрести власть, — на одном дыхании выпалил он и осторожно добавил, косясь на Шазию: — Луноподобная.

— Пожалуй, кишки. Так больнее будет, — решила для себя мтеха и шагнула к распростертому на полу гладиатору.

— Нет!

Телохранительница замерла и удивленно уставилась на Аниру:

— Но, госпожа, я же видела, это животное напало на вас.

— Никто на меня не нападал! — Анира плюхнулась в кресло, царственным жестом запахнув покрывало на груди. — Это была игра. Ну что пялишься, как дура?! Пошла! Надо будет, позову.

Бросив убийственный взгляд на Аджакти, Шазия развернулась, бросила меч в ножны и направилась к двери, печатая шаг.

— Подожди!

Кай напрягся, замерев на коленях, приколотый к полу взглядом принцессы. Телохранительница поклонилась, ожидая дальнейших указаний.

— Зажги свечи.

Аджакти не выпускал Шазию из виду, пока она, ворча себе под нос, не подцепила тлеющий в камине уголек и, выполнив желание хозяйки, не скрылась за дверью. Мягкий желтый свет озарил лицо принцессы. По его выражению Кай понял — одно неверное слово, один намек на ложь — и Анира велит Шазии прикончить его и на этот раз не отзовет свою сторожевую овчарку.

— И чем же думающий раб полезнее говорящего попугая? — скривила губы принцесса. — У тебя есть одна минута, чтобы убедить меня.

Аджакти облизнул пересохшие губы:

— Раб будет звучать убедительнее со штанами на заднице.

Анира усмехнулась и легко кивнула. Кай поторопился всунуть ногу в штанину. «Интересно, минута уже пошла? Я знаю слишком мало, значит, придется рискнуть и надеяться на то, что мои догадки верны».

— Ходят слухи, что амир долго не протянет.

— Неужели? — оборвала принцесса, критически вскинув бровь.

— Дурные настают времена. Достойные люди умирают до срока. Вот и Джамал…

— А что — Джамал? — снова прервала Анира, но на этот раз в ее глазах горел искренний интерес. Аджакти справился наконец с поясом штанов и опустился на ковер перед принцессой, скрестив ноги. «Похоже, настала пора припомнить, чему учил меня Мастер Ар».

— Луноподобной известны четыре опоры власти? — Вопрос, заданный тихим голосом, прозвучал почти как утверждение.

— Напомни мне, — растянула губы в улыбке принцесса. — Память у меня девичья.

— Сила. Богатство. Вера. Закон. Четыре опоры. Без одной из них любая власть неустойчива. Без двух — обречена, — Аджакти замолчал, проверяя реакцию принцессы. Девушка пожирала его глазами, чуть приоткрыв губы, будто пробуя каждое слово на вкус. Но, заметив взгляд гладиатора, Анира наигранно резко махнула рукой:

— Все это — пустая философия. Ближе к делу. У тебя осталось… — Принцесса обернулась на песочные часы, но только тут сообразила, что забыла перевернуть склянку. — Гм, скажем,

десять секунд.

Кай понизил голос еще больше — на случай, если Шазия способна была опуститься до подслушивания:

— В Танцующей школе сто обученных гладиаторов. Любой новобранец стоит двух солдат, которые присягнут Омеркану. Последний из ветеранов — пяти. В Королевской школе триста закаленных ареной бойцов. Всего в Церрукане порядка пятидесяти крупных и мелких школ. Сколько насчитывает церрукканская армия?

— Включая городскую стражу, примерно пять тысяч, — Анира нахмурилась, между красиво изогнутыми бровями залегла глубокая складка. — Куда ты клонишь? Гладиаторы — рабы и сражаются только на арене.

— За что?

Анира задумчиво покачала головой:

— О чем ты? — Похоже, она забыла про десять секунд.

— За что они сражаются?

Принцесса презрительно фыркнула:

— Они — обесчещенные! Их гонит в бой плеть и приказ мясника!

— Это верно. Но многие из них никогда бы не принесли клятву гладиатора, если бы не одно обещание, одна надежда.

— Деньги? — сморщила носик Анира. Кай покачал головой:

— Свобода. Эти люди пойдут за тем, кто даст им свободу.

Принцесса откинулась в кресле и прикрыла глаза. Несколько мгновений она сидела без движения, только вздымалось и опадало атласное покрывало на груди. Внезапно она распахнула глаза. Зрачки светились в полумраке, как раскаленные угли:

— Это безумие. Допустим, рабы Скавра послушают тебя. Но как насчет других школ? Королевская подчиняется Омеркану напрямую…

— И гладиаторы презирают принца за истеричность и слабость к мальчикам, — быстро закончил за Аниру Аджакти. — Конечно, на организацию потребуется время, и его у нас немного. Все должно завершиться до прихода весны и открытия караванных путей — тогда Омеркану будет неоткуда получить поддержку. Зима — время дворцовых переворотов.

Анира смотрела на него так, будто пыталась заглянуть в самые дальние уголки души и убедиться, что там не притаилась измена. Наконец она порывисто поднялась на ноги, подошла к кувшину с водой и отпила прямо из горлышка. Обернувшись к Аджакти, принцесса смерила его взглядом с головы до пят, будто пыталась определить ему цену:

— Что ты за это хочешь?

— Свободу, — твердо ответил Кай. — Для всех выживших гладиаторов. Безоговорочно и сразу, как только Луноподобная взойдет на престол.

Анира качнула рукой, прислушиваясь к плеску оставшейся в кувшине воды.

— Мало захватить власть, надо еще ее удержать. Как я это сделаю без одной опоры?

Аджакти усмехнулся:

— Кто лучше служит охотнику? Сокол, запертый в клетке или взлетающий с его руки?

Принцесса кивнула, но Кай еще не закончил:

— Горец. Он должен остаться в живых.

Брови Аниры удивленно взлетели, а потом сошлись на переносице:

— А ты упрямый! Да кто он такой, этот несчастный идиот, что ты ради него готов рискнуть всем?

Аджакти спокойно ответил:

— Мой друг, — и, следуя внезапному наитию, добавил: — Тот, кто возглавит бунт гладиаторов.

Принцесса поставила полупустой кувшин на изящный столик. Рука ее дрогнула, и дерево издало глухой, неловкий звук.

— Ты что, уже говорил об этом с… как его… Горцем? — Глаза настороженно следили за Аджакти из-под длинных ресниц.

— Нет, — признался Кай. — Но парень — прирожденный лидер, у него дар сплачивать людей и вести за собой, к тому же он бредит свободой.

— Вот именно! — наставила Анира тонкий пальчик в его грудь. — Он бредит! Кидается, как бешеный, на гайенов, плюет на церруканские законы… — Принцесса остановилась на полуслове, удивленно приоткрыв рот. Аджакти позволил уголкам губ расползтись в ухмылке:

— Вот именно, — повторил он слова девушки. — Идеальное качество для предводителя бунтовщиков, не так ли?

Принцесса сжала губы в тонкую ниточку и прищурилась:

— Значит, мой думающий раб уже заочно распределил роли в этом спектакле? Может, и мои реплики уже расписаны заранее? Так вот, — девушка решительно прошла мимо Аджакти и уселась на край кровати, — я тебя удивлю. Твоему дикарю-протеже придется самому разбираться с капитаном гайенов. Да-да, Шазия поведала о планах Скавра. Пусть северянин докажет, что достоин отведенной ему роли.

Аджакти отчаянно тряхнул головой:

— Значит, ты знаешь, что поединок будет на рассвете? Луноподобная, мне необходимо быть там!

Анира раздраженно пнула мех ковра и фыркнула:

— Зачем? Чтобы наделать еще больше глупостей? Нет, ты останешься здесь, — она похлопала по перине рядом с собой. — У тебя есть незаконченная работа.

— А у Луноподобной — будущее, написанное на воде! — По какой-то причине слова Аджакти попали прямо в цель — принцесса вздрогнула, румянец на щеках побледнел. Он поспешил развить успех: — Жизнь Горца — это волосок той кисти, которая выводит узор.

Несколько долгих мгновений принцесса сидела с неподвижным взглядом, устремленным куда-то мимо Кая — будто за его спиной парил призрак, видимый только ей одной. Наконец жизнь вернулась в ее глаза, янтарь блеснул под дрогнувшими ресницами:

— Хорошо. Иди. Прямо сейчас я не хочу тебя больше видеть. Через полмесяца у меня должен быть подробный план и список того, что понадобится для его осуществления. Я запрещаю тебе называть мое имя, даже шепотом и во сне — шпионы брата повсюду.

Аджакти подобрал с полу свой плащ и шагнул к двери в сад.

— Молись Иш-таб, Луноподобная, — бросил он через плечо. — Молись, чтобы «собачья» голова сегодня залилась кровью.

Глава 12
Свобода

В казармах Танцующей школы царила полная тишина. До рассвета оставалось еще несколько часов, и усталые гладиаторы спали мертвым сном. Аджакти собирался предаться тому же занятию — утром он хотел быть свежим. Ладонь уже легла на ручку двери, ведущей в их с Токе каморку, когда до его слуха донеслись слабые звуки. Шепот, шорохи, хихиканье — все это шло изнутри. «Щекочут его там, что ли?» Кай навострил уши. Смешки сменились приглушенными, будто через подушку, стонами. Теперь он разобрал, что голосов было два, один принадлежал Горцу, а вот второй…

Аджакти бесшумно убрал руку и сделал шаг назад. Несколько мгновений он пялился на закрытую дверь, соображая. «Вот так всегда. Вылезаешь из-под бока принцессы, тащишься по морозу через весь город — все, чтобы позаботиться о больном друге! А о нем тут уже и так вовсю заботятся. — Кай усмехнулся в темноту. — А Токе-то какой шустрый! Видно, решил последовать моему совету, не откладывая, даже рана ему не помеха. Или это Тигровая проявила инициативу?» Он пожал плечами и направился по галерее к общему залу. На крыше заседать сегодня было холодновато.

К удивлению Аджакти, просторное помещение оказалось освещено — в очаге уютно потрескивал огонь, хотя гладиаторам запрещалось оставаться в зале после отбоя. «Кого бы сюда могло занести среди ночи? Может, стражник нерадивый забрел погреться?» Однако ни на лавках вдоль стен, ни за столами не было никого и ничего, кроме теней.

— Что такое свобода? — Гулкий голос разбил тишину так неожиданно, что Кай чуть не подпрыгнул на месте. Он заозирался по сторонам и с трудом различил в пятне мрака у очага низкий плотный силуэт. Языки умирающего пламени то отвоевывали у темноты покатые плечи и круглую бритую голову, то отступали, и Фламма исчезал, как призрак, поглощенный породившей его ночью.

— Вы меня спрашиваете, сетха? — неуверенно пробормотал Кай. «Что фаворит делает в казармах посреди ночи? Дома, что ли, неурядицы?»

Фламма раздраженно фыркнул, поворачивая к нему плоское лицо:

— Я похож на человека, который ведет философские беседы

сам с собой?

Аджакти смиренно поклонился:

— Простите, сетха, я ничего такого не имел в виду.

Но фаворит уже не слушал. Фламма снова отвернулся к очагу:

— Не твоим ли заветным желанием было, чтобы я обратил на тебя внимание, выделил тебя среди многих? И вот я беседую с тобой, а ты даже не удостаиваешь меня ответом на простой вопрос.

После бессонной ночи мозги в голове ворочались тяжело.

— Свобода, — поспешил Кай исправить ситуацию, — это, э-э… — «Проклятие горного тролля! Как можно описать то, чего никогда не знал?» — Это когда ты можешь делать все, что хочешь.

Фламма снова взглянул на него снизу вверх и велел сесть рядом с собой. Аджакти повиновался.

— Вот ты, мальчик. Ты свободен? — По лягушачьим губам фаворита скользила привычная улыбка, и Кай почувствовал, как в животе начал набухать горячий комок гнева: этот человек не мог выбрать более подходящего момента, чтобы поиздеваться!

— Я раб, — ответил он, стараясь сохранить на лице бесстрастное выражение. — Вам это известно.

— Да-да-да, — мелко закивал Фламма, и его сходство с куклой-болванчиком усилилось. — Глупый вопрос. Но вот что… Укажи мне свободного человека.

Аджакти недоверчиво уставился в круглую физиономию, стараясь найти подвох. «Возможно, Огонь действительно решил поразвлечься за мой счет, наказать за самонадеянность и гордыню, будто ванны с дерьмом было недостаточно. Возможно, мне стоит просто встать и отправиться на крышу». Но что-то в манере Фламмы задавать неожиданные, ставящие в тупик вопросы напомнило Каю его первого учителя, Ментора Рыца. Помедлив, он поднял руку и ткнул пальцем в направлении фаворита.

Улыбка человека-огня стала шире:

— Точно, я больше не раб. Но… — Фламма прикрыл веки и протянул ладони с короткими тупыми пальцами к огню, будто у него мерзли руки. — Ты, верно, догадался по моей речи, что я родом не из Церрукана. Много лет назад судьба занесла меня в этот город, который я поначалу полюбил, а потом возненавидел. Здесь я… был вынужден остаться. Силы, намного превышающие мои собственные, привязали меня к этому проклятому месту — до тех пор, пока не загорится песок или я не воспитаю воина, способного превзойти меня.

Вся усталость и сонливость мгновенно слетели с Аджакти,

как засохшие листья с дерева под порывом ветра. Глаза его теперь пожирали фаворита, на губах осторожно формировался вопрос:

— Почему же, сетха, вы отказались брать учеников?

Огонь снова открыл глаза и перевел взгляд с рдеющих углей на беспросветные зрачки Аджакти:

— Я был нетерпелив. Сделал слишком много ошибок. Пожертвовал плотью от плоти своей в надежде, что сыну передастся мой дар вместе с кровью. Я не могу позволить себе ошибиться снова.

В голове Кая прозвучал страшный бесплотный голос: «Смотри, чем я пожертвовал ради достижения своей цели. А чем пожертвовал ты?» По спине пробежал озноб. Фламма между тем продолжал:

— Довольно об этом. Ты все еще считаешь, что я свободен?

Аджакти не спешил с ответом. Взгляд узких глаз покоился на нем, как тяжелая ладонь. Кай чувствовал его давление даже после того, как отвел глаза.

— Вы свободны, — выдавил он, — сделать выбор.

Только сейчас Кай заметил, что ноги фаворита, несмотря на зимние холода, были по-прежнему обуты в старые разношенные сандалии.

— Значит, ты отказываешься от своего первоначального определения?

Аджакти осмелился снова взглянуть на Фламму. Непохоже, чтобы Огня разозлила его дерзость. Низенький рыхлый человечек задумчиво улыбался, в темных радужках вспыхивали искорки — то ли смех, то ли отражение умирающего пламени. Гладиатор отважился кивнуть:

— Простите, сетха. Мои слова были необдуманны. Свобода — это возможность делать выбор.

Фаворит долго смотрел на него, и на этот раз Кай не смел отвести глаз. Все в нем кричало: «Выбери меня!» — но он сжал в кулак колотящееся сердце и представил себе, что это круглый, плоский голыш, который прыгает по гребешкам волн, снова и снова, пока не уходит на глубину, к другим таким же камням. Наконец Фламма вздохнул и произнес мягким голосом:

— Если это так, я вынужден спросить тебя снова, свободен ли ты?

Кай посмотрел вниз через зеленую толщу воды и увидел свое твердое сердце, лежащее рядом с другими на океанском дне, неотличимое от прочих, холодных и гладких.

— Да, — ответил он. — Я свободен.

— Тогда, — шевельнулся Фламма, протягивая руку вперед и чуть касаясь щеки Аджакти кончиками пальцев, — я дам тебе

возможность показать это. Я дам тебе возможность выбирать.

Кай покорно склонил голову, закусывая торжествующую улыбку. «Свершилось! Что это, как не мой первый урок?! Мое первое задание?! Фламма берет меня в ученики. О, как будет доволен Мастер Ар!» Будто прочитав его мысли, фаворит объявил:

— Если сегодня на рассвете ты придешь к моему дому, я лично научу тебя всему, что умею. Я договорюсь со Скавром, чтобы он дал тебе провожатого.

Волна радости, поднявшая Кая так высоко, обрушилась вниз и выбросила его на песок, захлебывающегося воздухом так, будто это была вода. Он вскинул взгляд на фаворита, ища в его лице подтверждение своей надежды, надежды на то, что он ослышался.

— Сегодня на рассвете?

Фламма коротко кивнул.

— Но… Возможно, вы не знаете… На рассвете Горец должен сражаться с Клыком, капитаном гайенов. Здесь, на плацу. Горец — мой друг. Он ранен. Он…

— Ты свободен выбирать, ведь так?

Улыбка фаворита вдруг показалась Аджакти отвратительным оскалом черепа, который сжимала рука Мастера Ара. Не говоря ни слова, Фламма медленно прижал локти к бокам, а затем вытянул руки ладонями вперед, неотрывно глядя на почти угасший в очаге огонь. Угли на мгновение подернулись золой, но тут же с громким шипением вспыхнули ярким голубым огнем, лизнувшим закопченный свод камина. Аджакти не заметил, как фаворит покинул общий зал. Он застыл на полу у очага, в котором медленно опадало искусственно вызванное пламя. Кай знал одно — это не магия. Зрение, данное ему Мастером Аром, никогда не обманывало.

«Что это было? Смогу ли я тоже научиться такому? Но ведь это значит — бросить Токе, нарушить данное слово. Ведь я обещал ему быть рядом, во что бы то ни стало на этот раз быть рядом». Раскаленные щупальца боли поднялись от основания позвоночника, следуя причудливым извивам узора, когда-то выжженного на спине плетьми волшебника. «А чем ты пожертвовал ради достижения своей цели?» — зашипел в ушах знакомый голос. Невидимая рука сдавила горло Кая, все четыре пальца глубоко впились в плоть, перекрывая доступ воздуху. Он хотел закричать, но из горящей глотки вырвался только полузадушенный стон. Зрение помутилось. Перед глазами плыли огненные круги, заключавшие в себе Аниру, Мастера Ара, Фламму. Губы шевелились, рты открывались и закрывались, но из их речей он мог выделить только одно слово, повторяющееся

снова и снова на тан, церруканском, нулларборском: «Свобода. Свобода. Свобода».

Аджакти тряхнул головой, отгоняя видение, и в последнем отчаянном усилии запустил руку в очаг. Его пальцы сдавили тлеющий алым уголь. Резкая боль и запах паленой плоти заставили зрение проясниться. Бесплотный голос утих. Кай скорчился на полу у погасшего камина, баюкая у груди руку, все еще сжимающую превратившийся в золу уголек.

Токе проснулся от того, что кто-то несильно, но настойчиво тряс его за плечо. Он улыбнулся и распахнул глаза, ожидая увидеть Лилию. Но вместо ее зеленых глаз над ним, блестя белками, склонилась черная физиономия Фазиля. Смутившись, Горец отдернул руку, тщетно искавшую на груди доктора желанные округлости. Тренер «жнецов» ухмыльнулся:

— Мокрые сны потом будешь досматривать. Тебя Чеснок должен осмотреть.

Токе, спохватившись, дернулся на постели и тут же сморщился от боли в боку:

— Уже был гонг на построение?

— Нет, — успокаивающе покачал головой Фазиль и помог ему встать на ноги. — Скавр велел поднять твою задницу пораньше и привести в чувство перед боем. Сам идти сможешь?

Токе кивнул и бросил украдкой взгляд на соседнюю койку. Она была пуста, ни следа ни Лилии, ни Аджакти. Парень вздохнул и, закусив губу, поплелся за Фазилем.

Чеснок предложил Горцу обезболивающий настой, но он отказался. Снадобье мутило сознание и замедляло реакцию, а в бою против Клыка Токе понадобится полная концентрация и ясность мысли. Он удовольствовался лекарственной мазью и свежей повязкой, но теперь сомневался, верно ли было это решение. Поединок еще не начался, а рана уже донимала его. Движения были неловкими, скованными болью. Доспех, прикрывавший раненый бок, казался необычно тяжелым.

Гладиаторы, доктора и даже стражники собрались на казарменном плацу, выстроившись по периметру. Внутренняя шеренга, образованная воинами Скавра, окружала оставшуюся свободной четырехугольную площадку — пространство для боя. На верхней галерее поставили кресла для зрителей, оживленно делавших последние ставки. Зрителей было немного, их лица скрывались под масками. Очевидно, Скавр не желал афишировать причастность своей школы к убийствам, но и упустить шанс заработать не мог, а потому пригласил только доверенных людей

с тугими кошельками. Поединка гладиатора и гайена никто не мог припомнить во всей церруканской истории, и Токе не сомневался, что его победа принесет мяснику много золота — ведь наверняка толстосумы ставили против раненого.

Впрочем, ему было наплевать на Скаврову выгоду с самого высокого зиккурата. Горец мерз. Утро выдалось холодное, и ослабленное кровопотерей тело сотрясали волны озноба, которые не удавалось унять. Небо над плацем розовело по-зимнему неуверенно, ветер из пустыни задувал, казалось, даже под плотно подогнанные кожаные доспехи. Токе подумал, что, если бы не их тяжесть, его качало бы под ледяными порывами, как осинку. По-утреннему серые, тревожные лица в шеренгах то расплывались перед ним, то снова становились отчетливыми, и он искал и снова находил среди них одно — обрамленное непослушными рыжими кудрями, особенно яркими на фоне побледневших щек. На мгновение Горец встретился взглядом с Лилией, и этот взгляд, мольба в нем как ножом полоснула по сердцу.

Токе поспешил скользнуть глазами дальше по рядам гладиаторов. Он ошибался. Посмотреть на поединок с гайеном собрались не все. Не хватало тяжелораненых, лежавших в лазарете, и одного здорового. Аджакти. Слабая усмешка искривила потрескавшиеся губы. «Наверное, Скавр постарался убрать его с глаз долой: боится, как бы „полутролль“ не испортил представление, выкинув очередной фортель. Что ж, так оно и лучше. На этот раз Кай ничем не сможет мне помочь. Он уже сделал все, что мог».

Над плацем раздался чистый, глубокий звук гонга, надолго зависший в морозном воздухе. Он возвещал не сигнал на построение, а прибытие вордлорда. Гонгу вторил высокий воющий звук — боевой рог гайенов. Мгновение — и «псы пустыни» показались на противоположном краю импровизированной арены — неотличимые друг от друга, облаченные в серое с ног до головы, так что на виду оставались только недобро поблескивающие раскосые глаза. Клык был единственным, кто не закрыл лицо. В его грубых, выдубленных пустынными ветрами чертах читалось только одно — смерть.

Очередная волна дрожи сотрясла Токе с головы до пят. Ему пришлось крепко сжать челюсти, чтобы зубы не выдали предательскую чечетку. Это не укрылось от острых глаз капитана гайенов. Он бросил что-то на своем лающем языке сопровождавшим его воинам. Те дружно осклабились, и ветер понес над плацем язвительный хохот. «Пусть! — решил Токе. — Пусть думают, что у меня душа ушла в пятки. Это мне на руку».

На смотровой галерее появился Скавр в новой, надетой

специально по случаю пурпурной тунике, но с бессонными мешками под глазами. Согласно традиции, мясник набрал полную грудь воздуху и начал орать об условиях поединка и доблести сошедшихся сегодня для смертоубийства героев. Но Клык не был гладиатором. Представление ему скоро наскучило, и он, невзирая на предостерегающие окрики и ахи зрителей, зашагал через плац, на ходу вытаскивая из-за пояса бянь и обнажая илд. Токе еще не получил оружия. Он бросил отчаянный взгляд на Фазиля, стоявшего наготове с боевым целуритом и ножом, ожидая приказа Скавра. К счастью, мясник быстро оценил ситуацию и рявкнул так, что свисавший с перил штандарт школы пошел рябью: «Оружие!»

Пальцы Токе сжали удобно легшую в ладонь рукоять. «Как бы Скавра не хватил удар. Вон как ему кровь в голову бросилась, малиновый стал, что твоя свекла!» Он медленно пошел навстречу Клыку, нарочно прихрамывая и стараясь пока не встречаться с ним взглядом. Вот между врагами осталось десять шагов. Восемь. Шесть. Над плацем повисла полная тишина. Только поскрипывал под подошвами мерзлый песок да хлопал на ветру штандарт, так что изображенный на нем журавль уже взмахивал крыльями, начиная танец.

Горец и гайен остановились друг напротив друга на расстоянии удара. Северянин был вынужден взглянуть Клыку в глаза — он подозревал, что вордлорд не будет дожидаться сигнала, и не хотел пропустить момент атаки. Токе ждал этой встречи так долго — молился о ней перед тем, как засыпал, и когда просыпался; воображал ее, молотя в щепы тренировочный столб; представлял себе Клыка на месте своих противников на арене — так ему было легче поднимать меч. И вот теперь он снова видел перед собой этот жесткий, безжалостный взгляд — такой же непреклонный, как и в тот день, когда человек с собачьей головой на кисти заставил его смотреть на все. Измазанные ржавой кровью колени, прижимающие слабые руки к земле. Грубые пальцы, рвущие черные кудри, наматывая на кисть. Розоватые ногти, царапающие песок, ломающиеся до мяса. И крик — тонкий, захлебывающийся и, наконец, захлебнувшийся…

Ненависть взорвалась в груди, как огненный шар. Кровь разнесла пламя по жилам Горца. Пожар, бушевавший в нем, разгорался с каждым ударом сердца, которое, все быстрее и быстрее, выстукивало одну смертельную мелодию: «У-бей! У-бей! У-бей!» Возможно, Клык увидел в глазах противника отражение этого пламени. А может, он просто решил использовать преимущество неожиданности. Гайен атаковал беззвучно, за секунду до того, как поднятая рука Скавра упала вдоль тела,

возвещая начало поединка.

Все произошло, как и предвидел Аджакти. Бянь взвилась, со свистом рассекая воздух, захлестнула руку Токе, державшую меч, дернула к земле. Он потерял равновесие и рухнул на одно колено. Боль пронзила раненый бок, отдалась в сжимавшей целурит руке. Эта идея тоже принадлежала Каю — взять меч в левую, слабейшую руку.

Клык замахнулся илдом, заслоняя розовеющее небо. Правая кисть Горца метнулась к бедру врага. Острие ножа нацелилось в ту точку, где под кожей штанов билась жизнь. Левое запястье гладиатора дернуло. Токе повело в сторону. Колено Клыка вонзилось в бок, вминая доспех в рану. Нож дрогнул в руке северянина. Лезвие вспороло мышцы гайена, но слишком низко. На лицо Горца брызнула горячая струя — он едва успел закрыть глаза. Другая струя смочила его доспех изнутри. Рана открылась.

Аджакти проснулся от того, что в голове бил набат. Несколько мгновений он лежал неподвижно с закрытыми глазами, соображая, как тревожный колокольный звон из его сна связан с реальностью бодрствования. В том, что яркие образы, еще не исчезнувшие из памяти, навеял сон, сомнений быть не могло. Он видел себя ребенком. Невзирая на запрет отца, он залез на колокольню. Его брат следовал за ним.

«Какой бред! Не было у меня ни отца, ни брата, да и колокольни в Замке никогда не строили. Но во сне мы взобрались туда, оба. По щербатым ступенькам, которые пахли временем, церковью и подземельем. А наверху были голуби и ветер. И темные зевы двух колоколов. И плетеные тросы, привязанные к языкам и покачивавшиеся на ветру. До них было не достать, ведь длина рассчитана на рост взрослого. А позвонить так хотелось. И тогда брат сказал, что я просто должен посмотреть на один трос, *вот так,* и потянуть его глазами книзу. А он посмотрит на другой. Сначала у нас не получалось. Но это потому, что мы тянули одновременно. А потом над лесом пошел звон — такой же, как от наших задниц, когда отец приложил к ним руку. Это еще раз доказывает, что мне привиделся дурацкий сон. Но какого тролля продолжается этот тарарам?!»

Кай распахнул веки и тут же зажмурился от слабого света, резанувшего воспаленные глаза. Он лежал, скорчившись, на полу перед остывшим очагом в общей зале. Сначала гладиатор не мог припомнить, как и почему оказался здесь. Но тут надоедливый трезвон наконец утих. Взгляд Аджакти упал на ладонь, пульсировавшую тупой болью. Вид обожженной, измазанной золой кожи внезапно поставил все на свои места. Тревожный

набат был сигналом гонга на построение.

«Рассвет! А я все еще здесь, в казармах Танцующей школы, вместо того чтобы быть на пути к дому Фламмы! Ожог — доказательство того, что ночной разговор с фаворитом мне не привиделся, как дурацкая колокольня!» Аджакти вскочил на ноги. «Я слышал, Фламма живет недалеко от школы. Может, если я сейчас же найду Скавра и буду бежать всю дорогу, то еще успею…» Тут взгляд его упал на окно. За ним виднелся заполненный гладиаторами плац. Это было не обычное построение. И люди ожидали не утренней тренировки. Скоро впервые за историю школы на ее землю ступят ноги гайенов. Скоро на этом смерзшемся в цемент песке решится, жить Токе или умереть.

«Ты свободен делать выбор» — прозвучали в ушах его собственные слова, повторенные голосом Фламмы. Скрипнув зубами, Кай опустился на каменный пол. Задремавшая было боль в спине проснулась, зазмеилась по шраму, вонзая ядовитые клыки в беззащитную плоть, шипя толчками крови в барабанные перепонки: «С-спеш-ши! С-спеш-ши!» Аджакти вдавил затылок в каминную кладку, сжал кулаки так, что ногти вонзились в обожженную ладонь, срывая струпья. Он предпочел бы, чтобы его голову снова взорвал изнутри набат.

Вечность спустя воздух содрогнулся в звуке, наводящем ужас на караванщиков и рабов. В Танцующей школе выл рог гайенов. Выбор был сделан.

Протолкаться через ряды братьев оказалось несложно — гладиаторов так захватил поединок, что они не обращали внимания на тычки локтями и отдавленные ноги. Картина, открывшаяся взору Аджакти, заставила его снова сжать кулаки, игнорируя проступившую между пальцев кровь. Что-то явно пошло не по плану. Целурит Токе валялся на плацу, из рукояти торчал только жалкий обломок. Нож воткнулся в песок, и Горец пытался дотянуться до него, извиваясь на потемневшей от крови земле. Клык, очевидно тоже раненый, стоял над противником с обнаженным мечом, но не спешил пустить его в ход. Как только дрожащие от напряжения пальцы Горца коснулись рукояти ножа, ловкий удар бянь отшвырнул оружие на пару метров. Над плацем разнесся издевательский хохот гайенов. Губы Клыка тоже скривила ухмылка. Сбывались самые страшные опасения Кая — вордлорд собирался унизить Токе на глазах у всех и увести с собой в качестве трофея, чтобы потом подвергнуть всем мучениям, какие была способна изобрести его извращенная фантазия.

«Но что я могу сделать? Что? — Мысль Кая металась в поисках выхода. — Я наплевал на дочь амира, на Фламму, на гнев самого Мастера. И вот я стою здесь, глядя, как умирает друг. Такой же беспомощный, как и все остальные… Как все остальные…»

Внезапно знание сверкнуло перед ним, как луч так и не появившегося на облачном небе солнца. Окровавленный кулак ударил в грудь, извлекая из нее глухой звук. Глотка выкрикнула на выдохе:

— Рен!

Еще удар. Клык вскинул глаза, обегая взглядом толпу.

— Сен!

Удар. Раскосые глаза гайена нашли Аджакти. Их взгляды скрестились.

— Тха-а!

Удар, внезапно усиленный звуком многих других кулаков, вонзившихся в мышцы над ребрами.

— Суа! Ра-а!

Вопль, подхваченный сотней голосов, эхом отозвался от нависшего над плацем свинцового неба. И снова — барабанный ритм, задаваемый кулаками, стучащимися в сердца гладиаторов. И снова — мантра Танцующего со Смертью.

— Сила — в центре. Слушай сердцем. Танцуй!

Аджакти видел по глазам Клыка, что эти непонятные гайену слова не заставят его ни изменить решение, ни отступить. Но неожиданный порыв, охвативший гладиаторов, на мгновение отвлек внимание воина от жертвы. Горец же, воодушевленный поддержкой товарищей, не замедлил воспользоваться передышкой. Заслонив своим телом обломок меча и не отрывая глаз от прислушивавшегося к непривычным звукам гайена, он пытался нащупать рукоять оружия.

Клык моргнул, и связывавший его и Аджакти контакт прервался. Вордлорд снова повернулся к Токе, поднимая руку с бянь. Пальцы Горца беспомощно шарили по песку в миллиметрах от спасительного лезвия. И тогда Кай вытянул окровавленную ладонь вперед и крикнул на языке гайенов, перекрывая раскачивающий казармы ритм:

— Вершитель судеб! Он перед тобой, капитан. Как смеешь ты идти против воли анов? Как смеешь ты, смертный, поднять руку на избранника богов?

Чужие гортанные звуки, выкрикнутые таким знакомым голосом, совершили чудо. Клык застыл в полушаге, поднятая рука с бянь упала вдоль тела, взгляд метнулся вдоль шеренги, ища

Аджакти. В то же мгновение пальцы Токе нашли оплетенную кожей рукоять. Неведомая сила метнула его тело вверх и вперед. Рука сама повторила ночной урок. Внутренняя сторона бедра. Пах. Солнечное сплетение. Горло.

Клык лежал на спине, уставившись стекленеющими глазами в небо. Он напоминал продырявленный мех с вином — темная кровь толчками хлестала из ран, растекаясь лужами на смерзшемся песке. Торжествующий рев гладиаторов смешался с траурным воем пустынных воинов. Что-то холодное и влажное коснулось горящей щеки Токе. Он машинально поднял руку к лицу, но пальцы совершенно потеряли чувствительность. Что-то пушистое и белое опустилось на короткие ресницы Клыка. Его веки не дрогнули. Вторая снежинка уселась прямо на расширенный удивлением зрачок и начала таять.

Горец оторвал глаза от трупа и увидел спешащего к нему через плац Кая. Почему-то грудь у него была в крови, и бежать бедняге приходилось по косой плоскости, все более и более вставшей дыбом. Тут колени подогнулись, и Токе повалился в бездонный черный провал. Последнее, что он помнил, были летящие за ним во мрак наперегонки пушистые снежинки.

В Церрукан пришла зима.

Часть 3
ОТШЕЛЬНИК

Отшельник, или Искатель, вступил на самый чистый из путей — путь познания.

Глаза его закрыты, ибо для того, чтобы узреть свет Истины, ему не нужно земное зрение.

Погружаясь в себя, он найдет решение.

Толкователь арканов Эвана

Глава 1
Обитель Милосердия

Настоятель Феофан изучал отчет казначея за уходящий год, когда в дверь его покоев постучали. Преподобный нахмурился и почесал за ухом кончиком пера. У казначея был каллиграфический, но бисерный почерк, от которого стареющие глаза настоятеля в напряжении слезились. Колонки ненавистных цифр прыгали и менялись местами, заставляя Феофана вздыхать и перепроверять расчеты по нескольку раз. А тут еще этот назойливый посетитель. Преподобный надеялся: если не открыть сразу, визитер поймет, что побеспокоил не вовремя, и уйдет восвояси. Но нет! Монах попался недогадливый. Кулак все настойчивей колотил в дубовую дверь, отдаваясь под лысым черепом настоятеля начинающейся головной болью.

— Войди, брат мой! Не заперто, — рявкнул Феофан чуть громче, чем подобало, тут же рассердился на себя за несдержанность и в сердцах захлопнул книгу с бухгалтерией.

Дверь распахнулась. Невысокий тщедушный человечек влетел в помещение, высунул голову обратно в коридор, будто опасался преследователей, снова метнулся внутрь и плотно затворил тяжелую створку.

— Он очнулся, отче! — Брат Макарий, которого среди десятков монахов выделяли длинные всклокоченные волосы и очки на кончике носа, в два шага оказался у письменного стола. Его руки рассекали воздух, широкие рукава рясы хлопали, как крылья. — И сотворил знак розы! Впервые за столько лет…

Феофан прервал возбужденную речь Макария решительным жестом:

— По порядку, брат мой, прошу тебя, все по порядку. Кто очнулся? И что сотворил? И не может ли это подождать до завтра? Я как раз сижу с важным отче… — В этот момент смысл слов посетителя пробился через барьер головной боли, и настоятель замер на полуслове, выпучив испещренные красными прожилками глаза. — Знак розы? Ты уверен?

Монах отчаянно закивал, теребя бороду и без того такую же всклокоченную, как шевелюра:

— Клянусь светлой Лючией, вернувшей силу чреслам короля Лехеля! — И, выпустив бороду, посетитель порывисто начертал в воздухе подобие двойной восьмерки.

Семидесятилетний настоятель взлетел со стула с резвостью юноши и вцепился в коричневый рукав, прижимая ладонь

Макария к столешнице:

— Никогда! — прошипел он в удивленные глаза монаха так близко к его лицу, что линзы круглых очков покрылись туманом. — Никогда больше не используй знак! Он все еще полон силы, хотя тех, кто помнит его, остается все меньше и меньше.

— Значит, обитель даст несчастному приют и свое покровительство? — просиял улыбкой Макарий.

В голове настоятеля что-то щелкнуло, боль за лобовой костью усилилась, распространяясь на виски. «Он очнулся», «несчастный»… Феофан неловко опустился на стул, сложив руки на книге, о которой успел позабыть:

— Ты говоришь о том мальчишке, что выловил из реки Ноа?

Монах энергично кивнул, борода обмела рясу на груди:

— Именно, отче, именно! Он очнулся, вот только что. Я как раз был в лазарете, и брат Симеон подозвал меня.

— Утопленник говорил с Симеоном? — Настоятель в тревоге потер висок.

— Нет. Не думаю, — удивленно пробормотал Макарий. — Юноша был слишком слаб. Брат кликнул меня сразу, как только тот подал признаки жизни.

— А с тобой? — Феофан уставился на посетителя, щуря усталые глаза.

Монах печально покачал головой:

— Я сказал, что здесь, в обители, он в безопасности, и братья позаботятся о нем. Но бедняга не произнес ни звука. Только сделал знак, — рука Макария снова взметнулась в воздух, но тут же упала под предостерегающим взглядом настоятеля. — Да, начертал розу, значит, и снова в беспамятство провалился. Но Симеон говорит, теперь пойдет паренек на поправку. Так мы дадим ему покровительство?

Феофан грузно поднялся на ноги, вышел из-за массивного стола и приблизился к окну. В монастырском саду ветер перебирал голые ветви плодовых деревьев, на одном из которых еще висели последние яблоки. Ненасытные галки как раз планировали совершить на них налет, подбираясь ближе и ближе к сочным фруктам, но настоятель остался равнодушен к мародерам. Мысли его были о другом.

— Брат мой, ты помнишь, почему я поручил тебе присматривать за утопленником на случай, если он выживет? — Феофан отвернулся от окна и устремил хмурый взор на посетителя.

— Конечно, отче, — Макарий всплеснул руками. — Вы опасались, как бы паренек не оказался тем, кого разыскивает СОВБЕЗ. Но это же нелепица! То есть, — поспешил добавить

монах, когда кустистые седые брови преподобного сошлись на переносице, — я еще могу поверить, что он обрюхатил мельникову дочку и с перепугу дал деру — дело-то молодое. Но двойное убийство! Это уже ни в какие ворота не лезет, особенно когда один из убитых — маг!

— Но ведь приметы сходятся, — поднял скрюченный подагрой палец Феофан. — Возраст, телосложение, темные волосы, голубые глаза.

— Да таких ребят сыщется дюжина в любом селе! — взмахнул руками монах — так энергично, что пара свитков, подхваченных сквозняком, скатилась со стола. Щеки Макария заалели сквозь бороду. Сыпля извинениями, он бросился подбирать упавшее, задел резную ножку и чуть не свернул на себя письменный прибор.

Феофан возвел очи к небу:

— Полно-то полно. Но что-то пока никто из окрестных мужиков не пришел за пропажей. Утопленник может оказаться тем самым, горлицким, — беглым магом и опасным преступником. Если обнаружится, что обитель причастна к его укрывательству, боюсь, последствия будут очень печальными. Даже эти священные стены нас не спасут.

— Но в уставе монастыря записано, что мы должны давать защиту страждущим! — Макарий выпрямился, прижав ладони к груди, борода воинственно встопорщилась. — Знак розы наложил на наши уста печать молчания. Если мы нарушим ее, то не только запятнаем репутацию обители и омрачим Источник Света, но и навлечем на себя гнев Божий. Вспомните летописи, отче! Если бы не милосердие королевской дочери, спасшей на этом самом месте младенца, принесенного рекой, то никаких «священных стен» не было бы и в помине. Возможно, это знак свыше!

— У «младенца» твоего уже усы начали расти, — смущенно проворчал настоятель. — Да и я — не принцесса.

Но это рассудительное замечание не смутило брата Макария:

— Что же с того? Истории необязательно повторяться с точностью до запятой, — длинные руки монаха снова вдохновенно взлетели в воздух, будто дирижируя ходом его мыслей. — Может, спасенный Ноа юноша и не станет вторым Уиллоу, но ведь и времена ныне мирные, народу нужны не боевые маги и герои, а честные работники.

— Довольно, — Феофан устало махнул рукой, снова отворачиваясь к окну. Он обратил наконец внимание на пирующих галок, подхватил лежавший специально для такого случая на подоконнике голыш и ловко запустил им в почерневшую от птиц яблоню. Обиженно вопя, пернатые воры

поднялись в воздух, роняя перья на траву. — На вечерне я объявлю о том, что обитель дает утопленнику покровительство. И о том, что мы связаны знаком розы.

Преподобный прошел мимо сложившего руки в благодарственной молитве монаха и снова уселся за стол.

— Но ты, брат Макарий, продолжай присматривать за мальчишкой. Разузнай о нем как можно больше. Если окажется, что мы приютили на груди ядовитую змею, я как настоятель обязан об этом знать.

Найда разбудила радостная птичья возня. Звенящий в холодном воздухе щебет, чириканье и суета были так знакомы, что он некоторое время лежал с закрытыми глазами, удерживая внутри ощущение необъяснимого счастья. В это мгновение он был уверен, что укрыт собственным лоскутным одеялом, пернатые горланы слетелись к выставленной леди Женевьевой за окно горницы кормушке, и Айден вот-вот вскочит ему на живот, чтобы с шумом вывалить из теплой постели.

Но постепенно слух начал различать другие, чужеродные звуки — шаркающие, слишком гулкие шаги по каменному полу; натужный кашель; шепчущие голоса. Что-то неправильное творилось и с кроватью — она была повернута к окну не той стороной. Найд распахнул глаза.

Вначале он увидел только светлое пятно с темным колышущимся кругляком по центру. Пришлось несколько раз моргнуть, прежде чем зрение наконец обрело фокус. Пятно оказалось человеческим лицом с кустистой седеющей бородой и удивительно добрыми глазами. Глаза эти окружали диковинные металлические кольца, связанные между собой тонкой уздечкой, чудом сидевшей на кончике крошечного носа. Блестящая плешь и обрамляющие ее всклокоченные кудри до плеч довершали картину. Найду показалось, что он уже видел это лицо раньше, только вот не мог сообразить, когда и в какой связи.

Бородатый между тем широко улыбнулся, блеснув карими глазами:

— Ну, батенька, с добрым утром. Помнишь меня?

Найд покачал головой. Все перед ним тут же поплыло, включая бородача, который, не смущаясь, объяснил:

— Брат Макарий я. А это — Обитель Милосердия, — он обвел помещение широким жестом.

Найд чуть приподнялся на кровати, но не увидел ничего, кроме каменного пола, беленых стен и таких же белых кроватей, разделенных ширмами. Обессиленный, он повалился на подушку.

— Точнее, ее лазарет, — извиняющимся тоном добавил

Макарий. — А вот Ноа, его-то ты помнишь? — Монах притянул в поле зрения высокого угловатого паренька, на вид — ровесника Найда. — Это он тебя спас. Вытащил из реки и монахов кликнул.

— Я за шитиками ходил, — пояснил длинный и застенчиво улыбнулся.

Но Найд уже ничего не слышал. Уши снова залила вода, впилась в рот холодным, скользким поцелуем, закрыла веки тяжелой рукой. Память пробудилась и услужливо прокручивала события в обратной последовательности: падение с берега, Мастер Ар, погоня, СОВБЕЗ… Рука метнулась к груди, лихорадочно зашарила под одеялом. Письмо херра Харриса! Пальцы наткнулись на грубую ткань чужой исподней рубахи, под которой не было ничего, кроме собственной потной кожи. Последняя вещь, оставшаяся у него от приемного отца, исчезла, как и карты Найрэ. Смыло их течение или прибрали любопытные монахи?

— Как твое имя, мальчик? — Найд вздрогнул, когда назвавшийся Макарием снова обратился к нему.

«Что, если они нашли и прочитали письмо? Как много могла уничтожить вода? Что, если за мной все еще охотятся — не Мастер Ар, так СОВБЕЗ?»

Заметив колебание пациента, бородач мягко улыбнулся и развел руками:

— Тебе нечего бояться. Обитель взяла тебя под свою защиту. Ты под знаком розы.

Ноа энергично закивал, глядя на Найда выпуклыми телячьими глазами. В голове у того царил полный сумбур. Знак розы был чем-то, связанным с Сибелиусом и рунной книгой из библиотеки Гнезда, но больше ничего Найд пока припомнить не мог. Монахи же ожидали ответа, дать который он был совсем не готов. «Может, сказаться немым? Но что, если тогда они возьмутся расспрашивать окрестных крестьян, и СОВБЕЗ, а то и сам Ар снова нападут на мой след? Назваться настоящим именем? Спасет ли меня эта самая роза, если маги разослали по округе мое описание? Соврать? Но что, если монахи прочли письмо херра Харриса и уличат меня во лжи?» Найд не мог припомнить, обращался ли ленлорд к нему по имени в тексте. Он решил потянуть время, лихорадочно роясь в памяти:

— Знак ро… розы? — Голос сипел, как дырявый мех в кузне. Горло драло, словно туда запустили ежа.

Брат Макарий просиял и порывисто обнял стоявшего рядом паренька:

— Ах, Ноа, ты был прав! Он заговорил, он поправится! — Монах снова повернулся к Найду: — Прошу прощения за мою

несдержанность, но ты лежал без чувств больше недели. Брат Симеон — это он заведует лазаретом — уже начал опасаться, что ты никогда не проснешься, а если придешь в себя, то уже не будешь прежним, потому что вода повредила твой разум, и вот… Это чудо! Настоящее чудо! За обедней братья вознесут благодарственную молитву Свету. За чье же спасение им благодарить Бога? — Сияющие глаза бородача встретились со взглядом спасенного, отнюдь не разделявшего его искрящейся радости. — Как тебя зовут?

Найд вздохнул. Он больше не мог тянуть с решением.

— Анафаэль.

Глава 2
Земля обетованная

Псина была большая, черная и мохнатая. Хвост-опахало энергично ходил из стороны в сторону, что вроде бы означало дружелюбное расположение духа. Но Кай до прибытия в Церрукан собак и в глаза не видал, а в Танцующей школе наслышался историй о злобных тварях, охраняющих сады богачей и кусающих рабов за пятки. Вот и стоял он теперь в нерешительности, положив руку на щеколду калитки, за которой бегал взад и вперед лохматый сторож. Не то чтобы Аджакти боялся собачьих зубов, хотя и были они совсем немаленькие. Но никто не сообщил, зачем его сюда вызвали, и гладиатор не хотел предстать перед заказчиком в нелепом виде.

«Деревянный Меч, восходящая звезда Минеры, покусан какой-то шавкой — да это будет сенсацией зимнего сезона! — усмехнулся про себя Кай. — Эх, знал бы заранее, захватил бы из казармы чего-нибудь вкусненького. Хотя кобелину навряд ли заинтересовала бы хлебная корка — вон какой откормленный! Ему небось мясо подавай!»

Через витую решетку калитки виднелась выложенная белыми плитами дорожка, ведущая к увитому лозой небольшому дому с характерной для Церрукана плоской крышей. В саду, как назло, никого не было. Собака уселась, подметая хвостом землю, и вывалила красный язык. Аджакти мог бы поклясться, что проклятое животное насмехается над ним — уголки черных губ приподнялись кверху, карие глаза светились почти человеческим юмором. «Троллья отрыжка! Может, Зейд ошибся адресом? Или нарочно привел не туда? С него станется, с гада!»

Когда Скавр велел следовать за хмурым охранником, Кай сперва подумал, что его снова желает видеть принцесса. Но, не углядев за оградой школы своего обычного проводника, Шазии, гладиатор понял, что на этот раз у мясника были на его счет другие планы. И верно — Зейд свернул не к верхнему городу и кварталу шаков, а к городскому центру, и вскоре они остановились у этой самой калитки. Похоже, тут жил зажиточный купец или чиновник. Такие нередко заказывали гладиаторов поразвлечь гостей. Вот только с улицы ни следа шумного общества не наблюдалось.

— Тебя ждут, — охранник напутственно толкнул Аджакти в плечо и отчалил, поплевывая шелухой купленных по дороге семечек. Действительно, Кая ждали: мохнатое четвероногое

препятствие с темными намерениями. Смирив свою гордость, он набрал в легкие воздуху, собираясь позвать хозяев. Но тут синяя дверь домика распахнулась, ручка грохнула в беленую стену, где уже красовалось пятно осыпавшейся штукатурки, и наружу, вопя и размахивая игрушечными мечами, выскочила ватага сорванцов.

Псина мгновенно вскочила на ноги и помчалась навстречу маленьким хозяевам, заливисто лая. Мгновение — и по оттаявшей траве лужайки покатился верещащий и ворчащий клубок. Воспользовавшись моментом, Кай скользнул в калитку. Он сделал несколько нерешительных шагов в сторону дома, когда путаница мохнатых лап, острых коленок и изгвазданных локтей внезапно распалась на мальчишек и собаку. С удивлением Аджакти отметил, что пацанят всего двое. То ли близнецы, то ли погодки — так походили друг на друга чумазые круглые лица.

— Ты кто такой? — спросил тот, что был покрепче и поменьше ростом. Черный пес встряхнулся и ступил на дорожку между мальчишками и незнакомым взрослым. Глаза внимательно изучали Аджакти, верхняя губа чуть подрагивала, будто животное решало, зарычать или нет. Не успел Кай открыть рот, как второй пацан толкнул брата в бок:

— Ты что, ослеп, дурачина? Он гладиатор! Это его отец ждет.

Но малыш не остался в долгу и пнул старшего в лодыжку:

— Сам дурачина! Какой из него гладиатор? Такого соплей перешибешь. Этого раба, верно, послал Смэш.

— Буки[26] таких страшил не держит. Говорю тебе, дубина, он — гладиатор.

— Нет, раб!

— Гладиатор!

— Раб!

Не обращая внимания на виновника спора, мальчишки снова сцепились, покатившись по траве. Пес прыгал рядом, звонко лая. Аджакти совершенно растерялся. Он не знал, как вести себя с детьми. «Попытаться разнять драчунов или пройти мимо — благо путь теперь свободен?» От раздумий его избавил скрип вторично открывшейся двери. Высокая яркая церуканка средних лет решительно направилась к месту происшествия. Кай поспешил почтительно склонить голову и выставить перед собой открытые ладони.

Едва удостоив его взглядом, женщина сердито воскликнула:

— Нини! Айо! — и, отпихнув коленом пса, ловко ухватила обоих сорванцов за шиворот и вздернула на ноги. — Что это за поведение?! Не видите, у нас гости!

— Но, мам! — возмутился крепыш поменьше, стараясь вывернуться из родительской хватки. — Это всего лишь раб!

— Гладиатор! — упрямо выкрикнул второй и утер рассопливившийся нос. Собака согласно гавкнула и вильнула хвостом.

Женщина нахмурилась и тряхнула обоих отпрысков, приводя их в чувство:

— Это новый ученик вашего отца! Поприветствуйте же его, как подобает, и извинитесь за безобразное поведение.

Неизвестно, кого известие поразило больше — мгновенно вытянувшихся в струнку мальчишек, пожиравших незнакомца круглыми глазами, или самого «ученика», собравшегося что-то сказать, да так и застывшего на месте.

— Доброго тебе дня, — протараторил пацан побольше, окидывая чужака дерзким взглядом.

— Прости нас, — угрюмо буркнул крепыш, косясь на клеймо, которое он наконец разглядел на тыльной стороне ладони чужака. — Это Айо начал драку.

— Ничего я не начинал! — возмутился Айо, пытаясь дотянуться до брата, но мать все еще держала обоих за шиворот в вытянутых руках. — Нини, осел, назвал тебя рабом — ты ведь сам слышал!

— А я и есть раб, — усмехнулся Кай. К нему наконец вернулся дар речи. — Но и ты прав, Айо. Я гладиатор. Меня зовут Аджакти.

Глаза женщины чуть смягчились, она отпустила сорванцов, подтолкнув их к дому:

— Теперь бегите, играйте дружно. Я отведу Аджакти к отцу.

Айо и Нини подобрали деревянные мечи и, оглядываясь, неохотно зашагали по дорожке.

— Иди за мной, — коротко велела хозяйка. Заправив выбившуюся прядь под шелковый платок, она повела Кая через сад — вокруг дома и вдоль каменной стены, разделявшей огромный участок пополам. Собака увязалась было за ними, но женщина одной резкой командой отослала ее. Кай зябко ежился на ходу. Выпавший пару дней назад снег окончательно растаял, и ледяные капли с плодовых деревьев то и дело попадали за шиворот.

Хозяйка толкнула деревянную дверку в стене и поманила гладиатора за собой. Аджакти пришлось пригнуться, чтоб не стукнуться лбом о низкий свод. По ту сторону оказалась широкая зеленая лужайка, обсаженная магнолиями. Прямоугольный бассейн отражал отяжеленные влагой ветви, почти касавшиеся водяного зеркала. Знакомая грузная фигура стояла у края водоема, тыча в него длинным шестом с сачком на конце — Фламма собирал опавшие листья. С того момента, как мать Нини

и Айо упомянула ученичество, Кай пытался внутренне подготовить себя к встрече с героем арены. Он столько раз представлял себе долгожданный момент, за который так отчаянно боролся, за который заплатил потом и кровью. И вот она, реальность — стареющий человек с одутловатым лицом, смиренно кивающий, пока его отчитывает жена.

Женщина стояла спиной к гостю и понизила голос так, чтобы он не мог расслышать разговор. Кая начало терзать смутное подозрение, что именно он был источником ее недовольства. Наконец хозяйка энергично тряхнула головой, развернулась на каблуках и прошагала мимо посетителя с высоко поднятой головой. Хлопнула дверка в стене, и они с Фламмой остались одни.

Аджакти поклонился и приблизился по знаку фаворита. Человек-огонь улыбался своей обычной улыбкой, его круглое плоское лицо казалось еще круглее и сияло, как полная луна. Их глаза встретились.

— На этот раз ничто не помешало тебе прийти.

Кай услышал насмешку в словах Фламмы и ответил в том же духе:

— Это потому, что я не знал, куда шел.

Лягушачья улыбка чуть поблекла, глаза-маслины, почти скрытые тяжелыми веками, настороженно блеснули:

— Разве в казармах тебе не сказали?

Аджакти покачал головой. Фламма вздохнул:

— Что ж, это объясняет, почему ты явился с парадного входа.

Кай непонимающе уставился на фаворита.

— Я попросил Скавра, чтобы охранник привел тебя к задней калитке. Видишь ли, Шиобхан… Это моя жена, — пояснил Огонь извиняющимся тоном. — Она не хотела, чтобы дети видели тебя. Теперь, конечно, уже поздно. Но в следующий раз воспользуйся садовой калиткой, — Фламма махнул рукой куда-то за кусты магнолии. — Тогда мы сможем тренироваться, не привлекая внимания Нини и Айо.

Сердце у Кая в груди трепыхнулось, как птица. Только сейчас, услышав подтверждение из уст фаворита, гладиатор посмел наконец поверить в свою удачу. Он поспешил заверить нового наставника:

— Как вам угодно, сетха! И не беспокойтесь, я не напугал мальчиков. Но я понимаю, ваша жена не желает, чтобы по ее палисаднику разгуливал… — Аджакти замялся, не зная, как описать свою примечательную внешность, и не нашел ничего лучшего, как позаимствовать услышанное от публики: — Полутролль.

Узкие глаза Фламмы распахнулись так широко, что почти стали круглыми:

— Полу-кто?! Дорогой мой юноша, да чтобы напугать моих сорванцов, потребуется поболе, чем нестандартный цвет волос и мрачный взгляд! Нет-нет, Шио заботит совсем другое, — фаворит примолк и задумчиво прошелся по краю бассейна. — Она боится, как бы Нини и Айо не разделили судьбу старшего брата. — Огонь посмотрел в сторону домика с плоской крышей. В белой стене были отчетливо заметны арки заложенных кирпичами окон. — Руслан любил наблюдать за мной, подражать. Даже когда приходили ученики, и мать гнала его в дом, чтобы не мешал, сын всегда торчал на подоконнике. Когда ему исполнилось четырнадцать, он упросил меня взять его с собой на игры. Зрителем, конечно. А когда мы вернулись домой, заявил, что хочет стать гладиатором.

Фламма тяжело опустился на низкую скамеечку под магнолиями. Сиденье было мокрым, но это, очевидно, не беспокоило его. Хозяин похлопал по дереву рядом с собой, и Аджакти осторожно опустился на противоположный конец скамьи.

— Я запретил сыну даже думать об этом. Два года Руслан пытался переубедить меня, смягчить Шиобхан. А потом тайком принес присягу Скавру.

Кай потрясенно покачал головой:

— Неужели мясник принял ее?

Фламма печально улыбнулся:

— Твоего господина заботит только собственная выгода и репутация Танцующей школы — что, впрочем, почти одно и то же. Руслан был хорош, очень хорош для шестнадцатилетнего. К тому же — родной сын знаменитого на весь амират гладиатора. Скавр надеялся на высокие ставки. Я — на то, что, взяв Руслана в ученики, спасу ему жизнь. Мясник не ошибся. А вот я…

Огонь замолчал, глядя на круги, разбегающиеся по воде от капели с деревьев. Аджакти не знал, что сказать. Слишком ясно он представлял себе участь Руслана: жрецов в масках, цепляющих крючьями безжизненное тело; мальчишек-рабов, засыпающих песком кровавые следы на арене; вопли публики, приветствующей того, на чьей стороне в тот день оказалась удача. Внезапно он решился:

— Позвольте спросить, сетха. Почему вы передумали? Почему дали мне второй шанс?

Фламма поднял на него взгляд проницательных темных глаз:

— Я не передумал.

Кай захлопал белыми ресницами, переваривая услышанное:

— Я не понимаю. Значит, если бы я пришел сюда тогда, два дня назад…

— То потерял бы друга, — закончил за него фразу фаворит. — А я приобрел бы еще одного хорошего ученика. Который никогда не стал бы лучшим.

Глава 3
Люди в коронах

Найд решил, что сбежит из лазарета, или, по выражению монахов, лечницы, как только его снова начнут держать ноги. Длинное холодное помещение населяли немощные старики из монастырской богадельни, заболевшие монахи и ребенок, подхвативший заразу, с которой не смогла справиться деревенская знахарка. Общество кашляющих, блюющих и тихо умирающих на убогих постелях людей действовало Найду на нервы. К тому же расспросы брата Макария, ежедневно заходившего проведать «утопленника», становились все более и более дотошными.

В первое же такое посещение Анафаэль, припомнив слышанную на ярмарке историю, наплел бородатому с три короба такого, что должно было умерить любопытство инока. По крайней мере, Найд надеялся, что монахи посовестятся пытать беднягу-подмастерье, сиганувшего в реку, спасаясь от тяжелой руки мастера-кожемяки. К тому же легенда объясняла, почему никто не разыскивал неудавшегося самоубийцу, и почему сам «утопленник» не желал быть найденным.

Но Макарий продолжал таскаться в лечницу и вынюхивать то про секреты кожевенного ремесла, то про красоты Квонга, где, по словам Найда, располагалась мастерская. К счастью, на квонгской ярмарке парню приходилось бывать с херром Харрисом, да и в обработке кож он худо-бедно разбирался. Обитель находилась за границей княжества, так что шансов на встречу с коренными квонгцами тут было немного. И все же Найд чуял сердцем, что бородач вертится вокруг неспроста.

Монастырь лежал вниз по течению реки Саракташ, в которую впадала Горлица, а значит, находился ближе к морю и на пути его преследователей. СОВБЕЗовцы наверняка побывали здесь, скорее всего, пока он валялся без сознания. Пусть загадочная «роза» спасла его один раз, маги придут снова, по доносу монахов или сами, вот только тот, кого они ищут, будет уже на дороге к Горнад-Чета. Эх, жаль письмо херра Харриса пропало.

Можно было бы расспросить Ноа — простоватый паренек добровольно ухаживал за ним, будто чувствовал ответственность за жизнь спасенного человека. Но Найд опасался чужих ушей, отделенных от него только тонкой ширмой из простыни. В долгие часы, когда выздоравливающий не спал и не ел, он лежал молча, прислушиваясь к странной пустоте внутри себя — как будто

речная вода вымыла что-то из головы, и теперь там, сразу за лобной костью, образовалась полость, как в раковине, из которой выковырнули жемчужину. Это было не больно, но страшно, потому что за часы одиноких размышлений Найд понял, чего лишился. Он только не знал, пропала ли магия насовсем.

Порой казалось, что пустота эта временная, вызвана перенесенной болезнью, и что сила скоро вернется к нему, как вернется способность ходить и даже бегать. Но иногда он начинал верить, что Мастер Ар победил, что каким-то неведомым трюком Темный маг выпотрошил его, и он, Найд, никогда не станет целым, никогда не сможет отыскать брата или узнать, жива ли сестра. Отчаяние и страх превратили сны Найда в кошмары. По крайней мере так он сам объяснял повторяющиеся восхождения на колокольню, где он ночь за ночью учил Анхата звонить в набат без помощи рук, и ночь за ночью брат сбрасывал его вниз, и он разбивался у подножия башни под тревожный гул колокола. Но самое ужасное в этом сне — то, что заставляло его просыпаться, закусывая в подушку крик, — было знание: мертвец на камнях, с разверстой грудью, в которой еще бьется сердце, на самом деле — его брат-близнец.

Когда Ноа явился, чтобы в первый раз вывести пациента на свежий воздух, Найд обрадовался, как ребенок. Послушник завернул его в теплый плащ и заботливо подставил плечо. Анафаэль попробовал было идти сам, но через пару шагов пошатнулся и грохнулся бы на каменный пол, если бы внимательный паренек не подхватил его под руку.

В сад они вышли вместе. Точнее, Найд ковылял, повиснув на Ноа, который вскоре сгрузил его на ближайшую скамейку. Голова у пациента кружилась. Холодный, влажный от недавнего дождя воздух казался таким густым, что его можно было черпать ложкой. Грудь от него приятно ломило. Найд казался себе очень легким — того гляди унесет, если ветер дунет посильнее. Глаза резало от яркого света, хотя денек выдался пасмурный. Все перед ним ходило из стороны в сторону, трудно было сфокусировать взгляд на чем-то одном. Вот прыгает по пожухшей траве галка, вот ветерок гонит рябь по луже, вот на далекой аллее сгребает листву монашек на послухе.

— Ты не должен сиять, — Ноа заговорил так внезапно, и слова прозвучали так дико, что Найд дернулся, невольно пихнув паренька в бок. Тот продолжал бормотать себе под нос, потупив глаза: — Люди в коронах приходили, искали тебя. Ты теперь под розой, но, если засияешь, они придут. Они злые.

Анафаэль сидел, раскрыв рот, и откровенно пялился на молодого послушника. Он успел привыкнуть к его загадочной

манере выражать свои мысли, которая многих ставила в тупик. Монахи-лечцы считали, что паренек не совсем в себе, некоторые смотрели на него как на слабоумного. Поговаривали, что оттого родители и сплавили его в обитель, подальше с глаз, хорошенько заплатив за содержание настоятелю. Найд не знал, была ли доля правды в этих слухах. Сам он заметил, что слова Ноа, как неуместно и странно они бы ни звучали, всегда имели смысл. По крайней мере до сего момента.

— Как они выглядели? — решил он уточнить, не слишком надеясь на рассудительный ответ. — Люди в коронах?

— Ты знаешь. У них черные сердца, хотя венцы сияют.

«Исчерпывающие сведения», — с досадой подумал Найд, глядя в доверчивые карие глаза послушника.

— А четырехпалого среди них не было? — на всякий случай спросил он, замирая сердцем.

Ноа отрицательно покачал головой.

«Так, это уже что-то. Кто бы ни пожаловал в обитель, это был не Мастер Ар. Может, СОВБЕЗовцы? Но при чем тут короны?!» Внезапно Найда осенило, и он уставился на нескладного послушника так, будто у того за спиной выросла пара крыльев. «Ауры! Они ведь напоминают короны! По такой я сразу опознал мага в Джейремии, да и в Мастере Аре. Но как Ноа мог их увидеть? Неужели и он сам…»

Найд сощурил глаза, пристально изучая макушку паренька. «Так, хохлы торчат, видно стриг монах, да еще и садовыми ножницами. А вот ауры нету, даже слабенькой». Тут в груди кольнуло противным холодком, пустота в голове налилась тяжестью. «Что, если аура есть, только я ее не вижу?» Он снова принялся сверлить монашка взглядом, благо тот ничего не подозревал и только глуповато улыбался да глаза отводил, смущаясь. Нет, ничего. Только лоб заломило, будто морозный ветер выдул из него тепло. Голова снова закружилась, и сад поплыл на запад, покачивая голыми ветками. Анафаэль скользнул со скамьи, но дрожащая рука Ноа ухватила его под локоть:

— Что ты?! Нельзя тебе сиять! Они узнают и придут, — горячо зашептал парнишка прямо в ухо, то ли удерживая Найда на скамье, то ли цепляясь за него, как утопающий. — Придут, и возьмут тебя, и будут мучить, мучить, пока… — Ноа сбился, захлебнувшись словами, и сидел, тяжело дыша куда-то в шею подопечного, так что короткие волоски на ней щекотало.

В голове у Найда чуть прояснилось. Он отстранился и увидел лицо парнишки. Крупные слезы катились по обветренным щекам. Будто не отдавая себе отчета в происходящем, Ноа слизывал языком соленые капли, когда они попадали на губы. Зрачки

красивых глаз были такими огромными, что радужки казались черными. Они не отрывались от Анафаэля, но смотрели сквозь него.

«Свет! Что же с ним сделали?!» Найд осторожно поднял руку и неловко полуобнял монашка. Ноа вздрогнул, судорожно хлюпнул носом и уткнулся лбом в сочувственное плечо. Так они сидели некоторое время молча, если не считать того, что порой послушник шумно сморкался в плащ.

— Значит, ты тоже можешь… сиять? — Найд использовал изобретенное Ноа определение волшебства в надежде, что так будет проще до него достучаться.

Паренек мотнул головой и утер нос:

— Нет.

— Ты уверен? — нахмурился Анафаэль, припомнив «короны». — А раньше?

Ноа тяжело вздохнул и выпрямился, щурясь на собеседника припухшими глазами:

— Я видел… вещи. Странные вещи, которые другие не видели. Тогда отец повел меня на испытание. То есть меня уже проверяли один раз, в детстве. Я этого не помню, но меня отослали домой. Отец сказал, они тогда могли ошибиться. Он очень хотел, чтобы я стал одним из тех, в коронах, и жил в белом замке вместе с ними.

Послушник замолчал, ковыряя грязь носком облупленного сапога. Найду не терпелось услышать продолжение истории, и он подбодрил паренька:

— Что же случилось?

Ноа провел рукавом рясы по лицу, отирая мокрые щеки:

— Он выглядел немногим старше меня — тот, кто испытывал. Корона у него была такая… прозрачная. Он вошел в мою голову. Смотрел моими глазами, а когда увидел то, что я видел, он испугался. Мне стало очень больно, здесь, — монашек приложил пальцы к вискам, потом ко лбу. — И страшно. Потом я плохо помню. Кажется, пришел большой человек, и корона у него была высокая. Цвета пропали, все стало белым. Я думал, что умер, — он снова замолчал и поежился. Поднимался ветер, ветви деревьев печально отдавали ему последние, изорванные непогодой одежды.

— Как ты попал сюда, в обитель? — осмелился спросить Найд. Он не совсем понимал, что на испытаниях пошло не так. «Может, маг попался неумелый, неопытный? Или сила, которой владел Ноа, превосходила его возможности? Нет, что-то тут не сходится».

— Меня привез отец, — тихо проговорил послушник,

стараясь загладить подошвой урон, причиненный дорожке носком того же сапога. — Он тоже думал, что я умер. И перестал любить меня, — карие глаза оторвались от подсыхавшей грязи и посмотрели прямо на Анафаэля.

— Не может быть! Ведь ты его сын, — Найд возмущенно тряхнул головой. — И ты живым-живехонек!

Ноа печально улыбнулся:

— Правда? Он любил сына, который умел складывать слова. Который смеялся, когда смешно. Был мальчиком внутри и снаружи.

— По-моему, в твоих словах больше смысла, чем в речах многих. И ты… хм, — Найд окинул собеседника критическим взглядом, — мало похож на садового гнома.

Ноа машинально провел пальцами по лицу:

— А, это обман. Я — вывертень. Внутри у меня ничего не осталось, только тишина. И свет.

Найд прислушался к пустоте внутри себя. Кажется, он начинал понимать, о чем говорил монашек. «Что же могло настолько напугать вербовщика, что мальчишку так… вычистили?»

— Ты говоришь, что видел вещи, которые были не видны другим, — осторожно начал он. — А что ты видел?

Ноа съежился, глаза его тревожно забегали, будто он ожидал, что «люди в коронах» вот-вот выскочат из-за ближайшего куста.

— Пойдем, — заторопился он, поднимаясь со скамейки и таща подопечного за собой. — В лечнице, небось, тебя уже хватились. Симеон заругается, что я больного застудил.

— Не бойся, я — друг и никому ничего не скажу, — попытался убедить послушника Найд, но тот упорно тащил его обратно к лазарету прямо через лужи. Анафаэль знал, что подходящий момент упущен, но все-таки не мог не задать еще один, очень важный, вопрос: — Слушай, ты, когда меня в реке выловил, ничего в моей одежде не находил? Вот тут, за пазухой, — задыхаясь от быстрой ходьбы, добавил он, хлопнув себя по груди.

Ноа резко остановился и обернулся к спутнику, так что подбородок Найда ткнулся ему в ключицу:

— Я не вор! — прошипел монашек. На щеках полыхали красные пятна. Анафаэль понял, что задел паренька, но ему было не до церемоний:

— Понимаешь, там лежали вещи для меня очень важные. Они мне нужны. Я скоро уйду из обители, и, если ты случайно знаешь, где они…

Ноа схватил руку Найда обеими шершавыми от работы

ладонями:

— Как — уйдешь?! Куда?!

Анафаэль смутился:

— Какая разница? Я благодарен тебе… вам всем за то, что спасли мою жизнь. Но я — не монах. Мое место не здесь. Как только я окрепну…

Послушник разволновался, выпустил руку Найда, заозирался по сторонам:

— Но ведь они повсюду! И в деревне побывали, я ходил за рыбой, слышал. Только в обители тебя не тронут, пока ты под розой!

Анафаэль нахмурился: «Опять эта роза!»

— Да ну?! А что этот бородатый… брат Макарий все ходит да вынюхивает?

Ноа слабо улыбнулся:

— Макарий хороший. Всегда за меня заступается. И чудовища у него как живые выходят. Я попрошу тебе показать. Его не надо бояться.

Найд задумался:

— Это он меня розой защитил?

Послушник удивленно моргнул. На нос ему шлепнулась крупная дождевая капля, заставив смешно зажмуриться. Он поднял лицо к небу, за время их разговора набухшему водой:

— Нет, ты сам ее сотворил. Когда первый раз проснулся, — и Ноа потащил онемевшего подопечного под крышу.

Глава 4
Тень ветра

Аджакти стоял у края бассейна и уже в пятнадцатый раз пытался подцепить шестом плавающий в воде лист каштана. Сачок, снятый с бамбуковой палки, лежал поблизости, но воспользоваться им было нельзя — запрет Фламмы. Новый сетха оказался весьма изобретательным, когда это касалось заданий, способных довести ученика до белого каления или заставить признаться в собственной беспомощности. В прошлый раз Каю пришлось битый час проторчать посреди лужайки в стойке журавля, пока он не нашел ответ на интересный вопрос: как выглядит тень ветра? Ежу ясно, что никакой тени у ветра нет и быть не может. Но Фламма, очевидно, был не согласен с ежом и позволил Аджакти снова встать на обе ноги, только когда тот полупропыхтел-полупростонал, что тень ветра похожа на бегущие по земле облака.

В казармах товарищи, как назло, неустанно забрасывали Кая градом вопросов о новом сетхе и тех чудесных приемах, которые гладиатор успел усвоить за день. Ему пришлось сослаться на тайну, которой Фламма окружил свое учение и которую Аджакти якобы поклялся не разглашать. К величайшему облегчению Кая, ему поверили.

Сегодня тренировка началась с того, что ученику было велено очистить садовый бассейн от опавшей листвы с помощью одного лишь шеста. Кай успел побывать по пояс в воде, продрог, заработал судороги в мышцах рук, а в высокой корзине лежал едва ли десяток размокших листьев.

Фламме, очевидно, наскучило наблюдать за его мучениями, и фаворит удалился в тепло дома. Но только Аджакти чуть расслабился, как со стороны стены, разделявшей сад пополам, раздались приглушенное хихиканье и детские голоса. Нини и Айо, воспользовавшись отсутствием отца, взобрались на старую грушу, и теперь их головы в одинаковых вязаных шапках торчали над каменной кладкой. Старший из сорванцов ухмылялся до ушей, младший высунул язык и скосил глаза к переносице.

Делая вид, что мимика мальчишек не имеет к нему никакого отношения, Аджакти снова нацелился шестом на разлапистый оранжевый лист. Осторожно подвел кончик палки под цель, подцепил. На полпути к берегу проклятый листок соскользнул с деревяшки и смачно плюхнулся в воду. Хихиканье стало громче, но, что было еще хуже, пацаны принялись давать ему советы:

— Правее!

— Нет, левее.

— Смотри не упади!

— Кто ж так держит палку, лопух?!

Очередной сопревший лист развалился надвое, как только шест приподнял его над водой.

— Хей, неудачник, нужна помощь?

Скрипнув зубами, Аджакти перехватил орудие труда, как копье, размахнулся и метнул его в сторону мучителей. С гулким «буонг!» шест ударился о стену в паре сантиметров от верхнего края, спружинил и вонзился в розовый куст. Мальчишки взвизгнули, раздался треск ломающихся ветвей, собачий лай и удаляющийся топот.

«Опасения их папочки совершенно напрасны! Чтобы эти двое соблазнились перспективой изображать шута?! Ха!» Кай вздохнул и, закусив губу, выудил длинную палку из путаницы голых веток: колючки впивались в кожу даже сквозь рукава туники. Ругаясь сквозь зубы, он принялся выбирать из себя шипы.

— Ты уже закончил? — Конечно, Фламма выбрал именно этот момент, чтобы проверить, как идут дела у ученика. Узкие темные глаза укоризненно остановились на помятых розах.

— Прошу прощения, сетха, — обреченно пробормотал Кай, — но… это невозможно! За полчаса я собрал, может быть, дюжину листьев, а в бассейн в то же время упало вдвое больше, — он вскинул на учителя взгляд, в котором горел вызов: — Я не понимаю, какой в этом смысл! Я пришел сюда, чтобы стать лучшим бойцом. Вы сами так сказали. А вместо того чтобы учиться, занимаюсь… детскими играми!

Фламма растянул губы в улыбке:

— Мы все играем в игры. Гладиаторы, те, кто делает на них ставки, политики, даже боги.

Аджакти зло бросил шест на землю:

— Игра теряет смысл, если в ней невозможно выиграть!

— Невозможно?! — Бритые брови Фламмы поползли вверх, лоб забавно наморщился. Огонь повернулся и зашагал к бассейну, сделав ученику знак подобрать палку и следовать за собой. На краю водоема он остановился, глядя на плавающий по спокойной поверхности осенний мусор:

— Иногда, чтобы выиграть, необходимо найти альтернативное решение.

— Но ведь вы запретили мне использовать сачок, сетха, — буркнул Кай, ткнув лежащую на плитах сетку носком сапога, в котором противно хлюпнуло.

— Верно, — кивнул Фламма, — но у тебя был шест.

Огонь протянул руку, и Аджакти, пожав плечами, вложил в нее требуемое. С тайным злорадством он ожидал увидеть, как сетха будет потеть, гоняясь вокруг бассейна за юркими корабликами листков каштана и магнолий. К его удивлению, вместо того чтобы ухватить шест за один конец, Фламма взялся за него посередине и плашмя положил на воду. Бассейн был квадратный, и длины палки как раз хватало, чтобы перекрыть его от одного бортика до другого. Примерившись, Огонь плавным движение толкнул шест от себя. Деревяшка поплыла, гоня перед собой невысокую волну, которая подхватила качающийся на воде сор и прибила к противоположному краю. Ударившись о бортик, волна откатилась обратно, но шест, лежавший поперек бассейна, не позволил листве последовать за отливом.

Под пораженным взглядом ученика Фламма подхватил корзину, обошел вокруг водоема и, погрузив в него тару, попросту зачерпнул в нее мусор. Все действо заняло не более пары минут. Кай захлопнул рот и, не в силах выдержать взгляда учителя, уставился в землю. «Идиот! Как же я сам до этого не додумался?!»

— Простите меня, сетха, — пробормотал он, почтительно склонив голову. — Мои слова были необдуманны.

Фламма хмыкнул:

— Что же мне делать с нерадивым учеником, который слишком ленив, чтобы думать? Пожалуй, придется проучить его палкой.

Аджакти подумал, что ослышался. Он вскинул глаза и едва успел увернуться: уперев один конец шеста в воду, Огонь ловко перемахнул через бассейн. Деревяшка просвистела у Кая над ухом, обдав каскадом брызг, — не пригнись он, и на лбу теперь красовалась бы здоровенная шишка. «Нет, это уже слишком!» Аджакти выпрямился и принял боевую стойку: «Учитель или нет, а я не собираюсь позволить Фламме выпороть себя, как мальчишку!» Длинная палка поначалу не показалась ему угрожающим оружием. Он рассчитывал, что сможет легко увернуться от фаворита, а то и обезоружить его. Но эта уверенность быстро пошатнулась.

Огонь скакал по лужайке, как кролик, а шест так и мелькал в его руках, рассекая воздух похожими на веер дугами. Кай едва успевал уворачиваться от вездесущей деревяшки и ставить блоки. Его предплечья и голени вскоре превратились в сплошной кровоподтек. Под конец Фламма загнал жертву под фруктовые деревья, но и тут длина оружия не стала фавориту помехой. Он шпынял Аджакти между стволами, безжалостно тыкая во все места, пока не обрушил на него целый каскад бобов вистерии,

шарахнув шестом по ее изогнутому стволу. Прикрывая голову, Кай оступился и позорно бултыхнулся в бассейн. В довершение всего, едва он, отфыркиваясь, поднялся на ноги, на плечи ему нахлобучили пахнущую прелой листвой и улитками корзину. На плетеное дно тут же обрушился град ударов, так что Аджакти почувствовал себя внутри барабана. С трудом он выпростал одну руку и приподнял ее, насколько мог, открытой ладонью вверх. Ученик сдавался.

В тишине, сменившей грохот, все еще отдававшийся в голове, до Кая донесся мальчишеский хохот. «Пацаны снова взобрались на грушу!» Гладиатор представил себе, как он должен был выглядеть со стороны — по пояс в воде, с насаженной на голову корзиной, по которой колошматил палкой стареющий грузный человечек. Аджакти зажмурился и пожелал никогда не снимать импровизированный «шлем» — лишь бы не видеть смеющихся глаз Фламмы, не встречаться взглядом с Нини и Айо. Конец шеста безжалостно сбил корзину в воду, короткопалая рука протянулась, предлагая помощь. Аджакти с трудом выбрался на сушу. К счастью, мальчишки исчезли со стены — очевидно, их шуганул отец.

Глаза-маслины скользнули по жалкой фигуре ученика.

— Я принесу тебе сухое — переодеться. Вижу, нам есть над чем поработать.

На вечерней поверке Аджакти едва мог стоять прямо — ему давно так не доставалось. Зато впервые у него было чувство, что за день, проведенный с Фламмой, он чего-то добился. Никогда бы раньше он не подумал, что простой рукояткой от сачка можно нанести противнику такой урон! Не говоря уже о прочих садовых инструментах, которые новый учитель играючи превращал в смертоносный арсенал. Кай с нетерпением и надеждой думал о том моменте, когда снова увидит Фламму — Скавр позволил Аджакти заниматься с Огнем каждый третий день в послеобеденные часы.

Кай настолько погрузился в собственные мысли, что не сразу обратил внимание на отсутствие рыжей макушки в рядах «жнецов». Одного взгляда на унылую физиономию Токе было достаточно, чтобы его подозрение подтвердилось. «Навряд ли Горец скуксился из-за полузажившей раны. Что-то случилось с Лилией. Но что? Травма на тренировке?» Аджакти с трудом дождался гонга на развод и поспешил протолкаться к Токе через усталую, воняющую потом толпу. Некоторое время Кай шагал рядом, кидая косые взгляды на необычно молчаливого товарища:

— А где Тигровая? — решился он спросить наконец.

Токе толкнул дверь в их каморку и с убитым видом плюхнулся на койку. Аджакти притворил за собой створку и разжег жаровню: комнатушка так выстыла за день, что от разгоряченных тел шел пар.

— Лилия участвует в частных играх, — внезапно выпалил Горец. Пальцы его впились в колени так, что костяшки побелели.

— Что?! — Пораженный, Кай опустился на свои нары. — Ее же не было в списке!

Токе тряхнул головой:

— Не было. Но Черная Ведьма растянула связки на тренировке. Чеснок запретил ей выходить в бой. Ее заменили Лилией.

Аджакти сразу стала ясна причина отчаяния товарища. Раньше, когда рыжеволосая гладиатрикс выходила на арену, Токе всегда был рядом — если не в самом сражении, то среди зрителей, наблюдая за поединком, поддерживая ее, поздравляя с победой. С наступлением холодного сезона игры переместились из Минеры и других открытых площадок под крышу. Шаки и местные купцы, имевшие достаточно цирконiев для организации боев, заказывали гладиаторов к себе во дворцы, где показательные и смертельные поединки становились кульминацией развлекательной программы. В частных играх редко участвовало более пяти-шести пар. Зато заказчики частенько плевали на правила и гладиаторский кодекс, что делало это предприятие гораздо более опасным, чем мясорубка в Минере.

Кай не знал, что сказать. Он слишком хорошо помнил, что с последней «работы», как называли гладиаторы частные заказы, вернулись двое братьев из четырех, причем один из двоих с раздробленным коленом.

— Против кого ей придется сражаться? — Если Аджакти не изменяла память, на этот раз игры устраивал Сиаваши, толстосум с амбициями, державший пару собственных бойцов в казармах школы Дакини. — Если это те косорукие тупицы, что мы видели в Минере, Тигровая даже не вспотеет.

Токе не повелся на уловку:

— На вечер заказали шестерых. Значит, Сиаваши заплатил еще за кого-то. Это может быть кто угодно. Даже Осадная Башня.

Кай сплюнул и принялся стягивать еще сырые сапоги. Башня была лучшей в амирате среди гладиаторов-женщин, и имя свое она заслужила огромным ростом и непреклонностью в бою.

— Расслабься, на нее даже у этого денежного мешка монет не хватит, — попытался он успокоить Токе.

— А ты почем знаешь? — буркнул товарищ и скрючился на

койке лицом к стене.

Аджакти, покряхтывая, тоже заполз под ледяное одеяло, но заснуть ни один из них не мог. Каждый прислушивался, не скрипнет ли калитка, не раздадутся ли знакомые шаги по песку или тревожный крик: «Лекаря!» В тягостной тишине минуты тянулись, как часы. Наконец Токе не выдержал. Резко сев на постели, он зашарил по полу в поисках обуви.

— Ты куда? — обеспокоился Аджакти.

— На крышу, — огрызнулся Горец.

— Погоди.

Токе обернулся уже у двери, вопросительно воззрился на Кая воспаленными глазами. И тогда Аджакти понял, что момент, которого он ждал все эти дни после разговора с Анирой, наступил. Пора было выполнить данное принцессе обещание. Он сел на нарах:

— Давай поговорим.

— О чем? — насупился Токе, переминаясь с ноги на ногу. — Мне не до болтовни сейчас.

— А у нас деловой разговор будет, — Аджакти похлопал ладонью по своей койке, приглашая товарища присесть.

Горец уставился на Кая подозрительным взглядом, словно соображая, какое такое дело могло потребовать его внимания в столь неурочный час. Поколебавшись, он все-таки оторвался от двери и пристроился в ногах постели:

— Ну что там у тебя? Давай, только быстро.

— А тебе есть куда спешить? — приподнял бровь Аджакти. — То, что случится с Лилией, все равно от тебя не зависит.

Токе тяжело задышал, глаза блеснули красным, отразив слабый свет жаровни. Но, прежде чем он успел что-либо сказать, Кай быстро добавил:

— Это можно изменить.

Горец молчал. Пространство между ними заполнила тишина ночи и холод, но Аджакти знал, что внутри северянина сейчас происходит важная работа, от результата которой зависит будущее — не только его или Лилии, но и всего Церрукана.

— Ты хочешь сказать, что знаешь, как? — наконец прошептал Токе. Его напряженный взгляд не отпускал глаз Аджакти, выискивая малейший намек на насмешку или ложь.

Кай кивнул:

— Возможно.

Горец усмехнулся нехорошей, кривой ухмылкой:

— Возможно, завтра снег пойдет. «Возможно» — для меня слишком мало.

Аджакти повторил его улыбку:

— Возможность становится реальностью, когда ее используют.

— Говори, — прошептал Токе, оглянувшись на закрытую дверь, и пододвинулся плотнее к собеседнику. Теперь они сидели так близко друг от друга, что облачка от их дыхания смешивались.

Глядя товарищу прямо в глаза, Аджакти чуть слышно изложил предложение, которое сделал Анире. Он опустил лишь имя принцессы и ту роль, которую самому Горцу предстояло сыграть в отчаянном предприятии.

Некоторое время Токе сидел молча, переваривая услышанное. Кай видел, что он воспринял идею серьезно и уже просчитывал шансы на успех. Аджакти не был уверен, но подозревал, что северянин и сам подумывал о чем-то подобном.

— Значит — бунт? — наконец медленно выговорил Горец, будто пробуя слово на вкус. — И твой покровитель в верхах поддержит рабов? И даже даст им свободу?

— Скорее, это мы поддержим его в нужный момент, — поправил Кай. — А свобода будет наградой за помощь в перевороте.

— Кстати, а кто твой загадочный патрон? — прищурился Токе. — Уж не та ли любвеобильная дама, которой ты скрашивал одинокие ночи? Или… прав Зейд, и это вовсе не дама?

Кай качнул головой, не поддаваясь на подначку:

— Зейд будет первым, кому я перережу глотку, когда все начнется. Мне запрещено до поры разглашать имя покровителя. У этого человека много врагов.

— Еще бы, — хмыкнул Горец. — Не на кусок пирога хмырь зарится — на престол! Но вот что ты скажи мне, — он наклонился вперед, пытливо заглядывая товарищу в глаза, — ты ему доверяешь?

Аджакти задумался на секунду, решительно тряхнул головой:

— Нет. Но его будущее в наших руках, а наше — в его. Пока мы ему нужны, на него можно будет положиться.

— А когда мы не будем больше нужны?

— Знаешь, что случилось с дровосеком, который подрубил сук, на котором сидел?

— Могу представить себе, что он больно ушибся, — проворчал Горец. — Но как ты рассчитываешь поднять всю школу? Да, мы можем рассчитывать на «семерку». На северян, пожалуй, тоже. Но в казармах полно других клик — церруканцы, гор-над-четцы, клейменые. Да взять ту же Кумалову кодлу. Они небось первые нас Скавру заложат!

— Не заложат, — возразил Аджакти, усмехаясь. — После той

ванны с дерьмом, что мы с ним разделили, Кумал счастлив будет утопить мясника в его собственном говне. Что до остальных… Думаю, если они услышат, что на нашей стороне Фламма, убедить их будет несложно.

Токе вытаращил на товарища круглые глаза:

— А Фламма на нашей стороне?!

Аджакти успокаивающе поднял ладонь:

— Пока еще нет, но будет, я уверен. У него к Скавру есть старый счет, да и ко всему Церрукану.

Горец шумно выпустил воздух из легких и недоверчиво покачал головой:

— Допустим. Но одной Танцующей школы недостаточно. Чтобы план удался, нам нужна поддержка Лунной, Дакини и самой Королевской, не говоря уже о мелких заведениях. Да, мы пьем с их бойцами в одной забегаловке на увольнительных. Но как узнать, не побежит ли компанейский парень-дакини, долакав свой эль, с доносом к ближайшему стражнику?

У Кая готов был ответ и на этот вопрос:

— Нам нужен инсайдер, — воспользовался он подхваченным у Вишни мудреным словом, — тот, кто знает чужие школы изнутри. Такой, как Джамшин.

— А при чем тут толмач? — удивился Токе.

— Ты не знал? Парень же из Лунной школы. Скавр получил его когда-то от Мутакки, их мясника, в уплату игрового долга. Мне Вишня об этом рассказал, — предупредил Аджакти крутившийся на языке товарища вопрос. — Они же вечно с Джамшином на тан трепятся.

— Вижу, ты основательно подготовился, — уважительно протянул Горец. — Может, Скавр еще и дакини выиграл?

— Нет, — усмехнулся Кай. — Зато он кое-кого им продал. Помнишь парнишку-заставца, Философа?

— Он пропал из казарм еще до мясорубки, — Токе нахмурился, припоминая. — Поговаривали, что на него положила глаз какая-то знатная церруканка.

— Все верно. Шак-тала Лолачи купила парня и перевела в школу Дакини — там содержание подешевле. К тому же хозяйка Философа разругалась со Скавром из-за мясорубки — не хотела, чтобы ее новую игрушку покромсали на куски в первой же схватке на арене.

— Н-да, повезло парню. Но как ты-то прознал обо всем этом? — Горец подозрительно уставился на собеседника.

— От самого Философа. Я встретил его в арене Муты, под трибунами. Тебя на те игры не выставили.

— Чего ж ты раньше ничего про Философа не рассказывал? —

возмутился Токе.

— Да я-то рассказывал, — усмехнулся Аджакти, — Аркон свидетель. Только вот ты, вместо того чтобы слушать, глазел на одну рыжую красотку.

— Ничего я не глазел! — Горец смутился, очевидно, вспомнив ситуацию, в которой происходил примечательный разговор. — Просто в обеденной зале шумно было, сам знаешь, как братишки горло дерут. К тому же Философ, может, уже давно через Врата Смерти вышел, причем не своими ногами.

— Это можно легко выяснить, — пожал плечами Кай. — На первой же увольнительной.

Едва слышные звуки снаружи заставили его прерваться на полуслове: Аджакти различил их только потому, что так напряженно ждал. Токе тоже выпрямился на койке с полуоткрытым ртом, ловя малейший шорох, доносящийся из-за двери. Сомнения быть не могло: скрип калитки, голоса стражников, приглушенная ругань, топот сапог по галерее — кто-то сломя голову помчался в сторону лазарета.

— Лилия! — Горец сорвался с нар так стремительно, что у него ушло несколько мгновений на то, чтобы справиться с дверью в тесной каморке. Кай бросился за ним. Хотя ветеранов и не запирали на ночь, гладиаторам запрещалось бродить по казармам после отбоя. Но Аджакти чувствовал, что остановить Токе сейчас навряд ли смог бы даже Бог-Ягуар в шестом воплощении.

Небо с вечера затянули тучи, и во дворе стояла темень хоть глаз выколи. Только у входа в казармы кто-то затеплил фонарь, и теперь желтый круг света, покачиваясь, приближался к товарищам.

Горец со свистом втянул воздух через сжатые зубы. Он, как и Кай, различил носилки и двоих бойцов, узнаваемых во мраке ровно настолько, чтобы определить — Лилии среди них не было. Мгновение — и Токе оказался в волшебном круге фонаря. Аджакти видел его отчетливо — черный силуэт на золотом фоне, склоняющийся над тем, что несли гладиаторы. Силуэт сломался, упал на колени. Ночная тишина раскололась, разбитая криком. Эхо метнулось к беззвездному небу. Кай знал, что должен быть рядом. Собрать то, что распалось, согреть, говорить слова, лишенные смысла. Но он устал. Так устал. Он закрыл глаза. Он не хотел больше ничего видеть.

Глава 5
Свет милосердный

Штанов послушникам, очевидно, не полагалось. Обнаружил Найд это слишком поздно — когда Макарий, целомудренно прикрыв за собой дверь кельи, оставил новичка наедине с кучкой черного сукна. Делать было нечего: его собственная одежда починке не подлежала, так что пришлось натянуть груботканый хитон и подрясник, напоминающий вдовье платье. Все лучше, чем в одном исподнем щеголять. Особенно когда Найду предстояло покинуть наконец опостылевшую лечницу.

Брат Макарий явился с утра пораньше, чтобы показать Найду монастырское хозяйство и место, где тот сможет жить, пока не решит, как быть дальше. За приют и пропитание новицию полагалось расплачиваться трудом, и задачей инока было определить, какая работа Анафаэлю по силам и к чему парень способен. Найд вздохнул, затянул потуже веревочный пояс и пригладил просившие стрижки волосы. Он отворил дверь и выглянул в темный сводчатый коридор:

— Я готов.

Монах решил начать экскурсию с послушаний, находившихся вне главного здания монастыря. На пути через сад и огороды он терпеливо описывал распорядок жизни обители, которому теперь Анафаэлю предстояло подчиняться:

— Обедня начинается у нас в пять утра, вечерняя служба — в половине шестого, потом — заутреня. Иноки и новиции живут по послушаниям. Лечебный корпус ты уже видел. А вот там — садовый, — Макарий махнул в сторону низенького длинного строения, белевшего за рядком всклокоченных слив. — Ноа там обитает. Ему нравится на природе работать, и руки у него для этого дела подходящие — видел бы ты, какие у него тыквы замечательные растут! Из соседних монастырей приезжают, дивятся. Да я тебе покажу! Вот пойдем в погреба… — С подобными речами, размахивая руками так, что широкие рукава рясы поднимали ветер, бородач протащил Анафаэля через подземные кладовые, квасную, молотильню, коровную, свечной и хлебный корпуса, конный двор и многочисленные мастерские — от шорной и слесарной до столярной и жестяной.

Впервые Найду выдалась возможность представить себе, насколько велико хозяйство обители, и сколько людей занимается его обслуживанием. Всюду кипела работа — монахи, послушники и насельники варили квас, мед и свечи, обихаживали

скот, подковывали лошадей, молотили зерно и пекли хлеб.

Хоть брат Макарий был весьма среднего роста, ноги у него под рясой оказались длинные. Шагал он, по крайней мере, размашисто, и Найд, отвыкший от движения и свежего воздуха, быстро запыхался и выбился из сил. Да еще и непривычная одежда путалась между колен, так что парень спотыкался, а на лестницах наступал на собственные полы. Любопытные взгляды обитателей монастыря и прячущиеся в бороды улыбки, которые он приписывал своей неловкости, заставляли Анафаэля робко жаться к провожатому. Он никогда раньше не встречал так много незнакомых людей сразу — разве что на ярмарке, но там никто не обращал на него внимания, а тут…

Заметив его состояние, монах замедлил темп и повернул обратно к главному зданию. Снова войдя под высокие беленые своды, Макарий повел новиция мимо крыла певчих и остановился перед тяжелой дверью, украшенной медными полосами с литыми узорами.

— Я, э-э… — инок потеребил бороду, нерешительно положив ладонь на ручку в форме розового бутона, — пообещал Ноа показать тебе кое-что. Не знаю, будет ли тебе интересно, ты ведь… Гхм, — Макарий смущенно откашлялся, скомкав фразу, и без всякой связи с предыдущим закончил: — Я работаю здесь. В скриптории, то бишь.

Монах толкнул массивную створку внутрь. Ступая по пятам за бородачом, Найд оказался в просторном помещении с высокими потолками и рядом арочных окон, через которые струился холодный дневной свет. За пультами и конторками трудился десяток братьев и примерно столько же послушников, но в скриптории стояла благоговейная тишина, нарушаемая только царапаньем перьев и шорохом переворачиваемых страниц. От обилия свитков и оплетенных в телячью кожу томов у Найда перехватило дыхание: «Какое сокровище!» В воздухе висел запах пыли, свежего пергамента и красок, от которого приятно защекотало в носу. Это напоминало занятия с Сибелиусом в Гнезде. «Свет! Как же давно это было, будто в другой жизни».

— Здесь создаются летописи обители и переписываются священные и исторические тексты, — с гордостью пояснил Макарий, проходя между рядами конторок. Найд топал за ним, подобрав полы, стараясь не задеть наваленные на столах свитки и не свернуть на пол баночки с пахучими красками. — Здесь же живописцы раскрашивают книги, украшая их буквицами, орнаментом и образами.

Монах подвел новиция к свободному пульту, на котором покоилась раскрытая на середине книга.

— Вот, посмотри, — Макарий ободряюще кивнул Анафаэлю.

Найд послушно сделал шаг вперед. Иероглифы тан выстроились на странице ровными рядами, выведенные уверенной, набитой в каллиграфии рукой. Он едва позволил себе скользнуть по ним глазами — монах не должен был заподозрить, что мнимый подмастерье кожемяки умеет читать. Тут взгляд Анафаэля упал на поля фолианта, и парень чуть не ахнул. В искусный орнамент, окружавший текст, были вплетены медальоны, по три на страницу. Каждый заключал в себе мастерски выполненный рисунок. На теле дракона можно было различить мельчайшие чешуйки, казалось, он вот-вот оживет. Страшные глаза человека в другом медальоне сияли так, что Найд с трудом подавил в себе желание захлопнуть книгу. Лиловая аура вокруг черноволосой головы указывала на то, что это был маг.

Парень не знал, как долго стоял так, созерцая чудесные изображения — алого дракона, волшебника с огненным взором, зеркало, полное чудовищ, меч с лезвием из чистого света.

— Нравится? — Мягкий голос брата Макария вернул Анафаэля в скрипторий. Глаза его скользнули по орнаментальной рамке, окружавшей мага. Завитки узора набегали друг на друга, образовывая вязь, повторяющую одно и то же слово: «Дарк».

Найд дернулся, рука невольно толкнула пульт. Деревянная ступка с перьями и кистями различной толщины опрокинулась и, грохоча, покатилась по каменному полу. Монахи вокруг оторвались от работы и неодобрительно уставились на нарушителя спокойствия. Бормоча извинения, новиций бросился на колени и принялся собирать разлетевшиеся повсюду перья. Макарий опустился на пол рядом с ним, успокаивающе положил руку на плечо:

— Ничего-ничего. Я напугал тебя. Ты так увлекся, — инок принял стаканчик из трясущихся пальцев Анафаэля и водрузил на место. Под укоризненным взглядом старшего писари снова погрузились в работу — или, по крайней мере, сделали занятой вид.

— Знаешь, а ведь для меня это — комплимент! Значит, удались мои образы.

— Так это… вы?! — сообразил наконец Найд и выпучил на брата Макария восхищенные глаза. — Вы нарисовали дракона, меч, Дарка?!

— Как ты узнал, что это — Дарк? — удивленно вскинулся бородач.

Анафаэль понял, что проговорился. Кровь бросилась в голову: «Болван! Теперь живописец догадается, что моя история — чистая

ложь. Откуда простой подмастерье может знать грамоту?!» Уставившись на носки собственных сапог, он пробубнил:

— Я не знал. Я просто… догадался.

Макарий молчал. Найд был уверен, что разоблачен, но ему ничего не оставалось, как врать дальше и надеяться на чудо:

— Я слышал легенды о знаменитом маге Темных, о зеркале демонов и Мече Света. Это ведь он? Мне всегда казалось, что злодей Дарк должен выглядеть именно так, — парень рискнул бросить на инока быстрый взгляд, проверяя реакцию.

К его удивлению, бородач сиял:

— Правда? — Заросшие густым рыжеватым волосом щеки зарделись, от улыбки на них заиграли ямочки. — А ведь это нетрадиционная трактовка. То есть я имею в виду, — поспешил пояснить живописец, делая скидку на невежество новиция, — Дарка никто еще не изображал так. Но я изучал источники. В обители очень хорошая библиотека, и…

Тут Найд почувствовал, как у него невольно выворачивает челюсти: нервное напряжение отступило, его место заняла непреодолимая усталость. Брат Макарий принял зевок на свой счет:

— Прости, мальчик, я забросал тебя малопонятными словами. Лучше я покажу, — монах склонился над книгой, поправив сидевшие на носу диковинные колеса. — Я нашел описания мага в старинных летописях времен Последних Волшебных Войн. Вот, видишь? Длинные черные волосы, тонкие черты, красивое лицо, голубые глаза. Позднейшие тексты сделали из Дарка чудовище, в котором осталось мало человеческого. Так оно, конечно, и было. Внутри. Но внешностью Господь наделил его привлекательной. Пожалуй, — Макарий оторвался от фолианта и прищурился на Анафаэля, — да, пожалуй, чем-то Дарк смахивал на тебя. Это, несомненно, делало его еще более опасным. Что с тобой? Тебе плохо?!

Инок истолковал внезапную бледность новиция по-своему. Он заботливо усадил Найда на скамью и принес кружку ледяного квасу. Парню стоило большого труда убедить бородача в том, что он может продолжать обход и последовать за монахом в храм — последний, и главный, пункт программы. На самом деле церквей в обители было несколько, но, принимая во внимание слабость подопечного, Макарий решил на сегодня удовольствоваться важнейшей святыней монастыря — собором Света Милосердного.

На пути по холодным гулким коридорам Найд постарался отвести несколько утомительное внимание монаха от собственного здоровья и задал давно мучивший его вопрос:

— Светлый брат, скажите, а что это за штуковина у вас на

лице? — Он пальцем ткнул себе в переносицу. — И зачем вы ее носите? Она помогает вам рисовать?

Макарий хохотнул и порывисто взмахнул руками, так что предмет разговора чуть не слетел с кончика крохотного носа:

— Ах, какой же я глупец! Конечно, ты же никогда прежде не видел… — Он подцепил колеса за соединявшую их перемычку и торжественно продемонстрировал Анафаэлю. — Это называется «очки», чудо науки. Вот, попробуй примерить. Только осторожно, стекла очень хрупкие!

Найд с трепетом взял «чудо» за дужки двумя пальцами и поднес к лицу. С испуганным возгласом он тут же отдернул голову:

— Ух! Мне показалось, что я уменьшился, а все вокруг стало таким огромным! Как будто я превратился в мышь!

Макарий прыснул в бороду и снова водрузил очки на переносицу:

— Уверяю тебя, мальчик, тут нет никакой магии. Просто эти линзы настроены на мои больные глаза, которые без них почти ничего не видят. Для человека с хорошим зрением они бесполезны и даже вредны!

Разинув рот, Найд слушал рассказ монаха о путешествии в Фееринанду за чудесными стеклами. Настоятель снабдил самого искусного живописца обители золотом и отправил в далекую столицу просвещения в надежде на то, что новое изобретение ученых вернет ясность глазам брата Макария.

— Великий человек! — Инок благоговейно сложил руки. — Преподобный Феофан, да будет тебе известно, тоже страдает слабым зрением. Он мог бы сам отправиться в Фееринанду, но не счел себя вправе оставить вверенную ему обитель или потратить лишний золотой на собственные нужды. Вот настоящий пример смирения и самопожертвования! Мы пришли, — внезапно оборвал дифирамб настоятелю Макарий.

Библиотечное крыло примыкало к центральному храму, в который можно было пройти через дверь, украшенную позолоченным знаком света. По словам монаха, собор содержал главную святыню обители, Свет Милосердный — предмет стремлений многочисленных паломников и источник нынешнего благосостояния монастыря. Каждый раз, упоминая Свет, брат Макарий благочестиво закатывал глаза, умильно придыхал на «с» и осенял себя святым знамением.

Найд отнюдь не разделял экстаза монаха. Он слишком хорошо помнил свое первое и последнее посещение гнездовской церкви. Туда его сопроводил херр Харрис по настоянию общественности, дабы ввести безродного сироту и возможного

язычника в лоно истинной веры. Гнездовский храм был не очень велик, но тогда поразил маленького Найда высотой темных стен, цветными звездочками лампад и фресками под куполом, на которые он глазел, пока не свело шею. Само посвящение мальчику почти не запомнилось. Истинный переворот произвел в нем Неугасимый Огонь, считавшийся чудотворным.

Стройные языки синеватого пламени танцевали на грубо обработанном гранитном алтаре — без хвороста или угля, не вспыхивая сильнее и не умирая, будто горел и никак не мог сгореть сам камень. Но самое главное, как Найд ни напрягался, он не мог почувствовать и следа магии. Охваченный праведным порывом, он бухнулся на колени и принялся истово осенять себя знамением света и шевелить губами, подражая молящимся вокруг прихожанам. Такое благочестие вызвало очевидное одобрение паствы, посылавшей в сторону мальчика увлажнившиеся взгляды. Однако херра Харриса умилить было не так-то легко.

Когда на амвон вышел проповедник, и настала пора Найду подняться с холодного пола, ленлорд прошептал ему на ухо, что огонь на алтаре питает выходящий из-под земли газ, и что священники используют «чудо», чтобы привлечь паломников и заставить невежественных крестьян жертвовать на нужды храма. Мальчику было строго-настрого запрещено делиться новым знанием с кем бы то ни было. Но он не выдержал и посвятил в тайну скучавшего рядом Айдена. Сын ленлорда сначала не поверил и отчего-то разозлился, а потом с хитрой усмешкой предложил выяснить, прав ли отец и как газ попадает к алтарю.

Дождавшись момента, когда священник утащил херра Харриса в исповедальню, мальчишки отправились на исследование храма и в темном углу нашли незапертую дверцу и ступеньки, ведущие вниз, в пахнущую сыростью полутьму. Газовой трубы они не обнаружили, зато наткнулись в подвале на служку, втихую прикладывавшегося к бочонку с вином. Злой, как демон, святоша вытащил богохульцев на свет за их грешные уши. Айден валил все на Найда; приемыш, верный привычке, молчал, как могила. В итоге влетело обоим, и в храм с тех пор Найд был не ходок.

Парень вздохнул, ныряя вслед за братом Макарием под низкий свод: «Как-то теперь Айден и херр Харрис? Оставил ли СОВБЕЗ их в покое теперь, когда виновник переполоха исчез?»

От собора Света Милосердного он ожидал немногого: очередного фальшивого фетиша и толпы одураченных почитателей. Каково же было удивление Анафаэля, когда уже в северной абсиде он буквально почувствовал кожей поток силы, исходящей из нефа, — мощный и непрестанный, как теплый

ветер. Впервые за время своего пребывания в обители он ощутил, как заполняется пустота у него внутри, и там, за лобной костью, вспыхивает свет, одновременно слепящий и дающий истинное зрение.

— Вот! Вот! — суетился рядом брат Макарий, заглядывая новицию в лицо и молитвенно складывая беспокойные руки. — Ты чувствуешь, да? Никто не остается безучастным к его силе. Свет Милосердный!

Наконец Найд увидел святыню и едва совладал с детским желанием упасть на колени. С круглого низкого алтаря в центре пустынного нефа поднимался столб яркого, но мягкого света, вертикально пронизывавший громаду собора и упиравшийся в круглый купол. Свет был живой, движущийся, будто в золотой колонне роились миллиарды сияющих крылатых существ. Их метание казалось на первый взгляд хаотичным, но, приглядевшись, Найд различил в нем пульсирующий ритм, подобный музыкальному. Ему мнилось, что тихая, на грани слуха, но невыразимо прекрасная мелодия исходит от столпа вместе с сиянием, проникая прямо в сердце и заставляя его сжиматься в сладкой муке. Не отдавая себе отчета, Анафаэль медленно шел к световой колонне, как будто его тянул мощный магнит. Он остановился, когда всего один шаг отделял его от чуда, и глаза уже не воспринимали ничего, кроме все заливавшего света.

Найд протянул руку вперед, желая во что бы то ни стало дотронуться до источника силы. Внезапно его ухватили за рукав. Брат Макарий развернул новиция лицом к себе и уставил ему под нос предостерегающе воздетый перст:

— Нет! Касаться Света могут исключительно прошедшие таинство пострижения! Силу Милосердного можно выдержать только после длительной духовной подготовки и очищения. Вот почему в нашей обители послушание занимает десять лет, хотя в других монастырях — только семь.

Найд облизнул пересохшие губы:

— Неужели никто не пробовал?..

Глаза Макария округлились, делая его похожим на бородатого филина:

— Это святотатство! К тому же, говорят, Свет сжигает грешников живьем, так что от них не остается ничего — один пепел.

— Вот это — истинное милосердие, — покосился на сияющую колонну Найд. Не отпуская его рукава, монах увлек новиция в полутемную абсиду и усадил на жесткую скамью:

— Может, Свет и карает за грехи и гордыню, — горячо зашептал монах, поблескивая очками, — зато он исцеляет

больных и немощных. Я сам видел, как калека встал на отсохшие ноги, как вылечилась от судорог девочка, принесенная в храм матерью. А Ноа?! Он же, когда впервые появился в обители, и двух слов связать не мог!

— Но глазам вашим Свет зоркость не вернул, — возразил Найд. — Да и беднягам в лечнице не слишком помог.

— На все воля Божья, — печально пробормотал брат Макарий. — Пути Господни неисповедимы. Да и зовут Свет Милосердным не потому.

— Почему же? — Теперь Найда разбирало любопытство. Он чуть подвинулся на скамье так, чтобы поддерживавшая барабан храма колонна не заслоняла вид на сияющий столп.

— О, это давняя история, — улыбнулся инок, потирая руки. — И длинная.

Анафаэль заверил, что ничего не желает больше, как выслушать повествование живописца. Заметно польщенный, Макарий взмахнул руками, будто собирался взлететь:

— Обитель не существовала бы без вот этой женщины, — монах указал на мозаичную фигуру, украшавшую ближайшую колонну. — Однажды королевская дочь купалась в реке — да, примерно в том самом месте, где тебя выудил из воды Ноа. Она заметила плывущий по течению деревянный щит и услышала плач: на щите лежал младенец. В то время уже началась Последняя Волшебная Война, и принцесса решила, что выше по реке произошло сражение, и родители попытались спасти ребенка, отдав его на волю вод. Как бы то ни было, святая Орната решила спасти и усыновить малыша.

Брат Макарий перевел дыхание и вдохновенно ткнул в мозаику на следующей колонне, изображавшую белокурого отрока, в раскинутых руках которого набухали светом энергетические сферы:

— Мальчик, названный Уиллоу, оказался магом.

— Уиллоу?! — подпрыгнул на скамье Найд. — Владетель Меча Света, знаменитый герой, победивший Дарка?

— Он самый, — серьезно кивнул монах. — Вижу, ты знаешь историю.

Новиций смущенно затряс головой:

— Я просто наслушался деревенских сказок. Если верить им, эльфы одарили Уиллоу воинской доблестью, непобедимым мечом и бессмертием. Доблестным он был, никаких сомнений. Но где бессмертный герой теперь? И где его чудесный клинок? К тому же я перестал верить в эльфов, когда мне было семь.

Брат Макарий огладил бороду, пряча в ладонь улыбку:

— Очень разумно, мой мальчик. Твой рассказ еще раз

доказывает, как полны суеверий невежественные люди. Дары эльфов! — Инок сокрушенно покачал головой. — Доблесть и свет всегда жили в сердце Уиллоу. Когда силы Темных оккупировали Саракташ — в то время это было королевство — мальчику едва стукнуло четырнадцать. Король Лехель пал в битве. Его супруга, святая Орната, погибла мученической смертью, защищая своих детей. Ее жертва оказалась напрасной: Темные пощадили только Уиллоу, ведь он был магом. Мальчика заперли в подземелье королевского замка, куда не проникало даже лучика солнца, и пытками вынуждали принести клятву верности Дарку. Враги не знали, что Бог уже говорил с отроком через свет в его сердце.

Захваченный собственным рассказом, брат Макарий вскочил и заходил между колоннами, изображая в лицах то Уиллоу, то его мучителей:

— Когда подростка в очередной раз поволокли в пыточную камеру, он выхватил нож с пояса стражника и пронзил собственное сердце! — Монах драматически прижал руки к груди и закатил глаза. Найд, никогда не видевший театра, застыл на скамье, открыв рот, не в силах отвести глаз от разыгрывающегося перед ним действа. — Темные решили, что он умер, и бросили тело на площади в устрашение горожанам. Кинжал остался торчать в груди трупа — никто был не в силах извлечь его. Но вот, — вдохновенно сверкнув очками, Макарий развел руки в стороны, — когда люди собрались, чтобы попрощаться с телом, которое им запретили хоронить, веки мальчика вдруг дрогнули, рука поднялась, обхватила рукоять кинжала и извлекла наружу, — инок сделал трагическую паузу, — клинок, сотканный из чистого Света!

Найд ахнул и невольно схватился руками за собственную грудь, в которой бешено бухало сердце.

— Меч Света!

— Да, — торжественно прошептал брат Макарий. — Надежда, наполнявшая сердце отважного юноши, превратила вражескую сталь в оружие добра. Меч Уиллоу, получивший имя Инвиктус, что, как ты верно заметил, означает «непобедимый», объединил народ ОЗ в едином порыве и, как известно, изменил ход войны. Но ведь ты спрашивал не об этом? — Монах глянул на Анафаэля поверх очков, угрожающе балансировавших на самом кончике вспотевшего носа. Новиций уже и сам позабыл, о чем спрашивал, и только послушно закивал, надеясь услышать продолжение захватывающей истории.

— Так вот, — снова вошел в роль живописец, — когда Темные были истреблены, а зеркало демонов исчезло в катастрофе, создавшей Холодные Пески, Уиллоу вернулся домой, вернулся

победителем и зрелым мужем. На том месте, где принцесса Орната спасла его из реки, благодарные люди воздвигли храм — вот этот самый, — Макарий обвел собор широким жестом. — Здесь должна была пройти коронация героя на трон Саракташа и титул верховного правителя всей Объединенной Зеландии. Но в самый торжественный момент при огромном стечении народа Уиллоу отказался принять эту честь. Он стоял прямо здесь, — монах обернулся и указал на мерцающий столп в центре нефа, — на месте алтаря. Он сказал, — голос Макария дрогнул, — что Свет ждет его. Что он уходит, но вернется снова, когда его земля, его народ снова будут нуждаться в спасителе. Уиллоу указал на короля Эннэ, правителя Абсалона, как своего преемника и, — инок воздел руки сильным движением, так что волосы на лбу Найда колыхнул сквозняк, — вознесся. Прямо на небо, — живописец устремил на новиция взгляд сияющих глаз. — Только свет остался там, где воспарил герой, — сверкающий путь, каким он снизойдет к нам, грешным, в трудную минуту.

Найд так долго сидел с разинутым ртом, что у него свело челюсти. Признаться, ораторский талант брата Макария производил впечатление даже на скептический ум. Кое-как собрав мысли, слушатель спросил:

— И что же меч… Инвиктус вознесся вместе с Уиллоу?

— Если бы все было так просто, — вздохнул монах, снова присаживаясь на скамью рядом с Анафаэлем. — В световом столпе остались лежать ножны, из которых торчала рукоять пресловутого кинжала. Конечно, Инвиктус тут же попытались извлечь. Это удалось, хоть и не сразу.

— Что, много грешников сгорело? — поинтересовался Найд, за что удостоился косого взгляда из-под очков.

— То мне неведомо, — сухо отрезал живописец. — Знаю только, что, когда наконец меч вручили королю Эннэ, и тот попытался вынуть клинок из ножен, в руках его оказалась только рукоять. Лезвие чистого света исчезло вместе с сердцем, из которого вышло. Остатки меча выставлены теперь в храме Святого Уиллоу в Феерианде.

Несколько разочарованный такой концовкой, Найд протянул:

— Что же, когда герой вернется, у него и оружия приличного не будет?

Брат Макарий улыбнулся, глаза помягчели:

— Говорят, Инвиктус снова станет прежним, если соединить старую рукоять со светом надежды. Еще говорят, что свет этот вовсе не исчез, а был сокрыт Уиллоу в тайном месте до нужной поры.

Новиций, запутавшись, покачал головой:

— Но как же можно сокрыть свет?! И где?!

— Вот именно, мальчик мой, вот именно! — наставительно воздел палец Макарий, одновременно поправляя очки. — Где? В последующие десятилетия, когда вера была еще сильна, многие талантливые маги и могучие воины отправлялись на поиски света надежды. Куда только не заносил их извилистый, полный опасностей путь! Об их приключениях гласит, в том числе, книга, которую мне поручено расписывать.

При этих словах Найд насторожился.

— Да, — задумчиво продолжал монах, поглаживая бороду. — Многие не вернулись из священного похода. Ведь искатели света верили, что на пути необходимо сражаться с тьмой, уничтожать зло, дабы уподобиться владельцу Инвиктуса, — иначе сердце никогда не приведет их к цели.

— А те, кто выжил, вернулись ни с чем, — закончил за Макария Найд.

Монах печально покачал головой:

— Находились безумцы, пронзавшие себе грудь кинжалом, пытаясь повторить подвиг Уиллоу. Конечно, ничего из этого не выходило, кроме потоков крови. Много воды утекло с тех пор. История забылась, стала достоянием редких книг. Времена теперь мирные. Никто больше не отправляется на поиски света надежды.

Некоторое время инок и послушник сидели молча, погруженные в события прошлого. Наконец, Найд разомкнул пересохшие губы:

— Светлый брат, а как вы думаете… Были правы искатели света? И если так, почему они ничего не нашли?

Монах устремил на новиция взгляд серьезных глаз, уменьшенных очками:

— Я думаю, — вздохнул он, — что они были правы. Вот только искали не там.

— Не там? — повторил Найд, напряженно наклоняясь к рассказчику.

— Иногда не нужно отправляться в далекое путешествие, чтобы найти сокровище, — мягко проговорил инок, кладя ладонь на грудь новиция. — Иногда нужно просто заглянуть в свое сердце.

Анафаэль отшатнулся, уставился на свои обтянутые черным сукном колени. «Монах смеется надо мной. Или он непроходимо глуп и сам верит в свою слезодавильную чепуху». Неожиданно для самого себя Найд выпалил:

— Скажите, брат, что означает знак розы? — и тут же быстро поправился: — Для вас?

Монах, казалось, обрадовался перемене темы и с

энтузиазмом пустился в новые объяснения:

— Священный устав монастыря, конечно! Ведь это Уиллоу придумал знак, замыкающий уста, розу милосердия. Во времена, когда трудно было отличить волков от агнцев, роза накладывала незримые узы: сотворивший знак отдавался на милость того, кто мог его прочитать. Прочитавший обязывался защищать и хранить тайну носителя розы даже ценой собственной жизни.

Найд начал припоминать, что читал о чем-то подобном в одной из «занятых» у Сибелиуса книг. Вот только описания самого знака там не было, он был уверен. Брат Макарий тем временем продолжал:

— После смерти Уиллоу настали смутные времена. Началась охота на ведьм. Но в Обители Милосердия любой, сотворивший розу, мог найти безопасный приют. Эти стены защитили многих. Защитят они и тебя. — Монах посмотрел прямо в глаза послушника.

Найд не отвел взгляда:

— Что, если вы ошиблись? Что, если под вашей драгоценной розой не агнец, а волк, нацепивший овечью шкуру?

Рыжеватые ресницы Макария дрогнули:

— Теперь это не имеет значения.

Глава 6
Клятва

Игры были грязными. Весть об этом разнеслась по казармам уже на следующее утро. Гром и Морок рассказывали об отсутствии жеребьевки, заранее составленных парах, о том, что выживших гладиаторов принудили участвовать в групповой схватке против свежих воинов Сиаваши; о том, как подонки зарезали Клада и Агрессора. О Лилии говорили, что ей повезло. Она быстро расправилась со своей противницей-дакини, но заказчик потребовал, чтобы Тигровая подтвердила победу. Черное чудовище, вдвое тяжелее гладиатрикс и только фигурой напоминавшее женщину, чуть не порубило «танцорку» на котлеты. Но его хозяйка, вероятно, впечатленная доблестью и красотой Лилии, велела пощадить раненую. Никто из братьев не был настолько удачлив.

Настроение на тренировке царило подавленное. Токе слабо реагировал на происходящее. Как только Фазиль отпустил «жнецов», парень бросился в сторону лазарета. Вход в полутемное помещение преградил Чеснок. Горец дернулся влево, туда же сделал шаг лекарь. Гладиатор сманеврировал вправо, но и тут настырный старикашка встал у него на пути, выпятив тощую грудь:

— Я бы не советовал, — промямлил он, шлепая беззубым ртом. — Она видеть никого не хочет и тебя выгонит.

— Значит, пришла в себя! — обрадованно воскликнул Токе, схватив Чеснока за костлявые плечи, и тут же нахмурился. — Почему видеть не хочет?

— А поди их, баб, разбери! — сплюнул старик. — Моя бы воля, я бы их к мечу вообще не подпускал, разве что ежели они ноги раздвинут.

— Как она? — оборвал Горец эскулаповы скабрезности.

— Как-как… — Чеснок махнул рукой и приложился к стоявшей в проходе чарке с розоватой водицей. — Везучая она, твоя Лилия. Кости черепа не задеты, только мягкие ткани. Если воспаления не будет, все славно заживет. Шрам останется, конечно, но ровненький. Царапины на бедре и груди я зашил, да.

— А глаз? — с замиранием сердца спросил Токе. Накануне в темноте, освещенной слабым светом масляной лампы, он разглядел только черную, со сгустками, кровь, залившую левую половину лица девушки от брови до подбородка.

— Глаз?! — прищурился на него старик, утирая рот. — Поди,

поищи в Журавлином переулке. Или к Сиаваши постучись, тебе вынесут на блюдечке с голубой каемочкой! — Чеснок махнул рукой. — Вы что, охренели все?! Думаете, я кто — волшебник?! — Все еще матерясь себе под нос, лекарь повернулся и зашаркал вглубь лазарета.

Горец потоптался немного на пороге, прислушиваясь к полумраку. «Наплевать на все и войти? Может, Лилия просто не в себе? Может, у нее шок? А если прогонит все-таки? Еще разволнуется. Ей волноваться вредно. А мне что, не вредно волноваться?» Решившись наконец, Токе шагнул вслед за Чесноком.

Глаза, попривыкнув к темноте, различили в глубине тесного помещения койку, на которой еще так недавно валялся он сам. Лилия лежала на спине, обращенная к Токе сторона ее лица была замотана бинтами. Девушка не среагировала на шаги — очевидно, Чеснок напоил ее унимающим боль зельем, которое делало раненых сонными. Зато лекарь услышал посетителя и высунулся из задней каморки, где готовил мази и примочки. Наткнувшись на упрямый взгляд Горца, старик пожал плечами и сдал позиции. Сутулая спина исчезла за потрепанной занавеской.

Токе осторожно приблизился к раненой и кашлянул:

— Кхм, похоже, свидания в лазарете у нас уже стали дурной привычкой. Только вот, вместо того чтобы делить койку, мы ее занимаем по очереди.

Реакция Лилии на попытку пошутить была прямо противоположна ожидаемой. Единственный зеленый глаз распахнулся и глянул на посетителя с отчаянной яростью:

— Зачем пришел?! — прошипела девушка и крикнула в сторону занавески: — Я тебя первого убью, трубка клистирная! Это, по-твоему, называется «никого не пускать»?! — Лилия неловко вывернула голову, снова ловя Горца в поле зрения. — Проваливай! А то станешь вторым!

«Нет, юмор в стиле Аркона — явно не мое». Токе сокрушенно развел руками:

— Прости, если я тебя рассердил. Я просто хотел узнать, как ты.

— Как я?! — Девушка закатила глаз к потолку. — Я в бешенстве, в ярости, в отчаянии, зла на саму себя и весь мир и беспомощна, как слепой котенок! — выпалила она на одном дыхании и уставилась на посетителя таким взглядом, что Горец испугался, как бы туника не начала дымиться. — А теперь катись отсюда и не возвращайся! — Рука Лилии зашарила по полу в изголовье койки. Токе не стал дожидаться, пока в него метнут банкой с какой-нибудь вонючей субстанцией Чеснокова

производства, и попятился к двери. Он как раз успел прикрыть ее за собой, когда что-то тяжелое грохнуло в створку изнутри и запрыгало по полу под протестующие завывания лекаря.

Горец тряхнул головой, пытаясь собраться с мыслями. Он никак не мог понять, в чем провинился. Когда Токе поправлялся после поединка с Клыком, Лилия навещала его каждый день, чему парень несказанно радовался. Особенно счастливыми выдавались моменты, когда Чеснок выползал из-за своей занавески и отправлялся то ли за лекарствами в город, то ли к Темным на кулички — Токе, по большому счету, было наплевать. И вот теперь… «Может, проклятый костоправ ошибся, и лезвие меча все-таки повредило череп?»

Горец брел по галерее, настолько погруженный в свои мысли, что не заметил Фазиля, пока не врезался в его широкую, стянутую кожаным доспехом грудь.

— Что, герою-псоборцу нужно специальное приглашение? — рявкнул доктор, тыкая гладиатора в ребра концом кнута. — Братья жопу на плацу рвут, а тебе, счастливчику, боги на макушку плюнули, значит, можно теперь в теньке прохлаждаться?

Тенька на галерее никакого не наблюдалось, над продрогшим до фундамента Церруканом снова ходили тучи, но Фазиль был прав — Токе прозевал начало тренировки.

— Простите, сетха, — пробормотал он. — Я навещал Тигровую.

Хмурая физиономия Фазиля чуть смягчилась:

— Как она?

Горец помотал головой:

— Чеснок говорит, хорошо, но, по-моему, не очень. Дуется, как мышь на крупу, меня выгнала. Она как не в себе.

— Выгнала, говоришь? — задумчиво протянул Фазиль. — Значит, девочка поняла, что ее ждет. Потому и защищает тебя.

— Защищает?! — нахмурился Токе, не уловив смысла в словах наставника. — От чего? И что ее ждет?

Черные глаза доктора пробежались по плацу, то ли отыскивая ответ, то ли проверяя, не отлынивают ли от упражнений «жнецы»:

— Ты видел на арене одноглазых гладиаторов?

Сердце Токе кольнуло дурное предчувствие, но он упрямо отмел его в сторону:

— Нет, ну и что? Я уверен, что она и с одним глазом будет сражаться лучше, чем многие — с двумя!

Взгляд Фазиля снова обратился к Горцу, и северянин невольно сжал кулаки — он ненавидел, когда его жалели.

— Может, и так, если в первом же поединке она не просмотрит направленный слева удар. Если у нее вообще будет

этот поединок, — доктор вздохнул. — Эх, Тигровая… Гладиаторские игры придумали мужчины, они же изобрели женские бои. Что может поднять едва видный из-под пуза член быстрее, чем зрелище полуголых баб, кидающихся друг на друга, как дикие кошки? Особенно когда хозяин пуза знает, что победительницу можно заполучить в постель за пару цирконiев. А теперь скажи мне, Горец, кто польстится на изуродованную калеку?

— Прекрати! — прошипел Токе, подступая к Фазилю так близко, что вздернутый дрожащий подбородок почти коснулся кожаного панциря гиганта. — Не называй ее… так!

Доктор положил черную ладонь ему на грудь, туда, где бешено колотилось в ребра сердце, и легко отодвинул парня от себя:

— Назову я ее занозой в члене Ягуара или щелью Иш-чель, которую долбил этот член, глаз это Лилии не вернет. И не изменит того факта, что игры — не просто смертоубийство, а красивое смертоубийство, — Фазиль сделал особое ударение на слове «красивое». — Будь Тигровая мужиком, может, у нее еще был бы шанс.

— Значит, — задыхаясь, выдавил Токе, — вы считаете, что с ней все кончено? Скавр больше не выставит Лилию на игры? Что же… Что же тогда с ней будет?

Доктор пожал плечами и отвел взгляд:

— Продадут.

— Продадут?! Куда? Когда? — в отчаянии воскликнул Токе. Несколько «жнецов» на плацу прервали упражнения, привлеченные шумом на галерее. Фазиль зло щелкнул в воздухе кнутом, и гладиаторы тут же вернулись к работе.

— А хрен знает, — огрызнулся доктор, затыкая рукоять кошки за пояс. — Тому, кто купит. Я тебе вот что скажу, парень, — Фазиль наклонился, приблизив изрезанную глубокими морщинами физиономию к побледневшему лицу Горца. — Если не найдешь завтра своей подружки в лазарете, не удивляйся. И не будь идиотом! — Последняя фраза ударила Токе в спину одновременно с кнутом, обвившимся вокруг ног и повалившим на землю. Наставник «жнецов» вдавил колено между лопатками лежащего, горячо зашептал в ухо:

— Что ты собрался сделать, а?! Что, мразь?! Ты забыл свою клятву?!

Горец глухо рычал, извиваясь в попытке сбросить Фазиля. Он и сам не знал, куда бы помчался: убивать Скавра? Пытаться бежать вместе с Лилией? Поднимать бунт прямо сейчас? Но доктор держал его крепко, прижимая шею к каменным плитам

галереи, пока в голове у Токе не прояснилось. Во рту хрустел песок, имевший солоноватый вкус крови, — падая, гладиатор прикусил язык. Но боль в нем и заломленных плечах пришла только теперь вместе со способностью связно мыслить.

— Отпустите, сетха, — пробормотал Горец, замерев и расслабив мышцы. «Моя ярость никому не принесет пользы. Так я только погублю нас обоих. Но Лилия! Если уже завтра… Как я ее потом отыщу?»

— Повтори! — рявкнул Фазиль над ухом, вдавливая колено глубже между лопаток. — Клятву гладиаторов. Повтори!

— Клянусь сражаться своим мечом, — глухо произнес Токе и сплюнул розоватой слюной. — Клянусь, что позволю заковать себя в цепи, жечь огнем, бить, бичевать, пронзать мечом и терпеть все, что настоящий гладиатор терпит от своего господина, самоотверженно отдавая на службу ему свои душу и тело.

— Именно, сучий потрох! — удовлетворенно выдохнул ему в ухо доктор. — Как ты можешь распоряжаться тем, что тебе не принадлежит? Ты и Тигровая сами, своими собственными устами, вложили ваши судьбы в руки господина. Вы сделали свой выбор, умейте же теперь принять его последствия! Девочка, надо признать, справляется пока неплохо, но вот ты… — Вес Фазиля внезапно исчез со спины, сильная рука перевернула Горца лицом вверх. Черная лоснящаяся физиономия склонилась над ним, темные глаза недобро прищурились. — Я буду наблюдать за тобой. Посмеешь рыпнуться, и я собственными руками отрежу тот член, которым ты сейчас думаешь! — Одним рывком доктор вздернул гладиатора на ноги. Рукоять кнута больно ткнулась под ребра: — Мы отрабатываем парный бой. Твой партнер — Сиф. Пшел!

Темнота была холодной и непроницаемой. Струйки пара от собственного дыхания щекотали лицо Аниры, напоминая, что она еще находится в мире живых. Впрочем, стоит ошибиться, один раз свернуть не туда, и она будет блуждать в подземельях храма, пока не свалится от истощения и не издохнет, как крыса.

— Он испытал их, как золото в горниле, и принял их, как жертву всесовершенную. Шесть. Во время воздаяния им они воссияют, как искры, бегущие по стеблю. Семь, — бормоча под нос слова из Книги Сущих, Анира тщательно считала шаги — по одному на каждый стих. «Когда дойду до конца главы, откроется поворот направо. Или налево? Нет, налево — это после четвертой, в ней тоже девятнадцать стихов». — Праведность бессмертна, а неправда причиняет смерть. Пятнадцать. Нечестивые привлекли ее и руками, и словами и заключили союз с нею, ибо они

достойны быть ее жребием. Шестнадцать.

Глаза принцессы ломило от мрака. Казалось, зрачки расширились до предела в попытке уловить хотя бы толику света, которого не было. Она подняла совершенно невидимую руку и потерла веки. Напрасно. В темноте теперь плыли зеленые и оранжевые круги. «Ничего, если я сосчитала правильно, за следующим поворотом спуск кончится».

— Ибо написано: «Погублю мудрость мудрецов и разум разумных отвергну». Девятнадцать.

Босые ступни Аниры ощутили неровность пола, и сердце сделало радостное сальто в груди. «Я не ошиблась! Вот и Коридор Безумца! Необработанный камень наверняка изрежет ноги до крови, но это лучше, чем сбиться с пути». Принцесса закусила губу, продолжая считать шаги и проглатывая непрошеные проклятия вместе со слезами, — Иш-таб погубит любого, кто осквернит ее храм недостойным словом или знаком слабости. А это отнюдь не входило в намерения неофитки — ведь Анира пришла сюда, чтобы завершить обряд посвящения и записать свою судьбу в священной книге богини.

Наконец пол коридора снова выровнялся и пошел вверх. «Зал Истины в Тени!» Принцесса была уверена, что ноги оставляют кровавые следы на невидимых во мраке плитах. Не обращая внимания на жгучую боль в ступнях, Анира набрала полную грудь воздуха:

— Господь открыл мне, что изрекают души при восхождении на небеса, и что каждая из них должна ответить высшим силам: я себя познала, и собрала свое отовсюду, и Мировому Началу не породила детей, но корни его вырывала, и собирала разрозненные члены, и знаю ныне, кто ты, ибо сама принадлежу к Высшим.

Тьма дрогнула, и утробный грохот прокатился по залу Истины в Тени. Гранитная плита, закрывавшая проход в камеру царицы, откатилась в сторону. Анира зажмурилась. Слабый свет резанул привыкшие к темноте зрачки, как тысячи солнц. Все еще с закрытыми глазами принцесса ступила через порог.

Распущенные волосы подхватил ветер — воздух устремился из огромного чертога в проход за спиной неофитки. Полупрозрачный подол взлетел, заскользил по ногам. Анира не пыталась его удержать. Она открыла глаза, стараясь не щуриться. Пол перед пальцами ног кончился. Дальше была только сияющая водная поверхность, бросающая блики на стены залы. Бассейн, по преданию наполненный слезами Иш-таб и бездонный, простирался ровно на двадцать три шага. По ту сторону виднелись мраморные ступени и полукруглая площадка, на

которой стояли, поджидая, четыре задрапированные в черное фигуры. Верховный жрец Нау-аку Ашрот, жрица Иш-таб Зостриана и их двойники. За спинами иерофантов виднелась статуя богини, укрытая покрывалом, полным звезд.

Аниру пробрал озноб. Прозрачная белая ткань скорее обнажала, чем скрывала ее тело. Левая грудь со знаком богини была открыта, символизируя чистоту сердца неофитки. Соски от холода заострились, как наконечники стрел, правый вот-вот прорвет тонкий шифон. «Ашрот и Безымянный. Смотрят ли они сейчас на меня как мужчины или как боги? Хотят ли меня?» — горячая мысль скользнула по поверхности сознания и испарилась.

Девушка снова глубоко вздохнула и занесла одну стопу над водной гладью.

— …есть у них твердь, соответственно зону — небу, — Анира ступила на сияющую голубую поверхность. Она подалась под босой ногой, подошву мягко защекотало и будто толкнуло снизу — неофитка нашла опору. Она ступила на воду второй ногой, продолжая цитировать Книгу Сущих: — Имена были даны им согласно славе, которая принадлежит небу, дабы сокрушить силы. В именах же, которые были даны им их Прародителем, была сила. Но имена, которые были даны им согласно славе, принадлежащей небу, означают для них разрушение и бессилие. Так что есть у них два имени.

С последними словами чуть запыхавшаяся Анира ступила на мраморные ступени. Возможно, ее подозрения оправданны, и слезы Иш-таб текли под стеклянным полом. Но возможно, жрецы не лгали, и это сила священных слов удерживала неофитку на воде — проверять принцессе не хотелось, ведь она не умела плавать. Величественно поднявшись по лестнице, девушка опустилась на колени перед четырьмя неподвижными фигурами. Не отрывая глаз от пола, она сняла золотую змею с шеи и протянула ее жрецам.

— Ты пришла с ответом, дочь моя? — произнес голос Ашрота ритуальную фразу. Акустика в камере царицы была изумительная — даже шепот, прозвучавший на площадке перед статуей, разносился по залу гулким эхом.

— Нет, отец мой, я пришла задать вопрос, — ответила Анира заранее заученными словами.

— Знающий вопрос получит ответ, — Зостриана не говорила, а почти пела, так что потолок чертога отозвался хрустальным звоном. Голубые блики заметались вокруг, покрывая площадку мерцающей сетью. Принцесса внезапно почувствовала себя пойманной. «Что, если я растолковала эбру неверно?»

Но было уже поздно. Жрица приняла ожерелье из рук

неофитки. Послышался слабый щелчок. Анира не смела поднять глаз, но знала, что Зострианa достала свиток из раскрытого рта змеи. Шорох. Иерофантка развернула листок и рассматривала кровавый отпечаток. Принцесса загнала непрошеный страх в самый дальний уголок души и произнесла бесстрастным голосом:

— Мой вопрос лишь для ушей Величайшей. Я смотрела в зеркало и видела Ягуара, поражающего Пса. Я видела мечи-близнецы, жнущие корону. Я видела крылья ворона, раздувающие пламя. Я видела власть недостойного, сгорающую в огне.

Анира запнулась. Заранее подготовленная речь казалась теперь невразумительной, собственный голос — слабым, несмотря на эхо. «Достаточно ли этого, чтобы убедить жрецов?»

— Заглянула ли ты под маски?

Ритуал продолжался, но принцесса не была уверена, добрый ли это знак.

— Да, мать моя, — Анира призвала все свое спокойствие. — Корона падет с головы Омеркана. А тот, кто возложит ее на голову служащей Иш-таб, — Ягуар и Ворон, гладиатор по имени Аджакти.

Эхо ее голоса заметалось под куполом зала, как испуганная ласточка, и затихло. Безмолвие вокруг было полным. Если бы не стук собственной крови в ушах, Анира подумала бы, что оглохла. Звуки голоса Зострианы излились на нее, как бальзам:

— А пламя?

— Восстание, поднятое гладиаторами! — провозгласила принцесса, едва сдерживая торжество. Она не сомневалась, что прошла испытание. Почти.

— Пламя — это тоже маска.

Внезапно Анира почувствовала, как ломит колени от стояния на холодном полу. «Когда же кончится эта мука? Нет! Не отвлекаться! Надо найти ответ. Маска… Маска… Ну почему я раньше не подумала об этом?! А может, Зострианa ошибается? Да какая разница! Вопрос, заданный перед ликом Величайшей, требует не обвинений, а ответа».

— Фламма, — пробормотала она чуть слышно. «Разве не так зовут его, фаворита Танцующей школы, нового учителя Аджакти, о котором донесла Шазия? Кто это может быть, как не он?»

— А второе имя? — Зострианa была неумолима. Согласно учению все Высшие имели двойника, носившего имя славы неба. «Ягуар и Ворон. Омеркан и Аджакти. Фламма и… Кто? Кто?!» Молчание затянулось.

— У меня есть право на вопрос, — наконец выдавила Анира, скрепя сердце. «Остается надеяться на Иш-таб. Я выложила на стол все карты, включая туза в рукаве. Какой бы ответ ни дала

богиня, жрецы вынуждены будут принять его. Только бы мне позволили спросить!»

Глухие удаляющиеся шаги. Принцесса осмелилась бросить короткий взгляд исподлобья. Черные фигуры отошли к подножию статуи, возвышавшейся над ними в несколько человеческих ростов. Ниша, где покоилось изображение Иш-таб, защищала сказанное в присутствии богини от ушей непосвященных. Девушка могла расслышать лишь невнятное бормотание. Она закусила губу: «Святоши! Чего им еще надо? Неужели не ясно, что моя клятва Иш-таб приведет их к власти так же верно, как конюх ведет мерина к кормушке с овсом?!»

Будто прочитав ее мысли, черные балахоны повернулись в сторону неофитки, и она поспешила потупить взгляд. Снова шаги и шелест длинных плащей по мрамору.

— Встань, дочь моя.

«Ашрот. Наконец-то!» Анира поднялась с колен и впервые встретилась глазами со жрецами. Их лица скрывали одинаковые белые маски, только зрачки поблескивали в прорезях глазниц. Просторные балахоны полностью скрывали очертания тел, так что отличить женщин от мужчин можно было только по голосу.

— Богиня поднимет для тебя покрывало, — на этот раз говорила не Зостриана, а ее двойник, личность которой принцесса затруднялась определить. — По традиции мы должны предупреждать неофитов: это последняя стадия инициации. Теперь ты не можешь повернуть обратно. Ты получишь ответ Величайшей или умрешь. Если ты не знаешь вопроса, богиня возьмет твою душу. Ты готова?

Принцесса ощутила, как волоски вдоль позвоночника встают дыбом. «Это от холода, — убеждала она себя. — В конце концов, лучше вложить свою судьбу в руки Иш-таб, чем голову в петлю, затянутую возлюбленным братцем!» Голос не дрогнул, когда она произнесла:

— Да.

Глава 7
Бодрствующий спящий

— Ну и ветрище сегодня! — Этими словами Фламма приветствовал Кая, когда того выдуло из калитки прямо в раскрытые объятия учителя. — Мои сорванцы за завтраком предложили переименовать Церрукан в Ветрюкан, представляешь? — Фаворит улыбнулся. Круглое лицо сияло отеческой гордостью.

— Как мило, — вежливо растянул губы Аджакти. Признаться, проделки Фламмовых отпрысков волновали его так же мало, как и террестра — ураганной силы ледяной ветер, за зиму выдувавший из пустыни все, кроме песка и упрямых церруканцев. Путь от казарм до домика учителя Кай проделал, едва замечая порывы, норовившие свалить людей с ног. Мысли его занимала судьба Лилии, брожение в Танцующей школе, Токе, требовавший немедленных действий, и собственное скороспелое обещание заручиться поддержкой знаменитости.

Упомянутая знаменитость, к счастью или несчастью, пока не обращала внимания на приценивающиеся взгляды ученика. Вот и теперь Фламма безмятежно распространялся на тему церруканской погоды, будто ничто в жизни его не беспокоило больше, чем сохранность доморощенной виноградной лозы. Продемонстрировав Аджакти увитые гордостью садовода шпалеры, хозяин потащил его через лужайку к дощатому строению, окруженному забором. Из-за ограды доносилось кудахтанье и легкоузнаваемый запах куриного помета.

— А вот тут у нас леггорны и корниши, — радостно пояснил фаворит, тыкая пальцем в упитанных белых птиц, зарывшихся в пыль, спасаясь от непогоды. — Остальные в курятнике сидят, ветрено слишком.

Кай не был уверен, ожидалась ли от него похвала птицеводческим талантам учителя, и на всякий случай честно пробормотал:

— У меня нет слов.

Фламма расцвел и сам заквохтал, как довольный петух:

— Да-да-да. Гхм… Моя дорогая половина расщедрилась и решила пригласить тебя к обеду. Помня казарменную диету, я предложил куриный супчик. Настала Зойкина пора! — Привстав на цыпочки, Фламма потянулся через забор и указал на одну из жмурившихся от ветра кур. — Видишь вон ту мясистую, с голубым ободком вокруг глаз?

Кай заторможенно кивнул, переводя взгляд с учителя на птицу и обратно.

— Зоинька, моя красавица! — представил курицу хозяин. — Надеюсь, тебя не затруднит свернуть ей шею?

Ученик неуверенно мотнул головой.

— Ах, вот и чудно! — хлопнул в ладоши Фламма. — Видишь ли, — извиняющимся тоном пояснил он, — эта курочка — моя любимица. Для особого случая ее берег. Да-да-да. А вот теперь рука не поднимается.

Аджакти успел вовремя захлопнуть рот. Ветер швырнул в лицо целую пригоршню принесенного из пустыни песка. «Ну и дела, — размышлял он, глядя вслед Фламме, спешащему донести благую весть хозяйке. — Значит, человеку голову свернуть ему — как плюнуть. А вот курицедуре…» Гладиатор покачал головой и осторожно отворил калитку на куриную территорию. Наученный горьким опытом последних дней, он опасался подвоха. «Что, если это очередное безумное испытание?»

Птицы не обратили внимания на появление чужака, и Кай подумал с досадой: «Нет, это у меня самого уже — как это Вишня говорит? — крыша едет. Ну как казнь курицы может быть связана с боевым мастерством?» Он усмехнулся и решительно направился к задремавшей Зойке.

Не успел гладиатор пройти и пары шагов, как на него налетел ураган, не имевший ничего общего с причудами церруканской погоды. Здоровенный петух, до поры до времени скрывавшийся в курятнике, бил крыльями, орал и норовил выклевать глаза наглецу, покусившемуся на его гарем. «Вот сволочь! — помянул Кай учителя, прикрываясь руками. — О Зойкином муженьке упомянуть он, конечно, „забыл“. И придавить берсерка нельзя — тогда меня мамаша Шиобхан точно на порог больше не пустит!» В этот момент петух сменил тактику. Промежность Аджакти пронзила жгучая боль. Перед глазами потемнело, он взвыл и рухнул на колени, все еще прикрывая лицо одной рукой, а вторую зажав между ног. Почуяв близость победы, птица ликующе кукарекнула и взлетела поверженному врагу на спину. На сей раз боль ожгла Каеву задранную к небу корму.

— Сс…ка! — полупростонал-полупрошипел он сквозь сжатые зубы.

— А ругаться нехорошо, — раздался откуда-то сверху голос Айо, сопровождаемый хихиканьем брата.

Аджакти глянул в щель между пальцами. Так и есть, мальчишки снова взобрались на стену, к которой примыкал курятник. Рассвирепев, гладиатор мгновенно крутанулся на месте и подмял под себя петуха. Птица даже не успела пикнуть. Ухватив

растерявшегося забияку за когтистые лапы, Кай плюхнул его на спину. Петух замер, закатив глаза.

— Он что, ухайдокал кочета? — свистящим шепотом осведомился у брата Нини. — Ну папаша теперь ему задаст!

Лицо Айо было сплошные глаза и разинутый безответный рот. Аджакти полюбовался на дело рук своих. Белые перья задиры покрывали алые пятна, петух лежал совершенно неподвижно, поджав лапы. Кай знал, что кровь — его собственная и что птица не сдохла, а всего лишь обмерла, как это делают все куры, стоит перевернуть их на спину. Этому фокусу он научился от гоблинов в Замке. Но для сорванцов на стене кочет был мертвее мертвого. «Поделом», — подумал Аджакти и выпрямился, состроив зверскую рожу. Мальчишек как ветром сдуло, только загавкала собака в палисаднике.

«Так, пора ловить Зойку, пока обормоты мамке не наябедничали». Но Зойки в загородке и дух простыл. Куры забились в сарайчик, где кудахтали так заполошно, будто все снесли по яйцу размером с глобус. Кай затянул потуже ремешок, удерживавший хвост на затылке, и ринулся к цели:

— Цыпа-цыпа-цыпа.

Когда круглая голова Фламмы замаячила, как поплавок, над оградой курятника, ученик с гордостью вскинул в воздух висящую вниз головой бездыханную добычу. Глаза Огня скользнули по перемазанной пометом и припорошенной перьями фигуре ученика, сфокусировались на птице…

— Демоны девяти преисподних! — Фаворит всплеснул руками и влетел в калитку. — Моя лучшая несушка!

Кай окаменел. Взгляд уперся в уже подернувшиеся пленкой куриные зрачки. «Точно! Никакого голубого ободка! Осел!» В поле его зрения теперь попал усыпанный пером и пухом дворик, жмущиеся к забору зашуганные куры, валяющийся кверху лапами окровавленный петух и — в центре всего безобразия — хозяин, вечная улыбочка которого стала сильно натянутой. Рука ученика непроизвольно разжалась, и дохлая несушка шмякнулась под ноги Фламмы.

— Простите, сетха, — пробормотал Аджакти. — Пусть Скавр вычтет ущерб из моих выигрышей.

Опечаленный Огонь только покачал головой:

— Ученик всегда платит за ошибки учителя. Но не деньгами, — он со вздохом нагнулся и перевернул тут же ожившего петуха на ноги. Косясь на обидчика злобным взглядом, забияка отгарцевал в курятник. Хозяин подобрал с земли курицу. — Приведи себя в порядок. А пока ты занят этим, подумай над вопросом: что есть высшая воинская добродетель? Я

буду ждать тебя у бассейна.

— Быстрота, — сказал Кай, кашлянув, чтобы привлечь внимание учителя. Он не сомневался, что нашел верный ответ. Зойкина поимка наверняка была очередным испытанием, и он провалил его, потому что ему не хватило скорости.

Фламма прервал странное упражнение, которое он проделывал на краю покрытого рябью водоема: невыносимо медлительные, плавные движения, как будто этот грузный человечек пытался погладить ветер.

— Быстрота — вот высшая добродетель воина, — твердо повторил Аджакти, стараясь не отвлекаться на раздражающую улыбку учителя, словно вечно ставившую все под вопрос.

— Выходит, моя Зоинька лучший боец, чем славный Деревянный Меч? — хихикнул Огонь, потирая руки. — Значит, рановато ей еще умирать.

— Я хотел сказать, — упрямо продолжил Кай, — что в бою побеждает не сильнейший, а быстрейший.

Лицо Фламмы приняло глубокомысленное выражение, он потер кончик короткого носа:

— Да-да-да. Красиво сказано. Попробуем? — Фаворит взмахнул пухлой рукой, приглашая ученика к спарингу.

— Но, сетха, — Аджакти поник головой, — вы же намного быстрее меня. Я хорошо помню тот удар в казармах, который лишил мое тело движения. Он был так стремителен, что никто не успел ничего рассмотреть. Я не смогу победить вас.

— Ничего страшного, — Фламма уже принимал боевую стойку. — Ты будешь задавать темп. Я буду догонять тебя и следовать кадансу — до поры, — но не перегонять. Если ты прав, то возьмешь верх. Атакуй.

Приободрясь, Аджакти занял место напротив учителя и подальше от края бассейна — несмотря на заверения Огня, ему не хотелось снова искупаться в холодной воде. Начав с нескольких обманных движений, он провел быстрый удар в голову, затем серию по корпусу, подсечку, снова в голову. Огонь легко принял ритм и парировал, следуя рисунку боя. С самого начала Кай взял высокий темп, надеясь быстро вымотать старшего противника. Но не тут-то было. Минуту за минутой они танцевали вокруг друг друга, как осенние листья, подхваченные порывом ветра, то взлетая над землей, то припадая к ней. Фламма не выказывал признаков усталости. Туника Аджакти промокла от пота, он чувствовал, что, если ничего не изменится, то скоро он сам собьется с ритма и пропустит удар. Он решил увеличить скорость, надеясь, что учитель не среагирует вовремя, и бой будет окончен.

Кай догнал свой собственный удар, завершив его сложной серией, на которую потребовались все оставшиеся силы и концентрация. Дождь, прибивающий листву к земле. Или — дождь, разбившийся о стекло? Однажды, проснувшись от странного шума в павильоне Аниры, гладиатор увидел, как водяные струи ударяли в невидимую преграду, стекали по ней, сливаясь в потоки, но ни одна капля не проникла внутрь. Точно так же он чувствовал себя теперь, валяясь на земле и считая звезды, — бесполезно расплесканной мощью.

— У любой добродетели есть теневая сторона, — проповедовал откуда-то из воздуха над ним голос Фламмы, — даже у быстроты. Ты понял, что произошло?

Аджакти со стоном перекатился на спину, и между звездами начало проступать по-зимнему хмурое церруканское небо.

— Я… — Он не узнал свой собственный голос и сплюнул набившуюся в рот траву. — Я парировал сам себя. Догнал ваш блок. А потом… Вы замедлили удар на половине движения. Я встретил его не там, и вот, — Кай ткнул себе в селезенку.

Фламма помог ему подняться:

— Ты видел, как медлительность победила скорость. Точно так же мягкость может победить твердость, слабость — силу, страх — смелость. У всех добродетелей есть теневая сторона. У всех, кроме одной. Только овладев ею, ты станешь лучшим.

Аджакти бросил отряхиваться и навострил уши.

— Дхьяна.

Ему показалось, что учитель подавился ветром, и он отважился переспросить:

— Ды… что?

— Дхьяна, — терпеливо пояснил Огонь, прогуливаясь по краю бассейна. — Это древнее мингарское понятие, значение которого сложно перевести как на церруканский, так и на тан. Внимание, осознавание, готовность, присутствие, все это — дхьяна. Идеальная добродетель. Свет, не дающий тени.

Фаворит пустился в более подробные объяснения, но Кая как заклинило. Перед глазами стоял освещенный неверным огоньком светильника карцер, оранжевое снизу и черное сверху лицо Скавра, в ушах звучал вкрадчивый голос: «Какое значение это имеет для воспитанника Мингарской школы? Я сразу понял, кто ты». И потом, в конторе мясника, награда за первый выигранный бой: «Адепт. Фламма».

Теперь, по прошествии месяцев, одно слово «мингарский» породило бурю внутри Аджакти. Каждый раз, приходя на занятия с фаворитом, он надеялся услышать хотя бы намек на загадочную школу, принадлежность к которой объединяла учителя и ученика.

Но Фламма обходил этот предмет стороной, а спрашивать напрямую Кай не решался: как бы он объяснил, что знаком с техникой, о происхождении которой не имеет ни малейшего понятия? Как бы рассказал о своем первом учителе — духе мертвеца, навечно закованном в мифриальную броню?

И вот — бац! Ни с того ни с сего Фламма запел соловьем на нужную тему. «Дхьяна, дхьяна… Нет, Ментор Рыц точно не упоминал ничего подобного! Может, Скавр все-таки ошибался насчет меня?»

— Ой! — Удар пришел так неожиданно, что Аджакти не смог сдержать возгласа боли и ухватился за голову.

— Что-то заставляет меня думать, что я пытаюсь научить осла летать, — учитель стоял перед ним, опершись на уже знакомый Каю бамбуковый шест, неизвестно как появившийся в короткой руке. Ветер хлопал широкими рукавами туники, круглое лицо было мрачно, как набухшая снегом туча.

Кай склонил голову, не решаясь извиниться за свою невнимательность. Каждый урок у Фламмы начинался и кончался тем, что он бормотал: «Простите, сетха», — и уже начал опасаться, что запас терпения учителя подошел к концу. Он ожидал нового удара палкой, но вместо этого Огонь только тяжело вздохнул и сказал:

— Идем. Я хочу тебе кое-что показать.

Аджакти расслабился и поспешил за фаворитом. Они подошли к большому камню с плоской макушкой, в которой было выдолблено мелкое, но обширное углубление, заполненное водой. Кай предположил, что это поилка для птиц. Церруканцы, почитавшие диких пернатых как посланников богов, часто ставили такие в своих садах. Водоемчик выглядел совершенно обычно, и ученик недоумевал: «Что еще задумал старый пердун?»

Фламма ткнул пальцем в прозрачную воду и обернулся к Аджакти:

— Что ты видишь?

Ответ «поилку для птиц» был слишком очевидным, и, помня прошлые выверты наставника, ученик напряг мозги:

— Э-э… Благословенную влагу премудрости.

Глаза Огня стали еще уже, чем обычно:

— Не старайся поразить меня своей глупостью, мальчик. Тебе уже удалось это сполна. Просто опиши, что ты видишь.

Кай вздохнул:

— Камень, воду. — Он бросил быстрый взгляд на учителя. Тот ждал продолжения. — Э-э, вода чистая, через нее видно дно, на дне улитка. Я вижу свое отражение, сизое небо, ветви деревьев, которые качает ветер.

К его удивлению, Фламма удовлетворенно кивнул, зачерпнул горсть влажной земли и бросил в поилку.

— Что ты видишь сейчас?

Аджакти пожал плечами:

— Немного. Грязь замутила воду, сетха. Надо подождать, пока все уляжется.

— Вот именно! — Фаворит постучал твердым пальцем по лбу ученика. — Твой рассудок также полон мути. Пока ты не перестанешь отвлекаться на мысли, впечатления и воспоминания — всю ту грязь, которая заполняет тебя, ты никогда не сможешь видеть ясно! Ты будешь следовать снам наяву, вместо того чтобы присутствовать в реальности «сейчас».

— Грязь?! — возмутился Кай. Полагалось бы придержать язык, но гладиатор не мог больше сохранять спокойствие. — Да что вы знаете обо мне?! Что вы вообще знаете о том, что происходит за пределами этих стен?! — Он сделал широкий жест, обводя рукой ограду, скрывавшую сад фаворита от посторонних глаз. — Устроились тут, как отшельник, в вашем идеальном мирке, разводите кур и розы, достигаете совершенства. А что творится у вас под носом, скажем в Танцующей школе, об этом вы и понятия не имеете. Еще бы! Это же грязь, муть! Отвлекает от созерцания вечности и собственного пупка! — На всякий случай он зажмурился, ожидая нового удара палкой. Но его не последовало.

— Что же такое творится в Танцующей школе, что это занимает все мысли моего ученика, не оставляя места для — как это ты сказал? — благословенной влаги премудрости? — прозвучал язвительный голос Фламмы.

Отступать Аджакти теперь было некуда. Он принялся рассказывать о последних играх и судьбе Лилии:

— Скавр собрался вышвырнуть ее, как сломанную куклу, но мы ему не позволим. Братья решили скинуться, чтобы оплатить лечение Тигровой. Она, конечно, ничего об этом не знает, а то бы ни за что не согласилась, гордячка. Один из наших, Аркон, попробует договориться с мясником. Лилия — отличный боец, ребята уверены, что она и с одним глазом справится, лишь бы у нее было время восстановить форму.

— Я помню рыжеволосую, — задумчиво протянул Фламма. — Прекрасный «жнец». Жаль, что с ней случилось несчастье.

— Думаете, — нерешительно спросил Аджакти, — она сможет снова выйти на арену?

Покряхтывая, фаворит опустился на землю рядом с каменной поилкой и сделал приглашающий жест рукой. Ученик последовал его примеру.

— Возможно, — глаза под тяжелыми веками отразили рябь на воде. — Я слышал легенды о слепом воине, сражавшемся на слух. Я знаю историю о девушке, которой отец с детства связывал руки за спиной, заставляя исполнять все домашние обязанности ногами. Именно Юфенг изобрела новый стиль боя, носящий ее имя и основанный на ударах ног. Все возможно. Но скажи, — Фламма поймал взгляд ученика, — размышления об этом… Помогут ли они сейчас Лилии?

Кай печально покачал головой. Он прекрасно понимал, что судьба сестры теперь была в руках Скавра и ее собственных.

— Вот ты сказал, что я понятия не имею о том, что происходит за пределами моего дома и сада, — продолжал Фламма, — что я сам отгородил себя от жизни и этого города. Ты ходишь по его улицам каждый третий день, сюда и обратно в школу. Заметил ли ты сегодня что-нибудь особенное на своем пути?

Аджакти напряг память, одновременно стараясь разгадать, куда на этот раз клонит учитель, но ничего дельного на ум не приходило. Наконец он сдался:

— Все было как обычно.

— Ты заметил двух нищих, что всегда сидят у сырной лавки?

— Один хромой, а у второго вся рожа в язвах? — уточнил Кай и уверенно кивнул: — Ну да, попрошайки торчали там, как всегда.

— Как примечательно, — сощурился Фламма. — Я проходил мимо сегодня утром и видел только одного нищего.

— Что с того, — пожал плечами ученик. — Значит, второй приполз позже.

— А вот это было бы еще более удивительно, — растянул улыбку шире фаворит. — Приятель хромого рассказал, что несчастный встретил ледяного великана минувшей ночью и почил в бозе. Очевидно, сырную лавку посетил его призрак.

Кай задумался. «Было ли попрошаек действительно двое? Или я только думал, что их двое, потому что, занятый собственными мыслями, не обратил на них внимания?» Наконец он тряхнул головой:

— Ну, может, тот, в язвах, подпирал стену и один. Да какая разница? Хромой мне не сват и не брат, такой швали, как он, тут на каждом углу полно.

— А что, если их все-таки было двое? Что, если тот, кто занял место хромого, — наемный убийца, посланный выследить тебя и отправить в мир иной?

Аджакти уставился в безмятежное лицо Фламмы округлившимися глазами:

— Но… Кому бы это могло понадобиться? В смысле заказать меня?

— Ты знаешь своих врагов лучше, чем я. — Фаворит как ни в чем не бывало расправил складки туники на коленях. — И ты не ответил на мой вопрос: исходя из нарисованной мною возможности, какова была бы вероятность того, что ты не явился бы сегодня на урок?

Кай смущенно откашлялся:

— Гм, зависит от искусности убийцы. Но, учитывая эффект неожиданности… Да, наемник имел бы преимущество.

Фламма только коротко кивнул:

— Теперь вернемся к нашим курам. Что там пошло не так?

— Да в этих бестий как демон вселился! — раздосадованно пробормотал ученик. — Они метались повсюду, в сарае темно, поди там разбери, кто где. Я же не мог разорваться на дюжину кусков! Ну или сколько их там.

— Тебе приходилось сражаться против нескольких противников одновременно, так?

Аджакти кивнул.

— Ты видел, как замирает в воздухе стрела? Как едва различимое мелькание лезвия распадается на отдельные движения? Чувствовал, что времени между ударами сердца достаточно, чтобы убить, и не однажды?

Кай снова кивнул. Теперь он внимал Фламме с таким напряжением, что в ушах звенело. Описанные учителем ощущения были ему знакомы, очень знакомы.

— Тогда почему этого не случилось, когда я дал тебе простое задание? Почему этого не случилось сейчас?

Аджакти только захрипел в ответ. Пальцы Фаворита сомкнулись на его горле. Дав ученику помучиться пару мгновений в борьбе за воздух, железная хватка разжалась.

— Я не… — просипел Кай, пробуя определить на ощупь, на месте ли кадык, — я не был готов. В бою… На меня вроде как находит. Как будто некая сила движет мной: время замедляется, обостряются зрение и слух. Я вижу капельки пота на лице врага, малейшее движение его зрачков, дрожь мышц — все сразу и по отдельности. Я не могу это объяснить. Да и случается так не всегда.

— Ты входишь в поток, — кивнул Фламма. Создавалось впечатление, что он прекрасно понимал, о чем говорит ученик. — Твое внимание предельно фокусируется, ты становишься прозрачным, — фаворит указал на водоемчик для птиц, муть в котором осела на дно. — Но если последует внезапное воздействие извне, скажем, хм, лучник на галерее вдруг

нацелится тебе в спину, то… — Огонь внезапно пнул поилку. Вода выплеснулась из углубления, грязные струйки побежали по бокам камня. — Теперь представь себе, что ты находишься в дхьяне. — Он легко поднялся на ноги и направился к бассейну.

Аджакти последовал за учителем.

— Твое внимание не сфокусировано, но рассредоточено вокруг, разлито в пространстве. Ум, лишенный обычного пережевывания собственных мыслей, образов и настроений, чист, — Фламма указал на водоем, в котором ясно просматривалось мозаичное дно, — и дает тебе возможность реагировать на самые слабые сигналы, поступающие от мельчайших частей тела, сигналы, которые раньше попросту терялись в постоянном мысленном шуме. Твои нервы способны реагировать на пятьдесят пять импульсов в секунду, пальцы ощущают вес в десятые доли грамма, глаз различает свет самой отдаленной звезды. И так — всегда.

Кай недоверчиво покачал головой и усмехнулся:

— Всегда? Или великому воину не нужно спать?

Фаворит усмехнулся в ответ:

— Великий воин способен практиковать дхьяну даже во сне. Когда он достигнет высшей ступени мастерства, он будет способен видеть сны Ясного Света. Он станет бодрствующим спящим.

Аджакти задохнулся от открывшейся ему перспективы. Всегда находиться в потоке. Нет! Самому быть потоком, разлитым повсюду! Сохранять остроту восприятия даже во сне, так что ни один враг не сможет подкрасться незамеченным.

— Как… Как я могу научиться дхьяне, сетха? — спросил он, едва справившись с нетерпеливой дрожью в голосе.

— Многое ты уже знаешь. Правильное дыхание, мантры — все эти элементы Танцующей школы помогают достичь полного внимания. Тебе остается только научиться удерживать его, сделать дхьяну твоим естественным состоянием. Я не знаю, как много у нас времени, а потому хочу подобрать практику, лучше всего подходящую именно для тебя. — Внезапно Фламма повернулся лицом к ученику и взглянул ему прямо в глаза: — Тебе придется уснуть.

— Что? — Кай думал, что ослышался.

— Я хочу, чтобы ты уснул и увидел сон, — пояснил фаворит. — Под моим руководством, конечно. Когда ты проснешься, то расскажешь мне все, что запомнил.

— Но… — Аджакти обреченно развел руками, — сетха, я не вижу снов! Никогда. — Тут он припомнил странное видение с колокольней накануне боя Токе с Клыком и поправился: — То

есть почти никогда.

— Все люди видят сны, — категорично отрезал Огонь. — Таково устройство человеческого разума. Просто большинство тут же их забывает. Я проведу тебя путем, который позволяет запомнить сновидения. Ты просто должен следовать моим указаниям. Итак? — Учитель приглашающе махнул в сторону небольшой беседки у виноградных шпалер. — Думаю, спать на голой земле будет холодновато.

Кай вздохнул и послушно потопал к шпалерам. «По крайней мере хоть высплюсь как следует».

Глава 8
Достигая ясности

— Главное — все время помнить, что спишь и видишь сон, — бубнил сверху тихий голос Фламмы. — Только сохраняя это сознание, ты не будешь вовлечен в события сновидения, но, напротив, сможешь управлять ими.

Аджакти покоился на толстом ковре, покрывавшем пол беседки. Ладонь уютно подложена под щеку, ноги чуть согнуты в коленях. Поза, указанная учителем, была так удобна, а его голос звучал так монотонно, что Кай с трудом удерживался от зевка.

— Вот, это поможет тебе, — Фламма положил что-то перед лицом ученика. Рука фаворита исчезла из поля зрения, и Кай увидел хрустальный шарик размером с грецкий орех. Его вид и слова Фламмы мгновенно прогнали сонливость. Он снова был ребенком, и Мастер Ар испытывал его, предлагая остановить крутящиеся в воздухе зачарованные сферы. «Я тебе помогу», прикосновение холодных пальцев, боль, боль… Усилием воли Кай затолкал непрошеные воспоминания в ту темную дыру, откуда они выползли. «Учитель не желает мне дурного», — успокаивал он себя, прислушиваясь к инструкциям Фламмы.

— Это Тигле, — пояснял тем временем тот, указывая на сверкающую сферу. — Рассмотри ее внимательно и запомни расположение лепестков.

«Лепестки?» Аджакти еще раз глянул на шарик. Хрусталь был прозрачным, но падавший на него свет странным образом преломлялся, отбрасывая на ковер продолговатые цветные блики, как будто Тигле лежала в чашечке раскрывшегося цветка. Ближайший к Каю лепесток имел желтый цвет, потом шли зеленый, красный и синий. Сама сфера сияла нежно-голубым оттенком небесной чистоты.

— А что такое Тигле? — поинтересовался он.

— Тсс! — Фламма приложил палец к губам. — Уже забыл?! Никаких разговоров! Ты слушаешь мой голос и следуешь моим инструкциям. Все вопросы — потом.

Аджакти послушно вытаращился на хрустальный шарик, даже моргать перестал. Видимо удовлетворенный рвением ученика, фаворит сжалился и снизошел до объяснения:

— Тигле — это защитница и охранительница священного сна, Та, Кто Проясняет Вне Понятий. Она — светоносность, которая кроется во тьме обычного сновидения. Некоторые считают ее богиней и предпочитают представлять себе прекрасной

женщиной, сотканной из лучей. Но сфера показалась мне лучшим решением — ведь Тигле происходит из мира чистых энергий, где нет форм.

Кай старался слушать голос учителя, внимая, но не реагируя на слова, не размышляя над ними, а просто регистрируя звуки и их значение. Весь его мир сжался до четырех лепестков и голубоватого сияния между ними.

— Тигле будет твоим проводником по вселенной сна. Когда закроешь глаза, представь себе, что она перенеслась с пола внутрь тела, туда, где у тебя сердце. Затем следуй моим указаниям. Ты будешь погружаться в сон глубже и глубже, и под конец связь с этим миром пропадет, ты перестанешь слышать мой голос. Поэтому помни: твоя цель — слиться сознанием с Тигле так, чтобы ее голубое сияние стало тобой, а ты — стал ею. Только в этом случае путешествие удастся.

Фламма умолк, но Кай не ожидал новых объяснений или инструкций, не удивлялся, почему учитель медлит. Тигле парила перед ним, лепестки сверкали: желтый, зеленый, красный, синий.

— Закрой глаза.

Аджакти по-прежнему видел голубую сферу — нет, чувствовал ее внутри себя — на лотосе, плывущем во тьме.

— Теперь представь, что твое сознание едино с теплым желтым цветом.

Получилось у Кая не сразу, но учитель дал ему достаточно времени. Это было странное ощущение — он чувствовал свое тело, грубую шерсть ковра там, где его касалась кожа, жесткость досок под ним, прохладу от задувавшего в беседку ветра; слышал шорох ветвей по крыше, собственное ровное дыхание, поскрипывание пола, когда Фламма менял положение. И в то же время его «я» парило в пустоте, слившись с желтым светом, который становился все ярче.

— Теперь перемести свое сознание в зеленый сектор.

Впервые в жизни Кай осознавал погружение в сон.

Внешние ощущения слабели, смазывались, пока от них не остались только теплая тяжесть и тихий голос, ведущий его из зеленого света в красный, а затем в синий. Ультрамариновое сияние затопило все, и контакт с окружающим миром полностью прервался. Аджакти остался один.

Небесно-голубая сфера парила перед ним в месте, не имевшем границ. Из любопытства он повернулся вокруг своей оси, чтобы увидеть, было ли что-то у него за спиной. Сфера, казалось, переместилась вместе с ним и снова приглашающе сияла впереди. Кай сделал шаг в ее направлении и… поплыл в пустоте. Только теперь он понял, что у него не было тела. Голубое

свечение окутало его. Он напряг память. «Я должен раствориться в Тигле, стать единым с ней».

Аджакти попытался представить себя прозрачным и чистым, как вода, как воздух, как пустота. Пустота, наполненная светом. Вне формы. Вне понятий. Без границ. Эйфория пронзила его внезапно, как удар молнии. Солнце зажглось внутри, такое яростное, что его сущность взорвалась и разлетелась на миллионы осколков — хрустальный шар, внутри которого вспыхнула звезда. Вспыхнула и тут же начала угасать. Сила свечения упала до голубоватого сияния, и сознание вернулось к Каю. Вернее, оно и было этим сиянием. Аджакти стал светом.

Он готов был отправиться в путешествие, но один в своем новом качестве не знал, с чего начать. Или… «Я и Тигле теперь едины. Значит, ее мудрость и сила теперь мои. Почему же я не вижу, куда идти?» Понимание пришло незамедлительно. «Конечно! Собственный свет ослепляет меня!» Кай попробовал вобрать его в себя, как человек подбирает полы длинного плаща, шагая через лужи. Мгновение — и он схлопнулся — солнце внутри уплотнилось настолько, что стало черным. Аджакти понял, что падает в темноту, но у него не было рук, чтобы ухватиться за мрак, не было рта, чтобы кричать.

Вокруг колыхалась непроглядная ночь. Ночь пахла йодом, водорослями, мокрым камнем и временем. Черный воздух рассекало движение, будто невидимое крыло било темноту, снова и снова, механически, без надежды взлететь. Пространство подавалось почти бесшумно, только далеко внизу раздавался всхлипывающий, влажный звук, который повторяло эхо. И звук, и запах показались Каю странно знакомыми. Воображение живо нарисовало прикованного в башне гигантского дракона, лижущего ее подножие длинным раздвоенным языком.

«Бред! Мне нужно увидеть, где я, а не придумывать небылицы!» Он попробовал сделать шаг вперед и замер с колотящимся сердцем. В одно мгновение он понял, что каким-то образом вернулся в свое тело и стоит на краю каменной площадки, за которой разверзлась бездна. Кай набрал полную грудь воздуха, остро пахнущего морем, и отчетливо произнес:

— Свет.

«Фламма говорил, что если я сохраню сознание того, что это сон, то смогу управлять происходящим». Мгновения шли, все оставалось по-прежнему: с равными интервалами махало в темноте «крыло» да хлюпало безутешное эхо. Но Аджакти не готов был сдаться. Он представил себе хорошенько пропитанный смолой факел в держателе на стене, готовый ярко вспыхнуть от

малейшей искры. Представил эту искру на кончиках своих пальцев и щелкнул ими:

— Свет!

С шипением пламя озарило мрак, жар лизнул щеку Кая, заставив отдернуть голову. Его воображение не ошиблось в одном — он действительно находился внутри башни. Вдоль покрытой слизистыми потеками стены вилась винтовая лестница, настолько древняя, что некоторые ступени обвалились, а оставшиеся были истерты ногами тех, кто ходил по ним на протяжении многих веков.

В полом центре башни ходил взад-вперед гигантский стержень, выраставший из невидимого во мраке купола и исчезавший во тьме под ногами Аджакти — там, где безутешно всхлипывало эхо и мерцали красноватые блики. «Стоп! Это же отражение света факела! Значит, подножие башни затоплено! А эти звуки… Волны… Прилив… Море! Башня стоит на берегу!» Под ложечкой засосало от невероятного подозрения. Кай выхватил факел из держателя и посветил вокруг. «Возможно ли, что я оказался в Замке? В тайном помещении, в котором никогда не был, наивно полагая, что Мастер Ар открыл для меня все запертые двери? Что ж, я смогу выяснить это, только последовав вверх по лестнице».

Он развернулся, высоко подняв пламя над головой. «Троллья отрыжка!» Целая дюжина ступеней отсутствовала, отрезав дорогу в эту сторону. Оставалось только направиться вниз. Кай ступал осторожно, освещая путь факелом и пробуя надежность опоры, прежде чем перенести на нее вес. Он знал, что, если умрет, проснется — совсем или в другом сне, а это его совершенно не устраивало. Хотелось разгадать тайну башни — ведь неслучайно же Тигле привела его именно сюда?!

Еще пара выщербленных ступеней — и он оказался на площадке, подобной той, с которой начал свое нисхождение. Разница была только в том, что на этот раз в стене вместо факела торчал дверной проем. «Возможно, он ведет в другие помещения Замка, которые я смогу узнать? Ведь всегда можно потом вернуться обратно». Не колеблясь больше, Кай толкнул тяжелую дверь, почти не надеясь на то, что она не заперта. К его удивлению, створка бесшумно распахнулась.

Анира никогда раньше не видела моря. Она вообще никогда не видела столько воды сразу. Лазурная стихия простиралась до самого горизонта, дышала, как живая, и ее дыхание было наполнено незнакомыми будоражащими запахами. Море старалось поймать девушку за ноги, щекотало подошвы, бросало

соленые капли в лицо, и она не могла понять, что оно такое — бог или чудовище преисподней.

Принцесса смутно помнила, как оказалась здесь, на пустынном пляже. Она пришла в подземный храм, чтобы завершить посвящение. Жрецы оставили ее наедине со статуей Иш-таб. Вуаль, полная звезд, упала, впервые открыв лик богини. Ее глаза сияли и были голубыми, как море.

Волна перед Анирой вскипела пеной, зашипела и высунула длинный язык. Подол платья тут же промок до колен. Принцесса взвизгнула и испуганно отскочила на безопасное расстояние. Мелодичный смех, раздавшийся за спиной, заставил ее вторично взвизгнуть и совсем не по-королевски крутануться на месте.

— Поразительно! Старая шутка, а все еще срабатывает, — женщина на золотом троне, ножки которого утопали в песке пляжа, снова хихикнула.

— А вы все так же ржете до коликов, — произнес второй, ухающий, голос. — Как последняя смертная, ей-богу.

— По-твоему, Ферруциана, лучше с каменным лицом годами сидеть под тряпкой, как последний попугай?

— На кого это вы намекаете? — обиженно осведомилась крупная сова, которая сидела на плече говорившей.

Теперь Анира была уверена — ухающий голос исходил из ее крючковатого клюва. Хозяйка птицы подмигнула принцессе и сделала невинную мину.

— Мне солнечный свет вреден, — ворчливо продолжила сова, встопорщив перья. — А вуаль, между прочим, предохраняет от пыли и мимических морщин.

Женщина посмотрелась в серебряное зеркало, которое она держала в правой руке, попыталась нахмуриться и разочарованно вздохнула:

— Да, будто ботоксом накачали. Попробуй теперь, изобрази гнев божий. — Зеркало, пуская зайчики, полетело наземь и осталось лежать, полупогребенное в песке. Голубые глаза обратились на Аниру, с разинутым ртом застывшую у кромки прибоя. — Довольно пререкаться, Ферруциана. У нас посетитель.

— Да я вообще молчу! — нахохлилась сова, закрыв круглые желтые глазищи.

Иш-таб — а принцесса теперь поняла, что это была именно она, — вздохнула и возвела очи к небу:

— Подбери слюни, дитя мое.

Анира не сразу сообразила, что богиня на сей раз обращается к ней. Спохватившись, принцесса захлопнула рот, украдкой утерев подбородок.

— Не будьте с ней жестоки, экселенц, — ухнула Ферруциана,

приоткрыв один глаз. — Девица никогда не видела говорящую сову.

— Как насчет говорящей богини? — скосилась на птицу Иш-таб. — Придержи клюв, символ мудрости, и знай свое место. Мы и так уже выбились из регламента.

Ферруциана возмущенно гукнула и спрятала голову под крыло, превратившись в пушистый серый шар. Богиня снова обратила голубой взор на Аниру и очаровательно, но несколько напряженно улыбнулась:

— Итак, что привело тебя сюда, дитя?

— Я п-пришла, ч-чтобы… — Анира собралась с духом и спокойнее закончила ритуальную фразу: — Чтобы задать вопрос. — На всякий случай девушка склонилась в глубоком поклоне.

— Фиг тебе, — по-прежнему нежно улыбаясь, промолвила Иш-таб и сложила красивые белые пальцы в неприличном жесте.

Выражение лица принцессы, очевидно, стало настолько ошарашенным, что богиня, не сдержавшись, прыснула. Сова неодобрительно ухнула под крылом. Анира беспомощно осмотрелась вокруг. «Может, это вовсе не Иш-таб? Но как же зеркало, сова, трон?! Все сходится. Да и нет тут больше никого. То есть почти никого». Только сейчас принцесса обратила внимание на мальчишку лет семи, строившего песчаный замок у самой воды дальше по пляжу. Ребенка всецело увлекла игра. Казалось, он не обращает никакого внимания на троицу Анира — богиня — сова. «Кто бы это мог быть? Один из младших богов? Возможно. Но кем бы ребенок ни был, он не может мне ничем помочь».

После секундного колебания принцесса рухнула на колени. Песчинки больно впились в колени через мокрую ткань:

— Величайшая, если я чем-то прогневала тебя, скажи, как я могу исправить ошибку.

Иш-таб резко оборвала смех. Тонкие рыжеватые брови сдвинулись, но на мраморном лбу не образовалось ни единой морщинки.

— Ты пришла неочищенной! — Пальцы богини порхнули вверх по высокой груди и сжали изумрудную гемму, изображавшую глаз.

— Но я постилась! — вскинула голову Анира. — Я не вкушала пищи три дня и три ночи.

— Три дня?! Ты слышала, Ферруциана? — Иш-таб передернула плечиками, и сова захлопала крыльями, пытаясь удержать равновесие. — Сначала смертные постились десять дней, потом пять, а теперь…

— О, времена, о, нравы, — птица патетически закатила глаза.

Богиня удовлетворенно кивнула:

— Напомни мне послать жалобу пантеону. — Ее палец обвиняюще уперся в Аниру. — Тебя запятнал нераскаянный грех.

Девушка упрямо тряхнула головой:

— Верховный жрец, ваш служитель, отпустил мне грехи перед инициацией.

— Нераскаянный грех никто не в силах отпустить! — воскликнула богиня, топнув изящной сандалией в песок. — Кроме меня, конечно, — она нежно почесала сову под подбородком.

«Да какой грех-то?» — уже собралась спросить принцесса, но в последний момент прикусила язык. «Проклятие! Так вот к чему все это… светопреставление! А я-то повелась, как дурочка. Ведь я могу задать только один вопрос, верный вопрос. Ведьма просто хочет запустить когти в мою душу! Но нет, не дождешься, голубушка!»

— Если Величайшая укажет недостойной, в чем заключается этот грех, обещаю, я тут же покаюсь в нем, — Анира стукнула себя в грудь. — Глубоко.

Иш-таб и Ферруциана переглянулись. Сова глухо ухнула и кивнула. Богиня сняла гемму с золотой цепочки и бросила на песок. Круглый камень покатился к принцессе и замер в паре шагов от ее ног. С ужасом Анира увидела, что это вовсе на драгоценность, а живой зеленый глаз, яростно уставившийся на нее. С трудом сдержав рвущийся из груди крик, девушка выдавила:

— Я велела Шазии… моей телохранительнице… пощадить ее. В конце концов, это всего лишь рабыня.

— Гладиатрикс! — поправила ее Иш-таб. Сова угрожающе захлопала крыльями. Глаз недобро прищурился. — Она лила кровь на алтарь моего брата, а значит, служила мне!

— Скоро на ваш общий алтарь прольется столько крови, что Ягуар и Иш-чель будут посрамлены и забыты! — Анира сделала шажок в сторону трона, стараясь не обращать внимания на изумрудное пятно на песке. — Я снова зажгу огонь в ваших храмах, принесу великую жертву. Все, чего я хотела — ускорить события, породить недовольство среди гладиаторов, чтобы ими было легче управлять. Это, — принцесса ткнула в злобно вращающийся глаз, — только первое приношение.

Иш-таб задумчиво облокотилась на ручку кресла:

— Ты говоришь правду, но не всю правду.

Сова, перебирая лапами, нашла новую точку равновесия:

— Бурная ревность совершает больше преступлений, чем

корысть, — изрекла мерзкая птица и уставилась на Аниру пронзительными желтыми глазищами.

«И как это они смогли столько рассмотреть из-под своего покрывала?! — мелькнуло в голове у Аниры, пока она лихорадочно обдумывала ответ. — Одно ясно — отрекаться теперь бесполезно и даже опасно».

— Да, я была слаба, — призналась принцесса, выдавив слезу из уголка глаза. — Но, Величайшая, которой известно все, поймите меня, как женщина — женщину! Эта рыжая все время была рядом с ним, все время на глазах, соблазняя, виляя своим бесстыжим задом, когда я, — Анира всхлипнула, — должна была довольствоваться Аджакти только урывками, все время опасаясь за свою жизнь, за его жизнь, прячась по углам. Я ничего не планировала, все произошло… Ну просто произошло, — принцесса потерла глаза, надеясь, что веки покраснеют. — Рыжая появилась у Сиаваши, стреляя глазками, хорошенькая, уверенная в себе. Мне так захотелось стереть эту улыбку с ее губ, — Анира пошарила по боку в поисках носового платка, но костюм неофитки не предусматривал карманов, и она сморкнулась в мокрый подол. — Я приказала Шазии изуродовать девчонку.

Глаз на песке часто заморгал, из него потекли слезы, тут же превращавшиеся в жемчужины.

Принцесса поспешно отвела взгляд:

— Он все равно никогда об этом не узнает. Никто не узнает. Я была в маске, лицо Шазии скрывал шлем. Но я раскаиваюсь, глубоко раскаиваюсь. «Что не велела мтехе прикончить тварь!» — прибавила она про себя.

Мальчишка у кромки прибоя глянул на Аниру так, будто это она только что разрушила его замок, а не набежавшая волна. «Что за глупость, строить так близко от воды?» Как бы быстро дурачок ни возводил свои башни, море смывало их одну за другой, пока не оставалась только одна, самая высокая, и тогда ребенок терпеливо начинал свой труд сначала. На мгновение принцессе показалось, что он слышал их разговор с Иш-таб. «Но нет, это невозможно. Он слишком далеко».

— Ее зовут Тигровая Лилия, — голос богини вернул принцессу к действительности. — Мой брат к ней равнодушен, впрочем, как и к тебе.

Улыбка сидела на лице Иш-таб криво, как неумело повязанная алая лента.

— Ты погубила невинную. Лилия принадлежит другому. Молись, чтобы он не догадался, чья это работа.

Повинуясь жесту хозяйки, Ферруциана взлетела с ее плеча, подхватила изумрудный глаз клювом и, описав изящный круг,

опустилась на золотую спинку трона. Окаменев, Анира смотрела, как богиня аккуратно повесила драгоценность обратно на цепочку. Принцесса едва чувствовала собственные губы, когда прошептала:

— Ваш брат?.. — Она спохватилась и оборвала фразу на полуслове. «У меня есть право только на один вопрос. Один вопрос!» Множество мыслей толпилось в голове, требуя внимания, и Анира испугалась, что забыла, зачем пришла.

— Ты хочешь о чем-то спросить? — подбодрила Иш-таб.

Сова подалась вперед на своем насесте, хищно разинув клюв. «Интересно, она выклюет мне глаза на сувенир для хозяйки, если я совершу ошибку?»

Поежившись, принцесса собралась с духом:

— Да. В эбру, нарисованном моей кровью, было пламя. Пламя, которое уничтожит старую власть. Я знаю имя этой маски. Фламма. Но имя двойника…

Она вздохнула и взглянула прямо в лазурные глаза богини:

— Мой вопрос: кто еще скрывается под маской огня?

Внезапно что-то изменилось. Вокруг стало необычайно тихо. Только теперь Анира осознала, насколько постоянный рокот волн, накатывающихся на песок, заполнял ее слух. Дувший с моря ветер тоже улегся, и в одно мгновение растрепанные волосы принцессы упали на лицо, тонкий шифон платья беспомощно обвис, воздух сделался удушливо жарким. Девушка обернулась назад и едва сдержала крик: лазурная поверхность воды застыла, как цветная слюда, поблескивая на солнце; прибой остановился на полпути к берегу. Сверху послышался странный свистящий шум. Не успела Анира поднять голову, как что-то с тупым звуком рухнуло у ног, обдав девушку каскадом песка. С ужасом она узнала в окровавленной груде перьев то, что осталось от большой чайки. Другие птицы падали с неба то там, то сям, разбиваясь о пляж и стеклянную поверхность моря. Во всеобъемлющей тишине звуки их смерти казались особенно жуткими — влажные хлопки растерзанной плоти.

Анира судорожно повернулась обратно. На Иш-таб и сову происходящее не произвело ни малейшего впечатления — парочку, скорее, забавляло наблюдение за реакцией смертной. С ответом богиня тоже не спешила, только улыбалась своей застывшей улыбкой. Мальчику удалось основательно надстроить замок — ведь волны больше не угрожали его игре. Воздух стал таким неподвижным и горячим, что в голове у принцессы мутилось. В отчаянии она закрыла лицо руками: «О, если только я выберусь отсюда, Омеркан поплатится за все! За все мои мучения, за каждое унижение ему воздастся сторицей!» Анира представила

себе, каким пыткам она подвергнет брата, взойдя на престол, и, как всегда, это помогло ей обрести спокойствие.

Она преклонила колено, положив ладонь на грудь там, где был полумесяц Иш-таб:

— О Величайшая, простите мне мой грех. Мое раскаяние глубоко, как раскинувшееся перед вами море. Я согрешила из любви и по неведению. Клянусь, я сделаю все, чтобы восстановить справедливость. Я возьму гладиатрикс под мое личное покровительство. Я позабочусь о лучшем лечении. Я… — Анира искала следов одобрения на лице богини, но оно было совершенно и неподвижно, как мрамор статуи. — Я выкуплю ее на свободу!

«Показалось мне или уголки губ ведьмы дрогнули?»

— Да, на свободу и… возьму ее во дворец. В прислуги.

Улыбка Иш-таб умерла, так и не успев расцвести.

— Нет, в телохранительницы! Да, я сделаю рыжую моей личной телохранительницей, только… Прошу вас, мой вопрос…

Девушка задыхалась, перед глазами плыли темные круги. Ей пришлось опереться ладонями о песок, не по-королевски встав на четвереньки.

— Та, о которой все забыли, — тяжелые слова упали, всколыхнув густой воздух, как камень — неподвижную воду. — Вот имя маски.

Первый робкий порыв ветерка коснулся потной кожи Аниры, и она втянула его свежесть в легкие с наслаждением, почти граничащим с болью. «Жива! Жива и получила ответ от самой Иш-таб. Ответ, который вызвал еще больше вопросов, и все же… Только бы выбраться теперь отсюда! Но как?» Прошедшим инициацию запрещалось рассказывать кому-либо о том, что с ними случилось после того, как они заглянули под покрывало богини. Пляж Неизвестно-где оказался для принцессы полным сюрпризом, и внезапно ее охватил страх, что она никогда не найдет дорогу назад.

Девушка лихорадочно огляделась по сторонам. Море снова переменилось. Поверхность его все еще напоминала плоский голубой леденец, но у горизонта что-то темное поднималось, вспучиваясь, и порождало ветер, что снова трепал локоны Аниры и играл ее подсохшим подолом. Мальчишка оставил игру в песочек и тоже глядел на неведомую угрозу. Все четыре башни его замка гордо высились у пенной полосы, засохшей на песке, как глазурь на торте. Принцесса беспомощно обернулась к Иш-таб.

— Мое зеркало, — отчетливо произнесла богиня, перекрывая нарастающий шум ветра. — Загляни в него.

Анира едва различила поблескивающий серебряный ободок, почти занесенный песком. Приближающийся шторм толкнул ее в спину, схватил за волосы, запутал платье между ног. Поднятые бурей песчинки больно секли кожу. Она рухнула на колени возле зеркала, не в силах противиться натиску ветра, и принялась лихорадочно откапывать реликвию под прикрытием собственного тела.

— Осторожно, не коснись его! — хрипло ухнула сова, щуря глаза. Перья ее раздувало, так что она вдвое выросла в размерах, когти намертво вцепились в спинку трона, пробуравив дорожки в золотых украшениях.

Принцесса стала отгребать песок аккуратнее. В зеркале блеснул грозовой синевой край неба, но тут очередной порыв ветра опрокинул девушку наземь. С трудом повернув голову, Анира разглядела огромный вал, вставший до сизых туч и с сотрясающим бытие рокотом несущийся прямо на нее. Краем глаза она различила ребенка: мальчик вскочил на ноги, встав между страшной волной и своим замком. Он наклонился вперед, преодолевая давление взбесившегося воздуха, от которого его плоть начала рваться клочками, обнажая… Нет, не скелет — только свет, голубой свет.

— Быстрее! — крикнула богиня голосом бури. — Посмотри в зеркало!

Анира впилась пальцами в песок, ломая ногти. Усилие, с которым она подтянула себя к блещущему стеклу, казалось, вывернуло все суставы. Она вытянула шею, и ветер откинул волосы с лица, хлестнув по щеке когтями песчинок. Принцесса вскрикнула от жгучей боли и увидела свое отражение: белая маска с провалами глазниц, огромная волна, закрывающая горящее небо, и крылатый ящер с остатками совиных перьев, уносящий в когтях трон с богиней.

— Помни свое обещание! — прозвучал в ушах принцессы шепот Иш-таб за секунду до того, как девушку поглотило зеркало.

Глава 9
Нисхождение

Аджакти стоял на лестничной площадке, упираясь пылающим лбом в запертую дверь. Ветер захлопнул ее прямо перед носом, и, как он ни дергал ручку, та не поддавалась. «Невероятно! Лилию ослепили по приказу Аниры! Принцесса виновата во всем. Я виноват во всем!» Он застонал и стукнулся головой о разбухшее от влаги дерево. Боль не принесла облегчения. «Но ведь это всего лишь сон. Глупый сон. Или сон ясности? Кто была та женщина, с которой говорила принцесса? Царица? Богиня? И почему я превратился в ребенка? Чтобы Анира не узнала меня?»

Все происшедшее внезапно показалось Каю таким нереальным, что он недоверчиво уставился на собственные ладони, к которым все еще лип мокрый песок. Он машинально отряхнул руки и взял факел, который поджидал его в бронзовом держателе — таком же, как и на первой площадке. «Я обдумаю это потом. Сейчас важно продолжить спуск. Может, внизу удастся разузнать побольше».

Чем ниже он спускался, тем ненадежней становилась лестница. Местами от ступеней остались одни пеньки, торчавшие из стены, как сгнившие зубы. Наконец кончились и они. Аджакти посветил факелом вперед. Там был провал метра в три. Далеко внизу поблескивала, отражая пламя, черная вода. За дырой лестница начиналась снова и выглядела вполне устойчивой.

Отступив на шаг, он прыгнул. Ноги ударили край ступени, но древний камень начал крошиться под его весом. Кай бросил тело вперед, в падении выпустив факел. Растянувшись плашмя на скользкой лестнице, Аджакти смотрел, как пламя высветило затопленный пол далеко внизу, прямоугольное возвышение, стенки которого лизали волны, и скользнувшую по нему острую тень. Огонь ударился о воду вслед за ливнем обломков, зашипел и погас. Все снова погрузилось во мрак.

«Так вот откуда хлюпающие звуки! Волны плещутся об алтарь или обо что-то в этом роде. Эх, жаль, я не успел разглядеть, что за стержень движется в центре башни!» Придерживаясь за стену, Кай в кромешной тьме поднялся на ноги. Он снова представил себе факел и искру, но на сей раз, как он ни напрягался, фокус не сработал. «Что, одноразовое чудо было?» — усмехнулся он про себя. Продолжать спуск без света казалось чистым самоубийством, но Кай напомнил себе, что это — всего лишь сон, и двинулся вперед на ощупь. Вскоре руки нашарили дверной

косяк, а ноги оказались на более просторной плоскости — это была следующая площадка и еще одна дверь, ведущая… Куда? Аджакти не рассчитывал, что снова попадет на пляж. Но все же был небольшой шанс, что он сможет обнаружить лампу или свечу. Сделав глубокий вдох, он осторожно толкнул створку.

Сивушный запах дешевого эля ударил в нос. Сначала Кай решил, что оказался в «Счастливом хвостике»; в конце концов, это было единственное знакомое ему злачное заведение, а разве сны — не обрывки воспоминаний о когда-то пережитом? Выглянув из-под надвинутого по самые глаза капюшона, он убедился в своей ошибке. Темные личности разной степени оборванности, составлявшие клиентуру трактира, были не похожи на церруканцев. Да и общались они на тан, хоть и изрядно приперченном кабацкими скабрезностями. От соседей Кая по столу так несло смесью пота, перегара и мочи, что гладиатор отодвинулся на самый край скамьи и уткнул нос поглубже в кружку, каким-то образом оказавшуюся в руке. Стараясь смахивать на пьяного, он осторожно огляделся по сторонам.

Поначалу все местные негодяи показались ему на одно лицо, хотя «харя» было бы более точным определением. Когда глаза Аджакти попривыкли к едва пробивающемуся сквозь слюдяные окошки свету, он насчитал пару торгующихся с барыгой воров, пяток искателей приключений, троих наемников в поисках работы, шулера, обчищающего в кости команду грабителей, сутенера, десяток шлюх обоих полов и убийцу, пасущего клиента. Вот только парочка, поглощенная беседой за соседним столиком, не подпадала ни под одну из перечисленных категорий.

Сидевший спиной к Каю громила в черном плаще прятался под капюшоном, как и он сам. Осанка и манера держаться выдавала в «плаще» воина, причем совершенно трезвого, несмотря на частые паломничества пивной кружки под означенный головной убор. Собеседником богатыря был высокий, но тщедушный тип с бурой щетиной, которого Аджакти определил как волшебника. Нечеловеческие глаза Кая уловили следы сложной магии, не вязавшиеся со слабеньким сиянием ауры над давно не мытой головой. Заинтересовавшись, он решил прислушаться к разговору — благо столы в трактире стояли скученно, и от странной парочки его отделяло не более метра.

— Скак — очень полезная игра, — донесся до него дискант чародея. — Хочу продемонстрировать тебе один любопытный дебют.

Спину громилы заслонил бледный мальчонка в пятнистом от грязи фартуке. Он выгрузил на стол перед бородатым пенную

кружку и исцарапанный клетчатый ящичек, а затем помчался дальше, ловко перепрыгивая через торчащие в проходе ноги. Маг радостно потер ладони, вскрыл доску, как устрицу, и принялся расставлять на клеточки черные и белые фигуры. Кай уронил голову на локоть и свесился с края столешницы, изображая пьяный сон. Зато теперь между складками капюшона ему открылся вид на игровое поле.

Черный пехотинец угрожал башне белых. С флангов ее осадили черные всадники. Вторая белая башня была в безопасности, но ее движения ограничивали черные солдаты во главе с офицером. Белые король и волшебник еще не вошли в игру и стояли на своих местах. Зато два белых пехотинца углубились в оборону черных, грозя достигнуть противоположного края доски. Единственной преградой на их пути был черный маг. Остальные фигуры обоих цветов печальными трупиками лежали в лужице эля.

— Итак, что ты думаешь? — поинтересовался чародей, азартно блеснув глазами.

— Это безумие, — пожал плечами его товарищ. Гулкий низкий голос показался Каю до боли знакомым. — Невозможная ситуация. Почти. Почему не задействованы короли? Белый волшебник топчется на месте… К тому же какой же это дебют? Скорее, конец миттельшпиля!

— Ну вот видишь, Рыц! Не все ты еще позабыл! — Щетинистый подмигнул собеседнику.

Кай вздрогнул и чуть не свалился под стол. К счастью, к этому моменту он так хорошо вошел в роль выпивохи, что маг не обратил внимания на его борьбу за равновесие.

«Ментор Рыц! Голос, фигура, а теперь бородатый назвал его имя. Но какого тролля Аров вассал делает в этаком притоне? Да к тому же в обществе светлого волшебника?» Аджакти примостился поудобнее в обнимку с кружкой и навострил уши.

— Кому ты предрекаешь победу? — тем временем вопросил Рыца загадочный собеседник.

— А чей ход?

Маг ткнул пальцем в разбредшиеся по доске черные фигуры.

— Тогда, конечно, черным! В девяноста девяти случаях из ста. Хотя белый маг может еще наворотить дел. Вы ведь играете за черных, хе… кхе-кхе, Сирин?

— Я, — усмехнулся поименованный Сирином, — играю за самого себя. И мне кажется, что на этой доске чего-то не хватает!

Жердяй подцепил пару черных пехотинцев из горки на столе и сунул под бок к белому королю, заменив ими ни в чем не повинных белых солдат. Рыц крякнул, раздосадованно оттолкнув

пивную кружку:

— Это же не по правилам, Сирин!

— Тебе давно пора понять, мой честный Рыц, что я никогда не играю по правилам. Я их создаю! — Маг победно улыбнулся, выудил из кучки черную волшебницу и заменил ею белую. — Чародейка меняет цвет! — торжественно возвестил он.

Кай похолодел. Нетвердой рукой он поднял кружку и опрокинул остатки эля в рот. «Тролль меня побери! Мастер Ар собственной персоной! Внешность и аура не его, но вот манера говорить и то, как повинуется этому плюгавенькому Рыц… Точно! Волшебник прикрылся личиной! Значит, господин теперь в Потерянных Землях. В ОЗ или даже в самой Феерианде. Знает ли он, что я здесь? Нет, ведь это всего лишь сон. Мой сон». Несколько успокоившись, Аджакти скорчился под плащом, не выпуская из поля зрения доску и фигуры на ней.

Рыц сидел, откинувшись на спинку стула и скрестив руки на груди. Привыкнув за долгие годы службы к нестандартным выходкам сюзерена, воин терпеливо дожидался объяснений.

— Сдаешься? — хихикнул Мастер. — Тогда смотри.

Не слишком чистый палец Аровой личины коснулся белой башни:

— Церрукан. А черная пешка — это…

— Кай? — внезапно перебил мага Рыц.

Аджакти снова подскочил на скамье, уверенный, что на этот раз разоблачен. Водянистые глаза Сирина скользнули по его капюшону. Парень неистово зачесался, бормоча хриплые проклятия в адрес местных блох. Мастер потерял к нему интерес и щелкнул пальцами. Радужный пузырь заклинания окутал мага, стол с игровой доской и Рыца. Волшебник сказал что-то, губы под бурой щетиной шевелились, но Кай не мог расслышать ни слова. Звуки, исходящие от соседнего стола, как ножом отрезало.

«Все ясно. Это Мастеровы проделки. Опасается, старый лис, чужих ушей. Но ведь это мой сон! Значит, если я хочу услышать, о чем говорит господин, то…» Из прежнего опыта Кай уяснил, что переть напролом бесполезно, и решил мыслить творчески. «Мышь! Мне понадобится мышь». Внутренним взором он увидел щель в ближайшей стене, прикрытую ножкой скамьи и скатавшимися клочьями пыли. В дыре что-то деловито шебуршалось. «Ну, хорошая, пошла!»

Мгновение — и Кай уже бежал через трактир, глядя на окружающее мышиными глазами. Ловко увернувшись от ботинок разносчика размером с гайенские корабли, зверек нырнул под стол и ринулся, не обращая внимания на аппетитные крошки, в заданном Каем направлении. Не прошло и минуты, как он без

всякого труда проник через оболочку заклятия и притаился в тени Мастеровых сапог. Лже-Сирину, видно, натерло пятки, потому что он скинул обувь и дал отдых натруженным ступням. С каким-то злорадным удовлетворением Аджакти отметил здоровенную дыру в правом носке мага, через которую выглядывали поросшие грубой шерстью пальцы. Еще большее удовлетворение принес ему донесшийся до мыши обрывок фразы Рыца:

— …как там мой ученик?

Слух у зверька был намного острее человеческого. Каю показалось, что гулкий бас бывшего наставника раздался прямо над ухом.

— Он больше не твой, — холодно поправил Мастер. — Да и имя у мальчишки теперь другое. Пока он справляется, и довольно о нем. Посмотри-ка лучше сюда.

Аджакти пришлось сделать ментальное усилие, чтобы сохранить контроль над мышью и, одновременно оставаясь самим собой, наблюдать за игровой доской. Палец Ара ткнул в черных коней, осадивших белую башню.

— Всадники? Гайены? У них же с Церруканом договор, — усомнился Рыц.

— Договор-договор, — закивал Ар. — Кочевники кочуют, собачатся друг с другом, молятся анам. А вдруг аны возьмут и подскажут правоверным парочку новых идей, которые на самом деле, хорошо забытые старые? Пути богов, как говорится…

— …ведомы одному Мастеру Ару, — продолжил за волшебника Рыц.

— Выпьем за это! — торжественно провозгласил маг, поднимая кружку.

Мысли Кая скакали, как айраны гайенов. Мышь, от которой он на мгновение отвлекся, подобрала корочку сыра, забившуюся между половиц, и рот его наполнился вкусом плесени. С трудом подавив рвотный позыв, Аджакти заставил зверька бросить лакомство и навострить уши.

— А вторая башня — это, случайно, не Гор-над-Чета? — поинтересовался тем временем Ментор, опуская кружку.

— Мысль моего офицера остра, как его шпага, — Ар ткнул в соответствующую фигуру на доске, заблокировавшую белую башню. — Город обескровлен последней заварушкой и зализывает раны.

— Прошу прощения, херре, — ведь теперь можно вас так называть? С теми ресурсами, что были в моем распоряжении, сделать больше было не…

Мастер ухватил хрупкую деревянную фигурку и сдавил

между пальцами так, будто хотел открутить офицеру голову.

— Ненавижу, когда меня перебивают! — В чужих серых глазах полыхнуло знакомое пламя, но тут же погасло, подернувшись пеплом. Ар вернул фигуру на доску, но поставил ее не на прежнее место, а ближе к белому королю. — Ничего, это только начало. Придет время, и пожар вспыхнет снова. Надо только позаботиться о том, чтобы под рукой была хорошая охапка сухого хвороста, а уж огоньку будет кому поднести. Ты ведь позаботился о хворосте, мой старательный Рыц?

Собеседнику мага потребовалось несколько мгновений, чтобы переключиться со скака на тему растопки.

— Ах, Хворост! Да, тут наше золотишко с лихвой окупилось! Говорят, слухи о подвигах его шайки дошли до самой Феерианды!

— В ОЗ, по крайней мере, это главная тема кабацких пересудов. Еще бы! Ребята обирают чародеев и их прихвостней, отдают беднякам награбленное. Народные герои! — Ар легонько стукнул ногтем с траурной каемкой по головам черных пехотинцев, окруживших белого короля. — Неплохая работа, Рыц!

Каев маленький помощник внезапно забеспокоился, будто ему передалось настроение хозяина. Человек постарался успокоить мышь, но она продолжала жаться к ножке стола. Каю стоило больших усилий удержать ее от панического броска к ближайшей норке. Животное встревожил новый запах, примешавшийся к коктейлю «эль-лук-гарь-блевотина». Запах означал опасность.

Осмотревшись по сторонам с высоты своего роста, Аджакти заметил тощего рыжего кота, трущегося спиной о коленку одной из трактирных шлюх. «Этого мне еще не хватало! Хоть бы блондинистая обормоту кость кинула, что ли!» Собеседники за соседним столом продолжали разговор, не подозревая о шпионе, трясущемся от ужаса прямо у их ног.

— Позвольте спросить, херре, а это что за дама? — указал Рыц на волшебницу, по мановению руки Мастера сменившую сторону. Ар дал щелбана затянутому в перчатку пальцу. Железо отдалось приглушенным гулом, палец отдернулся.

— За дам попрошу не хвататься! Будешь хорошим мальчиком, может, и познакомлю. Обрати лучше внимание на этих, — Мастер указал на двух белых солдат, нахально вторгшихся в позиции черных.

— Это всего лишь рядовые, херре. Вам нечего их опасаться. Один из них к тому же под ударом. Вы позволите? — Рыц подвинул черного мага на клетку вперед. — Волшебник берет пехотинца.

— Ты думаешь? — Рука Ара взметнулась над доской,

подцепила со стола белую чародейку и молниеносно поставила ее на место второго солдата. — А если так?

— Это опять не по правилам, — проворчал Рыц.

— А у белых много грязных трюков в рукаве! Догадался, о ком я? — Мастер махнул в сторону волшебницы и мага, противостоящих друг другу.

— Вы все еще уверены, что Айна представляет собой угрозу? — Рыц недоверчиво покачал головой. — Вы устранили Анафаэля, а она так и не проявила себя, хоть мы и надеялись на это. Ну сколько вреда девчонка может наделать своими песенками? Скоро мы отыщем ту крысиную нору, в которой она скрывается, и…

Окончание фразы от Кая ускользнуло. Проклятый котяра, похоже, унюхал мышь и теперь приближался к жертве, лавируя между столами. Несчастный зверек, чуя скорую смерть, то обмирал, то порывался бежать, так что Кай вспотел, пытаясь удержать его на месте.

— А что, если ее братец не сдох? — Мастер задумчиво повертел взятого Рыцем солдата между пальцами. Без безымянного магу было тяжело удерживать фигурку. — Ведь тела так никто и не нашел.

— Если щенок и жив, во что я лично не верю, — подчеркнул Рыц, подняв затянутый в перчатку перст, — СОВБЕЗ найдет его. Их маги кишат повсюду. Или мальчишка проявит себя, и мы сцапаем его первыми. Так или иначе, игра в кошки-мышки скоро закончится.

Со страшным мявом трактирный котяра влетел под стол. Мастер Ар вздрогнул, глаза его вылезли из орбит, нижняя губа нелепо отпала. Сначала из разинутого рта не вырвалось ни звука. Но вот краска бросилась магу в лицо, а его горло произвело визг, способный составить конкуренцию самой голосистой из местных шлюх, клиент которой сбежал, не заплатив за минет. Лже-Сирин вскочил, чуть не опрокинув скамью, и запрыгал на одной ноге. На второй, яростно урча, висел рыжий зверь, раздиравший на кисточки штанину не первой свежести бриджей.

«Упс!» Идея спрятать мышонка под брючиной Мастера больше не казалась Каю блестящей. Он скрючился под капюшоном, не зная, то ли пытаться спасти своего помощника, то ли господина, то ли спасаться самому. Вокруг гремел пьяный гогот — посетители забегаловки, очевидно, находили происходящее забавным до икоты. Ментор Рыц громоздился, спеша прийти на помощь сюзерену, но Каю со своей лавки было не видно, насколько это удалось. Решившись, он потихоньку привстал из-за стола, собираясь взять ноги в руки, но тут на него

наехала монументальная и не слишком прикрытая грудь:

— Эй, милашка, куда же ты торопишься? — Красотка весьма потасканного вида ухватила его за плащ и притянула к своим покрытым блошиными укусами телесам. В нос парню ударил дух чеснока и недавнего соития. Не выдержав, Кай чихнул. Капюшон соскользнул назад, и затуманенный элем взгляд девицы встретился с черными глазами без белков.

Вопль блохастой перекрыл и проклятия Мастера Ара, и кошачий концерт, и всеобщее веселье:

— Оборотень! Ой, мамочки, оборотень!

Веселье стихло, как по волшебству. Несколько дюжин испуганных, возбужденных и откровенно враждебных лиц повернулись к Каю, которого трясущийся палец девахи безошибочно определял как виновника переполоха. Даже давно храпевшие под столом пьянчуги неуверенно подняли головы. Но самой неприятной новостью были потянувшиеся к оружию руки наемников и искателей приключений, во главе с неотвратимо оборачивающимся в его сторону Ментором Рыцем.

Спасением «оборотня» стал кот. Отправленное в полет то ли пинком, то ли заклинанием Мастера животное, завывая, извернулось в воздухе, сбило шапку из выхухоли с авантюриста побогаче и шлепнулось на стол, накрывшись головным убором. К несчастью, хвост выхухоли угодил в масляный светильник и бодро занялся, распространяя вонь паленой шерсти. Кот заорал, как баньши, и метнулся к выходу — точнее, метнулось страшное лохматое существо с факелом на месте хвоста.

— Оборотни! Горим! — взвизгнула блохастая и хлопнулась в обморок поперек стола. Кай не стал дожидаться, пока прочность его шкуры опробует дюжина клинков. Котяра основательно расчистил дорогу, и Аджакти рванул в образовавшийся проход, одной рукой придерживая капюшон на голове. Трактир за спиной превратился в хаос проклятий, женского визга, дыма, обнаженных мечей и оружия менее благородного. Чувствуя погоню на пятках, «оборотень» с ходу пнул дверь, чуть не слетевшую с петель, и вырвался на свободу.

Перед ним открылась морозная и неожиданно светлая улочка, заваленная снегом. На ориентацию времени не оставалось, и Кай изо всех сил наддал влево. Ноги ожег холод — он и позабыл, что спать улегся без обуви, чтобы не наследить на ковре Фламмы. Было бы неплохо сейчас «приснить» себе сапоги, но сзади уже раздавались не слишком дружественные вопли типа: «Держи гада!», «Не уйдешь, курва!» и «Стой, пасть порву!». Свернув за угол, Кай затормозил так резко, что проехался по скрытому под снегом льду и плюхнулся на задницу. Улица

заканчивалась тупиком. Глухой задник двухэтажного дома перегораживал единственный путь бегства: по обе стороны улочки теснились вплотную друг к другу каменные и деревянные здания с запертыми дверями и ставнями.

Из-за поворота показалась погоня. Похоже, в ней приняли участие все посетители трактира мужского пола, способные стоять на ногах, за исключением — сердце Кая дрогнуло от облегчения — Ментора Рыца и Ара.

— Вот он! Не уйдет теперя, сучий потрох!

При виде загнанного в тупик «оборотня» преследователи замедлили ход — решали, навалиться нахрапом всей кучей или взять по-тихому измором? Самый здоровый и наглый из безработных наемников выступил вперед, поигрывая мускулами и полуторным мечом:

— Эй, открой личико, урод!

— Давай, не стесняйся! — поддержали полуторного остальные загонщики, не спеша сжимая кольцо.

Кай поднялся на ноги и призадумался. Он мог бы выполнить требование общественности, но вряд ли можно ожидать, что мужичье с кольями и железом отреагирует на его «личико» так же экспрессивно, как блохастая. Пробиваться силой через те же колья как-то не хотелось — и во сне больно, когда обижают подручными средствами. Оставалось делать ноги. Он критически осмотрел стену тупика. «Это сон, мой сон, — повторил он про себя заветную фразу. — Я могу управлять им».

Представив себе, что стена — это просто иллюзия, дым, он повернулся спиной к преследователям и взял разбег. На всякий случай зажмурился: как-то не хотелось с открытыми глазами треснуться со всей дури о каменную преграду. Сзади взвыли — то ли испуганно, то ли разочарованно. Ногам стало теплее — снег кончился. Кай обернулся через плечо. Стена все еще была там, где ей и полагалось, только сам он находился теперь по другую сторону. Камни каким-то образом обрели прозрачность, и беглец видел загонщиков из трактира. Разинув рты, они пялились на одинокую цепочку следов в снегу, внезапно обрывающуюся у непреодолимой преграды. Вид у ребят был такой потешный, что Кай не выдержал и заржал во все горло. Наверное, на той стороне смех услышали. Побросав кто что держал в руках, смельчаки, толкаясь, бросились туда, откуда примчались. Все еще посмеиваясь, Аджакти отвернулся от зимней улицы и потрясенно замер.

Он оказался в просторной зале с высоким сводчатым потолком. По стенам тянулись заставленные книгами стеллажи, повсюду стояли столы и пульты с пергаментами и фолиантами,

перьями, кистями и баночками с красками. За огромными окнами вечерело, и заполненный тенями и непривычными терпкими запахами зал был почти пуст. Только у двух пультов, на которые еще падал свет, работали юноши в длинных черных балахонах. Точнее, работали они только до тех пор, пока не услышали дикий гогот Кая. Теперь парнишки застыли, уставившись на вышедшего прямо из стены пришельца круглыми глазами, голубыми у одного и карими у другого.

«Только бы не заголосили», — мелькнуло в мозгу Аджакти. Судя по количеству столов и размерам помещения, у балахонов были товарищи. Он приложил палец к губам и выразительно глянул сначала на одного перепуганного парня, потом на другого. Голубоглазый кивнул, шумно сглотнув.

— Где тут выход? — осведомился Кай как можно более спокойным тоном.

Кареглазый тип постарше трясущейся рукой указал на противоположный конец зала.

— Спасибо, — как говорил Ментор Рыц, вежливость ничего не стоит, но дорого ценится.

Широким шагом Аджакти пересек помещение. Когда он проходил мимо балахонов, те, как по команде, укрылись за пультами. Кареглазый проводил его диким взглядом, бормоча себе под нос и творя знаки Света один за другим. «Наверное, тоже думает, что оборотень. А вот и дверь». Кай положил ладонь на ручку в форме розового бутона, потянул тяжелую створку на себя и шагнул в темный коридор.

Падение было таким стремительным, что он совершенно потерял ориентацию. Аджакти рухнул на плиту спиной, плашмя. Боль пронзила затылок и позвоночник, но тут же исчезла. Он лежал, распростертый во мраке, не в силах двинуться, понимая, что, скорее всего, сломал спину. До него доносился близкий плеск воды — уже знакомый всхлипывающий звук, повторенный эхом. Окружающая тьма чуть светлела вверху, над головой, и это светлое пятно то и дело пересекала тень: вправо-влево, вправо-влево. Черное крыло все так же разбивало мрак, но, парализованный, Кай не чувствовал больше дуновений воздуха. Не в силах закрыть глаза, отвернуться или мигнуть, он смотрел, как крыло опускалось все ниже и ниже, пока острый, как лезвие, край не отразил лунный свет. В тот момент, когда маятник взрезал его беззащитное горло, Кай успел подумать:

«Какая ирония! Меня убило время».

Глава 10
Пробуждение

Даже во сне Найду не могло привидеться, что он окажется в личных покоях настоятеля, да еще по такому поводу! Однако явление призрака в скриптории было, очевидно, делом незаурядным даже для такого знаменитого чудесами монастыря, как Обитель Милосердия. И вот теперь приходилось очевидцам отдуваться, излагая преподобному Феофану подробности происшедшего. Точнее, излагал пока, в основном, Бруно, рисовальщик и ученик брата Макария, причем не скупясь на колоритные детали:

— Вот стою я, отче, погруженный в богоугодный труд, кольчугу воинскую выписываю, а тут, — Бруно схватился за сердце одной рукой, а другой взъерошил каштановые кудри, — оно как захохочет замогильным голосом! — Парень закрыл глаза, будто был не в силах выдержать наплыва ужасных воспоминаний. — Вся кровь застыла у меня в жилах, но я призвал Свет и, укрепившись в силах, обернулся на звук, дабы узреть… дабы узреть…

Настоятель вздохнул, плеснул в кружку квасу и протянул ее впавшему в ступор послушнику:

— Глотни, сын мой. Постарайся успокоиться и рассказывай по порядку.

Бруно жадно припал к кружке:

— Благодарствую, отче.

Утерев губы рукавом, он с новыми силами принялся за повествование:

— Значится, вижу я, как оно, из сплошной стены вышедши, поворачивается и прет прямо на нас, грешных. Пола не касается, а как бы плывет по воздуху, и стеллажи книжные через него просвечиваются.

Тут Найд уже не выдержал и довольно нетактично хмыкнул. Бруно тут же крутанулся на месте и уставился на него, недобро прищурившись:

— А ты чего блеешь? Тебе вообще сера глаза разъела.

— Может, и разъела, — огрызнулся Найд, которому уже порядком надоели подначки рисовальщика, считавшего изготовление красок занятием чуть более благородным, чем травля грызунов в библиотеке, — но они хотя бы открыты были, пока ты со страху жмурился.

— Это кто жмурился? — взвился Бруно, бархатный голос

сорвался на дискант. — Да я его, вот как тебя сейчас, перед собой видел! Глазищи — во! Черные, и огонь неземной в них пылает. Волосья — белые, как снег, так и висят до полу! На лапах когти — во! Острые, как ножи. И эти, как его…

— Зубы, — подсказал, усмехнувшись, Найд, но рисовальщик не уловил иронии.

— Да, и зубы, нет… Клычищи! Как у матерого волка. А голосом молвит человечьим: где, говорит, тут дверь в преисподнюю? Укажи, говорит, пся кревь, а то вырву тебе твое смертное сердце.

— Ага, и на обед его скушаю, — снова не выдержал Анафаэль.

Бруно послал ему убийственный взгляд, тонкие ноздри рисовальщика раздувались:

— Попридержи язык, говорю, ты, ляпис лазурный! Если бы я это исчадие тьмы из скриптория не выпроводил…

— То оно бы нас, несомненно, слопало! — Найд скрестил руки на груди. — Не расскажешь ли поподробнее, каким же образом ты избавил обитель от напасти? А то единственное, что я припоминаю, — как ты геройски за конторкой прятался.

Рисовальщик задохнулся от наглости подмастерья, обычно молча растиравшего для него краски. Он уже раскрыл рот, чтобы окончательно поставить нахала на место, но его пыл охладил ледяной голос настоятеля:

— Довольно! — Слезящиеся старческие глаза преподобного остановились на Анафаэле: — Я вижу, сын мой, тебе не терпится изложить собственную версию событий. Прошу!

«Ну вот, назвался груздем…» Найд вздохнул и, стараясь не обращать внимания на пускавшего дым из ноздрей Бруно, собрался с мыслями:

— По-моему, призрак — это не призрак. То есть я, конечно, никогда раньше привидений не видел, но… Ну не был этот тип прозрачным. И по воздуху не парил. Шел он как мы с вами ходим, причем босиком.

— Почему босиком? — удивленно приподнял кустистые седые брови настоятель.

— А мне почем знать? — пожал плечами Найд. — Только следы на полу оставались мокрые от босых ног. Я, если честно, никогда не слышал, чтобы привидения следы оставляли.

— И я не слышал, — задумчиво пробормотал Феофан. — А что еще ты приметил?

— Не много, — покачал головой послушник. — Этот… босой в плащ закутан был с головы до пят. Я и лица-то его почти не разглядел. Только вот, — Найд кивнул в сторону Бруно, от

досады кусавшего губы, — он прав, глаза у незваного гостя и правда странные.

— Я же говорю, — не выдержал-таки рисовальщик и взмахнул руками, — глазищи — во! И черные, будто сама тьма на меня из них глянула, души моей алча.

Настоятель прервал фонтан Бруно, выставив перед собой ладонь:

— Благодарю! Я выслушал вас обоих. Один убежден в том, что видел привидение, а другой… — Феофан окинул Анафаэля задумчивым взглядом. — Если это все-таки не призрак, что же тогда? Как ты думаешь?

Найд чуть помедлил с ответом — он ступал на зыбкую почву:

— Думаю, это была магия, отче.

— Магия?! — выдохнули одновременно послушник и настоятель.

Анафаэль молча кивнул. Феофан мгновение разглядывал его так, будто новиций был заговорившей чернильницей, а потом решительно хлопнул ладонью о стол:

— Невозможно! Открыть портал прямо в монастыре… На такое имеет полномочия только СОВВБЕЗ, но зачем бы им?.. Или это иллюзия? Но следы… Ты уверен, что действительно видел их? — испытующе уставился на парня настоятель.

Тот снова кивнул. Признаться, мысль о СОВВБЕЗе посещала и Найда. Да что там говорить, поначалу он решил, что вышедший из стены незнакомец был сослуживцем Летиции и явился по его душу. Но, к величайшему удивлению новиция, загадочный весельчак просто дал стрекача.

— Это все из-за него! — Внезапно Бруно снова подал голос и ткнул перепачканным киноварью пальцем в сторону Найда. — Пока он в скриптории… в обители вообще, не появился, никакой нечисти у нас не водилось! Экзорциста бы вызвать, отче, да изгнать из строптивца дух богопротивный.

— А вот это уж мне решать, — резко оборвал послушника настоятель, хлопнув его по руке деревянной линейкой, — кого мне вызывать: экзорциста, СОВВБЕЗ или абсалонского епископа! Двадцать «Да святится» и мытье пола в скриптории, надеюсь, помогут тебе это запомнить.

Бруно заткнулся, тиская ноющие покрасневшие пальцы. Найд не удержался и послал в его сторону злорадный взгляд, но преподобный Феофан умел испортить удовольствие своим подопечным:

— Анафаэль! Двадцать «Аве люцис» и мытье того же пола.

— А мне-то за что? — не выдержал такой несправедливости Найд.

— Десять «Символ веры» и горох!

Настала очередь Бруно торжествующе ухмыляться. Найд гордо вздернул подбородок, а сам старался припомнить, сколько же строчек было в «символе» — сорок или пятьдесят? Определенно, это была самая длинная из выученных им пока молитв. «Значит, стоять мне коленями на сухом горохе в общей спальне, пока Бруно будет пялиться из-под одеяла. Уж он-то глаз не сомкнет, пока не удостоверится, что я все оттарабанил, не пропустил ни словечка». Найд начал серьезно подумывать о том, чтобы покинуть обитель до наступления ночи.

Выпроводив восвояси обоих новициев, преподобный Феофан взял навостренное перо, обмакнул в чернильницу и на мгновение задумался, склонившись над чистым листом пергамента. Наконец приняв решение, он размашистым почерком начертал несколько строк, посыпал их песком и запечатал свиток крупным перстнем с аметистом.

Выйдя из-за стола, настоятель приоткрыл дверь кельи. Брат Макарий, вызванный вместе с послушниками, терпеливо ожидал, переминаясь с ноги на ногу, в коридоре. Монах выглядел растерянным, борода вопросительно топорщилась, легкие кудри стояли вокруг головы, как рыжая аура. Преподобный пригласил его внутрь и начал издалека:

— Скажи мне, брат, этот Анафаэль справляется с послушанием?

— Ась? — Макарий вздрогнул, будто вырванный из собственных мыслей. Очевидно, вопрос оказался для него неожиданностью. — Да, отче, нареканий у меня нет. У мальчика чудесное чувство цвета, прекрасная память и верный глаз. При должном обучении — а такое получают в обители — Анафаэль может стать искусным мастером по краскам.

Настоятель кивнул:

— Это радует. А что между ним и Бруно, какая кошка пробежала?

Монах почесал бороду:

— Да так, пустое это. Мальчишество. Доказать друг другу пытаются, кто из них в своем деле искусней.

— Гордыня, — покачал головой Феофан. — Тебе лучше за своими ягнятами присматривать надобно, брат. А то в книгах святых рисуют, а написанного в них не видят. Но довольно об этом, — оборвал сам себя настоятель, отводя взгляд от заалевших под бородой щек Макария. — Пошли голубя в Тис. Я написал письмо преподобному Агапиту, — настоятель поднял со стола свиток с едва засохшей печатью. — Надеюсь, он не откажется

прислать в обитель своего экзорциста.

— Экзорциста?! — всплеснул руками монах. — Из-за выдуманной двумя детьми истории с привидением?!

Настоятель устало потер глаза:

— Вот пусть детки и повзрослеют — научатся держать ответ за свои поступки. К тому же для выдумки в этой истории слишком много любопытных подробностей. Мне не нравится, когда в обители происходят вещи, которых я не могу объяснить. Пошли голубя, брат. — Хрупкая старческая рука протянула Макарию свиток.

Горечь обожгла губы и язык Аниры, ворвалась в сжавшееся горло. Принцесса закашлялась, судорожно втянула влажный воздух подземелья и открыла глаза. Статуя Иш-таб высилась прямо перед ней, лицо богини по-прежнему скрывала непроницаемая вуаль. Белые маски жрецов взирали сверху на распростертое тело девушки. «Должно быть, я потеряла сознание, — мелькнула мысль. — Чем было все, что я видела? Прозрением? Сном? Бредом, какой навевает сок гевена?»

— Встань, о Узревшая, — прозвучал голос Ашрота.

Стараясь не обращать внимания на головокружение, Анира величественно поднялась на ноги и выпрямилась перед укутанной в черное четверкой — равная среди равных.

— Ты получила ответ? — Зострианa продолжила ритуал.

— Да, мать моя. Второе имя огня открылось мне, — принцесса сделала глубокий вдох, стараясь подавить нервную дрожь в голосе. — Та, о ком все забыли.

Она ожидала вопросов. Ожидала недоумения в прячущихся за прорезями масок глазах, неуверенного шепота. Жрецы стояли молча, не шевелясь, будто тоже окаменели, как госпожа, которой они служили.

— Как поживает твоя сестра? — неожиданно разбил молчание женский голос. Двойник Зострианы.

— Сеншук? — Анира не смогла скрыть удивления. — Прекрасно, насколько мне известно. Она не создаст нам проблем. Девчонка все еще играет в куклы и воображает себя принцессой эльфов.

— Если не залить пламя вовремя, не хватит всей воды Церрукана, чтобы его потушить, — произнесла безликая фигура. — Ты готова сгореть в этом огне?

Анира уверенно кивнула:

— Я готова на все, чтобы возвести Величайшую на престол.

Белые маски переглянулись.

— Быть тому, — глухо произнес Ашрот. — Мы продлим

жизнь амира насколько возможно, чтобы у тебя было время подготовиться. Церемония погребальных игр и провозглашение нового властелина пройдет в новой зимней арене — она уже почти достроена. Туда соберется вся городская знать. В боях будут участвовать как минимум несколько сотен гладиаторов. Если мы нанесем удар в этот день, — жрец взмахнул рукой, зажимая воздух в кулак, — то лишим змею головы.

— Я буду готова, — улыбнулась Анира, представив себе мертвое лицо брата.

Кай зябко поджал колени к груди, вздрогнул и проснулся, разбуженный движением. Тигле все еще загадочно мерцала перед ним. Фламма восседал на ковре, скрестив ноги, и, казалось, дремал. Ученик сел, потирая затекший бок, глянул на обложенное тучами небо. «Нет, не определить, как долго я дрых. Впрочем, достаточно долго, чтобы усыпить наставника».

— Ты помнишь, что тебе снилось?

Фламма заговорил так внезапно, что Аджакти подпрыгнул на месте. Тяжелые веки приоткрылись, и на гладиатора глянули смеющиеся темные зрачки.

— Простите, сетха, я думал… — Кай спохватился и скомкал фразу: — Да, я запомнил сон. Вернее, сны.

— Хочешь мне рассказать?

Аджакти подобрал под себя ноги, окончательно стряхивая остатки дремоты.

— Я видел места, где никогда не бывал, встречал людей, которых не знаю, и тех, с кем знаком. И не только людей, — он замялся, припоминая: — Кажется, там была богиня.

— Богиня? — Узкие глаза учителя распахнулись. — Она говорила с тобой?

— Нет, не со мной, — нахмурился Кай, — но я все слышал. Она сказала…

Воспоминание ударило под дых, как конец бамбукового шеста, выбивая воздух из груди. «Нет! Это неправда! Это просто мое больное воображение, и ничего больше». Фаворит терпеливо ждал ответа.

— Эти самые сны ясности, — пробормотал Кай, разглядывая ковер между своих коленей, — они вещие?

— Ты хочешь сказать, что увидел возможное будущее? — Судя по голосу, Фламма улыбался, как кот при виде миски со сметаной.

— Нет, я хочу сказать, что увидел прошлое, — буркнул ученик и вскинул быстрый взгляд на фаворита. — Чужое прошлое.

— Есть желание поделиться со мной?

Каю показалось, что цепкие зрачки учителя вот-вот прочитают правду в движениях его лицевых мускулов. Он постарался расслабиться и прикрыл глаза:

— Нет.

— Если бы увиденное тобой было истиной, — спокойно продолжил Фламма, — что бы это изменило?

Ученик задумался. Варианты развития событий проносились перед его внутренним взором, как витки цветного серпантина. Преобладающая краска некоторых из них была алой.

— Ничего, если правда останется известной только мне, — вздохнул он наконец. — Все, если она выйдет наружу.

— Что же ты будешь делать? — гнул свое Фламма.

Кай собрался с духом и взглянул прямо в круглое благодушное лицо:

— Ждать. Если мой сон был ве… сном ясности, то я очень скоро это узнаю.

На минуту между ними повисло молчание. Испытанное во время путешествия в башне навалилось на Кая весом нового знания, которое он пытался встроить в известную ему картину мира хотя бы гипотетически, — но слишком много было кусочков, которые никуда не подходили.

— Можно спросить вас, сетха? — наконец решился он. Фламма кивнул. — Та, о ком все забыли. Это что-нибудь вам говорит?

Учитель развел руками:

— Боюсь, что нет. Это о ней говорила богиня?

Аджакти едва сдержал возглас «А как вы догадались?!» и ограничился сдержанным поклоном: Фламма не дурак, мог сложить два и два.

— Значит, ты сам знаешь ответ, я уверен. Просто сейчас ты — чаша с грязной водой. Подожди, муть осядет на дно, и тогда ты увидишь…

— Тогда может быть слишком поздно! — Аджакти нетерпеливо заерзал на ковре. — Эта женщина каким-то образом связана с вами, она — ваш двойник и антагонист, она тоже носит маску Огня.

Фламма вздрогнул, по его всегда гладкому лицу прошла тень. Казалось, застарелая и уже забытая боль внезапно проснулась и с удвоенной силой вонзила клыки в стареющую плоть воина. Кай испугался:

— Что с вами, сетха?

— Обо всем этом, — голос учителя был бесцветным, как шелест голых ветвей над крышей беседки, — рассказала тебе

богиня?

— Нет, она только ответила на вопрос, — если б мог, Кай взял бы свои слова обратно. В конце концов… — Это всего лишь дурацкий сон, сетха!

— О нет, мальчик, — губы Фламмы, в которых не осталось краски, растянулись в подобие былой лягушачьей ухмылки. — Сон дал тебе ключи к дверям, которые я уже долго надеялся открыть и одновременно боялся этого. Мне все казалось, что еще не время.

Сердца Аджакти будто коснулась холодная рука. Он встретился глазами с учителем, во взгляд которого медленно возвращалась жизнь.

— Там были двери. И маятник, — почти беззвучно, против собственной воли прошептал ученик. — Маятник, который перерезал мне горло.

Фламма подобрал с пола хрустальный шарик и протянул его Аджакти:

— Это тебе. Ты должен практиковать сны ясности каждый раз, когда отходишь на покой. Тигле поможет тебе.

Гладиатор с сожалением покачал головой:

— Благодарю, но… В казарменной каморке мне самому едва места на койке хватает, да и живу я не один.

— Ничего, — фаворит вложил шарик в ладонь ученика. — Необязательно смотреть на Тигле, когда засыпаешь. Достаточно, скажем, сжимать ее в руке и представлять себе лепестки. Когда ты привыкнешь погружаться в сон правильным образом, шарик станет тебе не нужен. Тигле всегда будет внутри тебя.

Кай склонил голову в поклоне, но внутри нарастала упрямая тяжелая волна: «Как все эти чудесные сны помогут мне приблизиться к дхьяне? И, даже имея ключи, как я узнаю, какие двери они отпирают?»

— Когда ты проснешься, попробуй говорить себе: что бы ни произошло — это сон, это только сон, — продолжал наставлять его Фламма.

Аджакти не удержался и фыркнул:

— Даже когда Альдона мне учебным мечом по башке засветит?

— Даже тогда, — ответствовал учитель, ничуть не смутившись.

— В чем же тогда разница между сном и реальностью? — недоверчиво воззрился на него Кай, стараясь обнаружить подвох.

— В том-то и дело, мой мальчик, — фаворит поднялся на ноги, поглядывая в сторону заложенных кухонных окон. — Для бодрствующего спящего — никакой.

Глава 11
Капкан

Весть о призраке в скриптории и возможной одержимости нового послушника облетела обитель со скоростью раздутого ветром пожара. Найд подозревал, что в данном случае роль ветра сыграл язык Бруно, поистине не имевший костей. На утренней молитве новиций то и дело ловил на себе любопытные и испуганные взгляды, хотя он старательно шевелил губами, отбивал поклоны и в нужных местах осенял себя знаком Света.

В прошедшую ночь Анафаэль почти не сомкнул глаз. Лег поздно из-за настоятелева наказания, и, хотя лежал смирно, по уставу, сложив руки поверх грубошерстного покрова, в голове ворочались смутные мысли, перед рассветом сменившиеся столь же смутными снами. Он был голубем, выпущенным из клетки и спешащим домой — над стелющимся дымом, над сгоревшими остовами хат, над черными руками мертвых, хватающимися за воздух, — углями, торчащими из углей. Он парил над клетчатой доской с диковинными фигурами, где черные всадники осаждали белую башню, как воронье, слетевшееся на труп. Одна из страшных птиц заметила его и преследовала, пока он не юркнул под стреху — в предутреннюю мглу общего покоя в послухе.

Сны оставили тяжесть на сердце. Найд не мог разгадать их значение, чуял только — они не к добру. Желание покинуть обитель крепло в нем, хотя разум приводил довод за доводом, убеждая подождать до весны. Зима была на носу, а единственный безопасный путь в Гор-над-Чета лежал вдали от наезженных трактов и деревень, через глухие леса и предгорья Кеви-Кан.

Погруженный в свои мысли, послушник и не заметил, как служба кончилась. Только когда монахи стали проталкиваться мимо него к выходу из капеллы, Анафаэль опомнился и поспешил следом. Кто-то робко дернул за его подрясник сзади. Обернувшись, он встретился взглядом с сияющими глазами Ноа. Несмотря на мрачное настроение, Найд невольно расплылся в улыбке. После того как брат Макарий определил его в скрипторий и красочную мастерскую, виделись они с парнишкой только мельком, на общих молитвах да в трапезной, и поговорить толком возможности не было.

Ноа улыбнулся в ответ, заговорщически приложил палец к губам и потащил приятеля за рукав в темный притвор. Найд последовал за ним, оглядываясь по сторонам. Ему уже хватило вчерашнего стояния на горохе; теперь только недоставало, чтобы

кто-нибудь стукнул брату-эконому, что новичок отлынивает от работы. К счастью, все, похоже, уже покинули капеллу, за исключением пары послушников, собиравших нагар со свеч.

Ноа втянул Анафаэля за массивную колонну и восторженно зашептал, захлебываясь словами и поблескивая белками в полумраке:

— Что я тебе покажу! В жизни не догадаешься. Пойдем, тут боковая дверка есть.

Найд охладил его пыл:

— Мне на послух надо. Брат Евмений, мастер по краскам, следит за новициями, как коршун. Опоздаю — заставит вместо завтрака охры растирать. Кстати, а что у тебя с руками?

Ноа спрятал за спину кисти, замотанные грязноватыми повязками:

— Так, пустяки, — заглянул умоляюще в глаза, заканючил: — Будь добр, пойдем. Я никому больше не могу, милый братик, только тебе.

«Милый братик» заткнул все возражения обратно в Найдову глотку. Вздохнув, он мысленно попрощался с гречневой кашей и послушно поплелся вслед за монашком. Взбрыкивая, как нетерпеливый жеребенок, Ноа потащил друга к хозяйственным постройкам, старательно избегая попадаться на глаза спешащим к послухам братьям. Как Анафаэль ни гнал от себя нелепое подозрение, что простоватый послушник затеял нечто недозволенное, странное поведение наводило на мысли.

«Во что я ввязался?!» — тоскливо подумал Найд, когда они остановились перед заброшенным хлевом. Прошлой зимой от сильных снегопадов крыша строения обрушилась, а брат казначей все не мог решить, что будет дешевле — перестелить ее или снести ветхое хозяйство под корень и построить новое здание.

Выворачивая цыплячью шею, Ноа тщательно огляделся и втянул товарища внутрь. В хлеву было темно и пахло нежилым. Крыша обвалилась в дальнем от входа конце, и там холодный пасмурный свет отражался в луже тухлой воды, разлившейся в проходе между разрушенными стойлами. Глаза Найда едва привыкли к полумраку, а монашек уже дергал его к забитым сгнившей соломой яслям.

Запнувшись о трухлявую стойку, Анафаэль совсем не благочестиво помянул Темных. Ноа сграбастал его за шкирку неожиданно твердой рукой и зашипел в ухо:

— Ш-ш! Ты его напугаешь. Гляди!

Сначала Найд не мог рассмотреть ничего, кроме охапки свежего сена у стены и глиняной плошки, в которой бледно мерцала вода. Но тут ему показалось, что сухая трава

топорщилась чуть выше в самом углу, и в просвете между травинками виднелось что-то темное и мохнатое. Он перевел вопросительный взгляд на Ноа. Глаза парнишки вспыхнули гордостью и торжеством. Он осторожно опустился на корточки и позвал тихим, успокаивающим тоном:

— Рыжик! Рыж-рыж-рыж…

Перевязанная рука нырнула в складки подрясника и вытянулась к сенной куче с куском вяленой рыбы на ладони. Найд хотел было шагнуть вперед, чтобы лучше видеть, но предостерегающий жест Ноа заставил его застыть на месте. Сухая трава зашуршала, из нее показались острые уши, черный подвижный нос, тревожно поблескивающие бусинки глаз. Найд затаил дыхание. Полугодовалый лисенок выбрался из убежища и, влекомый запахом пищи, заковылял к протянутой руке, припадая на замотанную в лубок лапу и поджимая между ног хвост.

Обнюхав ладонь, зверек одним юрким движением ухватил подачку, отпрыгнул в угол и там довольно заурчал, похрустывая косточками. Ноа с трудом оторвался от созерцания питомца и поднял к товарищу сияющее лицо. Анафаэль только головой покачал:

— Откуда он у тебя?

Незнакомый голос заставил лисенка замереть с рыбиной во рту. Глаза блеснули, поймав свет, и выжидающе остановились на чужаке. Ноа успокаивающе зацокал и прошептал:

— В капкан Рыжик попал. А я его вытащил. У него лапа перебита, но я перевязал, в лечнице научился, как правильно. Он ведь поправится, верно?

Влажные глаза с надеждой взглянули на Найда. Тот неуютно поежился — теперь на него смотрели двое, человек и лис, их радужки почти одинаково фосфоресцировали в полумраке. Анафаэль бесшумно опустился на корточки рядом с Ноа. Ему не хотелось быть жестоким, но и врать он не мог:

— Нет, братик, не поправится. Если лапа и срастется, наверняка лис останется хромым и на воле не выживет. А вот если тебя тут кто из братьев застукает…

Он не был уверен, понимает ли Ноа последствия своего поступка. Объясняться обиняками, чтобы пощадить его чувства, было бесполезно — скорее всего, парнишка просто ничего не поймет, только будет хлопать доверчиво глазами да улыбаться. Но и радостный свет в его простодушном взгляде гасить не хотелось.

— Не застукают, — тем временем горячо заверил Анафаэля хозяин лисы. — Рыжик тут уже четвертый день сидит, и ничего. А если он охромеет, так я его себе оставлю, кормить буду. Видишь,

как я его уже приручил? Ведь брат Иероним разрешит, когда узнает, какой Рыжик хороший, правда?

Найд вздохнул и тяжело опустился на вонючую солому. Лисенок всполошился и зарылся в сено, не выпуская рыбий скелет изо рта. В сыром воздухе резко пахнуло зверем и страхом.

— Если садовый мастер узнает о звереныше, — тихо и внятно объяснил Анафаэль, — он работников кликнет лиса прибить и из шкуры его рукавицы сделает. А тебя накажут. Хорошо еще, если просто постом. А то розог дадут или в затвор засадят.

Губы у Ноа задрожали, ноги подогнулись, и он тяжело осел на пол:

— Как — рукавицы? Он же безобидный, маленький еще.

— А не этот ли безобидный тебе руки-то изгрыз? — кивнул Найд на белеющие в полумгле повязки. — И кур монастырских давил?

— Это Рыжик со страху, — встал Ноа на защиту питомца. — В капкане-то натерпелся.

Вопрос кур монашек проигнорировал. В сене зашуршало — осмелев, звереныш снова принялся за рыбу.

— Жратву-то где для него берешь? — спросил Найд, припоминая, что предусматривал устав обители за воровство с кухни и кладовых.

— А я с ним делюсь, — заметив недоверчивый взгляд товарища, Ноа застенчиво добавил: — Я рыбу все равно не люблю.

Найд окинул глазами тощую фигуру монашка, на котором одежда висела мешком. Умеренность в еде была в числе монастырских добродетелей, ибо считалось, что Свету будет легче заполнить не отягощенное грешной плотью тело. Потому пайки послушников едва хватало, чтобы поддержать в этих самых телах жизнь. Сам Найд жадно лопал все, что ставилось перед ним на стол, и сейчас, когда до завтрака оставалось еще четыре долгих часа, с радостью поменялся бы местами с раненым лисенком.

— Ты ведь не расскажешь никому? — тревожно прошептал Ноа, ложно истолковав молчание товарища. — Это ведь теперь наша тайна, верно?

Анафаэль медленно кивнул. Честно говоря, самым правильным было бы избавиться от мохнатого нелегала, и как можно скорее. Но предложить такое парнишке, который, недоедая, кормил искалеченного зверька, язык не поворачивался.

— Слышь, мне идти надо, — наконец решился он, — а то в скриптории хватятся. Да и тебя брат Иероним уже небось заждался.

Словно в ответ на его слова, по остаткам крыши над головами заговорщиков прокатилось что-то тяжелое, из дыры внутрь посыпалась труха и опавшие листья. Найд мгновенно подхватился, подскочил к двери и высунул голову в щель. Вокруг не было никого, только разросшиеся кусты черноплодки качали полуголыми ветками, но виной тому мог быть ветер. Он задрал голову. Ветвь старого тополя у стены отломилась и склонялась к хлеву, будто шатер. Свежий слом сахарно блестел, но Найд не мог припомнить, лежала ли ветвь на крыше, когда они с Ноа пришли сюда, или нет.

— Что там? — Ноа испуганно потеребил Анафаэля за плечо.

— Ничего, — успокоил он парнишку. — Просто ветка скребется. От ветра. Я теперь пойду.

— И я пойду, — согласился Ноа. — Только вот Рыжика успокою. Забоялся он от шума.

— Сливовую камедь берете, — донесся до Найда надтреснутый дискант брата Евмения, когда парень бочком проскользнул в красочную, — да в водице ключевой распускаете. А вот пальцы грязные макать туда необязательно, Рольф! — Означенный послушник охнул, когда деревянная ложка на длинной ручке огрела его по руке. — И помешиваем все время, помешиваем, — как ни в чем не бывало, продолжал свои наставления мастер.

Дверь за спиной Найда скрипнула, закрываясь, и все четверо послушников подняли глаза от растворов.

— Простите меня, добрый брат, — пробормотал опоздавший.

Евмений, высушенный и пожелтевший от постоянного общения с ядовитыми веществами монах, даже не обернулся.

— Свет простит. Будешь у меня вместо завтрака камедь процеживать. А теперь бери-ка ложку.

Найд вздохнул и занял свое место у чана, в котором медленно распускался коричневый сгусток.

Анафаэль с тоской потыкал деревяшкой бурую жижу. Все ушли в трапезную, оставив его наедине с ковшиком и обвязанной тряпицей посудиной, в которую надлежало переливать терпко пахнущий раствор. Это творческое занятие не могло отвлечь послушника от рези в пустом животе и беспокойства за Ноа. К тому же рука, державшая на весу тяжелый ковш, отмеряя равномерную струйку, быстро начала дрожать — от локтя поднималась по плечу ноющая боль. Найд призадумался: неужели нельзя как-то ускорить дело?

Кажется, брат Евмений говорил что-то о нагревании. Правда,

этот способ производства камеди мастер считал более сложным, а потому новиции обучались сначала холодному процессу. Чего тут было сложного, Найд не понимал. Перегонный аппарат он опознал сразу — отбывая трудовую повинность в Горлице, он ознакомился с технологией превращения яблочного сидра в кальвадос. Недолго думая, Найд водрузил чан с раствором над горелкой, а замотанный тряпкой горшок для конечного продукта приткнул под выходной трубкой. Запалив фитиль и открутив пламя на полную мощность, он с удовлетворением оглядел дело рук своих. Теперь оставалось только ждать, пока вся жидкость протечет через фильтр.

Довольно насвистывая, Найд прогулялся по мастерской и заглянул в полуоткрытую дверь, ведущую в скрип-торий. Как он и ожидал, там никого не было. Внезапно его осенила сразу парочка великолепных идей. Подобрав полы подрясника, он просочился в щель и бесшумно скользнул к пульту Пончика. Пончиком называли за глаза пухлого новиция из рисовальщиков. Поговаривали, что он происходит из благородного рода, отец его хорошо платит монастырю, потому и приставили парня к уважаемому труду. Вот только способности у бедняги оказались средние, к тому же водился за Пончиком один сурово наказуемый грех.

Дело в том, что Вальфар (таково было имя парнишки в Свете) любил покушать. То ли врожденная страсть, то ли привычка к десяти переменам блюд заставляла послушника тянуть со стола лишний кусок и припрятывать в укромных местах, что, конечно, устав категорически запрещал. Несколько раз бедолагу ловили на поедании украденного в неурочное время и строго наказывали, разве что не секли, памятуя папашину щедрость. Ничего не помогало. Недавняя помывка полов обнаружила под конторкой Пончика предательские крошки, однако Найд смолчал. Ему претило доносить на людей, оказавшихся с ним в одной лодке.

Но теперь пузо не на шутку подводило, и парень решил посмотреть, не удастся ли ему чем-нибудь поживиться в Вальфаровых закромах. Довольно быстро в ящичке с рисовально-писчими принадлежностями обнаружились сухая горбушка и завернутая в тряпицу печеная картофелина. Не смущаясь, Найд откусил и от того, и от другого. Он знал, что Пончик не расскажет о пропаже. Настроение поднималось по мере того, как новые порции съестного находили путь в желудок. Он скользнул взглядом по Вальфаровой работе.

Горе-рисовальщик бился над изображением молящихся иноков, очевидно, для монастырской летописи. Получалось у него не очень — образ носил следы многих переделок, пропорции

были нарушены, головы слишком велики, а одежды свисали неестественно резкими складками. Все еще жуя, Найд подхватил кисть и быстро исправил рисунок — благо краски еще не высохли. «Спасибо тебе, Пончик», — пробормотал он через набивший рот хлеб.

Пройдя дальше между рядами конторок, Найд остановился у пульта брата Макария. Книга об Уиллоу и Инвиктусе лежала на прежнем месте, раскрытая на новой странице с пустыми еще медальонами. Встав так, чтобы иметь в поле зрения обе двери — и в красочную, и в коридор, — Найд погрузился в чтение. Новая глава повествовала о поисках Света Надежды. Доблестные рыцари отправлялись на край мира и, совершив множество подвигов, возвращались в Фееринанду или ОЗ, овеянные славой. Все, как и рассказывал брат Макарий, — никто из героев не нашел клинка Инвиктуса. Анафаэлю быстро надоело читать о разрубленных напополам чудовищах и спасенных без счета принцессах, и он зашелестел страницами дальше.

Следующие главы писания были посвящены выкладкам философов церкви, пытавшихся определить сущность надежды и света. Найд старательно скользил пальцами по строкам, но вскоре запутался, ибо все ученые мужи говорили вроде бы об одном и том же и в то же время спорили друг с другом. Единственное, что послушник вынес для себя из этого чтива, — предмет исканий магов и воинов, скорее всего, невидим. «Надежда же, когда видит, не есть надежда: ибо, если кто видит, то чего ему и надеяться?»

Почесав в затылке от этой глубокой мысли, Найд пролистал книгу до конца и наткнулся на кое-что гораздо более интересное. Последний разворот заполняла мелкая, но очень подробная карта, испещренная непонятными на первый взгляд символами и цифрами. Послушнику понадобилось некоторое время, чтобы уяснить, что цифры соответствовали номерам страниц в книге, а значки — гербам различных искателей приключений. Догадка заставила Найда застыть в благоговейном восторге — на конторке перед ним лежала вся история поисков утерянной реликвии, по крупицам собранная и перенесенная на карту каким-то кропотливым монахом. Он видел, где безуспешно побывали славные лорды Галахад, Кей, Ивейн и многие другие после них. Видел и места, где до сих пор не побывал никто. И как ни странно, таких мест было много — за морем.

Пораженный этим открытием, Найд не заметил, как дверь из холла отворилась, и в скрипторий вступил Бруно в сопровождении Пончика и нескольких писцов.

— А что это ты тут делаешь, затирка негодная? — проворно

подскочил к Анафаэлю новиций. — Кто разрешил тебе лапать труд брата Макария?

Найд попятился к красочной, откуда через незакрытую дверь уже доносились голоса вернувшихся из трапезной послушников:

— Да я это… Я только посмотреть. Уж больно образы красивые.

— А-на-фа-эль! — раздался из мастерской визг брата Евмения.

Крутанувшись на пятках, послушник бросился на зов.

Брат Евмений являл картину гораздо более устрашающую, чем Бруно. Уперев руки в боки и трясясь от негодования, он указывал скрюченным пальцем на бурую лужу, затопившую подошвы его войлочных сапог. Одного взгляда было Найду достаточно, чтобы понять, что произошло. Засорившийся фильтр не смог пропустить последнюю порцию раствора, и вонючая жижа побежала сначала на стол, а оттуда на пол. Другой поток, густой, как патока, сочился, бурля, из раскаленного чана. Картину дополняли растерявшиеся послушники, столпившиеся вокруг неаппетитного киселя на полу.

— Простите, добрый брат, я сейчас! — Найд метнулся к горелке, вспрыгнул на стол, чтобы не вляпаться, и закрутил фитиль. Последние пузыри с шипением лопнули, залепив стенки чана коричневой бурдой.

— Это я тебя сейчас!.. — возопил брат Евмений и ринулся к незадачливому ученику. Однако перегретая камедь, достигшая вязкости моментального клея, прочно держала обувку мастера. Потеряв равновесие, инок взмахнул руками и рухнул плашмя в липкую жижу.

— Упс! — пробормотал Найд, подбирая под себя ноги — подальше от вязких брызг.

Вторично за сутки Анафаэль оказался в кабинете настоятеля, и снова — по неприятному поводу.

— Боюсь, юноша, ты скоро станешь известен на всю обитель, — Феофан нервно постучал по столешнице обкусанным кончиком пера. — Вчера — Хохочущий Призрак. Да-да, у него уже появилось имя! Сегодня вот это… — Настоятель издал странный звук, будто закашлял больной кот. Борода его мелко затряслась. — Приклеить к полу брата Евмения! — Снова кашель. — Да так, что ему пришлось впервые за десять лет побрить щеки. Грхм-хм, — Феофан прочистил горло и нахмурился.

Только теперь Найд понял, что преподобный из последних сил пытался подавить смех.

— И как тебе только в голову пришла такая идея! — уже другим, грозным тоном закончил тираду настоятель.

— Я не хотел! Правда, — прижал руки к груди послушник. — Я просто подумал, что если нагреть камедь, как яблочный сидр…

Снова закашлял кот. На этот раз преподобному пришлось резво подняться из-за стола и отвернуться лицом к окну. Найд заметил, как старик тайком утер заслезившиеся глаза. Отдышавшись, отец Феофан вновь явил провинившемуся свой величественный фасад.

— Возможно, брат Евмений не настаивал бы так на публичной порке, если бы твой алхимический опыт по превращению камеди в кальвадос удался.

Анафаэль судорожно сглотнул, пальцы вцепились в полы подрясника: «Ну не складываются у меня отношения со священнослужителями, хоть ты тресни! Или это призрак поганый сглазил?!»

— Однако, — продолжил настоятель после наполненной душевными муками паузы, — прежде чем я вынесу свой вердикт, мне необходимо задать тебе пару вопросов по другому поводу.

Старик вернулся к столу и постучал пальцем с длинным желтым ногтем по свернувшемуся в трубочку свитку:

— Донос, — пояснил он, как будто получать подобные послания было для него делом самым обычным. — Глядишь, у меня на тебя скоро целое дело будет.

Найд недоверчиво покосился на свиток: «Если за камедь выпорют, чем же мне грозит эта филькина грамота?»

Покряхтывая, отец Феофан опустился в кресло, разгладил пергамент и подслеповато прищурился на строчки.

— Знаешься ли ты с послушником по имени Ноа?

Водянистые старческие глаза глянули на Анафаэля из-под седых бровей, и у новиция сердце замерло от недоброго предчувствия.

— Знаюсь, отче, — глухо пробормотал он.

Настоятель вздохнул, пожевал губами:

— А известно ли тебе, что сей послушник, вместо того чтобы трудиться во славу Света, вредителя-куродава, то бишь лиса обыкновенного, из капкана в саду монастырском вытащил, в хлеву сховал и рыбой, из кладовых обители краденной, откармливал?

Найд медленно помотал головой. Мысли его неслись вскачь: «Кто мог узнать о Рыжике? И как? Что они сделали с Ноа? Или еще ничего и это просто проверка?»

— Отвечай! — Настоятель треснул ладонью по столу, и послушник вздрогнул:

— Я ничего не знаю.

— Значит, в мастерскую сегодня ты опоздал не потому, что помогал своему дружку звереныша кормить?

Внутри у Найда все обрушилось, как крыша под весом снега. Холодные глыбы посыпались в самое нутро, ноги и руки тут же заледенели. Он снова услышал грохочущий звук над стойлом, увидел листопад в пустом хлеву. Значит, это была не просто ветка!

— Где Ноа? — спросил он и едва услышал свой голос, так ворочалась в голове начинающаяся во лбу боль.

Старик за столом шевельнул губами, но до Найда через шум в ушах донеслись только обрывки слов:

— …убежал… как бешеный… не нашли…

Найд сорвался с места, не потрудившись затворить тяжелую дверь. Подхваченные сквозняком странички усеяли опавшими листьями каменный пол.

Первым делом Найд помчался к заброшенному хлеву. Он едва замечал монахов, встречавшихся ему на пути. Глаза Анафаэля искали одно — нескладную фигуру Ноа.

Стойло Рыжика встретило его пустотой. Свежая солома была истоптана, плошка валялась в проходе, отброшенная чьей-то ногой. Найд упал на колени. Сено у стены выглядело чуть темнее. Он коснулся пятна дрожащими пальцами, и в ушах заревела вода. Казалось, голова вот-вот взорвется, и поток вырвется из дыры между глаз, вынося все дурное наружу.

«Не сиять… Тебе нельзя сиять…» — пела вода, пока ноги сами несли Найда к реке. Он не был там с тех пор, как Ноа нашел его. Он даже не помнил, как выглядели ее берега. Луг пошел склоном, ивняк, тропинка вдоль берега, кое-где заросшая, кое-где с мостками через ручей или овраг. Берег повысился, навис над черной водой, свесился плакучими ветками. Снизу тянуло холодом. Боль в голове клокотала, горячо стучалась в глаза, но Найд сдерживался — он уже видел следы на размякшей от дождей тропе, свежие следы, с большим расстоянием между шагами. Ноа был здесь, он бежал.

Задыхаясь, Найд взобрался на кручу. Из путаницы сухой травы торчал ствол старой ивы, толстая ветвь которой вытянулась над рекой, разбухшей от осенних дождей. Лодочки последних желтых листков порой ввинчивались в воздух, ныряли в воду, всплывали и быстро скользили по течению. На конце сука сидела, нахохлившись, большая черная птица. Волосы спадали ей на лицо, только кончик острого носа, покрасневший и распухший, был на виду.

Найд осторожно подобрался к иве и глянул вниз. Ледяная вода крутила над омутами. Упадешь — и за пару минут выбьет дух из груди, сведет руки-ноги и утащит на дно, рыб кормить.

— Это не я! Правда, — начал он с главного.

Ноа хлюпнул носом, оторвал руку от сука. У Найда сердце плеснуло рыбкой, но парнишка только сопли утер и снова взялся за опору.

— Я думал, ты не такой, как они, — пробормотал он. Лица не было видно из-за завесы волос, но голос выдавал, что мальчишка плакал — недавно и долго. — Юродивым не зовешь, грязью не кидаешься, над речами неловкими не смеешься. А ты все это делал — только не в глаза, за спиной. Ну что, смешно тебе теперь? Смешно?! — Ноа вскинул распухшие отчаянные глаза, губы жалобно кривились, пальцы дрожали, готовые выпустить ветку, на которой он сидел.

— Я засияю, Ноа! — крикнул Найд, боясь не успеть. — Засияю, но не дам тебе упасть! И пусть потом приходят люди в коронах.

— Нет! — Во взгляде парнишки мелькнул ужас, он сжался в комок, пытаясь отползти на самый кончик ветки, которая начала опасно гнуться. — Не надо… Зачем ты?.. Отпусти меня… Отпусти!

— Я друг тебе, — мягко произнес Найд, взбираясь на морщинистый ствол — осторожно, чтоб не поскользнуться на влажной коре. — Я бы никогда тебя не предал, слышишь? Кто-то другой был там, на крыше, — помнишь шум, когда я собрался уходить?

— Кто? — недоверчиво покачал головой Ноа.

— Не знаю, — Найд встал на развилке, где от древесного торса отходил сук, который оседлал послушник. — Но если узнаю, клянусь, душу из гада вытрясу! Давай, слезай оттуда, а то навернешься еще.

Но Ноа только затряс влажными, липнущими к лицу лохмами:

— Уходи. Так лучше будет.

— Кому лучше? — возмутился Найд и сделал первый шажок от ствола. — Что за бред ты несешь?

Парнишка отвернулся и снова завесился волосами, уставившись в воду. Найд сделал еще один шаг ему навстречу, раскинув руки для равновесия.

— Рыжик, — пробормотал Ноа и снова хлюпнул носом, — это я.

Найд поскользнулся на мокрой древесине и чуть не упал. Новость его не удивила — в изречениях Ноа иногда трудно было

найти смысл.

— Это как так?

Парень тяжело вздохнул, пальцы беспокойно прошлись по бугристой коре:

— Вроде и железо не держит, а бежать не могу, потому что на воле сдохну. Разница между мной и звериком только в том, что мне вилы в живот не воткнут, хотя надо бы.

Найд припомнил темное пятно на соломе — значит, вот каков был Рыжиков конец. Он тихонько присел — от Ноа его отделяли еще несколько шагов, но идти по ветке он не решался — как бы она не обломилась под двойным весом.

— Один сдохнешь, — подтвердил Найд. — Со мной — нет.

Медленно, словно через силу, Ноа повернул голову. Заплаканные глаза расширились:

— Как это — с тобой?

— А так, — уверенно заявил Найд, скользя вперед по суку. — Хочешь, уйдем отсюда — вдвоем? Есть место, где мне… нам дадут приют. Далековато, но мы дойдем, вместе-то! Дождемся весны и по хорошей погоде рванем, а?

— И я не буду твоим друзьям обузой? — спросил монашек, светлея лицом.

— Какая обуза! — Найд уселся верхом на опасно прогнувшийся сук. — У тебя тыквы растут премиальные, брат Макарий расхваливал. В городе, конечно, огородов нет. Зато, говорят, сады есть. Вот устроим тебя садовником, будешь розы разводить.

— И фиалки, — мечтательно улыбнулся Ноа, снова шумно втянув сопли. — Я фиалки очень люблю.

— Ну, значит, заметано! — бодро ухмыльнулся Найд. — Давай-ка руку, я тебе помогу, — он потянулся к послушнику, но тот вдруг отпрянул, улыбка выцвела, глаза погасли и обратились внутрь. Ноа спрятался обратно в свою раковину.

— Ничего не выйдет, — голова мотнулась, траурные космы снова упали на щеки. — За тобой охотятся. Они… не прощают. Уходи! — И монашек замолчал, нахохлившись на самом конце ветви.

«Люди в коронах, — подумал про себя Найд с неожиданной злостью. — Куда ни кинь — всюду люди в коронах!»

— Ноа, — он заерзал по дереву, стараясь продвинуться поближе к товарищу, — послушай! Мы их надуем! Авось к весне меня уже запишут в мертвецы. До города доберемся лесами, а там… Ты знаешь, что есть места, где вовсе нету никаких магов?

Кусочек коры сорвался из-под скрюченных пальцев монашка и нырнул в воду вместе с первыми каплями дождя. Найд решил

продолжать:

— Слыхал о краях за морем? Там волшба вообще под запретом. А для плавающих-путешествующих никакой маг не закон! Я вот и сам подумывал не засиживаться в Гор… — Найд едва не проговорился, но вовремя прикусил язык, — в городе, а двигать дальше, к морю, когда… э-э, все уляжется. Хочешь, вместе наймемся на корабль? Отправимся в Кватермину. Или на острова Феррагосты.

Ноа сунул руку под намокшие волосы и громко высморкался в рукав.

— И никаких людей в коронах? — спросил он совсем по-детски, выглядывая одним глазом из-под прилипшей к лицу челки.

— Вот те Свет! — поклялся Найд, осенив себя соответствующим знаком. — А теперь давай руку, пока мы тут совсем не окоченели.

Парнишка вздохнул, опасливо покосился вниз и потянулся к товарищу. Тонкий конец ветви качнулся, Ноа судорожно схватился за дерево и попробовал бочком двинуться вперед. Раздался треск, глаза паренька округлились, рот открылся для крика. Сук обломился прежде, чем Ноа успел издать хотя бы звук. Найд бросился животом на дерево. Ухватил рукав подрясника. Тканное монахинями-клариссинками сукно выдержало. Ноа болтался между небом и землей, задрав кверху побелевшее лицо.

— Давай вторую руку! — прохрипел Найд, изо всех сил цепляясь за мокрое дерево. — Давай!

С грехом пополам он втянул взбрыкивающего ногами паренька обратно. Толстый остаток ветки держал надежно, и оба без особых приключений оказались на твердой почве. Они упали на землю, измученные усилием, задыхающиеся от пережитой опасности, покрытые плесенью и раскисшей древесной трухой. Нудный ледяной дождик поливал их сверху, и оба выглядели так, будто только что побывали в реке.

— Ну вот, — пробормотал Найд, криво усмехаясь, — говорят, долг платежом красен. Это, значится, был мой платеж, — он вытащил из вихров Ноа тонкую веточку.

Парнишка улыбнулся робко и вдруг обхватил Найда руками, приник к груди:

— Спасибо тебе, милый братик.

Найд так и застыл, легонько похлопывая Ноа по костлявой спине. А дождь все плакал и плакал — за них обоих.

Глава 12
Отменивший ночь

Рабы, тащившие паланкин со Скавром, двигались бодрой рысью. Месяц Шауль превратил Церрукан в огромную сосульку — разница была только в том, что сверкающие острия городских зиккуратов устремлялись к небу, вместо того чтобы свисать в преисподнюю. Впрочем, угрожающе свинцовые тучи с чумными пятнами нарождающихся бурь могли бы заставить усомниться любого — кроме, конечно, коренного церруканца.

— Небось храпит сейджин в тепле-то, — мрачно пробормотал Аркон, у которого зуб на зуб не попадал, — под шкурами да на пуховых подушках. А мы тащись тут через весь город. В такой колотун, считай, голяком. Хорошо еще хоть свой гроб с занавесками переть не заставил!

Аджакти хмыкнул:

— Храпит, говоришь? Это когда его сам наследный принц на бои пригласил? Да с шестью гладиаторами? Скорей планы строит, как бы с Омеркана побольше циркониев стрясти или покровительство выбить. Времена меняются.

— Да уж, маму их в раскоряку! — согласился Аркон и сплюнул, передернувшись всем телом под шерстяным плащом.

Времена меняются. Эту фразу все чаще и чаще повторяли на улицах города, залетала она и во дворцы шахов, и в гладиаторские казармы. Амир лежал при смерти. Его сын готов был взойти на престол — поговаривали, даже слишком готов. Каков-то будет новый правитель? Человек, который не смог дождаться погребальных празднеств и устроил бои, пока отец борется за каждый вздох на смертном ложе.

Маленькая процессия свернула на набережную Зеленого канала. Отблески факелов замерцали в зеркале замерзшей воды. По черному льду скользили отражения паланкина, покачивающегося на плечах четверки рабов, гладиаторов, бегущих в колонне по двое, воинов-охранников, освещающих путь. Несмотря на движение, холод пробирал до костей — надетые на голое тело доспехи были от него плохой защитой.

Аджакти старался не сопротивляться дрожи. Вместо этого он расслабил мускулы и попробовал согреть их идущей из центра энергией, как учил Фламма. У него получилось, но, чтобы сохранить эффект, требовалось полное внимание, а Кай все еще был новичком в искусстве дхьяны. Он практиковался с Тигле по ночам, но каждый раз, закрыв глаза, отправлялся блуждать по

бесконечным лестницам Башни с Маятником. Одна загадочная дверь сменялась другой, но все они были заперты, и каждый раз перед пробуждением приходило острое понимание — он опять не нашел то, что искал.

«Может, я уже достиг совершенства, и граница между сном и реальностью стерлась? — думал он, усмехаясь про себя, пока ноги машинально выбивали маршевый ритм по покрытой инеем мостовой. — Я ведь и на самом деле заперт — в Танцующей школе, в самом этом вшивом городишке — как в башне. И чтобы выбраться, надо разрушить стены. Как можно скорее, пока маятник не перерезал горло нам всем».

Ледяная волна окатила Аджакти с головы до ног. «Ну вот, опять я отвлекся на бесполезные мысли!» Он попытался вернуть присутствие и тепло, но тут же понял: что-то было не так. На губах Аркона намерзли серебристые льдинки; пар, вырывавшийся из разгоряченных глоток, робко жался к телам бегущих, пламя факелов скорчилось, будто пожирая само себя. Ведомый инстинктом, Кай сплюнул. Плевок стеклянно хрустнул под ногой. Гладиатор обернулся.

Улицу позади них залило текучее серебро. Синие двери и ставни домов выбелили морозные узоры, брусчатка поросла мехом снежных кристаллов, вечнозеленые деревья, обрамлявшие дорогу, превратились в хрустальные статуи. В канале с треском, подобным таранному удару, лопнул лед. Струи черной воды взметнулись в воздух и тут же застыли, подобно зиккуратам чудовищной красоты.

Все обернулись на звук. Рабы сбились с ритма, и паланкин накренился, рискуя вывалить содержимое на мостовую.

— Бегом! — заорал Аджакти во всю силу легких. — Не останавливаться! Это ледяной великан.

Медленно, будто кровь в жилах уже загустела, люди разворачивались, мышцы толкали тела вперед, легкие судорожно втягивали смерзшийся воздух. Молодой высокий раб из церруканцев бросил поручень носилок и рванул вверх по улице, разрывая криком колкую тишину. Кай успел подхватить толстый шест, прежде чем его конец ударил землю:

— Спасайте господина!

Сразу несколько глоток подхватили призыв, несколько пар рук вцепились в поручни паланкина, помогая обезумевшим от ужаса рабам. Носилки рывком скакнули вперед и помчались, всего на пару метров обгоняя ползучую белую смерть. Кажется, Скавр за атласными занавесками сыпал проклятиями. Аджакти плохо слышал — кровь грохотала в ушах, во рту стоял металлический вкус, а в голове металась одна мысль: «Только бы

никто не споткнулся! Немилосердные боги, только бы никто не споткнулся!»

Сзади раздался короткий вопль. Оглядываться было некогда, но перед мысленным взором Кая мелькнула картина — скрюченный труп с лопнувшими глазами и черной дырой рта на заиндевевшем лице, настолько хрупкий, что при малейшем прикосновении бьется на осколки. Такими находили по утрам жертв ледяных великанов.

Страшное морозное дыхание леденило спину, пот мгновенно застывал ломкой корочкой. Люди рядом начали сдавать, паланкин снизил темп.

— Еще! — прохрипел Кай обожженной холодом глоткой. — Еще немного! — Мысленно наметил поворот в боковую улочку, укрытую мглой: — Туда! Туда великан не полезет.

У людей появилась цель, и эта цель была достижима. Удвоив усилия, рыча и выворачивая плечи из суставов, рабы, гладиаторы и воины вволокли носилки за угол и, пробежав еще десяток метров, рухнули обессиленные на мостовую. Расширенными глазами они наблюдали, как великан всунул в проулок снежные пальцы, как белые дорожки побежали по стенам домов, по трескавшимся булыжникам — ближе, ближе… Кто-то не выдержал и закричал — тонко, отчаянно, по-бабьи.

«Это сон, — мысленно сказал себе Кай. — Мой сон. А значит, никто не умрет. Никто не умрет. Никто не…» Серебристая волна докатилась до носков его сапог, дохнула игольчато-звездно и стала. Спутники, еще не веря своим глазам, отползали от блестящей змеи, но она уже издохла.

— Где Орлан? — Суровый голос Скавра громом прозвучал в звенящей после крика тишине.

Гладиаторы переглянулись. Белокурого красавца-феррагоса среди них не было.

— Отстал, наверное, — предположил Стрелец, поднимаясь с земли и смущенно отводя глаза. Стыдно вот так потерять боевого товарища, а еще стыднее — валяться в грязи, как женщина, стеная от ужаса.

— Дерьмо Ягуара, — рявкнул мясник, потирая лоб, на котором набухала солидная шишка. — Орлана Солнцеподобный лично заказал. Ну какому умнику пришла в голову мысль переть эту хрень всю дорогу! — Обитый металлом сапог пнул злосчастный паланкин так, что из него посыпались яркие подушки. — Будто бы я сам не мог пробежать пару метров. Лучше прибыть во дворец без этой выдумки женомужчин, чем без феррагоса! Ну по чьей вине мы потеряли парня? — Цепкие глаза мясника обежали маленький отряд.

— Сейджин, опустить носилки на землю времени не было, — заговорил Аджакти, ловя на себе облегченные взгляды товарищей. — Пока бы вы из одеял да занавесок выпутывались, нас бы и накрыло. А Орлану, может, еще повезло, что его великан забрал. Внимание Солнцеподобного, говорят, чревато.

Несколько мгновений Кай выдерживал стальной взгляд Скавра. Наконец хозяин прищурился, ухмыльнулся зло:

— Хвала Иш-чель, задница феррагоса так и осталась непорочной! Выпьем за это по окончании игр. А теперь подберите сопли — и вперед! На прием к венценосным не опаздывают.

— Сейджин, — несмело обратился к Скавру старший из охранников, — один из рабов сбежал. Кто займет его место?

— Вот ты и займешь, — бросил мясник, пинками забрасывая подушки внутрь паланкина. — Чтоб в следующий раз у тебя не бегали.

Через несколько минут факелы воинов уже распугивали тени в узкой кишке улочки — носильщики искали обходной путь.

— Принц рвет и мечет, — вполголоса поведал Каю Скавр, вынырнув из пестрой толпы гостей. Его лучшая, расшитая серебром туника цветов Танцующей школы казалась ветошью по сравнению с вычурными нарядами знати. — Хотел Орлана купить. К тому же заявлено было шесть пар бойцов, а тут… — Мясник сдержанно раскланялся с каким-то толстяком с подведенными глазами. — В общем, мне пришлось поставить тебя на двойной бой.

Аджакти знал, что спорить бесполезно, поэтому только спросил:

— Почему именно меня?

Скавр нервно хохотнул и хлопнул его по плечу:

— Кого еще, как не лучшего? К тому же, наверняка противник Орлана — какой-нибудь слабак-членосос. Солнцеподобный ведь не стал бы торговаться за дохлое мясо, а? — Подмигнув, мясник расправил плечи и пошел высматривать потенциальных спонсоров.

У Кая было другое мнение на этот счет. «Скорее всего, гладиатор Королевской школы надрал бы феррагосу задницу, и Омеркан, сбив цену, получил бы новую игрушку по дешевке». Он подавил желание смачно сплюнуть на мраморный пол и снова застыл статуей, которую старательно изображал вот уже полчаса. Участвовавших в боях гладиаторов выстроили в огромной зале по сторонам усыпанного цветочными лепестками бассейна. Люди Скавра — напротив бойцов Солнцеподобного. Между ними — водная гладь с круглой площадкой посредине, к которой вели

выложенные мозаикой «дорожки». «Верно, тут нам и придется сражаться», — сообразил Кай.

Несмотря на кусачий холод снаружи, в помещении волнами наплывал жар — от проложенных под полом труб с горячим воздухом и тысяч светильников, заливавших помещение почти дневным светом. Лишь немногие в Церрукане могли позволить себе такую роскошь — не следовать ритму дневного светила, а властью своего богатства отменить ночь. Люди вокруг праздновали искусственное лето в начале зимы, разоблачившись до тонких полупрозрачных тканей, не скрывающих, а скорее подчеркивающих наготу. Аджакти и сам радовался бы отсутствию тяжелой теплой одежды, если бы не прилипчивое внимание веселящейся публики.

Женщины и мужчины так и крутились вокруг гладиаторов, смеясь и перекидываясь комментариями, рассматривая свирепые лица, рельефные мышцы и уродливые шрамы. В Минере у зрителей не было тех возможностей, которые предоставляли частные игры. «Разве что пальцами в рот не лезут, как на торгах, — мелькнуло у Аджакти. — Хотя дамочки скорее в другое место залезть хотели бы».

Словно в ответ на его мысли, молодая женщина с живыми бабочками в высокой прическе игриво бросила грудастой подруге:

— Интересно, каков «меч» у Деревянного Меча? Действительно деревянный?

Грудастая рассмеялась, блестя бриллиантовыми вставками, украшавшими зубы:

— Скорее страшный, как его образина, и волосатый, как его папаша-тролль.

— И такой же огромный! — прибавила девушка с позолоченным лицом, делая испуганные глаза и приобнимая подруг за плечи.

Аджакти стоял с каменной мордой, пялясь в воздух прямо перед собой. С гостями разговаривать гладиаторам было запрещено — разрешалось только отвечать на прямой вопрос.

— Поговаривают, — спутник позолоченной решил внести в обсуждение свою лепту, — этот обесчещенный — сам Ягуар, вернувшийся на землю в человеческом воплощении. Это, конечно, ересь, разносимая чернью. И все же… Любопытная деталь: помнится, божественному брату не составляло труда ублажать двух сестер одновременно. Потому что у него…

— Был раздвоенный лингам! — хором пропели женщины. Их глаза возбужденно заблестели.

— Пусть он покажет, — унизанный кольцами пальчик грудастой ткнул в район паха гладиатора. — Пусть докажет,

Ягуар он или нет!

Аджакти не двинулся с места, не моргнул.

— Эй, — знаток божественной анатомии выступил вперед, выпячивая впалую грудь, — ты что, не слышал? Госпожа велит тебе снять схенти.

На сей раз Каю пришлось разлепить губы — прямой вопрос заслуживал прямого ответа:

— Я повинуюсь только моему господину.

Отрадно было видеть как желтоватые щеки шака налились кровью, как вылезли из орбит и без того выпуклые глаза:

— Да как ты смеешь, раб!

— Я раб, который принес присягу, — холодно заметил Аджакти, продолжая смотреть прямо сквозь настырного типа.

Дамы заахали, на них стали обращать внимание. Аджакти очень надеялся, что суета не привлечет внимание Скавра. В этот момент толпа заволновалась. Гости расступились, разошлись по краю бассейна. Разговоры затихли, мужчины согнулись в низком поклоне, женщины присели, обметая юбками мраморный пол. «Омеркан», — догадался Кай, хотя с его места видно было немного. Из дальнего конца зала донесся тягучий голос принца. Солнцеподобный пространно приветствовал гостей и приглашал всех наслаждаться вечером, яствами и предстоящим зрелищем.

— Жаль, ты не сбросил схенти, — прозвучал рядом с Аджакти знакомый голос. Слова были сказаны шепотом, но Кай чуть не подпрыгнул на месте от неожиданности. Он осторожно покосился назад, не меняя позы. — Пусть твое достоинство и не раздвоено, как у Ягуара, но уж жалкому стручку кузена Боры с ним не сравниться, — Анира появилась в поле зрения гладиатора, встав к нему спиной. Вряд ли кто-нибудь мог заподозрить, что она не поглощена речью венценосного брата. Рядом маячила черной тенью вечная Шазия — или Шада, Кай с трудом различал мтех.

— Так это был твой кузен? — шепнул он, стараясь не шевелить губами.

— Хорошо, что между нами нет сходства, а? — Анира улыбалась, хотя гладиатор не мог видеть ее лица — это выдавал голос. Внезапно тон изменился, принцесса дохнула холодом, как ледяной великан. — Берегись Омерканова бойца. Оружие может быть отравлено.

— Которого из них? — потрясенно пробормотал Аджакти, но принцесса уже двинулась дальше, между уступавших дорогу гостей, расточая улыбки и ничего не значащие поцелуи. Чернокожая телохранительница неотступно следовала за госпожой. «Идиот, — спохватился Кай. — Надо было спросить Аниру о Лилии!» Но он упустил момент.

Гладиатор обежал настороженным взглядом шестерых бойцов на противоположном конце бассейна. Мясник Королевской школы, Бурхан, как раз вышел на окруженную водой площадку и начал выкликать их имена и послужной список. «Если Омеркан задумал расправиться со мной, жеребьевка заранее подстроена, — размышлял он. — Неужели кто-то из королевских способен на такую подлость, как нарушение кодекса и убийство? Хотя, если гладиатору прикажет сам сейджин, он не сможет отказаться, связанный клятвой. А Бурхану приказывает Солнцеподобный. Хорошо хоть, угроза будет исходить только от одного противника, подставу со вторым организовать вряд ли успели. Но кто из двоих? Кто?»

Бурхана сменил Скавр, нахваливавший гладиаторов Танцующей школы. Имя Аджакти вызвало у публики особый прилив энтузиазма — многие помнили его по победам летнего сезона. Но вот в зимнем он участвовал впервые — мясник берег нового фаворита от жестокости частных боев, пятнающих гладиаторский кодекс. Тем выше была для молодого гладиатора честь начинать во дворце самого наследного принца.

Наконец настало время жеребьевки. Уже знакомый Каю Бора со «стрючком» занял место Скавра. Короткие пальцы вытащили первый камень из мешка с изображением журавля — эмблемы Танцующей школы:

— Стрелец!

Кая не удивило, что вскоре на дне осталась только одна табличка — с его собственным именем. По ту сторону бассейна ожидали двое, чьи жребии еще лежали в мешке Королевской школы. Он поймал мрачный взгляд Скавра — похоже, мясник заподозрил, что его фавориту неслучайно достались два последних боя подряд, без права на передышку. Но вот сделать сейджин ничего не мог — против воли Солнцеподобного не попрешь.

— Снежный Барс! — выкликнул тонко Бора, поднимая дряблую руку с черным камнем в руке.

Аджакти помнил высоченного горца-северянина по Минере. Случай никогда не сводил их на арене, но Каю приходилось наблюдать бои Барса. Он был старожилом игр, осторожным, опытным и сильным, как зверь, чье имя носил. «Возможно, за мою смерть ему пообещали должность доктора, — размышлял Кай. — Он намного старше меня, но все еще опасен. Вон какие мышцы. Один бицепс — как три моих. Так до него еще допрыгнуть надо».

— Святоша!

Об этом бойце Кай раньше только слышал. Среди полуголых гладиаторов кватерминец выглядел одетым — так густо

покрывали его тело разноцветные рисунки. Говорили, все святые кватерминского пантеона и их чудеса были нанесены иглой, впрыскивающей краску прямо под кожу. Этот человек умел терпеть боль и верил в собственное бессмертие. «Если его убедили, что я — демон, исчадие тролля, фанатик скорее умрет, чем выпустит меня отсюда живым. Кажется, намечается веселый вечер».

Рабы начали гасить в зале свет, оставив гореть лишь несколько лампионов у стен. Двое полуобнаженных юношей зажгли факелы, торчавшие по краям площадки в центре бассейна и вдоль ведущих к ней дорожек. Красноватое пламя отразилось в потемневшей воде, кровавые блики заиграли на куполообразном потолке. Публика замерла в предвкушении.

Принесли оружие для первой пары. Скавр и Бурхан тщательно проверили качество клинков. «Значит, мясник Королевской участвует в заговоре, — решил Аджакти. — Если, конечно, сведения Аниры верны. Или убийца воспользуется спрятанным под одеждой кинжалом? Он ведь может быть совсем небольшим, достаточно даже отравленной иглы». Но тут происходящее на импровизированной сцене отвлекло его от мрачных мыслей. Вместо того чтобы вручить мечи гладиаторам, мясники отдали их наряженным в белое рабам. Оружие торжественно пронесли по мозаичным дорожкам и положили у противоположных концов «арены». Как только рабы вернулись, с каждой стороны бассейна изготовилось по гладиатору — «черепаха» Стрелец и «Длинный Дик» по прозвищу Лебедь.

В душу Кая закралось неприятное подозрение насчет того, что значил весь этот антураж.

— Как символично, мой персик! — восторженно воскликнул кто-то из ближайших зрителей. — Стрелец и Лебедь — битва звезд!

«Персика» Аджакти не разглядел, как и звездной символики. Зато вот Омерканову задумку он разгадал верно. По знаку Боры оба бойца бросились по мозаичным дорожкам навстречу друг другу — каждый стремился первым завладеть оружием. Публика одобрительно взревела.

Облаченный в тяжелую броню Стрелец был заведомо медлительней противника, вовсе не имевшего кирасы. Лебедь достиг площадки, когда боец Скавра покрыл только половину пути. «Длинный Дик» на бегу подхватил клинок. Игнорируя щит, он в два прыжка перелетел игровую площадку и пинком отправил оружие «черепахи» в воду. Зрители ахнули. Аджакти ругнулся сквозь зубы. Безоружный Стрелец внезапно оказался перед острием меча на узкой скользкой дорожке, окруженной водой и

огнем. Единственной его защитой был доспех и массивный стальной шлем. Но этот же шлем ограничивал обзор гладиатора.

Лебедь направил удар в одно из сочленений брони. Стрелец уклонился, лезвие скользнуло по стали. «Черепаха» изловчился и схватил один из горящих вокруг факелов. Пламя лизнуло обнаженную грудь «Длинного Дика». Тот с воплем отшатнулся. Стрелец, размахивая оружием, пошел в наступление. Но Лебедь быстро пришел в себя. Его клинок перерубил факел у основания, заодно лишив противника пальцев. Казалось, в шоке Стрелец не ощутил боли. Он бросился на врага всем весом, игнорируя меч. Два тела с грохотом повалились на камень. Клинок, жалобно звеня, отлетел в сторону. Факел на полу еще не погас. В воздухе, густом от ароматических масел, завоняло горелой плотью.

Двое людей, рыча и стеная, катались по мраморным плитам, пятная их кровью. В толпе нарастало возбуждение. Его запах — смесь пота, страха и соития — заставлял ноздри Аджакти трепетать. В грудь бились, прорастая из сердца, черные крылья. «У-бей! У-бей!» Он закрыл глаза, пытаясь найти внутри себя голубоватый свет Тигле.

— А-а! Да! Да! — взвизгнула женщина. Толпа подхватила на одном нечленораздельном «А-а!». Аджакти открыл веки. Лебедь лежал на самом краю площадки с проломленным черепом. Победитель привстал на одно колено, приветствуя Солнцеподобного, — и рухнул на труп, так и не успев снять шлем. Особым звериным чутьем Кай осязал его вытекающую из поврежденных органов жизнь.

Победителя вынесли с окровавленной площадки, которую тут же окатили водой из бассейна расторопные рабы. Отражения факелов стали красней. Кай больше не закрывал глаза. Он смотрел на все, баюкая голубую холодную искру внутри. «Меня не должен коснуться ни один из них. Я не могу подпустить их близко. Не имею права. Надо разрушить стены. Чтобы все кончилось. Надо…»

Мимо него прошел Аркон.

— Сбрось его в воду, брат, — шепнул Аджакти. Бывший охранный едва заметно кивнул.

Гладиаторы добрались до оружия практически одновременно. Целурит Драчуна встретил «Длинный Дик» Аркона с оглушительным звоном. В свете факелов блеснули выбитые ударом искры. Мраморный пол — не песок. От воды он стал предательски скользким. Аркон разглядел в этом выгоду. Вместо того чтобы танцевать, как корова на льду, он ловко бросил свое тело наземь, подбивая ноги противника. Потеряв опору, «жнец» рухнул навзничь. Тычок сапогом послал его через край.

Вопли зрителей заглушили плеск. Бассейн оказался неглубоким. Драчун быстро поднялся на ноги — вода доходила ему только до пояса. Но Аркон не собирался позволить противнику взобраться на «арену» — в верхней позиции длинный прямой меч давал преимущество. Публика откровенно насмехалась над неуклюжими попытками королевского гладиатора вернуть себе достоинство и место на площадке. Аджакти уже решил, что на сем арбитр и остановит бой, признав победу «танцора». Но все обернулось иначе.

Хохот вокруг разбили тревожные крики. Похоже, кто-то из зрителей тоже заметил движение в багровой глубине. Драчун внезапно вскрикнул, руки инстинктивно ушли под воду. Казалось, невидимый враг нанес ему страшную рану ниже пояса. Гладиатор дернулся, закричал снова, будто что-то пожирало его изнутри. Вода вокруг несчастного рубиново забурлила, темные тени сновали вокруг медленно оседающего торса. Над поверхностью мелькнуло восковое лицо с расширенными от ужаса глазами и ушло вниз. Темный клубок, похожий на червей в вине, распался. Бассейн снова застыл ровной гладью.

Тишина в зале стояла такая, что слышно было, как из чьей-то руки выпал, брякнув о каменный пол, веер.

— Можно поставить вопрос, — загнусавил вспомнивший о своих обязанностях Бора, — кто победитель в этом поединке — гладиатор Шустрый или химеры?

Кто-то недовольно заворчал — не всем показалась гениальной идея Омеркана запустить в бассейн рыб-убийц. Но большинство восторженно приветствовало нововведение — предварительно отступив на шаг от мозаичного края. Две следующие пары бойцов тоже старались держаться как можно дальше от воды — одно дело честно погибнуть от меча, а другое — быть сожранным рыбами. Судьба наконец улыбнулась Королевской школе. Скавр потерял Клада и Грома. Последний был только ранен, но публика, а главное, сам хозяин игр сочли «жнеца» слишком осторожным, и королевский димахер прикончил его.

Настала очередь Аджакти. Он занял позицию у начала дорожки, обозначенной чадящими факелами. Скавр поднял сжатый кулак, на щеках его ходили желваки. Но Кай плевать хотел, что счет был равным, и его поединкам предстояло решить, на табличках какой школы появится почетный знак победы. Он сражался за большее, чем честь школы или даже собственная жизнь. Он сражался за своих товарищей.

С края бассейна Кай видел принца — он улыбался, и знание таилось в уголках нервных губ. «Я сотру улыбку с твоего лица, —

мысленно проговорил гладиатор, глядя прямо в темные змеиные глаза. — Это сегодня. А завтра я вгоню ее тебе в глотку вместе со сгнившими от гевена зубами!» Казалось, Солнцеподобный услышал его. Он вздрогнул, нервно оторвал руку от кудрей мальчика у ног, которого ласкал, как собаку. Изящные пальцы щелкнули, будто хотели поймать воздух.

— Бой! — завопил Бора, едва не срывая голос.

Аджакти ринулся вперед, видя только двойные клинки, уже ожидающие его. Три прыжка. Три коротких вдоха. Нельзя. Подпустить его. Близко. Последние метры он преодолел, скользя на одном колене, подобно Аркону. Рукояти мечей удобно легли в ладони. Выпрямляясь, одним из них Кай срубил факел. Другим, ударом плашмя, послал горящий снаряд прямо в лицо Снежного Барса. Инстинктивно тот вскинул меч, защищаясь. «Длинный Дик» еще не успел продеть руку в ремешки щита. Второй снаряд, посланный вдогонку за первым, вошел в грудь великана прямо над защищающим живот поясом. С жадным чавкающим звуком меч погрузился в плоть. В руках у Аджакти остался только один клинок, но это было уже неважно. Изо рта Снежного Барса хлынула кровь, колени подкосились. Тело рухнуло, вбив рукоять меча в пол. Алое лезвие высунулось из мускулистой спины. Весь бой занял едва ли более минуты.

Публика ликовала. Отдельные выкрики о трусости «танцора», испугавшегося королевского гиганта, быстро потонули в хоре, скандирующем: «А-джа-кти!» и «Меркес!» — «непобедимый». Кай повернулся лицом к трону Омеркана и поклонился, как учил кодекс. Лицо принца было непроницаемым, как маска. Мальчик у царственных ног закусил губу, удерживая слезы, — так вцепились в шелковистые кудри пальцы господина.

— Твоя быстрота и ловкость порадовали меня, гладиатор, — разнесся по залу тягучий, как патока, голос наследника амира. — В награду я меняю условие последнего боя.

Волна удивленного ропота пробежала среди гостей. Взгляд гадючьих глаз скользнул по лицу Кая, будто грязью мазнул.

— Можешь сохранить свое оружие. Твой противник придет к тебе сам.

«Так, значит, второй раз тот же трюк использовать не удастся, — усмехнулся Аджакти. — В общем, я на это и не рассчитывал».

Святоша уже получил свое снаряжение — сетку, копье и кинжал. Омеркан едва дождался, пока «ловец» пристегнет поножи.

— Бой! — заголосил Бора, послушный жесту сюзерена.

Святоша пошел по мозаичной дорожке под подзадоривающие

крики вроде: «Покажи ему!», «Сдери с тролля шкуру!». Мускулы плавно перекатывались под узорчатой кожей, заставляя святых вздыхать, а ангелов взмахивать крыльями. В глазах под длинными ресницами играл диковатый огонек. Аджакти прислушался к собственному пульсу — спокойному, держащему Ворона на расстоянии, — и сделал то, что ему никак не следовало делать. Он выступил за круг факелов и пошел навстречу противнику.

Толпа разочарованно вздохнула от подобной глупости. Даже женщины понимали, что на узком мостике увернуться от сетки и не упасть в еще более опасную воду почти невозможно. Но Кай решил рискнуть и положиться на это «почти». Он ускорил шаг. Святоша, не ожидавший подобного оборота событий, забеспокоился и метнул сеть. Промахнуться на таком расстоянии было невозможно. Невозможно — если бы противник двигался в том же направлении, в том же темпе.

В момент, когда пальцы «ловца» выпустили оружие, Аджакти сделал обратное сальто. Сетка шлепнулась на мрамор, не причинив никому вреда. Ударом ноги Кай отправил ее к химерам. Копье Святоша метнуть не решился. С его помощью он держал димахера на расстоянии, то и дело совершая выпады длинным древком. Пока что Аджакти удавалось уворачиваться или парировать удары мечами. Эта игра здорово заводила публику, но Каю она нравилась все меньше и меньше. Кто мог поручиться, что отравлено не копье, а кинжал? Сверкающее острие как раз просвистело рядом с его щекой — так близко, что по коже прошел холодок. Новый укол Святоша нацелил ниже пояса. Полшага назад — и Аджакти поймал древко в перекрестье своих клинков, надавил, завершая движение книзу. Острие ударило мозаичную рыбу в глаз. Разведя мечи, Кай вскочил на упругое древко, используя его для разбега, — все, как на уроках с Фламмой. И вот он уже в воздухе над окаменевшим «ловцом» — пойманным на острия его сессориев, нанизанным, как кусок мяса, на двойной шампур.

Аджакти мягко приземлился за спиной противника. Тот еще стоял, но держало его только копье. Кровь фонтанами хлестала в воздух из ран по обе стороны шеи. Одним движением Кай выдернул кинжал из поножей — Святоше он был уже не нужен. Лезвие сверкнуло, отражая пламя факелов. Оно было чистым, только горячие красные капли, орошавшие победителя, растекались по нему, розовея, будто разбавленные дождевой водой.

Эксанта! Яд, разжижающий кровь! Когда-то давно Кай читал о нем — в библиотеке Мастера Ара. Он поймал на себе взгляд

Омеркана — глаза принца казались прорезями в меловой маске. Мальчик у его ног скорчился, зажимая царапины на щеке там, где прошлись длинные ногти Солнцеподобного. Кай направил лезвие кинжала прямо в сердце принца и — разжал пальцы. С легким всплеском оружие исчезло в мутном пурпуре бассейна.

Глава 13
Ясеневое чудо

В погребах обители Света Милосердного всегда царила прохлада. Там в летнюю жару не прели овощи и фрукты, по три дня не кисло молоко, сидр не грелся и приятно щекотал пересохшие от молитв и работы монашьи глотки. Зимой даже лютые морозы не проникали в глубину подземелья, и лежали варенья-соленья непорченными в кладовых, зрели бледные сыры, набирались крепости и вкуса тонкие вина — ярлов подарок настоятелю.

Но человек — не картошка. Хотя на третий день сидения на сырой земле Найду стало казаться, что и у него бока и бедра проклюнулись белыми нагими отростками. Штрафная камера, куда его бросили, была земляным мешком пяти шагов в длину, одного в ширину — в дальнем конце и трех — у стены с дверью. Окон здесь не предусматривалось. Отхожим местом служило погнутое ведро, определимое в кромешной тьме по едкой вони. Но мучительней всего было не отсутствие света, не одиночество, не голод, не холод, въедавшийся в самый мозг костей, а воспоминание о пережитом унижении.

Наверное, Найд мог бы избежать порки. Не возвращаться в обитель. Расписать настоятелю, как спасал Ноа. Не брать вину монашка на себя. Только ведь он обещал пареньку, что они сбегут из монастыря вместе — по весеннему теплу. А узнай отец Феофан о попытке самоубийства, Ноа за страшный грех ждало бы наказание похуже плетей. Найду же удалось отмазать послушника и от них. Ему не составило большого труда убедить преподобного в том, что он, Анафаэль, подбил монастырского дурачка на проказу, а паренек и сделал, как было сказано, сам не понимая, что творит. За «чистосердечное признание» Феофан даже скостил подстрекателю десяток ударов. После чего тому осталось пережить сорок.

Воспоминание о самом наказании было нечетким, наплывало смазанными обрывками, подкрадывалось в самый неожиданный момент, как бы Найд ни гнал его от себя.

Бормотание проповеди, усиленное высотой Зала Капитулов. Черные ряды иноков и послушников с белой полосой опущенных лиц. Холод, вцепившийся в спину и плечи, когда чьи-то руки стянули подрясник и хитон. Врезавшаяся в запястья веревка, боль, растягивающая позвоночник. Другая веревка, вся в толстых узлах, заранее замоченная в лохани с соленой водой. Голос отца

Феофана, ломкий, как первый лед:

— Ноа, изгонишь ли ты тьму из членов грешника?

Всхлипывания где-то сзади, возня, приглушенные возгласы.

— Я изгоню, отче! — Возбуждение ломает тенорок Бруно.

«Крыша, дерево… Наверняка он!»

— Брат Евмений, — холодно приказывает настоятель.

Внутри все сжимается. С веревки капает на пол. Ледяные брызги ударяют спину первыми.

— А-а-а!

Найд глухо застонал, сжимаясь в комочек и тыкаясь в землю пылающим лбом. Ведь обещал себе не кричать! Только не у всех на глазах, только не в угоду мастеру, любившему собственноручно наказывать нерадивых и строптивых. Но Евмений был опытен, клал удары с неровными интервалами, все по новому месту, да с оттягом, давая соли въесться во вспухшую кожу.

Анафаэль корчился на полу, зажимая голову руками. За пару дней спина поджила, но вот в сердце образовалась кровоточащая рана. Как ему теперь снова работать под началом брата Евмения? Или подносить краски Бруно? «Уходить. Надо уходить, — билось в виски под пальцами, но упрямый голос внутри возражал: — А Ноа?! Разве выдержит он многодневный переход по лесу, где вот-вот ляжет снег?»

И снова карусель привычных мыслей подняла Найда на ноги и заставила метаться по земляному гробу, то и дело натыкаясь на ведро. Но выхода не было. В голове стояла такая же тьма, как и в подземелье обители. Ладони в очередной раз уткнулись в стену, когда дверь загремела тяжелым засовом. Для скудной пайки, состоящей из куска хлеба и кружки воды было слишком рано, хотя желудок убеждал Найда совсем в обратном. «Неужели я спал больше пары часов? Или наконец пришло время сменить ведро?» На всякий случай он сжался в комок у дальней стены и едва успел зажмуриться — масляная плошка в руке инока-надзирателя сияла как июльское солнце.

— Выходи! — Впервые за все время Анафаэль услышал голос монаха, грубый и пришепетывающий, наверное, из-за заячьей губы.

Прикрывая лицо ладонью, он поднялся и пошел за тюремщиком. Глаза слезились, Найд не видел, куда идти, и под конец раздраженно ворчащий Заячья Губа попросту сгреб его за шиворот и потащил за собой. Оказалось, снаружи выпал снег. Тонкий слой смерзся на жухлой траве и гравии дорожек, ноги Найда скользили, но едва он приоткрывал веки — и фиолетово-алые пятна застилали опаленное белизной зрение. Так монах и

полуприкатил-полуприволок новиция к кухне.

В сводчатом помещении, согретом жаром печей и людским теплом, стоял благостный полумрак. Заячья Губа ткнул Найда в спину. Тот ойкнул, прикусил губу и вылетел на середину кухни, чуть не сбив с ног маленького пузатого человечка с огромной поварешкой в руках.

— Саботажник? — Толстячок прищурился на вновь прибывшего, неодобрительно цокая языком. — Нерадивый строптивец? — Круглая голова закачалась на покатых плечах. — Тебе туда.

Пухлый палец ткнул под низкий каменный свод, откуда шел все заглушающий яблочный дух. В полутьме копошились какие-то согбенные фигуры. В груди у Найда шевельнулась робкая надежда:

— Значит, в красочную мастерскую мне…

Хрясь! Луженая поварешка треснула послушника по лбу так, что звезды из глаз посыпались.

— И-и! Разбаловал вас брат Евмений, — толстячок подтянул пояс, все норовивший соскользнуть с круглого брюха. — Новицию язык дан для молитвы, а руки — для работы! — Поварешка восклицательным знаком поднялась в воздух, и Найд втянул голову в плечи. — Запомни это правило, и я протерплю тебя до святого Мартина.

Напутственный тычок под зад — и послушник оказался среди себе подобных, сосланных в кабалу к брату Мефодию на яблочный подряд. Несметное количество корзин с поздним золотым наливом следовало переработать на сок, сидр, повидло, варенья и сушенья — как раз ко дню святого угодника, известного подвигом изгнания червей из ягод и плодов по всему княжеству Саракташ. Найду вручили короткий ножик, корзину для очистков, низкий табурет, и вскоре он уже был поглощен вырезанием семечек и четвертованием яблок, которые ему больше всего хотелось отправить в рот. Но, помня доходчивое наставление брата Мефодия, Найд глотал слюни и гордость и строгал, строгал, строгал.

Когда наконец перед повечерием он сел за стол, пшенная каша показалась ему яблочной на вкус. Найд едва мог удержать ложку в распухших пальцах с синяком от рукояти ножа. Ноа в трапезной видно не было, зато там обнаружился Бруно, кидавший заносчивые взгляды в сторону «кухонного» стола и перешептывавшийся с другими рисовальщиками. Найд уткнул нос в тарелку, но, когда скользкий тип проходил мимо с пустой посудой, ловко выставил в проход ногу — вроде из-за стола вставал. Рисовальщик споткнулся, глиняная миска с грохотом

разлетелась об пол, один из осколков впился в руку новиция. Бруно завизжал, зажимая окровавленную ладонь.

— Ах, прости, я такой неловкий! — Найд поспешно склонился над упавшим, ухватил под локоть. Со стороны должно было казаться, что он помогает новицию подняться. Но пальцы сдавили мягкое плечо, вминая мышцы в кость: — Еще раз приблизишься к Ноа, крыса смердящая, — прошипел он в ухо под каштановыми локонами, — я *тебя* на вилы уроню. Понял?

Бруно икнул и скосился на Анафаэля испуганными глазами.

— Ты понял? — Голос у Найда прерывался, голова кружилась. Он вздернул длинного послушника на ноги, словно пушинку. Бруно проблеял что-то, часто кивая головой. К гладкой щеке прилип комочек каши. — Тогда в лечницу иди. Там перевяжут, — во всеуслышание сказал Найд и выпустил жертву. Цепляясь полами подрясника за скамейки и поскуливая, Бруно понесся по проходу, будто за ним гнался целый легион Темных. Когда они снова встретились в общей спальне, от обычной язвительности новиция не осталось и следа. Рисовальщик усиленно делал вид, что Анафаэля не существует, и после молитвы улегся к нему спиной.

Ноа Найд увидел на общей заутрене. Монашек выглядел бледным и более неприкаянным, чем обычно. Сердце Анафаэля стиснула жалость, но он не хотел приближаться к пареньку, чтобы не ставить под сомнение защитившую его легенду.

Через пару дней Найду стало казаться, что он был фаршированным поросенком с яблоком во рту и лежал на блюде перед братом Мефодием, который то и дело колол его вилкой… точнее, хлопал по лбу поварешкой. Единственная разница состояла в том, что Найду приходилось работать. Два пальца на левой руке и один на правой украсили порезы от туповатого ножа. Фруктовый сок разъедал ранки, не давая им заживать, и скоро несчастные пальцы распухли и почти перестали сгибаться. Когда послушник продемонстрировал их брату повару, Мефодий только огрел его по рукам поварешкой: строптивец, конечно, сам виноват — плохо молился об исцелении Свету.

Найд потерпел еще полдня, а потом под предлогом посещения уборной ускользнул в лечницу — выпросить у брата Симеона листков безвременника от нарывов. На полпути через припорошенный снегом палисад Найд понял — что-то случилось. У дверей корпуса стояла повозка — чужая, не монастырская. Иноки и миряне из деревенских суетились, снимая с нее безжизненные тела и внося в лечницу. Кое-кто из прибывших мог ковылять сам, опираясь на подставленное плечо. От раненых и возниц несло дымом, кровью и смертью. Утоптанный снег между

колесами покрылся красными пятнами — в повозке было щелястое дно.

Стояла удивительная тишина, как будто ужас случившегося наложил печать на уста страдающих людей, и они сносили боль молча, только изредка издавая сдавленные звуки. Сцена казалась настолько чуждой для мирной жизни обители, настолько принадлежащей давно погребенному прошлому с Чарами и собачьей будкой, что Найд застыл между голыми грядками, прижимая ладони к бешено колотящемуся сердцу. Окрик заставил его вздрогнуть — он не сразу понял, что обращаются именно к нему:

— Анафаэль! Ну что же ты! Давай сюда, поможешь.

Ноа, бледный и осунувшийся, склонился над чем-то, невидимым за бортиком телеги. Найд бросился к нему, не чуя под собой ног. Он сразу понял, что женщина с располосованной грудью мертва; жизнь покинула немолодое уже тело, как бабочка — оболочку кокона. Неумелая повязка сбилась, открывая длинную рубленую рану. Скорее всего, здесь поработал меч. Но какой воин стал бы поднимать оружие на простую крестьянку? Перед глазами Найда снова мелькнуло видение Чар. Дрожащими пальцами он отер язык копоти с дряблой, теплой еще щеки. Остановил Ноа, пытавшегося приподнять убитую.

— Уже поздно. Ее душа упокоилась в свете. Как это… Кто это сделал?

— Вольное братство, чтоб Темные перешагнули их тень! — ответил кто-то сзади. — Хворостовы бандиты.

У Найда по спине пробежал озноб. В проклятии, изреченном грубым голосом селянина, не могло быть силы, но новиций чувствовал, как что-то сдвигается в нем и вокруг него, в той невидимой сфере, где миллионы вероятностей, пересекаясь, образуют будущее. Он помог старику, раненному стрелой в плечо, добраться до умелых, но уже порядком усталых рук брата Симеона и с головой погрузился в работу — монахам-лечцам самим не справиться с таким потоком больных. Совершенно позабыв о яблоках и собственных нарывающих пальцах, Найд грел воду, таскал кипяток, перевязочное полотно, жаровню с углями для прижиганий — и постепенно составлял для себя картину происшедшего.

Из отрывочных фраз, оброненных возницами, прежде чем их выставили за дверь, и бормотания раненых послушник уяснил, что в Охвостье заявилась пресловутая банда Хвороста. Очевидно, морозы погнали лесных братьев на юг, а в деревне они попытались запастись продовольствием. Однако крестьяне не захотели расставаться с поросятами и гусями, которых они с

таким трудом откормили, — ведь платить разбойники отказались. А старейшина пригрозил обратиться за защитой в обитель да призвать магов — благо за головами Хворостовых отморозков теперь охотились не только солдаты, но и СОВБЕЗ. Упрямца зарубили на месте. Потом, несмотря на отчаянное сопротивление мужиков, разграбили дворы, пустили красного петуха и скрылись в лесу — поминай как звали. А ведь шла молва, что вольное братство нападает только на чародеев.

Найд невольно бросил взгляд на Ноа, прятавшегося за печью от вони паленой плоти и воплей несчастного, которому как раз вырезали наконечник стрелы. Скоро окрестности кишеть будут солдатней и магами. Что, если кого из «людей в коронах» занесет и в монастырь, скажем, свидетелей опросить? «Уходить, надо уходить!» — снова тревожно трепыхнулось сердце. Он положил руку на плечо новиция, белизной сравнявшегося с печной стенкой:

— Брату Симеону сырое мясо нужно. Сбегай-ка к мяснику. Только пусть свежее дает.

На самом деле отбивные, чтоб оттянуть дурную кровь от ран, у лечца еще были. Вот только, хлопнись Ноа в обморок, о нем и позаботиться некому. Да и думалось как-то легче, когда монашек не мешался под ногами. Найд бросил в лохань груду окровавленных тряпок и обернулся на скрип двери.

— А какое брать, — пропыхтел посланный за мясом, косясь в сторону занавески, вопли за которой внезапно затихли, — свинину или говядину?

— Говядину, — после короткого раздумья ответил Найд, и Ноа бесшумно исчез.

— Эй, чего ты там возишься? Кипятку тащи! — раздраженно выкрикнул брат Симеон. Ему попался беспокойный клиент, уже пару раз раскидавший удерживавших его иноков. Найд ухватил рукавицей бурлящий котелок и бросился на зов. Бородатый мужик распластался на койке, тяжело дыша и вращая дикими, состоящими почти из одних белков глазами. Штаны с него сорвали. Двое удерживали ноги. Ляжка одной поливала простыню и пол темной кровью.

— Лей! — рявкнул Симеон, наставив на глубокую рану, похоже от топора, жестяную воронку.

Мужик взвыл по-волчьи, рванулся. Закусив губу, Найд наклонил котелок. Несчастный сорвался на визг, висевший на здоровой ноге инок отлетел в проход, унеся с собой забрызганную бурым занавеску. Но тут раненый обмяк, закатил глаза, и брат Симеон без помех закончил процедуру. На ватных ногах Найд вернулся к печи, плохо помня, за чем его послали в этот раз.

Непонимающим взглядом он уставился на Ноа, снова появившегося в дверях, причем — с пустыми руками.

— А где мясо?

— Там, там… — запинался монашек, указывая трясущейся рукой себе за спину.

Анафаэль нахмурился, но тут посланца впихнули внутрь без всякого уважения к его статусу. Появившийся на пороге мирянин был немногим старше послушников. Кожаный фартук ремесленника потемнел, с левого рукава рубахи капало на пол. Тельце ребенка на его руках казалось безжизненным. Светловолосая головка не имела лица — на его месте была страшная маска, влажно поблескивающая белизной костей сквозь алое месиво.

— Сюда! — опомнился Найд и бросился вперед, указывая дорогу. Несчастный отец поспешил за ним, хотя сам едва держался на ногах — видно, бежал всю дорогу до обители. Брат Симеон только принял вновь прибывших, а у входа снова послышался шум. К счастью, это оказалась всего лишь мать ребенка — задыхающаяся от слез и быстрой ходьбы. Лечцы замахали на Ноа, и он, что-то мягко бормоча, увел женщину за занавеску.

Анафаэль не мог сказать, был ли раненый ребенок мальчиком или девочкой. Как многие маленькие дети, он носил длинную домотканую рубаху, некрашеные войлочные куртку и башмаки. Теперь, когда малыша положили на койку, Найд разглядел, что нижнюю часть лица изуродовал страшный удар, разворотивший челюсти. К счастью, дитя было в беспамятстве. Время от времени худенькое тело сотрясали судороги, и из остатков рта сочилась белесая пена.

Сердце Найда кольнуло дурное предчувствие. И верно, Симеон не стал посылать за водой, жаровней или бинтами. Вместо этого брат осведомился об имени ребенка, сотворил над ним знак Света и принялся бормотать отходную молитву: «Вечный покой даруй невинной Альме и вечный свет пусть ей светит. Услышь молитву: к тебе придет всякая плоть…» Ремесленник, все это время кротко и с надеждой взиравший на действия лечца, подступил к нему, терзая шапку в запачканных кровью руках:

— Что же это, святой отец… Разве… она не поправится?

Брат Симеон только головой покачал:

— Девочка отходит. Попало бы копье в руку или ногу, я еще мог бы попробовать отрезать. А тут… — Инок махнул рукой, отворачивая искаженное сознанием собственной беспомощности лицо, и пошел к следующему больному. Но не тут-то было! Отец

Альмы ухватил его за полу рясы:

— А чудо?! Разве чудо не сможет ее исцелить? Свет Милосердный… Позвольте отнести ее к Свету!

Симеон нахмурил кустистые брови:

— Ты просишь невозможного. Даже святыня обители не сможет вернуть отлетающую душу в это тело. Смирись и молись, чтобы ее не коснулась тень.

— Прошу вас, отец, умоляю! — Мирянин повалился на колени, не выпуская рясы из дрожащих пальцев. — Одна она у нас, единственная.

Его жена, оттолкнув Ноа, упала рядом, целуя мокрый, забрызганный подол.

— Светлый брат, — пробормотал Найд, не узнавая собственного голоса, — позвольте отнести девочку в храм. Может быть, на этот раз Свет действительно будет милосерден.

Симеон зло вырвал рясу из рук крестьян, сгреб новиция за рукав и оттащил за занавеску. Воткнув его между стеной и столиком с пугающего вида инструментами, монах зашипел Найду в лицо:

— Свет Милосердный — это тебе не забава и не игра в кости! Дитю голову размозжили, оно все равно помрет. А потом слух пойдет, что святыня у нас — ложная. Так что держи язык за зубами и делай что велят. А не то быстро вернешься туда, откуда вышел.

Инок выпустил Найда и направился к поджидавшему его помощнику, уже кидавшему в их сторону нетерпеливые взгляды.

— Выходит, вы сами не верите в это ваше чудо?! — бросил ему в спину новиций глухим от ярости голосом.

Симеон дернулся, будто слова были тяжелым копьем, поразившим его на ходу.

— А вот за ересь, — уставил он на Анафаэля измазанный кровью палец, — ты перед отцом настоятелем ответишь! Вон отсюда! Вон!

Найд выскочил в проход между койками и зашагал к выходу, чуть не свернув со скамьи плошки с какой-то травяной кашицей. Тут-то он и наткнулся на взгляд Ноа — взгляд побитого плетью щенка, еще тянущегося глупой мордочкой к протянутой руке. Тихо стоя у дверей за спинами коленопреклоненных родителей, новиций делал единственное, что умел, — молился Свету.

Решение созрело у Найда так быстро, что он уже действовал, еще до конца не отдавая себе отчета в том, что именно собирается сделать. Склонившись над безутешным отцом так, чтобы его не видели лечцы, он прошептал:

— Если Свет Милосердный не в силах сотворить чудо, может,

это сделает священный Ясень.

Мать первая вскинула на посланника надежды заплаканные глаза, и новиций горячо продолжил:

— На той неделе у чудесного древа исцелились двое: пошел неходячий и больной антониевым огнем перестал трястись в припадках. Разве вы ничего об этом не слышали?

Женщина помотала простоволосой головой, а ремесленник пояснил, запинаясь:

— Мы тут по найму, но на хуторе живем, у родни. Оттого и случилось все. Альма на улице играла, и… — Он перевел глаза на ножки в любовно вышитых башмачках, на которых висели капельки растаявшего снега.

— Где это дерево? — с силой, возвращенной голосу благодаря надежде, спросила мать.

Найд бросил быстрый взгляд в сторону Симеона. Вооруженный киянкой, тот как раз собирался «обезболить» тяжелого раненого и в их сторону не смотрел.

— Сразу за монастырской оградой. Я покажу.

Никем не замеченная, маленькая процессия покинула лечницу. Только Ноа увязался следом, все еще бормоча молитвы, словно причитая, и зачем-то прихватив с собой колючее шерстяное одеяло.

Снаружи сгущались ранние сумерки. Небо потемнело, набухнув свинцово-серыми тучами, и свет шел от земли, покрытой тонким слоем снега. Привратник не хотел выпускать послушников за ограду, несмотря на сбивчивые объяснения мирян. Тогда Найд с неожиданной силой просто отпихнул тучного монаха в сторону и выбежал за калитку. Ноа тенью следовал за ним. О последствиях Анафаэль не думал — только о том, чтобы как можно быстрее выполнить задуманное.

Древний ясень стоял на круглом холме и отчетливо выделялся на фоне хмурого неба. Листва его облетела, но мощный ствол в три обхвата и толстенные узловатые сучья все еще производили впечатление величия и идущей из земли силы. Найд знал, что в народе деревья этого вида почитались за их магические свойства, потому и выбрал именно его — так родителям девочки проще было поверить в только что сочиненную байку.

Не доходя до холма десятка шагов, он остановился:

— Дальше вам нельзя. К древу больного должен поднести служитель Света.

Он коротко кивнул Ноа и по глазам монашка увидел — тот понял все без слов. Парень позаботится о том, чтобы миряне не

вмешивались в… ну во что бы там дальше ни произошло.

Тело ребенка оказалось на удивление тяжелым — мертвый вес. Подрясник на груди тут же стал пропитываться влагой. Найд почти бежал к вершине холма. Снега у корней ясеня-великана оказалось неожиданно мало — видно, падал он тут негусто из-за путаницы ветвей. Новиций опустил девочку на мягкий ковер опавшей листвы. Упал рядом. Маленькие войлочные подошвы заскребли землю — ребенка снова сотрясла судорога, уже слабее, короче. Теперь или никогда.

Он глубоко вздохнул, пропуская через легкие насыщенный прелью и земляными запахами воздух. Положил ладони на влажные светлые волосики. Прикрыл веки. Свет ударил его мгновенно, будто под черепной костью сверкнула молния. Никогда раньше это не приходило так мощно и так быстро. Он видел то место, где заржавленное острие копья, выломав зубы, разворотив челюсть и нёбо, задело мозг. Предчувствие не обмануло — чтобы залечить такой ущерб, его собственной энергии не хватит, даже если он вычерпает себя досуха и падет мертвый на тело Альмы. Значит, придется черпать откуда-то еще. Эта девочка так похожа на его сестру — такую, какой он помнил ее. Даже имя созвучно — Альма, Айна. Вот только волосы у этой малышки материны, светлые, как тополиный пух.

Найд опустился вниз, сквозь корни уснувших трав и вдоль корней древесных, полных золотого сока и уходящих на неведомую глубину, к подземным водам, берущим исток еще дальше и глубже, в полной оранжевых огоньков жизни тьме. Их было больше, чем звезд на ночном небе, и он почувствовал их желание отдать — так, наверное, чувствует пчела полные нектара цветы. И уподобился пчеле, и пил, забирая от каждого помалу, и отдавал крохотные частички себя взамен, собирая и копя, обращая тысячи маленьких светов в один все побеждающий Свет. И когда уже казалось, голова взорвется от затопившей все белизны, наболевшее место за лобной костью открылось, будто что-то разошлось и уступило, дало дорогу другому и новому, чтобы никогда больше не закрыться.

Золотой поток устремился в детское тело через ладони Найда. В этот момент он и ребенок стали одним. Найд взял на себя боль малышки, а взамен питал измученную плоть жизнью, своей и заемной, зная, что Свет сам найдет путь туда, где он нужнее всего. Хрустальная музыка звучала в ушах, и наполняла пальцы, покалывая острыми гранями, и уходила в землю, и возвращалась с новыми нотами, пока Найд не почувствовал себя колоколом — пустотелым, но дающим звук, когда вселенная стучала изнутри в стенки его сердца.

Все кончилось внезапно. Темный и полый, Найд упал на землю, подломившись в спине. Он лежал неподвижно, втягивая воздух мелкими глотками, — собственная грудная клетка казалась тяжелой, как могильная плита. Перед глазами висел густой туман, и в мутной пелене что-то двигалось, медленно приподнималось над землей.

— Цветочки! Смотри, какие красивые, — тонкий голосок лепетал над ним, захлебываясь от восторга. — Тебе какие больше нравятся, беленькие или синенькие?

Под нос Найду ткнулось что-то щекотное, с фиалковым запахом. Он сморгнул, с трудом отвел свинцовую голову назад — и сквозь редеющий туман разглядел букет подснежников и лиловых крокусов в детской руке. Кое-как подоткнув локоть под бок, Анафаэль приподнял непослушное тело. Он по-прежнему лежал в сени ясеня, но снег на макушке холма растаял, и над распаренной землей качали нежными головками цветы — в начале зимы здесь наступила весна.

— И те и другие, — ответил он на вопрос Альмы и наконец отважился взглянуть в ее лицо. От страшной раны не осталось и следа. Даже шрама не было — только в приоткрытом ротике не хватало передних зубов, явно молочных.

Снег, вмерзший в почву за пределами зачарованного круга, заскрипел под чужими шагами. Ноа с выражением лица, повторявшим детское, присел на корточки перед Альмой и накинул ей на плечи теплое одеяло. Найд благодарно улыбнулся: одежда девочки была заскорузлой и местами еще насквозь мокрой от крови.

— Ты так сиял! — прошептал монашек, протягивая Альме желтый крокус, дополнивший ее коллекцию. — Ярче Света Милосердного. Теперь уходи, тебе нельзя больше здесь.

— А где мама? — щебетала тем временем малышка, вытягивая тонкую шею из грубошерстного одеяла, как птенец из гнезда. — Я хочу подарить ей цветочки.

— Сейчас, сейчас пойдем к маме, — Ноа поднялся на ноги и подхватил на руки шерстяной сверток. — На опушке леса есть зимовник для пчел — там, где монастырская пасека. Ищи сожженную березу, под ней. Схоронись там и жди меня. Только обязательно дождись!

— Я хочу кушать, — пискнула Альма и доверчиво положила русую головку на плечо Ноа. Монашек подозрительно хлюпнул носом и, не оборачиваясь, зашагал с холма.

Глава 14
Собирательница мертвых

— Их «черепахи» так пердели в блоке! Мало того что наших от вони вырубило, знать всю чуть не потравило!

— Ага, а то бы Лунной никогда не взять верх. Интересно, что им там перед боем скармливают, крысиные кишки?

— Да уж, у гладов Лунной пердеж — самое страшное оружие.

Дружный гогот и стук соединяемых над столом кружек обозначили согласие собеседников. Кай отхлебнул дешевого эля и поднялся со скамьи — мочевой пузырь давно уже звал наружу.

Заведение под вывеской, в которой слова теснились, сливаясь в одно — «Почтикалека», было грязной забегаловкой, где любили промочить глотки гладиаторы Церрукана — невзирая на школу и ранг. Особенно популярным «Калека» становился в зимний сезон, когда холод и непогода загоняли гулявших в увольнительной бойцов под крышу. В упомянутом сражении против Лунной Аджакти не участвовал, зато Папаша и Тач стяжали в нем громкую славу, вдвоем выстояв против пятерых «черепах» высшего пэла, а потому «отпущенных» милостивым устроителем игр. Именно это событие теперь и отмечала теплая компания «танцоров».

Пропихавшись между столами и обжимающимися парочками, Кай миновал занавешенный альков, откуда раздавались сладострастные стоны, кучку свежих посетителей с клеймами Дакини и наконец вывалился на морозный воздух. Потрескавшуюся стену у входа во множестве украшали заледеневшие желтые разводы. Он добавил к ним еще один. Ежась от холода, Кай быстро завязал штаны и собирался уже снова шмыгнуть в вонючее тепло кабака, но тут дорогу ему заступила примечательная фигура.

Женщина была с ног до головы укутана в длиннейший белый плащ, правда основательно задрызганный по подолу. Из-под капюшона виднелась только нижняя часть лица, но и она была скрыта маской — такой же белоснежной, как и одеяние незнакомки. «А эта-то что здесь делает?» — раздраженно мелькнуло в мозгу Кая. Встреча с дерлемек, собирателями мертвых, считалась в Церрукане недобрым знаком. Поэтому служительница Дестис могла без опаски бродить даже по самым злачным кварталам города — любой здравомыслящий вор или растлитель, завидев ее, сразу поспешил бы перейти на другую сторону улицы.

Аджакти тоже попытался обогнуть служительницу Дестис, но та сделала шаг в сторону и снова оказалась прямо у него на пути. Несколько мгновений они танцевали странный танец перед дверями кабачка — Кай ступал вправо, женщина повторяла его движение, как тень. Он кидался влево, то же делала дерлемек.

— Чего тебе надо? — наконец не выдержал Аджакти.

Приложив палец к губам маски, женщина быстро огляделась по сторонам. Внезапно рука в белой перчатке ухватила Кая за куртку и потянула в проулок между «Почтикалекой» и ближайшей халупой, почти до окон ушедшей в землю. Несколько опешивший от такого оборота событий гладиатор последовал за собирательницей мертвых. «Может, в этой задней кишке нищий какой окочурился, и ей нужна помощь? — рассуждал Кай, прокладывая путь среди куч нечистот. — Но чего она тогда товарищей своих не кликнула? Они ж на работу в одиночку вроде не ходят».

Тут провожатая остановилась. Мгновение — и гладиатор оказался прижатым к стене. Рефлексы сработали быстрее мысли. Выскользнув из-под тонкой руки, он перехватил запястье и бросил легкое тело туда, где только что был сам. Заломил локоть, прижал своим весом так, что дерлемек пришлось вывернуть голову, чтобы лицо не расплющило о камень.

— Пусти! — прохрипела она. — Я не могу… дышать…

Аджакти деловито ощупал широкие рукава балахона, плащ. Никаких ножей или отравленных игл. Впрочем, возможно, он просто не там искал.

— Тебя послали убить меня? Кто?

— Я тебя точно… убью… — зашипело из-под маски, — если сейчас же не слезешь с меня!

На этот раз манера выражаться и интонации показались Каю знакомыми. Озадаченный, он чуть ослабил хватку. Женщина высвободила руку и развернулась к нему белым лицом с нарисованными губами:

— Вот, значит, какова твоя благодарность? — язвительно осведомились они, все так же застывше улыбаясь.

— А… Анира? — неуверенно выдавил Кай. Принцесса и остро воняющий мочой, загаженный проулок за «Почтикалекой» как-то плохо сочетались в его голове.

— Ш-ш! Стоило устраивать весь этот маскарад, когда ты орешь мое имя, как глашатай на площади!

— Я… э-э, — теперь уже Аджакти бросил настороженный взгляд в сторону только что покинутой улицы. — Разве разумно так рисковать? Ты здесь совсем одна? А где Шазия?

— Охраняет моего двойника во дворце, — довольно

хихикнула Анира. — Статус великой жрицы имеет свои преимущества. Особенно если эта жрица служит Иш-таб.

Кай посмотрел на принцессу новыми глазами. Значит, дикая кошка не теряла времени даром, и жречество у нее в кармане.

— Это прекрасная новость. И все же мне как-то не по себе от мысли, что ты бродишь одна по улицам, защищенная только маской дерлемек. Не лучше ли было послать доверенного гонца?

Принцесса издала горловой смешок:

— Гонец мог бы передать тебе многое, но только не это.

Мягким движением она скользнула к Каю, прижалась, будто растворяясь в нем. Твердые губы маски ткнулись в подбородок. Одна рука нырнула вниз, нащупывая завязки штанов; другая — вела его ладонь под плащ, в разрез подола и влажное тепло под ним. Прошел уже почти месяц с тех пор, как они любили друг друга в последний раз. Желание накрыло Аджакти с головой, внизу живота заломило — так напряглась отвыкшая от ласки плоть. Руки сами отыскали путь под балахоном, дернули гибкое тело туда, где пульсировал невыносимый жар.

Здесь не было даже того минимального укрытия, которое давала замызганная занавеска в алькове, но Кая это не заботило. Вряд ли он остановился бы, даже если бы вся компания из Танцующей школы решила отлить именно в этом проулке. Вряд ли он вообще заметил бы постороннее присутствие. Весь его мир сузился до колебательных движений двух тел, казалось сотрясавших вселенную. Ему хотелось владеть Анирой совершенно, до конца, стать кровью, струящейся под ее кожей. Хотелось впиться губами в ее губы. Он выпростал одну руку из-под складок плаща, потянулся к маске, чтобы устранить досадную преграду. Принцесса зло зашипела, выворачивая длинную шею, отстраняясь. Он подался вперед, почти вбивая ее в стену. И тут волна наслаждения захлестнула его, как поднявшаяся из глубин беспросветная ночь, смыв все чувства и мысли, оставив только остывающую темноту.

Анира обмякла первой. За ней подкосились дрожащие ноги Аджакти, и оба, скользнув вниз по стене, опустились прямо в грязь. Минуты шли, он держал жрицу в объятиях, медленно приходя в себя. Какой-то прохожий стрельнул любопытными глазами в проулок, но, заприметив белый плащ и маску, тут же ускорил шаг.

— Погребальные игры, — шепот принцессы пах лавандой и мягко щекотал ухо. — Все будут там, все змеиные головы разом. Мы сметем их одним ударом, ты и я.

Теплый туман недавней близости еще окутывал Кая, и ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы вникнуть в смысл слов

Аниры. Тревожная мысль заставила холодок пробежать вдоль позвоночника под вспотевшей одеждой:

— Ты говоришь так, будто амир уже мертв, — осторожно начал он.

— Еще нет, — фыркнула принцесса, — но лекари не рассчитывают, что он протянет больше месяца. Учитывая упрямство старика, я бы накинула еще один. Иными словами, понадобится чудо, чтобы отец дожил до весны. Но если мне придется молить богов о чуде, то поверь, я найду молитве лучшее применение.

Опершись на плечо гладиатора, девушка поднялась и принялась отряхивать плащ.

— Вижу, ты горячо любишь своего отца, — усмехнулся Аджакти, вставая вслед за ней.

Перчатка, уже не такая белая, как раньше, смазала его по лицу:

— Не забывайся! Твое дело — дать мне воинов, а не мнение о моих семейных отношениях. Как далеко ты продвинулся?

Гладиатор стер ладонью предательскую усмешку — губы его горели:

— Довольно далеко, но лучше бы обожаемый папаша помер ближе к весне. У нас проблема с оружием. В школах только ограниченный запас, на всех его явно не хватит. Другое дело — Минера. Кстати, где будут проходить игры?

— Омеркан рассчитывает закончить постройку Зимней Арены ко дню Змеи в следующем месяце. — Анира склонила голову набок, прислушиваясь к голосам вывалившейся из «Калеки» компании.

— Мне понадобится план помещения, ключи от оружейной и подтрибунных камер, — перешел прямо к делу Кай, чувствуя, что друзья скоро обеспокоятся его отсутствием.

— Твои требования растут! — нахмурилась принцесса.

— Мы не можем сражаться вслепую и без мечей, — пожал плечами гладиатор.

Анира задумалась на мгновение, но наконец тряхнула закутанной в белое головой:

— Хорошо. Я посмотрю, не удастся ли использовать архитектора. Что-нибудь еще? Лучше говори сразу, у нас мало времени.

— Твои люди, — план атаки уже начал формироваться у Кая в голове, так что вопрос принцессы не застал его врасплох. — Мы должны знать, как отличить их среди знати. Пусть, когда все начнется, у них будет какой-нибудь особенный знак, может что-то в одежде. А то как бы ребята не перерезали твоих сторонников

под горячую руку.

— Конечно! — Глаза Аниры сверкнули в прорезях маски. — Повязки. Их можно легко спрятать под плащами. Или надеть потом. Какого-нибудь яркого цвета. Скажем, оранжевые. Да, оранжевые!

— Пусть будет так, — кивнул Аджакти. — И еще… — Кай покосился в сторону просвета между домами. Видимая часть улицы была пустынна, только из «Калеки» долетали приглушенные раскаты пьяного хохота. — Нам понадобится более стабильная связь.

Принцесса кивнула, будто союзник только что озвучил ее собственные мысли.

— Павильон и сад с привидениями — слишком ненадежная защита. Да и этот наряд, — она дернула замызганный подол, — одноразовая уловка. Я найду надежного человека, встречи с которым не вызовут подозрения ни у шпионов брата, ни у твоих товарищей.

Аджакти склонил голову, принимая ее решение. Пальцы принцессы легко коснулись его щеки, пробежали по скуле:

— Я должна идти.

— Подожди, — Кай удержал край широкого балахона. — Один вопрос… — Он встретился глазами с нетерпеливым взглядом из-под маски. — Почему ты заплатила за лечение Тигровой Лилии?

Как ни совершенна была выдержка принцессы, ее защита пропустила неожиданный удар. В прорезях маски скользнула тень, длинные ресницы затрепетали:

— Какой Лилии? — В голосе прозвучало искреннее удивление, но Аджакти не купился на уловку.

— Рыжей гладиатрикс. Той, что потеряла глаз. Ребята из Танцующей скинулись, чтобы заплатить Скавру за услуги лекаря, но мясник заявил, что все расходы покрыл богатый покровитель.

— С чего ты взял, что этот покровитель — я? — Тон Аниры мог бы бросить в пот кого угодно, но Кай уже понял, что это игра. Он выяснил, что хотел, дальше давить на принцессу не требовалось. Ему нужен союзник, а не враг. За Лилию можно будет посчитаться потом.

— Я ошибся? — с усмешкой протянул он.

Принцесса повернулась к гладиатору. Глаза в прорезях маски были так же холодны, как ее гладкая деревянная поверхность:

— Нет. Я купила одноглазую у Скавра. Но об этом никто не должен знать. Пока.

Аджакти вздрогнул. Он оказался неподготовленным к признанию. Сцены из сна в беседке Фламмы снова промелькнули

перед его внутренним зрением.

— Почему?

Плечи под белым плащом раздраженно шевельнулись:

— Забочусь о своей безопасности. Еще один телохранитель мне не помешает, особенно сейчас. К тому же… Ты спрашивал про надежную связь. Никого не удивит, если рыжая будет навещать своего любовника-«танцора», верно? — Принцесса развернулась на каблуках и, вздернув голову, зашагала по проулку, оскальзываясь на покрытых ледком нечистотах.

Аджакти замер, будто приморожeнный к месту дыханием ледяного великана. Он не знал что и думать. Купила Анира Лилию из дальнего расчета приобрести идеального связного? Или сон был все-таки вещим, и она выполняла данную Иш-таб клятву? Или…

Пола белого плаща взметнулась на ветру и исчезла за углом. Жиденький зимний свет заслонили три черных силуэта. Кай напрягся, но тут же расслабился, опознав в самом массивном и взлохмаченном из них Папашу.

— Мы уж думали, ты тут так и заледенел, ссавши, — мрачно сообщил Тач, поеживаясь под шерстяным плащом.

— Во-во, а нежить энта белая пришла твой труп подобрать, — подтвердил Папаша, почесывая бороду между мелких косичек.

— Хм, похоже, наш белогривый друг живым-живехонек. И даже согрелся — вон на щеках какой румянец, — подмигнул Аркон, успевший за время Каева отсутствия присоединиться к друзьям. — Как она под маской-то, а? Покраше Безносой?[27]

Не без труда Аджакти удалось сохранить безразличное выражение лица — северянин оказался опасно близок к истине:

— А вы что, подержать мне пришли? Думаете, без помощи не справлюсь?

— Все возможно, друг мой, — наставительно поднял палец Тач. — Я слышал, в церруканские морозы моча замерзает на лету, еще не достигнув земли.

— Просто Папаша успел спустить все свои цирконии да еще взял в долг последние три кружки, — усмехнулся Аркон, — вот и пришлось уносить ноги, пока Колченогий нас не попер.

Хозяин заведения, бывший гладиатор, ковылявший на подвязанной под коленом деревяшке, славился крутым нравом, так что Кай мог понять, что связываться с ним товарищам не хотелось.

— Не рассчитывай занять у меня, — предупредил он не слишком твердо державшегося на ногах бородача.

— Дык… Я ж для дела, — развел руками Папаша, стараясь сфокусировать мутноватые глаза на возможном спонсоре.

— Это какого еще? — одновременно спросили Кай и Тач.

— Общего, — горячо заверил церруканец и в ответ на подозрительные взгляды товарищей добавил: — Ну не могу же я в питейном — заметьте! — заведении вербовать бойцов революции на сухое горло.

— Пху! — Воздух вырвался из груди бородача, когда одновременно два локтя пихнули его в левый и правый бок.

— Так, этому вербовщику уже хватит, — пробормотал Кай, охватывая быстрым взглядом видимую часть улицы, к счастью пустынную.

— Тебе теперь только свежий воздух полагается, — Аркон подхватил обмякшего приятеля под локоть и потащил к выходу из переулка. — Хоть вонь сивушная выветрится до того, как нам в казармы возвращаться.

Кай устремился вслед за друзьями:

— Интересно, Шустрый, а что тебя-то так задержало? Уж не красотка ли по имени Козетта?

Удивительно, но сладкоголосая комедиантка, похоже, оказалась наиболее длительной привязанностью охранного. Он ухитрился разыскать ее даже на новых, предоставленных самим наследным принцем, квартирах в торговом квартале и теперь бегал на свидания в каждую увольнительную, как влюбленный мальчишка. Которым он, в общем-то, и был.

Вот и теперь одного упоминания имени его «козочки» хватило, чтобы перевести разговор в новое русло. На товарищей, волокущих неунывающего Папашу прочь из трущоб, обрушился поток последних новостей из жизни труппы Люка — так звали немого мима.

— Солнцеподобный пригласил их участвовать в открытии Зимней Арены, — увлеченно вещал Аркон. — Оно ведь уже не за горами. Говорят, там семь подвижных платформ, одна будет наполнена водой, для «морских боев» и всяких плавающих чудищ, на другой выстроен целый лабиринт…

— И все это известно Козетте? — перебил Кай, в голове которого вырисовалась интересная идея. — Она что, побывала на строительстве?

Аркон тряхнул головой:

— Нет, ей Люк рассказал. Он ведь частенько принца развлекает.

— Это немой-то? — криво ухмыльнулся Папаша. — Рассказал?!

— Именно, — не смутился северянин. — Они с Козочкой на пальцах общаются, я сам видел. Со стороны посмотреть, вроде как дети балуются, а на самом деле…

— Вот уж прям и про ар-кхи-ти-хтуру мим этот хренов на пальцах объяснял? — недоверчиво встопорщил бороду церруканец. — Это ж как надо их растопырить.

Аджакти вмешался в начинающуюся перепалку:

— А не мог бы Люк устроить Козетте экскурсию в арену? Ну типа чтоб к выступлению подготовиться. Посмотреть, какая там акустика, ну или что там у этих менестрелей.

Аркон недоуменно нахмурился:

— Вот уж не думал, что ты такой ценитель искусства!

— Да не в искусстве дело, — Кай обежал глазами вымершую по случаю собачьего холода улицу. Он и не заметил, что они были уже на пути к верхнему городу. — Просто сподручнее за свободу сражаться с открытыми глазами.

— За свободу? — подал голос Тач, высовывая покрасневший нос из-под натянутого чуть не до подбородка капюшона.

Кай коротко кивнул, косясь через плечо на одинокого всадника, пересекшего улицу за спинами гладиаторов. Лошадь с заиндевевшей от дыхания мордой скрылась за углом, унося с собой отдаляющееся клацанье подков.

— Ты хочешь сказать, — прищурил синие глаза Аркон, — что все произойдет в Зимней Арене?

Понизив голос, Аджакти быстро поведал товарищам о планах принцессы, не упоминая источника информации. Мгновенно протрезвевший Папаша еще больше обвис на плечах Тача и Шустрого, выделывая кренделя ногами и то и дело выкрикивая скабрезные куплеты. Маленькая компания гладиаторов, волокущих в казарму подвыпившего приятеля, не вызвала бы подозрения даже у шпионов Омеркана.

— Думаю, Люк вполне смог бы добиться разрешения репетировать в новой арене, — вполголоса поведал Аркон, заговорщически блеснув глазами. — Он вроде как с наследным принцем на короткой ноге.

Тач многозначительно хмыкнул.

— Да не, — тряхнул шевелюрой северянин. — Козетта говорит, немой не в Омеркановом вкусе.

— А нам-то что за разница, как паренек Солнцеподобного ублажает? — ухмыльнулся Папаша. — Лишь бы нам план арены получить. Да еще бы копии ключей в придачу.

— Вот это навряд ли, — нахмурился Аркон. — При всей ловкости Люка и моей козочки…

— А как насчет рабов, что работают на строительстве? — предложил Тач. — Если пообещать кому-то из них свободу…

Товарищи принялись с энтузиазмом обсуждать новую идею. Аджакти не стал рассказывать им о просьбе, с которой он

обратился к «покровителю». Не то чтобы он не полагался на обещание Аниры. Но когда на кону стоят их собственные жизни, никакая предосторожность не будет лишней. Лучше получить два ключа от оружейной, чем ни одного.

Знание того, что долгое ожидание скоро подойдет к концу, и возможность планировать решительные действия подняли настроение друзей до заоблачной высоты. Они и не заметили, как забрели глубоко внутрь богатого квартала. Тач первый обратил внимание на то, что они оказались на незнакомой территории. Пора было поворачивать к казармам, чтобы поспеть на вечернее построение.

— Представьте, как Горец заскачет по плацу, когда услышит новость! — воскликнул Аркон, вспомнив о проблемах, оставленных в Танцующей школе. — Ведь Лилию-то Скавр наверняка не успеет сбыть с рук до заварушки. Пусть только она поправляется помедленнее.

— Ты попробуй это самой Тигровой скажи, — криво усмехнулся Тач.

— Да уж, если б не Чеснок, она уже давно бы деревяшкой махала пуще новобранцев, — согласился Папаша.

У Аджакти язык чесался рассказать товарищам новость, но запрет Аниры, несомненно, имел под собой основания. Ведь и Скавр ни словом не заикнулся о состоявшейся сделке. Похоже, рыжая и сама еще не в курсе грядущих перемен.

— Эй, — вдруг затормозил Аркон, уставившись на что-то за краем высокой садовой стены. — А давайте сувенир принесем болящей! Пусть девушка порадуется!

Аджакти проследил за взглядом Аркона, но не увидел ничего, кроме мохнатых ветвей какого-то встопорщенного дерева, между которыми виднелись гроздья желтых, похожих на распухшие пальцы фруктов.

— Финики! — расплылся в улыбке Папаша, давно забывший изображать пьяного. — Давненько же я их не едал! Они небось как раз поспели, а морозец прихватил, и они сладкие такие стали…

— Чистый мед! — подхватил Аркон, вид у которого стал как у медведя, этот самый мед почуявшего. — Мы с ребятами, ну из охранных, их только сушеными на базаре брали, с прошлого года, — и то чуть языки не проглотили. А уж свежие они, вообще, должны быть, — он щелкнул пальцами, подбирая достойное лакомства слово: — Объедение!

— Вы спятили оба, — мрачно заметил Тач. — Сад-то чужой, заметили? Кроме того, тут стена — метра два, а за стеной небось стража.

— Ха! — подбоченился Папаша, воинственно топорща бороду. — Когда это стена нас останавливала? Глянь, вокруг ни души, а стража небось в тепле отсиживается, чего по саду-то шарахаться, зад морозить? Давай-ка лучше, Элиас, лезь мне на плечи — ты у нас длинный.

— Я не вор! — Гор-над-четец спокойно скрестил руки на груди.

— Тогда на стреме стоять будешь, — ничуть не смущаясь, объявил Аркон. — От горсти фиников толстосумы эти небось не обеднеют. Аджакти?

Синие и карие глаза сошлись на Кае. Он вздохнул — они с Тачем были самые легкие из четверки.

— Возможность того, что нас сцапают, вы не рассматриваете? Может, побережете задор для более серьезных деяний?

— Чья бы корова мычала, — хмыкнул Аркон и полез на плечи пригнувшемуся Папаше.

Кай поймал обвиняющий взгляд Элиаса: подвиги Горца и Аджакти на Торговой площади были еще свежи в памяти «семерки», так что вряд ли «истребитель гайенов» мог быть авторитетом в вопросе похода за финиками.

— Ну что вы там застряли? — Он пихнул в бок Папашу, кряхтящего под весом Аркона, — за месяцы, проведенные в Танцующей школе, бывший охранный основательно поздоровел. — Хотите, чтоб нас всех тут повязали?

— Дерево, — шепот северянина звучал озадаченно. — У него веток нет!

— А что же тогда над стеной торчит? — резонно заметил Тач, глаза которого настороженно перебегали с одного конца безлюдной улицы на другой.

— Вот то и торчит, — огрызнулся Аркон. — А ниже лысое оно. Как на такое лезть-то?

— Раньше думать надо было! — возмутился Папаша, которому сапог товарища как раз съездил по уху. — Пальмы, что ли, никогда не видел?

— Слазь уже, тролль! — не выдержал наконец обычно сдержанный на язык Тач.

— И не подумаю! — возмутился северянин. — Без фиников я — никуда!

Кай зло сплюнул:

— Ладно, будут вам финики. Папаш, давай вниз нашего сладкоежку.

Церруканец не стал дожидаться повторного приглашения и согнул разболевшуюся спину, стряхивая товарища на землю. Не успел он распрямиться или ответить на Арконовы «тычехрен», как

Аджакти пробежался по кряжистому телу, как по ступеням, подпрыгнул, подтянулся — и ловко оседлал стену. Тут ему стали понятны колебания товарища.

Ствол пальмы, в кроне которой притаились заветные плоды, напоминал Папашину ляжку — мощный, буйно волосатый и… лишенный ветвей или хотя бы сучков, чтобы дать опору ногам. Торчало дерево в компании себе подобных на порядочном расстоянии от стены, а сигать в незнакомый сад, не зная, вылезешь ли потом обратно, было, по меньшей мере, глупо. «Впрочем, как и вся эта детская затея», — подумал Кай.

— Ну чего ты там застрял? — ехидно подначил снизу Аркон, не обращая внимания на шиканье Тача.

Аджакти подобрал ноги, оттолкнулся от своего насеста и повис на волосатом стволе, обхватив его всеми четырьмя конечностями. Над головой закачались гроздья крупных желтых плодов, затряслись разлапистые листья. Товарищей теперь было не видно, только доносилась из-за стены приглушенная возня — наверное, переживали ребята. Кай осторожно полез вверх, кляня себя за то, что не снял плащ — тот только в ногах путался. Аджакти несколько раз соскальзывал вниз, почти достигнув вершины, прежде чем освоил новую технику. Передвигаясь на манер гусеницы, он наконец добрался до первых веток и стал набивать карманы финиками.

Вокруг по-прежнему не было ни души, только шелестели на ветру пальмы да доносилось порой снизу бормотание знакомых голосов. Окрыленный успехом, Кай стянул полы плаща в подобие мешка и стал сгружать туда спелые гроздья. Все-таки сгодилась одежка-то!

— Ты эльф, да?

Тонкий требовательный голос застал его совершенно врасплох: веточка с янтарными плодами выскользнула из пальцев и со смачным плюхом ударилась о землю. Аджакти скосил глаза следом. Из густых кустов, увешанных чем-то вроде оранжевых фонариков, выступила невысокая плотная фигура. Любопытные карие глаза под лохматой челкой рассматривали восседавшего на дереве чужака безо всякого страха. Что было вполне объяснимо — рядом с ногами девочки подобрался черный зверь, готовый сорвать самого Кая с пальмы, как спелый финик. Ошейник-цепочка ясно указывал на то, что ягуар был ручной — хотя на его свирепость этот факт, похоже, никак не повлиял.

— Ну чего молчишь? — настаивала хозяйка хищника.

Аджакти сглотнул, смачивая пересохшее горло. Ягуар оценивающе разглядывал его немигающими зелеными глазами. За стеной стало подозрительно тихо. Кудрявая девочка

нетерпеливо притоптывала носком сапожка палую листву. Н-да, как сказал бы старик Яра: «У нас ситуация».

Глава 15
Потери и приобретения

Найд открыл глаза, но кромешная тьма словно вдавила их обратно внутрь черепа. Поначалу он не мог сообразить ни где он, ни почему оказался в этом холодном, пахнущем воском гробу. Но тут звук, который разбудил его, послышался снова: «Тум. Тум. Тум». Что-то легко коснулось щеки, посыпалось дальше, за шиворот. Анафаэль судорожно сел, щурясь в темноту. Локти уперлись в дощатые нестроганые стенки. Ульи со спящими пчелами! Он был в зимовнике на опушке леса, и кто-то расхаживал прямо над его головой!

Стараясь ничего не свернуть, парень инстинктивно забился как можно дальше между пчелиными домиками. Без света невозможно было определить, как долго он здесь находился. Явился ли за ним Ноа с припасами? Или это ищейки СОВБЕЗа взяли след?

Наверху послышалась возня. Люк в потолке приподнялся, обрушив вниз каскад снежной пыли. Пахнуло холодом. Найд едва успел зажмуриться — потоки света залили тесное помещение, причиняя боль даже через сомкнутые веки. Значит, ночь еще не наступила. Или уже было утро? Скрипнув, крышка люка встала на место. Найд рискнул открыть глаза, но перед ними тут же поплыли оранжевые круги — посетитель зажег масляную лампу. По крайней мере человек, кажется, явился один.

— Анафаэль? Ты где?

Облегчение окатило Найда, как теплая волна. Он разжал дрожащие кулаки, потер отметины от ногтей на ладонях:

— Я здесь, Ноа.

Послушник приблизился, пригибаясь под низким сводом, поставил фонарь на крышку соседнего улья:

— Ты как?

Найд и сам не знал. Он чувствовал себя выжатым, как половая тряпка. В ожидании нападения тело выдало последние оставшиеся ресурсы. Появись сейчас у порога зимовника маги, он едва мог бы шевельнуть пальцем:

— Что теперь, вечер или утро?

— Вечер, — Ноа принялся сметать с войлочных сапог налипший снег.

— Вот почему я будто пчела в спячке.

— Прости, я не мог раньше прийти, — монашек присел на корточки рядом с товарищем. — В обители кишели люди в

ко… — Паренек запнулся, облизнул пересохшие губы. — Маги. Расспрашивали всех. Трое даже остались на ночь, на случай, если ты вернешься. А одна, рыжая такая, с зимой в глазах, все таскалась за мной, как тень, пока я не вызвался помочь брату Филимону хлев чистить.

— Ты уверен, что за тобой не следили? — насторожился Найд.

— Уверен, — кривовато усмехнулся послушник. — Чего с юродивого-то взять? Те, что в обители остались, все больше братом Макарием да настоятелем интересовались. А рыжая на второй день убралась восвояси. Еще до обедни. Небось помчалась охотой руководить.

— Погоди-погоди, — нахмурился Найд, пытаясь разобраться в путаных речах. — Какой второй день? Какая охота?

— Ну, — смутился монашек, — ты же вчера дал ребенку древесную душу. Вот и выходит, второй. А охота, — Ноа отвел виноватые глаза, — на тебя же. Они везде шарят: и по деревням, и по трактам проезжим. Даже в лес сунулись, но там снегу навалило.

Мысли Найда метались, как растревоженные пчелы в улье. Вопросы теснились на губах, не желая чинно вставать в очередь.

— При чем тут древесная душа? Просто немного магии. Снег, говоришь? Раз ты по свежему выпадку пришел, следы приведут СОВБЕЗовцев прямо сюда!

Послушник вытаращил на товарища недоверчивые карие глаза:

— Немного магии?! Поэтому цветы в декабре из земли полезли?

Анафаэль только неопределенно хмыкнул и уставился себе под ноги.

— Родители девочки решили, что душа ясеня перешла в нее, — объяснил Ноа. — Язычники, что ж тут поделаешь. Даже имя ей дали другое. Сиринга. На местном говоре значит — «древесный дух». А следы я вокруг зимовника замел, не беспокойся.

Найд покачал головой, собираясь с мыслями:

— Выходит, я почти сутки тут продрых?

— Ты что, спал все время? — удивился Ноа. — А я-то боялся, что не дождешься меня.

— Да, утомительно души перемещать, знаешь ли, — отшутился Анафаэль. Пустой желудок испустил требовательный рык, явно соглашаясь с хозяином.

— Вот, — засуетился монашек, — я тут принес тебе…

Он подтолкнул к товарищу туго набитый заплечный мешок,

распуская горловину. Чуть порывшись, Найд выудил из него горбуху свежего хлеба, в которую тут же вцепился зубами. Ноа протянул ему флягу, в которой упоительно булькало:

— Отвар мелиссы с брусникой, бодрость дает.

Анафаэль только кивнул, активно работая челюстями: бодрость ему была просто необходима.

— Я должен еще кое-что тебе отдать, — замялся послушник. Он запустил руку за пазуху и извлек на свет небольшой, замотанный в тряпицу предмет. — В общем, это твое, но я не мог вернуть раньше.

Найд с трудом проглотил огромный кусок горбушки и потянулся за свертком. Даже сквозь тряпку пальцы кольнул знакомый холодок. Не может быть! Дрожащими руками он развернул путающиеся матерчатые складки. Колода Найрэ выскользнула из плохо затянутого мешочка, карты веером легли на земляном полу. Многие упали рубашками вверх, только три картинки сияли яркими красками в свете масляной лампы — казалось, пребывание в воде совсем не повредило их.

Ноа тихо ахнул и отодвинулся, словно прикосновение гладких квадратиков могло быть ядовитым. Два волка, стерегущих дорогу, упирающуюся в водную гладь, над которой ярко сияет луна. Женщина в короне, держащая весы в одной руке и сияющий меч — в другой. А прямо у коленей послушника — скелет в доспехах, верхом и с черным стягом в руке, мертвые тела у реки, одно из них — в монашеских одеждах. Под ложечкой противно затянуло, когда Найд разобрал нулларборские руны. Луна. Справедливость. Смерть.

— Значит, они не утонули! Ты нашел их, — потрясенно пробормотал он, ломая голову над значением выпавших карт. Говорят ли они, что полный опасностей путь приведет его к большой воде? Что справедливость в конце концов восторжествует, но сначала кому-то придется умереть? Или все гораздо прозаичнее, и вскоре его прикончат то ли волки, то ли жуткий преследователь в зеркальных доспехах, то ли… королева? Бред! Анафаэль гнал от себя мысль о том, что Смерть на коне может забрать с собой кого-то другого, кого-то, ставшего ему близким. Может, брата Макария, а может…

— Я спрятал карты, — виноватым голосом сообщил Ноа. — Послушникам нельзя иметь личные вещи. Особенно такие вещи, — паренек сделал ударение на «такие». — Но я подумал — вдруг эта колода важна для тебя? Поэтому и сберег ее вместе с письмом.

— Письмо! — На мгновение Найд забыл о мрачном предсказании аркана. — Значит, и оно уцелело?

Монашек смущенно кивнул:

— Строчки совсем расплылись, но я боялся, что можно будет разобрать что-то… Ну что-то плохое для тебя, — Ноа шмыгнул носом. — Я ведь грамоте не обучен, только имя свое могу написать.

— Ты принес письмо? — У Анафаэля стеснило грудь при одной мысли о последних словах херра Харриса, которые он, возможно, скоро сможет перечесть.

— Оно в мешочке с картами.

Найд запустил похолодевшие пальцы в замшевые недра. Пергамент, изрядно потрепанный по краям, почти не пострадал, зато убористый почерк херра Харриса превратился в синеватые разводы. Кое-где просматривались отдельные иероглифы, но это было все. Вздохнув, Анафаэль приложил испорченное послание к губам и спрятал обратно в расшитый кошель.

— Спасибо, Ноа. Эти вещи мне действительно дороги, — он принялся собирать рассыпавшиеся карты.

Монашек вспыхнул и поспешил замаскировать смущение скороговоркой:

— Да я что? Я ничего. Вот тут брат Макарий собрал для тебя…

В руки Найда неловко сунулся еще один сверток — теплое шерстяное одеяло.

— Макарий? — насторожился он. — Разве инок знает, что мы с тобой собрались бежать вместе?

Глаза у Ноа забегали, паренек снова облизнул губы:

— Он добрый, много хороших вещей для тебя дал. Его не надо бояться, он не выдаст.

— Что значит — для меня? — поразила Найда неожиданная мысль. Он окинул монашка подозрительным взглядом. — А ты? Где твой мешок?

— Я… — Монашек уставился в талую лужу у своих ног. — Я остаюсь, Анафаэль.

Найд помолчал, рассматривая по-мальчишески мягкое лицо, освещенное сбоку оранжевым светом лампы.

— Почему? — наконец тихо спросил он.

Ноа тяжело вздохнул и вскинул на него влажные глаза:

— Это не мой путь.

— Тебе Макарий так сказал? — нахмурился Найд.

Послушник тряхнул головой:

— Нет. Я сам. Я… Что я знаю о жизни? Дом отца, лавку, город, потом монастырь, — между густыми бровями залегла страдальческая складка, слова давались парнишке с трудом. — Я в лес-то не заходил дальше опушки. Как далеко ты со мной

уйдешь по бездорожью, по сугробам?

— Я тебе помогу! — прервал сбивчивую речь Анафаэль. — Я научу…

— А пока ты со мной возишься, рыжая и ее свора будут тут как тут. Я не хочу, чтобы с тобой случилось… — Монашек запнулся, утер глаза грязным рукавом. — Не хочу, чтобы ты стал как я.

— Я уже один раз ушел от них! — с жаром возразил Найд, наклоняясь вперед и кладя ладонь на поникшее плечо друга. — Уйду и в этот раз. *Мы* уйдем!

Послушник покачал головой, его зрачки блеснули светом отраженного пламени:

— Ты уйдешь. Ты сильный. Будущее зовет тебя, большое будущее. А мое время кончится здесь. Я не создан для войны, Анафаэль. Ее битвы избрали тебя — не меня. Но я рад, что наши дороги на мгновение пересеклись.

— Что ты несешь, Ноа? — Найд почувствовал, как дрожит костлявое плечо под его рукой, и всерьез обеспокоился за паренька. — Какая война? Какие битвы?!

— Я видел… — Монашек устремил горящий взгляд прямо в расширенные зрачки товарища. — Помнишь, я говорил, что видел вещи, которых не было на самом деле?

Найд нашел в себе силы кивнуть, прочистил пересохшее горло:

— Уг-кху. Ты еще сказал, что теперь ничего не помнишь.

— Почти, — прошептал Ноа.

Внезапно его дрожь передалась Анафаэлю:

— Что… Что ты видел?

Карие глаза подернулись дымкой:

— Смерть.

Найд вздрогнул, пальцы невольно стиснули вышитый мешочек с арканом:

— Как — смерть? Чью?

— Всех, — спокойно ответил Ноа, взгляд которого затопила тьма. — Отца, матери, людей вокруг — знакомых и незнакомых. Я видел, как они умрут. Они ходили и говорили, а я знал, что в каждом живет и растет маленькая смерть.

Капли холодного пота выступили у Найда на лбу, хитон прилип к мокрой спине:

— Как же ты жил — с этим знанием?!

— Тяжело, — тьма в глазах Ноа пошла рябью. — Кого-то я пытался предупредить.

— И что же, — Найд перевел дыхание: в груди тянуло от нехватки воздуха, — им удалось избежать своей судьбы?

Ноа медленно повел головой из стороны в сторону:

— Мои предсказания сбывались. Так отец и узнал о… даре. Так он называл это — дар. Я думаю, это было проклятие.

Анафаэля пронзила острая жалость к пареньку. Знать о несчастье, пытаться предотвратить его, а в ответ, возможно, получить смех и обвинения во лжи и наконец убедиться в своей страшной правоте и страшной же беспомощности. Верно, тот маг, что испытывал беднягу, увидел в его сознании собственный приговор и от испуга перегнул с силой.

Он обнял Ноа за костлявые плечи, похлопал по спине:

— Но теперь ведь все кончилось, верно? Хорошо или плохо, но теперь ты — как все.

Послушник напрягся под его рукой:

— Ты не понимаешь. Я никогда не буду как все. Потому что я помню… Я помню… — Дыхание паренька пресеклось, расширенные полумраком зрачки забегали по тесному помещению, будто в поисках невидимого выхода.

— Что ты помнишь, Ноа? — тихо спросил Найд.

Между ними повисло молчание, холодное и острое, как осколок льда. Наконец монашек заговорил. Голос звучал монотонно, как заученная молитва:

— Боевые замки, шагающие через пылающие поля. Машины, сделанные из железа, дерева и костей. Огромные и беспощадные. Перемалывающие мышцы и суставы, вытягивающие жилы, проламывающие черепа. Я видел магов, сидящих внутри, и магов снаружи, сжигающих их огнем. Это война, Анафаэль. И ее невозможно предотвратить, невозможно отменить, невозможно отсрочить.

Найд сидел, уставившись в темноту за желтым кругом света, как будто это был черный занавес, готовый вот-вот раздвинуться и показать ему описанное провидцем будущее:

— Но выиграть… — прошептал он, бессознательно озвучивая свою мысль. — Ведь ее еще можно выиграть?

— Я не знаю, — голос послушника звучал не громче шелеста ветра в нагих зимних ветвях. — Я не видел конца. Но ты должен попытаться.

— Я?! — Найд подскочил на месте, возвращаясь к действительности громоздящихся вокруг ульев и провонявшей воском тесноты.

Ноа серьезно кивнул, обращая к нему посветлевший взгляд:

— Я видел мага, державшего меч, свет которого менял звездный узор, — монашек сунул руку между пальцев Найда, все еще стиснутых на расшитом мешочке, и ткнул ему под нос вытянутую вслепую карту. — Вот такой.

Анафаэль скосил глаза вниз. Женщина в короне протягивала ему сияющий клинок. Он тряхнул головой, отстраняясь:

— Откуда у меня меч?! Да еще светящийся? — Тут он запнулся о собственное слово. Разрозненные кусочки информации, мыслей и предчувствий внезапно сложились вместе, как кирпичики головоломки. Ведь он неспроста хвалился перед Ноа планами путешествия за море. Найд и правда подумывал о том, чтобы наняться на судно в одном из восточных портов. Не для того, чтобы стать моряком. Он мечтал о самом недостижимом, самом несбыточном. Он надеялся отыскать утерянный клинок Света.

Ноа прочитал понимание в его глазах и вложил холодную карту в ладонь друга:

— Найди его. И возвращайся.

— Но, — пальцы Анафаэля невольно ухватили гладкий квадратик, в подушечках защекотало, будто по ним бегали озабоченные муравьи, — как я разыщу реликвию? Столько героев и волшебников до меня пытались и только голову сложили или вернулись ни с чем. Я читал книгу брата Макария. Чем я лучше остальных?

Ноа улыбнулся, и темнота будто отступила, спряталась в дальних углах:

— Ты знаешь, где искать.

— Я?! Знаю?! — Найд задохнулся от такой несправедливости. — Я *предполагаю,* что клинок *может* находиться где-то между Феррагостой и Ассувой, что дает нам дистанцию примерно в тысячу морских миль и все обитаемые острова и континенты. А ты, пророк хренов, хочешь в обители отсидеться, вместо того чтобы мне помочь!

Улыбка паренька поблекла, он покачал головой:

— Тебе не моя помощь нужна. Все, что тебе нужно, у тебя уже есть, — послушник поднялся на ноги, зачем-то отряхнул подрясник. — Пойду я. Мне еще хворосту набрать надо, я же за ним вроде как собрался.

Найд тоже встал. Они замерли, сгорбившись под низким потолком, глядя друг на друга — возможно, в последний раз. Вдруг Ноа хлопнул себя по лбу, разбив неловкость мгновения:

— Дурень! Как же я забыл, — он потянул за кожаный шнурок, всегда висевший на шее. — Вот. Это тебе. На память.

Дымчатый кристалл, оправленный в серебро в форме знака света, был не из дешевых — наверное, отец мальчика расщедрился.

— Я не могу это принять, — Найд отвел в сторону руку друга. Видя, как омрачилось детское лицо, он поспешил добавить: —

Мне ведь нечего подарить тебе взамен!

Ноа нахмурился, признавая справедливость довода, но черты его быстро разгладились:

— Я знаю! Обещай, что как-нибудь навестишь меня в обители. Когда будет неопасно. Лучшего подарка мне и не надо!

Найд посмотрел в лучащиеся надеждой глаза паренька и принял засаленный от долгого ношения шнурок:

— Обещаю.

Монашек вспыхнул улыбкой и бросился другу на шею. Длинные руки стиснули Анафаэля, что-то горячее и мокрое мазнуло по щеке.

— Прощай!

И вот Ноа уже лез по лесенке вверх, украдкой утираясь рукавом. Холодный свет затопил все, ослепляя. Скрипнула крышка люка.

Когда Найд наконец проморгался, то понял, что остался один. Только на скулах высыхали слезы — чужие или собственные, он и сам не мог сказать.

Глава 16
Рыцарь Телескопа и Черепа

— Ой, мальчики, какие же вы молодцы! — Лилия мечтательно зажмурила один глаз. Второй закрывала черная повязка. — Где вы раздобыли такую вкуснятину? Фрукты зимой, наверное, жутко дорогие!

— Н-да, действительно, где? — буркнул Тач, разминая растянутую на тренировке ногу. Гладиаторы как раз прервались на короткий отдых, и «семерка» тут же заняла места под навесом вокруг девушки, только начавшей выходить из лазарета.

Лилия распахнула зеленый глазище, прищурилась на сочащуюся соком гроздь и, выбрав крупный золотистый финик, закинула его в рот:

— Умм! Вкушнотиша! — Она отерла губы и протянула налитой фрукт Токе, наблюдавшему за ее действиями с кислым видом.

«Наверное, переживает, бедняга, что сам не додумался подругу так порадовать, — догадался Кай. — Зря. Увольнительной у него не было, да даже если б и была, Горец скорей всего провел бы свободный день рядом с выздоравливающей».

— Сколько они стоят? — тем временем поинтересовалась Лилия. — Я отдам. Вот только снова бой выиграю и отдам.

У Аджакти сердце защемило от ее жизнерадостного неведения.

— Цирконий, — прорезался Папаша, почуяв наживу. — За гроздь.

И тут же получил увесистую оплеуху.

— Окстись, спекулянт! — Аркон подмигнул товарищам, усаживаясь на местечко потеплее, у жаровни. — Даром они нам достались, Лилия. Ничего ты не должна.

— Как так — даром? — подозрительно нахмурился Токе.

Тач только бровь выгнул, переводя многозначительный взгляд с Аджакти на Папашу, а с того — на Аркона.

— Гхра… — прочистил церруканец горло, дергая вплетенные в бороду бусины. — Дык как… Взяли где плохо лежало. Вернее, висело.

— Сперли! — прищурилась Лилия на здоровяка, раздувая тонкие ноздри.

— А-а, это было не самое интересное, — Аркон вальяжно потянулся за финиками, но тут же получил от воительницы по

пальцам.

— Что же может быть интереснее? — сквозь зубы проворчал Горец, стреляя злыми глазами в Кая.

Аджакти попытался знаками из-за спины показать, какая смерть постигнет Аркона, если он не придержит язык, но блондин притворился слепым:

— Скажем, наш белогривый друг, застуканный на пальме в чужом саду, набивающий карманы чужими же финиками.

— Аджакти замели? — разинула рот с полупережеванным фруктом Лилия.

— Но, судя по всему, он выкрутился, — ледяным голосом огласил очевидное Токе. — Причем даже с целой шкурой.

— Вот это, — ткнула гладиатрикс новым фиником в Кая, — действительно интересно. Как тебе удалось?

— Н-да, как? — Тач оставил в покое свою голень и мрачно воззрился на покорителя пальм.

— Наш скромный герой не очень распространялся о своем подвиге, — прокомментировал Аркон, которому под шумок удалось-таки стянуть пару сочных фиников у Лилии из-под носа.

— Колись, Деревяшка, — посоветовал Вишня, все это время внимательно прислушивавшийся к разговору.

— Тоже мне, подвиг, — фыркнул Кай, зачерпывая воды с мелкими льдинками из стоящей рядом бочки. — Там всего лишь девчонка была малолетняя. В саду играла. Зубы ей заговорить ничего не стоило.

— Да ну? — вздернула бровь Лилия и тут же поморщилась от боли — видно, движение потянуло полузажившую рану. — И что же ты втюхал ребенку?

Кай скривил губы в усмешке:

— Что я эльф.

Фруктовый сок брызнул изо рта гладиатрикс. Она хохотала, пока из уцелевшего глаза не полились слезы. «Семерка» не отставала от нее, так что остальные бойцы стали бросать в сторону развеселившейся компании любопытные взгляды. Один Аджакти держал невозмутимую мину.

— Значит, эльф, — немного отдышалась Лилия. — И как же ты выбрался из сада? Упорхнул на прозрачных крылышках?! — Сраженная новым приступом смеха, девушка повалилась на Токе, зажимая руками надорванный живот.

— Зачем? — спокойно пожал плечами Кай. — Там калитка была.

Громовой раскат хохота привлек, наконец, внимание докторов.

— Хорошо отдохнули? — ощерился как из воздуха

соткавшийся Фазиль, поигрывая рукоятью «кошки». — Чем гоготом пузо рвать, лучше б работой его напрягли, пользы больше будет. А ну пшли, гуси хреновы!

Честно говоря, Кая обрадовало появление наставника — оно позволило избежать нежелательных подробностей финикового приключения. Подробностей, которыми совсем не хотелось делиться. Приставленный Альдоной тягать здоровенный дубовый брус, Аджакти терпеливо наматывал круги по плацу, пока в голове снова и снова прокручивались события вчерашней увольнительной.

В пересказе Аркона история с финиками действительно не могла не вызвать улыбку. Но вот Каю, сидевшему на пальме прямо над пастью ягуара, было не до смеха. В тот момент только одна вещь беспокоила его больше, чем целость собственной задницы, — присутствие за стеной товарищей. Ему ясно представлялся худший вариант развития событий: штурмующие сад гладиаторы, визг девчонки и рык разъяренного зверя, сбегающаяся на шум стража, а дальше — по мере тяжести телесных повреждений — колодки, плеть или приговор к смерти на арене.

— Сколько тебе лет, девочка? — нарочито громко возгласил он с макушки пальмы.

— Скоро четырнадцать, — крикнула снизу шак'ида, ибо кем еще могла быть хозяйка ягуара, как не дочкой какого-нибудь крючконосого аристократа. — А тебе?

Кай прислушался к настороженной тишине за стеной:

— Две тысячи шестьсот шестнадцать, — он чувствовал, что начинает соскальзывать по гладкому стволу вниз, и попытался исправить положение. С руками, занятыми набитым финиками плащом, это было нелегкой задачей. — Надеюсь, такому древнему существу, как я, — очень отчетливо начал он, косясь в сторону стены, — ничего не угрожает?

Послышалось ему или за каменной кладкой сдавленно хрюкнули?

— Если это существо слезет вниз — нет, — усмехнулась гадкая девчонка.

Вздохнув, Кай бросил последний взгляд в направлении затаившихся товарищей и, положившись на авось, съехал по стволу на землю. Одно мгновение — и черный зверь распластался в воздухе. Влажные клыки сверкнули на фоне алого языка. Аджакти попятился, запнулся о корень и растянулся во весь рост. Импровизированный мешок с фруктами плюхнулся на грудь, широкие черные лапы ударили следом. Гладиатор уже готов был нанести отчаянный удар, когда сознание отметило, что когти

остались втянутыми в бархатные подушечки. Влажный нос застыл в паре сантиметров от Каева лица, ноздри затрепетали, втягивая новые запахи, черные усы встопорщились на вздернувшейся верхней губе.

— Ферруш, фу! — В тонком голосе зазвенела сталь, и круглая пушистая голова исчезла, прижав уши.

Кай отер со щеки кошачью слюну и неловко встал на ноги.

— А ты смелый, — хихикнула Феррушева хозяйка, меряя «эльфа» оценивающим взглядом, — и довольно крепкий… для тысячелетнего.

Аджакти наконец представилась возможность рассмотреть свою пленительницу как следует. Несмотря на длинное расшитое по подолу платье, выглядывающее из-под плаща, она напоминала мальчишку, зачем-то обряженного в женские тряпки. Черные кудри топорщились во все стороны над круглым, грубоватым лицом. Кое-где в них застряли веточки и сухие листочки, давно не стриженная челка лезла в пронзительные глаза, такие темные, что радужка сливалась со зрачком. Обветренные губы скривились, пальцы с обгрызенными ногтями почесали исцарапанную щеку:

— Чего уставился? Женщины никогда не видел?

Кай кашлянул, подавляя смешок, и тут воздух застрял у него в глотке колючим комком. Волоски на шее поднялись дыбом, каждая клетка завибрировала, как у легавой, почуявшей дичь. Детское лицо обрамляли не только непослушные лохмы. Радужное сияние запуталось в черных волосах, будто девочка стояла против яркого солнца. Только вот небо над Церруканом по-прежнему затягивали набухшие снегом тучи. Волшебница! В амирате! Невозможно.

Шак'ида, инстинктивно защищаясь от его взгляда, обхватила руками не по-девичьи широкие плечи, аура тревожно потемнела. Ягуар у ее ног припал к земле, из горла вырвалось предупреждающее ворчание.

— Простите, госпожа, я… — Аджакти с трудом отвел глаза, его взгляд машинально скользнул по саду, отмечая то тут, то там мерцающие нити заклятий, — обознался. Вы похожи на девушку, которую я когда-то знал.

— Какую девушку? — Девчонка нахмурилась, по лицу впервые пробежала тень страха. — И почему ты назвал меня госпожой?

— Неважно. Я ошибся, госпожа, — постарался Кай успокоить ребенка невинной ложью. — И я — не эльф. Я — гладиатор.

Две пары глаз мгновение изучали его: черные — человека и зеленые — ягуара.

— Не могу понять, врешь ты или нет, — пробормотала

волшебница себе под нос, будто она говорила сама с собой. — Обычно это мне легко удается. Ты интересный! — тут же решила она, энергично кивнув, словно соглашаясь с невидимым собеседником. — Пожалуй, я не скормлю тебя Феррушу. Пока.

Прищурившись сквозь густые ресницы, она медленно обошла вокруг Аджакти, насвистывая какую-то мелодию. Дикая кошка следовала за ней, раздраженно подергивая хвостом. Наконец девчонка снова остановилась перед чужаком, уперев руки в боки и склонив голову к плечу:

— Если ты гладиатор, — она пихнула носком сапожка оброненный Каем плащ, из которого предательски высунулась финиковая гроздь, — что ты тогда делал на моем дереве?

Отрицать вину было глупо и опасно.

— Я заплачу за фрукты, — Аджакти зашарил по поясу в поисках кошеля. Все равно товарищи не увидят его позора.

— Вор при деньгах?! — Ехидная девчонка почесала ягуара между ушей. Тот нервно зевнул, не сводя с незнакомца настороженного взгляда.

Кай молча протянул ладонь с десятком циркониев — это было больше, чем тройная цена фиников на базаре, — но маленькая бестия только покачала головой:

— Мне не нужны твои монеты.

Он уронил деньги обратно в кошель:

— Отпустите меня, госпожа, прошу.

Девчонка растянула широкий рот в улыбке, словно почуявшая сметану кошка:

— Отпущу, если поиграешь со мной!

Кай закусил губу. Больше всего на свете ему хотелось убраться из этого опутанного магией сада. Шак'ида оказалась четвертым волшебником, которого он встретил в своей жизни. Первым стал Мастер Ар, двое остальных погибли, и не без Каевой помощи. Маленькая чародейка была врагом, но она случайно встала на его пути, и он не хотел причинять ей боль.

— Я не нянька, — пробормотал он, — и не плюшевый медведь. Я гладиатор и должен вернуться в казармы.

Глаза девчонки сверкнули, подбородок упрямо выпятился вперед:

— Я предлагаю тебе две игры — на выбор. Первая называется «Стражи и разбойники». Ты — гладиатор, обчистивший финиковую пальму. Я — благородная Сен, поймавшая вора. Я зову охрану, пока Ферруш стережет тебя. Воины прибегают и… — героиня задумчиво потеребила губу, — скажем, вешают тебя на этой самой пальме вниз головой. Голым.

Мучительница хихикнула, заметив изменившееся выражение

лица жертвы.

— Игра вторая, «Спасение принцессы», — палец с обгрызанным ногтем ткнулся в воздух, нацеливаясь на Кая. — Ты — эльф, штурмовавший неприступный замок, чтобы спасти принцессу Сен из логова злобной ведьмы! Потайными ходами мы пробираемся в подземельях под замком, избегаем смертельные ловушки и, — девчонка сделала большие глаза, — вырываемся на свободу! Ну, — усмехнулось маленькое чудовище, — какая игра тебе нравится больше?

— Последняя. Со свободой, — быстро уточнил Кай. Хорошо хоть, друзья об этом никогда не узнают. Сейчас они, наверное, уже на пути к Танцующей школе.

Ужасное дитя удовлетворенно потерло ладошки:

— Чудесненько! Ну начинай.

Кай растерянно открыл рот, снова его закрыл. Он совершенно не представлял себе, что мог бы сказать или сделать эльф. Он сам еще недавно был ребенком, но если ему и удавалось улучить свободную от работы минуту, то он всегда играл в одиночестве — в Замке Мастера Ара не водилось других детей. Впрочем, все это осталось в иной жизни, которая теперь казалась Каю чужой и ненастоящей.

Сен, уставшая ждать, раздраженно топнула ногой:

— Ты что, язык проглотил? Встань на одно колено и скажи, — она прижала ладонь к груди и закатила глаза: — «Ваше высочество, как я счастлив лицезреть ваш образ!»

Аджакти тупо моргнул:

— Чего?

Шак'ида тяжело вздохнула и повторила кислым голосом:

— Скажи, говорю: «Ваше высочество, как я счастлив видеть вас».

Оглядевшись по сторонам и убедившись в отсутствии свидетелей, Кай опустился на колено:

— Ваше высочество, как я счастлив видеть вас, — пробормотал он убито.

Ягуар, занимавшийся вылизыванием своей лапы, презрительно фыркнул. «Принцесса» раздраженно пнула опавшую листву:

— И это все, на что ты способен? Похоже, роль гладиатора подходит тебе больше. Может, пора сыграть в «Стражей и разбойников»?

Аджакти отчаянно затряс головой.

— Ладно, даю тебе вторую попытку, — великодушно махнула рукой девчонка.

— Ваше высочество, — неуверенно начал Кай, все еще стоя на

коленях, — как… бы мне хотелось отшлепать вашу заносчивую, самодурскую, высокопоставленную задницу!

Сен замерла, приоткрыв рот. Зверь у ее ног задумчиво воззрился на чужака, словно взвешивая его шансы на выживание. Аджакти плюнул на все и одним мягким движением поднялся на ноги. «Возможно, удастся убить кошку и сбежать через стену — магия девчонки не причинит мне вреда. Вот только запомнит она мою „эльфийскую“ образину, точно запомнит!»

Но тут «принцесса» расплылась в улыбке, подскочила к Каю и хлопнула его по плечу:

— Давно бы так, Глорфиндел! Я по тебе тоже скучала. Пойдем, я покажу тебе мою темницу!

— Глорфиндел? — вскинул бровь Кай, но Сен уже тащила его через кусты с красными фонариками, а Ферруш, фыркая, скользил рядом.

Экскурсия оказалась быстрой и эффективной.

— Мои фрейлины, — ткнула девчонка в трех больших кукол, сидевших под ветвями то ли пихты, то ли туи.

Кай обратил внимание, что на них были богатые, но довольно замызганные платья. У одной не хватало руки, у той, что красовалась в середине, — глаза.

— Роза, — внезапно произнесла однорукая кукла тонким, невыразительным голосом.

Аджакти подскочил на месте, но тут же заметил паутинку заклятия, переливающуюся на шее игрушки. Ее хозяйка довольно хихикнула.

— Лилия, — проскрипела одноглазая «фрейлина», и Кай снова вздрогнул, к вящему удовольствию Сен. Он понимал, что девочка просто дала куклам цветочные имена, но все равно от совпадения противно засосало под ложечкой.

Последняя игрушка пролепетала что-то невнятное, и ее хозяйка взяла представление на себя:

— Это Фиалка. Бедняжка не может говорить — языка нет. — В ответ на недоуменный взгляд Кая, она пояснила: — Их пытали.

Гладиатор предпочел не спрашивать, кто был палачом. Он послушно следовал за «принцессой», несущейся через заросший сад какими-то звериными тропами.

— Терновый лабиринт, — махнула она налево, где ветви с огромными колючками поднялись на высоту выше человеческого роста, сплетенные заклинаниями.

— Ров с саблезубыми рыгалиями, — отмашка вправо, где забитый палой листвой бассейн поблескивал бурой водой. Насчет «рыгалий» Кай решил тоже пока не интересоваться.

— Мои стражи! — прошипела Сен, прижав палец одной руки

к губам, а другой тыкая сквозь сетку засохших лиан.

Два заплесневевших каменных грифа, охранявшие неухоженную садовую дорожку, взмахнули крыльями и шумно занюхали воздух. И здесь Кай заметил следы магии, карабкавшейся по звериным лапам, как побеги вьюнка. Увидев, что ожившие статуи не произвели на «Галландриэля» должного впечатления, Сен рванула его за рукав и потащила дальше. Аджакти едва успевал уворачиваться на бегу от выхлестывающих в лицо ветвей. Внезапно ягуар, взявший первенство в забеге, затормозил, усевшись на пушистый зад. Черная холка встала дыбом.

Маленькая рука ухватила Кая за шиворот и пригнула к пахнущей прелью земле.

— Палач! — Горячий шепот ожег его ухо.

Отведя в сторону желтый лист папоротника, Аджакти углядел ветхого старичка, лысого как колено, старательно сметавшего листья со ступеней полуразвалившейся беседки. Задорный ветерок сводил все усилия раба на нет, но тот с поразительным упорством снова и снова махал связанной из прутьев метелкой.

— Выглядит свирепо, — согласился Кай, сохраняя серьезную мину, — особенно метла. Это ею он кук… фрейлине глаз выколол?

— Угу! — мрачно кивнула Сен. — Пошли, я тебе мою башню покажу!

Сад оказался гораздо больше, чем можно было ожидать. Хотя и не такой заросший, как тот, где Аджакти встречался с Анирой, он повсеместно носил следы неухоженности и запущенности. Возможно, отец Сен обеднел или просто постарел вместе со своими рабами: необрезанные виноградные лозы дичали, сорняки лезли изо всех щелей, дорожки и клумбы сливались в единое целое.

Продравшись через особенно густую путаницу каких-то ломких и колючих веток, они выбрались на заваленную прелой листвой площадку у подножия уходящей вверх стены. Деревья, тесно обступившие здание, скрадывали его размеры и высоту, но знаки, выбитые над арочным входом, ясно говорили о назначении сооружения. Грифы, черепа, закутанная в плащ безносая фигура, предположительно Дестис.

Это была башня-усыпальница, чульпа. Аджакти никогда раньше не видел такую вблизи — право на воздушные погребения в Церрукане было только у знати, останки граждан попроще и рабов в амирате сжигали. Маковки чульп торчали то тут, то там над верхним городом, соревнуясь в высоте между собой и с зиккуратами. Значит, семья Сен действительно благородных

кровей.

Без всяких колебаний шак'ида повлекла Кая ко входу в башню, но тут он притормозил:

— Э-э, ваше высочество, вы уверены, что нам… что мне можно туда?

«Не хватало еще к списку моих преступлений прибавить осквернение праха почитаемых предков! — размышлял он. — К тому же, если меня застукают-таки в чульпе, хрен оттуда куда денешься, вход-то один, он же — выход!»

Сен только заносчиво фыркнула:

— Да я там каждый день игра… в смысле сижу в заточении. Или ты что, — она окинула своего «спасителя» презрительным взглядом, — мертвых боишься?

Мертвых Кай не боялся — они уже никому не смогут навредить. Зато живых стражей, особенно тех, что помоложе «палача» с метелкой, опасаться следовало. Но «принцессе» он ничего не сказал, просто пожал плечами и, пригнувшись, шагнул под низкий свод. Дверь бесшумно скользнула в петлях — видно, кто-то не так давно позаботился их смазать. Ферруш тут же просочился в открывшуюся щель и растворился, черный, среди теней. Аджакти ступил внутрь и принюхался, чуткий как зверь. Мох, сырость, прелая листва. Если тут и были чьи-то останки, то такие древние, что время сожрало даже намек на плоть.

Сен протиснулась мимо него и начала взбираться по винтовой лестнице с крутыми ступенями. Свет поступал в чульпу лишь сквозь узкие окошки, через равные промежутки пробитые в камне. Кое-где тесно подступившие к стенам кустарники и деревья засунули в бойницы свои костлявые пальцы, делая и без того тусклое освещение еще скуднее. Аджакти лез наверх довольно долго — башня оказалась неожиданно высокой. Сен молча карабкалась впереди — мудро берегла дыхание. Наконец, когда у Аджакти уже начало колоть в боку, воздух посвежел.

Выход на верхнюю площадку открылся неожиданно — вынырнул из-за изгиба стены. Гладиатор выбрался наружу и с наслаждением расправил плечи. Ветер подхватил полы его туники, бросил выбившуюся из хвоста белую прядь в лицо. Сен ждала у парапета, ее кудри стояли вокруг головы, сбитые в грозовую тучу. На ягуаре раздувало шерсть, кошку это раздражало, и она то и дело нервно умывала лапой морду.

— Нравится? — Девчонка гордо кивнула на город, раскинувшийся у них под ногами.

«Н-да, это тебе не с казарменной крыши в Журавлиный переулок заглядывать!»

Башня торчала высоко над макушками самых старых

деревьев, так что мозаика плоских и круглых крыш тянулась до самой дымки на горизонте — туда, где начинались Холодные Пески. «Интересно, а Танцующую школу отсюда видно? — Кай попытался сориентироваться в путанице незнакомых улиц. — Или „Почтикалеку“?»

По крайней мере теперь он был уверен, что друзьям ничто не угрожает — их и след простыл.

— Впечатляет, — сдержанно выразил свои эмоции Аджакти. — А городские ворота отсюда видно?

— Ха! — Сен хлопнула в ладоши и ткнула в какую-то грубо выкрашенную зеленым трубку, установленную в держателе на перилах. — Попробуй-ка сюда глянь!

Кай сделал шаг вперед, под сапогом что-то жалобно хрустнуло. Только теперь он обратил внимание на рассыпанные вокруг желтоватые кости — остатки позвонков, череп с оторванной челюстью, несколько ребер и прочая, почти неопознаваемая, мелочь. Похоже, он только что растоптал чей-то древний палец.

— Упс, — он поспешно отступил в сторону, но под ногами снова хрустнуло. Кажется, на сей раз он нашел недостающую челюсть. — Простите, ваше высочество! Кажется, это был ваш… дедушка?

— Не бери в голову, — нетерпеливо отмахнулась Сен. — То, что не утащили грифы, недостойно вознестись на небеса. Лучше посмотри в телескоп!

Аджакти повиновался. Инструмент походил скорее на подзорную трубу, чем на настоящий телескоп вроде того, что украшал обсерваторию Мастера Ара. Гладиатор склонился к окуляру, но не увидел ничего, кроме неясных цветных пятен. Магия, тролль ее побери! Девчонка успела и тут поработать. Он попытался подкрутить колесико на трубке, на которой стояло всего три отметки — буквы церруканского алфавита, явно выведенные детской рукой: «В», «А» и «Д».

— Что это значит? — указал он на символы.

Сен растянула большой рот в улыбке:

— Я усовершенствовала телескоп. Если поставить стрелочку на «В», он показывает только врагов. На «Д» — только друзей.

— Чьих? — поразился Кай.

— Смотрящего, конечно! Хочешь попробовать?

Он сомневался, что волшебный инструмент будет хоть чем-нибудь ему полезен, но послушно установил колечко на «Д». Аджакти не собирался посвящать маленькую ведьму в то, что сотворил с ним Мастер Ар. Возможно, это было всего лишь совпадением, но он довольно быстро обнаружил квадратик

Танцующей школы с сырной дыркой плаца в середине, а у дверей — три крошечные, но отчетливо различимые фигурки. Папаша, Аркон и Тач.

— А что значит буква «А»? — оторвался он от окуляра.

Сен внезапно помрачнела:

— Ничего. Попробуй лучше своих врагов найди.

Кай покачал головой:

— Чтобы их найти, мне помощь не нужна.

Маленькая волшебница призадумалась и серьезно кивнула:

— Мне, в общем-то, тоже. Просто забавно иногда наблюдать за их возней, когда они ничего не подозревают.

Кай решил, что действительно неплохо было бы глянуть, что там поделывает Омеркан. Только навряд ли через телескоп можно подслушивать, а обнаружить принца тискающим какого-нибудь молокососа ему совсем не улыбалось. Сен между тем продолжала:

— Мне тоже больше нравится выглядывать друзей. Только вот раньше, сколько я ни смотрела, никого не видела. До сегодняшнего дня.

Карие глаза многозначительно остановились на «эльфе». Аджакти смутился и перевел взгляд на темнеющее небо над городом:

— Мне надо идти, госпожа. Я должен успеть в казармы до вечерней поверки, или меня объявят беглым.

Сен долго молчала, и Кай вынужден был снова повернуться к ней — от взбалмошной чародейки можно ожидать любого подвоха. Быстро упавшие зимние сумерки бросили на грубоватые черты девочки серые тени, у широкого рта залегли горькие складки. Внезапно Сен показалась гораздо старше своих лет.

— Глорфиндел, за отвагу я посвящаю тебя в рыцари… — Девочка запнулась, подыскивая подходящий титул: — Телескопа и Черепа. Преклони колено.

Аджакти открыл было рот, но выражение, мелькнувшее в глазах «принцессы», заставило его повиноваться. Он слишком хорошо знал этот взгляд — взгляд отверженного, боящегося, что его снова отвергнут. Сен сняла телескоп с подставки и легко коснулась трубкой плеча гладиатора:

— Служи мне верой и правдой, *сэр* Глорфиндел.

Кай увидел, как сверкающие нити заклятий выстрелили из пальцев девочки, скользнули по телескопу, мазнули его плечо. Наверное, чародейка пыталась связать его «игрушечной» клятвой. Он не собирался посвящать ее в то, что магия против него была столь же действенной, как пыточный инструмент ее «палача».

Четверть часа спустя они оказались у калитки в садовой стене, выходившей на другую улицу. Любимец Сен пропал по

пути — наверное, решил, что хозяйке больше ничего не угрожает.

— Приходи еще, — бросила «принцесса», изо всех сил стараясь, чтобы голос звучал безразлично. — Калитка всегда заперта, но я увижу тебя в телескоп и отопру.

— Я не знаю, — замялся Кай. — Что, если это станет известно? Твои родители…

Сен усмехнулась:

— Мой рыцарь боится?! Зря. Всем все равно. — Она чуть помолчала и наконец выдавила, кривя губы: — Так ты придешь?

В этот момент Кай понял все: замученных кукол, игры на костях, подзорную трубу, показывающую только врагов. Сен была одинока так же, как и он. Родители наверняка знали о ее даре — или, по церруканским понятиям, уродстве. Они использовали положение и власть, чтобы спрятать свой позор, свой темный секрет за высокими стенами. Подальше от любопытных глаз и ушей, чтобы, не дай Ягуар, никто не догадался. Девочке не с кем было играть, и она придумала себе фрейлин, эльфов и тюремщиков. Возможно, по стечению обстоятельств, Кай оказался первым за долгое время человеком, который уделил ей внимание. Пусть даже по принуждению. Или не только?

Кусты бесшумно раздвинулись, и перед Аджакти появился Ферруш, волочивший в зубах покрытый пятнами фруктового сока плащ. Финики! Сен приняла ношу и сунула импровизированный мешок в руки гладиатору:

— Возьми. Я ими все равно уже объелась.

Кай обещал заходить. Возвращаясь в казарму, он размышлял о том, стоит ли ставить в известность Мастера Ара. Безусловно, господину будет интересно узнать об обнаруженной волшебнице. Но что, если девочка заинтересует мага настолько, что он решит сам явиться в Церрукан, чтобы склонить ее на сторону тьмы? И, если это не удастся, прикажет уничтожить ее? Что, если, призвав Мастера, Кай откроется перед ним, и господин узнает, чему в действительности обучает его Фламма?

В ту ночь он уснул, по привычке сжимая в кулаке Тигле. Но какую бы дверь в башне с маятником ни открывал, везде в лицо били языки пламени, с ревом поглощавшие арену, Танцующую школу, Фламму, Лилию, Тача, Аркона. Наконец в очередной комнате он обнаружил корчащуюся в огне Аниру. Кай бросился внутрь, чувствуя вонь собственной паленой плоти, подхватил обугливающееся на глазах тело, но оно осыпалось пеплом между его пальцев; последними были тлеющие, как угли, глаза. Он пробудился от собственного крика и ворчания Токе:

— А говоришь, тебе не снятся сны.

На следующий день Кай еще не принял решения. Ритмично

взваливая деревянный брус на ноющие плечи и опуская его на вытянутых руках, гладиатор надеялся, что тренировками вымотает себя настолько, что будет не в состоянии видеть сны. Ни с Тигле, ни без нее.

Глава 17
Экзорцист

— В день второй декабря 134 года п.п.в.в.[28] свершилось у стен обители чудо небывалое и великое — дитя женского полу по имени Альма от роду четырех лет исцелилось силою Света от смертельной раны.

Феофан замолчал, давая время писцу занести сказанное на пергамент. Перо прилежно скрипело в тишине кельи, увековечивая недавние события для будущих поколений. Настоятель по опыту знал: лучше всего заполнять летопись не промедляя, по следам случившегося, пока оно еще свежо в памяти. Но со дня Ясеневого чуда уже миновало почти трое суток, а преподобному только сегодня выдался случай залучить к себе брата Свирида. С момента исчезновения злополучного послушника обитель кишела мирянами, маги СОВБЕЗа расхаживали по монастырю, как у себя дома, расспрашивали всех и вся, даже посмели учинить допрос самому Феофану. Ничего святого для них не было! Наконец ищейки убрались восвояси, оставив троих на случай, если Анафаэль вернется в обитель. Чего, искренне надеялся преподобный, никогда не случится.

— …смертельной раны, — повторил монах последние записанные слова и воззрился на настоятеля с пером наготове.

— Случилось сие под ясенем, что стоит на холме у восточной стены, — размеренным голосом продолжил Феофан, выглядывая в окно на запорошенный снегом сад. Галки тесно обсели рябину, отяжеленную алыми гроздьями. Инок шел за водой, оскальзываясь на обледенелой дорожке и взмахивая руками, похожий на взъерошенную черную птицу.

— …восточной стены, — монотонно пропел брат Свирид.

Настоятель вздохнул. Он не был уверен в том, как следовало изложить дальнейшие события. Послужил ли беглый послушник проводником божественной силы, и дитя исцелилось молитвами — его и остальных братьев, как надеялся Феофан? Или же правы рыжая Летиция и ее прихлебатели, и мальчишка — всего лишь безумный маг, скрывающийся от правосудия убийца? «Что бы ни говорили ищейки закона, простому волшебнику не под силу не только исцелить умирающего, но и уничтожить все следы ран! Даже Мастер не сможет отменить зиму хотя бы всего на час!» — возразил сам себе преподобный.

Вкрадчивое покашливание прервало его размышления. Брат летописец скромно напоминал о своем присутствии, очевидно

решив, что старик задремал у окна. Настоятель засунул зябнущие руки поглубже в рукава рясы и повернулся к Свириду, возобновляя диктовку:

— Лекарское искусство не в силах было спасти агнца, истерзанного волками.

Аллегории и метафоры украшали стиль. Они же затемняли смысл сказанного и давали почву для множественных трактовок. Преподобный заботился о будущих поколениях, но насущный день диктовал свои правила.

— Служитель Света отнес умирающую под ясень и вознес молитву Создателю.

Перо послушно царапало пергамент. Преподобный размышлял, как сформулировать следующую фразу наиболее обтекаемо, когда раздался стук в дверь. Феофан сделал раздраженный знак ладонью. Брат Свирид проворно поднялся с места и высунул длинный тонкий нос в коридор:

— Преподобный отец занят.

Из-за двери донеслось невнятное бормотание. На летописца, очевидно, наседали, но он не сдавал позиции, пытаясь захлопнуть створку с опасностью прищемить наиболее выдающуюся часть своей физиономии. Феофан не выдержал:

— Ну что там?! Неужели это не может подождать?!

Воспользовавшись моментом, навязчивый посетитель просочился между защитником кельи и косяком. Перед преподобным предстал всклокоченный брат Макарий.

— Эко… эзо… — задыхаясь, выпалил он, тыкая пальцем себе за спину, — экзорцист! Отец Стефано! Он приехал.

— Свет Всемогущий! — Признаться, Феофан совсем позабыл о священнике. Конечно, он немедленно отправил голубя в Тис, чтобы отменить визит, в свете последних событий казавшийся совершенно не к месту. Но его послание, скорее всего, достигло преподобного Агапита, когда отец Стефано уже был в дороге.

— Где он?

— На пути сюда, — несколько отдышавшись, объяснил Макарий. — Послушник прибежал с новостью.

— Ты свободен, брат, — кивнул Феофан летописцу и нашарил висящий на спинке стула плащ. — Я выйду навстречу.

Отца Стефано преподобный опознал сразу — не только по лиловой сутане, но и по всей приземистой, почти квадратной фигуре и примечательно крупной голове той же формы, с намечающейся плешью в жестких черных волосах. Прежде Феофан видел священника только однажды, во время своего визита в Тис, но этого энергичного, внушающего беспокойство

человека трудно было не запомнить. Вновь прибывший широко шагал навстречу настоятелю, и длинные полы одежды летели за ним по воздуху.

— Отец Стефано, — приветливо улыбнулся старик, благословляя гостя. — Какая удача, что вы смогли прибыть в обитель так быстро!

Экзорцист осенил себя знаком Света, и преподобный отметил, что с момента их последней встречи во внешности священника произошло по крайней мере одно изменение: на унизанной перстнями руке не хватало безымянного пальца.

— Я выехал тотчас, как мы получили ваше известие. Наступают беспокойные времена. — Колючие глаза Стефано обежали слушателей, язык облизнул бесцветные губы. — В Абсалоне оборотни выходят на ночные улицы. Леса и дороги кишат бандитами Хвороста. Тьма касается даже самых святых мест. Мы должны стоять плечом к плечу. Мы должны вырвать зло с корнем!

Настоятель поежился под теплым плащом — в компании экзорциста он чувствовал себя неуютно. Впрочем, не он один — брат Макарий беспокойно теребил рукава рясы, будто нашкодивший послушник.

— А где ваши спутники? — вежливо поинтересовался Феофан, чтобы сменить тему. — Их уже устроили?

— Я путешествую один, — отрезал экзорцист, выказывая признаки нетерпения.

Настоятель жестом пригласил гостя проследовать к монастырскому корпусу.

— Не опасно ли это? — внес свою лепту в беседу Макарий. — Когда, как вы выразились, леса кишат разбойниками.

— Сутана — мой щит, — произнес Стефано обычную формулу экзорцистов. — Кто осмелится причинить вред тому, кто защищает мир от Тьмы? — Вероятно прочитав в лицах слушателей сомнение, священник быстро добавил: — К тому же что с меня взять? Ни денег, ни оружия.

«Хотя бы твою лошадь», — подумал Феофан, но оставил эту мысль при себе. Зато брат Макарий не преминул высказать свою:

— Бандиты Хвороста нападают даже на деревни, которые взялись защищать от якобы произвола магов. Не думаю, что вам снова стоит так рисковать на обратном пути. Обитель могла бы выделить эскорт.

Экзорцист метнул в инока косой взгляд:

— Еще неизвестно, где добрый человек в большей опасности — на лесной дороге или здесь.

Брат Макарий сбился с шага и застыл посреди дорожки,

воинственно встопорщив бороду:

— Что вы имеете в виду, светлый отец?

Стефано повернулся к нему, буравя глубоко запавшими темными глазами:

— Не знаю, может быть, привидения? Беглых насильников и убийц? Магов вне закона?

Борода инока поникла. Экзорцист повернулся на пятках и споро зашагал к главному зданию. Макарий плелся следом, беззвучно шевеля губами. Феофан понимал его дилемму — он хотел оправдать юного подопечного, к которому успел привязаться и в виновность которого отказывался верить. В то же время, связанный печатью розы, инок не мог выдать подробности пребывания юноши в монастыре. Сам преподобный принял нападки приезжего более спокойно — он знал, что распространение слухов не в силах удержать даже магия.

— Я понимаю, что репутации обители последние события нанесли серьезный удар, — обратился он к Стефано, чуть задыхаясь от быстрого шага. — Но ведь вы — человек прозорливый и не будете принимать на веру все, о чем толкуют невежды, как только эль развяжет им языки. К тому же Ясеневое чудо — вы ведь слышали и о нем? — несомненно привлечет в монастырь толпы паломников.

— А вот на так называемое «чудо» мне придется взглянуть поближе, — глаза экзорциста сузились, взгляд поймал голую макушку ясеня за монастырской стеной. — Еще неизвестно, воля ли это Света или происки Тьмы.

Брат Макарий, взмахнув руками, забежал вперед идущих, но преподобный сделал предостерегающий жест:

— Вы можете рассчитывать на наше содействие, отец Стефано.

В этот момент с колокольни раздались звонкие удары, далеко разносящиеся в морозном воздухе.

— Время трапезы, — Феофан облегченно перевел дух. — Не согласитесь ли разделить ее с нами, светлый отец? Вы, верно, проголодались с дороги?

— С удовольствием, — экзорцист бросил последний неодобрительный взгляд на ясеневую крону, увенчанную вороньим гнездом, и свернул за Макарием на ведущую через сад дорожку.

Кормили в монастыре отвратительно — овсянкой на воде и разбавленным сидром. Ни кусочка мяса. Мастер Ар утешал себя только тем, что, если все пойдет по плану, он покинет проклятую обитель на рассвете и до завтрака — еще одного такого насилия

желудок мог не перенести.

Пару дней назад свой человек среди СОВБЕЗовцев сообщил Мастеру о взрывной волшебной активности в ничем не примечательном монастыре на границе с Медвежьей чащей и княжеством Квонг. Мальчишка все-таки выжил и допустил оплошность! Обнадеженный Ар с верным Рыцем незамедлительно выехали из Абсалона. Встреча с разговорчивым экзорцистом на темной лесной дорожке была счастливой случайностью, заставившей мага поменять планы на ходу. Вместо того чтобы наблюдать за деятельностью врагов со стороны, Мастер решил опередить конкурентов.

Личина отца Стефано давала идеальное прикрытие — маг мог не только без помех расспрашивать монахов об Анафаэле, но и использовать свои особые методы, чтобы найти его следы. СОВБЕЗовцы, судя по всему, в этом пока не особо преуспели. Жалкие любители, которых и ребенок способен обвести вокруг пальца! Даже если они и найдут тело настоящего отца Стефано и его помощника раньше диких зверей, то сочтут их жертвами банды Хвороста. В конце концов, слуга Света сам виноват — нечего было делить ночлег с первыми встречными, пусть даже один из них был, как и он сам, магом.

Маскарадом остался недоволен один Рыц — на роль сопровождающего экзорциста громила в доспехах никак не годился. Мастер решил, что воин принесет больше пользы, прочесывая ту самую чащу на случай, если неуловимый щенок уже покинул приютившие его стены.

— Итак, где же появился Хохочущий Призрак? — строго спросил Мастер бледненького послушника, приведенного после обеда в скрипторий братом Макарием.

— Там, — дрожащий палец ткнул в сплошную стену, юнец шумно сглотнул. — Вот прямо из камня он и выплыл. Меня прямо мороз по коже пробрал, как я его увидел, и ветер ледяной пошел гулять по…

— Я верно понял, что ты не был единственным свидетелем… хм, явления? — прервал Ар болтливого паренька.

— Вдвоем мы тут были, светлый отче, — пролепетал послушник, тараща и без того выпуклые глаза. — Я и Анафаэль.

— И где же этот… Анафаэль? — осторожно выговорил маг ненавистное имя. — Я должен выслушать и его показания.

Мальчишка захлопал пушистыми ресницами, и в беседу вмешался бородач:

— Анафаэль и есть пропавший послушник. Но вряд ли он мог бы что-то прибавить к рассказу Бруно — ведь видели они одно и

то же.

У Мастера зачесался отсутствующий палец — он чуял: не сердцем, а пульсирующей тьмой в своей груди, — что только что приблизился на шаг к беглецу. Наверняка дрянной мальчишка приложил руку и к «Хохочущему Призраку», и к «оборотню» в «Братце Лисе». Вопрос только в том, как щенок умудрился распугивать доверчивых монахов и следить за врагами, не засветившись силовым выбросом?

— Значит, беглый преступник имел отношение и к делу с привидением! Неужели, добрый брат, это не навело преподобного или вас самих на мысли?

Макарий нахмурился, пожевал бороду:

— Какие мысли?! Мальчик никому не причинил вреда, напротив, он спас жизнь ребенка. Его явно приняли за другого, это просто ошибка.

— А вот в этом, — лже-Стефано многозначительно поднял палец, — позвольте мне самому разобраться.

Мастер оглядел безлюдный скрипторий — все писцы и рисовальщики присутствовали на общей молитве:

— Я должен побеседовать с Бруно наедине.

В карих глазах новиция мелькнул испуг, но Макарию ничего не оставалось, как поклониться и плотно притворить за собой дверь. Убедившись, что монах не остался подслушивать в коридоре, Мастер повернулся к нервно кусающему губы Бруно:

— Что же, мой мальчик, ты работал рядом с Анафаэлем? Может, даже был его другом?

Влажные волоокие глаза забегали:

— Да… То есть нет… То есть… нам нельзя рассказывать об Анафаэле.

— Почему? — вкрадчиво поинтересовался Мастер. — Преподобный Феофан запретил?

Бруно кивнул, потом мотнул головой, так что длинные волосы хлестнули по лицу:

— Мы все связаны молчанием, даже отец настоятель. Печать розы.

Магу стоило усилий скрыть удивление. Как щенок мог знать о древнем ритуале? Но теперь это неважно. Мастер продолжил допрос:

— Значит, и СОВБЕЗовцам ты ничего не сказал?

Послушник пожал плечами, карие глаза уставились в пол, избегая пронзительного взгляда экзорциста:

— Да нечего говорить-то было. Они спрашивали, куда Анафаэль мог податься, а я того не ведаю.

Мастер скривил тонкие губы. Он чуял ложь, как крыса —

спрятанный в печной трубе сыр:

— Но ты знаешь, кто мог «ведать». Ты не упомянул об этом перед магами, верно?

Бруно кивнул поникшей головой.

— Но скажешь мне, не так ли?

Новиций вскинул на лже-Стефано жалобные глаза и тут же снова принялся рассматривать подол своего подрясника. Не то чтобы Мастеру нужна была вся эта возня. В любой момент он мог бы вывернуть мальчишку наизнанку — тот ничего не смог бы скрыть. Но волшебника интересовал сам механизм предательства, ему нравилось творить подлецов и усугублять глубину их подлости.

— Кто-то был близок Анафаэлю здесь, в обители, так? — Голос Мастера стал мягким, как бархат. — Кто-то помогал ему. Вот видишь, тебе не надо ничего говорить самому. Ты не нарушаешь клятву. Все, что тебе нужно, назвать имя, — маг сделал небольшую паузу, давая пареньку созреть, и прошептал: — Как его зовут?

Слово, сорвавшееся с пухлых губ, было едва слышно:

— Ноа.

Лицо «экзорциста» прорезала тонкая улыбка.

— Вот и молодец! Ты только что помог искателю истины. — Он протянул четырехпалую ладонь и, отведя каштановую прядь, коснулся бледной щеки юноши.

Войти в него было легко. Совершенная измена пробила брешь в моральной защите. Бруно вряд ли заметил момент проникновения. Все заняло не более пары секунд. Послушник вздрогнул, когда Мастер убрал руку, обрывая контакт, и остался стоять, пялясь в пространство бессмысленным взглядом. Теперь Ар знал столько же, сколько сам мальчишка, и даже больше — ибо он был способен на заключения, к которым никогда бы не пришел неопытный новиций. Часть информации Мастер сразу отбросил в сторону — как, скажем, некие греховные услуги, оказываемые Бруно брату библиотекарю за устройство быстрой карьеры в скриптории. Зато явление Хохочущего Призрака и все, что связано с юродивым Ноа, несомненно, требовало ближайшего рассмотрения. Так же как и этот взъерошенный бородач — похоже, он уделял Анафаэлю больше внимания, чем того требовал монастырский устав.

Тяжелая дверь бухнула в стену и вывела Бруно из ступора. Он подскочил на месте и вытаращил глаза на ворвавшихся в помещение боевых магов. У одного верзилы уже нарос между ладоней внушительный огненный шар; другой, отличавшийся от первого отсутствием левого уха, бормотал заклинания,

уставившись на Мастера мертвыми глазами. Третий СОВБЕЗовец, пигалица, едва доходившая до груди даже послушнику, растопырила пальцы, запечатывая чарами вход.

— Могу я поинтересоваться, что здесь происходит? — С отмеренной ноткой угрозы в голосе Ар повернулся к боевикам, расправляя лиловую сутану.

В наступившей тишине Бруно громко икнул. Маги переглянулись.

— Мы зафиксировали выброс силы, — невыразительно сообщил верзила, поигрывая прирученным пламенем.

— И кто же это — мы? — Мастер Ар придерживался убеждения, что нападение зачастую лучшая тактика защиты.

Боевик мгновение изучал облачение вопрошавшего и наконец удостоил его ответом:

— Агент СОВБЕЗа Антуан Жарди, мои коллеги — Джон Смит и Селия Пейн. С кем имею честь?..

— Отец Стефано, экзорцист.

Бруно снова икнул, публично выражая свой ужас.

— Вы не из этого монастыря, — влезла в разговор пигалица, сверля Мастера подозрительным взглядом. — Что вы здесь делаете?

— Я отвечу, как только господин Жарди успокоит свои руки, — кивнул лже-Стефано на огненный сгусток между лопатообразных ладоней верзилы.

«Господин Жарди» пожал плечами и уронил конечности вдоль тела. Лишенный поддержки шар мгновенно потух.

— Я прибыл в обитель по приглашению преподобного Феофана, — холодно объявил Мастер Ар, — чтобы расследовать паранормальную активность в этом самом скриптории, — маг ткнул себе под ноги. — Чем я и занимался, когда меня грубо прервали.

— Мы *уже* занимаемся расследованием в этом самом монастыре, — Жарди скривил губы в усмешке и повторил жест «экзорциста». — Так что, святой отец, советую вам собрать вещички и отправиться восвояси туда…

— Позволю себе напомнить, — прервал Мастер Ар, сверля боевика ледяным взглядом, — что церковные дела вне юрисдикции СОВБЕЗа. Вы ловите своего беглого мага-насильника — ловите. А мне позвольте ловить мое привидение. Так что попрошу вас покинуть помещение.

Он заметил, как при слове «привидение» СОВБЕЗовцы перекинулись облегченными взглядами. Уровень напряжения почти ощутимо упал.

— Вы клянетесь, что ваше расследование не имеет никакого

отношения к делу Найда-Анафаэля? — спросил Жарди, видимо бывший в троице главным.

Мастер Ар нахмурился, хотя внутри все ликовало: СОВБЕЗовцы, видимо, были в полном неведении относительно событий в скриптории и участия в них гадкого мальчишки. Монахи держали-таки рот на замке.

— Разве слова священнослужителя не достаточно? — Маг вложил в эту фразу всю глубину своего презрения.

Чуть поколебавшись, верзила продолжил:

— И вы обещаете не вмешиваться в следственные операции СОВБЕЗа?

Мастер чинно кивнул:

— Если господа маги обещают не вмешиваться в мои.

— Нам придется сообщить о происшедшем вышестоящим, — снова влезла пигалица, которой экзорцист явно пришелся не по душе. — Это решение не на нашем уровне.

— Моей обязанностью будет известить орден о конфликте интересов, — ответил Мастер ей в тон. Эта игра начинала его развлекать.

Пигалица фыркнула, сорвала печать заклинания с дверного прохода и вылетела в коридор.

— Надеюсь, вы справитесь с призраком до завтрашнего дня, — многозначительно уронил Жарди и, кивнув товарищу, последовал за Селией Пейн. Маг с запоминающимся именем Джон Смит отлепил мертвый взгляд от лица экзорциста и последним покинул помещение, не потрудившись притворить дверь.

Мастер Ар усмехнулся и повернулся к Бруно, который чуть не задохся, стараясь подавить очередной ик.

— А теперь, — волшебник мягко коснулся дрожащего плеча юноши, — ты отведешь меня к Ноа.

Глава 18
Псы нашей мести

Мастер Ар сидел в кресле у огромного камина, озаренный пламенем, алый на фоне окружающей полумглы. Золоченая арфа, утонувшая в тенях, наполняла Замок нежными звуками, хотя никто не касался ее струн. Судя по всему, маг находился в прекрасном расположении духа. Возможно, виной тому были хрустальный кубок на низком столике и уютно свернувшийся на коленях у хозяина Алебастр. Запустив пальцы в кошачью шерсть, Мастер рассматривал Кая. В темных глазах вспыхивали оранжевые искры.

Аджакти не помнил, как оказался в Замке. Смутное ощущение того, что это — сон, пропало, как только Ар заговорил:

— Похоже, петушиные бои пошли тебе на пользу. Как и обучение у старого пердуна, — длинные пальцы погладили потускневшую от старости шкуру, и кот довольно заурчал. — Что, этот Огонь действительно так хорош, как его расписывают?

«Выходит, господин знает о моих успехах с Фламмой? Может, поэтому он выглядит как Алебастр, только что слопавший жирную мышь?»

— Он лучший, херре, — подтвердил Кай.

Властелин почесал кота за ухом, и тот зажмурился от удовольствия.

— Это хорошо. Ибо, когда он умрет, лучшим станешь ты.

Аджакти пришлось сделать усилие, чтобы сохранить контроль над лицом. Он слишком хорошо помнил последнюю встречу с Мастером:

— Вы приказываете, херре…

— Что, уже не терпится? — усмехнулся Ар. — А как же твои планы? Кажется, старику отведена роль в том фарсе, что ты ставишь в соавторстве с похотливой амировой дочуркой?

Кай потрясенно молчал. Волшебник знал все, будто смотрел на Церрукан глазами своего слуги. Или он смотрел глазами ворона? Как можно было надеяться что-то от него скрыть?!

Мастер поднял кубок, мгновение рассматривал его на свет, любуясь игрой рубиновой жидкости в хрустале. Затем пригубил, посмаковав вино на языке:

— Мм, «Кровь дракона», абсалонское винтажное. Так что, этот трухлявый пень отказался помочь?

Облегчение окатило Кая горячей волной, будто он сам глотнул «винтажного». Все-таки маг был не всеведущ.

— Я еще не спросил Фламму, — поспешил он ответить.

— Ты боишься отказа, — Ар растянул тонкие, обагренные вином губы в усмешке. — Не стоит. Скажи ему, что Минера скоро обратится в пепел, а «серые псы» завоют на улицах Церрукана.

Маг хихикнул — видно, недоумение, изобразившееся на лице Кая, искренне его позабавило.

— Да-да, так и скажи. Увидишь, как учитель обрадуется, — Мастер снова хихикнул, одновременно отхлебывая из кубка, так что в нем забулькало. Алебастр, услышав необычный звук, раздраженно дернул ушами, но с места не сдвинулся.

Аджакти чувствовал бы себя спокойнее, знай он, чем так доволен Его Темность. Практика показывала, что веселый Мастер Ар гораздо опаснее, чем Мастер Ар в гневе.

— Но, херре, как я объясню Фламме, откуда знаю про пепел и… э-э, «псов»? — «Какого тролля оно бы ни значило», — добавил он про себя.

Мастер стер вино с губ вместе с улыбкой:

— Скажи, что увидел это во сне.

Внезапно маг взмахнул кубком. Остатки вина полетели в камин. Пламя взревело, рванулось вверх, будто ему скормили целую бутыль архи. Испуганный Алебастр метнулся прочь из кресла и, шипя, исчез в темноте. В оранжевом инферно полусгоревшие поленья зашевелились, изменили форму. Перед завороженным взором Кая предстали зиккураты и плоские крыши Церрукана, пожираемые огнем.

— Выжжем змеиное гнездо изнутри, — пробормотал маг, словно в экстазе. — А то, что оттуда расползется, прикончат наши псы!

Картинка в пламени изменилась. Вместо тлеющих углей Кай увидел флотилии крылатых кораблей, надвигающиеся на город. Нестерпимый жар наполнял их паруса, и мачты вспыхивали голубым, как верхушки огненных языков.

Понимание ударило Аджакти. Он уже видел нечто подобное раньше. Только теперь все сложилось, встало на свои места — сны, обрывки разговоров, фигуры на игровой доске.

— Гайены! — пробормотал он, задыхаясь. — Анклав заключил с ними договор! Они нападут на Церрукан, когда…

Мастер Ар кивнул, мановением руки успокаивая пламя:

— Собаки, как волки, нападают, когда жертва слабее всего. Всего-то и нужно — лишить змею головы. Ты справишься?

Аджакти сглотнул вставший в горле ком с привкусом гари. В ушах звучали слова Аниры: «…все змеиные головы разом. Мы сметем их одним ударом, ты и я». Глядя прямо в глаза, в которых вился пепел будущего пожара, он сказал:

— Справлюсь, херре. Но как быть с теми церруканцами, что на нашей стороне?

Казалось, Мастера Ара не удивил вопрос. Он спокойно потянулся во мглу и наполнил кубок.

— Одного праведника достаточно, чтобы спасти целый город, — тонкие губы мага скривились, прежде чем коснуться хрусталя. — Вот уж не думал, что ты — один из тех, кто верит в подобную чушь.

Аджакти покачал головой:

— Принцесса Анира — не единственная. Помните, херре, вы сами говорили, что в амирате могут быть маги, настоящие маги. Так вот, недавно я встретил одного. Одну.

Мастер поставил кубок на столик, снял кошачий волосок, прилипший к лиловой мантии, и принялся рассматривать его на свет.

— Вот уж не знаю, сколько от праведника в маленькой Сен.

Кай покраснел бы, если б мог. «Господин знает о чародейке! Значит, он в курсе того, что Деревянный Меч, гроза арены, играл с соплячкой в „эльфа“ и „принцессу“?»

— Ты видел ее магию, — тем временем продолжал Ар, одним щелчком отправив шерстинку в огонь. — Что ты о ней думаешь?

Кай собрался с мыслями:

— Девчонка — самородок. Необученная, но сильная, и дар ее… особого рода. Сен работает с человеческой техникой и рукотворными предметами.

— Ага! — многозначительно вскинул брови Мастер. — Жаль, что я сам не могу заняться этим вундеркиндом. Меня ожидает совсем другое дитя, которое я, к сожалению, обнаружил слишком поздно.

Маг закинул ногу на ногу и устремил взор на притихший в камине огонь:

— Позаботься, чтобы с чародейкой ничего не случилось. Навещай ее, развлекай сказками о странах за пустыней, где правит магия. Об академиях волшебства, готовых принять ее с распростертыми объятиями. Знаю, ты не оратор, — Мастер покосился на Кая, усмехаясь собственной шутке, — но уж что-нибудь наврать сможешь, а девчонка поверит, не сомневайся. Она только и ждет рыцаря на белом коне, что умчит ее в розовое будущее.

Кай упер глаза в пол. Именно. Рыцарь. Телескопа и Черепа.

— Вот и умчи ее, — Мастер снова отхлебнул из кубка, — ко мне. Когда она созреет.

Аджакти бросил на мага быстрый взгляд исподлобья. Заметив его, Ар рассмеялся, откинув назад породистую голову:

— Для того чтобы стать моей ученицей, конечно. А ты что подумал? В отличие от некоторых, я умею держать свой… гхм… посох в перевязи, — Темный резко оборвал смех. — После переворота у тебя будет семь дней — семь дней до «псов» нашей мести, семь дней, чтобы выбраться с девчонкой из города. Как одному из победителей тебе будет несложно это сделать, не так ли?

Кай подумал, что в плане Мастера выход из Церрукана будет как раз самой легкой частью, но спорить с господином не стал. Он привык сам решать свои проблемы.

— А как быть с Анирой?

— А что с ней? — Голос Мастера мог бы превратить языки пламени в сосульки. — Ты еще не понял? Нам не нужен новый амир, с сиськами или без. То, что нам нужно — престол Церрукана, поверженный в грязь, погребенный под песками забвения. Мы уничтожим магоненавистников так же, как они уничтожали нас. Мы утопим их — в их собственной крови!

Ар поднял кубок, будто провозглашая тост, и плеснул содержимым в Кая. Алая волна захлестнула его, увлекла за собой. Липкая влага залила глаза, на губах клеился соленый вкус, что-то скользкое и горячее касалось его обнаженного тела — то ли женские руки, то ли змеи. Аджакти закричал, но жидкость, которая не была вином, ворвалась в рот, устремилась в легкие…

Он сел на постели, пялясь в темноту расширенными глазами, хватая губами непослушный воздух. Кай был в своей клетушке в казарме — один. Токе проводил ночь в лазарете с Лилией, подмазав Чеснока выигрышем с последних игр. «По крайней мере она не орет по ночам, — подумал Аджакти. — А если и орет, то по другому, более приятному, поводу».

Он стянул с себя мокрую от пота тунику — из-за холода гладиаторы спали, не раздеваясь. Сунул руку под подушку и нащупал знакомую гладкость Тигле. В первый раз за долгое время он вырубился, едва голова коснулась подушки, — и вот вам результат. «Если плата за то, чтобы избежать визитов Мастера Ара, — разглядывание цветных лепесточков перед сном, то я назову это выгодной сделкой! — решил про себя Кай. — Больше без Тигле спать не лягу». Кошмар, посетивший его после встречи с Сен, теперь наполнился смыслом. И возможно, скоро, очень скоро этот кошмар станет реальностью.

Остаток ночи Кай проворочался на койке, то дрожа от холода, то покрываясь потом. Он всегда воспринимал слова Мастера о падении Церрукана как пророчество природной катастрофы или поражения в грядущей войне — результат чего-то, что придет извне. Теперь же выходило, что этой катастрофой был сам

Аджакти. Он сам, своими руками готовил гибель города и его жителей.

«Быть может, еще не поздно все отменить? Пусть гнев Мастера обрушится на меня, и только меня одного. Да, друзья умрут в рабстве, но я смогу продлить их жизнь — на дни, возможно на годы. Жизнь рабов. А что бы выбрали сами Токе, Лилия, Вишня и остальные, если бы я мог открыто спросить их? Лицемер! Я вру сам себе! Я знаю ответ: лучше умереть, пытаясь… Но какие у них шансы? Против воинов Омеркана, против гайенов, против самой пустыни… Какие у них шансы?» И Кай ответил себе, скинув на пол влажное вонючее одеяло: «Как у Лилии с одним глазом во время „мясорубки“».

Он проспал бы построение, если бы радостный, как жаворонок, Токе не растолкал товарища. Видно, ночка выдалась у парня не чета Каевой. Друг заявился в каморку перед самым рассветом — Аджакти как раз сморил сон.

На плац сновидец выполз как осенняя муха. Бодрые приветствия друзей вызвали в ответ только глухое рычание, так что его быстро оставили в покое. Хуже всего было то, что сегодня Аджакти надлежало отправиться на очередную тренировку у Фламмы. Передать сетхе слова Мастера Ара или держать язык за зубами? Попробовать заручиться поддержкой фаворита, так ожидаемой друзьями, или спустить все на тормозах? Поглощенный этими вопросами, Кай не сразу обратил внимание на возню у ворот и выкрики из рядов новобранцев, на шкуре которых Яра еще не прописал устава школы. Только когда поток сквернословия Альдоны, привычный, как шум затяжного дождя, неожиданно прервался, Аджакти поднял голову.

Взгляд доктора, как и всех гладиаторов в шеренге, был прикован к стражникам, волокущим на центр плаца упирающегося полуголого парня лет двадцати.

— Новичок? — шепнул Ласка, пользуясь тем, что глаза Альдоны были обращены не на его подопечных.

Кай с сомнением покачал головой. В облике раба, тело и лицо которого украшали синяки и ссадины, ему почудилось что-то знакомое. Тут на галерее появился Скавр собственной персоной, и все разъяснилось.

В тишине, упавшей на плац с появлением хозяина, раскатился громовой рык:

— Взгляните на эту мразь! — Палец мясника ткнул в несчастного, которого воины принудили пасть на колени. — Этот трусливый пес, этот недомужчина предал своего господина! Бросил в минуту опасности, чтобы спасти собственную вонючую

шкуру…

Скавр распинался дальше, не жалея красочных эпитетов, но Кай уже понял, почему высокий раб показался ему знакомым. Это был тот самый парень, что удрал, испугавшись ледяного великана. Очевидно, беднягу таки поймали. Одно пока было неясно — зачем его приволокли в Танцующую школу.

— Какого наказания заслуживает этот червь? — рявкнул мясник, так что эхо заметалось меж казарменных стен.

— Смерть! Смерть! Смерть! — скандировали гладиаторы, раззадоренные предвкушением кровавого зрелища.

Несчастный дернулся в руках стражей и испустил жалобный стон. Зря. Аджакти знал, что он попал в место без жалости. Скавр поднял ладонь, и вопли замерли в глотках.

— Этот щенок, нассавший под ноги своему хозяину, имел достаточно наглости, чтобы умолять приговорить его к мечу!

Многозначительную паузу заполнили возмущенные возгласы и свист. Гибель на арене считалась чистой смертью, и, конечно, по понятиям гладиаторов, трусливый раб не был ее достоин. Дав страстям побушевать, Скавр снова вскинул руку:

— Мы приговорим его к мечу?

— Нет! Нет! Нет!

— Какой же казни заслуживает этот слизняк?

Тут мнения разделились. Аджакти мог слышать только креативные предложения, выкрикиваемые соседями по шеренге. «Интересно, скольким из них наступал на пятки ледяной великан? И как бы поступили громче всех орущие еще и не нюхавшие арены новобранцы, оказавшись нос к носу с перспективой мучительной и непостижимой смерти?»

Наконец, когда белый как полотно раб почти потерял сознание от ужаса, Скавр предложил свое решение проблемы:

— Я милосерден, но справедлив. Пусть негодяй покажет, на что способен. Пусть сегодня он бьется против новобранцев деревянным мечом. Если сукин сын переживет этот день, я позволю ему принести клятву.

Возмущение прокатилось по плацу, как штормовая волна. Осужденного вздернули на ноги. По избитому лицу неуверенной улыбкой расползалось облегчение. Парень явно еще не понял, что его ожидает.

— Ставлю червонец, что сопляк не протянет до первого гонга! — бросил, ухмыляясь, Кумал.

— Я те самому вставлю, буки хренов! — гаркнул вспомнивший о своих обязанностях Альдона. — А ну сто кругов вокруг плаца, чтоб согреть твою тощую жопу для этого упражнения!

Оскалив острые зубы, Кумал нехотя потрусил вдоль галереи.

— А вы чего уставились? — повернулся Альдона к димахерам, кривя исполосованную шрамами щеку. — Догоняйте дружка, членососы! Кто придет последним — позавидует тому куску дерьма, что «серые» сейчас тыкают палками!

А «тыкали» новобранцы усердно. Пробегая мимо, Аджакти заметил, что лицо жертвы залито кровью из рассеченной брови, учебный меч дрожит в руке, а надежда во взгляде сменилась отчаянием.

— Не хочешь поставить на эту бабу, Деревяшка? — выдохнул Кумал, равняясь с Каем. Он наматывал уже второй круг. — Если повезет, можешь сорвать банк.

— Дыхалку побереги, — посоветовал Аджакти на бегу. — Я в эти игры не играю.

— А-а, верно, на что тебе монеты-то тратить? — не отставал клейменый. — Шлюх ты себе не покупаешь, падальщицами довольствуешься. Они тебе, видать, подходят — ведь ты и сам падаль.

«Так, значит, кто-то уже растрепал про дерлемек!» — мелькнуло у Кая.

— Что, опять хочется в дерьме по горло торчать? — спокойно спросил он церруканца.

Кумал скривился и поднажал. Вскоре его лопатки мелькали далеко впереди. Банк взял Ласка — единственный, поставивший на беглого. Несчастного прикончили только к полудню. Новобранцы в забрызганных красным униформах набились под навес, оживленно обсуждая подробности расправы, охлаждая разгоряченные тела глотком ледяной воды. Аджакти протолкался сквозь их ряды и направился к воротам, стараясь не смотреть на потерявший человеческое подобие труп. Настало время занятий с Фламмой.

За калиткой в узкой кишке переулка стоял запряженный в тележку ослик. Рядом терпеливо ожидали добычи две укутанные в белое фигуры. В мыслях Кая мгновенно возникла Анира — горловой смешок из-под маски с нарисованным ртом, горячее лоно в прорези балахона. Он отогнал ее образ и решительно направился вниз по улице.

Еще не доходя до дома Фламмы, Аджакти услышал доносящийся из-за высокой стены детский смех — Нини и Айо играли в саду. Он толкнул калитку заднего входа и замер: мальчишки возились на льду замерзшего бассейна в то время, когда это было строжайше запрещено!

Кай застыл в проходе, не зная, что предпринять. Может,

Фламма решил отменить тренировку? Или с ним что-то случилось? Но нет, тогда дети не гоняли бы так беззаботно по льду на привязанных к подошвам странных лезвиях.

— Аджакти! — крикнул Айо, махая ему рукой. — Давай сюда! Хочешь попробовать?

Гладиатор осторожно пошел к бассейну, косясь в сторону дома с бдительной Шиобхан.

— А где ваш отец? — крикнул он с почтительного расстояния.

— Да он с мамой на кухне сцепился, — беззаботно оповестил Нини, закладывая крутой вираж, так что ледяная пыль фонтаном взлетела в воздух. — И про нас забыл.

— И про тебя забыл, — добавил Айо, повторяя маневр брата. — Давай иди к нам! Покатаемся.

— То есть как — сцепился? — решил уточнить Кай, переминаясь с ноги на ногу.

— Да ругаются они, — весело выкрикнул один из мальчишек — кто именно, он не рассмотрел, так быстро гоняли сорванцы по льду.

— Может, я не вовремя, — попятился Кай к калитке. Облегчение от того, что разговор с Фламмой откладывался, смешалось с чувством вины, и в эту минуту он стал противен сам себе.

— Трус! — Нини соскреб с края бассейна намерзший снег и запустил в гладиатора ледышкой. — Куда же ты?! Если не умеешь на коньках, мы научим!

Перед внутренним взором Кая внезапно встала картина истерзанного куска мяса, в который превратился безымянный раб. Второй снаряд, запущенный Айо, угодил гостю прямо в лоб. Мальчишка взвизгнул от удовольствия, и на гладиатора уже готов был обрушиться целый град снежков, как тут строгий окрик положил конец веселью. Шиобхан позвала сорванцов в дом.

Корча недовольные рожи, братья отвязали коньки и поплелись через лужайку. Навстречу им шел Фламма. Если над его головой только что и пронеслась буря, по лицу этого было не заметно — фаворит, как всегда, безмятежно улыбался.

— Шишка будет, — кивнул он на лоб ученика.

Аджакти невольно ощупал больное место и смущенно пробормотал:

— Айо есть чем гордиться. В папу пошел.

— Ты упражнялся с Тигле?

Кай кивнул, но сомнение во взгляде Фламмы явно говорило: «Где же была твоя дхьяна?»

— Я работал с контролем надо сном, правда, сетха! Только

вот в последнюю ночь… Я слишком устал, и…

— Тебя что-то беспокоит, — это прозвучало скорее как утверждение, чем как вопрос. Фаворит сделал приглашающий жест рукой и пошел к беседке, на крыше которой лежала подтаявшая снежная шапка. Тощий голубь рылся в снегу, выискивая вмерзшие в ноздреватую массу семена.

Внутри по случаю холодов появилась небольшая жаровня, которой и занялся хозяин. Вскоре угли радостно рдели, и наставник с учеником расположились поблизости, вытянув руки к теплу. Фламма молчал, и Кай понял, что он ожидает объяснений.

— То, что видишь во сне… Ну если это сон ясности, — наконец, выдавил он. — Можно это изменить?

Фаворит нахмурился:

— Если ты сохраняешь контроль и сознаешь себя спящим, то, конечно, ты должен быть в состоянии менять…

— Я не о том! — оборвал Кай учителя и тут же поклонился, извиняясь. — Я видел будущее. И сам в нем виноват. Я не хочу, чтоб все кончилось так. Могу я что-нибудь сделать? — выпалил он на одном дыхании.

Фламма ответил не сразу. Он пошевелил обугленной палкой в жаровне, вытянул к ней ноги, обутые не по погоде в неизменные поношенные сандалии.

— Не хочешь рассказать, что именно ты видел?

Кай с трудом сглотнул. Язык будто примерз к гортани. Теперь. Теперь или никогда!

— Огонь.

Фаворит вскинул глаза, думая, что ученик произнес его имя, но Аджакти продолжал:

— Повсюду. Я видел Минеру, обратившуюся в пепел. И «серых псов», воющих на улицах Церрукана.

Улыбка на круглом лице застыла, потекла по краям, как птичьи следы в тающем сугробе. Кожа воина сравнялась цветом со старым снегом — зернистым и грязно-серым. Кай с ужасом следил за действием своих слов. Что, если немолодой уже учитель не выдержит, и его хватит удар?! Наконец Фламма с трудом разлепил бескровные губы:

— Что… — Голос был больше похож на хриплое карканье, и фаворит откашлялся. — Что заставляет тебя думать, что это — твоя вина?

Аджакти тщательно выбирал свои слова:

— Огонь, который уничтожит Минеру… весь Церрукан… Думаю, это не настоящее пламя, а скорее символ, образ чего-то разрушительного, опасного и беспощадного. Я думаю, это не пожар. Я почти уверен, что это, — он посмотрел прямо в зрачки

под тяжелыми веками, расширенные недавним потрясением: — Восстание. Восстание гладиаторов.

Глава 19
Обращение Летиции

Летиция Бэдвайзер неслась через монастырский двор так, что подмерзшая грязь фонтанчиками выстреливала из-под каблуков щегольских сапожек. Сохранявшая безопасную дистанцию Селия Пейн едва поспевала за разъяренной начальницей.

«Стоило только оставить этих безмозглых болванов одних, отвернуться на минуту, и вот вам, пожалуйста! — не могла успокоиться Летиция. — У них под носом какой-то вшивый фокусник, нарядившийся в лиловую сутану, влезает в расследование, опрашивает свидетелей с применением желтого класса Би — и что делают славные боевики СОВБЕЗа вкупе с сексотом Пейн?! В том-то и дело, что ровным счетом ничего!»

Чародейка получила вызов Селии пару часов назад и с тех пор гнала лошадь с риском сломать шею на скользкой дороге — доступ к открытию портала был в сложившихся обстоятельствах так же далек от нее, как долгожданное повышение. И что же Летиция обнаружила, вступив наконец в тепло на заледеневших ногах? Своих подчиненных, развалившихся в предоставленной им келье с заметно полегчавшим бочонком верескового меда — подарком настоятеля. На пламенеющий желтым хрустальный шар была наброшена шаль Селии — «чтоб глаза не жег», как объяснил этот идиот Антуан. Сама Пейн в пьянке не участвовала, так что ей посчастливилось сохранить в целости свои куцие волосенки. Зато вот шевелюра Жарди превратилась в обугленный пух.

«Петух ощипанный!» — бормотала Летиция себе под нос, пока каблуки выбивали дробь по ведущим в монастырские подвалы ступеням — именно туда вел энергетический след. Коридор с низким сводом слабо освещала одинокая масляная лампа. Из-за приоткрытой двери справа доносилось приглушенное бормотание — брат келарь подсчитывал доставленные из мыловарни бурые бруски. Не удостоив монаха вниманием, чародейка ринулась вглубь подвала. Селия, как мышка, шмыгнула вдоль стены, растворяясь в тенях. Глуховатый брат Амвросий вскинул взгляд от пергамента с аккуратными колонками цифр, но полумрак за дверью ничто не тревожило, и он снова вернулся к мыльному учету.

Источник магии был теперь так близко, что Летиция чуяла его без заклятий и приборов. Коридор разделялся на два. Чародейка уверенно свернула в темноту налево, щелкнула пальцами, призывая к жизни мотылек голубоватого света.

Хороводы теней побежали по беленым стенам, опережая хозяйку, эхо шагов забилось о низкий свод.

— Светлейшая, — задыхаясь, пролепетала догнавшая начальницу Селия. — Осторожно. Это там, — женщина указала на массивную дверь, в которую упирался коридор.

— Знаю, идиотка! — фыркнула Летиция. Подлетев к препятствию, она дернула массивную кованую ручку. Заперто. — Именем закона, откройте!

Из-за двери не доносилось ни звука. В ярости чародейка пнула дубовые доски. «Ладно же! Я покажу тебе эффектный вход!» Сделав глубокий вдох, Летиция медленно выпустила воздух из легких. Поймав пальцем тепло своего дыхания, она уверенно начертила руну ключа. Облачко пара, вместо того чтобы рассеяться, уплотнилось, вытянулось, поплыло, серебристо мерцая, вниз и просочилось в замочную скважину. Скрытый в дереве механизм тихонько щелкнул. Торжествующе улыбаясь, чародейка положила ладонь на ручку и повернулась к сексоту Пейн. Что она собиралась сказать, так и осталось неизвестным.

Дверь распахнулась — внезапно и с такой силой, будто боевой конь лягнул ее изнутри. Летиция едва успела уклониться, иначе массивная створка впечаталась бы ей прямо в лоб. Инерция толчка опрокинула чародейку. Пытаясь избежать падения, она уцепилась за платье Селии, и обе с визгом рухнули на пол. В дверном проеме, из которого начал распространяться острый сырный дух, появилась высокая фигура, темная против сияния зависшего под потолком магического «светлячка».

— Это что — новая мода? — Черная рука, на которой было всего четыре пальца, ткнула в сторону обеих дам. — Какое убожество!

Сначала Летиция не поняла, касалось ли замечание ее платья, прически или попытки вторжения в запертое помещение. Но, оттолкнув ворох задравшихся юбок, заслонявших обзор, она с ужасом обнаружила, что незнакомец критикует ее кружевные панталоны, сиявшие белизной на затоптанном полу.

— Нахал! — Визг чародейки достиг, вероятно, даже слуха брата келаря. Сзади из коридора послышались торопливые шаги. Летиция одернула платье и прошипела уголком рта:

— Селия, займись.

Поняв приказ с полуслова, сексот Пейн вскочила на ноги и поспешила в сторону нежелательной помехи. «Нахал» шагнул вперед, наклонился и протянул поверженной противнице ладонь. «Светлячок» Летиции озарил красивое бледное лицо, смоляную бородку и темные, чуть приподнятые к вискам глаза, в которых таяли искры недавнего волшебства. Оскорбительные слова

замерли у чародейки на губах. Кем бы ни был этот человек, сутана экзорциста подходила ему не больше, чем самой Летиции — бедное крестьянское блио.

— Кто вы? — прошептала она, пока в голове проносились самые невероятные догадки: «Сексот из центрального отдела? Агент ОВРа?[29] Чистильщик?»

— Мастер Ар, — улыбнулся незнакомец, и в его глазах Летиция прочитала обещание, перед которым не смогла устоять. Рука с ярко-алыми ноготками скользнула в прохладную ладонь. Сила, рванувшаяся в тело чародейки, мгновенно смела все преграды, автоматически поставленные тренированным сознанием, — так горный поток, разбухший от паводка, разрушает примитивную плотину. Эта сила не была враждебной — скорее иной, чем что-либо, испытанное Летицией прежде, и мощной, неистощимо мощной, будто она не имела ни начала, ни конца, ни истока, ни дельты. Чародейка плыла на теплых волнах, ласкающих тело миллиардами живых золотистых искр, и желала только одного — чтобы это никогда не кончалось.

Она едва ощутила твердость каменного пола под подошвами, когда Мастер вздернул ее на ноги. Хватка разжалась, и Летиция снова почувствовала свои пальцы — одинокие и такие слабые.

— Что… это было? — прохрипела она голосом будто исходившим из чужого горла.

Темные глаза, отрицающие время, нашли ее потерянный взгляд. Обещание, горевшее в них, невозможно было истолковать иначе.

«Хочешь? — говорили они без слов. — Хочешь, *это* будет твоим?»

А тонкие губы, незначительные на лице из-за огня чудных глаз, проговорили на неловком языке людей:

— Вы любите сыр?

Летиция шевельнула пересохшим языком, выдавливая утвердительный звук. Она ненавидела сыр с самого детства, одной его вони, напоминающей о поношенных носках, было достаточно, чтобы вызывать тошноту. Но сейчас она, не колеблясь, набила бы рот омерзительной гладкой массой — только ради того, чтобы испытать *это* снова, снова стать частью невозможной мощи, по сравнению с которой даже вхождение в эгрегор с магами десятой ступени казалось каплей — крошечной каплей, отделенной от матери-реки.

Полные обещания глаза улыбнулись. Мастер приглашающе вытянул руку в сторону полуоткрытой двери. Летиции до безумия хотелось коснуться его, но она удержалась — сжала дрожащие кулаки и прошла мимо, всем существом осязая его присутствие.

Массивная створка затворилась за спиной.

Острый сырный запах, так близкий к запаху гнили, был теперь повсюду, заползая в ноздри. И неудивительно — просторное помещение заполняли стеллажи с полками в шесть-семь рядов, почти доходящими до низкого потолка. И на каждой из них лежали, зрея, плоды иноческих трудов: длинные морщинистые колбаски шевров, плеснючие куличи кроттенов, позеленевшие «жернова» бле и покрытые белесым налетом шары мимолетов.

Все еще ощущая близость Мастера как нежную щекотку в основании затылка, Летиция сделала несколько шагов вглубь подвала. Здесь нос, несколько адаптировавшийся к ненавистной вони, различил в ней чужеродный оттенок. Запах шел от темной груды тряпья у дальней стены. Чародейка оглянулась на удивительного господина, и он ободряюще кивнул. Она осторожно приблизилась к странному предмету и разглядела, что это был человек в монашеской одежде. Внезапно он шевельнулся.

Голова со слипшимися от пота волосами приподнялась, и на Летицию уставились глаза — огромные и пустые, будто кто-то провертел две дыры в белой маске лица, два колодца, уходящие в темноту. Чародейка едва узнала одного из послушников, поведение которого с самого начала показалось ей подозрительным — некоего Ноа. Округлые полудетские черты теперь заострились, кожа обтянула красиво вылепленный череп, будто юношу сразила внезапная и смертельная хворь. Он дрожал с ног до головы, грудь часто и мелко вздымалась под подрясником, полы которого покрывали влажные желтоватые пятна. Похоже, несчастного вырвало прямо на одежду.

— Что вы с ним сделали? — спросила Летиция мага, стараясь сохранить в голосе остатки былой надменности.

Мастер выступил из-за ее спины, становясь рядом с чародейкой. Глаза юноши мгновенно сошлись на Аре. Пустота во взгляде несчастного сменилась ужасом.

— Я всего лишь подготовил мальчика к вторжению, — улыбнулись раскосые глаза, и золотые искры снова вспыхнули в глубинах темных радужек, делая их похожими на благородный янтарь. — Теперь он раскрыт и не окажет сопротивления, верно, Ноа?

Послушник не ответил, только дыхание его участилось, а челюсти сжались, словно закусывая беззвучный стон.

— Забавная штука, эта печать розы, — продолжал тем временем маг, снова обращая свой магнетический взгляд на Летицию. — Стоит в сердце завестись червоточине — ну грешку там или предательству — и вянет розочка. Где червяк прошел,

туда и ключик легко вставляется. А вот в сердце без изъяна она цветет и тайну оберегает. Сунешься — а там шипы. Или сам исколешься, или клиент скончается. А нам такого не надо, так ведь, Ноа?

Ответа не последовало, но Мастер и не ожидал его. Он говорил исключительно для Летиции, и чародейка млела от мягкого голоса, проникающего прямо под кожу, как бархатная лапка.

— Послушник выглядит неважно, — волшебница из последних сил старалась мыслить логически. — Боюсь, вторжение убьет его. К тому же он — собственность церкви. Нужно специальное разрешение, чтобы…

— Ах, не бойтесь, милая, не бойтесь, — легко рассмеялся Мастер, и искорки его смеха осветили мрачное помещение, повиснув в углах золотыми жуками. — Так просто он не умрет. А разрешение у нас уже есть, — маг погладил свою лиловую сутану.

«Все верно, — выругала себя Летиция за глупость. — У экзорциста есть полномочия на вторжение в отношении монахов и церковнослужителей, которые подозреваются в одержимости».

— Приступим? — все так же мягко предложил назвавшийся Аром, указывая глазами на свою жертву.

Летиция последовала за его взглядом, и мужество в исстрадавшемся лице, которое должно было заставить ее устыдиться, протестовать или умолять о пощаде, наполнило ее сердце небывало острым, темным наслаждением. Она облизнула пересохшие губы. Внутри будто открылся бездонный омут жажды, которую могло утолить только одно — терпкий напиток знания, настоянный на мучениях этого юноши. Пошатываясь от внезапного головокружения, Летиция сделала шаг вперед.

Тихий, но настойчивый стук в дверь разбил загустевший от чар воздух.

— Светлейшая? — послышался приглушенный массивным дубом голос сексота Пейн. — Госпожа, вы здесь?

Волшебница обратила отчаянный взор на Мастера. Каким-то шестым чувством она понимала, что Селия не должна видеть вторжение или испытать благодать, исходящую от чудесного господина.

— Отошли ее, — одними губами вымолвил Ар.

Летиция нахмурила безупречный лоб. В замешательстве она никак не могла придумать подходящий повод.

— Вели своим подчиненным осмотреть зимовник для пчел, — подсказал Мастер, склоняясь над ее ухом и посылая армии восхитительных мурашек гулять по открытой шее. — Монахи покажут, где. Беглец, возможно, еще там.

Радость от неожиданного сообщения меркла по сравнению со счастьем, наполнившим Летицию от ощущения близости его мощи.

— Светлейшая! С вами все в порядке? — Селия в тревоге дернула запертую дверь.

— Успокойся, идиотка! — Летиция постаралась вложить в дрогнувший голос должную долю яда. — Я допрашиваю свидетеля. Возьми Смита, Жарди и кого-нибудь из этих святош. Проверьте пчелиный зимовник, да поосторожней — вы знаете, на что способен этот щенок Найд.

— Что, если нам не удастся взять его живым, госпожа? — неуверенно донеслось из-за двери.

Летиция прочитала ответ в полных расплавленного золота глазах:

— Взять его?! Дура набитая! Если обнаружите объект, немедленно сообщите мне! И ничего не предпринимайте до моего прибытия. Это ясно?!

— Ясно, светлейшая! — отрапортовала Пейн. Из коридора послышался звук удаляющихся шагов, и все стихло.

Сердце Летиции наполнилось благодарностью, к глазам подступили невольные слезы:

— Вы даете мне так много, Мастер, — прошептала она, и дыхание ее прервалось. — Чем я это заслужила?

Золото в чудесных глазах перелилось через край, поплыло в холодном воздухе, окутывая ее нежным пологом. Это только начало, говорило оно без слов. Будет больше. Много больше. Ты ищешь знания. Ищешь силы. Знание — прямо здесь, перед тобой. Это тело на каменном полу — всего лишь сосуд, из которого тебе нужно испить. И когда ты наполнишься им, когда будешь готова, ты примешь силу.

— Много силы? — спросила Летиция, не шевельнув языком, который был теперь не нужен.

— Так много, сколько сможешь вместить. И еще столько же, чтобы сделать тебя сильнее.

С огромным трудом чародейка оборвала связь. Она шагнула к лежащему, который на миг подавил дрожь, напрягаясь в последней попытке сопротивления. Глубоко запавшие карие глаза умоляли и ненавидели одновременно. «Нет, — шептало что-то внутри Летиции, обращаясь к ним. — Еще вчера я была неудачницей, провалившей крупную операцию и потерявшей сотрудника, парией, которой можно затыкать самые глубокие и вонючие дыры, вроде этого забытого Светом монастыря. Теперь, быть может, минуты отделяют меня от поимки беззаконного мага, виновного в моем падении. За ней последуют награды,

вознесение по карьерной лестнице и сладость мести. Но это ничто по сравнению с тем, что предлагает мне твой мучитель. Ты знаешь, что дают знание и сила, не ограниченные ничем?» Волшебница улыбнулась, склоняясь над юношей, и коснулась кончиками пальцев отдернувшейся щеки. «Неограниченную власть!»

Летиции потребовалось всего несколько мгновений, чтобы понять: Мастер уже побывал здесь. Поэтому он знал о зимовнике и о том, что Анафаэля там, скорее всего, нет. Значит, вторжение организовано специально для нее. Маг хотел показать ей что-то, что-то важное, и она смотрела во все глаза. Исцеление под ясенем поразило ее воображение. Она, конечно, уже видела всю сцену с помощью родителей девочки — специального разрешения на просмотр памяти простолюдинов не требовалось. Но наблюдать за магией такого уровня с точки восприятия Ноа оказалось истинным наслаждением. Его зрение не было затуманено слезами или паникой и вобрало в себя все — от момента наложения рук, когда талантливый ублюдок с легкостью, заставившей Летицию скрипеть зубами от зависти, определил серьезность повреждений ребенка, до самого исцеления.

Чародейка впервые ясно видела, с чем пришлось столкнуться несчастному Джейремии Хопкинсу. Сопляк-нелегал не пользовался ни традиционными заклинаниями, ни магией жеста, ни элексирами или заряженными предметами вроде волшебных колец. Энергия, затраченная им на несчастную маленькую плебейку, была между тем огромна. Любой известный Летиции маг — за исключением, конечно, Мастера Ара — рухнул бы мертвым, досуха вычерпав себя, причем, скорее всего, на труп. Дрянной мальчишка между тем вырастил из снега лютики с незабудками, или как там эта флора называется, так же играючи, как новое лицо для соплячки, и утопал себе восвояси!

Она последовала за Ноа обратно в обитель, пролистала его жизнь вперед, потом назад, но в простом монашеском быте не было ничего интересного. Неужели это все?! Летиция задумалась, созерцая тощий зад послушника, склонившегося над какой-то овощной грядкой.

— Дальше!

Волшебница вздрогнула, озираясь в поисках источника звука. Ей почудилось, что резкий оклик обращен именно к ней, что было, конечно, невозможно: внутренний мир жертвы вторжения не мог контактировать с магом-посетителем.

— Дальше в прошлое! — Теперь Летиция не сомневалась — говорил сидевший на одной из яблонь необычайно крупный

ворон. Птица в упор рассматривала ее бусинами блестящих глаз. — *До* обители.

Захлопали крылья, черная тень скользнула над садом, перевалила за монастырскую стену. Спохватившись, Летиция бросилась следом. Что-то в чудном вороне напоминало Мастера Ара — то ли взгляд, то ли цвет оперения, интенсивный, с синеватым отливом. Возможно ли, что маг последовал в сознание Ноа вместе с ней? «Нет, — мысленно ответила Летиция сама себе, задыхаясь на бегу. — Еще на первом курсе Академии кадеты узнают, что попытки двойного вторжения обречены на неудачу и обычно оканчиваются гибелью объекта, субъектов или всех троих. Что же тогда со мной происходит?!»

Летиция выбежала в открытые ворота и замерла, поджав пальцы в мгновенно промокших сапожках. В монастырском саду стояло лето. Здесь была зима. Огромная снежная равнина простиралась до самого горизонта, сколько хватало глаз. Серое небо без намека на солнце давило землю своей тяжестью. Чародейка обернулась. Стены обители вместе с куполами храмов и тонким шпилем колокольни сгинули, как мираж. Повсюду царила режущая глаз белизна.

Ворона нигде не было видно, и Летиция пошла вперед на свой страх и риск. Вскоре зрение адаптировалось к однообразию пейзажа, и она начала различать выпуклости под снегом — наметенные ветром сугробы разной высоты и формы торчали тут и там, не отбрасывая теней и почти сливаясь с безграничным белым полотном. Чародейка проваливалась по щиколотку, иногда по колено, но дальше спрессованный снег держал, и она с трудом, но продвигалась, хотя и не знала, куда. «Неужели все, что было в жизни Ноа до послушничества, здесь? Под этим снегом? Но почему? Что с мальчишкой случилось?»

Внезапно черное пятно разбило монотонность ландшафта. Ворон описал круг над головой и бесшумно опустился на кочку повыше. Когти вцепились в опору, смахнув с нее кисею белой пыли. Крупный, ограненный в форме глаза кристалл блеснул, преломляя снежное сияние. Знак Света! Обычно такие украшали шпили и купола храмов. Чародейка вздрогнула. Это и был храм. Точнее, его макушка. Так же, как пологие холмы и бугорки вокруг были, очевидно, крышами погребенного под снегом города. Что же за буря тут разразилась?!

— Никогда не видела результатов чистки? — каркнул ворон, склоняя голову на сторону, будто хотел лучше рассмотреть ее пораженное лицо. — А ведь поработал любитель, стер не все. Халтур-ра! — Птица раздраженно встряхнулась, ероша перья.

— Но почему? — Летиция криво усмехнулась: могла ли она

еще час назад предположить, что будет разговаривать с вороном, да еще находясь в чужой голове?! — Почему его вычистили?

— Он был *аджна,* — крылатый собеседник многозначительно глянул на чародейку сначала одним, а затем другим черным глазом. — Видящий истину.

— Аджна? — переспросила Летиция, переминаясь на месте, чтобы вернуть чувствительность пальцам в обледеневших сапожках. Слово определенно ничего ей не говорило. — Это что-то вроде ясновидящего? Разве все они не шарлатаны?

Ворон издал серию хриплых звуков, похожих на простуженный смех:

— Пойдем! Я покажу тебе, каким он был шарлатаном.

Птица снялась с насеста и тяжело взмыла в воздух. Едва глядя под ноги, Летиция поспешила за странным проводником. Это оказалось ошибкой. На очередном шаге нога чародейки не встретила опоры — выглядевший плотным снег провалился под ногой. Она нелепо взмахнула руками и, не удержавшись, рухнула в ледяную рассыпчатую белизну, мгновенно сомкнувшуюся над головой.

— Помо… — пискнула Летиция, но снег тут же набился в рот и нос, вдавил веки в глазные яблоки, запустил за шиворот холодные пальцы. Чем больше она билась, тем глубже погружалась, тем быстрее теряла оставшийся в легких воздух. Ни разу за весь свой немаленький опыт вторжений она не испытывала такого ужаса. Чародейка была уверена: что-то — загадочный Мастер, ворон или нечто третье — пыталось убить ее.

«Это ловушка! С самого начала… ловушка!»

Она дрыгнула ногами в последний раз, уже слабее, падая в заволакивающую все темноту, и рухнула на что-то мягкое, рыхлое и холодное. Снова снег! Но на этот раз в легкие рванулся долгожданный воздух, а в уши — шум, оглушительный после забившей слух тишины. Непослушной рукой Летиция протерла глаза:

— Свет Милосердный!

То, что творилось вокруг, можно было описать только одним словом — кошмар. Каким-то образом она оказалась в гуще сражения, причем обе стороны без колебаний использовали запрещенное оружие — магию. Файерболы алыми вспышками проносились в клубах дыма, поджигали снег, гасли, оставляя в белизне длинные полосы сажи. Новые огненные сферы освещали стелящийся смог. Синие молнии пронзали тучи — то ли естественные, то ли образованные клубами скопившегося пепла. В пелене мглы двигались гигантские фигуры, которые, видимо, и были источником оглушительного визга и сотрясений. Еще раз

тряхнуло, Летицию сбило с ног и бросило в сугроб, оказавшийся неожиданно жестким. Когда искры в глазах потухли, она приподнялась на руках — и с ужасом обнаружила, что опирается на лошадь с всадником, смерзшихся в один ледяной ком. Остекленевшее глазное яблоко скакуна отразило чародейку — белую как мел, со сбившейся набок копной рыжих кудрей, потерявших кружевную ленту.

С визгом Летиция вскочила на ноги.

— Что происходит?! Что здесь, ясен Свет, происходит?!

Воздух с визгом разошелся над головой, обдав морозными иглами. Где-то далеко за спиной грохнуло, но она устояла на ногах. На этот раз чародейке удалось разглядеть, что убило конного воина. Больше всего это походило на жидкий лед — если такое сравнение было возможно. Гладкая, ртутно поблескивающая смерть, запущенная чем-то или кем-то с огромной скоростью и замораживающая все, встреченное на пути. Снова послышался шум, но уже с другой стороны — или с той же? Летиция совершенно потеряла ориентацию. Внезапно дым разошелся, и мимо нее пробежала, пригибаясь и пытаясь сохранить подобие строя, колонна солдат. Молоденький офицер крикнул, обращаясь к ней:

— Эй, сестренка! Поддержи огнем!

Летиция хотела что-то возразить, но он уже исчез в черных, воняющих гарью клубах. Мгновение — и остальных тоже поглотила мгла. Чародейка всматривалась в нее до боли в глазах, надеясь понять, откуда приходит смерть, что ее посылает и сможет ли дюжина храбрецов справиться с ней. Но все, что она различала, — сиренево-синие вспышки, визг разрываемого воздуха и, кажется, крики. «Огня! Они просили огня! — внезапно опомнилась она. — Но я не могу ничего сделать, когда не видна цель!»

Закусив губу, Летиция бросилась вперед, пригибаясь по примеру солдат. Сапожки, не предназначенные для подобного испытания, скользили, зачерпывали снег, спотыкались… Обо что-то, припорошенное смесью белого и черного, что-то, напоминающее странно вывернутое человеческое тело. Казалось, солдат рухнул с большой высоты или был брошен на землю с небывалой силой и сломался, как деревянная кукла.

Летиция всхлипнула и, качаясь, снова поднялась на ноги. Снег и гарь качались вместе с ней. В ушах стучала кровь, требовательно давя на перепонки: «Ог-ня! Ог-ня!» Она так устала — устала бежать, устала мерзнуть, устала бояться. Издав нечленораздельное рычание, чародейка всплеснула руками, чувствуя растущее между пальцев тепло.

— Ild tag jer! Hver og alle!

Она вложила в удар всю силу, не только от плеча, но из самого центра, из подвздошной области рвущийся клокочущий сгусток. Пламя выстрелило из ладоней широкими струями, растопляя снег, поджигая скрытую под ним почву. За его стеной кто-то закричал со звериной неизбывной мукой, но Летиции было все равно, палила она своих или чужих. Лишь бы все кончилось. Лишь бы она могла вернуться. Но куда? Чародейка смутно помнила путешествие через белую равнину, ворона, падение. А что было до того? Ведь что-то же было, что-то кроме войны и искореженных тел. Только что?!

Земля снова дрогнула под ногами. За опавшими языками пламени и дымом, будто в испуге жавшимся к почерневшему снегу, показался огромный бесформенный силуэт. Длинные ноги, похожие на птичьи, но закованные в стальную броню, быстро несли монстра прямо на Летицию. Его чудовищный вес сотрясал все вокруг. Раскрыв рот, чародейка застыла, не в силах отвести взгляд от зрелища собственной смерти. Страшной была она — скрежещущей, пахнущей неживым, безлицей и безглазой, равнодушной к тому, что она давила своей черной тушей.

Когтистая лапа с хорошее дерево толщиной зарылась в снег рядом с женщиной. Слабо вскрикнув, она осела на ворох заляпанных юбок, беспомощно прикрылась рукой. Сейчас монстр наползет на нее, навалится всей тяжестью бесчувственной утробы. Мгновения шли, но ничего не происходило. Летиция всхлипнула, открыла глаза и рискнула взглянуть в щелку между закрывавшими лицо пальцами.

Темное брюхо монстра нависло прямо над ней между согнутых коленчатых лап. А в брюхе открылась дверь, из которой лился мягкий оранжевый свет. И залитый этим светом, как чудо, как посланник небес, стоял на пороге Мастер Ар и протягивал ей руку:

— Летиция, сюда! Здесь ты будешь в безопасности!

Не раздумывая, чародейка протянула ладонь, и его крепкие длинные пальцы схватили ее.

Гнилостный дух ударил в ноздри, и чародейку чуть не вывернуло прямо на сапоги спасителя — неужели они оказались в кишках чудовища?! Но вокруг был всего лишь монастырский подвал, зреющие на полках сыры и обмякшее тело у ее ног — из уха послушника вилась тонкая красная струйка, пятная ворот подрясника.

— Как вы себя чувствуете, милая? — спросил бархатный голос. Унизанные перстнями пальцы заботливо отвели локон,

упавший ей на лицо.

— Это не было воспоминанием, — прошептала Летиция, все еще чувствуя горький привкус пепла на языке. — Не было прошлым. Вообще *не было.*

Мастер Ар кивнул, понимающе улыбаясь:

— Но оно *будет.* Случится со всеми нами. И это будущее не отменить, не изменить, не предотвратить и не отсрочить. Все, что вы можете, — золото вспыхнуло в устремленных на нее зрачках, — это выбирать. На какой стороне вы хотите оказаться? Под ногами «Молота ведьм»? Или внутри него, управляя им, уничтожая врагов сотнями, тысячами, держа их жизни вот в этой руке? — Мастер поднял ее дрожащую ладошку и медленно сжал пальцы, складывая в кулак.

Летиция вздрогнула всем телом, снова переносясь в ужас мгновения, когда она, беспомощная, лежала в грязи, ожидая своей участи, не в силах и пальцем шевельнуть ради собственного спасения. А ведь оно было так близко и требовало совсем немногого: всего лишь отступиться от тех, кто всю жизнь лгал ей, заставляя играть вслепую, карабкаться на вершину горы, которая на самом деле оказалась болотной кочкой.

— Я с вами, милорд, — тихо, но твердо сказала она. — С вами до конца. Что от меня требуется?

Глаза Мастера сверкнули, будто что-то древнее и нездешнее выглянуло из них, но тут же спряталось в глубине зрачков:

— Всего лишь принять печать.

Бледные руки коснулись ее шеи, заставляя кожу гореть под прохладным прикосновением. Пальцы скользнули по вороту платья к корсажу, умело потянули шнурок. Чародейка никогда раньше не позволяла мужчине так распоряжаться собой, но Ар не был обычным мужчиной, и в его действиях сквозил подтекст, значение которого Летиция безуспешно силилась разгадать. Возбуждение, одновременно чувственное и более глубокое, почти экстатическое, охватило ее. Она стояла, тяжело дыша, с полузакрытыми глазами, которые застилал туман слез, пока незнакомец освобождал ее грудь от корсажа и батистовой сорочки. Наконец она осталась перед ним полуобнаженной. Холодный воздух заставил соски затвердеть.

Мастер сбросил сутану. Распустил шнурок хитона и распахнул одежду на груди — бледной и гладкой, как у юноши. Там, прямо под левым, тоже твердым, но темным, соском сплелись руны, образуя искусно выполненный черный символ: огонь, воздух, земля и вода, замкнутые в кольцо вечности, обрамляли пугающее лицо — глаза без век, зашитый рот с высунутым языком, раздвоенным, как у змеи. Маг подступил

ближе, мускулы на груди шевельнулись, и лицо ожило: зрачки дрогнули и нашли Летицию, змеиный язык жадно заскользил по мраморной коже, ловя новый запах. Чародейка попятилась, но Мастер снова коснулся ее шеи, погладил растрепавшиеся локоны, успокаивая, нежно отклоняя ее голову назад, заставляя смотреть себе в глаза — уже полные расплавленного золота.

Мгновение — и их тела встретились. Пылающая кожа Летиции прижалась к прохладной и гладкой, как мрамор, груди мага, его руки обхватили ее спину, плотнее, еще плотнее — пока правую грудь не ожег сухой лед, пронзая чародейку до мозга костей.

Она пришла в себя на полу. Мастер Ар пристроил обмякшее тело у себя на коленях, подложив одну руку чародейке под голову. В другой он держал здоровенный кусок сыру, который с аппетитом уминал. От вида пористой желтой массы Летицию замутило, она попыталась отвернуть голову. Заметив ее движение, маг улыбнулся:

— Ну как мы себя чувствуем? Мне вот, например, всегда так хочется есть после… — Он протянул чародейке остатки сыра, но та из последних сил замотала головой:

— Спасибо, я в полном порядке.

Летиция неловко завозилась, пытаясь встать и одновременно привести в порядок одежду. Ей удалось подняться на колени, и тут она замерла. Под правым соском жирным пауком уселся тот же символ, что прятался под лиловой сутаной Ара. Чародейка осторожно коснулась печати кончиками пальцев. Их обожгло, будто она на морозе дотронулась до лезвия ножа. В то же время подушечки кольнуло ощущение дремлющей силы — силы, которую она в любой момент могла разбудить и призвать на помощь.

— И которая в любой момент может покарать, — произнес Мастер, будто прочитав ее мысли. Он помог Летиции встать на ноги. — Настала пора доверить тебе тайну Анклава. Доверенная один раз, она не подлежит разглашению. Эта тайна передается только с печатью. Нарушение закона карается смертью. Мгновенно.

Чародейка вздрогнула, но маг уже развернул ее лицом к себе и, глядя в самую глубь навеки меченного существа, начал говорить.

Глава 20
Кровь героев

— Откажись от восстания, — предложил Фламма, глядя прямо в глаза ученику.

Все время, пока Кай рассказывал о планах гладиаторского бунта и подробностях своего сна, фаворит слушал — без вопросов и эмоций. Кай с усилием оторвал взгляд от зрачков, сверлящих его из-под тяжелых век, и уставился на умирающее пламя.

— Боюсь, уже поздно. Все зашло слишком далеко. Если я отступлю, за мной не последует никто. Скорее всего, меня сочтут трусом, предателем и… — Подернувшиеся пеплом угли в жаровне внезапно приняли очертания фигуры раба, скорчившегося под ударами тренировочных мечей.

— Ты хочешь, чтобы о заговоре донес я? — Голос Фламмы звучал настолько буднично, что до ученика не сразу дошел смысл сказанного. Аджакти вскинул голову и впился глазами в круглое добродушное лицо: «Неужели учитель считает меня способным на такую подлость?» В горле клокотали резкие слова, но он заставил себя рассуждать здраво:

— Нет. Если моим друзьям и суждено умереть, я не могу отказать им в чести погибнуть, сражаясь за свободу. Я прошу вас поддержать нас, сетха.

Фаворит перевел взгляд на домик с заложенными окнами. В затянувшемся молчании Кай ждал ответа так напряженно, что почти позабыл дышать. Тишина, казалось, имела вес и становилась все тяжелее и тяжелее — только за садовой стеной скрипели колеса проезжей повозки да лаял пес, выполняя свой долг. Наконец Фламма пошевелился:

— Ты рассказал о своем сне, чтобы облегчить мне выбор? — На ученика фаворит не смотрел. Казалось, все его внимание было сосредоточено на стенах жилища, будто он выискивал трещины, требующие заделки до новых морозов.

— Сетха, я… — начал Кай и запнулся. Учитель снова поставил его слова с ног на голову, придав им значение, которое ученику и в голову не приходило. Или приходило? Ведь знай Фламма, что его семье, его надежному существованию, взращенному в поте лица годами, как раскинувшийся вокруг сад, будет угрожать общая для всего Церрукана опасность, и он вынужден будет действовать, выбирать сторону.

— Ты спрашивал, можно ли изменить будущее? — Фаворит снова повернулся к Аджакти, обычная улыбка пропала с круглого

лица, одутловатая плоть сморщилась и обвисла, так что Фламма внезапно показался стариком. — Будущее — как оюн-куле, игра, которой часто развлекаются мои сорванцы. Вытащишь палочку, что лежит в основании постройки, и все развалится. Похоже, ты — та самая палочка с красной полоской. Может, стоит просто убить тебя прямо сейчас?

Кай сидел не в силах двинуться с места, не в силах выдавить и звука из сжавшегося горла — глаза-маслины под припухшими веками засасывали, лишали воли, будто немигающие змеиные зрачки. «Может, так будет лучше всего?» — закралась в сердце чужая тепленькая мысль. И тут же его сжал страх — не за себя, а за судьбы друзей. Что предпримет Токе, не знающий, кто поддерживает гладиаторов сверху? На какой отчаянный шаг решится Анира, лишенная своего сообщника? Что станется с маленькой чародейкой в городе, развороченном беспорядками, как муравейник барсуком?

С трудом Аджакти моргнул, стряхивая наваждение:

— Если бы вы хотели избавиться от меня, сетха, — пробормотал он непослушными губами, — я был бы уже мертв.

Фламма усмехнулся:

— Хороший ответ. Нет, я не стану уничтожать ключ к свободе. Тем более когда он отпирает дверь не для меня одного.

Фаворит поднялся от забытой жаровни, подошел к выходу из беседки и застыл, уставившись на занесенный снегом сад.

— Что ты знаешь о Мингарской школе, мальчик?

Вопрос застал Кая врасплох. Убивать его, похоже, больше не собирались, но убедись наставник в вопиющем невежестве ученика, и кто знает, как все повернется? Фламма понял колебания Аджакти по-своему:

— Не бойся. Это к югу от Холодных Песков, в землях, где господствуют маги, за одно упоминание школы люди исчезают без следа. Здесь ты можешь говорить свободно — все останется между нами.

Кай поежился — огонь потух, и в беседку заполз зимний холод:

— Мне нечего сказать, сетха. Я впервые услышал о Мингарской школе от Скавра, а господин не склонен рассказывать истории рабам.

Фламма обернулся к нему, круглое лицо пошло тревожными складками:

— Неужели твой прежний учитель не поведал о корнях своего искусства?

Аджакти только покачал головой. Он знал, каким будет следующий вопрос фаворита, и чувствовал себя загнанным в

тупик.

— Кто был твоим наставником? До Церрукана?

«Полуправда — лучшая ложь», — учил Мастер Ар.

— Ментор Рыц.

— Это имя мне незнакомо, — нахмурился Фламма.

— Некоторые называют его Проклятым.

— Проклятый, — еле слышно выдохнул учитель. — Еще один несчастный. Что с ним сталось?

— Он вынужден был уехать, — коротко ответил Кай.

— Поэтому твое обучение осталось незаконченным, — понимающе кивнул Фламма. — Что ж, мы все поменяли имена, скрыли лица масками, но нас находят даже на краю света.

Воин перевел потемневший взгляд в сад, где пара воробьев громогласно дралась за стручок вистерии.

— История Мингарской школы началась задолго до Последних Войн, но я сберегу твое время, ученик. Скажу только, что древнее искусство возродилось в руках тех, кто встал на борьбу с Темными. Это было лучшее, что люди могли противопоставить Хранителям Зеркала. Сначала в нас никто не верил. Но мы застали Темных врасплох, и несколько крупных магов пали, прежде чем противник осознал серьезность угрозы.

Тени прошлого превратили лунообразное лицо учителя в изрезанный каньонами ландшафт, вечная улыбка кривилась прорезью трагической маски.

— Тогда впервые пошли слухи, что воспитанники школы защищены от магии, что чары не могут причинить нам вреда.

Кай вздрогнул, выпучился на Фламму и выпалил, прежде чем сообразил прикусить язык:

— Это правда?

Глаза-маслины скользнули по нему и снова устремились в прошлое:

— Конечно, нет. Но наша техника тренирует сознание, чтобы противостоять вторжению, и ускоряет реакцию тела на опасность. Поэтому адептов Мингара не сломить ментальной атакой, и в бою против магов у нас, единственных из людей, есть шансы подобраться на расстояние удара. Мы сражались плечом к плечу с иллюминатами, наши отряды входили в ударные силы людей и работали в тылу врага. И вот — победа! Всюду нас чествуют как героев, приветствуют у трона, нам доверяют высокие посты и охрану новых границ.

Фламма замолчал, погрузившись в воспоминания. Воробей потемнее выхватил стручок из-под носа своего зазевавшегося собрата и взвился в воздух. Его обиженный товарищ, возмущенно чирикая, бросился следом.

— Шли годы, — глуховатый голос учителя разорвал наступившую тишину. — Баланс власти сместился, маги все больше и больше забирали вожжи в свои руки. Внезапно мы стали опасны. Нами трудно было управлять, источник нашей силы был необъясним, границы ее непредсказуемы. Советники, нашептывающие на ухо королям нового поколения, забывшего войну, превратили нас в монстров, угрожающих их власти. И вот в один день все адепты Мингарской школы были арестованы. Тех, кто сопротивлялся, казнили на месте, но таких оказалось немного. Ведь никто не понимал, что происходит. Все были убеждены, что арест — просто нелепая ошибка.

Кай молчал вместе с наставником, пораженный. Воинов, подобных Фламме, которых не смогли покорить даже Темные, стерло с лица земли предательство! Те, за кого они проливали кровь, искупались в их собственной, крови героев!

— В тот день, когда я лишился своих братьев, я находился здесь, в Церрукане, — голос учителя звучал бесцветно, буднично, будто он говорил не о страшном преступлении, а об обрезке фруктовых деревьев. — Маги не могли последовать за мной сюда и послали воинов. Я заподозрил неладное, ранил одного из солдат и бежал. Несколько лет я скрывался в амирате под чужим именем. Слухи о расправе с мингарцами дошли через пустыню, но я ничего не мог поделать. А потом меня выследили шпионы СОВБЕЗа. На сей раз преследователи были умнее. Меня обвинили в колдовстве.

Аджакти недоверчиво фыркнул:

— Нужно быть слепым, сетха, чтобы поверить, что вы…

— Значит, церруканцы были слепы, — ровно проговорил Фламма, потирая ладонью широкий лоб. — В то время всюду шла охота на ведьм, анонимного доноса хватило, чтобы натравить на меня целый город. На этот раз меня схватили и казнили на Торговой площади.

Кай вспомнил тугую гладкость воды, заполняющую глотку, отнимающую дыхание. Неужели такой была судьба его учителя? Тонуть связанным на глазах сотен зевак?

— Но, сетха, вы же спаслись, — непонимающе пробормотал Аджакти. — Вас помиловали?

— Нет, — круглая голова снова повернулась к белому домику и закрытой кухонной двери. — Я захлебнулся. Но меня спасла Шиобхан.

Внезапно Аджакти понял, в чем коренилась власть этой высокой, но хрупкой женщины над мужем, который при желании мог найти себе супругу помоложе, да и не одну.

— Шио было тогда всего пятнадцать, — продолжал тем

временем Фламма. — Она воспитывалась при храме Дестис и готовилась к посвящению в жрицы. В день казни она помогала дерлемек на площади. Я не знаю, что она сделала, как вернула меня с той стороны. Помню только, что очнулся, выхаркивая воду из легких, чувствуя вкус ее губ на моих губах.

Воин провел по лицу кончиками пальцев там, где когда-то любимая коснулась его поцелуем жизни. Смутившись, Аджакти поспешил отвести взгляд.

— По церруканским законам переживший водную казнь признается невиновным в колдовстве. Я оказался первым, к кому применили эту часть законодательства. Мне повезло: за мной должны были топить еще одного несчастного, так что я провел под водой только десять минут. К несчастью, враги позаботились навесить на меня второе обвинение — в пособничестве Темным. Вместо повешения меня отправили на арену. Тут-то меня и приметил Скавр. Я стал гладиатором, а Шиобхан, отказавшаяся приносить жреческую клятву, — моей женой.

Кай задумался, производя в голове кое-какие расчеты. Вряд ли супруге Фламмы могло быть меньше сорока — сорока пяти, значит…

— С тех пор прошло много лет, сетха, — решился он озвучить свои сомнения. — О Мингарской школе все давно позабыли. Вы свободны. Вольны покинуть Церрукан.

Учитель горько покачал головой:

— Маги позаботились, чтобы о нас забыли *люди.* Свидетели подвигов мингарцев в Последних Войнах лежат в могиле; слова, записанные ими на пергаменте, скормили пламени. Мы стерты из истории. Мы никогда не существовали. Выживших адептов — единицы. Это изгнанники, подобные твоему наставнику, бежавшие на край мира и запертые там. Но волшебники — они знают и помнят! К каждому из нас приставлен персональный страж — беспощадный и неутомимый, никогда не спящий, который только и ждет, когда его подопечный покинет пределы своего убежища.

Аджакти подтянул колени к подбородку, чувствуя, как мурашки бегут вдоль позвоночника — и не только от холода.

— Я встретил своего, когда родился Руслан, мой первенец. Однажды я вошел в комнату на плач младенца. На спинке люльки сидел огромный черный ворон. Птица склонилась над лицом мальчика, разинула хищный клюв и прокаркала:

Выйдешь за стены — умрешь,
Семью свою обречешь.

Когда загорится песок,
Тогда истечет твой срок.

Завоют на улицах серые псы —
Станешь свободным ты.

— Я закричал и прогнал ворона, но ровно через год он вернулся. Я нашел его скачущим вокруг Руслана в саду и каркающим свою жуткую считалку. Казалось бы, чего проще прикончить нахала? Но проклятого тэнгу[30] ничто не брало — ни камни, ни сталь. С тех пор ворон прилетал каждый год, в один и тот же день, с одним и тем же посланием. Шио вышила на занавесках защитные руны, которые узнала когда-то в храме Дестис, но и они не помогли — птица находила дорогу в дом. Только в этом году она не вернулась. Зато в Церрукане появился ты.

Кай съежился под пронзительным взглядом Фламмы — казалось, наставник видит его насквозь. Он чувствовал траурную тень внутри, как червоточину, как позорную болезнь, внезапно проступившую язвами на лице. Он ждал, что воин бросит ему обвинения, каленым железом выжгущие гной его больной души, но их не последовало. Вместо этого фаворит ободряюще улыбнулся:

— Ты дал мне надежду, мальчик. Надежду на то, что моя миссия — передать искусство Мингарской школы ученику — наконец будет выполнена. Я учил тебя так, чтобы ты смог пройти Погребальные игры до конца. По древней церруканской традиции их чемпион получает в награду свободу. Свободный, ты сможешь понести мингарское боевое искусство в мир.

— Мы понесем его вместе, сетха! — воскликнул Аджакти. Доверие наставника жгло больнее обвинений и презрения.

Улыбка Фламмы стала печальной:

— Мое время кончилось, твое — только начинается. Ты просил у меня поддержки. Не рассчитывай, что я поведу кого-то за собой. Но я буду рядом, когда потребуется. Используй мое имя, если хочешь, — только осторожно.

Не веря своим ушам, Кай промямлил неловкие слова благодарности, но наставник тут же прервал его, подняв ладонь:

— Взамен я потребую от тебя только одного. Но тебе придется поклясться, что сдержишь обещание, — поклясться покоем своих снов.

Гладиатор склонил голову в знак уважения:

— Что я должен сделать, сетха?

— Позаботься о моей семье.

Аджакти закусил губу, по-прежнему уткнув взгляд в пол. Он ни разу не упомянул в разговоре с учителем, что видел его смерть. Возможно, у Фламмы были дурные предчувствия?

— Если со мной что-то… — Воин запнулся, прислушиваясь к взрывам детского смеха, доносящимся из отделенной стеной части сада. — Если Церрукану действительно будет грозить опасность… Позаботься о них. Если надо, увези отсюда — в Горнад-Чета или еще дальше. О деньгах не думай — их у меня достаточно, чтобы купить дом и небольшой участок земли на юге. Шиобхан знает, где сбережения. Так ты клянешься?

Сердце в груди Кая билось тяжело, будто волны отбушевавшего шторма о скалы, на которых стоял Замок-Глядящий-на-Океан.

— Клянусь, сетха, — тихо, но отчетливо произнес он, найдя наконец в себе силы поднять на учителя взгляд. — Я скорее сдохну на пороге этого дома, чем позволю кому-нибудь коснуться хоть волоска на голове вашей жены, Ни-ни или Айо.

— Так помни, что ты обещал, — усмехнулся Фламма и снова стал похож на прежнего себя. — А не то я вернусь из подземного мира и придушу тебя во сне.

Эпилог

Сен стояла на верхней площадке чульпы. Ферруш, положив передние лапы на ветхую ограду, всматривался в пустыню за городом вместе с ней. В этом положении ягуар был почти одного роста с девочкой. Тучи, что шли на Церрукан с востока, со стороны далекого моря, гнали перед собой ветер, вцепившийся в кудри волшебницы холодными пальцами. Она с радостью отдала ему на растерзание непокорную шевелюру, так что черные локоны вились над головой, будто пытаясь взлететь и поднять свою хозяйку в небо. Сен раскинула руки по сторонам, и предвестник близкой бури подхватил ее плащ. Полы захлопали за спиной, будто серые крылья.

— Я лечу, Ферруш! — крикнула она, перекрывая свист ветра и шум потревоженного сада внизу. — Я лечу, как птица! — Одним прыжком Сен оказалась на балюстраде. Поймала равновесие, чуть наклонившись вперед, преодолевая давление воздуха; зажала концы плаща в разведенных кулаках.

Большая кошка недовольно заурчала, вцепилась зубами в край шерстяного подола. Тучи несли жестокие холода и снег. Больше всего животному хотелось убраться в тепло и свернуться клубком у очага, но человеческое дитя было еще мало и не знало, что такое опасность. Оно, как и все люди, играло с тем, силы чего не ведало. И кошка осталась, чтобы охранять мерцающую в хрупком бесшерстном тельце жизнь.

Пошел снег. Мелкая белая крупа сыпалась в темные провалы церруканских улиц, покрывая простыней невинности подмерзшие нечистоты и уснувших насмерть попрошаек. Становясь гуще, крупа засыпала сады, скапливаясь мягкими воротниками на ветвях вечнозеленых деревьев.

Воздух потемнел и разбух, словно дрожжевое тесто. Через него было тяжело идти. «Особенно если у тебя один глаз, а в мучной круговерти и так не видно ни зги», — думала Лилия. Новому господину, купившему ее у Скавра, приспичило послать за ней именно в такую непогоду. «Я не споткнусь, ни за что не споткнусь», — шептала она замерзшими губами, как заклинание, но провожатый, огромный и закутанный в плащ с головы до ног, не обращал ни малейшего внимания на старания девушки не отстать, не потеряться в мельтешении жалящих ледяных мух.

Снег летел над пустыней, тая и смерзаясь в острые иглы, которые буря гнала над побелевшим песком, над скелетами не

успевших вовремя убраться в укрытие зверей, над обломками крылатого корабля, не дошедшего на юг, срывая с мачт последние клочки парусов, а с костей — последние обрывки серой шерсти.

Над Гор-над-Чета иглы превращались в мягкие хлопья, которые, играя в догонялки, лепились к окнам домов и лавчонок, флюгерам-журавлям на замковых башнях и виселицам на центральной площади. Здесь ветер изменил направление и погнал тучи на юг — над вершинами Кеви-Кан, над лесами княжества Саракташ.

Снег заматерел и принялся за землю всерьез. Наезженный тракт, ведущий мимо обители Света Милосердного на Гор-над-Чета и лисийскую гавань, превратился в едва различимое углубление среди наметенных пургой сугробов. Пятеро всадников казались смутными черными пятнами, с силой пробивающимися сквозь наступившие среди дня сумерки. Они едва не пропустили развилку дорог — камень-указатель совершенно замело, так что едущий впереди на мохноногой лошади проскочил поворот и оказался в поле, где кобыла тут же провалилась по брюхо.

— Темные возьми тебя, Антуан! — провизжала, перекрывая свист пурги, Летиция. — У нас Селия скаут, а не ты! Какой тролль тебя вперед поволок?!

— Надо было переждать в обители, — проорал в ответ боевик, зло разворачивая лошадь. — Щенка все равно буря прикончит. Куда он денется — один да пешком? А попытайся он магией согреться, так мы это тут же узнаем.

— У нас есть информация о том, куда направляется преступник, — властно произнес укутанный в меховой плащ всадник, гарцевавший рядом с чародейкой, чьи рыжие локоны поседели от снега. — Харрис, приемный отец мальчишки, обещал ему помощь в Гор-над-Чета. Это выяснила на допросе прозорливая госпожа Летиция. Другой свидетель сообщил, что планы щенка, возможно, изменились, и он попытается добраться до моря. Что же лучше — мотаться по кишащим волками и бандитами Хвороста лесам? Или отправиться в Гор-над-Чета и Лис и спокойно поджидать там голубчика, разложив западню?

Жарди сплюнул, успокаивая только что выбравшуюся на дорогу и еще дрожащую от усилий лошадь:

— Будь по-вашему, светлый отец. Но все же — к чему такая спешка?

Летиция и Мастер Ар переглянулись. Они вместе повесили бессознательное тело Ноа в сырном подвале — на его же собственном поясе. Очевидное самоубийство. И все же участие в неминуемом расследовании совершенно не входило в их планы.

— А вот меня больше интересует, почему в Лис отправляемся мы, а не отец экзорцист? — взвизгнула Селия Пейн, перекрывая вой ветра. На самом деле сексота, как и боевиков, занимал вопрос, отчего церковь, обычно не вмешивавшаяся в дела СОВБЕЗа, вдруг начала оказывать такое активное содействие в поимке мага-нелегала. Но Мастер был уверен, что Летиция свяжет из всей этой паутины какую-нибудь красивую и убедительную ложь.

Пока же она рявкнула, прикрывая рот от летящего снега:

— Свой интерес засуньте поглубже себе в задницу — вы оба! Пригодится тепло держать!

Агенты заткнулись и вслед за начальницей подстегнули лошадей, разворачивая их на восточный тракт.

— Будь на связи, — беззвучно велел Мастер своему новому вассалу, чувствуя приятный укол в печати под слоями одежды.

— Повинуюсь, милорд, — пропела в ушах буря голосом Летиции. — По эту сторону смерти и по ту-у…

— …У-у-у! — завизжала метель, раскачивая сосны далеко в лесу, обламывая отяжеленные снегом ветви. Одна из них рухнула прямо перед Найдом, обдав каскадом ледяной крупы. Если бы не глубокий сугроб, в котором парень увяз почти по пояс, он бы уже лежал, отмучившись, со сломанной шеей.

«Может, так оно было бы и лучше», — мелькнуло в мутящемся сознании. Онемевшие, иссеченные метелью щеки почти не ощутили холодного прикосновения. С трудом Найд выдернул себя из рассыпчатой массы и пополз к обвалившейся разлапистой ветви, едва видной через серую мглу. По счастливой случайности, огромный сук прислонило к стволу соседнего дерева так, что образовалось нечто вроде шалаша. Пробелы между хвойными ветвями быстро забивал валящийся, как овечья шерсть из мешка, пушистый снег.

Из последних сил Найд заполз в укрытие и принялся зарывать вход. В «шалаше» потемнело. Парень отломил несколько ветвей, подложил их под себя, улегся сверху и укрылся вытащенным из мешка одеялом. Еще несколько густых ветвей довершили хвойно пахнущий кокон. Теперь дело было за метелью и снегом. Беглец сжался в комок, вслушиваясь в завывания вьюги в ветвях сосен. Тяжелые веки сомкнулись сами собой.

Черный всадник на могучем коне, рассекающем грудью снег, пересек паутину сна и исчез во тьме за его пределами. Последним усилием взмыленный скакун вынес седока на едва различимую полосу проезжего тракта. Единственную цепочку следов,

уходящих на север, давно замело, но зов Мастера указывал неумолимому вассалу путь вернее компаса или карты. Вскоре из мельтешения ледяных бабочек возникла знакомая фигура. Мерин отца Стефано испуганно заржал, учуяв грозного собрата.

— Наконец-то, Рыц! — Из-под капюшона мага выглянула заиндевелая бородка. — Где тебя только носило?

— Давал задание людям Хвороста, херре, — невозмутимо отрапортовал железный воин, поравнявшись с сюзереном. — Не все они ушли с основным отрядом южнее. Уляжется непогода, и мои рекруты примутся за поиски — на лыжах теперь гораздо сподручнее.

— Не позавидую я твоим дезертирам, — загадочно усмехнулся Мастер. — Ладно, поедем, подготовим господина Шейна к приему дорогого гостя.

Мерин всхрапнул, получив шпоры в бока. Воздух взвихрился за двумя всадниками, замешивая густое снежное тесто, в котором слились воедино земля и небо, черное и белое, прошлое и возможное будущее. Где-то далеко, будто оплакивая все это, завыл одинокий волк.

Эсбьерг, 2012 г.

notes

Примечания

1

ОЗ — Объединенная Зеландия, конфедерация независимых княжеств.

2

СОВБЕЗ — Служба Общей Волшебной Безопасности.

З

Певчая — чародейка, использующая магию голоса. Считается стихийным магом, работающим с энергией воздуха.

Мтар — на языке тан «полукровка».

Нег. — сокращение от «негативно».

6

Торд-на-Рок — тюрьма для волшебников.

СС — Секретный Совет, центральный орган власти СОВБЕЗа.

Д.п.в.в. — до последних волшебных войн.

9

Бумажка — на сленге СОВБЕЗовцев *БУМАГ*— Боевая Узкоспециализированная Магическая Атакующая Группа, волшебное соответствие спецназу.

10

Жнец — гладиатор, сражающийся изогнутым мечом-целуритом и имеющий круглый щит с острым режущим краем.

11

Длинный меч, или *Длинный Дик,* — гладиатор, сражающийся прямым длинным мечом и имеющий небольшой прямоугольный щит.

12

Пэл: 1) деревянный столб для упражнений с мечом в гладиаторских школах; 2) ранг гладиаторов. Всего существует пять пэлов, где пятый — высший уровень боевого искусства. Чтобы перейти на новый уровень, гладиатор должен пройти испытание. Успешно его выдержавшие получают отметку — полоску на бровь, выжигаемую каленым железом. По количеству отметок можно определить пэл гладиатора.

13

Мясник — владелец школы гладиаторов.

14

Черепаха — гладиатор тяжелого типа, вооруженный длинным прямым мечом и большим прямоугольным щитом, защищающим весь корпус.

15

Ловец — гладиатор легкого типа, вооруженный сетью и копьем.

16

Мясорубка — групповая схватка на арене, в которой побеждает сторона, уничтожившая всех гладиаторов противника.

17

Димахер — гладиатор, сражающийся двойными мечами.

18

Деревянный Меч — «аджакти» по-церруканski, значение прозвища Кая в Танцующей школе.

Дерлемек — служители Дестис, церруканской богини смерти.

20

Дакини — одна из четырех крупнейших гладиаторских школ Церрукана.

21

Толлик — вельможа, определяющий на играх порядок поединков И состав гладиаторских пар с помощью жеребьевки.

22

Чилан — жрец в религии Черрукана.

23

Комит — генеральский чин в церруканской армии.

24

Сейджин — господин, хозяин по-церруканski.

25

Клепсидра — водяные часы.

26

Буки — букмекер, принимающий ставки на гладиаторских играх.

27

Безносая — одно из имен церруканской богини смерти Дестис.

П.п.в.в. — После Последних Волшебных Войн.

29

ОВР — Отдел Внутренних Расследований.

Тэнгу — ворон-оборотень.